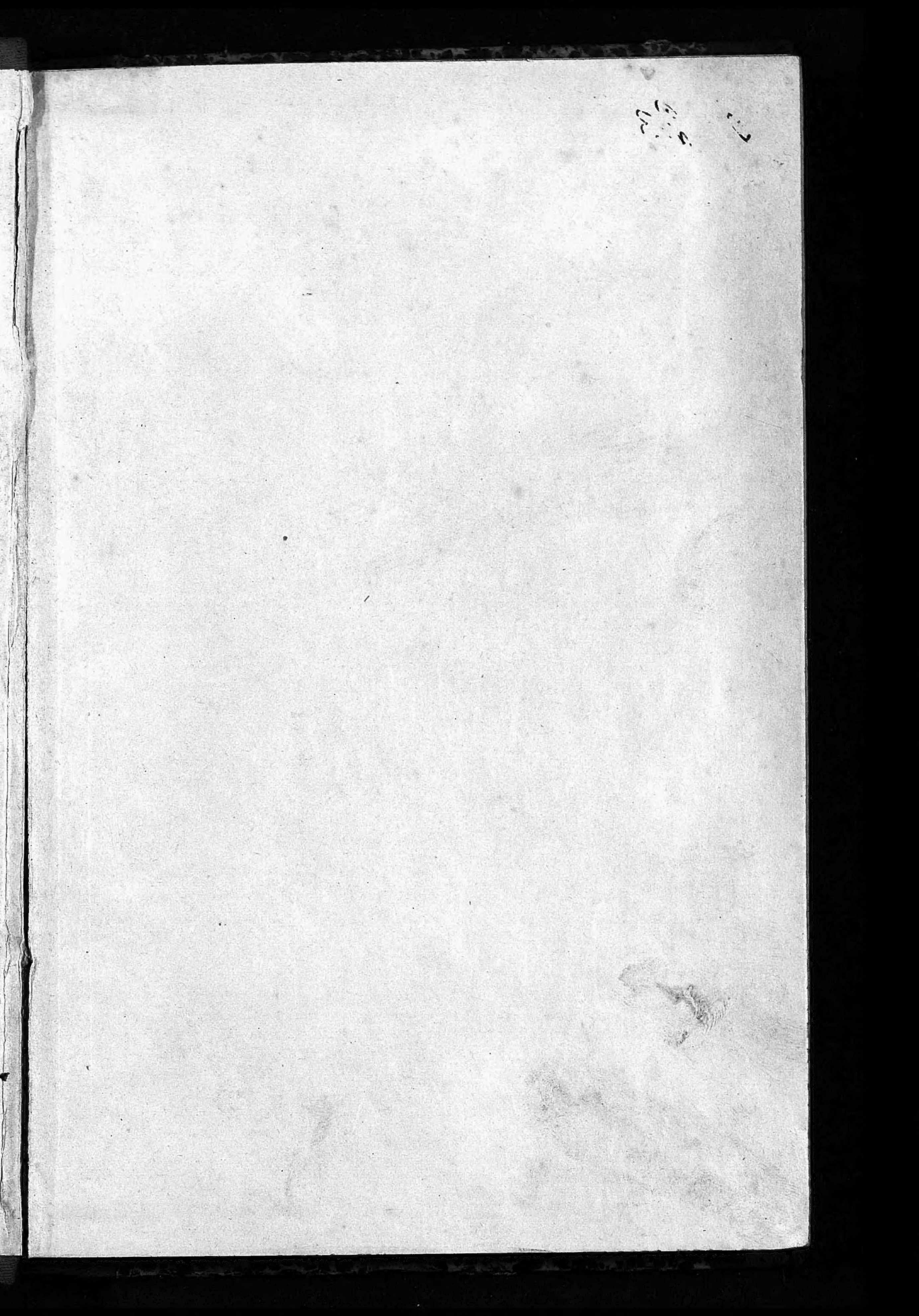
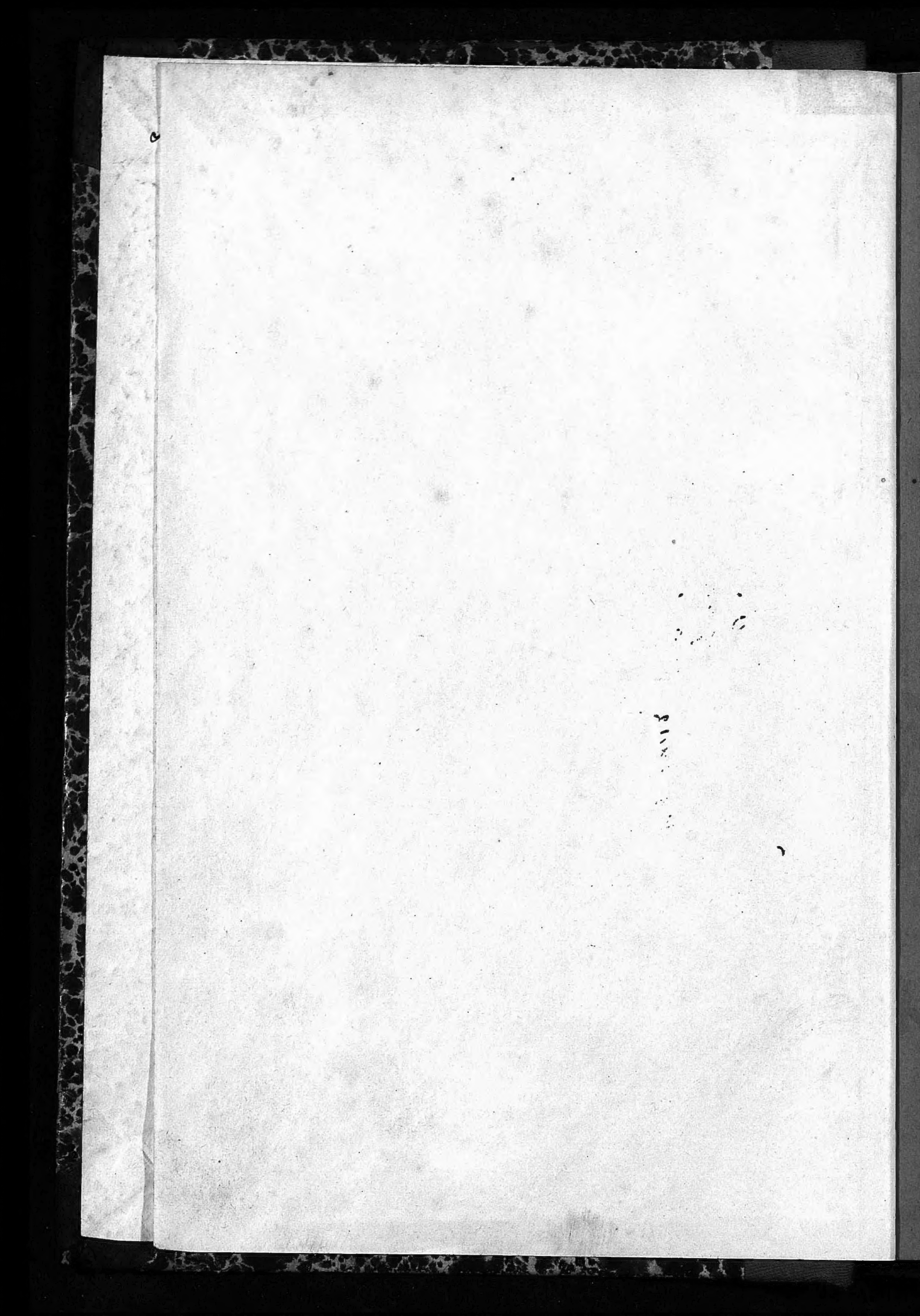
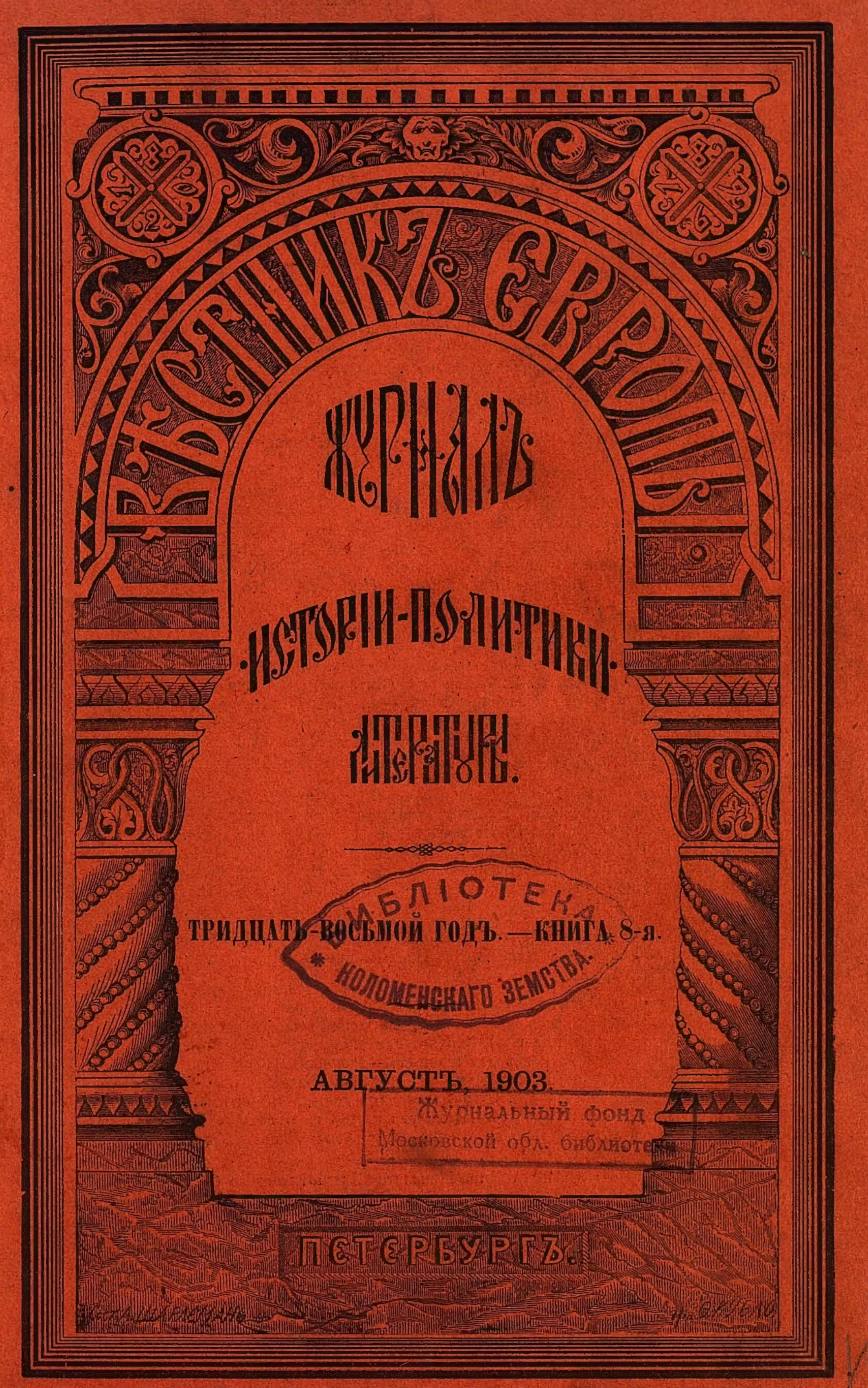

5423.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1903.

ШЕРБЕКСКІЕ ВЫБОРЫ

РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ ФЛАМАНДСКИХЪ НРАВОВЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Отъ автора.

Лѣтъ семь-восемь тому назадъ, мнѣ случилось провести цѣлый годъ въ Бельгіи—и преимущественно въ провинціи. Время моей поѣздки по Фландріи совпало съ парламентскими выборами—крупнымъ событіемъ въ странѣ, и мнѣ представилась возможность въ теченіе всего выборнаго срока близко наблюдать за тѣмъ движеніемъ, которое въ ту пору овладѣло всѣмъ населеніемъ. Особенный интересъ представляло громадное вліяніе, какое оказывали при этомъ клерикалы на окончательные результаты выборовъ, при помощи мѣръ, которыми они обыкновенно достигаютъ своихъ цѣлей. Личныя мои знакомства съ нѣкоторыми изъ дѣятелей и руководителей избирательнаго движенія, послѣдніе выборы собраній и газетные отчеты о нихъ, собранные мною въ то время, послужили главнымъ матеріаломъ для настоящаго разсказа изъ жизни двухъ-трехъ лицъ, судьба которыхъ оказалась тѣсно связанною съ ходомъ самыхъ выборовъ.

I.

Былъ сѣренькій, холодноватый мартовскій день. Промышленный городокъ Нельдекъ, на берегу Шельды въ восточной Фландріи, затихшій на время полуденнаго перерыва работъ, начиналъ оживать. На одной изъ окраинъ, въ верхней комнатѣ маленькаго простонароднаго кафè, комитетъ синдиката рабочихъ спѣшилъ окончить завтракъ и свое экстренное засѣданіе. Докладчикъ— молодой худощавый маляръ въ бѣлой, перепачканной красками блузѣ—говорилъ торопливо:

— ...Поэтому, депутатомъ отъ Шербека выставляется и теперь клерикалъ Странгеръ, креатура графа Ниссена... Противъ него впервые выдвинутъ либеральный депутатъ, Дрозъ... Кромѣ того, въ виду начавшагося движенія, заявляетъ свою кандидатуру соціалистъ, профессоръ въ Гентѣ, Бертранъ... Союзъ гентскихъ рабочихъ проситъ насъ оказать содѣйствіе по поддержкѣ кандидатуры профессора Бертрана.

Онъ закрылъ папку съ бумагами и припалъ тонкими, пересохшими губами къ кружкѣ жиденькаго фландрскаго пива.

— Не вижу, чѣмъ мы можемъ быть полезны тутъ... —отозвался одинъ изъ членовъ комитета—ткачъ, съ сѣдою длинною бородой.—Брюссельскій рабочій союзъ... вся бельгійская рабочая партія, въ томъ числѣ и самъ Гентъ, справедливо отвергаютъ всякое искусственное насажденіе соціализма, всякое навязываніе его... Наши средства пропаганды—печать и распространяющаяся своимъ естественнымъ путемъ кооперація... Въ клерикальномъ Шербекѣ нѣтъ ни соціалистической печати, ни коопераціи...

— Быть можетъ, есть мѣстная организація рабочихъ,—вставилъ предсѣдатель, пожилой наборщикъ въ очкахъ. — Она послужитъ намъ связью...

— Тогда, разумѣется...

— И еще на одно обращу вниманіе,—продолжалъ предсѣдатель:—въ Нельдекѣ добрая сотня рабочихъ изъ Шербека. При желаніи съ ихъ стороны, мы могли бы руководить...

— Въ такомъ случаѣ, комитету остается начать дѣйствія.

— Я того же мнѣнія, — сказалъ предсѣдатель, вставая.— Обсудимъ планъ сегодня вечеромъ.

Они вышли, торопясь каждый къ своему дѣлу. Тусклое небо хмурилось непривѣтливо. Поднимавшійся вѣтеръ проносился со свистомъ по черепичнымъ крышамъ невысокихъ домовъ и вздымалъ на нихъ тучки снѣжной пыли. Улица кишѣла толпами ра-

бочаго люда. Тамъ и сямъ, изъ подваловъ и чердаковъ, вырывались крики дѣтей, брошенныхъ работницами-матерями на руки сосѣдей или родныхъ. Въ темныхъ, грязныхъ кабачкахъ, за немытыми окнами которыхъ виднѣлись рукописныя объявленія: „Здѣсь даютъ ѣсть“, шумно заканчивали свой отдыхъ странствующіе рабочіе-поденщики...

Прошло нѣсколько минутъ, и окраина затихла, опустѣла; толпы исчезли, поглощенныя фабричными корпусами, господствовавшими надъ окрестностью точно могущественные феодальные замки былыхъ временъ...

II.

Мѣстечко Шербекъ было въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Нельдека. Оно раскидывалось въ обширной болотистой равнинѣ, окруженной темными зубцами лѣсовъ и составлявшей большею частью родовыя владѣнія графа Бенуа Ниссенъ-Вандернеэръ. Въ сухое, хорошее лѣто, покрытая сочною, цвѣтистою зеленью, изрѣзанная свѣтлыми, говорливыми ручейками и наполненная крѣпкимъ смолистымъ ароматомъ окружныхъ лѣсовъ, шербекская равнина смотрѣла весело и пріятно. Въ ненастное время или осенью она печально куталась въ непроглядный туманъ, превращалась мѣстами въ топкое болото. Зима укрывала ее наглухо снѣгами, погружала въ непробудный сонъ и баюкала однообразнымъ, тоскливымъ гуломъ вьюгъ и метелей, свободно гулявшихъ на просторѣ...

Само мѣстечко, ультра-клерикальное даже и въ клерикальной Фландріи, обойденное паутиною бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ, процвѣтало вдали отъ всякихъ треволненій, испытывая на себѣ вліяніе лишь двухъ неизбѣжныхъ факторовъ: смерти да налоговъ... Полупромышленное, полуземледѣльческое, оно имѣло аристократіей—фабрикантовъ и торговцевъ, занимавшихъ центръ и окружавшихъ своими слѣпленными изъ булыжника домами древнюю, реставрированную заново башню, казарменное зданіе ратуши и псевдо-готическую церковь св. Маріи, съ пристроенною къ ней сбоку длинною, неуклюжею пресвитеріей. „Plebs“ составляли обитатели двухъ слободъ, располагавшихся по концамъ центра. Одну изъ нихъ населяли арендаторы хижинъ графа Ниссена, носившіе громкое названіе фермеровъ. Ихъ чистенькіе на видъ домики, всегда свѣже-выбѣленные снаружи и съ кустиками яркихъ цвѣтковъ за многогранными старинными переплe-

тами оконъ, походили одинъ на другой, какъ двѣ капли воды, и тѣснились на плоской луговинѣ правильными коротенькими рядами, точно игрушки на магазинной выставкѣ. Обитателями другой были обыватели-собственники, владѣвшіе, смотря по капиталу, аршинными или саженными клочками земли... Ихъ жилища разбрасывались безпорядочными кучками, составляли смѣсь затѣйливыхъ городскихъ построекъ и самыхъ жалкихъ деревенскихъ лачугъ.

Центръ велъ замкнутую буржуазную жизнь и смотрѣлъ на plebs свысока, какъ подобаетъ аристократіи... Это, впрочемъ, не мѣшало ему вербовать въ слободахъ надобившіяся въ промышленности и торговлѣ дешевыя руки и практиковать въ добавленіе къ господствовавшей отечественной „truck-system“ еще принятую англійскую „sweating system“...

Что до степени умственнаго и моральнаго процвѣтанія, то она, благодаря неусыпнымъ стараніямъ клерикальнаго начальства, была въ Шербекѣ наивысшая, какъ свидѣтельствовали ежегодные рапорты бургомистра губернатору провинціи. Диссонансомъ являлись лишь не сходившіе со статистическихъ столбцовъ шестьдесятъ процентовъ неграмотныхъ да неодолимая страсть къ можжевеловой водкѣ даже среди женщинъ и дѣтей...

Періодически — разъ въ четыре года, по случаю выборовъ мѣстнаго депутата въ палату представителей, — Шербекъ приходилъ въ тревогу. Но и эта тревога была особенная, чисто шербекская, имѣвшая свой неизмѣнный, стереотипно повторявшійся ритуалъ... Въ извѣстный день, изъ графскаго замка, отдѣленнаго отъ мѣстечка вѣковыми аллеями и паркомъ, показывалась одѣтая по праздничному домоправительница—дородная, съ медлительною поступью вдовица mère Joséphine (или mère Phine, какъ звали ее заочно ради краткости и созвучія съ „fine“ — хитрая, коварная) и направлялась въ пресвитерію, гдѣ жилъ кюрэ, père Гіацинтъ — семидесятилѣтній старецъ, съ пухлымъ, всегда гладко-выбритымъ лицомъ и нѣсколькими уцѣлѣвшими желтыми клыками во рту. Стоявшій въ самомъ курсѣ дѣла и ожидавшій этого визита, о. Гіацинтъ встрѣчалъ гостью въ залѣ, одѣтый въ шолковую сутану и имѣя на столикѣ бутылку старой мадеры. Mère Жозефина вступала торжественно и важно, какъ требовали обстоятельства. Удостовѣрившись, что „господинъ кюрэ, благодаря милости божіей, находится въ добромъ здоровьѣ“, она присаживалась къ столику и выпивала съ хозяиномъ рюмку мадеры. Затѣмъ, утеревъ свои толстыя, красныя губы кружевнымъ платкомъ—настоящимъ, чуднымъ valenciennes, производствомъ кото-

раго отличается восточная Фландрія, а въ ней — городъ Гентъ, и расправивъ такой же кружевной бантъ подъ двойнымъ подбородкомъ (кружева доставались ей чуть не задаромъ — черезъ монахинь, завѣдывающихъ школами кружевницъ), она начинала разговоръ, сообщая обычное, стереотипное, что графъ Бенуа Ниссенъ провелъ сезонъ въ Спа, а потомъ въ Остенде, и собирается теперь въ Парижъ; что сынъ его, графъ Эрнестъ, служитъ успѣшно въ гвардіи, а дочь Матильда очень счастлива съ своимъ мужемъ, шталмейстеромъ Ванъ-Ротенъ, который навѣрное будетъ скоро министромъ; что по случаю выборовъ графъ Бенуа хотѣлъ-было пріѣхать изъ Брюсселя въ Шербекъ, но надѣется, что и безъ него сдѣлается все какъ должно, на пользу отечества и во славу королю... О. Гіацинтъ, не забывавшій наполнять рюмки, шевелилъ мясистымъ языкомъ, выставляя и пряча шатавшіеся клыки, и повторялъ въ отвѣтъ также обычное, стереотипное, что съ помощью божіей все должно устроиться на пользу отечества и во славу королю...

Въ то же время, къ желтенькому двухъ-этажному дому около реставрированной башни, въ которомъ помѣщалась контора нотаріуса Демоля, вѣдавшаго дѣла графа, стекались изъ слободъ вызванные повѣстками фермеры и собственники—первые потому, что срокъ арендныхъ контрактовъ подгонялся неизмѣнно къ началу выборовъ; вторые — какъ должники, у которыхъ, кромѣ вексельныхъ долговъ нотаріусу по пяти процентовъ въ мѣсяцъ, сидѣлъ еще, какъ говорятъ бельгійцы, „добрый человѣчекъ на крышѣ“ (un petit bonhomme sur le toit), въ видѣ неоплатной, разорительной ипотеки... Всѣ они, съ вытянутыми прилично случаю лицами, проходили въ низенькую, тѣсную канцелярію конторы, пропахнувшую дешевымъ бельгійскимъ табакомъ „ричмондъ“ и увѣшанную по стѣнамъ рядами пыльныхъ, засиженныхъ мухами, какихъ-то кабалистическихъ рукописныхъ таблицъ. Тамъ ихъ опрашивалъ и выравнивалъ, какъ въ строю, обдерганный, красноносый и хромоногій клеркъ Жакъ, имѣвшій за однимъ ухомъ перо, а за другимъ—самодѣльную папироску. Затѣмъ выходилъ самъ Демоль (тщеславно отдѣлявшій при подписи частицу „де“, въ доказательство своего небывалаго дворянскаго происхожденія)—бритый, плѣшивый человѣчекъ съ лисьимъ лицомъ и въ золотыхъ очкахъ съ толстыми стеклами. Топорщась и свирѣпо устремляя очки на предстоящихъ, онъ начиналъ декламировать стереотипную роль, изъ которой явствовало, что земли необычайно вздорожали, и потому графъ Бенуа Ниссенъ вѣроятно вынужденъ будетъ повысить арендную плату на фермы... что

отливъ свободныхъ капиталовъ не позволяетъ думать ни объ ипотечныхъ льготахъ, ни объ отстрочкахъ по векселямъ... что „всякіе новаторы“ стремятся мѣшать правильному ходу государственныхъ дѣлъ, а потому происходитъ застой даже въ коммерціи... Потомъ, помедливъ нѣсколько, чтобы дать время прочувствовать сказанное, Демоль поднималъ знаменательно вверхъ костлявый указательный палецъ и заключалъ: „Все зависитъ отъ хода политическихъ дѣлъ, а ближайшимъ образомъ—отъ результата выборовъ“!.. Предстоящіе мотали все это себѣ на усъ и понимали, что „ходъ политическихъ дѣлъ“ слѣдуетъ направить такъ, чтобы голоса отъ слободъ получилъ выставлявшійся аристократіей Шербека неизмѣнный клерикальный депутатъ Странгеръ...

Послѣ этого, въ первое же воскресенье, о. Гіацинтъ,—обыкновенно сваливавшій все хлопотливое на своего толстощекаго румянаго викарія Филибера, предоставлявшій ему вставать на зарѣ, чтобы служить первую обѣдню для черни (вторая, для аристократіи, отправлялась имъ лично въ десять часовъ утра),—давалъ себѣ трудъ выбриться еще при свѣчахъ и быть съ зарею въ церкви. Тамъ, по окончаніи службы, онъ поднимался по скрипучей лѣсенкѣ въ обтянутую лиловымъ, давно выцвѣтшимъ бархатомъ каѳедру и усиленно шевелилъ оттуда къ народу своимъ мясистымъ языкомъ, дѣлая, сообразно со стилемъ Писанія, трансформацію рѣчи нотаріуса Демоля.

Этимъ исчерпывалась вся, такъ сложная и шумная въ другихъ мѣстахъ, campagne électorale. Самые выборы исполнялись уже какъ простая формальность. Даже типографія издававшейся въ Нельдекѣ клерикальной газетки „Bien public“ набирала обыкновенно еще за нѣсколько дней и отчетъ о происходившемъ на выборахъ, и извѣщеніе, что „вѣрные своимъ похвальнымъ традиціямъ обитатели Шербека высказались и на этотъ разъ огромнымъ большинствомъ за достоуважаемаго депутата Странгера“.

Такимъ порядкомъ готовы были произойти выборы и теперь, но вдругъ все рушилось... Изъ Брюсселя пріѣхалъ извѣстный парламентскій ораторъ-либералъ и далъ въ залѣ ратуши конференцію. Онъ говорилъ долго и краснорѣчиво, на понятную аристократической публикѣ тему, „о причинахъ земледѣльческаго кризиса въ связи съ иностранною конкурренціей“, но закончилъ совершенно неожиданнымъ выводомъ,—что „клерикальная партія утратила всякій raison d'être“ и что голоса на предстоящихъ выборахъ слѣдуетъ подавать „не за отупѣвшаго Странгера, а

за либеральнаго кандидата—шербекскаго пивовара Дроза"... Поднятую этимъ сумятицу усилила новость, что не ужившійся въ Шербекѣ и ставшій профессоромъ въ Гентѣ сынъ бывшаго шербекскаго бургомистра, Эмиль Бертранъ, выступаетъ кандидатомъ отъ соціалистовъ... Затѣмъ, въ разрѣшеніе наступившаго всеобщаго недоумѣнія, получилась вѣсть, что „дѣлать выборы" прибудетъ самъ графъ Бенуа Ниссенъ.

III.

Однимъ вечеромъ, сквозь узорные прорѣзы ставень крошечнаго домика—въ самомъ концѣ фермерской слободы,—въ которомъ помѣщался викарій Филиберъ, мерцалъ огонекъ позднѣе обыкновеннаго.

Хозяинъ—типичный фламандецъ, съ широкою костью и круглымъ лицомъ—сидѣлъ сбоку чугуннаго приставного каминчика, едва теплаго отъ нѣсколькихъ горстей тлѣвшаго кокса. Онъ старался быть спокойнымъ, но полныя бритыя щеки его пылали, а огромная костистая рука то-и-дѣло гладила коротко-остриженную круглую голову,—что бывало съ нимъ лишь въ минуты серьезнаго замѣшательства.

Противъ него, въ концѣ столика съ бутылкою бѣлаго фландрскаго пива, пожимался на плетеномъ стульчикѣ гость — человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ длиннымъ носомъ и овальнымъ лицомъ валлона, одѣтый въ дешевенькую пиджачную пару. Грубыя руки съ искривленными ногтями свидѣтельствовали о принадлежности его къ классу мастеровыхъ, а въѣвшаяся въ нихъ чернота, замѣчавшаяся и на лицѣ, опушенномъ жиденькою бѣлесоватою бородкой, поясняла, что онъ—слесарь.

— ...Очень лестно мнѣ... Благодарю васъ! Только... вамъ слѣдуетъ обратиться къ самому m-r кюрэ...—говорилъ викарій, продолжая бесѣду.—Я такъ думаю, m-r Пикаръ...

И онъ чокнулся съ гостемъ стаканомъ пива.

— Если бы дѣло касалось какой-нибудь оффиціальности, то мы, разумѣется, не миновали бы m-r кюрэ... — отвѣтилъ Пикаръ. — Но характеръ обращенія нашего совершенно частный. При томъ, мы нуждаемся въ дѣйствительной, дѣятельной помощи, а всѣмъ извѣстно, что о. Гіацинтъ находится, такъ сказать, на покоѣ... что всякія сношенія съ прихожанами лежатъ на васъ... слѣдовательно, и вліять на общественное мнѣніе можете скорѣе вы, чѣмъ онъ... Ко всему этому, о. Гіацинтъ выросъ и соста-

рѣлся въ своихъ взглядахъ... правильнѣе—въ отсутствіи всякихъ взглядовъ... Вы же—человѣкъ новаго поколѣнія, не отдѣленный такъ безнадежно отъ дѣйствительности и могущій видѣть ее въ истинномъ свѣтѣ...

— Съ клерикальной точки зрѣнія,—вставилъ викарій.

— Почему не съ болѣе широкой... не съ нашей?

— Я... не соціалистъ...

— Этого и не надо... Доктрины могутъ быть разными, а общая цѣль—одной... Сочувствующіе намъ священники, о которыхъ я говорилъ вамъ,—тоже не соціалисты, какъ и тотъ, отъ котораго передалъ я письмо вамъ.

Письмо это, отъ молодого кюрэ въ Нельдекѣ, лишь мелькомъ просмотрѣнное викаріемъ, лежало на столикѣ. Филиберъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая справиться съ текстомъ, но подумалъ и сказалъ:

— Мнѣ препятствуетъ мое положеніе...

— То-есть?

— Я—подчиненный викарій...

— Но служебная подчиненность не исключаетъ возможности сочувствовать тѣмъ или инымъ, совершенно законнымъ политическимъ взглядамъ...

— Въ данномъ случаѣ требуется *активное* содѣйствіе — подчеркнулъ викарій.

— Оно оправдывается другою активностью — острымъ противодѣйствіемъ со стороны самого духовенства... Было бы, разумѣется, лучше, если бы духовенство вообще... устранило себя отъ политики, чего и добиваются наши депутаты въ парламентѣ... Но разъ вмѣшательство существуетъ, то оказывать содѣйствіе той или другой партіи — дѣло уже личнаго взгляда, мнѣ кажется...

Филиберъ опустилъ глаза, покачивая положенною одна на другую ногой и поглаживая широкою ладонью свои черные жесткіе волосы, торчавшіе какъ иглы у ежа.

— Да... Но въ жизни многое приходится брать такъ, какъ оно есть...—заговорилъ онъ, спустя минуту.—Лично я желалъ бы или не мѣшаться въ политику, или имѣть въ ней свои собственные взгляды... А обстоятельства... обязываютъ къ иному...

— Существуетъ два выхода: покоряться обстоятельствамъ или покорять ихъ себѣ...—промолвилъ Пикаръ.—Выборъ зависитъ отъ насъ...

— А его указываютъ тѣ же обстоятельства... Поддерживать

кандидатуру—не всегда значитъ: быть на серьезной почвѣ, имѣть прочныя отношенія съ тѣмъ, кому сочувствуешь...

— Профессоръ Бертранъ—человѣкъ серьезный, и его кандидатура—не политическій авантюризмъ...—отвѣтилъ Пикаръ.

Наступило молчаніе. Слышно было только, какъ урчитъ мѣрно и глухо въ начавшемъ уже округляться животѣ викарія.

Пикаръ всталъ.

— Вы не хотите помочь намъ?—проговорилъ онъ.

— Выборы не сейчасъ... — отвѣтилъ уклончиво викарій, приподнимаясь и устремивъ, по привычкѣ, въ сторону свои круглые черные глаза.—Мы еще увидимся, я полагаю?

— Мнѣ придется не разъ побывать въ Шербекѣ...

— Значитъ, и потолковать успѣемъ!

Въ комнатѣ было холодно и сыро, каминъ почти угасъ. Привыкшій къ движенію, Пикаръ чувствовалъ себя совсѣмъ застывшимъ, и ему хотѣлось пройтись скорѣе, размяться. Онъ натянулъ на себя коротенькое, шерстью вверхъ, козье пальто, взялъ кошачью, выкрашенную подъ бобрикъ шапку.

— Все останется между нами, разумѣется?—сказалъ онъ.

— Что это? Заговоръ? — шутливо, но съ замѣтною чопорностью отвѣтилъ викарій.—Мой санъ запрещаетъ мнѣ!

Чуть примѣтная улыбка скользнула по тонкимъ, плотно сжатымъ губамъ Пикара. Онъ молча пожалъ руку хозяину и вышелъ.

Дувшій западный вѣтеръ накинулся на него со всѣхъ сторонъ, кружась и не давая ходу, облѣпилъ снѣжными хлопьями. Вмѣсто дороги были непролазные, свѣже-наметанные сугробы. Выдѣлявшіеся въ снѣжной мглѣ темными кучками, фермерскіе домики мерцали кое-гдѣ красноватыми огоньками въ крошечныхъ окнахъ. „Бѣда съ этими вышколенными недовѣрчивыми духовными!“—думалъ Пикаръ, запустивъ руки глубоко въ карманы своего козьяго пальто и прижимая локти плотнѣе къ тѣлу. „Всегда у нихъ недомолвки во всемъ... какая-то осторожность безпричинная... Санъ не велитъ ему въ заговоръ вступать... Какой тутъ заговоръ!.. И кто дѣлаетъ заговоры, коварствуетъ, строитъ козни всякія, какъ не клерикалы!..“ Онъ прибавилъ шагу, торопясь въ слободу собственниковъ—или „эйндеке“, какъ называли ихъ обыкновенно. Слобода была рубежемъ, за которымъ начиналось некультурное болотистое пространство, поросшее ольховымъ кустарникомъ, и потому ее прозвали „Eindeke“ (нѣм. Ende) — „конецъ“, „предѣлъ“, по - фламандски.

Отсюда и за жителями установилось нарицательное *эйндеке*—конечники.

Въ слободѣ все уже спало, когда добрался туда Пикаръ; только два окна маленькаго эстаминэ свѣтились ярко на темномъ фонѣ. Пикаръ вошелъ туда. Нѣсколько человѣкъ запоздавшихъ посѣтителей—крестьянъ въ традиціонныхъ синихъ блузахъ и черныхъ шолковыхъ картузахъ—грѣлись близь желѣзной печи, дымя трубками и доканчивая стаканы пива. У стойки шумѣла компанія подгулявшихъ мужчинъ и женщинъ, каждый съ своею „капелькой"—рюмкой можжевеловой водки въ рукѣ. Пикаръ тоже потребовалъ „капельку".

— Эдмондъ здѣсь?—освѣдомился онъ у хозяина.

— Ждетъ!..—отвѣтилъ тотъ съ удареніемъ.

Пикаръ допилъ поспѣшно рюмку и скрылся въ боковую дверку, за которою кривая, узенькая лѣсенка вела на верхъ—въ помѣщеніе хозяина.

IV.

Проводивъ гостя и заперевъ за нимъ дверь на задвижку, викарій Филиберъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, поводя широкими плечами и потирая зябнувшія руки. Было уже довольно поздно. Его томилъ голодъ, возбужденный пивомъ. Онъ отыскалъ въ шкафу принесенныя являвшеюся по утрамъ поденщицей печеныя яйца, блюдо трески съ картофелемъ и откупорилъ бутылку пива. За недостаткомъ средствъ на вино, онъ довольствовался дурнымъ, жиденькимъ пивомъ, изготовляемымъ синдикатомъ бельгійскихъ пивоваровъ спеціально для народа и только пучившимъ животъ. Придвинувъ столикъ къ самой рѣшеткѣ камина, онъ сталъ ѣсть быстро и алчно, проглатывая въ перерывахъ залпомъ стаканы пива. Поѣвъ, онъ почувствовалъ отяжелѣніе, но не отправился спать, а продолжалъ сидѣть, откинувшись въ креслѣ и уставивъ глаза на тянувшуюся отъ лампочки свѣтлую полоску на выбѣленной стѣнѣ.

Сынъ огородника въ окрестностяхъ Гента, Филиберъ Бюжо былъ пристроенъ стараніями богомольной матери въ одинъ изъ безчисленныхъ въ Бельгіи монашескихъ пансіоновъ. Одаренный не столько способностями, сколько памятью и рѣдкимъ въ дѣтяхъ автоматическимъ послушаніемъ, Филиберъ успѣшно преодолѣлъ курсъ наукъ и даже удостоился принятія въ семинарію. Очутившись затѣмъ на собственныхъ ногахъ, викаріемъ въ за-

холустномъ Шербекѣ, онъ впервые бросилъ взглядъ на будущее и впервые почувствовалъ внутреннюю неудовлетворенность... Себялюбивый о. Гіацинтъ съ перваго же свиданія поставилъ викарія въ строгую, холодную подчиненность, заставившую закопаться въ себя; втолкованная семинаріей увѣренность, что пастырь въ глазахъ народа есть „homme de l'esprit", учитель, авторитетъ, рушилась предъ не замедлившей обнаружиться истиной—что даже въ ультра-клерикальномъ Шербекѣ служители церкви чтутся такъ же по рангамъ, какъ и чиновники, что почетъ—не для безвластнаго викарія; что народъ вѣритъ во что-то непонятное, тяготится всякою данью церкви, а буржуазія или индифферентна, или испытываетъ не *страхъ* божій, а *испугъ*, ищетъ *купить* у церкви что надо, ради этикета и корысти...

По своей покладистой натурѣ, Филиберъ не прочь былъ искать утѣшенія въ мистицизмѣ, отдаться наивному углубленію въ непостижимое, но судьба отказывала и въ этомъ... Школьная клерикальная рутина насадила не вѣру, а извѣстный порядокъ мыслей и положеній, облеченныхъ въ броню непререкаемости и неподлежавшихъ пересмотру; вмѣсто нравственности была воспитана такая же непререкаемая дисциплина, обязывавшая выполнять предначертанное, повиноваться слѣпо „долгу", не дерзая проникать святотатственно въ смыслъ его... Не на этой „каменистой почвѣ", выровненной и утрамбованной, могли укрѣпиться всходы наивнаго вѣрованія,—да ихъ, оказывалось, не подразумѣвалъ и клерикальный строй: первая же, навѣянная такимъ состояніемъ духа, проповѣдь вызвала строгое замѣчаніе о. Гіацинта, что викарій говоритъ слишкомъ много о *вѣрѣ* и совсѣмъ недостаточно о *церкви*...

Въ перспективѣ оставалось одно—отдаленная надежда на личное благополучіе, на служебное преуспѣяніе... Филиберъ отдался этой надеждѣ. Онъ затворился въ своей сырой, холодной лачужкѣ, милостиво отведенной ему нотаріусомъ Демолемъ въ графскихъ владѣніяхъ, сталъ терпѣливо угождать себялюбію о. Гіацинта, сносить высокомѣріе „знатныхъ" прихожанъ, погружаясь медленно и незамѣтно въ спасительную апатію...

Неожиданный визитъ Пикара, назначеннаго нельдекскимъ комитетомъ рабочихъ въ организаторы по поддержкѣ кандидатуры профессора Бертрана, пробудилъ и встревожилъ Филибера. Предложеніе стать въ избирательной борьбѣ на сторону партіи рабочихъ казалось заманчивымъ и пугало его. Доставленное Пикаромъ письмо было отъ о. Франка—христіанскаго демократа.

Филиберъ развернулъ письмо и вдумчиво углубился въ него.

О. Франкъ—пространно и съ видимымъ намѣреніемъ помочь собрату разобраться въ самомъ вопросѣ—излагалъ на нѣсколькихъ листкахъ, характернымъ „бисернымъ“ почеркомъ, мотивированный совѣтъ оказать содѣйствіе Пикару. „...Соціализмъ бельгійскихъ рабочихъ клерикаленъ, и этого нельзя упускать изъ виду,—стояло между прочимъ въ письмѣ.—Онъ не объявляетъ войны церкви, занятъ лишь умственными и матеріальными интересами рабочаго, а религіозное и философское оставляетъ теологамъ и ученымъ. Рабочая партія—ни въ программѣ, ни на конгрессахъ своихъ—не нападаетъ на религію и всегда протестуетъ противъ всякихъ неблагопріятныхъ духовенству демонстрацій. Противодѣйствуя движенію, церковь не остановитъ его, а лишь создастъ пропасть между соціализмомъ и собою, какъ это и замѣчается уже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ синонимомъ клерикала становится „exploiteur du peuple“... Мы переживаемъ трудное время. Отстаивая прежнюю, обветшавшую программу, клерикализмъ самъ убиваетъ себя. Необходимо сознать это, необходимо занять тотъ случайный интервалъ, который естественно образовался въ рядахъ соціалистовъ при разрывѣ съ прошлымъ, и стать въ немъ какъ часть цѣлаго. Надо, чтобы фактическое невмѣшательство соціализма въ религіозныя убѣжденія его приверженцевъ стало закономъ, чтобъ евангельская картина, нашедшая себѣ мѣсто на стѣнахъ брюссельскаго народнаго дома, укрѣпилась тамъ навсегда. Пора понять, что фанатизмъ, нетерпимость только озлобляютъ мыслящихъ противниковъ и отстраняютъ церковь даже тамъ, гдѣ при единеніи участіе ея было бы желательно для нихъ самихъ. Мы опирались на массу, и чувствовали себя устойчивыми потому, что она была неподвижна. Но прогрессъ расшаталъ, двинулъ массу, а опираться на движущееся и не двигаться самому—абсурдъ“.

Въ общихъ чертахъ это новое направленіе духовенства, стоящее за сближеніе съ жизнью, за приспособленіе къ современному научному знанію, было знакомо Филиберу. Одно время—смутно и несмѣло, сквозь обаяніе все проникавшей дисциплины—онъ даже соблазнялся вспыхивавшими успѣхами новизны—видѣлъ героя въ одномъ брюссельскомъ кюрэ, сложившемъ съ себя торжественно, послѣ проповѣди, духовный санъ, ставшемъ въ ряды соціалистовъ... читалъ и перечитывалъ печатавшіяся парламентскія рѣчи христіанско-демократическаго депутата—кюрэ въ сосѣднемъ округѣ... Слѣдовать первому примѣру Филиберъ не имѣлъ ни намѣренія, ни мужества... Иное дѣло—быть христіанскимъ демократомъ... стать замѣтнымъ, не порывая связи съ іерархіей...

попасть въ депутаты... Такой успѣхъ проблематиченъ, разумѣется, но все-же возможенъ, а остающемуся вѣчно въ тѣни слѣпому орудію клерикализма не на что и надѣяться... И о. Франкъ справедливо говоритъ, что церковь не остановитъ движенія... Темная, безпробудно-спавшая Фландрія—и та тронута имъ... глухое недовольство ростетъ и не поддается религіозному вліянію... Въ неприступной когда-то твердынѣ клерикализма создаются неумолимымъ временемъ брешь за брешью.

Мысли эти безсвязно перебѣгали одна за другою въ головѣ Филибера. Впервые вырывавшаяся изъ оковъ дисциплины совѣсть начинала прилагать ко всему свою независимую мѣрку, дѣлать свои независимые выводы...

V.

Анри Пикаръ служилъ контръ-метромъ на фабрикѣ стальныхъ издѣлій, въ Нельдекѣ.

Порученіе комитета рабочихъ пришлось ему не только по способностямъ, но и по склонности. Сынъ рабочаго, едва прошедшій первоначальную общинную школу, онъ не упускалъ случая пополнять свои знанія, посѣщая вечернія чтенія мѣстной рабочей организаціи, интересуясь литературой, въ видѣ дешевыхъ народныхъ изданій, одолѣвая самостоятельно ступень за ступенью. Съ демонстраціями, съ уличными схватками онъ сроднился въ Гентѣ еще юношей-подмастерьемъ, въ самое горячее, переходное время,—когда тамъ, при полномъ господствѣ всесильнаго клерикализма, впервые организовывалась рабочая группа, и былъ потомъ въ числѣ членовъ комитета первой рабочей гентской коопераціи „Vooruit“ (прогрессъ), составляющей теперь достояніе бельгійской рабочей партіи и обнимающей почти всѣ отрасли промышленности. Начавъ съ репортерства въ мелкихъ провинціальныхъ газеткахъ, онъ постепенно выработалъ изъ себя недурного корреспондента по рабочему вопросу и дошелъ до сотрудничества въ брюссельской „Le Peuple“ — оффиціальномъ органѣ бельгійскихъ рабочихъ. Когда въ Брюсселѣ открылась на средства партіи „Школа ораторовъ“, поставившая себѣ цѣлью ознакомленіе рабочихъ съ научными политико-экономическими данными, неизбѣжными при появленіи на трибунѣ, Пикаръ перебрался въ столицу, рабочимъ на фабрику, и прошелъ курсъ школы. Вернувшись затѣмъ въ родной Нельдекъ, онъ основался въ немъ, ставъ естественнымъ фактотумомъ рабочихъ, неизмѣн-

нымъ делегатомъ ихъ на брюссельскихъ конгрессахъ партіи, авторитетомъ въ дѣлѣ мѣстной рабочей печати. Худощавый, очень моложавый на видъ, непрерывно трудящійся и скудно питающійся, онъ обладалъ тою изумительною выносливостью, которая дается лишь переходомъ лишеній изъ поколѣнія въ поколѣніе, и былъ какъ бы рожденнымъ для неусыпности.

О недоступныхъ для новизны клерикальныхъ уголкахъ, въ родѣ Шербека, Пикаръ имѣлъ достаточное понятіе, но дѣйствительность превзошла всякія ожиданія. Ни о какой рабочей организаціи въ Шербекѣ не существовало и представленія. Сплотившіеся въ синдикатъ хозяева запрещали рабочимъ даже думать о чемъ-либо подобномъ: на каждой фабрикѣ оказывалось „на видномъ мѣстѣ“ объявленіе, предупреждавшее, что рабочій, замѣченный въ принадлежности къ соціализму или синдикату, подлежитъ немедленному увольненію. Въ рабочихъ кафѐ при первыхъ же словахъ Пикара о политикѣ собесѣдники озирались боязливо и умолкали... Прошло нѣсколько дней, а Пикаръ не подвинулся въ дѣлѣ ни на шагъ, не свелъ знакомства ни съ однимъ рабочимъ. Онъ уже началъ обезкураживаться, но ухватиться за нить помогъ случай...

Занимая комнату въ слободѣ Эйндеке, Пикаръ нерѣдко забѣгалъ въ ближайшее маленькое эстаминэ, выпить пива или „капельку“. Однимъ утромъ онъ разговорился съ хозяиномъ—хмурымъ, исхудавшимъ и болѣзненнымъ валлономъ Арну. Разговоръ не замедлилъ коснуться выборовъ, и Пикаръ сталъ высказывать свои взгляды.

— Вы соціалистъ?!—воскликнулъ Арну, оживившись весь.—Я тоже!

— Откуда вы?

— Здѣшній! Родился въ этой слободѣ!

— Есть еще соціалисты въ Шербекѣ?

— Кажется... Не знаю, впрочемъ! Я уже отсталъ отъ всего: боленъ, да и своихъ хлопотъ достаточно...

Они скрѣпили знакомство, чокнувшись стаканами пива, и Арну, хмуро посасывая коротенькую трубку, повелъ разсказъ о своихъ мытарствахъ.

— Въ прошлые выборы, видите-ли, я да еще трое рабочихъ тухлыми яйцами закидали Странгера, когда онъ въ парадной коляскѣ торжественные визиты совершалъ... За это мнѣ отказали отъ работы на фабрикѣ, и потомъ никуда уже поступить нельзя было въ Шербекѣ... Вездѣ вѣдь такъ, гдѣ силы за клерикалами и нѣтъ недостатка въ рабочихъ рукахъ... Я торговать

вздумалъ, лавочку зеленную открылъ... Но монашенки такъ возстановили всѣхъ въ улицѣ, что покупатели—ни ногой ко мнѣ!.. А у меня жена, дѣти—кормить надо ихъ!.. Покинулъ я Шербекъ, началъ странствовать, продавать по деревнямъ галантерею съ телѣжки... Дѣло ничего, хорошо пошло, да здоровье не выдержало: цѣлый день на улицѣ, кричать во все горло, а климатъ капризный—то солнце распаритъ тебя, то вдругъ вѣтеръ холодный пронижетъ или дождь проберетъ до костей... Нажилъ я катарры да ревматизмы и сюда вотъ приткнулся...

— Это ваше собственное эстаминэ?

— Какъ можно! На отчетѣ у пивовара я, по общему положенію. Каштаны изъ огня вынимаю для него! Ха-ха-ха!

— Развѣ не клерикалъ вашъ хозяинъ?

— Шутникъ вы. Пивоваръ, да чтобы клерикаломъ не былъ!

— Какъ же онъ далъ вамъ мѣсто?

— А что же прикажете ему дѣлать? Въ фермерской слободѣ, разумѣется, не далъ бы: тамъ они распоряжаются какъ хотятъ! А здѣсь публика „распущенная“, съ клерикальнымъ сидѣльцемъ не всякій ладитъ.

— Компромиссъ, значитъ?

— А то какъ же? Для чего и клерикаломъ зваться, если пива не сбывать! Ха-ха-ха!

Онъ такъ развеселился, что предложилъ Пикару „капельку“ въ видѣ угощенія. Тотъ отвѣтилъ тѣмъ же.

— Рабочіе въ фермерской слободѣ очень клерикальны?—спросилъ Пикаръ.

— Еще бы! Плохому клерикалу нѣтъ мѣста на землѣ графа Ниссена... Въ молодежи за послѣднее время замѣчается, какъ будто... Одного знаю я—очень развитой, славный малый...

— Познакомьте меня съ нимъ!

— Рѣдко заходитъ онъ...

Пикаръ передалъ о своей миссіи. Это заставило Арну воспрянуть совсѣмъ, и онъ заговорилъ суетливо:

— Тогда вотъ что! Идите на канатную фабрику—сейчасъ за слободой, около кладбища: онъ тамъ, на работѣ теперь. Эдмондъ Вестъ зовутъ его... Такой рослый, плечистый дѣтина... Скажите, что отъ меня!

Пикаръ отправился.

„Фабрика“ оказалась чѣмъ-то въ родѣ мастерской на открытомъ воздухѣ. Она располагалась на полоскѣ земли шириною въ сажень—по фламандскому названію, „дорога“ (baan). Въ головѣ полоски стоялъ темный дощатый шалашъ. Въ немъ

дѣвочка лѣтъ семи вертѣла колесо, напѣвая тоненькимъ голоскомъ какую-то шансонетку. Когда она пріостанавливалась, чтобы перемѣнить уставшую руку, въ темнотѣ раздавался мужской повелительный голосъ:—„Draait"! (Верти!). Рабочіе сучили канаты, пятясь по дорожкѣ и пуская паклю изъ мѣшковъ у пояса. Одного изъ нихъ—молодого фламандца съ круглою бѣлокурою головой, ширококостнаго и мощнаго, какъ на картинахъ Ванъ-Дика,—Пикаръ сразу призналъ за Эдмонда Веста и—не ошибся.

Было уже 11 часовъ—время обѣда. Рабочіе скоро начали расходиться. Пикаръ остановилъ Эдмонда и въ короткихъ словахъ передалъ ему цѣль знакомства. Эдмондъ и оторопѣлъ, и просіялъ. Съ юношескимъ энтузіазмомъ, засвѣтившимся въ его большихъ голубыхъ глазахъ, онъ отрекомендовался „соціалистомъ—президентомъ союза" и сказалъ, что знаетъ уже Пикара по его статьямъ въ „Le Peuple".

— Въ Шербекѣ продаются соціалистическія газеты?—пріятно удивился Пикаръ.

— О, нѣтъ!—засмѣялся Эдмондъ.—До этого не дошелъ еще онъ! Мы покупаемъ газеты и брошюры въ центральномъ складѣ, на станціи желѣзной дороги.

Они тутъ же подружились и отправились обѣдать въ ближайшую гарготку.

Пикаръ зналъ, что при необычайной дешевизнѣ рукъ Фландрія сохраняетъ у себя множество отраслей домашняго и ручного труда, борется упорно съ „машинизмомъ", даже конкуррируетъ съ брюссельскими рабочими, сбивая у нихъ цѣну на трудъ поставкою своихъ произведеній, но ручная выдѣлка канатовъ—buitenspinner, по мѣстному,—все-таки удивляла его, и онъ высказалъ это Эдмонду.

— Выдѣлка возможна еще, разъ руки дешевы. Но фландрскіе ручные канаты даже въ Брюссель поставляются дешевле машинныхъ!—отвѣтилъ Эдмондъ.

— Сколько же платитъ рабочимъ вашъ хозяинъ, напримѣръ?

— Молодымъ—9—12 франковъ въ недѣлю; старикамъ и дѣтямъ—50 сантимовъ въ день. И за эту цѣну наша дѣвочка неустанно вертитъ колесо въ продолженіе двѣнадцати часовъ...

— Но ей не больше семи лѣтъ!

— Работаютъ и пятилѣтнія... На законы у насъ въ Шербекѣ мало смотрятъ!

— А что дается на ѣду рабочимъ?

— Какъ вездѣ: черный хлѣбъ, картофель, сыворотка... По-

стояннымъ рабочимъ прибавляютъ по праздникамъ селедку или свиное сало...

— Невозможныя условія! Отчего не протестуютъ рабочіе?

— Не находится причины...

— Причины?—удивился Пикаръ.—Объявите хозяину, что плата низка, пища дурна...

— Хозяинъ самъ только концы съ концами сводитъ. Наживается синдикатъ поставщиковъ, на который работаютъ всѣ, а съ нимъ у насъ нѣтъ отношеній. Остается протестовать въ парламентѣ, чрезъ депутата. А тамъ Странгеръ только и ораторствуетъ, что объ увеличеніи штата полиціи да о сокращеніи числа свѣтскихъ школъ...

— На то избранъ!—засмѣялся Пикаръ.

Въ тотъ же день вечеромъ въ эстаминэ Арну состоялось первое выборное совѣщаніе соціалистовъ. „Союзъ“ явился in-corpore. Онъ оказывался состоящимъ, не считая „президента“, всего изъ пяти юношей, негласно исповѣдывавшихъ соціализмъ по наслышкѣ (трое были совсѣмъ неграмотные—что не рѣдкость во Фландріи). Они образовали „копилку“, въ которую каждый вносилъ еженедѣльно десять сантимовъ, и на эти деньги покупались для общаго пользованія газеты и брошюры. Несмотря, однако, на всю эту незатѣйливость и крайнюю немногочисленность собранія, Пикаръ принужденъ былъ потратить не мало усилій и краснорѣчія, чтобы поставить пылкую молодежь въ границы, сообразныя съ обстоятельствами... Пришлось втолковывать, что соціализмъ—не батарея, а доктрина; что воинственности не требуется никакой, а надобна лишь мирная, вполнѣ легальная работа... Въ концѣ концовъ цѣль была достигнута. Сношенія съ рабочими и молодежью фермерской слободы принялъ на себя Эдмондъ. Въ Эйндеке согласился дѣйствовать воспрянувшій духомъ Арну.

Въ слѣдующій пріѣздъ, уже чувствуя почву подъ собою, Пикаръ запасся письмомъ о. Франка къ викарію Филиберу.

VI.

Домикъ Ансельма Веста, въ фермерской слободѣ, былъ нѣсколько обширнѣе прочихъ и имѣлъ въ сторонѣ чуланчикъ для „скота“, гдѣ помѣщались двѣ дойныя коровы и „тройка“ собакъ,

исправлявшихъ должность лошадей. Дворъ, пространствомъ въ квадратную сажень, и такой же огородъ обнесены были крашеною деревянною рѣшеткой, что говорило уже о зажиточности фермера, такъ какъ у прочихъ было лишь нѣкоторое подобіе живой изгороди изъ рѣдко разсаженныхъ корявыхъ кустиковъ терновника.

Только-что занимался разсвѣтъ. Изъ домика вышелъ старикъ Вестъ, одѣтый въ шерстяную вязаную куртку поверхъ бумажно-фланелевой рубахи и въ кошачьей шапкѣ. Бритое, изборожденное морщинами лицо его имѣло выраженіе привычной унылой суровости. Собаки, почуявъ хозяина, залаяли и заскребли лапами въ чуланчикѣ; замычала корова. У рѣшетчатыхъ воротъ и за изгородью высились, отливая тусклымъ блескомъ, извивы снѣжныхъ сугробовъ, наметанныхъ за ночь неожиданною мартовскою вьюгой.

Вестъ съ сокрушеніемъ глянулъ вокругъ и повелъ широкими плечами, прикидывая въ мысляхъ, во что обойдутся обязательная расчистка дороги и проложеніе тропокъ къ сосѣдямъ. Среди сплошной снѣжной бѣлизны темнѣли на улицѣ двигавшіяся фигуры бродячихъ рабочихъ. Вестъ заключилъ поэтому, что наступилъ уже шестой часъ утра—обычное начало зимняго рабочаго дня. Онъ окликнулъ одну изъ фигуръ, рѣшивъ очистить снѣгъ, пока онъ не слегся, и сталъ перекрикиваться чрезъ рѣшетку, торгуясь и повторяя:

— Не тѣ времена теперь... не тѣ!—Покончивъ на сорока сантимахъ за день, онъ послалъ поденщика въ домикъ, гдѣ готовились уже завтракать.

Съ задней стороны домика показалась блѣдная, болѣзненная женщина, съ ведеркомъ дымившейся разогрѣтой похлёбки для собакъ.

— Добрый день, отецъ! — проговорила она, кланяясь на ходу.

— Добрый день, Марія! — отвѣтилъ Вестъ. — А Эдмондъ всталъ?

— Сейчасъ выйдетъ!

Но она сказала неправду, боясь свекра. Протолковавъ съ Пикаромъ въ эстаминэ далеко за полночь, Эдмондъ спалъ какъ убитый. Наливъ собакамъ и пригрозивъ, чтобъ онѣ не грызлись, Марія кинулась въ каморку, будить мужа.

Завтракъ былъ уже на столѣ, когда явились Эдмондъ съ женой. Старуха Гертруда Вестъ стала хозяйничать, слѣдя зорко, чтобы не выходило лишняго. Ѣда была скудная, обычная. На

каждаго: чашка кофе безъ сахару (онъ стоилъ 60 сантимовъ фунтъ и служилъ лакомствомъ) и ломоть хлѣба изъ смѣси ржи съ пшеницей (méteil) съ топленымъ свинымъ саломъ вмѣсто масла. Эта порція не удовлетворила даже и болѣзненную Марію. Поденщикъ — молодой высокій валлонъ, плохо одѣтый и, видимо, наголодавшійся,—проглотилъ свою во мгновеніе ока. Его вооружили затѣмъ желѣзною лопатой, и онъ отправился бороться съ сугробами.

Женщины начали свое хозяйство. Когда Марія подоила коровъ, старуха Гертруда стала „приготовлять" молоко. Оно дѣлилось на три сорта: аристократіи назначалось свѣжее, неснятое; покупателямъ попроще—смѣсь снятого вчерашняго со свѣжимъ; въ лавочки и обывателямъ вообще—разбавленное водою и приправленное бурой, чтобы не скисалось. Гертруду сердили эти хлопоты. Ей хотѣлось бы приготовлять молоко скорѣе и выгоднѣе—разбавлять водою для всѣхъ. Но она знала, что при жалобахъ аристократіи нечего ждать пощады отъ полиціи, а въ дѣлахъ съ мелкотой та же полиція принимаетъ въ оправданіе, что „c'est un usage général"... Занятая этими мыслями, она вымещала досаду на третьемъ сортѣ, не жалѣя воды и буры...

Пока приготовлялось молоко, Марія, на обязанности которой лежало развозить его, запрягла собакъ въ телѣжку и вынесла большія жестяныя кринки съ отчищенными мѣдными крышками.

— А ты уже выпила „капельку"!—завистливо проговорила всегда замѣчавшая все Гертруда, наполняя кринки молокомъ.

— Отъ вчерашняго осталось у меня немного...

— Есть еще тамъ?

— Есть.

— Ну, ставь кринки, я сейчасъ!

И она скрылась въ заднюю половину домика, гдѣ занимали каморку Эдмондъ съ женою.

Старикъ Вестъ докуривалъ между тѣмъ трубку за столомъ, поглядывая на задумчиво сидѣвшаго сына.

— Надо ждать надбавки аренды...—угрюмо проговорилъ онъ.

— По какому случаю?—вскинулъ голову Эдмондъ.

— По случаю выборовъ... контракту срокъ... Безъ надбавки или налога какого, навѣрное, не обойдется... Прошедшій срокъ, вонъ, слободской выгонъ уменьшили—цѣлый гектаръ подъ новыя фермы взяли, а цѣна та же осталась... Теперь еще что-нибудь придумаютъ...

— Отецъ!—заговорилъ, вспыхнувъ, Эдмондъ.—На кого ты жалуешься? На себя?

— На времена жалуюсь... Боюсь концы съ концами не свести...

— Ну, и ставь какія тебѣ надо условія въ контрактѣ!

— Ихъ нотаріусъ ставитъ.

— А ты не соглашайся!

Вестъ пристально поглядѣлъ исподлобья на сына, передвинувъ трубку изъ одного угла губъ въ другой.

— Вотъ когда ты будешь хозяйничать, тогда и попробуй это!—сказалъ онъ.—Не соглашусь, такъ меня завтра же выгонятъ!

— Потому, что фермеры не знаютъ своего общаго интереса—выгадываютъ каждый для самого себя, боятся каждый за самого себя...—возразилъ Эдмондъ.—При этомъ легко справляться съ вами! А согласитесь вы между собою, поставьте свои справедливыя условія, что тогда скажутъ вамъ?

— Выгонятъ всѣхъ!

— Нѣтъ, отецъ! Выгнать всѣхъ—значитъ, оставить пустовать фермы, лишиться дохода...

— Графъ Ниссенъ—не мы съ тобою: онъ выдержитъ!

— Но графъ Ниссенъ не ради своего каприза или удовольствія наваливаетъ тягости на васъ, а ради увеличенія своихъ доходовъ. Почему же ты думаешь, что онъ предпочтетъ выдерживать съ потерей, а не уступить съ выгодой? Прогнанные фермеры разбредутся, а найти цѣлую слободу новыхъ не такъ легко!

Вестъ ничего не отвѣтилъ сыну и сталъ одѣваться, разыскивая по угламъ комнаты жилетку, пиджакъ. Эдмонду было время идти на работу, и онъ всталъ.

— Слушай, Эдмондъ! — остановилъ его отецъ.—Вотъ что скажу я тебѣ... Здѣсь, со мной, ты можешь разсуждать такъ, а внѣ дома, съ другими—остерегайся! Ушей много вокругъ и языки длинны...

— Я говорю о нашихъ собственныхъ дѣлахъ...

— А чрезъ злые языки до графа дойдетъ!

— Я и самъ скажу ему, если представится надобность!—отвѣтилъ Эдмондъ.—Всякій долженъ знать свои дѣла, защищать свои интересы... У насъ контрактъ, въ которомъ графъ—такая же сторона, какъ и мы. Если онъ не боится ставить несправедливыя условія, то чего же бояться намъ, добиваясь резоннаго?

Наконецъ, наступитъ же время, когда аренда станетъ совсѣмъ не подъ силу, и ты невольно заговоришь...

— Ну, тогда и видно будетъ!—перебилъ его старикъ, нахлобучивая на себя шапку.

VII.

Прошло съ недѣлю.

Ранній лучъ солнца, то проглядывая, то скрываясь за быстро бѣжавшими тучками, освѣщалъ неровнымъ свѣтомъ комнату викарія Филибера. Поденщица—старая, толстая фламандка Марта, съ негоднымъ дырявымъ мѣшкомъ вмѣсто фартука, убирала комнату „au fond", такъ какъ была суббота, терла, по укоренившемуся фламандскому обычаю, безъ всякой нужды полъ мокрою тряпкой, навернутой на щетку, размазывая грязь, водворяя сырость на цѣлую недѣлю... Одновременно съ этимъ она неустанно болтала, разсказывая всякія новости... Викарій стоялъ въ прибранномъ уже уголкѣ, держа развернутый молитвенникъ предъ глазами, и слушалъ эту болтовню, приводя ее, по усвоенному обыкновенію, мысленно въ систему, что̀ не мало способствовало ему стоять въ надобномъ курсѣ приходскихъ дѣлъ...

— Всю недѣлю эту въ за̀мкѣ полы мыла я,—хвалилась Марта.—Ахъ, какіе аппартаменты!

— Вы и въ за̀мкѣ работаете?—какъ бы удивился викарій.

— Теперь только, къ пріѣзду графскому... Сестры-кармелитки рекомендовали меня mère Phine...

— Почему вы такъ зовете ее?

— Всѣ зовутъ такъ... за глаза отчего не назвать? И оно правда: все, все она знаетъ... про всякаго... и для всякаго у нея камушекъ за пазухой!... Она да нотаріусъ всѣмъ и правятъ... больше чѣмъ графа каждый боится ихъ!..

— А когда пріѣзжаетъ графъ?

— Весной, говорятъ... и выборы пробудетъ здѣсь... Все не по прежнему какъ-то дѣлается!.. Всѣ точно въ безпокойствѣ какомъ-то... вездѣ только и слышишь, что выборы да выборы... А развѣ выборы первый разъ у насъ?

Переходъ къ политической темѣ показывалъ, что Мартою исчерпано все существенное. Поэтому викарій остановилъ ее вопросомъ:

— Что̀ вы приготовили мнѣ на сегодня?

— Селедокъ малосольныхъ поджарила — нѣжныя, такъ и

таютъ во рту!—запѣла Марта, вся преобразившись и придавая томность своему грубоватому голосу.—Потомъ, телячьей головы фаршированной взяла въ колбасной—только-что сварили...

Кухни, по бельгійскому обыкновенію, не имѣлось въ домикѣ. Плиту и калориферъ должна была замѣнять усовершенствованная желѣзная печь. Полнокровный и уже достаточно раздобрѣвшій Филиберъ не выносилъ кухонной духоты, а заявлять претензій, живя изъ милости,—не могъ. Онъ добылъ изъ Нельдека на свой счетъ французскій приставной каминчикъ для отопленія, а ѣду Марта стала приготовлять у себя.

Послѣ уборки, когда Марта ушла, Филиберъ позавтракалъ и отправился по дѣламъ. Со времени визита Пикара онъ чувствовалъ себя какъ бы не въ своей тарелкѣ, находился въ состояніи какой-то идейной расшатанности. Теперь, на улицѣ, онъ впервые ощущалъ внутреннюю неловкость отъ священническаго обычая ходить, уставивъ глаза на раскрытый молитвенникъ и шевеля губами. При этомъ лѣзла еще назойливо въ память кольнувшая его однажды выходка уличнаго мальчугана, крикнувшаго:

— Вы, господинъ викарій, должно быть, очень лѣнивы, если не можете затвердить дома такую маленькую книжку!..

Въ центрѣ встрѣтилъ онъ больную, укутанную тряпьемъ, торговку вареною печенкой. По долгу пастыря, онъ хотѣлъ выразить ей соболѣзнованіе, но также ощутилъ неловкость и воздержался, вспомнивъ, какъ она отвѣтила ему недавно: „О, да! Мы вѣчно болѣемъ, не то что духовные“... Онъ держался преподаннаго въ семинаріи правила—изгонять изъ памяти такія „мелочи“, недостойныя высоты духа пастыря, и выработалъ въ себѣ автоматическое умѣнье впадать при надобности въ духовную созерцательность. Теперь созерцательность эта была какъ-то неустойчива, скоропреходяща, а забытыя мелочи вставали одна за другою и мутили состояніе духа...

Въ глаза Филиберу бросился домъ пивовара Дроза—неожиданнаго либеральнаго кандидата и новоявленнаго врага клерикаловъ,—чванно выдвинувшійся на улицу и осѣненный позади верхушками деревьевъ обширнаго сада. Всѣ окна бель-этажа были чисто промыты и завѣшены новенькими тюлевыми rideaux; изъ-за лапчатыхъ желѣзныхъ рѣшетокъ подвальнаго этажа, гдѣ помѣщалась кухня, несся смѣшанный лакомый запахъ; у подъѣзда стояло въ линію нѣсколько каретъ и колясокъ. Филиберъ сообразилъ по экипажамъ, кто именно изъ окрестныхъ богатыхъ соб-

ственниковъ записался въ приверженцы либерализма, заключая, что приверженцамъ этимъ дается завтракъ...

При Филиберѣ прошло въ Шербекѣ уже двое выборовъ и три раза пріѣзжалъ гостить въ замкѣ графъ Ниссенъ. Всѣ эти случаи только стушевывали совершенно викарія, являлись для него подобіемъ отпуска, такъ какъ на сцену выступалъ о. Гіацинтъ, всюду выставляя себя, ревниво оберегая во всемъ свой авторитетъ. Изъ сіятельной же персоны графа викарію удавалось видѣть лишь сѣдобородый, носатый профиль, мелькавшій за стеклами, когда показывалась она на шербекскихъ улицахъ... И Филиберъ свыкся съ этимъ, пріучилъ себя къ мысли, что всякому свое мѣсто, „ибо и звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ“, что недовольство положеніемъ—суета... Теперь весь шербекскій порядокъ вещей выступалъ предъ нимъ по новому—эгоистичнымъ, несправедливымъ; перенесенное представлялось обиднымъ, а „суета“ захватывала все настойчивѣе, властительнѣе...

Продолжая слѣдить глазами по строчкамъ молитвенника и шевеля для виду губами, Филиберъ направился въ школу. Школа была государственная. Она помѣщалась въ сыромъ и тѣсномъ нижнемъ этажѣ дома клерикала—торговца церковною утварью, получавшаго за эту квартиру отъ казны больше, чѣмъ приносили остальные два этажа дома. Въ школѣ тянулся скучный урокъ географіи. Учитель—тощій, высокій блондинъ, съ плѣшинами на головѣ отъ худосочія, заставлялъ школьниковъ отыскивать на картѣ примѣчательныя бельгійскія мѣстности, декламировалъ выхваченныя изъ романовъ тирады о красотахъ природы и поминутно восклицалъ съ напускнымъ патріотическимъ паѳосомъ: „O, notre belle Flandre“! Филиберъ прошелъ въ слѣдующую комнату, къ директору, съ которымъ обыкновенно не ладилъ—какъ не ладятъ клерикалы съ каждымъ, дерзающимъ выказывать самостоятельность.

Директоръ, Камиллъ Дестрэ, сверкая лысиной и хватаясь за сползавшее съ крошечнаго носика пенснэ, копался въ бумагахъ, сортируя матеріалы къ рапорту о ходѣ школьнаго дѣла. Это собственно и интересовало теперь викарія, имѣвшаго „почетное“ порученіе отъ епархіальнаго инспектора школъ (сваливавшаго съ себя, подобно о. Гіацинту, все хлопотливое)—составить къ рапорту религіозно-нравственный обзоръ.

— Подвинулись вы за это время? — проговорилъ викарій, послѣ оффиціальнаго обмѣна привѣтствій.

— Подвигаюсь...—отвѣтилъ сумрачно директоръ.—Вотъ!

И онъ указалъ на разложенныя по столу пачки листковъ.

Филиберъ присѣлъ къ столу, взялъ одну изъ пачекъ и сталъ просматривать ее. Брови его начали хмуриться. Директоръ украдкой косился на него изъ-за пенснэ...

— Къ чему такія мрачныя подробности?.. — проговорилъ, опуская листки, Филиберъ.

— Я отвѣчаю на вопросы королевскаго статистическаго бюро...

— Вопросы не обязываютъ къ мрачной окраскѣ отвѣтовъ... Бюро спрашиваетъ, напримѣръ, о причинахъ неявки въ школу... И вотъ... у васъ...—Филиберъ помуслилъ пальцы и сталъ перебирать листки.—Вотъ: „Частыя неявки по неимѣнію платья и обуви... Многіе родители отдаютъ дѣтей въ работу, отсылаютъ нищенствовать“... Или вотъ, на вопросъ: какъ питаются ученики? „Около одной трети является въ школу, не ѣвши ничего; въ общемъ: питаются хлѣбомъ или картофелемъ; у нѣкоторыхъ, по праздникамъ, имѣется свиное сало или спеціально заготовляемые мясниками негодные обрѣзки мяса, обрубки костей (bintches), а также конина“... Все это мрачное только! Есть же ученики, знающіе иную жизнь...

— Есть, есть!.. — поспѣшно отвѣтилъ директоръ, подбирая какіе-то листки.

— Отчего же не упомянуто о нихъ?

— Не хотѣлось мнѣ... Но если вамъ угодно... Я, видите ли, именно по вопросу о питаніи... въ виду трудности добыть правдивыя данныя... обращался къ самимъ ученикамъ съ письменными вопросами, и они отвѣчали... письменно же... Вотъ категорія непомѣщенныхъ...

И онъ подалъ викарію листки.

Филиберъ посмотрѣлъ на одинъ, на другой... Въ нихъ стояло:— „Мы ѣдимъ, когда есть хлѣбъ. Вчера мать напилась. Отецъ ругалъ ее и печку не топили“. — „Моя старшая сестра ходитъ вечеромъ на улицу. Когда она принесетъ денегъ, мы ѣдимъ хорошо, и мать посылаетъ меня за пивомъ“...

Дальше Филиберъ не сталъ читать. Краска бросилась ему въ лицо, и онъ принялся усиленно гладить свою щетинистую голову. Прикрытая покорностью насмѣшка директора озлобила его, но онъ сдержалъ себя и проговорилъ съ наружнымъ спокойствіемъ:

— Да, конечно... къ чему помѣщать такую исключительность... По отдѣлу школьной благотворительности готово что-нибудь?

— Мы располагаемъ свѣдѣніями только по оффиціальной

благотворительности, а данныя о благотворительности частной собираются еще...

— Мнѣ кажется, королевское бюро разумѣетъ исключительно оффиціальную благотворительность,—перебилъ Филиберъ.

— Не думаю!—возразилъ рѣшительно директоръ. — Неполныя свѣдѣнія могутъ ввести въ заблужденіе само же правительство... при назначеніи школьныхъ субсидій, напримѣръ!

Филиберъ снова принялся гладить голову.

Ему было хорошо извѣстно, что всѣмъ существеннымъ—школьными кухнями, библіотеками, фрёбелевскими садами, медицинскою помощью—школы вообще бываютъ обязаны частной благотворительности; что благотворительность оффиціальная, находящаяся прямо или косвенно въ рукахъ монахинь, помогаетъ обыкновенно школамъ лишь даровою раздачею книжекъ душеспасительнаго содержанія да бѣлья, перешиваемаго изъ аристократическихъ обносковъ и расползающагося отъ первой же стирки. Сопоставлять въ отчетѣ эти данныя совсѣмъ не входило въ его разсчеты. Онъ хотѣлъ сказать—по общепринятой у клерикаловъ манерѣ, — что не слѣдуетъ *играть въ руку соціалистамъ*, но инстинктивно воздержался на этотъ разъ...

VIII.

Когда Дестрэ вернулся изъ школы домой, въ квартирѣ у него шла еще субботняя уборка. M-me Аглая Дестрэ, въ подоткнутой юбкѣ и спеціальныхъ холщевыхъ чулкахъ, исключавшихъ употребленіе башмаковъ, терла намыленною щеткой „парадную“ узенькую лѣсенку, съ искусно намалеванною на ней ковровою дорожкой.

Дестрэ, разсчитывавшій найти уже обѣдъ на столѣ, остановился печально на тротуарѣ. Фламандская манія мыть все безъ разбора и надобности, даже тротуары, тутъ же загрязняемые, и ставить все вверхъ дномъ потому только, что наступила суббота и что такъ дѣлается у всѣхъ, — дѣйствовала на него вообще угнетающе. Чувство это усиливалось еще тѣмъ, что вся болѣе черная работа—доставка воды изъ-подъ насоса, уборка мусора, мытье стѣнъ,—тамъ, гдѣ мужчины не добываютъ на наемъ прислуги, ложится на нихъ самихъ (что̀ и легло на Дестрэ этимъ утромъ)... Правда, въ парламентѣ поднятъ вопросъ о прекращеніи этой маніи законодательнымъ порядкомъ, какъ источника расположенія „микробовъ“, но парламентскіе дебаты длинны...

Дестрэ обратилъ неудачу въ предлогъ посидѣть въ пивной. Уходя, онъ крикнулъ женѣ:

— Опять была стычка съ викаріемъ, и я поднесъ ему! Не съ аппетитомъ обѣдаетъ онъ теперь!

Но Филиберъ, вопреки порядку, не былъ еще дома и не обѣдалъ. Изъ школы онъ прошелъ за реставрированную башню и поднялся на взгорье, гдѣ стоялъ, окруженный старымъ, одичавшимъ садомъ, длинный бѣлый домъ вдовы бывшаго бургомистра Бертрана...

Женщина прежняго, домашняго воспитанія, говорившая только по-фламандски,—какъ и большинство жителей восточной Фландріи, несмотря на державшуюся за французскимъ языкомъ до самаго послѣдняго времени привилегію единственнаго оффиціальнаго языка,—Алиса Бертранъ всегда чуждалась роли свѣтской женщины и вела свой—первый тогда въ Шербекѣ—домъ по патріархальнымъ правиламъ добрыхъ старыхъ католиковъ. Смерть мужа—безсмѣннаго бургомистра и главы клерикаловъ — только усилила эту черту и дала ей законное оправданіе, а случившаяся затѣмъ „исторія" единственнаго сына, Эмиля, порвала окончательно связь съ шербекскимъ обществомъ...

Для довершенія образованія Эмиль Бертранъ — по общей бельгійской традиціи, предпочитающей Лондонъ Парижу, — отправленъ былъ въ Англію. Возвращеніе его, уже послѣ смерти отца, совпало со временемъ выборовъ, и это кинуло юнаго гражданина въ водоворотъ шербекской политики, во многомъ и не къ лучшему мѣнявшейся со смертью старика Бертрана. Прекрасно образованный, отличавшійся свѣтлымъ природнымъ умомъ, Эмиль обратилъ на себя вниманіе, и на него „возложили надежды"... Самъ графъ Ниссенъ, проводившій весну въ замкѣ, прислалъ Эмилю приглашеніе на парадный обѣдъ, назначавшійся играть роль предвыборнаго банкета... Но произошло нѣчто „непостижимое"... „Обласканный", поставленный на прекрасную дорогу,—какъ гласила мѣстная хроника,—Эмиль Бертранъ отказался отъ графскаго приглашенія, а въ данной затѣмъ публичной конференціи обрушился со всею силою свѣжаго таланта на клерикальный обскурантизмъ—населивъ непривычный шербекскій воздухъ впервые эпитетами: „отсталость", „грубая сила", „нравственная нечистоплотность"...

Шербекъ былъ „изумленъ" и обратилъ искательство въ гоненіе... Эмиль Бертранъ отвѣтилъ на это памфлетомъ въ духѣ Свифта и отправился профессорствовать въ Гентъ, — уже освобождавшійся отъ клерикальныхъ путъ.

Отъѣздъ сына разрушилъ послѣднія надежды вдовы Бертранъ. Она удалилась совсѣмъ на покой и отказалась отъ всякихъ знакомствъ. Ея домъ, съ вѣчно запертою калиткой, съ опущенными шторами въ окнахъ, окруженный обширнымъ тѣнистымъ садомъ, принялъ видъ аббатства. Сама она, одѣтая всегда въ темное и въ большомъ бѣломъ чепцѣ безъ складокъ, напоминала монахиню. Но ханжество не коснулось ея. Она оставалась живымъ человѣкомъ, любила старую фламандскую литературу и слѣдила за новой, сохраняла у себя свѣтскія картины лучшихъ фламандскихъ мастеровъ.

Визитъ викарія, знакомство съ которымъ было только по церкви, нѣсколько удивилъ Алису Бертранъ. Филиберъ почувствовалъ это и поспѣшилъ приступить къ дѣлу.

— Я слышалъ, что сынъ вашъ намѣревается... покинуть профессуру...—началъ онъ.—Правда ли это?

— Да, онъ думаетъ... Его приглашаютъ быть депутатомъ, — съ гордостью отвѣтила старушка.

— Это доставитъ всѣмъ удовольствіе, — польстилъ Филиберъ.—И... если вы мнѣ позволите... если не будете имѣть ничего противъ, — продолжалъ онъ, постукивая мѣрно шляпой о колѣно,—то я желалъ бы узнать, окончательно ли рѣшилъ это вашъ сынъ и... надѣется ли онъ на успѣхъ?.. Избирательная борьба такъ трудна... препятствій всегда такъ много...

— Я ничего не понимаю въ политикѣ и не знаю, что̀ сказать вамъ,—отвѣтила простодушно вдова.—Но сынъ вотъ что̀ пишетъ мнѣ...

Она достала изъ стоявшей предъ нею рабочей корзинки и подала викарію послѣднее письмо сына.

Съ первыхъ же строкъ Филиберъ убѣдился, что рѣшеніе Бертрана твердо и что при успѣхѣ онъ можетъ стать дѣйствительною силой. Предложеніе исходило отъ самой соціалистической группы въ парламентѣ; упоминалось даже имя одного изъ министровъ; среди шербекской аристократіи, судя по называвшимся фамиліямъ, соціализмъ могъ имѣть сторонниковъ изъ числа державшихся обыкновенно вдалекѣ отъ политики.

— Благодарю васъ...—сказалъ Филиберъ, сложивъ письмо аккуратно и возвращая.—Теперь мнѣ ясно все... Прошу позволенія обезпокоить васъ нижайшею просьбой... Когда вы будете писать вашему сыну,—знать котораго лично я, къ сожалѣнію, лишенъ удовольствія, — то не откажите присовокупить, что я... именно я... весьма радуюсь и желаю ему успѣха...

Это очень тронуло вдову.

— Ахъ, еслибъ вы знали, г. викарій, какой онъ умный, добрый, хорошій! —воскликнула она съ проступившими на глазахъ слезами.

И чтобы отрекомендовать сына если не лично, то въ изображеніяхъ, она раскрыла предъ викаріемъ семейный альбомъ съ фотографическими карточками.

Филиберъ повернулся къ свѣту и сталъ вдумчиво вглядываться то въ совсѣмъ вылинявшую, пухлую фигурку, запертую въ дѣтскомъ стульчикѣ, то въ стройнаго юношу въ плащѣ—студента оксфордскаго университета...

Дома Филиберъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, погруженный въ мечтательность. Предъ нимъ, завлекательною перспективой, рисовалась дѣятельность независимаго христіанскаго демократа, дѣлающаго оппозицію не умѣвшей цѣнить его клерикальной партіи... Онъ примыкалъ мысленно къ брюссельской христіанско - демократической группѣ, стоящей подъ главенствомъ извѣстнаго, почтеннаго аббата... видѣлъ себя отличившимся... прославленнымъ... Смущалъ нѣсколько лишь „союзъ съ соціалистами"... „Но по обстоятельствамъ не можетъ и быть иначе!—напалъ онъ вдругъ на идею. — Разжившійся пивоваръ Дрозъ хочетъ первенствовать, и при успѣхѣ будетъ корчить изъ себя графа Ниссена... Всякій лишній шансъ либераловъ можетъ помочь имъ захватить снова власть, а соціалистическое министерство—только призракъ... дѣло очень отдаленнаго будущаго"...

Филиберъ присѣлъ къ столу и написалъ о. Франку: „Почтеннѣйшее письмо ваше передано мнѣ. По размышленіи, соглашаюсь съ вами; вижу, что уступки времени неизбѣжны, что занять мѣсто въ движеніи церковь должна. Передайте вашему protégé, что буду радъ увидѣться съ нимъ".

IX.

Лѣтомъ Шербекъ сообщался съ Нельдекомъ по плановой дорогѣ, утратившей для коммерціи почти всякое значеніе съ появленіемъ желѣзнодорожной линіи, заставившей провести чрезъ болото шоссе къ станціи. Зимою прокладывался путь чрезъ замерзавшіе ручьи и топкія луговины, сокращавшій разстояніе на половину.

Отличный ходокъ и одинокій холостякъ, Пикаръ сталъ поль-

зоваться всякою выдававшеюся возможностью побывать въ Шербекѣ. Операціоннымъ пунктомъ избрана была слобода Эйндеке. Эстаминэ Арну стало мѣстомъ сходокъ, а одна изъ верхнихъ комнатокъ обратилась въ пристанище Пикара.

До пріѣзда графа Ниссена нельзя было ожидать ни яснаго обозначенія сторонниковъ партій, ни начала открытой выборной агитаціи. Это давало Пикару возможность заняться неспѣшною, обдуманною организаціей борьбы, и онъ весь отдался работѣ по упорядоченію шербекскаго соціалистическаго „союза". Эдмондъ получилъ въ руководство мотивированную „программу бельгійской партіи рабочихъ", а для выясненія встрѣчавшихся вопросовъ открылись правильныя вечернія бесѣды. Дѣло, однако, плохо спорилось... Начинать приходилось съ азбуки; непривычные слушатели, несмотря на всю охотливость, не удерживали ничего послѣдовательно въ головѣ. Пикаръ ораторствовалъ до хрипоты, прибѣгалъ къ упрощенному способу—втолковывая лишь опредѣленія. Это будило пытливость и вовлекало снова въ объясненія... Утѣшало только одно: „союзъ" росъ не по днямъ, а по часамъ, становясь популярнымъ среди рабочихъ, такъ что въ слѣдующее же воскресенье аудиторія оказалась набитою биткомъ...

Подавали надежду и сношенія съ Филиберомъ. Викарій назначалъ Пикару дѣловыя свиданія, интересовался соціалистическими теоріями, хотя, относительно практическаго содѣйствія, и ограничивался темноватымъ, высокопарнымъ изреченіемъ, что „съ точки зрѣнія высшихъ церковныхъ интересовъ принципъ свободнаго развитія политическихъ партій вполнѣ допустимъ"...

Оставалось свести знакомства съ болѣе подходящими собственниками среди трудящагося населенія Эйндеке. Это обѣщалъ устроить Арну.

Однимъ раннимъ утромъ Пикаръ, проводившій уже второй день въ Шербекѣ, излагалъ въ своемъ сообщеніи нельдекскому комитету рабочихъ весь этотъ ходъ дѣлъ, согнувшись надъ столикомъ и едва различая строчки при падавшемъ въ узенькое окно слабомъ отблескѣ тусклаго, нерѣшительнаго разсвѣта.

Въ жиденькую дощатую дверь постучали.

— Эй, товарищъ!—раздался голосъ Арну.

— Войдите!—отозвался Пикаръ, оставляя перо.

Арну вошелъ, одѣтый въ свою завѣтную праздничную пару какого-то сольфериноваго цвѣта и держа высоко голову, подпертую огромными фальшивыми воротничками.

— Одѣвайтесь, идемте знакомиться съ собственниками!—за-

говорилъ онъ, пожимая руку товарищу. — Теперь самое время: всѣ на мѣстахъ, за работой!

Пикаръ поспѣшилъ одѣться, и они спустились въ эстаминэ. Тамъ жена Арну, Анна, — худенькая моложавая женщина съ большими черными глазами, начинала уже свои дневныя хлопоты, устанавливая свѣжій боченокъ пива подъ усовершенствованный накачивающій аппаратъ.

— Перепугаете вы только всѣхъ... — сказала она какъ-то загадочно и глядя въ сторону.

— Дѣти боятся, вонъ, въ темной комнатѣ спать, однако ты пріучаешь ихъ! — отвѣтилъ съ своимъ обычнымъ смѣхомъ Арну.

Они выпили по стакану чернаго кофе съ хлѣбомъ и вышли.

X.

Первый визитъ былъ къ прославленному оратору слободскихъ эстаминэ—толстому и хриплому огороднику Матису. Его „домъ", въ совершенно выдержанномъ стилѣ шалаша, состоялъ изъ двухъ комнатъ, капитальною стѣной между которыми служила занавѣска изъ дерюги. По ту сторону занавѣски была спальня, и тамъ неистово шумѣли и кричали дѣти. По эту — на обычномъ усовершенствованномъ калориферѣ - плитѣ шипѣло и трещало въ котелкѣ свиное сало для пряженія картофеля; неподалеку сидѣла на треногой скамьѣ полногрудая, съ унылымъ взглядомъ, m-me Матисъ и занималась, въ подспорье къ промыслу мужа, побочнымъ ремесломъ, снимая ловко и быстро небольшимъ острымъ ножичкомъ шерсть съ кроличьихъ шкурокъ, отчего въ комнатѣ стояло непроглядное облако волосяной паутины... Самъ m-r Матисъ помѣщался на опрокинутой корзинѣ, сортируя какіе-то коренья и луковицы.

— Радъ знакомству!—прохрипѣлъ онъ, поднявшись съ корзины, чтобъ „постоять" съ гостями, за неимѣніемъ должной мебели, и крѣпко стискивая руку Пикару.

Узнавъ о цѣли знакомства, онъ оживился, пріосанился и заговорилъ:

— Я не соціалистъ, но и не клерикалъ... Я одно знаю: разъ законъ даетъ намъ голоса, считаетъ насъ избирателями, то и разсуждать—за кого подать голосъ—должны мы сами, а не нотаріусъ за насъ или бургомистръ!.. Нечего сгонять насъ ни въ ратушу, ни къ нотаріусу, а пусть депутатъ самъ объяс-

няется съ нами и намъ объявляетъ свою програму, а не гдѣ-то тамъ... Вотъ я что говорю!

— Больше ничего и не надо!—восхитился Пикаръ.—Еслибы всѣ такъ думали!

— Мнѣ говорятъ,—продолжалъ, воодушевляясь, Матисъ,—что собственность наша въ ипотекѣ, что мы связаны... а я спрашиваю: какое же намъ облегченіе отъ того, что мы слушаемся бургомистра или нотаріуса? Почему насъ, собственниковъ, въ деревняхъ и вездѣ, уменьшается съ каждымъ годомъ, а бездомныхъ, не-знающихъ куда дѣваться фермеровъ прибавляется?.. Они молчатъ, а я отвѣчаю: значитъ, мы сами подаемъ голоса за то, что насъ убываетъ, а фермеровъ прибываетъ... значитъ, нечего намъ плясать подъ дудку ни бургомистра, ни нотаріуса!.. Такъ вѣдь, Арну? Я всегда говорю это у тебя... Ты знаешь!

Вентиляціи не было въ комнатѣ. Даже свыкшійся со многимъ Пикаръ начиналъ чувствовать головокруженіе отъ духоты.

— Для какой надобности эти шкурки?—спросилъ онъ у хозяйки, щурившейся и морщившейся отъ пыли.

— У шляпниковъ употребляются онѣ.

— Нездоровое, мнѣ кажется, занятіе?..

— Да... всегда въ горлѣ першитъ... И даже вредно: шкурки меркуріемъ обдѣлываются... Дѣтей уже стараемся не пускать сюда...

— Радъ знакомству!—еще разъ прохрипѣлъ Матисъ, когда Пикаръ сталъ прощаться.—Новость ваша пріятная, и въ эти выборы мы постоимъ за себя!

Отъ Матиса отправились къ старожилу околотка—ткачу Шираку. Онъ помѣщался въ такихъ же двухъ комнатахъ, только раздѣленныхъ не дерюгою, а дощатою перегородкой, съ прогалиной по срединѣ, вмѣсто дорого стоющей двери. Неподалеку отъ ткацкаго станка размѣщалась на полу кухонная посуда, играли, прыгая между нею, котята... Въ одномъ изъ двухъ оконъ недоставало стекла, и его замѣняла промерзшая насквозь парусина... Видно было, что бѣдность и забота свили себѣ тутъ вѣчное гнѣздо, не давая минуты подумать ни о чемъ другомъ...

Мартынъ Ширакъ—благообразный сѣдой, широкоплечій мужчина въ овчинной курткѣ—работалъ за станкомъ. У другой стѣны сидѣла за прялкой близъ окна старшая дочь, необыкновенно миловидная, съ кроткимъ взглядомъ большихъ темныхъ глазъ и чудными золотистыми волосами—какъ Маргарита изъ „Фауста“, только молчаливая, безъ пѣсни, и въ старенькомъ шерстяномъ платкѣ на исхудавшихъ плечахъ... Противъ нея,

горбясь надъ длинными, наклонно поставленными подушками и спустивъ козырькомъ на лобъ головные платки, двѣ такія же миловидныя дѣвочки вышивали по тончайшей сѣткѣ (réseau) плотные матовые цвѣточки, создавая драгоцѣнное фландрское кружево valenciennes. Жены не было дома—она, какъ и большинство слобожанокъ, работала на фабрикѣ.

Хозяинъ встрѣтилъ гостей привѣтливо и съ какою-то изысканною простотой, обличавшею въ немъ незауряднаго мастерового.

— Это будетъ наша гостиная,—сказалъ онъ, поставивъ стулья на свободномъ мѣстечкѣ, у станка, и отодвинувъ вѣшалку съ безпорядочно накиданнымъ на нее платьемъ и бѣльемъ.

Пикаръ бросилъ взглядъ на станокъ съ нѣжною, стройно натянутою основой, на только-что вытканный серебристый кончикъ тончайшаго фландрскаго полотна, не нуждавшагося, казалось, ни въ какой отдѣлкѣ.

— Какъ можетъ держаться въ наше время подобный ручной трудъ!—не могъ не удивиться онъ.

— Держится вотъ... рабочія руки дешевы!—заговорилъ Ширакъ.—Грубыя полотна, какъ упаковочное, напримѣръ, нельзя и работать, при ихъ дешевизнѣ, иначе какъ машинами, особенно съ тѣхъ поръ какъ ввели джутъ; но Фландрія ухитряется и тутъ конкуррировать—даже въ Англію поставляетъ ручную дерюгу изъ льняныхъ оческовъ, особый родъ ткачей создала,—drolwevers зовутся они у насъ...

— Сколько же получаете вы при вашемъ артистическомъ трудѣ?

— Смотря по заказу... и по хозяину... Самое большее—двѣнадцать франковъ въ недѣлю.

— Такъ мало?!

— Больше вонъ и Матильда не заработываетъ!—указалъ онъ на старшую дочь.

— Пряжей?..

— Да... Пряжа эта шесть тысячъ франковъ фунтъ стоитъ!

— Фунтъ?!—изумился Пикаръ.

— На кружева идетъ она... Въ прежнія времена, когда водились истинныя кружевницы и пряхи-искусницы, была такая пряжа, что за фунтъ десять тысячъ франковъ платили!

— Во всякомъ случаѣ, это—состояніе!—проговорилъ недоумѣвавшій Пикаръ.

— Не для насъ только, а для оптовыхъ торговцевъ... На такую пряжу ленъ приготовляется спеціально и цѣну за него

умѣютъ взять, особенно съ тѣхъ, кто по мелочамъ покупаетъ... Нитка выбѣлиться, отдѣлаться должна, а прямо изъ рукъ пряхи да по граммамъ какимъ-нибудь проданная—бездѣлицу приноситъ... У каждаго своя спеціальность... намъ только работа достается...

Пикаръ приблизился къ прялкѣ. Матильда протянула ему, улыбаясь, что-то невидимое; онъ подставилъ свой грубый, черный палецъ и едва разглядѣлъ на немъ какую-то паутинку...

— Видите что-нибудь?—сказалъ, подходя, Ширакъ.

— Какъ будто нитка...

— Хорошо и это. А мнѣ всегда кажется, что Матильда такъ просто рукою водитъ! Пойдетъ она, продастъ, принесетъ деньги—тогда *вижу*, что дѣйствительно пряжа была! Ха-ха-ха!

Лицо Матильды отуманилось трогательною серьезностью.

— Каждые полчаса отдыхать надо: устаютъ глаза,—проговорила она.

— И портятся?

— Да. Не всякая можетъ и прясть такую нитку: надо, чтобы очень хорошіе глаза были!

— Работать кружево такъ же трудно?

— О, да! Но тамъ все-таки узоръ... фонъ цвѣтной подкладывается... А тутъ, что воздухъ, что нитка—одно и то же; чуть не такъ падаетъ свѣтъ—не разглядишь ничего!

Она засмѣялась и граціозно повернула маленькою рукой колесо прялки.

— Теперь раздѣленіе труда вездѣ...—заговорилъ Ширакъ.— Настоящихъ, прежнихъ, работниковъ и работницъ даже у насъ, во Фландріи, мало осталось.... А въ Брабантѣ такъ и совсѣмъ нѣтъ! Кружевное мастерство—тоже, что художество, а и въ немъ все на спеціальности подѣлилось: одна мастерица сѣтки плететъ вотъ изъ этихъ нитокъ; другая только и знаетъ, что цвѣточки на сѣткѣ вышивать; третья ажуръ на цвѣточкахъ дѣлаетъ... Рукъ черезъ двадцать проходитъ работа и собственно о *кружевѣ* ни одна работница понятія не имѣетъ! Потомъ, не цѣнятся теперь въ коммерціи ни талантъ, ни старательность; къ спѣху требуется все—ходкое, дюжинное; тѣмъ, что зовется „unique“, „ouvrage soigné“, хоть и не занимайся! Вонъ у меня двѣ настоящія кружевницы, матерью обученныя, а больше спеціалистокъ какихъ-нибудь не заработываютъ. Кому же охота учиться, совершенствоваться, когда все это ни къ чему... Да, m-r Пикаръ! Отживаетъ наша Фландрія! Все въ центры переходитъ, въ синдикатахъ сосредоточивается... жизнь дорожаетъ, а рабочія руки дешевѣютъ...

— Надо, чтобъ и у васъ синдикаты были!

— Да знаю я, зачѣмъ вы пришли! Ха-ха-ха!—прищурился плутовато Ширакъ.—Слышалъ о васъ: развѣ утаится что въ слободѣ!.. Спали довольно мы, правда... а время вставать все еще не наступило, пожалуй...

— А вы растолкайте товарищей вашихъ!—сказалъ въ тонъ ему Пикаръ.

— Объ этомъ я думаю...—серьезно и нахмурясь, промолвилъ Ширакъ.—Но, собственно говоря, что даетъ намъ депутатство хотя бы такого доброжелателя, какъ Бертранъ?.. Да я понимаю!—согласился онъ, прерывая на полусловѣ хотѣвшаго возразить Пикара.—Это—шагъ! большой шагъ!.. Но и большой журавль въ небѣ!.. Лично я предпочту его, пожалуй, маленькой синичкѣ въ рукахъ, а какъ другимъ втолковать это?.. Намъ надо существенное... кооперація, напримѣръ... Будетъ она, объединятся мысли—депутатъ самъ собою придетъ на умъ...

— Неопровержимая истина!—согласился Пикаръ.—Рабочая партія даже держится коопераціи, какъ лучшаго и естественнаго средства пропаганды. Но, къ сожалѣнію, всегда приходится слышать, что для подачи голоса надо имѣть только языкъ, а на кооперацію—деньги...

— Это еще неопровержимѣе! И я первый отвѣтилъ бы такъ! Но наше положеніе совсѣмъ особенное... Все долго разсказывать, да вы поймете и такъ... Власть въ рукахъ клерикаловъ, у нихъ же и хлѣбопекарни. Truck-system практикуется до такой степени, что мы, рабочіе, не только обязываемся забирать все въ хозяйской лавочкѣ въ счетъ жалованья, но и на покупку того, чего нѣтъ въ лавочкѣ, брать также товаромъ и тутъ же перепродавать его хозяину съ *дисконтомъ* въ 6%! За хлѣбъ мы платимъ при такихъ условіяхъ чуть не вдвое, и намъ прежде всего нужна кооперативная хлѣбопекарня... А такъ какъ деньги на хлѣбъ находятся, во что бы то ни стало, то, слѣдовательно, найдутся онѣ и тутъ... Главное—вбить мысль, растолковать!.. Дайте конференцію о коопераціи, и на нее явится всякій охотно и безбоязненно... А затѣмъ—кто станетъ сторонникомъ коопераціи, тотъ пойдетъ за вами и въ выборахъ...

Здравая разсудительность Ширака отвѣчала какъ нельзя больше взглядамъ Пикара, успѣвшаго рано пережить свой періодъ слѣпой идейной пылкости. Они протолковали долго и разстались совершенными друзьями.

— Умная голова, не правда ли?—сказалъ Арну, когда они вышли.—И у него правило: никогда не обѣщать многаго и

всегда сдѣлать больше... Только для себя вотъ устроилъ все какъ нельзя хуже...

— А что такое?

— Жизнь свою устроилъ такъ... Ткацкой фабрикой завѣдывалъ, а когда образовался синдикатъ и свои правила издалъ, то онъ счелъ ихъ притѣснительными для рабочихъ, службу кинулъ —точно безъ него и притѣснять некому!.. Mère Phine теткой, по матери, доводится ему, можетъ любую графскую ферму чуть не задаромъ доставить, а онъ собственникомъ въ лачужкѣ своей предпочитаетъ оставаться, десятью франками въ недѣлю довольствоваться...

— А вы сколько нажили, закидывая Странгера тухлыми яйцами?—промолвилъ Пикаръ, почесывая переносицу.

— И то правда!—захохоталъ Арну.—Потому-то я и вижу сучецъ въ глазу ближняго! Ха-ха-ха! Мой отецъ также всю жизнь бился, чтобы собственность удержать, пока долги не пересилили...

— Отчего этотъ злой рокъ надъ собственниками?

— Бѣльмо они на глазу у клерикаловъ!.. Начало самостоятельности, свободомыслія, непослушанія въ нихъ!.. Ну, все и пригоняется къ тому, чтобы покорныхъ фермеровъ разводить! Ха-ха-ха! Глупѣйшее изъ всѣхъ глупыхъ положеній—быть связаннымъ по рукамъ и по ногамъ, пускаясь въ путь... а собственники всегда на это и обречены... Капиталовъ у нихъ, обыкновенно, не бываетъ. Приходится въ ипотечный банкъ обращаться, а онъ бюрократизмомъ своимъ и начетами всякими мертвую петлю накидываетъ вмѣсто снабженія дешевымъ кредитомъ... Нотаріусъ, онъ же и ростовщикъ мѣстный, не только безбожными процентами и расходами канцелярскими донимаетъ, но и норовитъ доканать, съѣсть... Такъ весь свой вѣкъ и проводятъ собственники бѣдными и несчастными... Впрочемъ, кто его знаетъ, въ чемъ дѣйствительное-то счастье!—зафилософствовалъ онъ вдругъ.—Купцы да фабриканты вонъ богато, въ почетѣ живутъ, а только и знаютъ, что плачутся то на одно, то на другое, медвѣдями смотрятъ... Въ слободѣ же у насъ, при горѣ да бѣдности, веселье не переводится, никто не косится ни на кого... А дѣтей у каждаго столько, что просто удивительно даже!.. Сюда вотъ теперь, къ старику Вольдеру!

Онъ подхватилъ Пикара подъ руку и потянулъ вслѣдъ за собою въ щелку между домами, носившую названіе переулка.

„Домъ“ Вольдера былъ большой, отличнѣйшій баракъ, хозяйственно сколоченный изъ старыхъ досокъ и покрытый, вмѣсто

слишкомъ тяжелой для него черепицы, какимъ-то новоизобрѣтеннымъ „несгараемымъ“ картономъ. По „фасаду“ онъ имѣлъ два оконца, сквозь пузыристыя стекла которыхъ претенціозно глядѣли кисейныя занавѣски, перехваченныя цвѣтными ленточками. Прибитый надъ входомъ большой деревянный башмакъ свидѣтельствовалъ о спеціальности хозяина. Убранство внутри исчерпывалось тѣми же, виднѣвшимися съ улицы занавѣсками, если не считать красныхъ трафаретныхъ разводовъ на вымазанныхъ известкой стѣнахъ... Мебель составляли скамьи. На нихъ размѣщалось вокругъ хозяина человѣкъ десять рабочихъ. Печь не топилась, и въ комнатѣ было холоднѣе, чѣмъ на улицѣ,—что казалось, подбадривало рабочихъ, точно торопившихся перегонять другъ друга... Одни изъ нихъ быстро и искусно выдалбливали внутри деревянные обрубки; другіе придавали этимъ выдолбленнымъ обрубкамъ правильную форму башмаковъ; мальчикъ лѣтъ восьми сглаживалъ кусочками стекла неровности на готовыхъ уже башмакахъ и перебрасывалъ ихъ полировщику...

Пока Арну шептался конфиденціально въ уголку съ хозяиномъ, посвящая его въ цѣль визита, заинтересовавшійся Пикаръ присматривался внимательно къ работѣ, стоя у притолоки и покуривая папироску.

— Ваше ремесло, кажется, не изъ трудныхъ?—замѣтилъ онъ Вольдеру, когда они разговорились.

— Ничего... не жалуемся...—отвѣтилъ тотъ, трепанувъ свою сѣдую лохматую бороду, и засмѣялся. — Только такъ ужъ ведется, что разъ ремесло—хоть бы плясать или пѣсни пѣть,—то и трудиться надо до упаду!

— Но при вашемъ дѣлѣ...

— То же самое! Видите, вонъ, какъ просто и легко деревяшки выдалбливать? А для этого навыкъ, искусство, особый природный талантъ надобны! Безъ нихъ гроша не стоитъ рабочій! И въ сорокъ лѣтъ такой искусникъ—уже лошадь разбитая, калѣка: ни силы, ни вѣрности въ рукахъ... У прочихъ, дѣйствительно, дѣло не трудное, но чтобы заработать обычные 10 фр. въ недѣлю, они должны сидѣть не разгибаясь съ четырехъ часовъ утра до девяти вечера...

— Низка цѣна на башмаки?

— Въ нашемъ дѣлѣ цѣна ничего не значитъ! Лѣсъ дорогъ—онъ донимаетъ насъ! Поднимется цѣна на башмаки,—вздорожаетъ и лѣсъ... Такъ пригнано все владѣльцами! И дерево купи непремѣнно на корню: гнило оно внутри или еще почему негодно — твой рискъ! Кредиту никакого! Отдавайся въ руки

ростовщику, а то и того хуже — нотаріусу... И хозяйская нажива въ нашемъ дѣлѣ не какъ вездѣ: мы трудимся одинаково съ рабочими, одинаково заработываемъ. Мой лишекъ — только процентъ на капиталъ...

— Какъ велико башмачное дѣло вообще?

— Да всего, собственно на восточную Фландрію, работаетъ около пяти тысячъ человѣкъ.

— Отчего вы не соединитесь, не устроите покупку лѣса оптомъ—цѣлою рощей, на года?

— Знать, время еще не пришло,—засмѣялся Вольдеръ.—Да и трудно это: тѣ, кто работаютъ въ городахъ, тѣ, пожалуй, не прочь будутъ, а деревенскіе рабочіе—тупой, темный народъ, всѣ— въ рукахъ у клерикаловъ... Даже наши слободы нельзя согласить: у фермеровъ все по контракту, лѣсъ для чего бы то ни было должны они покупать обязательно графскій...

— Что ты тамъ про фермеровъ толкуешь!.. — раздался изъ угла дрожащій старческій голосъ. И на кровати, изъ - подъ груды разнаго платья, поднялъ голову чуть не столѣтній отецъ Вольдера. — Всѣ они дрянь, эти фермеры! — заговорилъ онъ, мигая красными, больными вѣками.—Они только бѣлятъ снаружи каждую субботу дома свои, потому что такъ контракты велятъ —чтобъ показать, какъ хорошо живется фермерамъ!.. Это всѣ знаютъ!.. Они и думать-то разучились совсѣмъ, а говорятъ только то, что приказано!.. Мы настоящее, фламандское, свиное сало ѣдимъ, а у нихъ даже и по праздникамъ американское, ничего не стоющее!. Знаю я этихъ фермеровъ твоихъ!.. Ты еще ходить не умѣлъ, когда я съ графомъ разговаривалъ... не съ этимъ, съ прежнимъ, — къ нему принцы ѣздили... да!.. Я съ отцомъ и въ Брюсселѣ на конгрессѣ былъ... Вся Фландрія поднялась тогда... волонтеры блузы носили... [1])

На него никто не обратилъ вниманія. Онъ опустилъ голову, бормоча что-то самъ съ собою, и медленно, точно черепаха въ скорлупу, втянулъ ее подъ одѣяло.

Разговоръ перешелъ между тѣмъ на выборы. Вольдеръ охотно обѣщалъ „un bon coup de main“ по поддержкѣ Бертрана, „исторію“ котораго онъ тутъ же разсказалъ Пикару, зная ее во всѣхъ подробностяхъ и называя „шербекскимъ землетрясеніемъ“...

— Десятокъ-другой голосовъ наберемъ среди башмачниковъ! —прибавилъ онъ.—А большинство любитъ тишь да гладь, вѣ-

---

[1]) Независимость Бельгіи провозглашена въ 1830 г., на конгрессѣ сословій, въ Брюсселѣ.

ритъ въ истину, что „міръ былъ такимъ, таковымъ и останется“... При успѣхѣ они пристанутъ къ намъ—это вѣрно! Но пока что — оставимъ ихъ въ покоѣ... Важно, что ледъ двинулся; что Странгеръ перестаетъ быть свѣтомъ въ окошкѣ!..

Товарищи побывали еще въ нѣсколькихъ домахъ—у „портныхъ“, отроду не бравшихъ ножницъ въ руки, шившихъ на магазины скроенное и сметанное, у „скульпторовъ“, дѣлавшихъ болванки подъ парики для парикмахерскихъ выставокъ. Въ одномъ домикѣ съ артистически изображенною сіяющею палитрой надъ окнами и съ надписью, что здѣсь изготовляютъ „художественныя вывѣски“, дверь отворила голая до плеча женская *рука*, такъ какъ обладательница ея осталась невидимой, скрывшись мгновенно куда-то. Изъ комнаты, съ шумомъ и пискомъ, захватывая кто платье, кто игрушки, бросилась за перегородку цѣлая орава дѣтей...

— А, дружище Арну! — раздался изъ-за перегородки голосъ хозяина, пользовавшагося, очевидно, щелкой.—Сію минуту!

Вошелъ лысенькій, красноватый мужчина въ черной коленкоровой блузѣ, уже успѣвшій замѣтно подвыпить.

Онъ крѣпко пожалъ руки гостямъ, выслушалъ съ хмурою серьезностью, въ чемъ дѣло, и сказалъ Арну, какъ бы въ отвѣтъ:

— Табакъ есть у васъ?

Арну, не взявшій съ собою запаса, хлопнулъ себя по карману и извинился. Пикаръ раскрылъ свою папиросницу.

— Нѣтъ... табаку, собственно... — промолвилъ упавшимъ голосомъ хозяинъ, и тутъ же нашелся: разорвавъ нѣсколько папиросокъ, онъ набилъ ими трубку и отчаянно задымилъ.

Онъ сообщилъ, что куритъ обыкновенно голландскій кнастеръ, къ которому привыкъ, учась „живописи“ въ Амстердамѣ; что въ Шербекѣ не существуетъ магазина, который не былъ бы обязанъ успѣхомъ его искуству „выразить“ вывѣску; что графа Ниссена онъ рѣшительно не боится, и потому смѣло вручаетъ свой голосъ Пикару...

— Мое желаніе всегда было—въ Брюсселѣ жить, тамъ работать, да вотъ семья...—уныло заключилъ онъ.

XI.

Близился уже полдень.

Остановившись на улицѣ предъ небольшимъ двухъ-этажнымъ домомъ, свѣже-выбѣленнымъ и сверкавшимъ въ лучахъ высоко

поднявшагося солнца, Арну одернулъ свой сольфериновый вестонъ, поправилъ воротнички.

— М-r Жоржъ живетъ здѣсь, человѣкъ съ капиталомъ и уважаемый...—обратился онъ къ Пикару. — Во Фландріи, какъ вы знаете, кустари есть по части мелкихъ глиняныхъ издѣлій; занимаются этимъ и въ слободѣ у насъ... Поддержка не малая для семей, но всему мѣшала трудность сбыта... скупщики такъ сбивали цѣны, что приходилось отдавать чуть не задаромъ... М-r Жоржъ организовалъ это дѣло, открылъ контору въ Брюсселѣ, посредникомъ сталъ... Отъ политики сторонится онъ, но теперь... въ подобномъ случаѣ... Словомъ, увидимъ!

Онъ нажалъ пуговку электрическаго звонка.

Отворившая дверь горничная въ бѣломъ чепчикѣ провела ихъ въ прилично обставленное бюро. На встрѣчу поднялся изъ-за письменнаго стола m-r Жоржъ — хорошо одѣтый толстякъ небольшого роста и съ мягкими манерами.

Арну произнесъ кудреватое вступленіе и отрекомендовалъ товарища.

— Пора, пора шевельнуться Шербеку... Давно пора! — заговорилъ хозяинъ, усадивъ гостей въ кресла предъ письменнымъ столомъ и занявъ свое мѣсто. — И я подамъ голосъ за m-r Бертрана... Непремѣнно подамъ! Что до прочаго, то я одобряю или бракую издѣлія работающихъ для меня, но въ ихъ совѣсть, въ политическіе взгляды не вмѣшиваюсь... не понимаю такого вмѣшательства!..

— Объ этомъ я не смѣлъ бы и просить васъ... — конфузливо проговорилъ Пикаръ.—Подобные пріемы—не въ правилахъ рабочей партіи...

— Ахъ, нѣтъ!.. зачѣмъ вы... — ласково перебилъ его m-r Жоржъ, скалывая въ то же время булавкой листки фактуръ.— Я имѣю въ виду шербекскіе пріемы... и хотѣлъ сказать, что вы свободны въ вашихъ сношеніяхъ съ работающими для меня... На мой взглядъ, всякая борьба тогда лишь законна, когда шпаги противниковъ равны... И потому въ дѣлѣ совѣсти даже совѣтъ хозяина подвластному рабочему — неумѣстенъ!.. Грустно становится при одной мысли, что въ наше время какое-то постыдное „давленіе“ можетъ гнѣздиться въ нравахъ... находить себѣ мѣсто въ числѣ пастырскихъ и политическихъ пріемовъ!.. Въ орудіе политики берется макіавелизмъ, какъ залогъ всякихъ успѣховъ, а между тѣмъ онъ-то именно и приводитъ къ разрушенію— отталкиваетъ отъ политики лучшія силы страны, порождаетъ индифферентность, извращаетъ въ средѣ дѣятелей самые высокіе умы,

принуждая ихъ уходить не въ область мысли, а лишь въ острую способность препираться съ ложью и хитросплетеніями... Участіе въ политикѣ стало синонимомъ купанья въ грязи... И я не участвовалъ, не купался... бюллетень мой опускалъ въ урну пустымъ! Теперь я напишу на немъ имя!.. И думаю, что клерикалы своею реакціонностью и грубою партійностью оттолкнули не меня одного!.. Но довольно объ этомъ! — воскликнулъ онъ, поднимаясь и принимая веселый видъ. — Хотите взглянуть на мой музей?

Онъ отворилъ боковую дверь и пропустилъ предъ собою гостей въ обширную, свѣтлую комнату.

На пирамидально высившихся полкахъ и въ этажеркахъ размѣщались всевозможные образцы фландрскихъ глиняныхъ издѣлій — poteries flamandes, такъ раскупаемыхъ въ брюссельскихъ магазинахъ иностранцами. Зеленѣли обливные, старинныхъ и новыхъ фасоновъ, фламандскіе кувшины, вазы, подсвѣчники, канделябры; гнѣздились кучками флакончики, пепельницы, чудныя разнообразныя бездѣлушки, привлекавшія вкусомъ и изяществомъ; удивляли совершенствомъ подражанія этрусскія древнія вещицы.

— Со всей Фландріи собрано!—сталъ говорить съ гордостью хозяинъ, любуясь, показывая, объясняя.—Одинъ образецъ здѣсь, другой—подъ тѣмъ же нумеромъ — у кустарей. Сегодня заказъ, а завтра ужъ работаютъ. Вездѣ альбомы рисунковъ съ руководствомъ по археологіи, по стилю. Поставленный на правильную дорогу, свободный отъ мертвящаго раздѣленія труда, кустарь совершенствуется, превращается, при способностяхъ, въ истиннаго художника... Не одинъ примѣръ у меня!..

XII.

Визитъ къ m-r Жоржу былъ послѣднимъ.

Для Пикара знакомство съ шербекскою дѣйствительностью являлось интереснымъ помимо выборовъ. Онъ задумчиво шелъ рядомъ съ товарищемъ, перебирая въ мысляхъ видѣнное и слышанное... Странная, безсвязная рѣчь стараго Вольдера, живого свидѣтеля славныхъ дней нарожденія свободной, независимой Бельгіи, перенесла его въ Брюссель—къ „Колоннѣ конгресса", сторожащей своими художественными аллегоріями добытую свободу совѣсти, образованія, печати, ассоціацій... къ тихой, элегической „Площади мучениковъ" съ ея гигантскимъ склепомъ, въ которомъ спитъ среди павшихъ героевъ 1830 г. солдатъ-

поэтъ, авторъ „Брабансонны“, обратившейся въ „Марсельезу“ бельгійцевъ...

Погруженный въ роившіяся мысли, Пикаръ сталъ насвистывать припѣвъ:

„La mitraille a brisé l'*orange*
Sur l'arbre de la liberté...“ [1])

— Не часто слышится это въ Шербекѣ!—раздался голосъ Арну.—Ширака дочь, Матильда, хорошо поетъ ее... Такъ и хватаетъ за сердце!.. Случилось, въ „потерянный понедѣльникъ“ запѣла она у меня въ эстаминэ — вся публика разомъ такъ и подхватила за ней! Всю ночь потомъ не смолкала по Шербеку „Брабансонна“...

Это дало новый оборотъ мыслямъ Пикара.

„Потеряннымъ понедѣльникомъ“ зовется традиціонный второй понедѣльникъ января. Празднованіе его обратилось у бельгійцевъ въ національный обычай, и слово „потерянный“ оправдывается вполнѣ... Въ этотъ день пивовары и водочники потчуютъ въ своихъ безчисленныхъ распивочныхъ заведеніяхъ *даромъ* всѣхъ завсегдатаевъ; всякія работы, даже домашнія, прекращаются; соблазненный приманкою народъ странствуетъ цѣлыми семьями, съ пляской и пѣснями, весь день и всю ночь по заведеніямъ, выпивая рюмку даромъ, а десять — за деньги и прокучивая больше, чѣмъ за цѣлую недѣлю.

— Развѣ въ слободѣ держится этотъ обычай? — спросилъ Пикаръ.

— А почему бы нѣтъ?

— Да ужъ слишкомъ все обездолено въ ней...

— Молоды вы, товарищъ! — произнесъ покровительственно Арну.—Я тоже такъ смотрѣлъ на вопросъ, пока не сталъ ближе къ питейному дѣлу... Оказывается — чѣмъ бѣднѣе и несчастнѣе народъ, тѣмъ больше онъ пропиваетъ... Святая истина, товарищъ! И клерикалы вѣруютъ въ нее — распложаютъ заведенія именно въ бѣднѣйшихъ мѣстностяхъ...

Сіявшее на сѣро-голубомъ небѣ яркое полуденное солнце такъ и било въ уставленныя бутылками окна эстаминэ, когда подошли товарищи. Анна, уже накормившая дѣтей, накрывала на столъ — тутъ же, за стойкой, чтобы служить одновременно публикѣ. Къ обычнымъ блюдамъ — постной похлебкѣ изъ кореньевъ съ лукомъ и жареному въ салѣ картофелю—была при-

---

[1]) Намекъ на Вильгельма I Оранскаго (d'Orange), изъ подъ власти котораго выдѣлилась въ 1830 г. Бельгія.

бавлена, ради гостя, кислая вареная капуста съ тонкими какъ кружево ломтиками копченаго свиного бока.

— Вотъ и поѣдимъ! — весело воскликнулъ Арну, потирая руки. — Не роскошный столъ, да съ насъ довольно! Во всей Фландріи говядину ѣдятъ только благополучные буржуа — dat zijn al folle burgers, какъ говорятъ фламандцы! Ха-ха-ха!

XIII.

Вообще, люди склонны преувеличивать свои бѣды, но бываютъ и такіе, которые преувеличиваютъ степень благополучія, идеализируютъ самую очевидную безвыходность... Къ этому последнему виду принадлежалъ Эженъ Арну. Безсознательно повинуясь жившему въ немъ врожденному благодушію, онъ всегда оцѣнивалъ свое положеніе по сравненію не съ лучшимъ, а съ худшимъ; претерпѣвая всякія не разлучавшіяся съ нимъ невзгоды, утѣшался философски разсужденіемъ, что „могло быть и хуже“...

Принужденный послѣ смерти отца оставить, за неимѣніемъ средствъ, техническую школу въ Гентѣ, онъ благодушно принялся за трудъ, удовольствовавшись положеніемъ простого рабочаго, примкнулъ къ начавшемуся соціалистическому движенію. Переживъ затѣмъ многое, въ томъ числѣ и извѣстныя уже шербекскія неудачи, онъ благодушно жался теперь съ семьей въ эстаминэ, трудясь изъ послѣднихъ силъ, выискивая средства сводить концы съ концами. Богатый и сильный, охватившій всю Бельгію, союзъ пивоваровъ и водочниковъ давно выработалъ свои неизмѣнныя правила по торговлѣ, создалъ новый классъ ловкихъ, свободныхъ отъ всякой морали, подотчетныхъ сидѣльцевъ. Доставлявшіяся изъ склада въ эстаминэ боченки пива содержали вымѣренное количество кружекъ, включая „фальшивый воротничокъ“ — пѣну на добрыхъ три пальца. Можжевеловая водка — hasselt, отъ имени города въ провинціи Лимбургъ, гдѣ производятся ея высшіе сорта, — вычислялась, какъ и другіе крѣпкіе напитки, по рюмкамъ съ математической точностью. Чтобъ избѣжать недочета и прибавить что-нибудь къ нищенскому, всячески урѣзанному коммиссіонному проценту, сидѣлецъ обязывался „умѣть“ наливать публикѣ. Совѣстливый Арну чуждался такого умѣнья. Раскинувъ умомъ, онъ завелъ тройку отличныхъ собакъ и сталъ зашибать копѣйку, исполняя для слободы коммиссіи на желѣзнодорожной станціи. Анна, не зная, что дѣлать съ постоянно просившими ѣсть тремя мальчиками и двумя дѣвочками,

рѣшилась заглушить въ себѣ материнское чувство и отдала дѣвочекъ монахинямъ, въ школу кружевницъ, — гдѣ онѣ и начали съ первыхъ же дней худѣть и чахнуть...

Все это было очень далеко даже отъ намека на благополучіе, но Арну не унывалъ, продолжалъ хохотать благодушно и даже нашелъ возможность проявить чисто юношескій пылъ, вмѣшавшись въ выборы.

Сидя, послѣ обѣда, на верху, въ комнаткѣ Пикара, Арну говорилъ:

— ...Ваше время уже новое... вы застали въ Гентѣ совсѣмъ готовую рабочую группу, и недоставало только формальной организаціи... Нѣтъ, поработали бы вы раньше!.. При васъ противникъ обозначился уже, вы правильную борьбу вели съ нимъ, а въ мое время клерикалы только злобствовали мальчишески!.. Не успѣешь афишу о митингѣ наклеить, какъ уже отрядъ семинаристовъ, подъ командой кюрэ, закидываетъ ее чернильницами, какъ камнями, и на стѣнѣ сплошное черное болото получается! Соберутся соціалисты въ кафé — клерикалы травлю на нихъ устроиваютъ!.. Самое слово: „соціалистъ“ руганью было!.. Съ газетой соціалистической разносчикъ въ Гентѣ показаться не смѣлъ!..

— А какъ вы полагаете, товарищъ? — сказалъ Пикаръ. — Пока приблизится выборная горячка, пока организуется агитація, — не начать ли распространять въ Шербекѣ газеты наши? Душеспасительные клерикальные листки сами по себѣ, а почитать, узнать, что дѣлается на свѣтѣ, что говорится въ парламентѣ, должны найтись охотники...

Исхудавшая фигура Арну поникла задумчиво.

— Трудно это...—отвѣтилъ онъ потомъ.

— Почему трудно?

— Кому охота таскаться даромъ, да еще кланяться, чтобъ даровую газету взяли...

— Зачѣмъ даровую!

— Такъ всегда дѣлалось. Въ этомъ и пропаганда...

— О, нѣтъ! Рабочая партія давно убѣдилась, что даровое распространеніе не цѣнится, даже не внушаетъ довѣрія... Словомъ, смысла не имѣетъ! Самый бѣдный крестьянинъ охотнѣе потратится на газету или брошюру, нежели обратитъ вниманіе на даровое...

— Кто же занимается теперь изданіемъ?

— Рабочая партія, какъ и прежде. Особый фондъ существуетъ для этого — „Denier de propagande“ и при всякой ра-

бочей федераціи свой комитетъ прессы есть. Большія газеты—оффиціальные органы партіи—„Le Peuple", „L'Echo du Peuple", „Le Laboureur"—на французскомъ языкѣ, „Vooruit"—на фламандскомъ, „De Werker"—на французскомъ и фламандскомъ—продаются по пяти сантимовъ. А собственно для провинціальной пропаганды издаются маленькія газеты въ одинъ центъ... [1])

— Съ убыткомъ, значитъ?

— Нѣтъ, все окупается. Иногда случается у какого-нибудь изданія недочетъ, и его поддерживаетъ корпорація „Vooruit", но въ общемъ убытка не бываетъ. И я такъ соображаю: въ Шербекѣ, даже на первыхъ порахъ, сотня-другая нумеровъ должна расходиться, а мальчики ваши не дѣлаютъ пока ничего; побѣгать день и заработать, мнѣ кажется, было бы на руку имъ.

— Это что и говорить! Но сколько же можетъ достаться разносчику, если газета стоитъ всего одинъ центъ?

— Не мало. Разносчикъ получаетъ у насъ ровно половину—сантимъ съ нумера. При этомъ—такъ какъ терять время обязанъ каждый, а успѣхъ не всегда и не у всякаго бываетъ одинаковъ—ставится правиломъ, чтобы заработокъ поступалъ въ общую кассу и дѣлился потомъ поровну. Въ Нельдекѣ, напримѣръ, меньше франка въ день разносчикъ не получаетъ.

— А вѣдь это дѣло, товарищъ! — воскликнулъ Арну, пристукнувъ рукой по столу.—Мои же малыши именно ногами и могутъ взять: на цѣпи не удержишь ихъ дома! Ха-ха-ха!

— Для начала ограничимся одной воскресной газетой. Я напишу въ Гентъ, чтобы высылали вамъ триста нумеровъ.

— Идетъ!

— Надѣюсь, что малыши не будутъ въ убыткѣ!

— Пожалуй, что такъ! А буря-то, буря какая поднимется! Соціалистическія газеты въ Шербекѣ! А?

— И въ газетахъ статьи о шербекскихъ выборахъ!

Арну схватился за животъ и согнулся вдвое на стульчикѣ.

— Я это совсѣмъ изъ виду упустилъ! — проговорилъ онъ, нахохотавшись до судорогъ.

XIV.

Наступила суббота.

Для полученія газеты слѣдовало отправиться на желѣзно-

---

[1]) Удержавшееся голландское названіе мѣдной монетки въ два сантима.

дорожную станцію — къ раннему поѣзду, развозящему утреннія гентскія изданія.

Пикаръ всталъ, когда было совсѣмъ еще темно. Одѣваясь, онъ услышалъ, какъ суетившійся уже Арну крикнулъ своему старшему сыну, Георгу: — „Иди, закладывай!“ — Внизу Арну встрѣтилъ товарища, одѣтый по дорожному — въ высокихъ сапогахъ и въ пальто съ бараньимъ воротникомъ. У эстаминэ стояла подъ надзоромъ Георга, державшаго возжи, низенькая телѣжка длиною въ метръ, запряженная тройкою собакъ въ наборныхъ хомутахъ. Темно-сѣрыя, приземистыя и съ большими головами, собаки были невелики ростомъ, но широко-сложенныя, мускулистыя. Онѣ оглушительно лаяли — отрывисто, въ перекличку — и скребли мерзлую землю толстыми, короткими лапами, порывались грызться и съ досадой трясли мѣшавшими имъ ременными намордниками.

Товарищи помѣстились на устроенной поперекъ телѣжки доскѣ, изображавшей сидѣнье, при чемъ колѣнки у длинноногаго Арну пришлись совсѣмъ въ уровень съ подбородкомъ. Собаки бросились впередъ и понеслись по обледенѣлому узенькому шоссе. Надо было имѣть навыкъ и не мало ловкости, чтобы держаться на вертѣвшейся и подскакивавшей телѣжкѣ. Пикаръ поминутно хватался за товарища, боясь свалиться. Привычный Арну держался крѣпко, балансируя длиннымъ туловищемъ, и умѣло правилъ своеобразными, совсѣмъ коротенькими возжами, привязанными къ хомуту коренника.

На востокѣ блѣдный разсвѣтъ боролся съ рѣдѣвшимъ сумракомъ и зажигалъ разноцвѣтными огнями крупную, яркую зарницу — Венеру. Вокругъ, разбросанныя тамъ и сямъ по равнинѣ, выдавались темными черепичными крышами кучки едва примѣтныхъ бѣленькихъ домиковъ, угрюмо выступали на горизонтѣ зубцы оголенныхъ лѣсовъ... Все сливалось въ сѣренькую, непривѣтливую картинку... непривѣтливо глядѣла тусклая, безцвѣтная даль... непривѣтливо налеталъ утренній вѣтерокъ, взметая мерзлую пыль на оголенномъ мѣстами шоссе и пронизывая сѣдоковъ...

— Отчего такъ не дружны собаки ваши — все грызутся! — проговорилъ Пикаръ.

— Грызутся? — повернулся къ нему Арну. — Нѣтъ, это онѣ порядокъ блюдутъ.

— Какой порядокъ?

— Чтобы каждая дѣлала свое дѣло, не фальшивила... Вонъ, видите?.. На коренника кинулась лѣвая пристяжная, и онъ не

огрызнулся, пошелъ только ровнѣе... А давеча онъ ее училъ... Всегда такъ у нихъ: сейчасъ замѣтятъ другъ за дружкой недолжное, и не удается проучить въ дорогѣ, такъ дома потомъ вцѣпится правая въ виноватую, а та только хвостъ подожметъ!.. Ха, ха, ха! Куда умнѣе лошади собака! Лошадь только *бѣжитъ* и тащитъ, что прицѣпили къ ней, а собака *везетъ*, понимаетъ, что дѣлаетъ...

На дорогѣ показалась уцѣлѣвшая полоска снѣгу. Собаки круто повернули, объѣзжая ее, и чуть не опрокинули телѣжку.

Арну разразился хохотомъ.

— Ну, посмотрите!— воскликнулъ онъ. — Сдѣлаетъ ли это лошадь! Знаютъ, что по снѣгу труднѣе везти, и вотъ повернули! А стоитъ повстрѣчать собаку безъ запряжки, всѣ сейчасъ такъ и ощетинятся, точно сказать хотятъ: — „Дармоѣдка, молъ, ты, не дѣлаешь ничего!“—Ха-ха-ха!

Пикару знакома была эта повсемѣстная безпричинная ненависть рабочихъ собакъ къ празднымъ, но подобный выводъ не приходилъ ему на умъ, и онъ тоже расхохотался.

На станціи толпилось десятка два разносчиковъ изъ округи, явившихся за своими тюками газетъ. Клерикальные, набираемые изъ числа богадѣленныхъ кандидатовъ, представляли собою типичную коллекцію старухъ, стариковъ и калѣкъ; соціалистическіе были все народъ молодой, здоровый и отличались, какъ мужчины, такъ и женщины, красными ярлыками на фуражкахъ и повязкахъ, съ вышитымъ мишурой названіемъ газеты или кооперации „Vooruit“. Такіе ярлыки пришли съ тюкомъ и для малышей Арну. На нихъ красовалось названіе воскресной кружковой газетки „Заря“.

Тюкъ былъ объемистый и вѣсилъ не мало. Товарищи принялись устроивать его поудобнѣе въ телѣжкѣ. Собаки лежали, высунувъ красные языки и проворно дыша. Ихъ одинаковая поза—въ растяжку и слегка набокъ, раскинутыя свободно лапы, —все показывало, что онѣ имѣютъ свою опредѣленную манеру отдыхать.

— Довезутъ ли онѣ?—усомнился Пикаръ.

— Ого! Еще лучше побѣжатъ домой-то!—отвѣтилъ Арну.— Я не по стольку вожу отсюда въ наши лавочки!

Когда все было готово и товарищи усѣлись, Арну крикнулъ на собакъ. Тѣ поднялись, огрызнулись другъ на дружку, потомъ оглянулись на хозяина и съ лаемъ понеслись по шоссе...

XV.

Давно уже разсвѣло, и Шербекъ оглашался нестройнымъ гуломъ колокола, точно рыдавшаго подъ невѣрными ударами била, когда товарищи вернулись со станціи. Въ эстаминэ встрѣтила ихъ Анна, въ черномъ люстриновомъ платьѣ и съ истрепаннымъ молитвенникомъ въ рукахъ, отправлявшаяся къ обѣднѣ. Публики только и было, что мѣстный вексельный маклеръ да жертва его —престарѣлый, унылый собственникъ, сводившіе полушопотомъ разсчеты и имѣвшіе предъ собой спрошенные ради порядка стаканчики пива.

Тюкъ помѣстили въ слѣдующей, свободной комнатѣ. Пикаръ торжественно надѣлилъ новоиспеченныхъ разносчиковъ красными ярлыками, затѣмъ принялся преподавать имъ искусство складыванія газеты. Малышей занимали больше всего ярлыки, сверкавшіе блёстками и мишурой. Они, споря и шумя, приладили ихъ тутъ же къ фуражкамъ, въ которыхъ такъ и остались, восхищенные новинкой. Это, впрочемъ, не помѣшало дѣлу. Распакованный тюкъ былъ живо растормошенъ и началось складываніе... Вопреки ожиданію, всѣхъ перегналъ младшій, Карель, приспособившійся сразу превращать листы быстро и ловко въ правильныя, плотно-сжатыя четвертки. Это подзадорило старшаго, Георга, и онъ скоро преуспѣлъ настолько, что сталъ давать уроки среднему, Гендрику...

— Теперь, вотъ вамъ правила! Зарубите ихъ на носахъ у себя и ни подъ какимъ видомъ не нарушайте!—началъ Пикаръ, когда новобранцы выстроились предъ нимъ, каждый со своею пачкой въ лѣвой рукѣ.—Предлагайте всегда такъ: „Не угодно газету?—Geen Gazetje?“—и отнюдь не приставайте! Не покупаютъ въ какомъ-нибудь домѣ или кафé—не отчаявайтесь, идите снова и снова туда. Станутъ бранить васъ, гнать—не обижайтесь, не обращайте вниманія, приходите опять и опять...

— Станутъ бить—кричите: „караулъ!“ —вставилъ въ тонъ ему Арну и захохоталъ.

— Авось не дойдетъ до этого!

— Всякое бываетъ! Встрѣчали и каменьями соціалистовъ!

— Въ глухихъ клерикальныхъ деревняхъ! А кончалось все-таки побѣдой: враги превращались въ друзей, присоединялись къ кооперації...

— Не равенъ и городъ!—возразилъ Арну.—По ту сторону Шельды, въ одномъ кафé городскіе клерикалы при мнѣ у раз-

носчика на рукѣ газеты спичкой подожгли! — Философская полоса снова набѣжала на него, и онъ продолжалъ:—Вообще,—принимая въ разсчетъ прогрессъ, науку и всякія промышленныя да техническія совершенства,—городъ, конечно, придется признать центромъ цивилизаціи... А примѣнительно вотъ къ подобнымъ случаямъ... къ столкновеніямъ на почвѣ осуществленія идей... деревня будетъ много предпочтительнѣе!.. Деревенскій невѣжда образумиться можетъ или просто понять, что новаторы не вреда желаютъ ему... А что подѣлаете вы съ ловкимъ городскимъ клерикаломъ, который обученъ, воспитанъ даже и служитъ невѣжеству, прикрывается шкурой овечьей умышленно—потому что оно выгодно для него?.. Походилъ я по этой дорожкѣ, товарищъ, знаю!

— Вы правы!—согласился Пикаръ.—Но наука и прогрессъ, во всякомъ случаѣ, дѣлаютъ свое дѣло, а потому будемъ надѣяться на лучшее!... Давайте, отмѣтимъ разносчикамъ болѣе демократическія мѣста..

— Это успѣется! А теперь, — глянулъ Арну на малышей, стоявшихъ рядкомъ съ комическою важностью на лицахъ:—маршъ на паперть! Кончится обѣдня—предлагайте всѣмъ выходящимъ!

Удостовѣрясь отеческимъ глазомъ черезъ окно, что мальчики не кинулись въ перегонку по улицѣ, какъ всегда, а пошли чинно, помахивая пачками и поглядывая другъ другу на фуражки, онъ прошелся по комнатѣ, потеръ съ видимымъ удовольствіемъ руки и сказалъ:

— Теперь идемте, товарищъ, и займемъ наблюдательный постъ!

— А какъ же эстаминэ?

— Запремъ: у Анны свой ключъ отъ задней двери, а публика только послѣ обѣдни появится.

Товарищи заперли наружную дверь на крюкъ изнутри, одѣлись по воскресному, какъ требовалось общимъ правиломъ, и отправились въ центръ, къ церкви св. Маріи. Тамъ, подъ аркадами древняго пушкарнаго двора, они облюбовали эстаминэ, приходившееся какъ разъ противъ церковнаго входа, и усѣлись за столикомъ, предъ полукруглымъ широкимъ окномъ.

Н. Сѣверовъ.

ЖЕНСКІЙ МЕДИЦИНСКІЙ ИНСТИТУТЪ

и

ЖЕНСКІЕ ВРАЧЕБНЫЕ КУРСЫ

Историческій очеркъ.

I.

Въ ноябрѣ прошедшаго года состоялся *первый* выпускъ слушательницъ „Женскаго медицинскаго института".

По поводу этого памятнаго событія въ дѣлѣ развитія спеціальнаго женскаго образованія въ Россіи, необходимо вспомнить предшествовавшіе и положившіе начало нынѣшнему институту прежніе „Женскіе врачебные курсы".

Они были открыты въ ноябрѣ 1872 года, слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, при императорской медико-хирургической академіи, и первоначально именовались: „Курсами для образованія ученыхъ акушерокъ".

Курсъ обученія на нихъ сначала предполагался четырехълѣтній. Затѣмъ, въ 1876 году, при переходѣ курсовъ въ Николаевскій военный госпиталь, былъ прибавленъ еще одинъ годъ, курсы сдѣлались пятилѣтними и были переименованы въ „Женскіе врачебные курсы".

Моменту открытія этихъ курсовъ предшествовалъ, впрочемъ, длинный періодъ подготовительныхъ работъ. Стремленіе русскихъ женщинъ учиться рѣзко обнаружилось еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Въ самомъ началѣ 1861 года появились просьбы о допущеніи женщины слушать курсъ на одномъ изъ нашихъ медицинскихъ факультетовъ для пріобрѣтенія лекарскаго званія. Мѣстное начальство не разрѣшило этой просьбы, по неимѣнію на то положительнаго закона, но представило ее на усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія.

Послѣдній также затруднился непосредственно рѣшить дѣло по той же причинѣ, но не захотѣлъ и отвергнуть этой просьбы безъ предварительнаго обсужденія и предположилъ собрать мнѣнія компетентныхъ лицъ и учрежденій. Медицинскій совѣтъ призналъ (въ маѣ 1861 г.), что онъ не встрѣчаетъ препятствій къ допущенію просительницъ слушать медицинскія лекціи для полученія ученой степени, при соблюденіи всѣхъ прочихъ правилъ, установленныхъ на тотъ же предметъ.

Четыре университета сочли справедливымъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ медицинскаго совѣта.

Между тѣмъ стали поступать все новыя и новыя просьбы отъ женщинъ о допущеніи ихъ къ изученію медицины; одновременно поступали отъ нихъ ходатайства о дозволеніи имъ слушать лекціи въ университетахъ и на другихъ факультетахъ.

Пока въ совѣтахъ университетовъ разсматривались эти прошенія и обсуждался вопросъ, какъ съ ними поступать, нѣкоторыя женщины появились въ аудиторіяхъ медико-хирургической академіи и въ университетѣ, гдѣ онѣ прослушали безпрепятственно учебный годъ 1861-1862 и часть 1862-1863.

Въ 1863 году доступъ женщинъ въ академію и въ университеты былъ прекращенъ.

Тогда началось переселеніе русскихъ женщинъ, жаждавшихъ учиться, въ заграничные университеты, преимущественно въ Швейцарію, гдѣ многія окончили полный курсъ наукъ и получили докторскіе дипломы. Первыми изъ нихъ были Надежда Прокофьевна Суслова (Цюрихъ, 1867 г.) и Марія Александровна Бокова. Въ слѣдующемъ, 1868 году окончила курсъ въ медико-хирургической академіи Варвара Александровна Кашеварова-Руднева. Послѣ удаленія изъ медико-хирургической академіи вольно-слушательницъ, въ 1863 году, Кашеваровой было разрѣшено посѣщать лекціи въ академіи, въ качествѣ стипендіатки башкирскихъ земель, гдѣ женское мусульманское населеніе не допускаетъ врачей-мужчинъ.

Само собою разумѣется, что далеко не всѣмъ русскимъ женщинамъ, стремившимся къ высшему образованію, удавалось ѣхать за границу, по различнымъ семейнымъ и матеріальнымъ причи-

намъ. Вслѣдствіе этого, среди женщинъ, желавшихъ учиться, естественно возникла мысль попытаться удовлетворить этому стремленію дома, въ формѣ отдѣльныхъ курсовъ для женщинъ.

Такъ, во время І-го съѣзда естествоиспытателей при с.-петербургскомъ университетѣ въ декабрѣ 1867 года, г-жею Конради была подана докладная записка объ устройствѣ правильныхъ, систематическихъ университетскихъ курсовъ для женщинъ.

Заявленіе это, покрытое многочисленными подписями, весною того же года подавалось вновь ректору с.-петербургскаго университета и послужило поводомъ, при дальнѣйшихъ ходатайствахъ убѣжденныхъ женщинъ, во главѣ которыхъ стояли г-жи М. В. Трубникова, Н. В. Стасова и А. П. Философова, къ учрежденію сначала Владимірскихъ курсовъ, а впослѣдствіи Бестужевскихъ высшихъ курсовъ.

Одновременно съ заявленіемъ, поступившимъ въ университетъ, также въ 1867-1868 году, членомъ медицинскаго совѣта, д-ромъ медицины Николаемъ Иларіоновичемъ Козловымъ, былъ поданъ на имя министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого, проектъ устройства „врачебныхъ курсовъ“ для женщинъ, отдѣльно отъ мужчинъ.

Подробный учебный планъ этихъ курсовъ былъ выработанъ д-ромъ Козловымъ при помощи молодыхъ ученыхъ: профессора патологической анатоміи Михаила Матвѣевича Руднева, профессора акушерства Василія Марковича Флоринскаго и докторовъ Петра Петровича Гагарина и Веніамина Михайловича Тарновскаго. Однако, проекту этому въ первоначальной формѣ его не удалось осуществиться.

Но д-ръ Козловъ былъ горячимъ поборникомъ женскаго высшаго образованія; словесно и печатно онъ высказывалъ, что „стремленіе женскаго пола къ высшему образованію вполнѣ естественно и отнюдь не вызвано какими-либо ложными ученіями, но его нужно урегулировать и дать правильный исходъ. Противъ неустойчивости и броженія мысли молодежи существуетъ только одно радикально цѣлительное средство—основательное, систематическое образованіе, дѣлающее зрѣлымъ неопытное молодое мышленіе“.

Потерпѣвъ неудачу въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, д-ръ Козловъ не сложилъ оружія.

Въ зиму 1869 года въ медицинскомъ совѣтѣ разсматривалось дѣло по вопросу чисто спеціальному: объ усиленіи медицинскаго образованія повивальныхъ бабокъ. Это послужило по-

водомъ д-ру Козлову вновь возбудить вопросъ о высшемъ медицинскомъ образованіи для женщинъ.

Въ январѣ 1870 года членами медицинскаго совѣта Н. К. Козловымъ, профессоромъ А. Я. Красовскимъ и профессоромъ Н. Ѳ. Здекауеромъ былъ внесенъ докладъ, по которому предполагалось установить двѣ акушерскія степени: 1) степень повивальной бабки, въ томъ видѣ, какъ она достигается въ родовспомогательныхъ институтахъ, и 2) степень „ученой акушерки" съ общимъ врачебнымъ образованіемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ предложенъ учебный планъ для устройства отдѣльныхъ отъ студентовъ курсовъ „ученыхъ акушерокъ" при медико-хирургической академіи и при тѣхъ медицинскихъ факультетахъ, гдѣ устройство такихъ курсовъ дозволялось мѣстными условіями.

Предложеніе это было признано полезнымъ, и въ апрѣлѣ 1870 года медицинскій совѣтъ постановилъ учредить сказанныя двѣ степени, съ тѣмъ чтобы лицъ, желающихъ себя посвятить болѣе широкой врачебно-акушерской дѣятельности, допустить къ слушанію учебныхъ курсовъ на медицинскихъ факультетахъ и въ медико-хирургической академіи.

Условіемъ для допущенія женщинъ къ слушанію курса врачебныхъ наукъ должно быть выдержаніе ими полнаго, окончательнаго экзамена по программамъ женскихъ гимназій или институтовъ. Этому же условію должны подвергаться и имѣющія степень повивальной бабки, „коль скоро онѣ пожелаютъ слушать курсъ врачебныхъ наукъ".

Курсъ врачебно-акушерскаго образованія женщинъ продолжается четыре года. Преподаваніе производится по слѣдующей программѣ:

На первомъ курсѣ: физика; общая химія; медицинская ботаника; анатомія здороваго человѣка; физіологія и гистологія нормальныхъ тканей.

На второмъ курсѣ: медицинская химія; анатомія; гистологія; методы изслѣдованія болѣзней; гигіена; фармакологія и фармація съ рецептурой.

На третьемъ курсѣ: патологическая анатомія; гистологія; акушерство; женскія болѣзни; хирургія въ примѣненіи къ гинекологіи и дѣтской практикѣ, съ ученіемъ о повязкахъ. Клиники: акушерская, гинекологическая, дѣтская, внутреннихъ и наружныхъ болѣзней.

На четвертомъ курсѣ: оперативное акушерство; судебная медицина въ примѣненіи къ акушерству, женскимъ и дѣтскимъ

болѣзнямъ; ученіе о нервныхъ и глазныхъ болѣзняхъ. Клиники: акушерская, гинекологическая, дѣтская, сифилидологическая.

По окончаніи курса ученія, слушательницы, для полученія степени ученыхъ акушерокъ, должны выдержать испытаніе по программѣ, установленной на званіе лекаря, съ тѣмъ различіемъ, что изъ предметовъ, не входящихъ полностью въ кругъ будущей ихъ дѣятельности, какъ-то изъ теоретической и оперативной хирургіи, судебной медицины, онѣ испытываются лишь въ примѣненіи къ ихъ будущей дѣятельности, а изъ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней подвергаются болѣе спеціальному испытанію, чѣмъ на степень лекаря.

Получившимъ по надлежащемъ испытаніи степень ученой акушерки предоставляется право самостоятельной, по преимуществу спеціальной, акушерской, гинекологической врачебной практики, а также леченіе сифилиса у женщинъ и дѣтей.

Военнымъ министромъ въ то время былъ высокообразованный и гуманный Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ. Такъ какъ при петербургскомъ университетѣ медицинскаго факультета не было, а медико-хирургическая академія находилась въ вѣдѣніи военнаго министра, то ему и были представлены на разсмотрѣніе докладъ д-ра Козлова и постановленіе медицинскаго совѣта. Д. А. Милютинъ призналъ, что цѣль, указанная въ проектѣ, можетъ быть достигнута не иначе, какъ при правильномъ, систематическомъ обученіи врачебнымъ наукамъ, что возможно лишь въ высшихъ врачебно-образовательныхъ заведеніяхъ; въ видахъ удовлетворенія этой потребности, генералъ-адъютантъ Д. А. Милютинъ не встрѣтилъ препятствія допустить желающихъ достигнуть степени ученой акушерки въ медико-хирургическую академію на основаніяхъ, какія будутъ опредѣлены по соглашенію военнаго министерства съ министерствами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Но здѣсь дѣло потерпѣло существенную, почти двухъ-лѣтнюю задержку...

Въ виду предполагавшагося обученія женщинъ всѣмъ врачебнымъ наукамъ, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой, потребовалъ заключенія университетскихъ совѣтовъ и ученаго комитета, состоящаго при его министерствѣ, а затѣмъ передалъ эти заключенія на обсужденіе совѣта министра.

Прохожденіе черезъ всѣ сказанныя инстанціи потребовало, конечно, много времени. Совѣтъ министра народнаго просвѣщенія только 15 марта 1872 года постановилъ свое заключеніе.

Вотъ оно: „Не отрицая пользы усиленія медицинскаго обра-

зованія повивальныхъ бабокъ съ тою цѣлью, чтобы удостоенныя изъ нихъ званія ученыхъ акушерокъ имѣли право на самостоятельное леченіе опредѣленнаго круга болѣзней и такимъ образомъ могли заступать мѣсто врачей, совѣтъ министра признаетъ необходимымъ, чтобы при устройствѣ медицинскихъ курсовъ для образованія ученыхъ акушерокъ было соблюдено условіе, чтобы курсы эти были отдѣльные отъ курсовъ для студентовъ [1]. Не входя затѣмъ въ подробное обсужденіе вопроса о томъ, въ какомъ размѣрѣ удобно и полезно предоставить у насъ женщинамъ средства получать медицинское образованіе и съ какою предварительною научною подготовкой онѣ могли бы быть допускаемы къ слушанію устроенныхъ для нихъ медицинскихъ курсовъ, совѣтъ министра признавалъ нужнымъ имѣть въ виду: 1) свѣдѣнія о томъ, при какихъ условіяхъ и въ какомъ размѣрѣ предоставляется женщинамъ право на медицинскую практику въ западной Европѣ; и 2) спросить мнѣніе медицинскаго совѣта, не будетъ ли имъ признано полезнымъ, независимо отъ устройства медицинскихъ курсовъ для образованія ученыхъ акушерокъ, завести медицинскіе курсы для образованія лекарскихъ помощниковъ, которые имѣли бы право на медицинскую практику въ опредѣленныхъ случаяхъ и размѣрахъ и могли бы, также какъ ученыя акушерки, заступать въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣсто врачей".

Препровождая выписку изъ приведеннаго здѣсь журнала совѣта, министръ народнаго просвѣщенія просилъ министра внутреннихъ дѣлъ о доставленіи по его содержанію надлежащаго отзыва. Слѣдовательно, дѣло вновь затягивалось на неопредѣленно продолжительное время.

II.

Между тѣмъ, зимою 1871-1872 года, дочь инженеръ-полковника, Лидія Алексѣевна Родственная, нынѣ супруга генералъ-маіора Альфонса Леоновича Шанявскаго, извѣстнаго ревнителя высшаго женскаго медицинскаго образованія въ Россіи, обратилась къ Н. И. Козлову съ предложеніемъ пожертвовать пятьдесятъ тысячъ на устройство женскихъ врачебныхъ курсовъ.

Это дало новый толчокъ замиравшему дѣлу.

Военный министръ, по докладу Н. И. Козлова, всеподданнѣйше доложилъ государю императору объ этомъ пожертвованіи и вмѣстѣ

[1]) Обстоятельство это было уже предусмотрѣно въ проектѣ Н. И. Козлова.

съ тѣмъ ходатайствовалъ о Высочайшемъ разрѣшеніи открыть, въ видѣ опыта, при медико-хирургической академіи особый курсъ для образованія ученыхъ акушерокъ.

Высочайшимъ указомъ отъ 6-го мая 1872 года повелѣно: „Пожертвованіе принять, и предположеніе военнаго министра привести въ исполненіе“.

Работа для приспособленія отдѣльныхъ курсовъ для женщинъ закипѣла въ медико-хирургической академіи. Начальникомъ ея въ то время былъ Н. И. Козловъ.

Черезъ полгода, 2-го ноября 1872 г., курсы были торжественно открыты. Послѣ молебна въ академической церкви, проф. Александръ Ефимовичъ Голубевъ прочелъ первую лекцію по гистологіи нормальныхъ тканей.

По выработанному въ медицинскомъ совѣтѣ еще въ 1870 г. вышеупомянутому плану, учебный курсъ былъ первоначально распредѣленъ на четыре года. Преподаваніе охотно взяли на себя профессора медико-хирургической академіи, отличавшейся въ то время своимъ блестящимъ составомъ.

Къ пріему на курсы допускались по первоначальному испытанію въ конференцъ-залѣ лица женскаго пола, окончившія образованіе въ женскихъ гимназіяхъ и институтахъ или имѣющія дипломъ домашней наставницы. Съ перваго же года были установлены полугодовыя репетиціи и переходные экзамены по программамъ примѣнительно къ испытаніямъ студентовъ-медиковъ, съ нѣкоторыми ограниченіями въ курсахъ судебной медицины, эпизоотіи и медицинской полиціи. Изъ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, слушательницы подвергались болѣе спеціальному, какъ теоретическому, такъ и практическому испытанію.

Въ 1876 г. оканчивался опытный срокъ, на который были учреждены при медико-хирургической академіи курсы для ученыхъ акушерокъ.

Четырехлѣтній опытъ доказалъ, что учащіяся способны вполнѣ сознательно усвоивать медицинскія знанія не только въ области предоставленныхъ имъ спеціальностей, но и въ области другихъ отраслей, какъ-то внутреннихъ болѣзней, офталмологіи, накожныхъ и другихъ. Четырехлѣтній курсъ оказывался недостаточнымъ; особенно сказывалось это на практическихъ занятіяхъ, такъ какъ клиническаго матеріала медико-хирургической академіи, необходимаго для студентовъ, не хватало на слушательницъ женскихъ курсовъ. Обстоятельство это было одной изъ причинъ, почему военно-медицинское управленіе признало нужнымъ удлиннить срокъ занятій еще на одинъ годъ и отдѣлить курсы отъ ака-

деміи. Именнымъ указомъ отъ 4-го марта 1876 года государь императоръ повелѣть соизволилъ:

„1) Открытые въ 1872 г. женскіе врачебные курсы отдѣлить отъ имп. медико-хирургической академіи и съ начала 1876—77 учебнаго года занятія слушательницъ перенести въ Николаевскій военный госпиталь, съ возложеніемъ непосредственнаго завѣдыванія курсами, независимо отъ надзора инспектрисы и ея помощницъ, на главнаго врача госпиталя, подъ руководствомъ главнаго военно-медицинскаго инспектора. 2) Срокъ обученія слушательницъ установить вмѣсто четырехлѣтняго пятилѣтнимъ.

„Практическія занятія слушательницъ старшихъ курсовъ, кромѣ Николаевскаго госпиталя, продолжать въ спеціальныхъ врачебныхъ заведеніяхъ по соглашенію съ надлежащими вѣдомствами".

III.

Такимъ образомъ, въ 1876 г., курсы перешли въ Николаевскій военный госпиталь, съ прибавленіемъ пятаго учебнаго года и переименованіемъ изъ „Курсовъ для ученыхъ акушерокъ" въ „Женскіе врачебные курсы".

Въ Николаевскомъ госпиталѣ были произведены всѣ необходимыя приспособленія, какъ-то аудиторіи, химическая лабораторія, физическій кабинетъ, и построенъ въ отдѣльномъ зданіи анатомическій театръ, на новое пожертвованіе, сдѣланное г-жею Родственною-Шанявской.

Пятый годъ преподаванія на курсахъ былъ посвященъ занятіямъ въ клиникахъ: женской, дѣтской, акушерской, глазныхъ и ушныхъ болѣзней, накожныхъ и венерическихъ, психіатрической, терапевтической и хирургической клиникахъ, съ практическими упражненіями по оперативной хирургіи.

Кромѣ занятій въ отдѣленіяхъ госпиталя, слушательницамъ старшихъ курсовъ приходилось посѣщать спеціальныя врачебныя заведенія: дѣтскую больницу принца Ольденбургскаго, родовспомогательные институты, больницы: Калинкинскую и Обуховскую.

Такія передвиженія отнимали много времени, и для многихъ слушательницъ, кромѣ того, были весьма затруднительны по недостатку матеріальныхъ средствъ.

Тѣмъ не менѣе, слушательницы продолжали заниматься съ рвеніемъ, чѣмъ воодушевляли и своихъ преподавателей.

Руководствуясь мыслью, что главною основою медицинскаго образованія должно быть полное и всестороннее знакомство уча-

щихся съ основными врачебными науками, что недостаточность общаго медицинскаго образованія, отрывчатость преподаванія и укороченныя программы всегда ведутъ къ полуобразованію и медицинскому шарлатанству, преподаватели женскихъ врачебныхъ курсовъ съ самаго основанія ихъ приложили стараніе, чтобы преподаваніе, какъ по направленію своему, такъ и по объему предметовъ, ничѣмъ не отличалось отъ преподаванія на медицинскихъ факультетахъ и въ медико-хирургической академіи. Этимъ профессора поставили преподаваніе на женскихъ врачебныхъ курсахъ сразу на надлежащую научную высоту, не дѣлая различія отъ преподаванія студентамъ-медикамъ, чѣмъ сослужили великую службу дѣлу высшаго женскаго медицинскаго образованія и на будущее время.

Въ 1877 г., въ виду предстоявшаго выпуска I-го курса и вступленія слушательницъ въ общественную дѣятельность, собраніе преподавателей курсовъ выработало особую инструкцію для производства выпускныхъ экзаменовъ и ходатайство: „о даровании выдержавшимъ предстоящія окончательныя испытанія ученой степени и права врачебной практики", соотвѣтственно тѣмъ, которыхъ удостоиваются студенты-медики по окончаніи курса.

Составленное главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ [1]) „положеніе о врачебныхъ женскихъ курсахъ", одобренное военнымъ министромъ [2]), было отправлено на заключеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ.

Но министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ, что въ сказанномъ положеніи устанавливается особая медицинская степень для лицъ женскаго пола, соотвѣтствующая лекарскому званію, между тѣмъ какъ права обучающихся на врачебныхъ курсахъ по первоначальному проекту ограничивались только акушерскими занятіями, „равно какъ и сестеръ милосердія—только фельдшерскими занятіями"; потому министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ предварительно войти въ соглашеніе съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, а затѣмъ „Положеніе" о женскихъ врачебныхъ курсахъ внести на обсужденіе государственнаго совѣта.

Такимъ образомъ, вопросъ о правахъ затягивался на долгое время.

Пока шла эта переписка между министерствами, наступило военное время,—время турецкой войны 1877—78 гг.

---

[1]) Н. И. Козловъ.
[2]) Д. А. Милютинъ.

Лѣтомъ 1877 года слушательницы V-го курса были допущены въ военно-временные госпитали къ исправленію ординаторскихъ обязанностей въ терапевтическихъ и хирургическихъ отдѣленіяхъ подъ руководствомъ врачей.

Несмотря на близость выпускныхъ экзаменовъ, около сорока слушательницъ старшихъ курсовъ отправились на мѣсто военныхъ дѣйствій и самоотверженно предались уходу за больными и ранеными.

Слушательницамъ V-го курса, уѣзжавшимъ на войну, выдавались свидѣтельства такого рода: „Такая-то окончила пятилѣтній курсъ врачебныхъ наукъ и можетъ исполнять медицинскія обязанности наравнѣ со студентами медико-хирургической академіи соотвѣтствующаго курса“.

Это было первое примѣненіе на практикѣ ихъ научной подготовки, и онѣ съ честью вышли изъ этого испытанія.

Такъ, въ февралѣ 1878 г., военно-медицинскій инспекторъ В. И. Присёлковъ представилъ слѣдующій докладъ начальнику штаба дѣйствующей арміи: „Слушательницы женскихъ врачебныхъ курсовъ, командированныя въ дѣйствующую армію, съ самаго начала кампаніи, при непомѣрномъ рвеніи, сознательномъ пониманіи дѣла, выказали себя съ самой лучшей стороны и доставленною ими хирургическою и терапевтическою помощью въ госпиталяхъ вполнѣ оправдали въ этомъ первомъ опытѣ ожиданія высшаго медицинскаго начальства. Самоотверженная работа женскихъ ординаторовъ среди опасностей и лишеній, среди тифозныхъ заболѣваній, жертвой которыхъ была не одна изъ нихъ, обратила на себя общее вниманіе и, какъ первый примѣръ примѣненія женскаго труда въ военномъ дѣлѣ, заслуживаетъ отличія и поощренія. Посему рѣшаюсь просить васъ ходатайствовать передъ главнокомандующимъ о награжденіи участвовавшихъ въ войнѣ слушательницъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, не въ примѣръ другимъ, орденомъ св. Станислава 3-й степени съ мечами или другимъ знакомъ отличія“ [1]). Такіе же одобрительные отзывы были получены отъ ясской эвакуаціонной коммиссіи о слушательницахъ женскихъ врачебныхъ курсовъ въ томъ, что онѣ „во все время служенія исполняли свои обязанности съ ревностью и научнымъ пониманіемъ дѣла и оказали существенную пользу въ дѣлѣ поданія медицинской помощи раненымъ и больнымъ воинамъ“.

Многія слушательницы были командированы къ обществу

[1]) Нѣкоторыя изъ слушательницъ были награждены знаками отличія.

„Краснаго Креста“, откуда онѣ распредѣлялись по временнымъ госпиталямъ и лазаретамъ, и, смотря по требованіямъ и внезапностямъ военнаго времени, работали и за фельдшеровъ, и за ординаторовъ, и за полковыхъ врачей, въ передовыхъ отрядахъ и на перевязочныхъ пунктахъ. Какъ въ хирургическихъ, такъ и въ терапевтическихъ отдѣленіяхъ, онѣ зарекомендовали себя съ лучшей стороны своими знаніями, физической и нравственной выдержкой.

На одной изъ батарей подъ Плевною, въ отрядѣ обложенія, работала слушательница V-го курса Больботъ; по взятіи Плевны, она занималась въ плевненскихъ госпиталяхъ.

Между тѣмъ въ терапевтическихъ отдѣленіяхъ тифы и лихорадки опустошали лазареты, и немало отъ нихъ погибло слушательницъ женскихъ врачебныхъ курсовъ. Въ числѣ ихъ погибла выдающаяся личность, слушательница V-го курса Варвара Степановна Некрасова.

Какъ тяжелы подъ часъ были условія работы на войнѣ, видно изъ дневника Некрасовой, изъ котораго мы приведемъ эти нѣсколько словъ.

...„Многіе (раненые) лежали не въ палаткахъ, а просто подъ навѣсомъ“,—писала она изъ Фратешти;—„чтобы залѣзать туда, нужно изогнуться въ три дуги и тамъ уже ползать на колѣняхъ, отъ одного больного къ другому;—вчера я такъ 30 человѣкъ осмотрѣла, при чемъ вылѣзаешь оттуда вся обсыпанная насѣкомыми“.

О дѣятельности В. С. Некрасовой д-ръ Ильинскій даетъ слѣдующую характеристику [1]: „Въ то время, когда въ госпиталѣ находилось уже довольно много тифозныхъ больныхъ, В. С. Некрасова работала по патологіи тифа, почти безвыходно находясь въ палатахъ и въ секціонной комнатѣ... Такъ поступать съ собой было невозможно. Несчастная труженица, забывшая о себѣ ради научныхъ стремленій, заболѣла тифомъ, и смерть пресѣкла работу женщины-врача, стремившейся оправдать присвоенное ей названіе“.

Надъ могилой В. С. Некрасовой въ Систовѣ стоитъ памятникъ съ надписью: „Больше сія любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“.

Осенью 1877 г. начались выпускные экзамены для тѣхъ слушательницъ V-го курса, которыя не поѣхали на войну.

[1]) См. „Матеріалы къ исторіи женскаго медицинскаго образованія въ Россіи“, д-ра З. Окуньковой-Гольдингеръ, въ сборникѣ въ пользу Спб. Женскаго Медицинскаго Института, „Дѣло“. Москва, 1899.

Экзамены были обставлены весьма торжественно и производились въ присутствіи членовъ медицинскаго совѣта, главнаго военно-медицинскаго инспектора, членовъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, начальника медико-хирургической академіи, профессоровъ ея, старшихъ врачей больницъ и другихъ приглашенныхъ лицъ.

Производились экзамены по тѣмъ же программамъ, какъ и у студентовъ-медиковъ на полученіе званія лекаря. Экзамены прошли блестяще и окончились 6 февраля 1878 г. первымъ выпускомъ въ 60 человѣкъ, которые, въ ожиданіи диплома получили отъ начальства Николаевскаго госпиталя „временное свидѣтельство“, дающее имъ право практики у женщинъ и дѣтей. Гораздо позднѣе, Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 14 іюня 1880 г., лицамъ женскаго пола, кончившимъ ученіе на женскихъ врачебныхъ курсахъ, былъ присвоенъ нагрудный знакъ отличія на право самостоятельной практики.

Первоначально число поступающихъ на курсы предполагалось ограничить 70-ю слушательницами ежегодно; на самомъ дѣлѣ, съ перваго года пришлось принимать гораздо болѣе, въ виду наплыва желающихъ.

Всего, въ десятилѣтній періодъ существованія женскихъ врачебныхъ курсовъ, на нихъ обучалось 959 человѣкъ.

Но наступилъ роковой 1881 годъ, и мирное теченіе курсовъ было внезапно нарушено.

Несмотря на значительное развитіе и расширеніе курсовъ съ переходомъ ихъ въ Николаевскій военный госпиталь, на вполнѣ достаточное обезпеченіе ихъ какъ клиническимъ матеріаломъ, такъ и всѣми учебными пособіями, несмотря на трудолюбіе и рвеніе къ занятіямъ самихъ слушательницъ, и полный порядокъ въ стѣнахъ госпиталя, много выигравшаго съ переходомъ въ него курсовъ, вновь назначенный въ 1881 г. военный министръ, генералъ-адъютантъ Петръ Семеновичъ Ванновскій, призналъ неудобнымъ дальнѣйшее существованіе при военномъ вѣдомствѣ женскихъ врачебныхъ курсовъ, что было равносильно упраздненію курсовъ, такъ какъ, за неимѣніемъ медицинскаго факультета при с.-петербургскомъ университетѣ, единственнымъ учрежденіемъ для изученія медицинскихъ наукъ была медико-хирургическая академія, состоящая при военномъ вѣдомствѣ [1]).

[1]) Поэтому и былъ совершенно несправедливъ тотъ упрекъ, который приходилось такъ часто слышать въ то время: „понятно, что курсы закрыли!—вѣдь существованіе женскихъ врачебныхъ курсовъ при военномъ вѣдомствѣ всегда было *анахронизмомъ*“.

Увѣдомляя, 22 октября 1881 г., министра внутреннихъ дѣлъ о своемъ рѣшеніи упразднить состоящіе при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ женскіе врачебные курсы, генералъ Ванновскій изъявилъ желаніе, чтобы курсы были приняты въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ съ переводомъ въ одну изъ столичныхъ больницъ. Такое же предложеніе было сдѣлано и министру народнаго просвѣщенія.

Отвѣтъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ (въ то время графа Игнатьева) на этотъ разъ былъ полученъ очень скоро; на запросъ отъ 22 октября, уже 6 ноября гр. Игнатьевъ отвѣтилъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ никогда не встрѣчало необходимости привлекать лицъ женскаго пола къ врачебной службѣ; что оно всегда имѣло запасъ готовыхъ врачей, ежегодно выпускаемыхъ медицинскими факультетами, и въ виду избытка врачей не предусматриваетъ необходимости имѣть въ своемъ вѣдѣніи особое учрежденіе для приготовленія лицъ женскаго пола къ врачебной практикѣ.

Министръ народнаго просвѣщенія также не призналъ возможнымъ принять въ свое вѣдѣніе женскіе врачебные курсы, за неимѣніемъ медицинскаго факультета при с.-петербургскомъ университетѣ.

Такъ какъ въ то время уже предполагался переходъ городскихъ больницъ въ завѣдываніе думы, то главный военно-медицинскій инспекторъ, Николай Иларіоновичъ Козловъ, обратился въ городское управленіе съ запросомъ, не приметъ ли с.-петербургская дума въ свое вѣдѣніе женскіе врачебные курсы. Отвѣтъ получился благопріятный: дума изъявила свое согласіе въ томъ случаѣ, если послѣдуетъ передача городскихъ больницъ въ ея вѣдѣніе. Какъ только послѣднее совершилось, дума великодушно ассигновала ежегодно 15.000 руб. на воспособленіе курсамъ и предоставила въ ихъ распоряженіе пустое зданіе при Обуховской больницѣ, для приспособленія въ немъ аудиторій и лабораторій, при чемъ предполагалось пользоваться клиническимъ матеріаломъ Обуховской больницы. Городскимъ головою въ то время былъ В. И. Лихачевъ.

Но мы нѣсколько зашли впередъ.

Такъ какъ переходъ женскихъ врачебныхъ курсовъ въ другое вѣдомство къ назначенному военнымъ министромъ короткому сроку не могъ состояться, то ген.-адъют. Ванновскій не разрѣшилъ обычнаго осенняго пріема слушательницъ и исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе отъ 5-го августа 1882 года:

„Состоящіе при с.-петербургскомъ Николаевскомъ военномъ

госпиталѣ женскіе врачебные курсы *упразднить*, прекративъ съ предстоящаго 1882/83 года пріемъ слушательницъ и оставивъ за нынѣ обучающимися право окончить полное медицинское образованіе".

Нужно ли останавливаться на печальныхъ дняхъ, наступившихъ съ осени 1882 года на курсахъ! Уныніе и отчаяніе замѣнили прежнюю охоту къ труду, прежній подъемъ духа. Съ каждымъ годомъ послѣдовательно закрывался одинъ курсъ. Это частичное вымираніе длилось до начала 1887 года; не успѣлъ послѣдній выпускъ окончательно сдать экзамены, какъ все имущество курсовъ стали спѣшно перевозить вонъ изъ стѣнъ госпиталя...

Лабораторіи и физическіе приборы были сданы въ медико-хирургическую академію, обѣщавшую возвратить имущество курсовъ, если послѣдніе будутъ возобновлены.

Такимъ образомъ, просуществовавъ четырнадцать съ половиною лѣтъ, съ конца 1872 года по начало 1887 г., женскіе врачебные курсы были упразднены.

IV.

Но съ ними не умерло стремленіе къ возрожденію женскаго медицинскаго образованія въ Россіи.

Профессора медико-хирургической академіи, бывшіе преподаватели курсовъ, первые выпуски женщинъ - врачей, жертвователи, съ супругами Шанявскими во главѣ, и многія другія лица, сочувствующія принципу женскаго медицинскаго образованія, тѣсно сплотились и въ теченіе тринадцати послѣдующихъ лѣтъ неустанно и дружно работали и, помогая кто чѣмъ могъ, стремились къ достиженію намѣченной цѣли. Никакія препятствія, никакія неудачи—а ихъ было не мало—не охлаждали ихъ бодрости и настойчивости; подавались докладныя записки, прибѣгалось къ личному ходатайству, обивались пороги лицъ, могущихъ повліять на ходъ дѣла, дѣйствовалось путемъ печати, и во все время сохранялась увѣренность въ успѣхѣ полезнаго дѣла.

Уже въ концѣ 1882 года, для прекращенія неопредѣленнаго состоянія, въ которомъ находились женскіе врачебные курсы, было Высочайше повелѣно подвергнуть обсужденію вопросъ о высшемъ врачебномъ образованіи женщинъ въ особомъ совѣщаніи министровъ: военнаго, народнаго просвѣщенія, главноуправляющаго собственной Е. В. канцеляріи по учрежденіямъ

императрицы Маріи и оберъ-прокурора синода, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ засѣданіи 4-го декабря 1882 г., на вопросъ предсѣдателя: „нужно ли сохранить на будущее время женскіе врачебные курсы въ настоящемъ ихъ видѣ", — члены совѣщанія единогласно высказали убѣжденіе, что дальнѣйшее существованіе сказанныхъ курсовъ, въ настоящемъ ихъ видѣ, не можетъ быть допущено, и что само учрежденіе, по окончаніи въ немъ курса послѣдними слушательницами, должно прекратить свое существованіе при военномъ вѣдомствѣ. Затѣмъ, въ удовлетвореніе возникшей потребности медицинскаго образованія для женщинъ, желающихъ пріобрѣтать себѣ въ занятіяхъ сего рода средства къ жизни, можетъ быть, въ размѣрѣ средствъ, имѣющихъ образоваться изъ пожертвованій на сей предметъ, устроено спеціальное учебное учрежденіе, состоящее въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Отъ послѣдняго будетъ зависѣть начертаніе правилъ для назначенія профессоровъ и преподавателей и опредѣленіе объема курсовъ сообразно съ тѣми правами, которыя будутъ предоставлены окончившимъ курсъ „ученымъ акушеркамъ".

Такимъ образомъ, женщинъ-врачей, окончившихъ курсъ медицинскихъ наукъ и получившихъ соотвѣтственный нагрудный знакъ, вновь превращали въ лекарскихъ помощницъ подъ именемъ „ученыхъ акушерокъ".

Обращаясь къ недостаткамъ нынѣ дѣйствующихъ временныхъ правилъ для женскихъ врачебныхъ курсовъ, члены совѣщанія признали, что уравненіе слушательницъ этихъ курсовъ въ правахъ со студентами, удостоенными званія лекаря, представлялось бы „юридическою несправедливостью", и что допущеніе въ пользу женщинъ облегченія правилъ пріема при поступленіи въ это высшее учебное заведеніе нисколько не оправдывается бытовыми условіями русскаго общества въ его семейной жизни. Искусственное привлеченіе мало подготовленныхъ женщинъ предпочтительно къ врачебной дѣятельности можетъ повести только къ преувеличеннымъ и неосуществимымъ ожиданіямъ особыхъ выгодъ отъ этой профессіи и къ неправильному заключенію, что конкурренція въ этой отрасли практической дѣятельности менѣе развита, чѣмъ въ другихъ, доступныхъ для женщинъ, поприщахъ дѣятельности.

Послѣ долгихъ преній совѣщаніе постановило:

Допустить на будущее время къ медицинскому образованію лицъ женскаго пола, желающихъ посвятить себя спеціально изученію и леченію женскихъ и дѣтскихъ болѣзней.

Министерству народнаго просвѣщенія предоставить составленіе учебныхъ плановъ и программъ для четырех-лѣтняго курса „ученыхъ акушерокъ“.

Независимо отъ этихъ ограниченій, пріемъ на курсы ученыхъ акушерокъ долженъ быть производимъ „на основаніи правилъ, установленныхъ для студентовъ университетовъ“.

Удовлетворительно окончившимъ эти курсы присвоить званіе ученыхъ акушерокъ, съ правомъ свободной практики по сказанной спеціальности, но безъ присвоенія имъ права государственной службы.

Приведенное предположеніе министровъ было Высочайше разрѣшено 4-го января 1883 года, и вслѣдствіе того образовался особый комитетъ для составленія проекта положенія объ особомъ институтѣ для ученыхъ акушерокъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія, князя Волконскаго.

Особенно оскорбляло оканчивающихъ врачебные женскіе курсы присвоеніе имъ наименованія „ученыхъ акушерокъ“, уже разъ отмѣненнаго при введеніи пятаго года ученія при переходѣ курсовъ въ Николаевскій военный госпиталь въ 1876 году.

Преподаватели женскихъ врачебныхъ курсовъ и женщины-врачи соединенными усиліями принялись ходатайствовать объ измѣненіи этого нежелательнаго наименованія.

По всеподданнѣйшему докладу министра двора, графа И. И. Воронцова-Дашкова, на Высочайшее благоусмотрѣніе было представлено прошеніе женщинъ-врачей о неудобствахъ присвоенія имъ наименованія ученыхъ акушерокъ, въ виду дѣятельности ихъ въ качествѣ врачей въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ монастыряхъ. Вслѣдствіе того было рѣшено, что лица, окончившія и имѣющія окончить ученіе на подлежащихъ упраздненію женскихъ врачебныхъ курсахъ, должны получить свидѣтельства на званіе: „врача женщинъ и дѣтей“.

Возвращаясь къ коммиссіи подъ предсѣдательствомъ князя Волконскаго, необходимо замѣтить, что въ эту коммиссію были привлечены почти всѣ представители высшаго медицинскаго сословія,—члены медицинскаго совѣта, профессора медицинской академіи, преподаватели женскихъ врачебныхъ курсовъ и много другихъ.

Вопросъ: быть или не быть женскому медицинскому образованію въ Россіи—обсуждался въ многочисленныхъ засѣданіяхъ коммиссіи;—мнѣнія раздѣлились. Большинство высказывалось въ пользу систематическаго, полнаго медицинскаго образованія; меньшинство стояло за элементарные курсы, соотвѣтствующіе фельд-

шерскимъ. Большинство, однако, взяло перевѣсъ и выработало учебный планъ, обнимающій пятилѣтній курсъ (десять полугодій), соотвѣтствующій курсу студентовъ-медиковъ, съ извѣстными, впрочемъ, ограниченіями въ преподаваніи судебной медицины и эпизоотіи.

Прослушавъ пятилѣтній курсъ и сдавъ экзаменъ, слушательницы будущаго женскаго медицинскаго института именуются женщинами-врачами съ правомъ лечить женщинъ и дѣтей.

Труды коммиссіи были внесены въ государственный совѣтъ 27 февраля 1891 г. Соглашаясь въ принципѣ съ пользою, которую можетъ принести женскій медицинскій институтъ, государственный совѣтъ, тѣмъ не менѣе, находилъ, что учрежденіе это не вызывается государственною необходимостью, а потому должно существовать на частныя средства. Затѣмъ, въ засѣданіи соединенныхъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи, происходившемъ 18 мая 1891 г., были представлены проекты положенія и штатовъ института. При этомъ, потребность въ допущеніи женщинъ къ врачебной дѣятельности была признана несомнѣнною: „послѣдняя хотя и не ощущается въ замѣщеніи штатныхъ медицинскихъ должностей, но спросъ населенія не удовлетворяется дѣятельностью медиковъ, состоящихъ на государственной службѣ". Женщины-врачи, какъ выяснилось далѣе, охотно идутъ на такія медицинскія должности, существующія въ отдаленныхъ глухихъ мѣстностяхъ и скудно оплачиваемыя, отъ занятія которыхъ нерѣдко отказываются мужчины.

Не надо забывать также,—высказались нѣкоторые изъ присутствующихъ,—что во многихъ случаяхъ врачебная помощь, оказываемая женщиною, особенно желательна. Повинуясь естественному чувству стыдливости, лица женскаго пола вообще, а въ особенности дѣвицы, нерѣдко стѣсняются прибѣгать къ врачамъ-мужчинамъ. Обстоятельство это положительно удостовѣрено начальствомъ женскихъ учебныхъ заведеній: воспитанницы нерѣдко, изъ опасенія докторскаго осмотра, скрываютъ серьезныя заболѣванія, получающія вслѣдствіе этого опасное развитіе.

Полнаго вниманія заслуживаютъ также интересы многочисленнаго мусульманскаго населенія имперіи.

Поставленныя обычаемъ и строемъ жизни въ невозможность обращаться къ докторамъ-мужчинамъ, мусульманки лишены нынѣ медицинской помощи вездѣ, гдѣ таковая не можетъ быть подана лицами одного съ ними пола. Этимъ объясняется тотъ фактъ, хорошо извѣстный всѣмъ знакомымъ съ средне-азіатскими нашими владѣніями, что немногочисленныя пока въ Туркестанѣ

представительницы женскаго врачебнаго персонала высоко цѣнятся туземцами и, благодаря пріобрѣтаемому на послѣднихъ вліянію, являются полезными проводниками русской гражданственности въ краѣ.

Изложенныя обстоятельства, на ряду съ общепризнанными заслугами женщинъ-врачей въ послѣднюю русско-турецкую войну, свидѣтельствуютъ, насколько полезно участіе женщины въ нѣкоторыхъ отрасляхъ медицинскаго дѣла.

Съ открытіемъ женскаго медицинскаго института сократится также нежелательный отливъ русской женской молодежи въ заграничные университеты.

Учебный планъ женскаго медицинскаго института, составленный примѣнительно къ плану русскихъ медицинскихъ факультетовъ, былъ также одобренъ государственнымъ совѣтомъ.

Переходя далѣе къ разсмотрѣнію финансовой стороны, нѣкоторые члены совѣта выразили сомнѣніе относительно возможности открыть институтъ при данной наличности средствъ.

Въ виду этого признали болѣе осторожнымъ не установлять теперь же срока открытія института, предоставивъ это министру народнаго просвѣщенія, когда расходы будутъ покрываться доходами съ пожертвованныхъ капиталовъ и платою съ учащихся.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, государственный совѣтъ не усматриваетъ препятствій къ немедленному утвержденію проектовъ положенія и штата института, ибо такая мѣра могла бы оказать полезное вліяніе на образованіе средствъ этого учебнаго учрежденія. По словамъ князя Волконскаго, одного слуха о внесеніи настоящаго дѣла въ государственный совѣтъ было достаточно, чтобы возобновить приливъ крупныхъ пожертвованій въ пользу института.

Всѣ присутствовавшіе единогласно согласились съ вышесказаннымъ. Лишь одинъ членъ совѣта, К. П. Побѣдоносцевъ, остался при отдѣльномъ мнѣніи, и высказалъ опасеніе, что институтъ, не имѣя достаточныхъ средствъ, ляжетъ излишнимъ бременемъ на государственный бюджетъ.

Такимъ образомъ, дѣло подлежало новому разсмотрѣнію, что̀ и произошло въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, въ засѣданіи 20 января 1902 года. 38 членовъ совѣта не только не нашли препятствій къ утвержденію проектовъ положенія и штата института, но признали утвержденіе и обнародованіе ихъ нынѣ же необходимыми, въ виду усиленія притока новыхъ пожертвованій, такъ какъ прежде всего необходимо, чтобы частныя лица, желающія оказать матеріальную помощь институту, знали, что существованіе его разрѣшено правительствомъ.

Утвержденіе положенія и штатовъ нисколько не предрѣшаетъ вопроса о времени открытія института. Еслибы, за принятіемъ предлагаемой мѣры, поступленія пожертвованій, сверхъ ожиданія, и замедлились, то министерство народнаго просвѣщенія вслѣдствіе этого было бы поставлено въ необходимость только отсрочить открытіе института, а это обстоятельство никакъ не послужило бы поводомъ къ принятію расходовъ сего заведенія на счетъ казны. 3-го февраля 1892 г. послѣдовало повелѣніе, по которому министру народнаго просвѣщенія предоставлено право внести уставъ женскаго медицинскаго института на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, когда будетъ составлена полная и точная смѣта всѣхъ потребныхъ расходовъ, и когда соотвѣтственно съ этой смѣтою образуется изъ частныхъ пожертвованій сумма, достаточная для покрытія всѣхъ необходимыхъ расходовъ.

Министръ народнаго просвѣщенія, И. Д. Деляновъ, чрезвычайно сочувственно относившійся къ дѣлу скорѣйшаго учрежденія женскаго медицинскаго института въ Петербургѣ, долженъ былъ взять проектъ института обратно въ ожиданіи пополненія средствъ новыми пожертвованіями.

Вопросъ, гдѣ именно учредить женскій медицинскій институтъ, оставался долго открытымъ; одно время существовало предположеніе открыть его въ Москвѣ, затѣмъ въ Ярославлѣ. Было даже сдѣлано предложеніе открыть институтъ въ г. Томскѣ.

Какъ только выяснилось, что препятствіемъ къ открытію института служитъ недостаточность средствъ, собранныхъ для его осуществленія, кружокъ лицъ, заботившійся о возстановленіи женскихъ медицинскихъ курсовъ, съ супругами Шанявскими во главѣ, дѣятельно принялся собирать средства; въ усиліяхъ этихъ горячее участіе принимали женщины-врачи, и новыя пожертвованія стали притекать отовсюду. Самою щедрою жертвовательницею, впрочемъ, за все время собиранія средствъ оказалась Москва: Варвара Алексѣевна Морозова пожертвовала 50.000 руб., Сабашниковы—40.000 руб., г-нъ Лепешкинъ—10.000 руб., Альфонсъ Леоновичъ Шанявскій внесъ единовременно 60.000 руб. и, кромѣ того, обязался уплачивать въ теченіе десяти лѣтъ ежегодно по 12.000 руб. на содержаніе женскаго медицинскаго института; онъ же представилъ институту, сверхъ того, еще 200.000 руб., оставленные въ его распоряженіе на благотворительно-воспитательное дѣло покойнымъ заводчикомъ полковникомъ Бергомъ, душеприказчикомъ котораго состоялъ А. Л. Шанявскій. Извѣстный своей благотворительностью Иннокентій Михаиловичъ Сибиряковъ внесъ 50.000 руб. Вдвойнѣ

драгоцѣннымъ вкладомъ въ сборъ пожертвованій представляютъ 20.000 руб., оставленные институту по завѣщанію покойнымъ профессоромъ Сергѣемъ Петровичемъ Боткинымъ. Затѣмъ поступило 6.000 руб. отъ наслѣдниковъ Грибановыхъ, и еще не мало пожертвованій съ разныхъ сторонъ не столь крупными суммами.

Такимъ образомъ, соединенными усиліями всѣхъ ревнителей дѣла женскаго медицинскаго образованія въ Россіи, былъ собранъ въ короткое время значительный капиталъ, достигшій вмѣстѣ съ суммами, имѣвшимися у бывшихъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, 700.000 руб., что считалось уже достаточнымъ для устройства института.

Тѣмъ временемъ министромъ народнаго просвѣщенія была образована особая коммиссія изъ профессоровъ и лицъ съ спеціальнымъ образованіемъ по строительной части, для выработки подробныхъ плановъ и смѣтъ по устройству института. Окончательная разработка всей смѣты въ деталяхъ была поручена профессору Василію Константиновичу фонъ-Анрепу.

Въ февралѣ 1895 г., графъ Деляновъ вошелъ съ новымъ представленіемъ проекта института въ государственный совѣтъ.

Планы и смѣты были одобрены, но возникло новое разногласіе среди членовъ совѣта по поводу требованія на провѣрочныхъ испытаніяхъ слушательницъ знанія древнихъ языковъ.

Вопросъ этотъ подробно обсуждался въ засѣданіяхъ соединенныхъ департаментовъ 22 апрѣля и въ общемъ присутствіи 23 мая 1895 г. Въ послѣднемъ изъ сказанныхъ засѣданій восемь членовъ выразили мнѣніе, что отъ поступающихъ въ женскій медицинскій институтъ слѣдуетъ требовать знанія какъ латинскаго, такъ и греческаго языка, дабы не понижать учебнаго ценза женщинъ-врачей сравнительно съ врачами-мужчинами. Тридцать-четыре члена совѣта, наоборотъ, высказались за одинъ латинскій языкъ „по правиламъ, установленнымъ для поступленія въ университеты".

1 іюня 1895 г. состоялось Высочайшее утвержденіе положенія о женскомъ медицинскомъ институтѣ, согласно мнѣнію большинства. Срокъ открытія института былъ назначенъ черезъ два года. Дѣйствительно, институтъ былъ не только законченъ черезъ два года, но и открытъ, въ 1897 году, 14 сентября.

Усердно и дружно пошли съ того дня занятія слушательницъ, и быстро для нихъ пролетѣли въ непрестанномъ трудѣ пять лѣтъ; полный медицинскій курсъ ими пройденъ, государственный экзаменъ сданъ, и послѣ шестнадцатилѣтняго перерыва

вновь состоялся выпускъ 111 молодыхъ женщинъ-врачей. Онѣ сами, конечно, хорошо знаютъ, что какъ бы тщательно и научно ни былъ обставленъ медицинскій факультетъ, тѣмъ не менѣе, нигдѣ онъ не можетъ выпустить вполнѣ законченныхъ и практически опытныхъ уже врачей. Ожидать этого было бы несбыточной иллюзіей. Но правильно поставленная медицинская школа, какую несомнѣнно представляетъ собой женскій медицинскій институтъ, даетъ оканчивающимъ въ немъ курсъ основательное знаніе естественныхъ наукъ и въ особенности основъ біологіи и медицины, равно знакомитъ со всѣми научными методами изслѣдованія, и тѣмъ ставитъ ихъ въ возможность приступить вполнѣ правильно и научно къ дальнѣйшимъ самостоятельнымъ трудамъ въ этихъ отрасляхъ знанія.

П. Тарновская.

ВЪ СТЕПЯХЪ И ПРЕДГОРЬЯХЪ
АЛТАЯ

Разсказъ изъ жизни переселенцевъ.

Шрамковскій переселенческій поселокъ, широко раскинувшійся по берегу степной рѣчки Краснухи, переживалъ тревожные дни: ближайшее будущее сулило ему то печальное положеніе, которое на канцелярскомъ языкѣ носитъ названіе „выдворенія", т.-е. полное уничтоженіе поселка съ насильственнымъ выводомъ изъ домишекъ воющихъ бабъ и ребятишекъ, ломкою печей, крышъ, всего того, что̀ можно сломать и, въ видѣ финала, съ „раскатываньемъ" по бревнамъ этихъ самыхъ домишекъ, служащихъ переселенцамъ въ настоящее время единственнымъ кровомъ.

Не долга была исторія Шрамковскаго поселка, но имъ уже пережито многое, что̀ тяжелымъ гнетомъ легло на душу его обитателей и создало для нихъ жизнь, полную случайностей, тревогъ и разнообразнѣйшихъ опасеній. Но ихъ настроеніе далеко не было отчаяніемъ, а скорѣе выраженіемъ настойчиваго, несокрушимаго, почти тупого упрямства. Ихъ отношенія ко всему окружающему носили боевой характеръ, а сами они находились въ состояніи постояннаго напряженія и подозрительности. Увѣренность въ собственной правотѣ давала имъ силы стойко выдерживать всѣ сыпавшіяся на ихъ головы, какъ изъ рога изобилія, невзгоды и отражать натиски ближайшихъ сосѣдей—старожиловъ села Свинцовскаго, что̀ какъ разъ противъ поселка,

на другомъ берегу Краснухи, черезъ которую перекинутъ даже мостикъ, какъ бы связывающій въ одно двѣ враждующія деревни—старожиловскую и „рассейскую".

Не болѣе трехъ лѣтъ назадъ, на мѣстѣ теперешняго поселка поставилъ землянку отпускной солдатъ Иванъ Шрамковъ, выходецъ откуда-то изъ тамбовской или пензенской губерніи. Поселился онъ тутъ далеко не „самовольно", а напротивъ, съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ формальностей, какія выработала для подобныхъ случаевъ мѣстная канцелярская волокита. Но, кажется, именно это обстоятельство и способствовало особой рѣзкости отношеній, какія впослѣдствіи установились между старожилами села Свинцовскаго и сначала Шрамковымъ, а потомъ цѣлымъ поселкомъ переселенцевъ.

Старожилы прежде всего были обижены тѣмъ, что Шрамковъ при своемъ поселеніи совершенно ихъ игнорировалъ, предпочитая въ этомъ случаѣ имѣть дѣло съ начальствомъ.

— Ты, парень, ежели желаешь избу поставить у самаго селенія, должо̀нъ спервоначалу придти къ обчеству́, у обчества̀ спросить, дозволитъ оно тебѣ тутъ жить или нѣтъ, — говорили свинцовскіе старожилы, когда узнали, что онъ думаетъ строиться за рѣкой, противъ самаго селенія.—А ты, ровно дурной какой, ломишь себѣ, не спросившись, землянуху зачалъ копать... Нешто этакъ-то порядокъ? Ты спроси: можетъ, намъ ты тутъ и ненуженъ вовсе...

Шрамковъ сначала пробовалъ разъяснять свинцовскимъ, что, собственно, онъ тутъ ни при чемъ, такъ какъ селиться разрѣшило ему начальство, которое лучше знаетъ, гдѣ можно селиться и гдѣ нельзя.—„Живи, говоритъ, Шрамковъ,—передавалъ онъ свои разговоры съ начальствомъ:—тутъ мѣсто для тебя удобное, слободное, никто тебя не потронетъ". Я ему сказываю: „Свинцовскіе, молъ, обиждаются, съѣзжать велятъ". А онъ, рендатель-то [1]), мнѣ на то: „Ничего твои свинцовскіе не потрогаютъ. Ты меня слушай; тутъ, сказываетъ, я хозяинъ, потому земля эта выходитъ казенная".

— Самъ твой рендатель много понимаетъ! Ему бы только шары водкой залить да накричать на человѣка, а то и въ рыло заѣхать! „Рендатель"! „Не слушай свинцовскихъ"! А того онъ не знаетъ, что высшимъ начальствомъ степь-то эта вся предоставлена свинцовскимъ да четверинскимъ крестьянамъ, еще когда

---

[1]) Чиновникъ, завѣдующій казенными оброчными статьями и сдающій ихъ въ аренду.

въ Пальчиковскомъ рудникѣ приставомъ былъ покойный Иванъ Васильевичъ, царство ему небесное! Онъ и хлопоталъ за насъ.

— Это за что же такъ?—спрашиваетъ Шрамковъ.

— А за то, дурья твоя голова, что когда еще въ обязательномъ труду на заводахъ мы были, такъ руду да уголь этой степью возили, такъ намъ степь-то нужна была для прокорму коней. За это за самое она намъ и дадена, степь-то... и бумага была... А то „не слушай свинцовскихъ"—ишь что придумалъ, умная тоже головушка! Нѣтъ, другъ, ты допрежде обчество спроси, а обчество тебѣ скажетъ: „не надобенъ ты намъ тутъ, уходи отъ насъ, пока до грѣха не дошло"!

Шрамковъ—бойкій и неглупый мужикъ, и его первое время не могли не смущать эти разговоры старожиловъ и ихъ требованія. Какъ ни вѣрилъ онъ въ могущество „квитанціи", выданной ему тѣмъ же чиновникомъ и удостовѣряющей, что съ него, Шрамкова, полученъ цѣлковый за аренду на Дергачевской степи одной десятины подъ усадьбу, тѣмъ не менѣе бросилъ работу, запрягъ свою единственную лошаденку въ телѣгу и поѣхалъ къ чиновнику, жившему верстъ за сто, выяснить возникшее недоразумѣніе. Тотъ его успокоилъ, что никакого недоразумѣнія тутъ нѣтъ, что по этому берегу Краснухи вся степь казенная; крестьянскія же земли—на другомъ берегу, гдѣ и деревни ихъ находятся. На степи же разрѣшено пахать и старожиламъ только за плату, а они не хотятъ платить аренды; не хотятъ платить и свинцовскіе крестьяне. Не имѣютъ-де они права и стѣснять Шрамкова и требовать, чтобы онъ убрался со степи; если онъ, чиновникъ, разрѣшилъ ему селиться, то онъ можетъ быть спокойнымъ—его никто не пошевелитъ. Шрамковъ все это подробно разспросилъ, понялъ и успокоился. Вернувшись домой, онъ снова взялся за лопатку и продолжалъ рыть себѣ на зиму жилище въ землѣ. Не замедлили явиться старожилы и завели разговоръ издали.

— Ты чего же это, парень, дѣлаешь тутъ?—спрашиваютъ они, обращаясь къ Шрамкову.

— Видишь чего: дворецъ себѣ кладу, будетъ на трехъ жердяхъ съ подъѣздомъ! — шутитъ тотъ, поплевывая себѣ на руки и глубже загоняя лопату въ землю.

— Дворецъ и есть, небомъ будетъ крытъ, бѣлымъ свѣтомъ огороженъ,—замѣчаетъ одинъ изъ свинцовскихъ съ кривой усмѣшкой.

— Вотъ-вотъ, правильно говоришь. Какъ есть „небомъ

крытъ, бѣлымъ свѣтомъ огороженъ".—Это ты вѣрно сказалъ,—отшучивается Шрамковъ.

Помолчали. Шрамковъ продолжаетъ копать землю, а старожилы смотрятъ на его работу.

— Сказываютъ, ты къ рендателю бѣгалъ?—возобновляется черезъ нѣкоторое время бесѣда.

— Бѣгалъ.

— Ну?..

— Вотъ тебѣ и ну...

— Чего занукалъ-то?—Ты толкомъ сказывай, коли тебя добромъ спрашиваютъ:—рендатель-то тебѣ чего говорилъ?

— А того и говорилъ, что свинцовскіе, молъ, дураки...

— Самъ ты дуракъ, нечесанная башка!

— Вы хороши!

— Поговори еще! Вотъ какъ начнемъ тебѣ башку расчесывать, такъ узнаешь, хороши ли!

Шрамковъ не возражаетъ, и разговоръ вновь прерывается на время.

— Тебя толкомъ спрашиваютъ, чего ты тутъ дѣлаешь; долженъ ты и отвѣчать толкомъ,—обращается къ Шрамкову одинъ изъ свинцовскихъ крестьянъ.

— Я и сказывалъ тебѣ—землянуху рою,—спокойно отвѣчаетъ Шрамковъ.

— Видимъ, что землянуху... Да ты только у кого спросилъ рыть тутъ? — Кто тебѣ дозволеніе-то далъ въ непоказанномъ мѣстѣ землянуху рыть? Ты то скажи...

— А вотъ тотъ и далъ... Тебя не спросилъ, — огрызается Шрамковъ.

— Вижу, что не спросилъ... А ты рыть не моги тутъ! Тебѣ было сказано: ты намъ не надобенъ... Уходи себѣ, а землю рыть тутъ не моги—не дозволяетъ общество.

— Ступай къ рендателю, съ нимъ и разговаривай, а со мной нечего лаяться: у меня отъ рендателя фитокъ [1]) имѣется.

— Ты его что шибко залюбилъ? Ты и ступай съ нимъ разговаривать, а намъ онъ ни къ чему... А вотъ тебѣ сказано было, чтобъ ты убирался отселя,—ты и убирайся!

— Ну, ладно, будетъ ужъ, слыхали!.. цѣдитъ сквозь зубы Шрамковъ и продолжаетъ рыть землю, сильными взмахами заступа выкидывая ее на поверхность.

Нерѣдко подобныя бесѣды переходили въ озлобленную, крик-

[1]) Квитанція.

ливую брань, пересыпанную поминовеніями родителей и разнообразными угрозами и пожеланіями, болѣе или менѣе нелѣпыми и жестокими. Если пока дѣло не доходило до формальной потасовки и синяковъ, то это нужно объяснить огромнымъ самообладаніемъ и терпѣніемъ Шрамкова, да тѣмъ, что онъ не ходилъ въ Свинцовское, гдѣ былъ кабакъ и гдѣ, слѣдовательно, всякая перебранка имѣла болѣе шансовъ перейти къ рукопашному разрѣшенію спорнаго вопроса.

Подъ шумъ словесныхъ упражненій подобнаго рода, то добродушно-язвительныхъ, то грубыхъ и оскорбительныхъ, Шрамковъ не только успѣлъ довести до конца постройку своего „дворца", но и „присѣять полдесятины мѣста" разнымъ хлѣбомъ. Раза два „бѣгалъ" онъ къ своему „чиновнику", но толку изъ этого не вышло никакого: „чиновникъ" обѣщалъ лично побывать въ Свинцовскомъ и уладить недоразумѣнія на мѣстѣ, но не поѣхалъ, а послалъ за себя объѣздчика, который, основательно попьянствовавъ у свинцовскихъ крестьянъ и получивъ отъ нихъ все, что установлено мѣстнымъ обычаемъ, укатилъ обратно, пригрозивъ Шрамкову за „пустое безпокойство начальства". Послѣ этого, приставанья свинцовскихъ стали настойчивѣе, а въ ихъ рѣчахъ чаще и чаще упоминались „ноги", „ребра", „башка" Шрамкова, которыя необходимо „переломать", „поставить задомъ напередъ" и т. п., а избушку его сравнять съ землею.

Хотя Шрамковъ и завелъ себѣ дробовикъ и рѣшительнымъ тономъ объявилъ „свинцовскимъ ребятамъ": „ежели который изъ васъ близко подойдетъ къ моему дому, того тутъ и положу на мѣстѣ, не посмотрю ни на что!" — „и полыхнулъ бы, видитъ Господь, полыхнулъ бы!" — разсказывалъ онъ впослѣдствіи объ этомъ эпизодѣ,—тѣмъ не менѣе онъ хорошо понималъ, что ему одному не выдержать борьбу съ многочисленнымъ сосѣдомъ. Нужно было на что-нибудь рѣшиться, тѣмъ болѣе, что онъ уже обжился тутъ и дорожилъ своей „усадьбой", которая стоила ему столькихъ трудовъ и безпокойствъ. Бросать все это не было никакого резона; гораздо лучше попытаться образовать тутъ цѣлое селеніе, завести „рассейскій" поселокъ; — тогда можно будетъ противопоставить силѣ свинцовскихъ „ребятъ" свою „рассейскую" силу: и свинцовскіе тогда присмирѣли бы, да и жить „сувмѣстяхъ" было бы „куда веселѣе". Мѣсто для поселка подходящее, вотъ только луговъ на степи нѣтъ, такъ можно было бы косить и на той сторонѣ Краснухи, въ Пальчиковской дачѣ, гдѣ „сѣнныхъ покосовъ страсть сколько, а то, еще лучше, у

свинцовскихъ: потому они и третьей части своей травы не выкашиваютъ, да и косить-то толкомъ не умѣютъ",—разсуждалъ Шрамковъ.

Напавъ на эту мысль, Шрамковъ уже не могъ не попробовать осуществить ее, и поѣхалъ къ завѣдывавшему степью чиновнику. Тотъ одобрилъ его соображенія и благословилъ съ своей стороны на доброе дѣло.

— Сели, братецъ, сколько хочешь, — запрещать не буду, пусть только аренду исправно мнѣ платятъ, а потомъ можно будетъ хлопотать о форменномъ поселкѣ,—такъ передавалъ Шрамковъ свою бесѣду съ „рендателемъ".

Не успѣлъ онъ возвратиться домой, какъ по степи „пошелъ слухъ" о зарождающемся переселенческомъ поселкѣ на Шрамковской заимкѣ, и туда потянулись телѣги „ищущихъ землицы". Шрамковъ началъ „приглашать" ихъ селиться возлѣ него, и въ немного дней точно по волшебству выросла возлѣ еще недавно сиротливо-одинокой землянки—цѣлая деревня такихъ же землянокъ, дощатыхъ и холщевыхъ балагановъ и легкихъ шалашей изъ древесныхъ вѣтокъ или просто опрокинутыхъ телѣгъ, прикрытыхъ какой-то рванью. Кругомъ закипѣла бойкая жизнь строительства. Съ каждымъ днемъ прибывали все новые и новые переселенцы и „садились на землю" съ разрѣшенія Шрамкова, которое давалось имъ не иначе, какъ послѣ продолжительнаго торга и уплаты въ его пользу извѣстной мзды.

— Мнѣ нельзя не взять,—оправдывался Шрамковъ,—потому я обыскалъ это мѣсто, да сколько изъ-за него битвы принялъ... Я, можетъ, сколько тысячъ исходилъ, пока на него натыкался... А *ему* что, вы думаете, жаль рубля, либо тамъ двухъ? *Онъ* радъ и больше дать, только ты ему хорошее мѣсто укажи да дозволь селиться. Ежели бы я кого изобидѣлъ, а то о нихъ же хлопочу,—прибавлялъ онъ, кивая головой въ сторону возводившихся землянокъ.

„Они" же, т.-е. всѣ остальные переселенцы, не только платили Шрамкову за „дозволеніе жить", но и совершенно подчинялись ему, признавъ за нимъ исключительную власть надъ собою. И онъ чувствовалъ себя хозяиномъ строящагося поселка: указывалъ, гдѣ селиться тому или другому, назначалъ улицы, площади, давалъ разрѣшеніе поселиться въ поселкѣ, разбиралъ возникавшія между переселенцами недоразумѣнія и проч. Особенно возросло его значеніе въ поселкѣ, когда „чиновникъ", „для удобства надзора за арендаторами" поселка, назначилъ его объѣздчикомъ. Если и ранѣе всѣ вновь прибывающіе переселенцы пред-

почитали имѣть дѣло по арендѣ съ Шрамковымъ, чѣмъ самимъ тащиться за сто верстъ къ чиновнику для уплаты ему за усадьбу рубля и для полученія „квитка“, этого единственнаго доказательства правъ переселенца на землю, то теперь сношенія черезъ Шрамкова получили какъ бы узаконеніе свыше.

Прошло мѣсяца два, и Шрамковскій поселокъ—это имя такъ и упрочилось за нимъ—разросся въ большое поселеніе, дворовъ около двухсотъ-пятидесяти, привольно размѣстившихся по степи. Среди переселенцевъ преобладало доброе, если не веселое настроеніе. Что же касается самого Шрамкова, то онъ съумѣлъ воспользоваться всѣми выгодами своего положенія и основательно поправилъ свои дѣла.

— Кромѣ худенькаго полушубка на ёмъ не было, а теперь, поглядика-сь, сколько всякаго добра завелъ!—говорили по этому поводу шрамковцы, кто добродушно, а многіе съ нескрываемой завистью и примѣсью злобы.—Ему што!—прибавляли послѣдніе:—знай себѣ обчищай нашего брата-дурака да ѣзди къ чиновнику... Этакъ-то и всякій съумѣетъ.

Дома, однако, Шрамковъ себѣ не ставилъ, продолжая жить все въ томъ же „дворцѣ“, въ ожиданіи, когда вопросъ о поселкѣ будетъ окончательно разрѣшенъ. Теперешнее положеніе арендаторовъ не давало увѣренности въ будущемъ, даже въ ближайшемъ. Примѣру Шрамкова слѣдовали и нѣкоторые другіе изъ тѣхъ, кто могъ бы хорошо обстроиться; большинство же смотрѣло на дѣло иначе и спѣшило строиться и обзаводиться хозяйствомъ, видя въ этомъ вѣрнѣйшій залогъ прочности поселка.

— Да неужто же станутъ зорить теперь такое селеніе?—говорили они.—Ты посмотри, братецъ, какіе теперь дома понастроили, такъ можетъ ли быть, чтобы все это ломать приказали да выѣзжать отсюдова? Тоже и начальство что-нибудь да понимаетъ—не станетъ же зря народъ зорить!

А вопросъ о разрѣшеніи Шрамковскаго поселка не только не подвигался впередъ, но болѣе и болѣе запутывался и осложнялся.

Слухъ о новомъ поселкѣ на мѣстѣ Шрамковской заимки, а затѣмъ и появленіе на ней все новыхъ переселенцевъ, потянувшихся туда, какъ мухи на медъ, и селившихся тамъ, не обращая никакого вниманія на свинцовскихъ крестьянъ,—все это не могло не взволновать старожиловъ селенія Свинцовскаго, совершенно правильно усмотрѣвшихъ въ этихъ фактахъ начало конца ихъ безраздѣльнаго господства надъ степью.

Прежде всего они „бросились“ къ чиновнику, дававшему Шрамкову и другимъ переселенцамъ разрѣшеніе селиться на Дергачевской степи. Но съ нимъ „разговоръ былъ короткій“, хотя для нихъ достаточно убѣдительный, что „тутъ ничего-то, братецъ ты мой, не подѣлаешь“. Еслибы спросить: почему?—то можно бы отъ нихъ услышать такой отвѣтъ:

— Да, видишь ли, очень ужъ онъ заступаетъ за *ихъ*, не дастъ тебѣ слова сказать—сейчасъ зачнетъ ревѣть, ровно бугай...

Тогда они „побѣгли“ въ Пальчиковскій рудникъ, къ Евлампію Ѳедоровичу Макарову, старому повытчику, просить его „указать имъ путикъ“, какъ выжить непрошенныхъ гостей, что у нихъ за рѣкой поселились. Макаровъ, нѣкогда служившій по горному вѣдомству землемѣромъ и съѣвшій зубы на кляузничествѣ, въ свое время „претерпѣлъ“ за лихоимство, а теперь занимался „частной практикой“, т.-е. писаньемъ деревенскому и рудничному населенію всевозможныхъ жалобъ, кляузъ и доносовъ, чѣмъ и „питался“. Онъ пользовался репутаціей „доки“ и „дѣляги“, охотно берущагося за любое темное дѣло, которое онъ умѣлъ такъ ловко запутать, втянувъ въ него возможно большее число лицъ и учрежденій, что потомъ требовалось много лѣтъ для примиренія враждующихъ сторонъ. Это былъ типичный представитель дореформенной Сибири, какихъ и теперь еще не мало по глухимъ уголкамъ края.

Макаровъ не сталъ „ревѣть“ на свинцовскихъ, а говорилъ съ ними тихо и вкрадчиво, понемногу растравляя накипѣвшія въ нихъ чувства къ Шрамкову, другимъ переселенцамъ и къ чиновнику, сдавшему имъ землю. Постепенно онъ утвердилъ ихъ въ мысли, что не только чиновникъ сдалъ землю незаконно, но что можно даже выхлопотать, чтобы переселенцевъ со степи „убрали вовсе“, для чего необходимо написать туда-то да „сбѣгать въ губернію“ къ одному человѣчку—„тотъ все обладитъ“. Но для этого нужны деньги, потому что „безъ денегъ что же сдѣлаешь; вездѣ нужно дать, безъ этого нельзя, сами понимаете“.

Послѣ переговоровъ и совѣщаній, неоднократныхъ поѣздокъ въ Пальчиково къ Макарову и интимныхъ съ нимъ бесѣдъ, свинцовское общество избрало довѣреннаго, котораго направило сначала въ Гадюкинскій рудникъ, гдѣ жилъ „особый“ [1]), а затѣмъ—въ губернію. Макаровъ „для перваго случая“ написалъ только три „бумаги“, изъ которыхъ каждая заключала въ себѣ „слезницу“ на притѣсненія свинцовскихъ пересенцами и доносъ на

[1]) Такъ называютъ въ этой мѣстности чиновника по крестьянскимъ дѣламъ.

кого-нибудь изъ мѣстной администраціи по дѣлу, не имѣющему никакого отношенія къ „злобѣ дня" свинцовскихъ крестьянъ,—въ родѣ того, что помощникъ лѣсничаго изобидѣлъ попову кухарку. Это былъ обычный пріемъ „адвокатской практики" Макарова: „пусть теперь повертится другъ любезный!"—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ.

Жалобы Макарова и посылка довѣреннаго, очевидно, возъимѣли свое дѣйствіе, и губернія, что называется, пошла писать во всю. Этому много способствовали и сами шрамковцы, пославшіе въ свою очередь Шрамкова и другого переселенца Портянкина въ городъ, „хлопотать объ участкѣ". На Шрамковскій поселокъ и селеніе Свинцовское посыпались, какъ изъ рога изобилія, всевозможныя „требованія", „справки", „дознанія", „разслѣдованія", „составленіе списковъ", и пр., и пр., что только изобрѣтено канцеляріей, для которой жизнь деревни есть лишь отраженіе листа бумаги за №. Бумажныя требованія чередовались съ наѣздами властей—отъ своихъ волостныхъ начальниковъ до „подземельнаго генерала". А такъ какъ все это „начальство", начиная съ самаго низшаго—объѣздчика и старшины, принадлежало къ различнымъ учрежденіямъ и вѣдомствамъ, смотрѣвшимъ съ разныхъ точекъ зрѣнія на многіе мѣстные вопросы, въ томъ числѣ на земельный и переселенческій, то между наѣзжавшими лицами не могло не возникнуть разногласій, переносившихся и въ самыя учрежденія,—а это неизбѣжно приводило къ тому, что съ давнихъ поръ извѣстно подъ именемъ „пререканія властей", т.-е. къ положенію, при которомъ всякое дѣло тормозится или получаетъ уродливую форму. Ближайшими выразителями такого „разномыслія властей" на мѣстѣ являлись объѣздчикъ и писарь со старшиной, а нѣсколько повыше—все тотъ же „рендатель", благодаря разрѣшенію котораго возникъ поселокъ, почему онъ волей-неволей вынужденъ былъ „держать руку" переселенцевъ, и „особый", ставшій, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, на сторону старожиловъ.

О прежнихъ добродушно-ворчливыхъ перебранкахъ, какія иногда велись между свинцовскими и шрамковскими жителями, теперь не было и помину;—ихъ замѣнила открытая война, весьма богатая вражескими набѣгами, схватками и если не человѣческими жертвами, то многочисленными и разнообразными членовредительствами. Свинцовскіе подвергли поселокъ правильному и систематическому бойкоту, подъ тяжестью котораго стонали переселенцы, не будучи въ силахъ противопоставить ему хоть что-нибудь, кромѣ всевыносящаго русскаго терпѣнія.

Переселенцы, не успѣвшіе еще обзавестись не только хозяйствомъ, но часто и просто какой-нибудь кровлей, которая прикрывала бы ихъ ребятишекъ отъ дождя и холода, въ первое время поселенія нуждались рѣшительно во всемъ. Имъ нуженъ былъ и хлѣбъ, и сѣно, и лѣсъ на постройку, и какой-нибудь гвоздь или веревка. Прежде же всего нужно было хоть какое-нибудь жилище, хоть яму въ землѣ, гдѣ можно было бы укрыться отъ непогоды; но и для устройства ямы требовался и заступъ, и жерди, и многое другое, чего со стороны даже и незамѣтно. Но этими, такъ сказать матеріальными заботами не исчерпывались ихъ нужды: у одного ребенокъ „десять дёнъ животомъ маялся и померъ, Господь знаетъ, съ чего“—ему нужно удостовѣреніе старосты „для преданія землѣ“ младенца; другому требуется засвидѣтельствовать повѣстку, безъ чего не выдадутъ на почтѣ двухъ цѣлковыхъ, присланныхъ „сродственниками“ изъ дому; тому нужно справку для попа о годахъ дочери, которую онъ выдаетъ замужъ; этому—приложить печать къ довѣренности, которою шрамковцы уполномочивали его идти въ городъ и хлопотать объ участкѣ, и т. д., и т. д. Многочисленны и разнообразны были эти нужды, обступавшія каждаго переселенца съ перваго же дня его появленія на „новомъ мѣстѣ“. За очень многими изъ нихъ шрамковцамъ приходилось обращаться въ ближайшее старожиловское селеніе, т.-е. въ Свинцовское, гдѣ былъ и староста, который одинъ только и могъ, гдѣ требуется, „приложить печать“; были и лавочки, торговавшія „крестьянскимъ товаромъ“; тутъ же можно было купить у „богатенькихъ“ и муки, и овса или сѣна, и всего, что нужно. А главное, въ Свинцовскомъ можно было наняться на работу и „зашибить малую толику деньги“, т.-е. получить именно то, въ чемъ каждый переселенецъ такъ сильно нуждался. Все это могло бы дать переселенцамъ Свинцовское, но его жители именно тутъ-то и прижали шрамковцевъ, да такъ, что тѣ не знали въ первое время, что и дѣлать.

— Что есть, дыхнуть не даютъ, проклятущіе, какъ есть—дыхнуть не даютъ!—жаловались они на свинцовскихъ крестьянъ каждому, съ кѣмъ только встрѣчались, и кто обнаруживалъ хоть малѣйшее желаніе ихъ выслушивать.

Средства „прижимки“, употреблявшіяся старожилами въ примѣненіи къ своимъ сосѣдямъ, были весьма разнообразны.

Свинцовское „обществò“, руководимое въ этомъ случаѣ пятью-шестью „могутными“ мужиками, постановило рядъ приговоровъ, которыми опредѣлялись его отношенія къ переселенцамъ Шрам-

ковскаго поселка. Этими приговорами они такъ „обставили" переселенцевъ, что положеніе тѣхъ стало далеко не изъ легкихъ.

Никто изъ жителей Свинцовскаго отнынѣ не имѣлъ права пускать къ себѣ на квартиру переселенца, какую бы тотъ ни давалъ плату, какъ бы ему ни была необходима квартира въ виду приближавшейся зимы. Никто не могъ ни для какихъ работъ нанять переселенца, какъ бы онъ ни нуждался въ его услугахъ. Нельзя ничего продавать шрамковцамъ—ни топора, ни муки или сѣна, веревки или жерди—ничего. Старостѣ и писарю было „строго-на̀-строго заказано" шрамковцамъ никакихъ справокъ не давать, жалобы отъ нихъ „не примать", „печать нигдѣ не прикладывать". Ежели шрамковская скотина попадетъ въ свинцовскую „грань",—„безпремѣнно штрафовать" хозяевъ, и т. д.

Каждое такое требованіе обусловливалось соотвѣтствующимъ крупнымъ денежнымъ штрафомъ въ случаѣ его нарушенія, и никто изъ свинцовскихъ, ни староста съ писаремъ, не рѣшались ослушаться „обчества̂" и неуклонно выполняли всѣ подобныя требованія. Единственное исключеніе составлялъ старикъ Ляпуновъ, рѣшавшійся иногда потихоньку отъ своихъ продать шрамковцу пудикъ-другой муки; но и тотъ постоянно опасался, какъ бы кто не узналъ.

И шрамковцы, что называется, „взвыли"! Теперь имъ за всякимъ пустякомъ приходилось „гонять" верстъ за двадцать-пять, тридцать, а то и дальше. Пришлось подыскивать подставныхъ лицъ, черезъ которыхъ можно было бы купить у свинцовскихъ сѣна, которымъ тѣ „торговали на всю окру̀гу"; вмѣсто старосты, обращаться въ волость, гдѣ встрѣчали ихъ далеко не любезно и посылали „ко всѣмъ чертямъ", не хуже свинцовскаго старосты; случалось, засаживали въ католажку, а бывало и хуже—„растягивали"...

— Это у насъ просто дѣлается, — разъяснялъ волостной писарь недоумѣвающимъ чиновникамъ изъ тѣхъ, что наѣзжали по „шрамковскому дѣлу":—растянутъ, да и съ концомъ!

— Да за что̀ же?

— Не безпокойтесь: *они* отлично знаютъ, за что̀!

Шрамковцы постоянно чувствовали себя въ положеніи людей, находящихся въ осадѣ. Забрела переселенческая лошадь на „грань" свинцовскихъ,—тѣ живо ее загонятъ въ селеніе и держатъ ее голодною, пока не явится ея хозяинъ и не уплатитъ обществу выкупа. Они хорошо знаютъ, что хозяинъ непремѣнно придетъ, и тотъ дѣйствительно приходитъ къ старостѣ и про-

ситъ возвратить ему „животъ“. Наругавъ его достаточно, староста садитъ его въ „холодную“, каковую замѣняетъ его, старостинъ, амбаръ,—„въ яму“, говорятъ шрамковцы.

— Да я что же сдѣлалъ, Иванъ Парфенычъ? Ослобоните—дома работа ждетъ,—проситъ переселенецъ.

— А вотъ посидишь до вечера, такъ и узнаешь, что сдѣлалъ,—отвѣчаетъ староста, толкая его въ загривокъ и водворяя въ амбаръ.

Вечеромъ его освобождаютъ изъ „ямы“, онъ получаетъ злополучную лошадь, сутки остававшуюся голодною и въ работѣ, и уходитъ домой, самъ голодный и обозленный, оставивъ „обчеству выкупъ“ въ формѣ полуведерка водки.

Не всегда, впрочемъ, такъ благополучно кончаются для шрамковцевъ чуть не ежедневно возникающія „дѣла о потравѣ“: случается, что онъ возвращается домой не только безъ полушубка, который оставленъ цѣловальнику за купленную обществу водку, но еще и избитымъ, въ разорванной рубахѣ, безъ шапки.

Для возникновенія подобныхъ дѣлъ особенныя удобства представляетъ „верхній конецъ“ поселка, почти вплотную примыкающій къ заимкѣ волостного засѣдателя, Кузьмы Ивановича Чуманова. Чумановъ не принадлежитъ къ свинцовскому обществу: онъ „бергалъ“, „обуватель“ Пальчиковскаго рудника. Тѣмъ не менѣе ему также мѣшаетъ Шрамковскій поселокъ, такъ какъ онъ хорошо понимаетъ, что ему придется бросить свою заимку, которая не можетъ не отойти въ дачу поселка, если послѣдній будетъ разрѣшенъ и переселенцы останутся тутъ. Чумановъ—богатый мужикъ, на заимкѣ имѣетъ хорошій, двухъ-этажный домъ, пасѣку, много скота. Все это ему жалко „нарушать“, и онъ злобствуетъ на непрошенныхъ сосѣдей. Заимка его такъ расположена, что скотинѣ шрамковцевъ на ея земли „никакъ невозможно“ не попасть, и тутъ-то чаще всего и происходятъ „поимки“ скота, а нерѣдко и драки у шрамковцевъ съ свинцовскими и чумановскими.

Противъ Чуманова шрамковцы чувствуютъ себя особенно безсильными, во-первыхъ, потому что онъ „за-одно съ свинцовскими“, во-вторыхъ, потому что на его заимку часто пріѣзжаетъ въ гости волостной писарь, съ которымъ Чумановъ „все можетъ“. Тяжелый повседневный опытъ убѣдилъ ихъ въ этомъ.

Случился какъ-то въ поселкѣ чиновникъ, пріѣхавшій изъ города и съ утра сидѣвшій на улицѣ за работой, окруженный толпой переселенцевъ. Тутъ же вертѣлись волостной писарь и нѣсколько свинцовскихъ крестьянъ. Съ мѣста работы хорошо

была видна Чумановская заимка, вдругъ привлекшая къ себѣ вниманіе толпившихся у стола переселенцевъ.

— Ишь, опять разбойствуютъ!—послышалось въ толпѣ сдержаннымъ полушопотомъ.

— И не говори, парень...

— Что тамъ такое?—поинтересовался чиновникъ.

— Да, вонъ, чумановскіе опять... неопредѣленно отвѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ.

На лугу, за Чумановской заимкой можно было видѣть нѣсколько человѣкъ, бившихъ кого-то, кого у нихъ старалась отнять женщина; криковъ, за дальностью разстоянія, слышно не было. Ближе этой толпы, по направленію къ заимкѣ, парень гналъ пару лошадей.

Чиновникъ распорядился, чтобы изъ поселка послали объѣздчика прекратить драку. Черезъ нѣкоторое время послышались шумъ и крики толпы, которая направлялась къ столу чиновника. Впереди, безъ шапки, съ всклокоченными волосами, въ изорванномъ полушубкѣ и съ окровавленнымъ лицомъ шелъ переселенецъ, бережно поддерживая одной рукой другую, завернутую въ полушубокъ. Рядомъ съ нимъ шла и „голосила" растрепанная женщина. Толпа состояла человѣкъ изъ двадцати-тридцати переселенцевъ и старожиловъ. Среди послѣднихъ видна была и благообразная фигура старика Чуманова, съ длинной бородой, почти совсѣмъ сѣдой, и узкими, глубоко прятавшимися глазами.

Изъ разспросовъ выяснилось, что избитый мужикъ и его жена—переселенцы Шрамковскаго поселка. Ихъ лошади попали въ чумановскій лугъ; когда они побѣжали выгонять коней, на лугу ихъ настигли чумановскіе работники и избили, если не при участіи, то въ присутствіи самого Чуманова.

— Развѣ можно такъ бить человѣка!—негодуетъ чиновникъ, указывая на переселенца съ обезображеннымъ и окровавленнымъ лицомъ, уродливо вздувшейся губой, полузакрытымъ глазомъ и спекшимися отъ крови волосами; съ лѣвой руки капала кровь и одежда была также въ крови.

— Помилуйте, вашескородіе,—отвѣчалъ Чумановъ:—можетъ ли это быть, чтобы, къ примѣру, мы теперь стали на глазахъ вашей милости этакъ бить человѣка? Кто же этому повѣритъ!

— Пустое это они говорятъ на насъ,—поддержалъ Чуманова другой старожилъ, его работникъ:—по злобѣ, значитъ, что его кони въ „протравѣ" были, а мы ихъ загнали; вотъ они и досадуютъ на насъ, да еще начальству жалуются, что избили ихъ.

Въ виду столь категорическаго заявленія, чиновникъ съ изумленіемъ спросилъ переселенца, кто же билъ его съ женою.

— Да вотъ они же и били,—указалъ тотъ на только-что говорившаго и нѣсколькихъ мужиковъ.—Мы, какъ увидали коней въ лугу, побѣгли выгонять ихъ, а Чумановъ съ работниками ужъ загоняетъ ихъ. Одного-то коня я поймалъ и за поводокъ держалъ вотъ этой рукой, не пускалъ,—такъ меня Чумановъ-то самолично стягомъ по рукѣ ударилъ, вотъ по этому самому мѣсту, расшибъ руку-то вовсе, я и поводокъ опустилъ... Потомъ бить меня зачали, повалили на землю... Баба стала отнимать-было, ее оттащили, да плюхи двѣ и ей поднесли...

Баба громко всхлипывала, утирая глаза и ротъ концомъ головного платка.

— Какъ мужа-то мово повалили, я только...

— Не вѣрьте имъ, вашескородіе, врутъ все они,—перебилъ бабу Чумановъ, съ улыбкой глядя на побитаго переселенца.—Кому пришла нужда бить его? Пустое болтаютъ! Это онъ, вашескородіе, по насёрдкѣ на нашихъ несетъ... Не слушайте его—никто его не трогалъ... Коней точно загнали, а бить не били...

— Такъ кто же его все-таки избилъ?—вновь спрашиваетъ чиновникъ, обращаясь уже къ Чуманову и другимъ старожиламъ.

— А такъ, значитъ, вашескородіе, что и никто,—отвѣчаетъ Чумановъ, продолжая едва замѣтно улыбаться.—Потолкать его, „двистительно", потолкали мало-мало, ну, а бить не били, надо правду сказывать.

— Какъ не били? А почему же онъ весь въ синякахъ и въ крови?—начинаетъ горячиться чиновникъ.—Ты чего дурака-то валять пришелъ сюда? Кто его избилъ, спрашиваю тебя?

— А такъ надо обсказать, вашескородіе, что и никто не билъ, а онъ самъ себя поцарапалъ, чтобы показаться вашей милости въ такомъ, значитъ, видѣ: поглядите, молъ, что̀ дѣлаютъ надъ нами старожители... Надо прямо говорить—вредный мужиченко, сумнительный!.. Пустое болтаетъ!

— Они завсегда такъ,—развиваетъ мысль Чуманова свинцовскій мужикъ:—исцарапаетъ себѣ морду, либо болячку какую сколупнетъ, искровянитъ себя всего и идетъ жалиться къ начальнику, который ежели пріѣдетъ въ поселокъ:—меня, молъ, старожители изобидѣли... А кто его обиждалъ? никому онъ не нуженъ... Только и было всего, что евоныхъ коней загнали...

— Это какъ есть,—слышится въ толпѣ старожиловъ.

Чиновникъ возмущенъ. Переселенецъ съ искаженнымъ отъ боли лицомъ покачиваетъ избитую руку. Его жена плачетъ.

Молчатъ другіе переселенцы; молчатъ и старожилы. Чумановъ по прежнему стоитъ спокойно, поглаживаетъ свою сѣдую, апостольскую бороду и щуритъ глаза.

— Позвольте разъяснить вашему высокоблагородію, —говоритъ писарь, подходя къ столу и изгибаясь:—много у нихъ тутъ грѣха бываетъ, частовременно и въ волость приходятъ жаловаться другъ на друга—тотъ того изобидѣлъ, другого побили или еще какое озорство сдѣлали... Только вѣрить имъ не приходится,—очень ужъ, повѣрите ли, изолгался народишко,—такъ изолгался, что и сказать нельзя! Я ужъ на нихъ достаточно наглядѣлся...

Вечеромъ того же дня переселенцы говорили чиновнику:

— Давѣ сами изволили видѣть, что̀ Чумановъ дѣлалъ... Окажите, вашескородіе, милость, подайте намъ руку-помощь! Ежели они такъ поступаютъ при вашей милости, что̀ же они безъ васъ-то дѣлаютъ, хоть бы тотъ же Чумановъ! Чистое разбойство, не знаемъ, какъ и жить будемъ дальше...

— Жалуйтесь въ волость!—посовѣтовалъ чиновникъ.

— Жаловались, да толку-то что? только и есть, что въ холодной посидишь. Въ волости-то за столомъ тотъ же Чумановъ сидитъ, да писаришка энтотъ съ имъ же, да еще старшина—всѣ за-одно. Въ волостѣ какая ужъ правда!..

— Ну, жалуйтесь „особому“.

— Были и у особаго—и тоже ничего, на ихнюю же сторону норовитъ... Рассейскихъ-то особый, сказываютъ, шибко не любитъ—„бродяги, говоритъ, они, а не люди!“... А мы какіе же, вашескородіе, бродяги, сами посудите! Того же государя дѣтки, что и старожители...

Чтобы „мало-мало поучить шрамковскаго лапотника“, для этого не всегда требуется даже и поводъ въ родѣ „протравы“ и поимки переселенческой клячи въ свинцовской „гранѣ“. Иногда „ученье“ упрощается до послѣдней степени.

Поѣхали два шрамковца въ Пальчиковскій рудникъ за мукою. Дѣло было къ вечеру въ праздникъ. Въ Свинцовскомъ, черезъ которое переселенцы должны были ѣхать, у кабака собрался народъ—„пить не пили, а лясы точили“.

— Никакъ шрамковскіе лапотники ѣдутъ,—замѣтилъ одинъ изъ „старичковъ“, когда на улицу въѣхали двѣ переселенческія телѣги.

— Шрамковскіе и есть,—отвѣчаетъ другой.

Эти замѣчанія привлекли общее вниманіе праздной толпы къ приближающимся телѣгамъ.

— И за коимъ лѣшимъ ихъ, подлецовъ, носитъ тутъ?—слы-

шится изъ нея.—Ѣздили бы по степи, глаза бы мои не видали ихъ, варнаковъ.

— Степью бы и надо,—отзываются сочувственно.

Въ это время переселенцы поровнялись съ кабакомъ.

— Шрамковскіе?—кричитъ здоровенный мужичина, съ рыжей бородой, обращаясь къ ѣхавшимъ.

— Шрамковскіе, поштенный, шрамковскіе...

— Куда понадобилось ѣхать эку пору?—спрашиваютъ свинцовскіе, и нѣсколько человѣкъ подходитъ къ остановившимся телѣгамъ.

— Въ рудникъ,—хлѣба надобно купить завтра.

— Въ рудникъ! А какое полное право вы теперя можете ѣздить въ рудникъ черезъ наше селеніе? Вамъ кто указалъ тутъ путь?—спрашивали свинцовскіе.

Переселенцы—въ недоумѣніи.

— Кто указалъ? Никто—дорога потому, всѣ ѣздятъ...

— Всѣ, да не ты, косорылый чортъ! Всѣ ѣздятъ, а ты не моги!—вдругъ обозлился допрашивавшій мужикъ.—Занадобилось ѣхать, долженъ спроситься: дозвольте, старички, проѣхать вашей дорогой! Ты вотъ какъ дѣлай, балда россійская!

— Да намъ что спрашивать? дорога большая, нешто можно заказать по ей ѣздить?—возражаютъ переселенцы.

— Вотъ ты попробуй другой разъ поѣхать, такъ узнаешь, можно либо нѣтъ! Тебѣ толкомъ сказываютъ: вамъ, шрамковцамъ, не смѣть тутъ ѣздить, ты и слухай, да другой разъ не ѣзди.

— Намъ гдѣ же ѣздить-то, коли не тутъ?

— Поѣзжай своей стороной, степью, значитъ, а къ намъ не моги—не пустимъ!

— Еще чего придумаете?—возразилъ съ передней телѣги переселенецъ, которому это требованіе показалось совсѣмъ уже дикимъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ, и тронулъ лошадь возжами, чтобы ѣхать дальше.

— Да ты никакъ, парень, бѣжать отъ насъ вздумалъ? Нѣтъ, стой! Давай обчеству выкупъ, потому ты по нашей дорогѣ ѣздишь, а мы должны потомъ за тебя дорогу править... Ставь угощенье!

Присутствующимъ эта мысль такъ понравилась, что они заступили переселенцамъ путь и также стали требовать „угощенья“.

— Ничаво, ставь да и все!

Переселенцевъ возмутила такая наглость.

— Да вы что это—разбойничать зачали, что-ли, среди-то

деревни?—крикнулъ одинъ изъ нихъ, понукая лошадь.—Пусти, говорю! Ну!

— Такъ ты этакъ разговариваешь!? Тащи, ребята, его съ телѣги!..

Нѣсколько человѣкъ бросилось „тащить“ сопротивлявшихся переселенцевъ; произошла драка, въ которой и избили шрамковцевъ. Съ лошадей хомуты поснимали, въ телѣгахъ порубили колеса, да еще въ холодной сутки продержали избитыхъ. Жалобы шрамковцевъ ни къ чему не повели, но съ этого времени они избѣгаютъ ѣздить черезъ Свинцовское.

Источникомъ такого отношенія старожиловъ къ переселенцамъ вновь возникающаго поселка являлись не только повседневныя столкновенія тѣхъ и другихъ, не только чрезмѣрная близость сосѣдства неизвѣстно откуда взявшихся людей, чуждыхъ и по обычаямъ, языку, даже по одеждѣ и чисто внѣшнимъ чертамъ. Можетъ быть, гораздо больше приходится отнести въ этомъ случаѣ на счетъ прошлаго Свинцовскаго селенія и еще болѣе—прошлаго всего края. На этой чертѣ стоитъ остановить вниманіе.

Дергачевская степь или, какъ чаще ее называютъ мѣстные жители, Дергачи, гдѣ засѣли Шрамковъ и другіе переселенцы, еще недавно была „вольной“, и пользованіе ею для старожиловъ немногихъ селеній по р. Краснухѣ не сопровождалось никакими дополнительными платежами, въ видѣ аренды и пр., которые вытекали бы изъ самаго факта пользованія. „Паши, гдѣ хочешь“—вотъ краткая формула, въ которую весьма удобно укладывались отношенія къ Дергачамъ старожиловъ при-краснухинскихъ селеній, а въ томъ числѣ и Свинцовскаго. Мало кто пахалъ въ то время,—больше возили руду, уголь да дрова на рудники и заводы; а кто пахалъ, тотъ ѣздилъ на степь верстъ за тридцать-пятьдесятъ, бывало—и за сто; пашни же въ десяти-пятнадцати верстахъ считались уже близкими. Да и пахали не помногу — „хватило бы хлѣба для себя да овса для коней“. Хозяйство держалось главнымъ образомъ на скотоводствѣ, чему много способствовало обиліе луговъ по Краснухѣ, превосходныя пастбища на степи да то, что скотоводство почти не требовало мужского труда, который цѣликомъ уходилъ на заводскія работы по доставкѣ руды и угля. Прикраснухинскіе крестьяне, какъ и всѣ крестьяне того времени въ краѣ, были приписаны къ мѣстнымъ горнымъ заводамъ и рудникамъ, на которыхъ обязаны были отбывать извѣстныя работы. Земли тогда никто не цѣнилъ и не жалѣлъ.

— Чего ее жалѣть?—еще недавно говорили старожилы:—у Господа ее, матушки, достаточно, на всѣхъ хватитъ!

Новѣйшія времена, однако, показали, что это не совсѣмъ такъ.

„Обязательный трудъ“ отошелъ въ вѣчность, но крестьяне еще нѣкоторое время держались за прежніе промыслы по доставкѣ угля и возкѣ руды. Но съ уничтоженіемъ крѣпостныхъ отношеній начало падать и все горное дѣло въ краѣ, постепенно сокращаясь, пока не прекратилось совсѣмъ. Параллельно этому шло и паденіе крестьянскихъ промысловъ—возки руды и доставки угля. Крестьяне вынуждены были все болѣе налегать на землю, взявшись за соху, хотя сначала и съ большой неохотой. Отношеніе къ землѣ теперь было уже далеко не то, что въ предшествовавшій періодъ: ее начали цѣнить.

На ряду съ этимъ процессомъ наблюдалось и другое явленіе. По сибирскимъ дорогамъ вдругъ откуда-то потянулись толпы голодныхъ, съ кучей ребятъ на рукахъ, россійскихъ переселенцевъ, которые „зачали зѐмли искать, что̀, значитъ, плохо лежатъ“... Много было по Сибири такихъ, по остроумному опредѣленію самихъ крестьянъ, плохо лежащихъ земель, много ихъ было и въ нашемъ углу. Но велика, почти ненасытна была „жадность“ къ нимъ этихъ истомленныхъ, жалкихъ лапотниковъ, количество которыхъ съ каждымъ годомъ росло въ Сибири, и къ которымъ старожиловская Сибирь относилась съ несправедливымъ презрѣніемъ за ихъ нищету, грязь и лапти. Появились они и на Дергачахъ и, какъ „столбовые пахаря́“, быстро оцѣнили, конечно, всѣ достоинства этой степи, на сотни верстъ „въ пустѣ лежащей“, лишь кое-гдѣ пестрѣвшей немногими полосками старожиловскихъ пашенъ. И на степи начали, какъ грибы, рости переселенческіе поселки, а черезъ немного лѣтъ они непрерывной цѣпью растянулись по ту сторону степи, противъ прикраснухинскихъ селеній. И всѣ эти „россійскія деревни“ получили въ свое распоряженіе огромные участки земли, вырѣзанные изъ степи. На каждый участокъ приходилось пятнадцать-двадцать тысячъ десятинъ превосходнѣйшей земли. Недавнее степное приволье стало быстро, словно по волшебству, исчезать, на глазахъ таять.

Прикраснухинскіе старожилы все это видѣли, но пока мало безпокоились, такъ какъ поселки возникали хотя и на ихней землѣ, но настолько далеко, что рѣдко кто изъ хозяевъ заходилъ со своей сохой туда. Пока они только удивлялись: откуда валитъ „такая сила“ этихъ россійскихъ? Быстро, однако, ихъ

изумленіе перешло въ тревогу, временами осложнявшуюся злобой, которую вызывало какое-нибудь частное столкновеніе съ переселенцами. Старожилы очень скоро разглядѣли въ переселенцѣ, этомъ забитомъ, едва прикрытомъ лохмотьями человѣкѣ съ покорностью во взорѣ и всей фигурѣ—врага окружающаго ихъ приволья, врага, который въ концѣ концовъ приберетъ къ своимъ крѣпкимъ рукамъ не только „плохо лежащую въ казнѣ“ землю на степи, но, пожалуй, захватитъ и тѣ земли, что старожилы имѣютъ въ своихъ „дачахъ“, которыми они пользуются по „плантамъ“, имъ хорошо извѣстнымъ. Въ подтвержденіе возможности, даже необходимости такого конца, текущая дѣйствительность приносила имъ все новые факты о происходящихъ въ другихъ селеніяхъ столкновеніяхъ съ переселенцами, причемъ эти еще недавно смиренные лапотники производили захваты старожиловскихъ земель, а то и совсѣмъ выживали самихъ старожиловъ, и количество такихъ фактовъ чуть не ежедневно возростало.

Все это также увеличивало въ глазахъ старожиловъ значеніе земли, къ которой онъ еще недавно былъ столь равнодушенъ, и заставляло его дорожить ею. Переселенцы, столь „жадные“, по опредѣленію старожиловъ, къ землѣ, показали имъ на примѣрѣ, что земля имѣетъ гораздо бо́льшую цѣнность, чѣмъ до сихъ поръ думали старожилы, что при извѣстныхъ условіяхъ затрачивать на нее трудъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ на рубку заводскихъ дровъ и пр. Изъ старожиловъ стали выдѣляться отдѣльныя хозяйства „могутныхъ мужиковъ“, по примѣру переселенцевъ взявшіяся вплотную за соху и заводившія такія же обширныя запашки, какъ и тѣ. А такъ какъ и переселенческое, и старожиловское, сколько-нибудь крупное хозяйство велось главнымъ образомъ на цѣлинахъ, то вскорѣ же обнаружилось своеобразное „утѣсненіе“ въ старожиловскихъ дачахъ: для „богатенькихъ“ ужъ не вездѣ хватало цѣлинныхъ земель, и они обратили свои взоры на степи, на тѣ самыя „пустолежащія земли“, къ которымъ они еще недавно относились презрительно. „Что въ ей толку—одна сухмень“,—говорили они,—но переселенцы показали, что эта „сухмень“ даетъ превосходные урожаи лучшихъ сортовъ пшеницы. Эти степи для прикраснухинскихъ старожиловъ явились запаснымъ фондомъ, къ которому они въ лицѣ своихъ богатѣевъ и обращались по усмотрѣнію. За такое пользованіе они по прежнему не платили аренды, потому что эти земли они „изъ вѣку занимали“, т.-е. пасли на нихъ скотъ, а изрѣдка и „припахивали“.

Но цѣнить степи стали не только прикраснухинскіе крестьяне, а и ближайшее „подземельное“ начальство, убѣдившееся также изъ ежедневныхъ фактовъ, что степь пригодна не только для того, чтобы по ней руду да уголь возить на заводы, но и для того, чтобы „припускать“ къ ней россійскаго лапотника: онъ за нее будетъ давать деньги, и станутъ приносить эти „въ пустѣ лежащія“ земли, еще вчера „не стоившія вниманія“, доходу больше, чѣмъ тотъ же Пальчиковскій рудникъ, кромѣ убытку, ничего не дававшій. Такимъ образомъ возникла аренда, которой подлежали всѣ пользовавшіеся „степью“. Но новый порядокъ, которому не могли сочувствовать тѣ, кто ближе всего былъ заинтересованъ въ пользованіи землею, т.-е. крестьяне, прививался плохо, и дѣло, что называется, „валило черезъ пень-колоду“, вяло, неувѣренно, съ отступленіями и колебаніями. Долго все велось „по старинкѣ“, и „рѣденькій“ соглашался платить аренду—на иное большое селеніе находился одинъ такой чудакъ. Но времена все-таки измѣнчивы: пріѣхалъ новый „рендатель“ и круто „все повернулъ по своему“.

— Я васъ, мерзавцевъ, приведу въ христіанскую вѣру!—говорилъ онъ прикраснухинскимъ мужикамъ, когда тѣ на его требованіе уплатить аренду говорили, что степь „исконвѣшная ихняя“, да что у обчества есть изъ губерніи „бумага“ и т. п.

Но „мерзавцы“ продолжали отлынивать отъ платежей. На нихъ составлялись протоколы, которые начинали путешествовать по инстанціямъ, взысканія затягивались въ безконечность, а распашки все продолжались. Мужики посмѣивались, видя безплодность усилій рендателя „обратить ихъ въ христіанскую вѣру“.

— Ничего, пусть покричитъ баринъ,—говорили они:—поживетъ съ нами—обнатурится!

Но „баринъ“ не захотѣлъ „обнатуриться“ и рѣшилъ употребить переселенцевъ, какъ своеобразное орудіе „обращенія“. Пріемъ оказался очень простымъ. Пріѣзжаетъ чиновникъ въ деревню, собираетъ мужиковъ.

— Предписано съ васъ аренду взыскать, платите,—объясняетъ онъ собравшимся.

— Кубыть не за што, вашескородіе, потому мы казеннымъ ничѣмъ не займуемся.

— На Дергачахъ пашете—за эту землю и платите.

— Помилуйте, вашескородіе, да за што же? Да мы на Дергачахъ теперь исконвѣшные пахаря, и никогда съ насъ взыску не было...

И такъ далѣе.

— Такъ не будете платить?—спрашиваетъ въ десятый разъ чиновникъ.

— Да мы отчего, вашескородіе, не хотимъ! Только платить-то не за что, потому она, пашня то-ись, исконвѣшная наша, какъ еще, можетъ, тутъ дѣдушки селились, все наша.

— Ну, я съ вами больше разговаривать не стану... Не хотите платить—ваше дѣло, а я тутъ посажу переселенцевъ—они будутъ платить, да еще и благодарить меня станутъ.

— Мы не можемъ указывать, что вашему скородію дѣлать надлежитъ. Только взыску съ насъ никогда не было.

— Смотрите, потомъ жалѣть будете,—убѣждаетъ ихъ чиновникъ,—да поздно.

— Намъ что жалѣть,—какъ начальство... Мы не супротивники... А что, дѣйствительно, дергачевская пашня споконвѣшная наша—это и каждый скажетъ, спросите, кого желаете... А платить намъ не приходится...

Въ результатѣ, на „исконвѣшной" землѣ появляются въ качествѣ арендаторовъ переселенцы, которые не только рады „платить", но, дѣйствительно, еще и „благодарятъ". Чтобы сохранить свои пашни отъ перехода въ руки переселенцевъ, начинаютъ понемногу платить и старожилы. Пройдетъ извѣстное время, и, смотришь, „обращеніе", дѣйствительно, состоялось, притомъ самое реальное, выразителемъ чего является возвысившаяся доходность степи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надолго испорчены отношенія между старожилами и переселенцами. Гдѣ оказывалось удобнымъ, тамъ арендныя переселенческія заимки превращались сначала въ арендные поселки, а затѣмъ имъ „нарѣзались участки", и селеніе становилось „новымъ переселенческимъ поселкомъ".

Такъ именно и возникли всѣ эти Григорьевки, Гусевки, Сапожкины-пади, Красноярки и многіе другіе поселки, которыми пестрятъ теперь Дергачи.

Какъ мы уже знаемъ, тѣмъ же путемъ образовался и Шрамковскій поселокъ, „подъ носомъ" у селенія Свинцовскаго.

Кромѣ общихъ причинъ, это селеніе имѣло и нѣкоторыя частныя свои причины быть недовольнымъ появленіемъ на „ихъ степи" переселенцевъ. Обладая собственной обширной дачей, свинцовскіе крестьяне имѣли относительно мало удобныхъ для хлѣбопашества земель, и отсутствіе хорошихъ пашенъ давало себя чувствовать. Этимъ объясняется, почему почти всѣ свинцовскіе пахаря перенесли свою дѣятельность за рѣку, на степь,

гдѣ широко и развернули свои силы. Немного было этихъ пахарей, но все народъ крупный: одинъ запахивалъ болѣе 100 десятинъ, другой—десятинъ 80, не меньше того третій, и т. д. Вотъ этимъ-то „могутнымъ мужикамъ“ и было особенно невыгодно появленіе въ степи переселенцевъ, которые должны были сократить ихъ хозяйственный размахъ. Они главнымъ образомъ и воодушевляли своихъ односельчанъ на сопротивленіе, разжигали въ нихъ страсти и натравливали на шрамковцевъ.

Во главѣ общества стала небольшая кучка зарѣчныхъ пахарей, человѣкъ пять-шесть, можетъ быть, но все народъ съ большимъ характеромъ, настойчивостью и умѣньемъ вліять на окружающую среду. Спокойные, выдержанные, умные, но холодные и жесткіе, они могли бы служить превосходными образцами того типа сибирскаго крестьянина, который въ нашей литературѣ нерѣдко смѣшивался съ сибирскимъ крестьяниномъ вообще. Самой крупной фигурой въ этой небольшой сплоченной кучкѣ свинцовскихъ воротилъ былъ Алексѣй Тимоѳеевичъ Шадринъ, крѣпкій старикъ, имѣвшій не менѣе ста двадцати десятинъ запашки, десятковъ семь-восемь лошадей, до полусотни коровъ, и т. д. Ясно, что для него подчиненіе какому-нибудь пятнадцати-десятинному надѣлу было, по меньшей мѣрѣ, невыгодно, если не прямо разорительно. Добровольно онъ согласился бы уступить шрамковцамъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы ему было очевидно, что его хозяйство съ переносомъ въ собственную дачу не понесетъ крупныхъ ущербовъ, какіе неизбѣжно влечетъ за собой сокращеніе хозяйства. И онъ является однимъ изъ яростнѣйшихъ противниковъ шрамковцевъ, увлекая за собою другихъ. Обладая большимъ умомъ, онъ съумѣлъ такъ повести дѣло, что интересы его и зарѣчныхъ пахарей свинцовское общество искренно смѣшивало долгое время со своими собственными и грудью защищало ихъ отъ опасности, угрожавшей имъ со стороны шрамковцевъ. Нужно было много мѣсяцевъ тяжелой борьбы, насилій, ссоръ и столкновеній съ сосѣдями-переселенцами, чтобы могъ разсѣяться этотъ самообманъ.

Другая особенность въ положеніи селенія Свинцовскаго заключалась въ томъ, что его жителямъ, дѣйствительно, было разрѣшено высшей администраціей въ краѣ пользоваться нѣкоторою частью дергачевской степи „впредь до особаго распоряженія“, о чемъ не зналъ „рендатель“, и не хотѣлъ вѣрить, когда ему говорили объ этомъ крестьяне. Водвореніе при такихъ условіяхъ Шрамковскаго поселка возлѣ самаго селенія носило, въ

глазахъ свинцовскихъ, характеръ двойного нарушенія ихъ интересовъ, матеріальныхъ и правовыхъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, если и не измѣняло самого характера отношеній свинцовскихъ къ переселенцамъ, во всякомъ случаѣ дѣлало болѣе упорнымъ ихъ сопротивленіе, болѣе страстнымъ и жестокимъ, чѣмъ это могло бы быть при иныхъ условіяхъ.

Внутренняя жизнь поселка складывалась независимо отъ военныхъ дѣйствій съ сосѣдями, и нужно признать, что для многихъ и многихъ шрамковцевъ тяжела была эта жизнь. Какъ они ее переносили да еще имѣли достаточно бодрости, чтобы смотрѣть впередъ съ надеждой,—это вопросъ, на который только и можно отвѣтить, что человѣку, когда у него болѣе уже ничего нѣтъ, когда онъ дошелъ до послѣдней крайности, далѣе которой лишь гибель или самоуничтоженіе, только и остается, что надѣяться... на что? Это уже зависитъ отъ многихъ частныхъ причинъ. Надежды шрамковцевъ были неопредѣленны и спутаны, но сильны и ярки и вращались болѣе около сытости—какой-то особенной, еще невиданной, но заманчивой и соблазнительной.

Огромное большинство шрамковцевъ пришло въ поселокъ осенью, и многіе изъ нихъ не успѣли на зиму не только запастись хлѣбомъ—такихъ, можетъ быть, было девять-десятыхъ,—но и устроить себѣ какое-нибудь жилище, хотя бы примитивныя землянки-норы, нерѣдко служащія переселенцамъ чѣмъ-то въ родѣ логова въ первые годы ихъ жизни въ Сибири. Не имѣя ни хлѣба, ни собственнаго крова, всѣ такіе жители поселка вынуждены были вести голодное существованіе нищаго, питающагося именемъ Христовымъ среди почти такихъ же нищихъ, какъ онъ самъ. Кому силы и здоровье позволяли, тотъ ушелъ побираться по другимъ переселенческимъ поселкамъ, уже поокрѣпшимъ, или же нанимался за одну-двѣ десятины снова въ работники; остальные же оставались „дома" и „бились по квартирамъ" земляковъ, въ берлогахъ, крыша которыхъ нерѣдко промерзала, образуя внутри постоянную наледь, отчего внутри почти не было свѣта, стоялъ густой паръ отъ дыханія, пропрѣвшей одежды и сочившейся съ крыши воды, гдѣ было и самимъ тѣсно до тошноты и головокруженія въ этомъ вонючемъ, отравленномъ воздухѣ. Въ такихъ-то норахъ „набивалось" человѣкъ по десяти, пятнадцати и болѣе „новоселовъ", и жили они, мѣсяцами не снимая одежды, валяясь въ грязи, нерѣдко пораженные недугомъ, съ напряженной мучительной думой о вѣчно пустомъ желудкѣ, своемъ и своихъ близкихъ.

Болѣзни возникли среди шрамковцевъ едва ли не съ первыхъ дней появленія ихъ самихъ въ поселкѣ: лихорадка, тифы, цынга, поносы, разнообразныя глазныя страданія почти не переводились, лишь по временамъ ослабѣвая или, напротивъ, развиваясь чуть не въ поголовную эпидемію. За первый годъ существованія поселка рѣдкая семья не имѣла одного-двухъ покойниковъ въ домѣ. Особенно много гибло дѣтей; немало ихъ оставалось и круглыми сиротами, которыхъ „подбирали добрые люди". Свирѣпствовавшій весною тифъ поражалъ, случалось, поголовно всѣхъ обитателей иного „дворца на трехъ жердяхъ", и больные оставались брошенными на произволъ судьбы: хорошо—заглянетъ кто изъ сосѣдей, хоть напиться дастъ, а то и такъ остаются и день, и другой. Много народу покалѣчила цынга, трахома, но всего болѣе унесено въ могилу дѣтей, которыя умирали не только отъ поносовъ, кори, „горлышка" и пр., но и отъ какихъ-то другихъ причинъ, которыя такъ опредѣляются шрамковскими бабами:

— Господь его знатъ, что съ нимъ такое приключилось: какъ будто и здоровенькій все былъ, а тутъ—нà тебѣ!—покричалъ-покричалъ, да и отдалъ душу Богу! Его святая воля!—прибавляли онѣ, вздыхая.

По мѣрѣ роста поселка, росло невдалекѣ отъ него и кладбище, рыть могилы на которомъ шрамковцы стали почти одновременно съ рытьемъ землянухъ для самихъ себя. Но скоро ростъ погоста, этого поселка мертвыхъ, даже обогналъ ростъ поселка живыхъ, служа какъ бы укоромъ кому-то.

— По другимъ деревнямъ,—иронизировали шрамковцы,—начальство все пужало народъ холерой: придетъ холера, помирать будете, коли назьмовъ не уберете! А у насъ хуже холеры, только къ намъ пошто-то никто не ѣздилъ, когда у насъ народъ помиралъ да кажинный день таскали нѣсколько упокойниковъ!..

За первый годъ существованія поселка, т.-е. за время наибольшаго развитія въ немъ различныхъ эпидемій, когда переселенцы „пухли съ голодухи", а можетъ быть, и умирали голодной смертью,—за все это время онъ былъ предоставленъ исключительно своимъ собственнымъ силамъ, энергіи и способности изворачиваться. И онъ изворачивался, усиленно таская на кладбище „мертвяковъ", судорожно корчась отъ голода и боли и въ то же время мечтая о соблазнительной сытости въ ближайшемъ же будущемъ.

Внѣшній порядокъ въ поселкѣ попрежнему поддерживался Шрамковымъ, который вмѣстѣ съ Портянкинымъ и нѣсколькими

болѣе вліятельными переселенцами верховодили, какъ имъ хотѣлось. „Для начальства“ ими былъ выбранъ „какъ бы въ родѣ старосты“ безотвѣтный мужичокъ изъ числа тѣхъ, которые, не пользуясь никакимъ вліяніемъ въ обществѣ, тянутъ общественную лямку безропотно, какъ бы ни рѣзала она имъ плечи. За спиною этого-то „старосты“ Шрамковъ съ братіей и орудовали.

— Онъ у насъ и совсѣмъ бы староста, да только вотъ ему печати отъ начальства все не выходитъ,—разъяснялъ Шрамковъ.

Ближайшее начальство, по временамъ наѣзжавшее въ поселокъ, хорошо понимало роль „какъ бы старосты“ безъ „печати“ и совершенно игнорировало его, видя въ Шрамковѣ настоящаго представителя поселка; къ нему за всѣмъ и обращалось.

Какъ ни сильна и обширна была фактическая власть надъ поселкомъ Шрамкова, но и ему временами было трудновато бороться со многими внутренними неурядицами, вызываемыми общей неопредѣленностью положенія поселка и разношерстностью его жителей,—„разногуберщиной“, какъ характеризовали эту черту сами переселенцы.

— Насъ теперь собралось тутъ разнаго народу съ семнадцати губерній... Каждый норовитъ тянуть на свою сторону... Всѣхъ не урезонишь тоже... Вотъ и выходитъ у которыхъ склока промежду себя—хлопота одна съ ними! Одно слово—разногуберщина! — объясняли переселенцы слабость сознанія единства и общности интересовъ поселка, разбивавшагося на множество мелкихъ группъ, обособленныхъ частными интересами землячествъ.

Еще въ первую осень небольшая группа харьковскихъ хохловъ не поладила съ пастухами-киргизами, что пасли шрамковскій табунъ, и хохлы ихъ „мало-мало плетьми подрали“. Пастухи послѣ этого, естественно, бросили табунъ и ушли, а черезъ нѣкоторое время стали наблюдать пропажу лошадей, что на слѣдующій годъ достигло колоссальныхъ размѣровъ—„у рѣденькаго, злодѣи, не увели коня либо двухъ“. Многіе обвиняютъ въ этомъ свинцовскихъ, которые-де воруютъ черезъ киргизъ; то же утверждаютъ и хохлы, дравшіе пастуховъ. Другіе же въ систематическомъ воровствѣ лошадей видятъ месть пастуховъ и винятъ хохловъ въ своихъ злоключеніяхъ. Старожилы категорически утверждаютъ, что тутъ все дѣло въ мести.

— Киргизы заставятъ поминать прошлое, чтобы, значитъ, вѣкъ не забыли, какъ пастуховъ плетьми драть! — злорадствуютъ они.

По другимъ деревнямъ той же мѣстности о конокрадствѣ не слыхать, хотя табунщиками всюду киргизы.

Проявленія розни переселенцевъ на почвѣ „разногуберщины“ бываютъ иногда поистинѣ дики и жестоки! Въ поселкѣ проживало десятка три-четыре семей мордвы, почти не знавшихъ русскаго языка, сохранившихъ свои костюмы и пр. Рѣзко выдѣляясь, благодаря этимъ особенностямъ, на общемъ фонѣ пестраго состава населенія поселка, эти тридцать-сорокъ семей сдѣлались какъ бы козломъ отпущенія для поселка: что̀ бы ни случилось, такъ или иначе остается виноватой мордва.

Не мало возникало столкновеній и недоразумѣній и между хохлами и великороссами, православными и раскольниками, и т. п., что̀ требовало сторонняго вмѣшательства, улаживанья и пр., съ чѣмъ и приходилось возиться Шрамкову.

При всѣхъ неурядицахъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, при всей неопредѣленности самаго положенія поселка и проблематичности его будущаго, его ростъ неуклонно продолжался, какъ въ смыслѣ численности—подходили и селились все новыя и новыя семьи „жаждущихъ землицы“,—такъ и въ смыслѣ болѣе прочнаго хозяйственнаго уклада. Къ слѣдующей осени поселокъ измѣнился уже почти до неузнаваемости даже съ чисто-внѣшней стороны. Широкія улицы и переулки дѣлили его на правильные кварталы съ площадями для будущаго базара, церкви и школы. Землянки-норы въ большинствѣ замѣнились чистенькими хатками, сложенными изъ земляныхъ пластовъ или саманныхъ кирпичей, побѣленными известью или обмазанными красной глиною, съ соломенными, аккуратно подстриженными крышами. Постройки размѣстились просторно и привольно, и лишь на окраинахъ по прежнему еще торчали жердяныя крыши землянокъ-норъ.

Переживъ тяжкую зиму и не менѣе тяжкую весну, къ осени большинство прошлогоднихъ шрамковцевъ уже имѣло *свой* хлѣбъ: кто лично „припахалъ десятинку“, кто заработалъ ее, сдавъ на зиму въ работники сына, а кто и купилъ, запродавъ свой трудъ впередъ или трудъ кого-нибудь изъ своихъ семейскихъ. „Заправился“ поселокъ и сѣномъ, арендовавъ луга „въ казнѣ“, въ дачѣ Пальчиковскаго рудника, съ уплатою денегъ зимою. Кто могъ, обзаводился и скотиной; появились въ поселкѣ и коровы, и овцы. Около домовъ виднѣлись огороды!

Видно было, какъ крѣпнетъ поселокъ экономически, съ каждымъ днемъ все прочнѣе становясь на ноги. Даже многія непріятныя черты „разногуберщины“ стали сглаживаться и исчезать совсѣмъ, чему отчасти способствовало и то, что изъ поселка вся мордва ушла. Во многомъ уже можно было подмѣ-

тить зарожденіе болѣе тѣсной внутренней связи между жителями поселка, столь необходимой для его будущаго.

Лишь правовое, правильнѣе сказать—безправное положеніе поселка оставалось прежнимъ, а пожалуй и еще болѣе неопредѣленнымъ, ухудшившимся. Въ полусотнѣ канцелярій скрипѣли перья на благо или на гибель Шрамковскаго поселка; требованія отъ переселенцевъ выселенія шли параллельно съ предложеніями старожиламъ „принять въ свою среду" шрамковцевъ; угрозы уничтожить поселокъ, построившійся „на предоставленной крестьянамъ землѣ", слышались въ то же время, когда свинцовскимъ крестьянамъ ставился ультиматумъ: или подчиниться арендѣ, или прекратить пользованіе землею на степи, и т. д.

Переселенцы не знали, чему вѣрить, кого слушать, но были убѣждены, что теперь, когда они „вывели этакое селеніе", ихъ уже не потрогаютъ, и оно такъ или иначе сохранится, если не какъ переселенческій поселокъ обычнаго типа, то какъ арендный, какихъ тоже не мало въ краѣ. Временами ихъ надежды на скорое упроченіе поселка вспыхивали ярче подъ вліяніемъ какихъ-нибудь слуховъ или заявленій заѣзжаго чиновника, или же, обратно, падали, почти угасая, когда откуда-то проносился слухъ, что въ губерніи рѣшено поселокъ уничтожить, или когда изъ Гадюкина пріѣзжалъ „особый" и держалъ рѣчи къ старожиламъ на тему, что „они—его дѣтки, а переселенцы—пасынки", почему онъ долженъ защищать первыхъ отъ злостныхъ поползновеній вторыхъ и не можетъ допустить существованіе Шрамковскаго поселка. Но эти моменты повышенія и пониженія чаяній скоро какъ-то сами собой забывались, повседневныя заботы вытѣсняли полученныя острыя впечатлѣнія, и будничная жизнь снова вступала въ свои права.

Свинцовскіе старожилы также во многомъ измѣнились за истекшій годъ, хотя и съ трудомъ уясняютъ себѣ, что происходитъ кругомъ. И лучшіе, наиболѣе развитые изъ нихъ не могутъ уже не сознавать, что переселенцу земля необходима, что нельзя же въ ней отказывать человѣку, который безъ нея пухнетъ съ голоду и умираетъ. Это сознаніе и наблюденіе изо дня въ день, въ теченіе года трудовой, полной всевозможныхъ лишеній жизни переселенцевъ, а главное, эта безконечная канцелярская волокита и сопряженные съ нею расходы (за десять мѣсяцевъ одинъ довѣренный обошелся свинцовскимъ около 800 р.)—все это вызвало въ настроеніи части свинцовскаго общества замѣтное измѣненіе въ пользу переселенцевъ. И теперь уже

можно было слышать такія рѣчи, шедшія изъ среды свинцовскаго общества:

— Да по мнѣ, шутъ съ имъ, съ Шадринымъ или съ Хребтовымъ! Онъ на степи посѣялъ, можетъ, двѣсти десятинъ, такъ ему есть изъ-за чего глотку на сходѣ драть, а намъ-то что въ ей, въ степи? И вовсе она намъ ни къ чему; у насъ, почитай, ни у кого, кромѣ богатенькихъ, тамъ и нѣтъ ничего За каку же таку, прости, Господи, язву я теперь должонъ изъ свово кармана платить-то? Теперь, что ни сходъ, то и раскладка,—то писарю надо, то довѣренному подай; тамъ, опять, Макаровъ требуетъ... Да поди ты къ лѣшему и со степью своей! Нужна она Шадрину да Рябинину, пусть они и платятъ сами, а мы-то, братцы, съ чего должны уплачивать? и т. п.

Вліяніе Шадрина и другихъ „богатенькихъ“ замѣтно падало, и къ концу лѣта сходъ уже постановилъ на довѣреннаго больше денегъ не давать, сдѣлавъ еще одну попытку послать его въ городъ. Бойкотъ шрамковцевъ хотя и продолжался, но уже далеко не съ прежнимъ воодушевленіемъ и систематичностью,—на нарушеніе постановленій общества давно уже смотрѣли сквозь пальцы.

Вотъ почему, когда было получено извѣстіе, что окончательно рѣшено „поселокъ нарушить“, для чего будто бы пріѣдетъ самъ „особый“ съ народомъ, и когда было получено другое извѣстіе, что изъ Пальчиковскаго рудника „утресь поѣхали зорить Красноярку“—сосѣдній поселокъ, находившійся въ аналогичномъ съ Шрамковскимъ положеніи,—а оттуда пальчиковскіе явятся зорить шрамковцевъ,—эти извѣстія уже не произвели должнаго впечатлѣнія, и неспособны были вызвать у свинцовскихъ чувства удовлетворенной радости, какъ было бы нѣсколько мѣсяцевъ назадъ.

Тѣ же вѣсти достигли и Шрамковскаго поселка. Онѣ не вызвали въ переселенцахъ отчаянія, паники, а лишь настроеніе какого-то особаго молчаливаго и угрюмаго ожиданія: что-то будетъ? Перестали даже ходить на работу.

Но вотъ прошелъ день-другой... Появились откуда-то темные слухи, что „зорить поселковъ не будутъ“... Наконецъ, было получено и опредѣленное извѣстіе: Красноярку оставили на прежнемъ мѣстѣ, сломавъ только два балагана, поставленные за гранью, а что будетъ съ Шрамковскимъ поселкомъ—неизвѣстно,—„потому никакого еще рѣшенья не вышло“.

Легко и свободно вздохнули шрамковцы.

Прошло пять лѣтъ. Шрамковскій поселокъ окончательно окрѣпъ. Въ немъ уже много деревянныхъ домовъ, приступлено къ постройкѣ церкви. Дача ему отведена. Непріязненныя отношенія съ свинцовскими почти прекратились, и обѣ деревни чуть не слились въ одно огромное поселеніе—ихъ раздѣляетъ только мостикъ черезъ рѣку: свинцовскіе пашутъ на степи по прежнему, но уже въ Шрамковской дачѣ, за что шрамковцы пользуются у нихъ сѣнокосами. Благосостояніе поселка быстро ростетъ, а его распашки раскидываются все шире и шире.

Только начавшіе уже темнѣть кресты на кладбищѣ напоминаютъ о былыхъ тяжелыхъ дняхъ, пережитыхъ поселкомъ, да волостной писарь по старому „лютуетъ“ надъ шрамковцами.

С. Марусинъ.

СОЛНЕЧНЫЕ ДНИ

РОМАНЪ.

XI [1]).

Утромъ, когда Загорѣловъ, только-что возвратившійся съ поля, слѣзалъ съ щегольскихъ бѣговыхъ дрожекъ, къ нему подошелъ Жмуркинъ. Лицо его казалось нѣсколько осунувшимся, точно послѣ лихорадки, и болѣе блѣднымъ, чѣмъ всегда, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ смотрѣлъ весело и оживленно. Онъ былъ особенно тщательно приглаженъ и тщательно одѣтъ.

— А я къ вамъ, Максимъ Сергѣичъ,—сказалъ онъ съ почтительнымъ поклономъ.

— Что такое?—Загорѣловъ привѣтливо улыбнулся ему.

— Да вотъ сообщить вамъ, что я отъ васъ не уйду. Разсчета мнѣ не потребуется.

— Ну, вотъ и отлично!—воскликнулъ Загорѣловъ.—Очень радъ этому! Такъ, значитъ, обстоятельства у тебя измѣнились?

— Окончательнымъ образомъ! То-есть, прямо надо сказать, навыворотъ пошли!

Жмуркинъ засмѣялся.

— Ну, вотъ видишь!—сказалъ Загорѣловъ.—А я радъ этому. Очень, очень радъ!—повторялъ онъ.

— Да кто же могъ бы предвидѣть такую перемѣну?—сказалъ вслухъ Жмуркинъ, направляясь вмѣстѣ съ Загорѣловымъ къ крыльцу:—такія перемѣны только вѣдь во снѣ присниться могутъ!

---

[1]) См. выше: іюль, 5 стр.

— Ну, вотъ видишь, — сказалъ тотъ одобрительно и добавилъ: — А ты сегодня смотришь молодцомъ. У тебя на лицѣ точно двѣнадцать праздниковъ!

— Одинъ всего-то-съ, — шутливо крикнулъ Жмуркинъ Загорѣлову, уже исчезнувшему въ дверяхъ: — всего-то-съ одинъ!

„Прозрѣніе болящаго сокола! — сказалъ онъ уже задумчиво и какъ бы самому себѣ. — Окончательное прозрѣніе болящаго сокола! Вотъ это какой праздникъ. Одинъ да двѣнадцати стоитъ“!

„А я тебя выслѣжу!“ — подумалъ онъ съ внезапнымъ раздраженіемъ. — „И вотъ тогда-то посмотримъ, что̀ изъ этого выйдетъ. Впрочемъ, изъ этого я и самъ не знаю, что̀ выйдетъ!“ — добавилъ онъ тотчасъ же мысленно, пожимая плечомъ. Безпокойная мысль метнулась въ немъ, какъ молнія, но онъ какъ бы умышленно не остановилъ на ней своего вниманія ни на минуту. Онъ даже какъ будто бы сказалъ вслѣдъ этой мысли:

— „А что̀ ты, голубушка, за птица, я и знать не знаю, и вѣдать не вѣдаю. А просто радуюсь своему счастью, да и все тутъ“!

— Кто же это мнѣ запретить можетъ? — проговорилъ онъ уже вслухъ, словно сердясь, и веселое выраженіе внезапно ушло съ его лица.

Онъ вошелъ въ кухню и присѣлъ на лавку у окна, поглядывая на Флегонта. Поваръ съ веселымъ лицомъ рубилъ фаршъ для рулета и выстукивалъ ножами Пушкинскаго „Утопленника“, котораго онъ любилъ напѣвать на мотивъ „И шумитъ, и гудитъ“.

— Ловко у меня выходитъ? — спросилъ онъ у Жмуркина: — А? Не хуже, пожалуй, чѣмъ на барабанѣ? а? ты узналъ?

— Узналъ!

— Я вотъ это вотъ мѣсто сейчасъ жарю: „Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка!“ Ловко? Какъ всю эту музыку отбарабаню, такъ и фаршъ готовъ. На тя, Господи, уповахомъ! Это вѣдь для рулета, — добавилъ онъ, — а вотъ если для мелкаго битка, такъ я однимъ „Утопленникомъ“ не управляюсь. Я къ нему „Персидскій маршъ“ присоединяю. Да. А то жестковато выходитъ. Да. А ты что̀ какой нынче веселый?

— Я, Флегонтъ Ильичъ, вѣру нашелъ, — помните, мы говорили-то съ вами относительно правды? Такъ вотъ, нашелъ, — сказалъ Жмуркинъ, доставая папиросу и раскуривая её.

— Нашелъ?

— Нашелъ!

— Которая настоящая?

— Самая настоящая!

— А ну, разскажи.

— Я думаю вотъ какъ, — заговорилъ Жмуркинъ, приваливаясь къ подоконнику.—Что̀ дѣлается на небѣ—намъ неизвѣстно. Тамъ никто не былъ. Но за то на землѣ мы видимъ все въ достаточной степени. Такъ вотъ если на небѣ и есть святость, такъ, значитъ, на землю ей доступъ запрещенъ. Ибо на землѣ ее нигдѣ не видно. На землѣ есть только личина святости. Поганый обманъ, и больше ничего!—Губы Жмуркина сердито передернулись.

— Ну-съ, а дальше что̀?—спросилъ Флегонтъ.

— А дальше-то,—продолжалъ Жмуркинъ,—дальше и выходитъ, что святыя заповѣди для берлоги не пригодны. Для берлоги и заповѣди берложьи нужны. Не такъ ли? И вотъ что̀ это за заповѣди. Первая: „съ волками обращайся по волчьи". А вторая—подобная ей: „а съ змѣями по змѣиному". Онъ разсмѣялся, схватившись за грудь, точно этотъ смѣхъ причинялъ ему боль.

— Это не вѣра, — сказалъ Флегонтъ, выстукивая ножами, какъ барабанщикъ. — Это очень ужъ просто и сразу понять можно. А въ настоящей вѣрѣ туманъ долженъ быть. Это ужъ обязательно. А такую вѣру, какъ твоя, это пожалуй и я сочиню: „Сорока птица, а Флегонтъ поваръ. Сорока прыгаетъ, а Флегонтъ готовитъ кушанья". Ну, развѣ это вѣра? ты самъ подумай! Это естественныя слова и больше ничего.—Флегонтъ разсмѣялся. —Въ вѣрѣ туманъ долженъ быть и иносказаніе,—продолжалъ онъ затѣмъ и уже серьёзно:—Въ стихахъ,—ты самъ подумай, —въ стихахъ и то ужъ туманность нѣкоторая необходима. Напримѣръ: „Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой? Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой". Такъ вотъ даже и тутъ, въ стихахъ, и то сразу же туманъ. „Кто скачетъ? кто мчится?" —а кто спрашиваетъ — неизвѣстно. Вотъ видишь, въ стихахъ, и то! А ты вдругъ о вѣрѣ и съ такими словами: „На небѣ никто не былъ, и что̀ тамъ дѣлается—неизвѣстно"! Какая же это религія? такъ вѣдь, голубчикъ, и простые рабочіе могутъ разговаривать! Ты прими къ свѣдѣнію, что и у татаръ,—заговорилъ онъ съ укоризной, — даже и у татаръ, и то такія мѣста есть, что прямо-таки не скоро поймешь!

Жмуркинъ приподнялся и тихо пошелъ вонъ изъ кухни.

— Да ты куда?—напрасно кричалъ ему Флегонтъ въ окно:

—уходишь? а все-таки это у тебя не вѣра, а слова; естественныя слова!

Солнце въ это время уже сильно пригрѣвало землю, и вершины холмовъ рѣзко свѣтились въ этомъ свѣтѣ, точно сама земля испускала свѣтъ и тепло. Въ саду пѣли птицы; сочныя травы благоухали по скатамъ, волны Студеной весело покачивались у берега, и какъ будто чье-то горячее дыханіе обжигало щеки Жмуркина. Онъ шелъ и думалъ:

„Это—дыханіе жизни. Жизнь хороша, и она единственная. Но только надо умѣть пользоваться ею и ловить обстоятельства за хвостъ. Это правда, самая настоящая правда, и Максимъ Сергѣичъ умница. А я до сихъ поръ дѣлалъ изъ досягаемаго недосягаемое. И въ этомъ-то вся моя ошибка и несчастіе“!

Онъ повернулъ отъ Студеной и снова пошелъ мимо сада, думая все о томъ же.

„И Лидія Алексѣевна не виновата ни въ чемъ. Ибо виноватыхъ нѣтъ, если нѣтъ закона, а есть лишь одно отрицаніе его,—думалъ онъ, возбужденно вышагивая мимо сада.—А какой же это законъ, если весь его смыслъ въ томъ, что не пойманъ—не воръ. Никто не виновенъ въ моемъ несчастіи,—думалъ онъ, точно убѣждая себя,—я одинъ виноватъ кругомъ, потому что до сихъ поръ не умѣлъ понять жизни“!

— Не умѣлъ понять жизни: — проговорилъ онъ вслухъ, — вотъ въ чемъ вся штука!

Вотъ она—ребенокъ, Лидія Алексѣевна, и та поняла и пользуется обстоятельствами, какъ можетъ и какъ умѣетъ, а онъ сидѣлъ, какъ разиня, передъ раскрытымъ кошелькомъ, воображая, что кошелекъ запертъ и отпирать его—грѣхъ.

И онъ все ходилъ и ходилъ, пытливо разбираясь въ своихъ думахъ, точно желая провѣрить себя самымъ рѣшительнымъ образомъ, установить себѣ что-то разъ навсегда, окончательно и безповоротно.

Когда онъ былъ уже у себя во флигелькѣ, вся красивая фигура Лидіи Алексѣевны пригрезилась ему внезапно словно наяву. Его точно опахнуло жаромъ; горячіе вихри закружились въ его сознаніи, опустошая вокругъ себя все, кромѣ образа этой женщины, какъ бы озаряемой свѣтомъ той безпокойно метавшейся въ немъ мысли, какъ бѣглымъ пламенемъ зарницы. Тихо расхаживая по комнатѣ съ озабоченнымъ видомъ, онъ подумалъ:

„А вѣдь она ни за что не скажетъ! Ни за что! Кому же ей возможно разсказать: мужу, или любовнику“?

Онъ только твердо рѣшилъ выслѣдить, гдѣ видится Загорѣ-

ловъ съ Лидіей Алексѣевной, всегда ли въ старой теплицѣ, на что указывало присутствіе тамъ ея гребенки, или же у нихъ есть подъ рукою и другое уютное мѣстечко. Твердо принявъ это рѣшеніе, Жмуркинъ въ то же время убѣждалъ себя, что это ему нужно вывѣдать ради празднаго любопытства и безъ всякихъ съ его стороны цѣлей.

„Просто такъ себѣ вывѣдаю,—убѣждалъ онъ себя,—просто такъ. Для ради празднаго любопытства"!

И иногда онъ даже вѣрилъ этому крѣпко. Однако нѣсколько попытокъ вотъ именно въ этомъ направленіи оказались для Жмуркина совершенно неудачными. Онъ рѣшительно ничего не узналъ. И Загорѣловъ, и Лидія Алексѣевна видимо были крайне осторожны, и выслѣдить ихъ являлось дѣломъ вовсе ужъ не столь легкимъ. Неудачи стали-было уже раздражать Жмуркина, какъ вдругъ виноградъ самъ упалъ ему въ ротъ. Однажды послѣ обѣда Загорѣловъ вошелъ къ нему во флигель и сказалъ:

— Я иду на прогулку. Что-то голова побаливаетъ. Такъ вотъ, если я кому безотлагательно понадоблюсь, такъ вы меня все-таки не ищите. Я скоро обратно буду.

Жмуркинъ выслушалъ его приказаніе съ самымъ почтительнымъ видомъ и почтительно сказалъ: — Слушаю-съ! Будьте покойны!

Но когда Загорѣловъ скрылся въ воротахъ, онъ поспѣшно выбѣжалъ вонъ изъ усадьбы на лѣсистые холмы и, что было у него силъ, устремился туда, къ крутому скату, откуда дверь теплицы была видна какъ на ладони. Это мѣстечко было имъ облюбовано заранѣе, въ одну изъ его попытокъ, окончившихся неудачею. Скрываясь между кустарниковъ, онъ прибѣжалъ наконецъ туда съ громко колотившимся сердцемъ и сталъ глядѣть, между тѣмъ какъ въ его горлѣ все жгло и саднило отъ поспѣшнаго бѣга и муки, клокотавшихъ въ немъ.

И онъ увидѣлъ, какъ Загорѣловъ, внимательно оглядѣвшись, отперъ дверь старой теплицы и поспѣшно юркнулъ туда. А затѣмъ къ этой же двери подошла и Лидія Алексѣевна. Она была въ сѣромъ длинномъ плащѣ, и ея взоры блуждали вокругъ съ безпокойствомъ воровки. На минуту все закружилось въ сознаніи Жмуркина.

Внезапно его охватило желаніе сбѣжать туда къ теплицѣ, перебить тамъ всѣ окна, бушевать, кричать, полѣзть въ драку. Но онъ удержался, однако, призвавъ на помощь всю свою волю. Между тѣмъ Лидія Алексѣевна, все такъ же безпокойно озираясь, сунула ключъ въ замочную скважину двери, очевидно уже за-

пертой Загорѣловымъ тотчасъ же послѣ его входа туда. Дверь поспѣшно отворилась и такъ же поспѣшно закрылась вновь. Старая теплица точно проглотила ее, какъ проглатываетъ черепаха нарядную бабочку.

Жмуркинъ подумалъ:

„Ключи и у него, и у нея. Ловко!"—Понуро онъ поплелся въ усадьбу.

А вечеромъ этого же дня онъ присѣлъ за токарный станокъ. Взявъ затѣмъ желѣзный прутъ, толщиною въ дѣтскій мизинецъ, онъ отломилъ отъ него кусокъ не болѣе трехъ вершковъ длиною. Затѣмъ онъ вооружился тяжелымъ молотомъ, съ металлическою же ручкой, лежавшимъ здѣсь же на станкѣ, и придвинулъ къ себѣ подпилокъ. Тяжело шлепнувъ молотомъ, онъ расплющилъ конецъ прута, сдѣлавъ его похожимъ на лезвіе стамески. Тогда онъ взялъ подпилокъ. Желѣзо сердито захрипѣло подъ его рукою.

Жмуркинъ дѣлалъ отмычку и думалъ:

„Это я такъ. Просто какъ въ шутку! Для ради любопытства"!

Жмуркинъ былъ токарь и слесарь, умѣлъ починить часы и шить на швейной машинѣ.

XII.

Между тѣмъ, устроивъ отмычку, Жмуркинъ бережно спряталъ ее въ ящикъ своего стола и какъ будто бы успокоился. По крайней мѣрѣ всѣ въ усадьбѣ видѣли его нѣсколько дней подъ рядъ совершенно яснымъ и веселымъ. Въ немъ точно все уравновѣсилось, стало на надлежащее мѣсто, вылилось въ опредѣленную форму. Очевидно, онъ чувствовалъ себя хорошо. По три раза въ день онъ ходилъ съ Флегонтомъ купаться, и однажды, весело отфыркиваясь и съ шумомъ разсѣкая воду руками, онъ сказалъ повару:

— Хорошо, Флегонтъ, жить, когда все себѣ понятнымъ сдѣлаешь. Сидишь ты себѣ тогда на своемъ мѣстѣ какъ хорошо ввинченная гайка! Ухъ, хорошо жить!—воскликнулъ онъ.

Какъ-то вскорѣ же вечеромъ онъ вошелъ въ кабинетъ Загорѣлова и сказалъ ему:

— Верешимская мельница готова, Максимъ Сергѣичъ. Сегодня въ шесть часовъ пополудни.

— Готова?—Загорѣловъ двинулся къ нему ясный и веселый. —Вотъ это хорошо. И спасибо за точность. „Сегодня въ шесть

часовъ пополудни",—повторилъ онъ весело.—Большое спасибо за точность. Я тобой доволенъ, очень доволенъ.

— Весьма этому радъ, Максимъ Сергѣичъ.

— Доволенъ. Я люблю точность,—повторялъ Загорѣловъ.— Ну а вотъ теперь слушай.

— Ты знаешь дорогу изъ села Верешима на эту самую мельницу? — заговорилъ онъ уже серьезно, съ выраженіемъ дѣловой озабоченности на лицѣ.

— Знаю-съ.

— Такъ вотъ, дорога эта вся въ моей грани,—продолжалъ Загорѣловъ тѣмъ же дѣловитымъ тономъ, — и на планахъ она не значится. Нигдѣ! Это — дорога россійской неряшливости! а Быстряковъ очевидно этого не знаетъ,—иначе онъ не строилъ бы тамъ мельницы. Такъ вотъ сегодня же пошли туда два плуга и прикажи эту дорогу въ нѣсколькихъ мѣстахъ распахать! и поставь заставки, чтобы проѣзду не было. Понимаешь? Я хочу,— добавилъ онъ,—запереть путь верешимскимъ помольцамъ. Вѣдь не поѣдутъ же они къ Быстрякову за пятнадцать верстъ, въ объѣздъ? Это ему за капустники! Полторы тысячи въ годъ вонъ изъ кармана это ему составитъ! Это ему за капустники,—повторялъ онъ сердито. Жмуркинъ разсмѣялся.

— Ловко же вы его, Максимъ Сергѣичъ!—говорилъ онъ:— онъ васъ „подъ ножку", а вы его вотъ этакимъ манеромъ и на другой бокъ!

— Чтобъ ему не повадно было,—сказалъ Загорѣловъ сердито.—Теперь у него эту охоту отобьетъ!

— А вторыя деньги онъ съ васъ спросилъ? — полюбопытствовалъ Жмуркинъ, продолжая смѣяться.

— Нѣтъ.

— Такъ вы его, стало быть, только на шестьсотъ подстрижете?

— Только на шестьсотъ.

— Ловко, Максимъ Сергѣичъ. По дѣломъ вору и мука. Воруй, да не попадайся. А заставочки эти самыя я самъ уставлять поѣду. Аккуратненько и чистенько! И мѣстечко выберу для нихъ нѣтъ того лучше. Чтобъ онѣ, то-есть, сразу же ему въ глаза! Онъ на мельницу, а онѣ ему—„здравствуйте! увидите нашихъ, кланяйтесь своимъ"!

Онъ снова разсмѣялся. Загорѣловъ засмѣялся тоже.

— Да ты ужъ пожалуйста самъ,—восклицалъ онъ сквозь смѣхъ,—и вотъ именно такъ, какъ говоришь. На виду! Увидите нашихъ, кланяйтесь своимъ! Вотъ именно такъ!

— Да ужъ будьте благонадежны! будьте благонадежны, Максимъ Сергѣичъ!

Съ верешимской дороги Жмуркинъ возвратился уже поздно, но въ домѣ были еще огни, и онъ отправился къ Загорѣлову, чтобъ лично доложить ему о томъ, какъ исполнено его порученіе.

Загорѣловъ вышелъ къ нему въ переднюю и, выслушавъ его, остался очень доволенъ.

— Хорошо. Хорошо,—говорилъ онъ ему одобрительно. А затѣмъ онъ добавилъ:—А теперь вотъ еще что. У насъ сейчасъ Лидія Алексѣевна, и ее нужно домой доставить. Такъ ты прикажи кучеру подать шарабанъ.

Жмуркина точно всего всколыхнуло.

— Зачѣмъ же кучера тревожить, Максимъ Сергѣичъ,—сказалъ онъ внезапно даже для самого себя,—это и я могу сдѣлать. Кучеръ-то теперь спитъ.

— Какъ хочешь,—отвѣчалъ Загорѣловъ.

Жмуркинъ поспѣшно пошелъ запрягать лошадь; онъ былъ совершенно спокоенъ и даже, пожалуй, веселъ. Однако, когда Лидія Алексѣевна помѣстилась рядомъ съ нимъ въ шарабанѣ, и они выѣхали за ворота, сердце Жмуркина мучительно сжалось, точно предчувствуя бѣду. Онъ даже растерялся и опѣшилъ.

„Что же это такое?—подумалъ онъ съ тоскою:—то собирался, собирался,—а теперь ужъ какъ будто играй назадъ. Чего же я испугался въ самомъ дѣлѣ? какихъ такихъ наказаній“?

Онъ безпокойно шевельнулся, недоумѣвая передъ чувствомъ, внезапно наполнившимъ его и казавшимся ему нелѣпымъ, идущимъ совершенно въ разрѣзъ со всѣмъ строемъ его думъ и желаній. До того въ разрѣзъ, что его присутствіе въ немъ дѣлалось совершенно непонятнымъ и почти сказочнымъ. Откуда оно пришло къ нему, какъ оно выросло въ немъ—онъ не могъ дать отчета. Для него было ясно лишь то, что оно явилось, какъ совершенно незванный гость, какъ выходецъ совсѣмъ изъ другого міра и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ власть имущій. Чувство это какъ бы предостерегало Жмуркина отъ чего-то и предостерегало боязнью какого-то наказанія, тогда какъ онъ хорошо и навѣрное зналъ, что о наказаніи тутъ не можетъ быть и рѣчи. Онъ былъ крѣпко увѣренъ, что идетъ навѣрняка. И онъ съ тоскою и недоумѣніемъ думалъ:

„Да что же это такое? Охотникъ долженъ радоваться удачѣ, и торговецъ не боится барышей. Зачѣмъ же я-то играю отбой, когда такъ?“—Онъ придержалъ лошадь, спуская шарабанъ подъ гору. Ночь была лунная; выпуклые хребты холмовъ лоснились

подъ луннымъ свѣтомъ, какъ жирныя спины отъѣвшихся чудовищъ, задремавшихъ въ лѣнивомъ снѣ. Отъ Студеной вѣяло сыростью. Прямая и блестящая полоса ея водъ разрывала окрестность какъ вонзившійся клинокъ. Ночная птица кричала въ лугахъ пронзительно и дико, точно въ испугѣ.

Они съѣхали внизъ и очутились среди курившейся парами лощины, точно среди пожара. Косматые профили высокихъ деревьевъ рѣзко чернѣли среди этой молочной мглы, разливавшейся вокругъ, какъ мутное озеро. Здѣсь было совсѣмъ прохладно; воды Студеной лежали рядомъ, и въ тишинѣ ясно слышался ея сонный лепетъ, похожій на чавканье. Жмуркинъ сообразилъ. Онъ былъ какъ разъ на полпути. Онъ оглянулся на Лидію Алексѣевну. Она сидѣла въ шарабанѣ, одѣтая въ тотъ же самый сѣрый плащъ, въ тотъ же самый,—какъ онъ сразу не замѣтилъ этого! И съ невиннымъ видомъ хорошенькаго ребенка она глядѣла въ даль, словно задумавшись. О чемъ? Можетъ быть, о Загорѣловѣ.

Жмуркинъ рѣзкимъ движеніемъ остановилъ лошадь среди курившейся мглы и вылѣзъ изъ шарабана. Внезапная злоба на эту женщину и на то предостерегающее его чувство охватило его словно пожаромъ. Онъ заходилъ вокругъ шарабана:

— Вы что?—спросила его Лидія Алексѣевна ласково.

И по ея лицу онъ хорошо видѣлъ, что даже и тѣни подозрѣнія не зародилось въ ея сердцѣ. Это только увеличило его злобу.

— Кнутъ потерялъ, — отвѣчалъ онъ ей недовольно,—вотъ и ищу!

Онъ ходилъ и думалъ:

„Зайду сзади и скажу: а Загорѣлова знаешь? Помнишь? Старую теплицу не забыла? а“?

Лидія Алексѣевна опять спросила его:

— Вы еще не нашли?

— Нѣтъ еще,—хмуро отвѣчалъ онъ.

И тутъ же ему пришло въ голову:

„А отмычка? Зачѣмъ же я эту музыку орудовалъ“?

Ему стало ясно, что надлежащій моментъ не подошелъ, что сейчасъ онъ только могъ испортить все дѣло.

„Ишь ты,—подумалъ онъ, — чуть-чуть не влетѣлъ. Душа разыгралась. Подъ топоръ могла бы подвести“.

— Какая исторія!—сказалъ онъ вслухъ и пытаясь придать своему голосу тонъ шутки.—Какая исторія! ищу кнутъ, а кнутъ у меня въ рукѣ! Вотъ это такъ исторія!

Онъ пошелъ къ шарабану.

— Да неужто?—спросила его Лидія Алексѣевна, весело засмѣявшись.

„А ты не смѣйся!—подумалъ онъ сердито:—я вѣдь не помиловалъ тебя, а только моментъ отсрочилъ".

— Да вотъ поглядите сами,—сказалъ онъ вслухъ:—кнутъ въ рукѣ, а я всѣ глаза проглядѣлъ, его искавши.

Онъ вдругъ разсмѣялся, въ то время какъ на его лицѣ трепетало выраженіе боли. Оборвавъ, наконецъ, смѣхъ, онъ сѣлъ въ шарабанъ и рѣзко взмахнулъ кнутомъ. Косматые профили деревьевъ рванулись къ нимъ на встрѣчу.

— А я вотъ что̀ хотѣлъ васъ спросить, Лидія Алексѣевна,— черезъ минуту заговорилъ Жмуркинъ, слегка повертываясь къ молодой женщинѣ,—вотъ о чемъ, извините пожалуйста за безпокойство.

— О чемъ?

— Вотъ о чемъ. Если, скажемъ такъ, люди хитрятъ повсячески, обманываютъ тамъ, или еще что̀,—такъ вотъ могу ли и я къ нимъ вотъ съ такою же точно хитростью? Какъ вы думаете? То-есть, правъ ли буду я?

— Нѣтъ,—отвѣчала Лидія Алексѣевна увѣренно.

— Это почему же?

— Вотъ почему. Если люди хитрятъ, то они поступаютъ нехорошо. Такъ зачѣмъ же вамъ въ такомъ случаѣ дурной примѣръ съ нихъ брать?

Жмуркинъ сдержанно засмѣялся.

— Я это не совсѣмъ понимаю, Лидія Алексѣевна,—сказалъ онъ почтительно.—Какъ же это: „если люди хитрятъ, то поступаютъ нехорошо"? Это-съ непонятно! для чего же они тогда хитрятъ, если это нехорошо? Нѣтъ, а я думаю вотъ какъ. Люди хитрятъ, потому что это для нихъ весьма-съ даже хорошо. И это они всѣмъ сердцемъ ощущаютъ и сознаютъ. А вотъ другихъ они дѣйствительно стараются убѣдить, что это самое „хорошо" совсѣмъ не хорошо. И для того стараются убѣдить, чтобы у нихъ однихъ эта самая привилегія осталась. Пусть, дескать, другіе не хитрятъ, а мы очень прекрасно будемъ, и всѣ пироги у нихъ изъ-подъ носа повытаскаемъ. Такъ, дескать, намъ лучше будетъ. Я вотъ какъ думаю, Лидія Алексѣевна. Я думаю, что то, что̀ дѣйствительно нехорошо,—того ни одинъ дуракъ не сдѣлаетъ. Пальца, вотъ, себѣ небось никто не отрубитъ! Я вотъ какъ думаю, Лидія Алексѣевна,—повторилъ Жмуркинъ.—Что̀ вы на это скажете, извините за безпокойство?

Лидія Алексѣевна молчала.

XIII.

На другой день рано утромъ, когда Жмуркинъ сидѣлъ въ кабинетѣ Загорѣлова, работая вмѣстѣ съ нимъ надъ провѣркою отчета по мельницѣ, въ дверь кабинета кто-то постучался.

— Можно войти? — послышался за дверью хриповатый и веселый голосъ.

— Это Быстряковъ,—шепнулъ Загорѣловъ Жмуркину.

Они переглянулись съ улыбкой.

— Пожалуйста, пожалуйста!—пригласилъ Загорѣловъ вслухъ.

Въ комнату съ шумомъ вошелъ Быстряковъ. Онъ весело поздоровался съ Загорѣловымъ и весело буркнулъ Жмуркину:

— Здравствуй, монаше болящe, безъ пороха палящe!

Онъ тяжело опустился въ кресло. Все его жирное и рябоватое лицо съ круглой бородкой дышало самымъ искреннимъ весельемъ.

— Деньки-то какіе стоятъ, ухъ, слава тебѣ, Господи!—вдругъ проговорилъ онъ и оглушительно расхохотался; красный и толстый шнурокъ его пояса запрыгалъ на его кругломъ животѣ. Онъ былъ въ чесунчевой поддёвкѣ и красной шолковой рубахѣ.—Ухъ, слава тебѣ, Господи!—повторилъ онъ съ хохотомъ.

Загорѣловъ съ удовольствіемъ глядѣлъ на него и думалъ:

„Вотъ у него теперь на сердцѣ кошки скребутъ, потому что онъ мои заставочки уже видѣлъ, а онъ хохочетъ, точно двѣсти тысячъ выигралъ. Выдержка-то какая“!

— А что это вы, сосѣдушка, — между тѣмъ заговорилъ Быстряковъ,—что это вы за рогулечки на верешимской дорогѣ настроили? Пырять вы что-ли меня ими хотите?—онъ разсмѣялся и добавилъ:—но тогда какъ же ко мнѣ помолецъ поѣдетъ?

Онъ шумно повернулся въ креслѣ, и выраженіе досады, впрочемъ едва уловимое, скользнуло по его жирному лицу.

„Ага,—подумалъ Загорѣловъ, поймавъ это выраженіе:—ты со своимъ планомъ свѣрялся, и теперь ужъ навѣрное знаешь, что у меня въ переплетѣ сидишь“!

— А я хочу эту дорогу распахать,—совершенно спокойно сказалъ онъ:—вѣдь она въ планахъ не значится, и это—мое право. Вотъ я и думаю ее распахать. Что же землѣ понапрасну лежать! Вѣдь земля тамъ,—добавилъ онъ многозначительно,—много лучше вашихъ капустниковъ!

— Это конечно!—Быстряковъ расхохотался, и вдругъ схватился за боковой карманъ. — Ну, сосѣдушка, — проговорилъ

онъ,—карячиться намъ долго не изъ чего. Сколько получить желаете?

— Восемьсотъ рублей,—отвѣчалъ Загорѣловъ спокойно.

Быстряковъ поспѣшно полѣзъ въ карманъ съ выраженіемъ самаго искренняго удовольствія.

„Вотъ онъ даже и не сердится, — думалъ между тѣмъ Загорѣловъ, поглядывая на жирное тѣло Быстрякова, въ то время какъ тотъ доставалъ изъ кармана объемистый бумажникъ,—онъ не сердится, потому что будь этотъ господинъ на моемъ мѣстѣ, онъ смылъ бы съ меня двѣ тысячи".

— Я пошутилъ,—сказалъ Загорѣловъ вслухъ, трогая локоть Быстрякова:—вы съ меня тогда сколько взяли? за капустники? Триста? такъ вотъ давайте шестьсотъ.

— Это по-божески!—воскликнулъ Быстряковъ весело:—вотъ за это, сосѣдушка, спасибо.

Онъ небрежно бросилъ на письменный столъ шесть сторублевокъ.

— Это по-божески, — повторялъ онъ.—А въ воскресенье, сосѣдушка, ко мнѣ на пирогъ! Это ужъ обязательно! Какъ хотите-съ! Вы съ чѣмъ пироги любите,—съ севрюжиной или съ семгой? У меня Лида Алексѣевна,—говорилъ онъ,—мастерица пироги загибать!

„У тебя Лидія Алексѣевна вообще одна прелесть",—подумалъ Загорѣловъ сердито и даже слегка поблѣднѣлъ, хмуро оглядывая жирную тушу Быстрякова.

Внезапно ему пришло въ голову, что недурно было бы повстрѣчаться съ этимъ господиномъ въ лѣсу, съ глазу на глазъ и съ кистенями въ рукахъ.

„Не таковъ ты только, чтобъ пойти на это,—думалъ онъ, блѣднѣя отъ ненависти:—ты изъ-за угла задавишь, ребра переломать наемщиковъ пошлешь, искалѣчить подкупишь! О, берлога, берлога!"—хотѣлось сказать ему вслухъ.

— Да, почтеннѣйшій Елисей Аркадьевичъ, — проговорилъ онъ задумчиво:—не рости пальмамъ въ архангельской губерніи! Будемъ же рады и клюквѣ!

— Это конечно,—согласился и тотъ, шумно завозившись въ креслѣ.—Такъ непремѣнно, непремѣнно на пирогъ, — добавилъ онъ, пожимая обѣими руками локоть и ладонь Загорѣлова.— Непремѣнно, голубчикъ. А рогулечки прикажите убрать.

— Непремѣнно, драгоцѣннѣйшій, — повторялъ и Загорѣловъ:—и на пирогъ пріѣду, и рогулечки сегодня же опрокину.

Они такъ и пошли изъ кабинета, полуобнявшись.

— Вотъ, Лазарь,—говорилъ Загорѣловъ, проводивъ Быстрякова и снова возвратясь въ кабинетъ.—Вотъ, видѣлъ? Что̀ скажешь теперь о моихъ правилахъ? а? Вѣдь если бы я ему верешимскую дорогу простилъ, онъ бы меня за дурака почелъ и за такую мою глупость меня вторично нажечь бы постарался. А теперь и онъ доволенъ, и я доволенъ, ибо онъ у меня въ конвертикѣ запечатанъ.

— Конечно-съ, вы совершенно правы, Максимъ Сергѣичъ,—согласился Жмуркинъ почтительно.—Совершенно-съ правы!

Загорѣловъ увидѣлъ ассигнаціи и небрежно смелъ ихъ въ ящикъ письменнаго стола.

— Да-съ,—продолжалъ онъ затѣмъ какъ бы въ задумчивости:—мои правила, можетъ быть, нѣсколько суровы, но за то они какъ нельзя болѣе по климату. А на землѣ, гдѣ хорошо родится лишь картофель, смѣшно посадить ананасъ. Вѣдь ананасъ-то все равно у тебя не вызрѣетъ, и ты его не увидишь, а картофель дастъ тебѣ барышъ. Такъ вотъ я и сажу картофель.

— Это-съ конечно,—снова согласился Жмуркинъ.

Когда онъ собирался уже уходить изъ кабинета, онъ внезапно сказалъ Загорѣлову:

— А я вотъ лисичку выслѣдилъ, Максимъ Сергѣичъ. Такъ вотъ какъ вы думаете: брать ее мнѣ, или не брать?

— Лисицу? Гдѣ?—спросилъ Загорѣловъ.

Жмуркинъ минуту помолчалъ.

— Въ проточномъ оврагѣ,—наконецъ отвѣчалъ онъ.

— Такъ конечно же брать! Что̀ за вопросъ! Или, впрочемъ, подожди до осени. Тогда шкурка у нея дороже будетъ.

Жмуркинъ пожалъ плечомъ.

— Нѣтъ, до осени мнѣ ждать не модель, Максимъ Сергѣичъ. До осени лисичка-то, пожалуй, и уйти можетъ. Я ужъ лучше за шкуркой-то не постою. Ужъ какая есть!

— А тогда, конечно, не зѣвай,—согласился и Загорѣловъ.

На дворѣ, по дорогѣ къ себѣ во флигель, Жмуркинъ не выдержалъ и расхохотался.

„Своей рукой благословилъ, — думалъ онъ о Загорѣловѣ, весь сотрясаясь отъ смѣха,—своею собственной рукой“.

— Ну и народецъ!—проговорилъ онъ вслухъ и все еще съ хохотомъ.

— Ты чего со смѣху-то помираешь?—спросилъ его Флегонтъ изъ окна кухни.

— Такъ,—отвѣчалъ тотъ, приближаясь.—Вотъ надъ чѣмъ.

Было у меня, братецъ ты мой, имѣнье,—заговорилъ онъ съ развязными жестами, ставя ногу на фундаментъ кухни.

— Это гдѣ? — спросилъ Флегонтъ:—въ нѣтовой губерніи пустого уѣзда при селѣ малые охи, гдѣ родятся блохи? тамъ что-ль?

— Ну, да!—Жмуркинъ засмѣялся.—И сажалъ я тамъ, братецъ ты мой,—продолжалъ онъ съ тѣми же развязными жестами,—сажалъ я тамъ каждый годъ ананасы. И каждый годъ одинъ убытокъ взамѣнъ того. Такъ вотъ я хочу теперь тамъ картофель качать. Эта ужъ, братецъ ты мой, не сорвется!

Онъ хотѣлъ-было еще что-то добавить, но выраженіе его лица внезапно не понравилось Флегонту, и онъ сердито сказалъ ему:

— А я тебѣ не братецъ ты мой, а Флегонтъ Ильичъ! И это ты помни!

Жмуркинъ пошелъ прочь отъ окна, какъ будто смутившись, съ потеряннымъ видомъ обходя углы построекъ.

— Ну и народъ пошелъ!—заворчалъ Флегонтъ, раскатывая скалкой посыпанное мукой тѣсто:—чего наплелъ, даже и гадалкѣ не разгадать; все мудрить хотятъ,—на тя, Господи, уповахомъ!

Вечеромъ Жмуркинъ завалился спать ранѣе обыкновеннаго, но среди ночи онъ внезапно проснулся, какъ будто его кто разбудилъ. И тутъ же онъ сообразилъ, что ему что-то нужно сдѣлать, непремѣнно нужно, и сейчасъ же, пока въ усадьбѣ всѣ спятъ. Онъ сѣлъ на постели, протирая глаза и съ безпокойствомъ поглядывая на тусклыя окна своего флигеля. Однако онъ долго не могъ сообразить, что̀ за неотложное дѣло подняло его съ постели такъ неожиданно, и онъ сидѣлъ на постели, напрягая память, чувствуя въ себѣ странное безпокойство и волненіе. И наконецъ онъ припомнилъ. Онъ одѣлся, надѣвъ сверхъ пиджака ватную куртку, такъ какъ его сильно знобило, и подошелъ къ столу. Открывъ его ящикъ, онъ вынулъ бережно сохранившуюся тамъ отмычку и опустилъ ее въ карманъ своей куртки. Послѣ этого онъ вышелъ на дворъ; осторожно пробираясь мимо оконъ, онъ обогнулъ наконецъ усадьбу и очутился среди холмовъ глазъ на глазъ съ туманной ночью. Жмуркинъ облегченно вздохнулъ и, постоянно нащупывая въ своемъ карманѣ находившуюся тамъ отмычку, быстро пошелъ по скату, направляясь къ старой теплицѣ. Онъ шелъ и думалъ.

Всѣ такъ живутъ, и онъ правъ совершенно такъ же, какъ правъ Загорѣловъ, какъ правъ Быстряковъ, какъ правы Пере-

вертьевъ и Суркова, какъ права она, эта женщина съ глазами ребенка и съ хитростью лисицы. На землѣ, гдѣ родится только картофель, нельзя сажать ананасъ.

Онъ поспѣшно шагалъ по скату, не ощущая въ себѣ ни страха, ни волненія, ни тоски,—ничего. Мысль, метавшаяся въ немъ ранѣе какъ бѣглое пламя зарницы, уже стояла передъ нимъ во весь свой ростъ, но онъ не отвертывалъ болѣе своего лица.

— Ну, такъ чтожъ!—говорилъ онъ спокойно, съ жадностью втягивая въ себя влажный ночной воздухъ.

Подойдя къ теплицѣ, онъ вложилъ въ замочную скважину двери лезвіе отмычки и сильно нажалъ на нее, потянувъ въ то же время дверь. Дверь отворилась. Отмычка оказалась вполнѣ пригодной. Это не возбудило въ немъ радости, но и не нарушило его спокойствія. Онъ лишь убѣдился въ пригодности своего инструмента, и только. Онъ заглянулъ въ теплицу. Ему пришло на мысль, что вотъ придетъ моментъ, когда Лидія Алексѣевна будетъ сидѣть вонъ тамъ на тахтѣ въ своемъ сѣромъ и длинномъ плащѣ, и онъ войдетъ къ ней вотъ съ этою же отмычкой въ рукахъ. Однако и эта мысль не обрадовала его, но и не испугала. Онъ только сталъ какъ будто бы еще спокойнѣе, словно застывъ въ своихъ намѣреніяхъ съ безразличіемъ льда. Снова заперевъ затѣмъ дверь теплицы, онъ поспѣшно вернулся къ себѣ во флигель, поспѣшно раздѣлся и тотчасъ же уснулъ крѣпкимъ сномъ.

XIV.

Весь слѣдующій день Жмуркинъ пробылъ все въ томъ же равнодушіи, безучастно слоняясь по усадьбѣ, безучастно вступая въ разговоръ. Но ночью ему не спалось, хотя онъ и объяснялъ себѣ это тѣмъ, что онъ хорошо выспался въ прошлую ночь. Снова одѣвшись, онъ вышелъ въ садъ, прошелъ къ скамьѣ и сѣлъ тамъ, скрытый со всѣхъ сторонъ густыми зарослями сирени. Здѣсь было тихо; большой каменный домъ спалъ, и ночной шелестъ казался Жмуркину дыханіемъ спящаго зданія. Очевидно, было уже поздно. Жмуркинъ шевельнулся, удобнѣе усаживаясь на скамейкѣ. И тутъ онъ увидѣлъ Перевертьева. Тотъ безпокойно слонялся по аллеѣ, въ двадцати саженяхъ отъ Жмуркина, направляясь съ нетерпѣливымъ видомъ отъ каменныхъ ступеней балкона до того мѣста, гдѣ пологій скатъ сада круче обрывался на встрѣчу къ Студеной. На его плечи былъ накинутъ темный

и широкій плэдъ, въ который онъ закутывался порою съ жестами сильно прозябшаго. Жмуркинъ равнодушно оглядѣлъ всю его тонкую и быструю въ движеніяхъ фигуру, и ему стало ясно, что Перевертьевъ давно уже ждетъ кого-то, озябнувъ отъ нетерпѣнія.

„Это онъ Суркову“,—подумалъ онъ.

Въ то же время нижнее угловое окно тихо распахнулось, и изъ него проворно выскочила Суркова. Багровый шолкъ ея юбки мигнулъ на минуту надъ фундаментомъ дома какъ языкъ вспыхнувшаго и тотчасъ же погасшаго пламени. Она двинулась аллеей на встрѣчу къ Перевертьеву.

— Ваше отношеніе ко мнѣ положительно невыносимо,—заговорила она, приближаясь къ нему.

Темный фланелевый балахонъ, съ короткими до локтей рукавами, мягко обнималъ ея стройную фигуру.

— Вы составили себѣ какое-то глупѣйшее росписаніе,—продолжала она затѣмъ, взглянувъ на Перевертьева съ выраженіемъ гнѣва,—и воображаете, что я въ самомъ дѣлѣ должна этому росписанію слѣдовать. И теперь вотъ вы три раза стучали ко мнѣ въ окошко, вызывая меня сюда. Будьте же благосклонны отвѣтить, для чего я вамъ понадобилась такъ безотлагательно?—Она разсмѣялась.

Ея гортанный смѣхъ прозвучалъ въ сумракѣ аллеи красивою пѣсней.

Перевертьевъ стоялъ передъ ней блѣдный, кутаясь въ свой плэдъ, какъ сильно озябшій.

— А вотъ этого я и самъ не знаю. Я самъ не знаю, зачѣмъ вы мнѣ нужны,—отвѣчалъ онъ, тоже какъ бы сердясь,—но я безъ васъ жить не могу!—Онъ передернулъ плечами.—Нехорошую игру сыграли вы со мной, сударыня,—добавилъ онъ задумчиво, съ оттѣнкомъ гнѣва и грусти.

Суркова снова было-разсмѣялась, но тотчасъ же оборвала смѣхъ; ея горячіе глаза со вниманіемъ остановились на блѣдномъ лицѣ Перевертьева.

— Я въ этомъ не виновата,—сказала она, минуту какъ бы подумавъ о чемъ-то.

Они двинулись аллеей.

— Какая ночь!—сказала она, вдругъ вздохнувъ.

Перевертьевъ нетерпѣливо пожалъ плечомъ.

— Какое мнѣ дѣло до ночи!—проговорилъ онъ, сердясь:—я васъ люблю! Для васъ эта ночь хороша, а для меня отвратительна,—добавилъ онъ:—помните Пушкина: „О, ночь мученій“!

Онъ замолчалъ, встряхнувъ плэдомъ, словно въ нетерпѣніи и гнѣвѣ.

— Я въ этомъ не виновата,—повторила Суркова:—а если виновата—простите!

Они тихо двигались сумрачной аллеей, среди притихшихъ деревьевъ; отрывистые звуки ихъ рѣчи звучали въ тишинѣ короткими аккордами.

— Я васъ люблю,—повторилъ Перевертьевъ:—ужели вы ничего не отвѣтите мнѣ на это?

Онъ внезапно рванулся къ ней, но она проворно увернулась. Ея обнаженныя до локтей руки мягко блеснули во тьмѣ.

— Тсс!—прошептала она лукаво:—если вы хотите видѣть меня—будьте умницей. Иначе я отъ васъ уйду. Какая ночь, Боже, какая ночь!—добавила она со вздохомъ, съ выраженіемъ внезапнаго унынія въ голосѣ.

— Не уходите! — умоляющимъ тономъ проговорилъ Перевертьевъ.

— А вы будете умницей? Ну, будьте же паинькой! Ну, я прошу васъ! — Она подошла къ нему, заглядывая въ его глаза, лаская его плечо легкимъ прикосновеніемъ руки.

— Га-дюка!—крикнулъ Перевертьевъ злобно:—ты умышленно мучаешь меня! А-а!—простоналъ онъ, дергая концы плэда.

Она сдѣлала рѣзкое движеніе, словно собираясь уходить.

— До свиданія,—сказала она съ насмѣшливымъ поклономъ.— Adieu, mon ange, я удаляюсь!

— Ради Бога! не уходите! — зашепталъ Перевертьевъ съ мольбою.—Ради Бога!—онъ стоялъ передъ нею блѣдный и жалкій.

— Дайте слово болѣе не браниться и не злиться!

— Не буду; я не буду!—Перевертьевъ хрустнулъ пальцами съ выраженіемъ страданія.—Какъ я васъ ненавижу!—добавилъ онъ вдругъ со вздохомъ:—Боже, какъ я васъ ненавижу!

Она снова приблизилась къ нему, заглядывая въ его глаза какъ бы съ участіемъ, между тѣмъ какъ ея губы насмѣшливо вздрагивали.

— Бѣдненькій,—проговорила она ласково:—на васъ лица нѣтъ! Какъ вы страдаете! Но за что же вы ненавидите меня?

Она тихо коснулась его плеча.

Они снова двинулись аллеей, туда, гдѣ скатъ сада круче обрывался къ Студеной.

— За что?—повторялъ Перевертьевъ въ задумчивости.—Да развѣ же можно любить деспота, который вошелъ въ твое сердце и отнялъ у тебя волю!

Нѣсколько минутъ они двигались молча.

— Бѣдненькій!—прошептала снова Суркова насмѣшливо:—вы даже похудѣли!

— Гадюка!—повторилъ Перевертьевъ злобно, съ ненавистью оглядывая Суркову.

— Я ухожу,—сказала она рѣзко:—до свиданія!

Темныя волны фланели мягко шевельнулись вокругъ ея гибкаго тѣла.

— Нѣтъ, ты не уйдешь!—крикнулъ Перевертьевъ.—Или уходите, уходите, уходите!—повторялъ онъ съ судорогой на губахъ.—Уходите. Но только знайте! Послѣ третьяго вашего шага туда,—онъ кивнулъ по направленію къ балкону,—я стрѣляю себѣ въ високъ. Слышите?—крикнулъ онъ ей:—послѣ третьяго вашего шага себѣ въ високъ!

Внезапно онъ вынулъ изъ кармана пиджака револьверъ.

Съ минуту Суркова глядѣла на него во всѣ глаза какъ бы съ любопытствомъ. Двѣ, три сажени раздѣляли ихъ.

— Ахъ,—вотъ какъ!—наконецъ проговорила она.—И все-таки я ухожу. До свиданія!

Ея лицо засвѣтилось лукавымъ задоромъ.

— Помните! послѣ третьяго шага!—повторилъ Перевертьевъ рѣшительно.

Они не спускали другъ съ друга глазъ, какъ враги, готовые вступить въ бой.

— Разъ,—сказала Суркова, дѣлая первый шагъ назадъ, въ то время какъ ея лицо было обращено къ Перевертьеву.

Перевертьевъ взвелъ курокъ, громко щелкнувшій въ тишинѣ сада.

— Два,—проговорила Суркова, дѣлая второй шагъ. Ея оживленное лицо все еще свѣтилось задоромъ.

Перевертьевъ приставилъ дуло револьвера къ виску, сбросивъ плэдъ движеніемъ плеча.

— Помните,—прошепталъ онъ осипшимъ голосомъ:—послѣ третьяго шага—въ високъ!

Суркова не сводила съ его лица горячихъ глазъ, на мгновенье точно застывъ въ неопредѣленной позѣ. Выраженія самыхъ разнородныхъ ощущеній скользили по ея лицу, и порою можно было повѣрить, что она сдѣлаетъ вотъ сейчасъ этотъ послѣдній шагъ. Однако она его не дѣлала, точно запутавшись въ своихъ колебаніяхъ.

— Бросьте вашъ пистолетъ!—сказала она наконецъ.

Она двинулась къ нему, и выраженіе задора исчезло съ ея

лица. Перевертьевъ отвелъ дуло револьвера и опустилъ курокъ. Онъ былъ блѣденъ.

— Что же? Что же-съ вы не ушли?—говорилъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе и пробуя улыбнуться. Улыбка вышла у него злая и некрасивая.—Что же-съ,—шепталъ онъ,—попробовали бы уйти.

Она подошла къ нему, съ участіемъ заглядывая въ его лицо.

— Слушай!—вдругъ проговорила она:—ужели ты любишь меня такъ сильно?

Онъ поспѣшно привлекъ ее къ себѣ. Они скрылись изъ глазъ Жмуркина подъ крутымъ скатомъ сада.

Однако вскорѣ они вновь появились въ аллеѣ. Суркова шла впереди.

— Ужели ты такъ сильно любишь меня?—спрашивала она Перевертьева, слегка оборачиваясь къ нему лицомъ.

— Нѣтъ, я васъ обманулъ,—вдругъ отвѣчалъ тотъ съ гнѣвомъ:—развѣ же можно жертвовать жизнью ради пустой кокетки? Револьверъ не заряженъ.

Онъ сердито разсмѣялся.

— Хотите освидѣтельствовать, можетъ быть?—продолжалъ онъ съ тѣмъ же выраженіемъ:—въ немъ ни одной пульки!

Она остановилась посреди аллеи, будто наткнувшись на что-то.

— Левъ Львовичъ,—крикнула она ему лукаво:—идите сюда, просите прощенья и цѣлуйте вотъ это!

Она проворно скинула съ ноги красную туфлю, поджидая его съ лукавымъ задоромъ на всемъ лицѣ.

— Идите и цѣлуйте!

Перевертьевъ приблизился.

— Негодяй!—прошептала она, ударивъ его по лицу туфлей.

Онъ схватилъ ее за руку, съ лицомъ, исказившимся отъ бѣшенства.

— Негодяй!—шептала Суркова, вся содрогаясь отъ брезгливаго чувства.—Ф-фа! Ты еще съ женщиной драться, кажется, хочешь!

Онъ поспѣшно выпустилъ ея руку; она пошла отъ него прочь. Но онъ снова догналъ ее у стѣнъ дома.

— Если ужъ на то пошло,—проговорилъ онъ съ досадой, протягивая ей въ то же время револьверъ,—если ужъ на то пошло, извольте освидѣтельствовать. Конечно же заряженъ. На всѣ шесть пуль!

Она поспѣшно обернулась къ нему, приняла изъ его рукъ револьверъ и, повернувъ барабанъ, заглянула въ гнѣзда.

— Милый, милый!—зашептала она, припадая на грудь Перевертьева.

Тотъ сердито засмѣялся.

— Удивительное созданье женщина!—говорилъ онъ съ досадой:—каждая непремѣнно хочетъ, чтобы передъ ней расписывались полными буквами въ собственной глупости! Еслибы ты меня не побила,—добавилъ онъ,—я бы на этотъ разъ не расписался!

— Милый, милый!—шептала Суркова, ласкаясь къ нему какъ кошка.

Жмуркинъ сидѣлъ, глядѣлъ на нихъ и думалъ:

„Вотъ эти тоже живутъ во всю, и слава имъ“!

XV.

Восьмого іюля вечеромъ Жмуркинъ узналъ, что ровно черезъ недѣлю Загорѣловъ вмѣстѣ съ Быстряковымъ уѣдетъ въ оренбургскія степи, чтобы закупить тамъ скотъ. Онъ узналъ также, что поѣздка эта рѣшена окончательно, и что они оба—и Загорѣловъ, и Быстряковъ—пробудутъ такимъ образомъ внѣ дома не менѣе недѣли. Извѣстіе это на минуту всколыхнуло Жмуркина, наполнивъ его жгучимъ волненіемъ и безпокойствомъ, хотя вскорѣ же ему и удалось взять себя въ руки снова. Въ то же время ему стало ясно, что къ толкамъ объ этой поѣздкѣ онъ уже давно прислушивался съ любопытствомъ, и что именно на нее-то онъ и возлагалъ всѣ свои надежды.

Жмуркинъ понялъ, что наступилъ моментъ дѣйствовать, „ловить обстоятельства за хвостъ“, какъ онъ говорилъ себѣ мысленно. И тщательно обсудивъ и взвѣсивъ въ послѣдній разъ каждую черточку своего плана, онъ тотчасъ же приступилъ къ его исполненію. Неудачи онъ не боялся, ибо онъ и до сихъ поръ старался убѣдить себя, что, быть можетъ, планомъ этимъ онъ и не воспользуется, насладившись лишь его тщательной отдѣлкой.

— Назадъ повернуть всегда возможно будетъ,—говорилъ онъ себѣ обыкновенно въ такія минуты,—а лисичка-то все-же у меня въ мѣшкѣ. Захочу беру, а не захочу—нѣтъ. Отпущу на волю. Ступай, дескать, лисица, въ лѣсу веселиться!—И ему иногда искренно

вѣрилось, что ужъ это одно сознаніе своей неограниченной силы надъ той женщиной удовлетворитъ и насытитъ его сердце.

Въ тотъ же день, какъ только онъ узналъ объ этой поѣздкѣ, онъ незамѣтно взялъ съ письменнаго стола Загорѣлова маленькій конвертикъ и листокъ почтовой бумаги. Собственно Жмуркинъ не придавалъ особеннаго значенія ни этому конвертику, ни бумагѣ, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что Загорѣловъ, какъ человѣкъ осторожный, конечно не велъ переписки съ Лидіей Алексѣевной, и та врядъ ли даже хорошо знала его почеркъ. Конвертомъ и бумагой Загорѣлова онъ рѣшился воспользоваться больше для того, чтобы полнѣе насладиться тщательной отдѣлкой своего плана. Затѣмъ, захвативъ къ себѣ во флигель дѣловую переписку Загорѣлова, онъ сталъ ежедневно и цѣлыми часами изучать его почеркъ. Въ концѣ концовъ, послѣ усиленныхъ трудовъ, онъ добился-таки того, что могъ весьма недурно подражать ему. Убѣдившись въ этомъ, онъ присѣлъ къ столу, конечно принявъ всѣ мѣры для того, дабы не быть захваченнымъ кѣмъ-либо на мѣстѣ преступленія, и на листкѣ бумаги, похищенномъ съ письменнаго стола Загорѣлова, онъ вывелъ нижеслѣдующее:

„Приходи сегодня *туда* въ десять часовъ вечера. Необходимо. Пришли съ Жмуркинымъ зубныхъ капель страха ради іудейска. Записку сейчасъ же сожги. Цѣлую и жду“.

Нѣсколько разъ перечитавъ написанное, Жмуркинъ остался совершенно доволенъ какъ почеркомъ, такъ и содержаніемъ. И тщательно сложивъ эту записочку, онъ заклеилъ ее въ конвертъ, спрятавъ его затѣмъ въ свою записную книжечку.

Все это ужасно утомило Жмуркина, и весь вечеръ онъ пролежалъ на постели, закинувъ за голову руки и поглядывая въ потолокъ. Онъ лежалъ и думалъ:

„Завтра Максимъ Сергѣичъ уѣдетъ, завтра Максимъ Сергѣичъ уѣдетъ“.

Больше въ его головѣ не было ничего,—ни одной думы, ни одной мысли. Онъ такъ и заснулъ съ этимъ, обутый и одѣтый, какъ лежалъ, блѣдный и усталый, похожій въ своемъ тихомъ снѣ на трупъ.

А на другой день Загорѣловъ уѣхалъ въ шесть часовъ вечера въ одномъ экипажѣ съ Быстряковымъ. Уѣхали они на лошадяхъ Загорѣлова и въ его же экипажѣ, и экипажъ долженъ былъ вернуться обратно, съ крохотнаго вокзала пустынной станціи, не позднѣе девяти часовъ вечера. О часѣ отъѣзда Жмуркинъ тоже зналъ заранѣе, а потому и это обстоятельство было предусмотрѣно имъ въ его разсчетахъ. Онъ боялся лишь одного.

Возможно, что Лидія Алексѣевна будетъ у нихъ въ усадьбѣ, въ гостяхъ у Анны Павловны, какъ разъ въ моментъ возвращенія лошадей. Это было бы хуже всего, хотя стеченіе даже такого рода обстоятельствъ вполнѣ не разрушало плана Жмуркина, а лишь отодвигало моментъ его исполненія на неопредѣленное время. Весь фундаментъ плана заключался вотъ въ этомъ отъѣздѣ Загорѣлова; даже отсутствіе Быстрякова являлось для него уже излишнимъ; и слѣдовательно, разъ отъѣздъ Загорѣлова состоялся, ни одно обстоятельство уже не грозило плану Жмуркина катастрофой. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ онъ. Тѣмъ не менѣе, онъ сильно волновался, поджидая возвращенія лошадей. Но лошади вернулись ровно въ девять часовъ, и Лидіи Алексѣевны въ этотъ моментъ въ усадьбѣ не было. Слѣдовательно, все обстояло вполнѣ благополучно; судьба какъ бы благопріятствовала Жмуркину. Онъ съ облегченіемъ вздохнулъ всей грудью. И положивъ въ карманъ своего пиджака сохранявшійся въ его записной книжкѣ конвертъ и отмычку, онъ тотчасъ же отправился въ усадьбу Быстрякова, стараясь въ то же время, чтобы его уходъ со двора не былъ кѣмъ-либо замѣченъ. Всю дорогу онъ былъ совершенно спокоенъ, но когда онъ увидѣлъ Лидію Алексѣевну, въ его глазахъ на минуту все запрыгало, и дыханіе комкомъ сперлось въ его горлѣ. Нѣкоторое время онъ даже не могъ произнести ни единаго слова.

Между тѣмъ Лидія Алексѣевна подошла къ нему первая—онъ встрѣтилъ ее у воротъ усадьбы —и, опахнувъ его запахомъ какихъ-то удивительно пріятныхъ духовъ, она спросила его:

— Вамъ что̀?

Голосъ ея звучалъ ласково, а ея милые голубые глаза взглянули въ лицо Жмуркина съ довѣріемъ ребенка.

— Вамъ письмо-съ, — наконецъ проговорилъ онъ, дѣлая усиліе.

— Отъ кого это?

Лидія Алексѣевна съ удивленіемъ приняла конвертъ изъ рукъ Жмуркина.

— Отъ Максима Сергѣича.

— Какъ отъ Максима Сергѣича? вѣдь онъ же сегодня уѣхалъ?

— Это точно-съ,—сказалъ Жмуркинъ, съ почтительной улыбкой.—Въ шесть часовъ они уѣхали-съ, а въ девять вернулись обратно.

— А мужъ?

— Елисей Аркадьевичъ отбыли съ поѣздомъ.

— Что̀ же это такое?—возбужденно повторяла Лидія Але-

ксѣевна, нетерпѣливо вскрывая конвертъ:—что же это значитъ? А онъ здоровъ?—добавила она съ выраженіемъ тревоги на всемъ хорошенькомъ личикѣ.

— Кто онъ-съ?—переспросилъ Жмуркинъ съ почтительной улыбкой:—Елисей Аркадьевичъ или Максимъ Сергѣичъ-съ?

— Ну, они оба? здоровы?—поправилась Лидія Алексѣевна.

— Елисея Аркадьевича я не видалъ-съ, а Максимъ Сергѣичъ какъ будто даже весьма-съ,—говорилъ Жмуркинъ, уже совершенно оправившись и словно входя въ роль.—По всей видимости они чувствуютъ себя ничего, а впрочемъ, можетъ быть, капелечку и разстроены. Они мнѣ говорили про васъ: онѣ, дескать, вручатъ тебѣ пузырекъ, и ты, дескать, мнѣ его принесешь. Я, дескать, только объ этомъ и пишу. То-есть, о пузырькѣ,—пояснилъ онъ.

Онъ умолкъ. Между тѣмъ Лидія Алексѣевна уже прочитала содержаніе записки и глядѣла на Жмуркина. Внезапно этотъ ея взглядъ показался ему подозрительнымъ. Онъ потупилъ глаза.

„Догадалась,—подумалъ онъ, чувствуя ознобъ,—по почерку догадалась“!

Мучительное смятеніе и безпокойство охватили его; на минуту ему показалось, что онъ виситъ надъ пропастью, готовый сорваться, и чувствуя предательское головокруженіе. Ему захотѣлось крикнуть:

— Ну, что же, не перехитрилъ васъ, такъ жрите!

Онъ ухватился обѣими руками за воротный столбъ, точно боясь упасть.

— Что съ вами?—спросила его Лидія Алексѣевна, съ участіемъ приближаясь къ нему:—вы больны?

— Второй день. Лихорадка,—отвѣчалъ онъ голосомъ, точно выходившимъ изъ глубины внутренностей.

Онъ даже испугался звука этого голоса.

— Не дать ли вамъ хины?

— Покорно благодарю. Я принималъ!—Жмуркинъ уже оправился и заглянулъ въ лицо Лидіи Алексѣевны. И по милому и довѣрчивому выраженію этого дѣтски хорошенькаго лица онъ ясно понялъ, что она не догадалась.

— Ага!—подумалъ онъ сердито:—перехитрили лисицу!

Черезъ минуту, безмолвно принявъ изъ ея рукъ крошечный пузырекъ съ какою-то бурою жидкостью, онъ уже уходилъ изъ воротъ Быстряковской усадьбы.

Однако, едва только широкія спины холмовъ заслонили его собою, онъ тотчасъ же и поспѣшно отправился къ старой теплицѣ. Онъ былъ увѣренъ, что Лидія Алексѣевна будетъ тамъ

сейчасъ же за нимъ слѣдомъ, и ему нужно было торопиться. Весь его разсчетъ въ этомъ-то именно и заключался; моментъ врученія записки и моментъ назначеннаго свиданія должны были раздѣляться по его плану такимъ короткимъ промежуткомъ, чтобы Лидія Алексѣевна не могла найти времени зайти первоначально въ усадьбу Загорѣловыхъ.

Жмуркинъ поспѣшно подошелъ къ старой теплицѣ и, укрывшись за густыми зарослями кустарника, замеръ въ ожиданіи.

„Придетъ или не придетъ?"—думалъ онъ въ волненіи. Его вновь охватили тревога и безпокойство. Раньше онъ считалъ свой планъ весьма остроумнымъ и какъ бы застрахованнымъ отъ всякаго рода случайностей, а теперь ему казалось, наоборотъ, что первая же случайность способна разнести этотъ планъ въ дребезги. Что̀ если сейчасъ же слѣдомъ за нимъ къ Лидіи Алексѣевнѣ пріѣдетъ Анна Павловна, или даже придетъ кто-либо изъ Загорѣловской усадьбы? Онъ не предвидѣлъ этого, сочиняя свой планъ, а между тѣмъ уже одно это превратитъ его замыслы въ пепелъ. Жмуркинъ безпокойно шевельнулся: шелестъ женскаго платья внезапно коснулся его слуха. Онъ слегка выглянулъ изъ-за кустарника и увидѣлъ Лидію Алексѣевну. Она стояла у старой теплицы, одѣтая въ свой сѣрый длинный плащъ, съ ключомъ въ рукѣ. Жмуркинъ затаилъ дыханіе, чувствуя, что его ноги словно каменѣютъ. Лидія Алексѣевна торопливо исчезла въ дверяхъ теплицы; ключъ снова протяжно щелкнулъ.

„Идти иль не идти?"—подумалъ Жмуркинъ о себѣ.

Онъ досталъ изъ кармана отмычку.

„Идти иль не идти?"—снова словно кто-то спросилъ его.

Его точно закружило въ вихрѣ. Онъ высоко и несуразно шагнулъ, точно преодолѣвая какое-то препятствіе, схватился обѣими руками за сердце, переводя дыханіе, и затѣмъ тихо и осторожно пошелъ къ старой теплицѣ.

XVI.

Между тѣмъ уже передъ самой дверью въ теплицу Журкинъ снова какъ бы замѣшкался, чувствуя приступъ необычайнаго волненія.

„Идти или не идти?"—мелькнуло въ его взбудораженномъ сознаніи.

На минуту онъ словно прикинулъ на вѣсы всѣ свои разсчеты, ясно сознавая при этомъ, что онъ уже не уйдетъ, что

у него не хватитъ на это силъ, если даже оцѣнка разсчетовъ не вполнѣ удовлетворитъ его. Онъ снова показался себѣ жалкой придорожной соломинкой, застигнутой свирѣпою бурей; и ощущая ознобъ въ пальцахъ, онъ вложилъ отмычку въ замочную скважину, рѣшительно потянулъ къ себѣ дверь и, очутившись въ теплицѣ, снова замкнулъ ее за собою.

Въ теплицѣ было темно какъ въ норѣ. Однако онъ сразу же ощутилъ присутствіе Лидіи Алексѣевны въ этой тьмѣ и сдѣлалъ шагъ впередъ. Сердце его громко стучало, и ему казалось, что стѣны теплицы вздрагивали, сотрясаемыя этими тяжкими ударами. Онъ сдѣлалъ второй шагъ.

— Это ты, Максъ?—услышалъ онъ изъ угла, очевидно съ тахты, голосъ Лидіи Алексѣевны.—Что съ тобою? здоровъ ли ты? отчего ты не уѣхалъ съ Елисеемъ Аркадьичемъ?—говорила та съ оттѣнкомъ нѣкотораго безпокойства въ голосѣ.

Видимо она вѣрила въ это мнимое возвращеніе Загорѣлова, и его неожиданность наполняла ее безпокойствомъ, заставляя подозрѣвать какую-нибудь непріятность.

Жмуркинъ не отвѣчалъ ни звукомъ; онъ быстро извлекъ изъ кармана коробку спичекъ и, поспѣшно чиркнувъ, зажегъ на письменномъ столѣ свѣчу. Послѣ этого и съ тою же поспѣшностью онъ повернулся лицомъ къ Лидіи Алексѣевнѣ.

— Это не Максъ,—проговорилъ онъ,—это-съ, какъ видите, я-съ! Максъ,—добавилъ онъ тотчасъ же,—Максъ съ Елисеемъ Аркадьевичемъ въ оренбургскія степи катятъ. — Онъ на минуту умолкъ. Лидія Алексѣевна глядѣла на него во всѣ глаза, точно не вѣря себѣ. Въ то же время Жмуркинъ ясно увидѣлъ по ея лицу, что она поняла, или, вѣрнѣе, ощутила сердцемъ что-то весьма для себя недоброе. Кромѣ крайняго недоумѣнія, всѣ черты ея лица выражали и жгучее безпокойство, и всей своей фигурой она напоминала теперь ребенка, заплутавшагося въ темномъ лѣсу.

Жмуркинъ глядѣлъ на нее молча. Въ теплицѣ на минуту все притихло.

— Максимъ Сергѣичъ въ оренбургскія степи катитъ,—снова повторилъ черезъ минуту Жмуркинъ,—и это самое письмецо, относительно, то-есть, прихода вашего сюда, это я собственной рукой вамъ написалъ. Приходи, дескать, сегодня туда въ десять часовъ вечера. Необходимо. И пришли, дескать, съ Жмуркинымъ того-другого, пятаго-десятаго. И такъ далѣе. Это я самъ собственной, вотъ этой вотъ рукой сочинилъ, Лидія Алексѣевна, сдѣлайте милость, простите за безпокойство!

Онъ хотѣлъ-было разсмѣяться, но точно только кашлянулъ, весь содрогнувшись.

— Вы мнѣ не вѣрите?—спросилъ онъ черезъ минуту застывшую въ безпомощной позѣ женщину.—Примите къ совершенному руководству, что не лгу-съ. А не вѣрить, конечно, этому совершенно даже возможно-съ, ибо и я долго не вѣрилъ, что вы вотъ сюда къ Максиму Сергѣичу на свиданіе бѣгаете! Долго не вѣрилъ! И когда гребеночку вашу вотъ тутъ у подушечки вотъ этой самой нашелъ, такъ тоже все еще не вѣрилъ. И все думалъ: съ такими глазами не лгутъ-съ, никогда не лгутъ, никогда-съ!

Жмуркинъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ Лидіи Алексѣевны и говорилъ, крѣпко опираясь лѣвой рукою о крышку стола.

Онъ былъ блѣденъ, и Лидія Алексѣевна хорошо видѣла, какъ сильно вздрагивала эта рука, точно сотрясаемая бурными ударами его сердца. И она не сводила съ него глазъ, между тѣмъ какъ все ея миловидное личико, съ ямкой на подбородкѣ, все еще выражало самое крайнее недоумѣніе и томительное безпокойство.

Въ комнатѣ было сумрачно; тусклый свѣтъ свѣчи слабо озарялъ лишь одинъ уголъ комнаты, въ то время какъ ея бо̀льшая часть была наполнена странно колеблющимися тѣнями; тамъ все безшумно возилось, и порою Лидіи Алексѣевнѣ казалось, что самыя вещи этой комнаты безпокойно шевелятся, словно застигнутыя внезапнымъ несчастіемъ.

— Такъ вотъ какъ я о васъ думалъ! — снова заговорилъ Жмуркинъ, поглядывая на Лидію Алексѣевну и не перемѣняя позы.—Вотъ какъ я о васъ думалъ. Я такъ высоко вознесъ васъ, что почиталъ себя недостойнымъ даже къ юбкѣ вашей прикоснуться, извините за выраженіе. И тутъ вдругъ,—повысилъ онъ голосъ,—съ этакой высоты да такое паденіе! Изъ богинь да въ лужу-съ! Изъ феи-съ да въ змѣи-съ!—Онъ снова коротко разсмѣялся, словно кашлянулъ. Смѣхъ точно причинялъ ему боль.

— Да-съ. Такъ вотъ сами посудите-съ,—продолжалъ онъ затѣмъ, — что̀ со мною произойти должно было, когда я васъ обстоятельнымъ образомъ выслѣдилъ и всѣми глазами убѣдился. То-есть, относительно того-съ, что вы вотъ сюда къ Максиму Сергѣичу бѣгаете! Посудите сами! Отвѣтьте, сдѣлайте милость, будьте добры! Что̀ могло произойти? То-есть, въ моемъ сердечномъ переворотѣ. Будьте добры!—Онъ умолкъ, точно поджидая ея отвѣта, но она молчала.

— Не хотите, такъ я самъ вамъ скажу, — заговорилъ онъ снова.—Я подумалъ: если ужъ она такая въ нѣкоторомъ родѣ

по-га-ная,—выговорилъ онъ членораздѣльно и точно давясь этимъ словомъ, между тѣмъ какъ Лидія Алексѣевна вся какъ бы сжалась, —если она ужъ такая въ нѣкоторомъ родѣ по-га-ная,—снова повторилъ онъ,—и если она въ нѣкоторомъ родѣ одной рукою Елисея Аркадьева обнимаетъ, а другою—Максима Сергѣева, такъ почему бы ей, думаю, въ такомъ смыслѣ и третьяго не взять, когда такъ. То-есть, Лазаря Петрова!—добавилъ онъ.—Относительно того, чтобы обнять!

Лидію Алексѣевну точно всю передернуло.

Въ комнатѣ было сумрачно; тѣни безшумно шевелились по угламъ; пламя свѣчи слабо вздрагивало, и всѣ вещи, наполнявшія комнату, точно безпокойно возились, застигнутыя несчастьемъ.

— Этого никогда не будетъ! — вдругъ вскрикнула Лидія Алексѣевна, порывисто приподнимаясь съ тахты. Ея подбородокъ вздрагивалъ. — Я буду кричать, шумѣть. Я перебью всѣ окна. Слышите? Я буду стрѣлять въ васъ!—повторяла она безпорядочно, словно въ истерикѣ, вся охваченная волненіемъ и тревогой.

— Тсс!—Жмуркинъ замахалъ руками.—Не кричите-съ! Вы меня совершенно не поняли-съ. Не шумите-съ! Сдѣлайте милость, дайте высказаться! Вы меня совсѣмъ даже не поняли!—выкрикивалъ онъ шепотливо, точно свистящими звуками.—Сдѣлайте милость обождать!

— Позвольте-съ, — заговорилъ онъ черезъ минуту снова и уже болѣе спокойно, убѣдившись, что и Лидія Алексѣевна какъ бы взяла себя нѣсколько въ руки, словно вся насторожившись.—Позвольте-съ. И кричать, и шумѣть, конечно, вы можете. И даже стрѣлять въ меня можете. Но только-съ къ чему и для чего, если я надъ вами никакого насилія никогда въ жизни себѣ не позволю! Вы меня поняли? Нѣтъ-съ? Извольте, я повторю! Я надъ вами никогда никакого насилія не позволю,—повторилъ онъ съ разстановкою, словно ставя послѣ каждаго своего слова точку.—Теперь вы меня-съ поняли?—переспросилъ онъ.—Такъ вотъ-съ, будьте спокойны, садитесь. И вѣрьте моему слову больше, чѣмъ своему собственному. — Будьте благонадежны. Насильственнымъ образомъ я даже мизинчика вашего не трону. Клянусь!—проговорилъ онъ съ жаромъ и совершенно искренно.

По крайней мѣрѣ Лидія Алексѣевна сразу же повѣрила искренности этого обѣщанія. Она сѣла. Жмуркинъ прошелся раза два по комнатѣ, осторожно ступая и тихохонько потирая руки, словно въ глубокой задумчивости, а затѣмъ снова онъ остано-

вился передъ нею въ той же позѣ, крѣпко опираясь лѣвой рукою о крышку стола.

— И такъ-съ,—заговорилъ онъ снова уже совершенно спокойно и даже пожалуй вкрадчиво, — и такъ-съ, никакого насилія съ моей стороны вамъ бояться нечего. Это совсѣмъ не въ моихъ намѣреніяхъ. Ибо я хочу предоставить вамъ самую полную свободу выбора. Хотите, дескать, поступите вотъ этакъ, а не хотите—вотъ такъ. Какъ вамъ будетъ угодно. То-есть: или вы меня сами къ себѣ позовете, добровольно и безъ всякаго насилія, или же я все Елисею Аркадьевичу тотчасъ же выложу. Самымъ обстоятельнымъ образомъ! Какъ касательно вашего поведенія, такъ и относительно Максима Сергѣича. Однимъ словомъ, всю вашу романическую эпоху! На чистую воду!

Жмуркинъ казался совершенно спокойнымъ, и его слова журчали въ притихшей комнатѣ ласково и вкрадчиво. Онъ стоялъ передъ Лидіей Алексѣевной все въ той же позѣ, опираясь рукою о столъ, но теперь эта рука уже не вздрагивала, какъ раньше.

— Вотъ все мое предисловіе,—заговорилъ онъ снова послѣ нѣкоторой паузы.—Я предоставляю вамъ полный выборъ. Или вы меня сами и добровольно позовете, или же я обращаюсь къ Елисею Аркадьевичу съ словеснымъ опроверженіемъ вашего супружескаго поведенія. Судите сами, что̀ лучше. Вѣдь Елисей Аркадьевичъ извѣстно, какъ поступитъ, и всю дальнѣйшую судьбу въ этой исторіи можно даже съ закрытыми глазами предсказать. Вамъ самимъ должно быть извѣстно, ка̀къ въ хорошемъ купеческомъ быту при такихъ обстоятельствахъ поступаютъ. Васъ, конечно, на замокъ посадятъ, а на Максима Сергѣича тоже управу найдутъ. Вѣдь Каплюзниковъ на Завалишина нашелъ же, и вамъ вся эта исторія должна быть извѣстна въ достаточной степени. Максима Сергѣича, конечно, наемными руками изловятъ и хотя до смерти и не укомплектуютъ, но все-же и здоровымъ не выпустятъ, а такъ-съ, рухлядью сдѣлаютъ!

Онъ замолчалъ. Лидія Алексѣевна плакала, припавъ къ тахтѣ и зарываясь лицомъ въ подушку. Жмуркинъ безмолвно глядѣлъ на нее, поджидая, когда она нѣсколько выплачется. Долго онъ стоялъ такъ, словно застывъ въ своей позѣ, съ замкнутымъ лицомъ поглядывая на плачущую. Оранжевое пламя свѣчи тихо покачивалось, тѣни возились по угламъ, словно тамъ шла борьба.

— Будетъ вамъ плакать, Лидія Алексѣевна!—наконецъ проговорилъ Жмуркинъ.—Успокойтесь, сдѣлайте милость, и все, можетъ быть, уладится въ свое время. Вѣдь я не сейчасъ у васъ рѣшительнаго отвѣта требую и могу дать вамъ на размышленіе

ну, хотя бы дня три. А и этого вамъ мало будетъ,—пожалуй, отсрочу и еще. Только обсудите все въ полномъ здравомъ разсудкѣ, и тогда дайте отвѣтъ, будьте любезны. Полноте, не плачьте, Лидія Алексѣевна!—добавилъ онъ.

Лидія Алексѣевна приподнялась съ тахты, вытирая скомканнымъ платкомъ покраснѣвшее отъ слезъ лицо.

— Ну, вотъ такъ-то лучше, — сказалъ Жмуркинъ со вздохомъ.—А теперь вамъ не пора ли домой, Лидія Алексѣевна? Какъ бы васъ не спохватились.

Лидія Алексѣевна встала, двигаясь мимо Жмуркина съ потупленными глазами.

— Такъ какъ же, Лидія Алексѣевна,—говорилъ тотъ ей:—будете ли вы хотя бы думать относительно всего мною изложеннаго? Помните-съ, что, въ случаѣ удовлетворительнаго отвѣта, я полную гарантію вашимъ приключеніямъ обезпечиваю!

— Буду,—односложно проговорила Лидія Алексѣевна съ порога, и, схватившись за виски, она простонала:

— Поганая, поганая, поганая!—Она всхлипнула всей грудью.

— Вы дверку не запирайте,—сказалъ ей въ догонку Жмуркинъ:—у меня свой собственный ключъ есть.

Лидія Алексѣевна исчезла за дверью. Жмуркинъ потушилъ свѣчу и вышелъ на воздухъ, тотчасъ же заперевъ за собою дверь.

И долго, тяжело прислонясь къ каменной стѣнѣ теплицы, онъ смотрѣлъ вслѣдъ за удалявшейся женщиной, не спуская съ нея внезапно опечалившагося взора. Вотъ она показалась на скатѣ холма, вотъ мелькнула въ опушкѣ, вотъ исчезла и появилась снова. И снова исчезла, словно растаявъ.

Кругомъ было тихо; лѣсъ не шевелился. Безмолвная ночь горѣла надъ землею; близко монотонно циркала какая-то птица, словно жаловалась на что-то горестно и безъ надежды на лучшее.

Жмуркинъ все стоялъ и глядѣлъ.

XVII.

На другой день послѣ этого свиданія съ Жмуркинымъ Лидія Алексѣевна сидѣла у себя въ саду съ сестрой Елисея Аркадьевича, Анѳисой Аркадьевной, пятидесятилѣтней вдовой, толстой, румяной и весьма добродушной на видъ. Анѳиса Аркадьевна варила изъ крыжовника варенье, а Лидія Алексѣевна читала ей вслухъ, примостившись рядомъ, подъ тѣнью развѣсистыхъ липъ, на низенькой скамеечкѣ. Въ саду было прохладно. Солнце бли-

зилось уже къ западу, и нарядный полукругъ цвѣтника благоухалъ передъ балкономъ сильнѣе. Круглыя пятнышки свѣта бѣгали по песку аллей, словно летали другъ за дружкой, какъ мотыльки.

Лидія Алексѣевна милымъ пѣвучимъ голоскомъ читала:

— „Катрина де-Барберисъ цѣлый часъ неподвижно сидѣла, притаивъ дыханіе. Съ своей веранды она хорошо видѣла пламенныя объятья Виталя и Дорисъ, укрывшихся подъ тѣнью каштановъ. И она думала: послѣдняя пастушка не лишена земныхъ радостей, а ей даже нельзя и мечтать о нихъ“...

— Постой, постой, — перебила ее Анѳиса Аркадьевна, дѣловито размѣшивая ложкой темно-зелёную гущу крутившагося въ пѣнѣ крыжовника. — Постой, постой. Я что-то все перепутала!—Она повернула къ Лидіи Алексѣевнѣ свое круглое и румяное лицо, съ толстыми полукругами бровей, словно наведенныхъ чернилами.

Брови, ротъ и подбородокъ были у нея совершенно въ одномъ стилѣ, въ формѣ правильныхъ полукруговъ.

— Постой! — повторила она:—это что же еще за Виталь? откуда онъ?

— Это просто поселянинъ,—сказала Лидія Алексѣевна.

— А Дорисъ?

— А Дорисъ—молодая пастушка съ береговъ Гаронны.

— Такъ зачѣмъ же они тутъ?

— Такъ; не зачѣмъ, а просто такъ. Катрина де-Барберисъ видитъ, какъ они цѣлуются...

— И что же, ей завидно что-ли?

— Нѣтъ, не завидно, а просто грустно. Мужа своего она не любитъ. А кого любитъ, съ тѣмъ видѣться нельзя. Вотъ ей и грустно. Развѣ это не понятно?

Лидія Алексѣевна положила книгу на траву и словно задумалась. Въ простомъ сарпинковомъ платьѣ она казалась теперь совсѣмъ дѣвочкой.

— Постой,—проговорила Анѳиса Аркадьевна: — ты лучше вотъ что, голуба, разскажи ты лучше мнѣ все съ самаго начала, да покороче. А то у меня все что-то путаться начинаетъ. Дорисъ, Барбарисъ—все спуталось.

Лидія Алексѣевна слабо улыбнулась.

— Это все очень просто,—сказала она.—Катрина де-Барберисъ—жена генеральнаго прокурора. Она молодая, а онъ старикъ. И она влюбилась въ Лафреньера, котораго она видѣла въ Фреквильскомъ паркѣ.

— Постой, постой! Этотъ, какъ его, Лафре, —кто же онъ такой?

— Лафреньеръ—блестящій капитанъ.

— Это, стало быть, гусаръ?

Лидія Алексѣевна досадливо пожала плечомъ.

— Нѣтъ, вы все спутали. Гусара здѣсь нѣтъ, а есть Гуссаръ. Два эсъ! Гуссаръ! И это не капитанъ, а священникъ. Аббатъ по-ихнему.

— Это гусаръ-то священникъ?

— Ну, да. Фамилія священника—Гуссаръ. Два эсъ!

— Это все равно,—проговорила Анѳиса Аркадьевна,—сколько ты этихъ самыхъ эсовъ ни напихай, а все гусаръ—гусаромъ и будетъ, и священнику быть гусаромъ стыдно! Вотъ то-то и есть, —добавила она поучительно: — сразу же и видно, что все это любовное дѣло-то не въ христіанской державѣ завязывается, потому что въ христіанской державѣ у священниковъ и фамеліи настоящія: Благовѣщенскій, Крестопоклонскій, Предтеченскій. А вотъ у одного учителя въ Сердобольскѣ, — вдругъ измѣнила она свой поучительный тонъ въ дружелюбно-ласковый, — тоже очень хорошая фамелія была: Тититипетовъ. Я вотъ только теперь хорошенько не помню, сколько разъ это самое „ти-ти“ передъ „петовымъ“ нужно было сказать. Не то три, не то четыре. Подъ эту фамелію даже можно куръ манить. Тититипетовъ! Правда, можно? Да что ты, голуба, сегодня зеленая какая?— вдругъ сказала она, и черные полукруги ея бровей ушли высоко на лобъ.

Лидія Алексѣевна вдругъ простонала, точно отъ внезапной боли, порывисто приподнялась со своей скамеечки и, заложивъ руки назадъ, заходила по песку аллеи, тутъ же, въ двухъ шагахъ отъ Анѳисы Аркадьевны. Золотыя пятнышки свѣта запрыгали по ея лицу.

— Эхе-хе-хе, голуба!—вздохнула Анѳиса Аркадьевна, и всѣ полукруги ея лица какъ-то сдвинулись, придавъ ему выраженіе грусти.—Эхе-хе! И у тебя, видно, горе, голуба, какъ вотъ у этой у самой Катерины Барбарисъ. Видно, и въ христіанскихъ державахъ, и не въ христіанскихъ,—говорила она въ задумчивости и нараспѣвъ, — видно, вездѣ для бабьяго сословія уставы все одни и тѣ же. Тащатъ тебѣ нашу сестру подъ вѣнецъ съ арканомъ на шеѣ, какъ овцу подъ ножикъ, а въ случаѣ чего, Боже упаси,—кулакомъ въ зубы. Такая! сякая! немазанная!—выкрикивала Анѳиса Аркадьевна, словно подражая ругающемуся.— Не такая и не сякая,—снова заговорила она вдумчиво,—а самая

настоящая человѣческая душа. Хо-о-рошая душа! И не ей стыдно, а вамъ. Кто вотъ съ арканомъ-то на шеѣ волокъ. Эхъ, доля бабья!—вдругъ добавила она, размѣшивая ложкой крутившуюся въ мѣдномъ тазу ягодную гущу, и изъ-подъ полукруга ея брови внезапно упала въ тазъ слеза.

Она умолкла. Лидія Аркадьевна все такъ же ходила взадъ и впередъ по аллеѣ, дѣлая при каждомъ поворотѣ рѣзкое движеніе, точно какъ бы отмахиваясь имъ отъ мученій. Такъ порою расхаживаютъ тяжко страдающіе физической болью.

— Да,—снова заговорила Анѳиса Аркадьевна со вздохомъ, —такъ вотъ и тебя, голубу, на этомъ самомъ арканѣ волокли. Вѣдь Елисей Аркадьевичъ, хотя онъ и братъ мнѣ родной, а все-таки подлецъ онъ и негодяй. Это я ему и въ глаза, и за глаза скажу. Положимъ, въ глаза не скажу, — добавила она черезъ мгновенье,—и ты ему, голуба, этого не передавай,—а за глаза скажу смѣло, что, дескать, ты подлецъ и негодяй!

— Вѣдь онъ, — заговорила она снова, ополоснувъ въ водѣ ложку,—этотъ самый Елисей Аркадьевичъ тебя за десять тысячъ купилъ. Прямо-таки купилъ! Твой батюшка, Алексѣй Моисеичъ, ему на десять тысячъ векселей надавалъ, а онъ, Елисей Аркадьевичъ-то, на помолвкѣ вашей, отъ этихъ векселей сигары раскуривалъ. И самъ раскуривалъ, и гостямъ давалъ. Не угодно ли, дескать, отъ тысячнаго вексилька раскурить? Можетъ быть, дескать, табачокъ-то отъ этого повкуснѣе будетъ? Эхе-хе!—снова вздохнула она и вдругъ вскрикнула:—Батюшки! Грѣхъ великій! А вѣдь у меня крыжовникъ-то черезъ край хлещетъ! А въ кого влюблена эта рыженькая-то?—спросила она вдругъ Лидію Алексѣевну послѣ долгаго молчанія, кое-какъ усмиривъ бушевавшую гущу. — Въ кого влюблена рыженькая? сестра Барбарисовой? у нея еще названье на мой любимый соусъ похоже? Рыженькая въ кого?

— Флорансъ? — переспросила Лидія Алексѣевна отрывисто. Она все такъ же расхаживала по аллеѣ, съ рѣзкими движеніями на поворотахъ, заложивъ за спину руки. — Флорансъ влюблена въ Мальверина, бѣднаго молодого адвоката, который живетъ въ домѣ графини дю-Марти, у церкви святого Филиппа. Сестрица! —вдругъ вскрикнула она жалобно, громко и протяжно всхлипнувъ всей грудью.

Анѳиса Аркадьевна, торопливо ковыляя съ боку на бокъ, побѣжала къ ней. Она безпорядочно взмахивала руками, словно собираясь летѣть, и всѣ полукруги ея широкаго лица моргали.

— Ахъ, батюшки!—повторяла она сокрушенно:—ахъ, голуба! ахъ, батюшки! святители-угодники! архистратизи-заступники!

Лидія Алексѣевна сидѣла на пескѣ аллеи, съ истеричными движеніями рвала на себѣ волосы и изступленно выкрикивала:

— Умру, а этого не будетъ! Умру, а этого не будетъ!

Весь слѣдующій день до самаго вечера она пролежала въ постели, а вечеромъ она сидѣла на крылечкѣ своего дома вмѣстѣ съ Анѳисой Аркадьевной, блѣдная и задумчивая. На ея плечи была накинута длинная и тяжелая шаль, окутывавшая ее всю до самыхъ пятъ. Но, несмотря на это, она точно зябла, и ея плечи порою вздрагивали. А Анѳиса Аркадьевна добродушно поглядывала на нее и нараспѣвъ говорила:

— Если даже у тебя и есть, голуба, какія свои дѣла отъ Елисея Аркадьевича, все-же убиваться тебѣ не слѣдъ. Что дѣлать,—всякое бываетъ. Весело тебѣ — веселись, а тяжко—почитай святое писаніе. Большую пользу больная душа въ святомъ писаніи находитъ,—говорила она поучительно.—Мой покойный батюшка большой руки бабникъ и кутило-мученикъ былъ, а когда матушка его въ томъ упрекала, то онъ бывало каждый разъ говаривалъ: „Чѣмъ я вамъ не отецъ семейства! Святой Анастасій Антіохійскій пишетъ: кто не знакомъ съ священнымъ писаніемъ, тотъ не годится быть отцомъ семейства! Такъ видишь — только тотъ!“ Это батюшка-то говорилъ. „А я, говоритъ, очень даже знакомъ! Такъ стало быть, говоритъ, въ отцы семейства вполнѣ даже гожусь“. Такъ вотъ видишь,—говорила Анѳиса Аркадьевна,—старые люди и то вонъ какое мнѣніе имѣли, а ужъ имъ повѣрить можно! А ты думаешь,—вдругъ спросила она,—что эта самая Катерина Барбарисъ-то не утѣшится? Э-э, голуба,—она покачала головой:—какъ еще утѣшится-то, и опять съ этимъ Лафре цѣловаться будетъ!

— Съ капитаномъ Лафреньеромъ?—переспросила ее Лидія Алексѣевна словно деревяннымъ голосомъ.

— Ну, хоть съ капитаномъ!

— Какъ же она съ нимъ цѣловаться будетъ,—проговорила Лидія Алексѣевна, тѣмъ же безучастнымъ голосомъ,—если его въ пятнадцатой главѣ убили!

— Убили, ахъ, батюшки!—Анѳиса Аркадьевна всплеснула руками.—Стало быть, я это мѣсто опять проспала,—говорила она съ сожалѣніемъ:—я вѣдь думала, онъ живёхонекъ! Кто же это его, голуба, убилъ-то?

— Мальверинъ.

— Ахъ, батюшки!—снова воскликнула Анѳиса Аркадьевна,

всплеснувъ руками: — это адвокатъ-то? Вотъ негодяй-то! вотъ подлецъ! Ну, будетъ, будетъ! — вдругъ заговорила она ласково, видя, что Лидію Алексѣевну точно всю извернуло.

Она прижала ее къ себѣ, повторяя:

— Будетъ, голуба, будетъ, хорошая, будетъ тебѣ! Эхе-хе...

Тихохонько покачивая ее, словно ребенка, она замурлыкала на мотивъ колыбельной пѣсенки:

— Ой, цвѣточки—розы-ы-ньки,
Обмахните слёзы-ы-ньки,
Скрасьте алой зорько-о-ю
Бабью долю горьку-у-ю!

— Ну, будетъ, будетъ!—повторяла она ласково.

Лидія Алексѣевна плакала, прижимаясь къ ней лицомъ.

XVIII.

Три дня, данныхъ Жмуркинымъ Лидіи Алексѣевнѣ на размышленіе, уже истекали. Однако Жмуркинъ не волновался; онъ былъ увѣренъ, что Лидія Алексѣевна вотъ-вотъ придетъ къ нимъ въ усадьбу, яко-бы въ гости къ Аннѣ Павловнѣ, и отвѣтитъ ему такъ или иначе. Нужно только постараться перехватить ее гдѣ-нибудь хоть на одно мгновеніе. И вотъ, поджидая ее, онъ слонялся, въ семь часовъ вечера, у крыльца кухни, бесѣдуя съ Флегонтомъ; тотъ сидѣлъ тутъ же, на ступеняхъ крыльца, съ папиросой въ зубахъ. Ясный солнечный день заливалъ весь широкій дворъ усадьбы потоками веселаго свѣта, и окна дома ослѣпительно сверкали. Хребты холмовъ точно испускали свѣтъ.

Жмуркинъ похаживалъ мимо Флегонта, поглядывая въ то же время на ворота усадьбы, и говорилъ:

— На всемъ земномъ шарѣ только одинъ законъ и есть: что̀ тебѣ въ ротъ попало—ѣшь! Вотъ это законъ какой!—Онъ сердито усмѣхнулся.

Флегонтъ усмѣхнулся тоже.

— А если, на примѣръ сказать, муха попадетъ? Такъ ее тоже ѣсть? Вѣдь отъ нея не ровенъ часъ и стошнить можетъ. —Онъ снова засмѣялся.—Вотъ, стало быть не все ѣсть можно, что въ ротъ попадаетъ,—добавилъ онъ.

— Не о мухахъ тутъ рѣчь,—отвѣчалъ Жмуркинъ сердито, —не съѣдобное—не ѣдятъ, это ужъ конечно. Тутъ и разговаривать нечего.

Онъ прошелся мимо Флегонта; сегодня онъ былъ одѣтъ болѣе тщательно, чѣмъ всегда; отъ него даже попахивало одеколономъ, точно онъ собирался въ гости.

— Не въ мухѣ тутъ дѣло, — снова повторилъ Жмуркинъ сердито,—а въ законѣ этомъ. Вотъ, дескать, какой законъ есть на всемъ земномъ шарѣ!.. единый и для всѣхъ! — Онъ торжественно поднялъ вверхъ руку, точно свидѣтельствуя о непреложности этого закона.—Въ законѣ тутъ дѣло!—добавилъ онъ.

— А если этотъ законъ для тебя такой пріятный,—вдругъ сказалъ Флегонтъ, — такъ чего же ты вотъ сейчасъ сердишься?

— А развѣ же я говорю, что онъ пріятенъ?—спросилъ его Жмуркинъ въ свою очередь. — Я говорю: такой законъ существуетъ. И баста! А пріятенъ онъ или непріятенъ—это другой разговоръ.

Онъ въ задумчивости прошелся раза два мимо Флегонта.

— Для меня, — заговорилъ онъ снова, прижимая руку къ сердцу,—для меня онъ, пожалуй, и непріятенъ, ибо онъ ставитъ меня на одну линейку съ послѣднимъ червемъ; одинъ, дескать, я у всѣхъ у васъ, мои голуби! Хотя, конечно,—поправился онъ сейчасъ же,—на законъ и сердиться-то глупо. Не стану же я сердиться на то, что у меня двѣ руки, а не три?

— А если онъ тебѣ непріятенъ, такъ зачѣмъ же ты его исполнять тогда будешь?—сказалъ Флегонтъ. — А если ты его исполнять не будешь,—добавилъ онъ,—стало быть это для тебя не законъ!

— Это все такъ,—согласился и Жмуркинъ,—я и самъ объ этомъ думалъ, и вотъ что̀ тебѣ на это скажу. — Онъ остановился прямо передъ Флегонтомъ.—Я тебѣ вотъ что̀ скажу,—заговорилъ онъ снова:—въ исполненіи этого закона,—ты понимаешь?—въ исполненіи этого закона я могу видѣть для себя однѣ лишь непріятности,—но,—повысилъ онъ голосъ, — но въ исполненіи дѣла моей мести за поруганіе наисвѣтлѣйшихъ мечтаній моихъ,—такъ вотъ въ этомъ я могу находить для себя даже очень много пріятнаго! Ты понялъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Флегонтъ рѣшительно.

— Допустимъ такъ, — снова заговорилъ Жмуркинъ,—допустимъ, что тебя незаслуженно воромъ сдѣлали. Можешь ты послѣ этого украсть? въ самомъ дѣлѣ ужъ? А если, дескать, я воръ, такъ вотъ и наше вамъ? Можешь послѣ этого украсть?—повторилъ онъ свой вопросъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ Флегонтъ,—со мною этого не бывало.

Они оба словно задумались. Жмуркинъ снова заходилъ мимо крыльца, поглядывая порою на ворота.

— Постой,—вдругъ сказалъ Флегонтъ: — въ этихъ твоихъ рѣчахъ, пожалуй, правда есть. Со мною разъ нѣчто въ родѣ этого было. Назвала меня однажды барыня пьяницей,—продолжалъ онъ, — и я въ самомъ дѣлѣ въ этотъ же вечеръ какъ стелька нарѣзался! Нарочно! А вотъ, дескать, если я пьяница, такъ вотъ и получайте! И нарочно мимо оконъ дома пошелъ! Чтобы тамъ видѣли!—Флегонтъ разсмѣялся.

— Въ твоихъ послѣднихъ рѣчахъ,—добавилъ онъ со смѣхомъ,—есть нѣкоторая правда! Умница Лазарь Петровъ! На тя, Господи, уповахомъ!

Жмуркинъ молчалъ и глядѣлъ на Лидію Алексѣевну, показавшуюся въ воротахъ.

„Пришла-таки, не вытерпѣла!“—подумалъ онъ, въ то время, какъ она уже взбиралась на ступени высокаго подъѣзда.

Онъ поймалъ на себѣ ея взглядъ, брошенный какъ бы украдкой и случайно. Этотъ взглядъ точно коснулся его,—настолько ясно онъ ощутилъ его на себѣ, и словно сказалъ ему: „На обратномъ пути. Подожди. Понимаешь“?

Она исчезла въ дверяхъ.

— Знаешь что?—вдругъ обратился Жмуркинъ къ Флегонту: —я лисицу въ проточномъ оврагѣ выслѣдилъ.

— Ну?

— Выслѣдилъ, и только брать ея не хочу,—говорилъ Жмуркинъ, внезапно блѣднѣя.—Хочу, чтобы она сама ко мнѣ пришла съ поклономъ. „Возьмите, дескать, меня, Лазарь Петровичъ, пожалуйста!“ Да! — вскрикнулъ онъ, коротко разсмѣявшись.— А я ее и тогда даже, пожалуй, брать-то не стану. Дескать, если ты ужъ такая тварь, понимаешь ли, т-тварь!.. такъ я объ тебя и рукъ-то не хочу марать. Ступай, дескать, лисица, во всю веселиться! Понялъ? До свиданья, Флегонтъ Ильичъ! — Жмуркинъ махнулъ фуражкой и поспѣшно пошелъ къ воротамъ.

— До свиданья!—снова крикнулъ онъ повару уже отъ воротъ:—бѣгу въ проточный оврагъ на лисьи выверты любоваться!

Онъ исчезъ.

— Ну, чего опять намололъ?—говорилъ самъ съ собой Флегонтъ, разводя руками: — даже и мѣшалкой не провернешь, а человѣкъ, кажется, вѣдь не глупый! Это все въ немъ молодость бунтуетъ,—добавилъ онъ, зѣвнувъ. — Поживи-ка вотъ съ наше! Умыкаешься! Охо-хо!

Онъ снова зѣвнулъ.

Въ то же время Жмуркинъ въ задумчивости расхаживалъ по дорогѣ между обѣими усадьбами, за крутымъ выступомъ холма. Вокругъ было свѣтло. Ясное и безмятежное спокойствіе, какъ бы не знающее никакихъ сомнѣній и никакихъ тревогъ, казалось, заливало всю окрестность счастливой улыбкой; и поглядывая на окрестности, Жмуркинъ думалъ:

„Вотъ и здѣсь все свѣтло и спокойно. И самая послѣдняя козявка принимаетъ здѣсь законы жизни съ благодарностью, потому что въ исполненіи закона—счастье".

„Въ исполненіи закона счастье",—шепталъ онъ.

„А если, — снова думалъ онъ, расхаживая подъ обрывомъ, —а если во мнѣ бушуетъ злоба, такъ это только потому, что я долго не понималъ жизни и жилъ въ совершенно другомъ мірѣ, ничего общаго съ настоящимъ міромъ не имѣющемъ. И я привыкъ къ нему. А очнувшись,—осердился"!

— А чего же тутъ сердиться? — прошепталъ онъ, разводя руками съ выраженіемъ недоумѣнія:—сердиться на законъ—это все равно, что стричь бритаго. Нельзя сердиться на то, что брошенный вверхъ камень падаетъ обратно, а топоръ тонетъ въ водѣ!

Жмуркинъ замолчалъ, слегка блѣднѣя; онъ увидѣлъ Лидію Алексѣевну. Она уже возвращалась домой, торопливо идя по каменистому грунту дороги. Онъ поспѣшно двинулся къ ней на встрѣчу. Между тѣмъ она такъ же торопливо прошла мимо него, потупивъ глаза и подобравъ свое платье, точно боясь, что оно задѣнетъ его.

— Говорите Елисею Аркадьевичу, — сказала она ясно и отчетливо, не останавливаясь ни на минуту, скользнувъ мимо него, какъ ясная и свѣтлая волна.

— Хорошо-съ,—отвѣчалъ Жмуркинъ также ясно и отчетливо.

Онъ круто повернулся лицомъ къ Студеной и, заложивъ руки въ карманы, сталъ глядѣть на ея воды. Вскорѣ онъ хорошо увидѣлъ сбоку, и не поворачивая головы, что Лидія Алексѣевна остановилась тоже, саженяхъ въ сорока отъ него, и такъ же, какъ и онъ, стала глядѣть на воды Студеной, играя зонтикомъ съ самымъ равнодушнымъ видомъ. Не повертывая къ ней лица и принимая тоже самый беззаботный видъ, Жмуркинъ не сводилъ съ нея глазъ. Она была въ темно-синемъ шелковистомъ платьѣ, словно усѣянномъ малиновыми огоньками, и весь ея видъ будоражилъ сердце Жмуркина жуткимъ и мучительнымъ чувствомъ.

„Какъ она хороша, какъ она хороша!" — думалъ онъ въ тоскѣ и точно задыхаясь.

Она шевельнулась; малиновые огоньки ея платья и камни перстней, въ изобиліи украшавшихъ ея пальцы, до боли рѣзко сверкнули въ глаза Жмуркину. Она тихо двинулась къ нему. Онъ поспѣшно пошелъ къ ней на встрѣчу. Однако она едва замѣтнымъ движеніемъ руки не допустила его къ себѣ. Онъ покорно остановился; десять шаговъ раздѣляли ихъ.

— Вы непремѣнно скажете Елисею Аркадьевичу? — спросила его она.

— Непремѣнно,—отвѣчалъ Жмуркинъ.

Они замолчали оба, потупивъ глаза, оба блѣдные и внезапно смущенные.

— Я васъ въ послѣдній разъ спрашиваю, — вновь заговорила она, и Жмуркинъ хорошо видѣлъ, какъ дрогнули уголки ея губъ.—Въ послѣдній разъ! вы непремѣнно скажете Елисею Аркадьевичу?

— Непремѣнно-съ,—отвѣчалъ Жмуркинъ сердито, — непремѣнно-съ скажу.

— Ну, такъ и говорите! — сказала она, не сводя съ него глазъ, точно желая по его лицу провѣрить искренность его отвѣта.—Говорите! Ахъ, какъ я васъ испугалась!—Она сердито качнула хорошенькой головкой и еще разъ заглянула въ глаза Жмуркину.

— Послушайте, — снова заговорила она, съ выраженіемъ боли на лицѣ теребя свой розовый зонтикъ.—Послушайте. Если вы не скажете Елисею Аркадьевичу, Максимъ Сергѣичъ дастъ вамъ тысячу...

— Ничего онъ мнѣ не дастъ! — перебилъ ее Жмуркинъ гнѣвно:—потому что если вы только заикнетесь ему объ этомъ, я сейчасъ же иду къ Елисею Аркадьевичу.—Сейчасъ же!—повторилъ онъ гнѣвно.

— Ну, я сама дамъ вамъ двѣ,—проговорила она.

— Я скажу!—повторилъ Жмуркинъ рѣшительно и въ раздраженіи.

— А въ такомъ случаѣ говорите!—повторила Лидія Алексѣевна.—Ахъ, какъ я васъ испугалась!

Она двинулась отъ него прочь съ самымъ рѣшительнымъ видомъ. Онъ пошелъ тоже; однако они не ушли далеко, остановившись снова на прежнихъ мѣстахъ, съ тѣмъ же какъ бы равнодушнымъ видомъ поглядывая на тихія воды Студеной.

Такъ прошло съ полчаса, и Жмуркинъ хотѣлъ-было уже идти домой, какъ вдругъ она снова двинулась къ нему какой-то

особенной, черезчуръ осторожной походкой и словно одолѣвая каждый шагъ съ большимъ усиліемъ для себя.

Они снова остановились въ десяти шагахъ другъ отъ друга. Нѣсколько минутъ она молча смотрѣла въ его глаза, вся блѣдная, съ болью на всемъ лицѣ. Затѣмъ она слегка перегнулась къ нему, приложивъ палецъ къ губамъ. Онъ точно замеръ.

— Завтра, — наконецъ прошептала она, и этотъ шопотъ сорвался съ ея губъ, едва уловимый, какъ шелестъ сухого листа. —Въ девять часовъ,—зашептала она тѣмъ же шопотомъ, съ длинными паузами послѣ каждаго слова.—Вечеромъ. Въ теплицѣ.

Послѣднее слово точно замерло на ея губахъ, и Жмуркинъ едва уловилъ его значеніе.

— И я не поганая, — зашептала она съ тѣмъ же выраженіемъ.—Слыхали? Я только умѣю любить. И это не для васъ,— добавила она чуть слышно, слегка перегибаясь къ нему, блѣдная, съ отуманенными глазами,—не для васъ, и не ради Елисея Аркадьевича, а ради него. Слыхали? поняли?

— Хорошо-съ,—прошепталъ Жмуркинъ, потупивъ глаза.— Понялъ-съ.

Когда онъ поднялъ наконецъ глаза, она была уже далеко.

— Хорошо-съ; понялъ-съ, — повторилъ онъ, стоя посреди дороги.

Внезапно онъ схватился за бока обѣими руками, и изъ его горла вырвался не то смѣхъ, не то рыданіе.

— Ну, чего же ты стоишь-то?—вдругъ крикнулъ онъ себѣ рѣзко.—Иди, собака, спать!

XIX.

Весь слѣдующій день Жмуркинъ безпокойно бродилъ по усадьбѣ, нигдѣ не находя себѣ мѣста. Работать онъ не могъ; ему не читалось, не спалось, нигдѣ не сидѣлось. Чтобы хоть какъ-нибудь убить время, онъ пошелъ къ Безутѣшному, помѣщавшемуся здѣсь же въ домѣ, въ маленькой угловой комнаткѣ наверху. Пошелъ онъ туда съ чернаго хода, и когда онъ вошелъ къ нему, Безутѣшный сидѣлъ за столомъ, съ книжкой въ рукахъ. Его громадная спина заслоняла собою весь столъ. Жмуркинъ поздоровался и сѣлъ на стулъ у раскрытаго окошка.

— Что скажешь? — спросилъ его Безутѣшный загудѣвшей, какъ колоколъ, октавой.

Жмуркинъ вздохнулъ.

— Скучно, Спиридонъ Павлычъ!—сказалъ онъ.

— Что дѣлать! — согласился и Безутѣшный съ грустью.— „И всякъ скучаетъ, да живетъ, и всѣхъ насъ гробъ, зѣвая, ждетъ“. Жить-то вѣдь все-таки, братецъ, надо.

— А вы читали что-то, кажется?—спросилъ Жмуркинъ:— старую книгу, какъ переплетъ оказываетъ?

— Да, читалъ; старую книгу.

Безутѣшный говорилъ съ неохотой, точно тоскуя.

— А что, Спиридонъ Павлычъ,—снова спросилъ Жмуркинъ, —прежде лучше теперешняго писали, или похуже?

— Да какъ тебѣ сказать? — Безутѣшный пожалъ широчайшими плечами: — и прежде хорошо писали, и теперь не дурно умѣютъ. Только прежде стиль возвышеннѣе былъ. Прежде писали вотъ какъ: „Селима, отерши слезу, вопрошала себя: почто, богиня любви, привлекла меня подъ сѣнь сію ранѣе брака?“ — Слышалъ, какой стиль? А теперь это же мѣсто напишутъ такъ: „Маланья высморкалась и подумала: а вдругъ да я забеременѣю?“ Видалъ разницу? Или положимъ такъ. Прежде писали: „Объятый ужасомъ, Веньяминъ повергается на одръ свой, и смертная блѣдность на челѣ его паки распростирается“. Чувствуешь? А теперь это же напишутъ вотъ какъ: „Спиридонъ въ страхѣ брякнулся на постель, и его красный носъ сталъ сѣрымъ“. А я отъ васъ, можетъ быть, уйду скоро,—вдругъ добавилъ онъ.

— Что такъ? чѣмъ мы васъ прогнѣвили, Спиридонъ Павлычъ?—Жмуркинъ натянуто улыбнулся.

— Скучно стало,—сказалъ Безутѣшный угрюмо, — да и на васъ глядѣть опротивѣло. Очень ужъ вы тутъ другъ друга охаживаете хорошо. Глядѣть противно! — повторилъ онъ, качнувъ косматой головою и весь повертываясь къ Жмуркину.

— Быстряковъ этого нашего нажёгъ, Капернаума-то этого, —продолжалъ онъ, нѣсколько оживившись,—Капернаумъ—Быстрякова! А ты тоже такимъ гоголемъ сталъ ходить, словно ихъ обоихъ облапошить собираешься. Противно глядѣть на васъ!— повторилъ онъ, словно рявкнулъ въ колодезь.

— Чего-съ?—переспросилъ Жмуркинъ, поднимаясь со стула и блѣднѣя.—Примите къ свѣдѣнію, что я отъ васъ такихъ вздоровъ выслушивать не желаю!—сказалъ онъ запальчиво. — Примите-съ къ свѣдѣнію.

— А чего у тебя губки-то запрыгали, когда такъ?— спросилъ Безутѣшный сердито.—Смотри, братъ, широко шагать хочешь, такъ какъ бы на-двое не разорваться!

— Чего-съ?—вскрикнулъ Жмуркинъ.

— Я давно на тебя поглядываю, — между тѣмъ говорилъ

Безутѣшный, тоже какъ будто начиная сердиться,—давно поглядываю и хорошо вижу, какая изъ тебя цаца писанная ростетъ!

— Спиридонъ Павлычъ!

— Вижу, братецъ,—повысилъ голосъ и Безутѣшный,—очень хорошо вижу, что ты на сажень выше Загорѣлова вымахиваешь! Ты вѣдь живоглотство за религію сталъ выдавать!

— Спиридонъ Павлычъ! — снова выкрикнулъ Жмуркинъ въ бѣшенствѣ.

— А ты, братъ, въ изступленіе не впадай!—говорилъ Безутѣшный сурово:—я вѣдь вижу, что ты на два вершка отъ душегубства ходишь. Цыцъ!—вдругъ выкрикнулъ онъ запальчиво, точно дунулъ всей грудью на огонь.

Онъ схватилъ Жмуркина за руки.

— Ты, братецъ, въ изступленіе не входи и ручками не брыкай! драться не лѣзь! Слышишь?—говорилъ онъ Жмуркину, насильно сажая его на стулъ.

— Ну, вотъ, успокойся, братъ! — говорилъ онъ ему, еще придерживая его за руки. — Успокоился? Такъ теперь гляди на меня и отвѣчай. Что ты задумалъ? — Онъ выпустилъ его руки, прошелся по комнатѣ и затѣмъ молча сѣлъ на свое мѣсто у стола.

Жмуркинъ сидѣлъ на стулѣ блѣдный, точно утомленный припадкомъ внезапнаго гнѣва. Безутѣшный смотрѣлъ на него, положивъ на колѣни свои громадныя руки. Онъ казался совершенно спокойнымъ.

— Ты чего задумалъ? Говори!—повторилъ онъ свой вопросъ.

— Ничего,—отвѣчалъ Жмуркинъ замкнуто.

Безутѣшный помолчалъ, покачивая косматой головою какъ бы въ задумчивости.

— Погляди мнѣ въ глаза и отвѣчай! Въ послѣдній разъ тебя спрашиваю. Ты что задумалъ?—снова сказалъ онъ.

Жмуркинъ шевельнулся на своемъ стулѣ.

— Въ глаза мнѣ ваши глядѣть нечего,—отвѣчалъ онъ наконецъ, уже совершенно успокоившись и даже развязно:—я не Донъ-Жуанъ, а вы не испанская красавица!—Онъ усмѣхнулся.— Я ничего не задумалъ,—добавилъ онъ.

— Ну, хорошо,—сказалъ Безутѣшный: — допустимъ, что я ошибаюсь. Весьма возможно! Скажи ты мнѣ вотъ что! Дѣйствительно ли ты живоглотство религіей провозгласилъ и поклонился ему, какъ истинѣ, ея же не прейдеши? Дѣйствительно ли?—повторялъ Безутѣшный, внимательно поглядывая на Жмуркина.

— Совершенная правда-съ,—отвѣчалъ тотъ. Онъ былъ блѣ-

денъ, и его губы криво усмѣхались насмѣшливо и дерзко-вызывающе.

— Совершенная правда,—повторилъ онъ: — одинъ онъ, законъ-то, во всей вселенной и для всѣхъ. Кланяюсь ему и провозглашаю-съ!

— Уходи вонъ! — коротко буркнулъ Безутѣшный, качнувъ лохматой головой по направленію къ двери. — Ну, чего ты сидишь-то?—спросилъ онъ спокойно.—Развѣ ты не слышишь, что я тебя выгоняю? У дикаго кафра и чуда Африки нѣтъ ничего общаго съ цивилизованной собакой. Уходи же! — добавилъ онъ совсѣмъ тихо.

Жмуркинъ развязно пошелъ изъ комнаты. Впрочемъ на порогѣ онъ остановился и съ поблѣднѣвшимъ лицомъ оглянулся на Безутѣшнаго.

— Вотъ вы с-сами-то,—зацѣдилъ онъ сквозь зубы съ выраженіемъ гнѣва и презрѣнія,—сами-то с-скушали всѣ з-зубки-то, вотъ вамъ и досадно!

Онъ скрылся, шумно хлопнувъ дверью.

— Мнѣ не вѣрятъ, — заговорилъ Безутѣшный послѣ ухода Жмуркина, задумчиво и какъ бы разсуждая самъ съ собой.— Не вѣрятъ, ибо азъ есмь пьяница. Погибшій человѣкъ. Чиновникъ особыхъ приключеній по министерству утаптыванья дорогъ, Спиридонъ Безутѣшный!

Онъ снова помолчалъ, задумчиво покачивая гривой и чмокая губами.

— Пришелъ Іоаннъ—не повѣрили,—заговорилъ онъ снова съ грустью.—Пришелъ Сынъ человѣческій,—и Ему не повѣрили. Ур-роды!—добавилъ онъ злобно.

Онъ тихо всталъ и пошелъ въ кухню.

— Флегонтъ,—сказалъ онъ тамъ, — свободнаго созерцателя жизни тошнить стало отъ сихъ прекрасныхъ мѣстъ. Такъ вотъ не устроить ли намъ съ тобою сегодня маленькій фестиваль? а? Какъ ты полагаешь? Но только безъ Жмуркина,—добавилъ онъ.

— Это еще что̀ за птица фестиваль?—спросилъ Флегонтъ.

— А такъ фестиваль—водкупопиваль!

— Фестиваль—водкупопиваль? — переспросилъ Флегонтъ съ восторгомъ.—Непремѣнно! Умница Спиридонъ Павлычъ!—выкрикивалъ онъ:—фестиваль—водкупопиваль? Непремѣнно! Сегодня же вечеромъ! Геній Спиридонъ Павлычъ!

— А у меня сегодня, Спиридонъ Павлычъ,—вдругъ заговорилъ онъ, мѣняя свой восторженный тонъ на дружелюбно-ласковый и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣловито-серьезный,—а у меня сегодня—

вы слышали?—„Персидскій маршъ“ совсѣмъ не удавался. И кто его знаетъ, вотъ этотъ вотъ палецъ мѣшалъ! Вѣдь вы знаете, я къ „Утопленнику“ „Персидскій маршъ“ присоединяю на случай мелкаго битка. А то жестковато выходитъ.

А Жмуркинъ ровно въ девять часовъ вечера проникъ въ старую теплицу. Когда онъ зажегъ на столѣ свѣчу, онъ увидѣлъ Лидію Алексѣевну, быстро поднявшуюся съ тахты. Ея лицо было блѣдно и словно озабочено чѣмъ-то.

— Я вотъ собственно зачѣмъ васъ сюда вызвала,—заговорила она, не поднимая глазъ и безпокойно теребя кружево рукава.—Вотъ зачѣмъ...

— Зачѣмъ-съ?

— Не знаете ли вы, когда пріѣдетъ Максимъ Сергѣичъ?

— Максъ?—переспросилъ Жмуркинъ насмѣшливо.—Максъ пріѣдетъ 15-го. Сего мѣсяца, конечно.

— Это ужъ навѣрное?

— Совершенно точно-съ. Телеграмма дѣлового характера отъ нихъ мнѣ-съ была. То-есть, отъ Макса.—Онъ усмѣхнулся.—15-го, это ужъ совершенно точно-съ,—повторилъ онъ.

Онъ пристально глядѣлъ на Лидію Алексѣевну, и ея волненіе и безпокойство точно доставляли ему удовольствіе.

— Такъ вотъ я хотѣла васъ просить, — заговорила Лидія Алексѣевна съ безпомощнымъ выраженіемъ:—не отложите ли вы окончательный отвѣтъ до 14-го? Видите ли,—она вся всколыхнулась,—я въ вашей власти, но мнѣ хотѣлось бы пріучить себя къ этой мысли. Немножко привыкнуть къ ней. Освоиться... Видите ли, вѣдь я въ вашей власти,— безпорядочно шептала она, —что же вамъ стоитъ? не можете ли вы отложить до 14-го?

— Хорошо-съ,—отвѣчалъ Жмуркинъ, нѣсколько подумавъ.

— Благодарю васъ,—прошептала Лидія Алексѣевна, снова вся точно всколыхнувшись.

— А чѣмъ вы можете засвидѣтельствовать передъ Елисеемъ Аркадьевичемъ относительно насъ? — вдругъ спросила она, безпокойно потупляя глаза.

— Относительно васъ съ Максомъ? — переспросилъ Жмуркинъ. — А вотъ чѣмъ-съ! — Онъ вынулъ изъ бокового кармана пиджака свою записную книжку и повертѣлъ ею передъ глазами Лидіи Алексѣевны.—Вотъ этимъ самымъ!—добавилъ онъ, снова пряча книжку въ карманъ.—Тутъ все по числамъ записано,—такъ не лгутъ-съ!

— Дозвольте васъ спросить,—вдругъ перемѣнилъ онъ тонъ: —цѣловались ли вы съ Максомъ 14-го іюня, на пророка Или-

сея, въ комнаткѣ возлѣ буфета-съ? Что же вы молчите-съ? А второго числа того же мѣсяца—у ограды сада въ ихней усадьбѣ? А хотите ли я скажу вамъ, въ какомъ вы платьѣ сюда къ Максу бѣгали-съ? Хотите-съ? Вотъ то-то и есть-съ! Такъ не лгутъ. Вамъ не вывернуться!—добавилъ онъ и разсмѣялся съ злобнымъ мученіемъ на лицѣ.—Не вывернетесь!—повторилъ онъ.

— Я это знаю,—зашептала Лидія Алексѣевна,—я въ вашей власти. И я хочу только привыкнуть. Я знаю!

— И я вамъ эту отсрочку даю-съ, — проговорилъ Жмуркинъ.—До 14-го-съ!

Онъ подошелъ къ двери и широко распахнулъ ее.

— Пожалте-съ, когда такъ! — Что же вы стоите? До четырнадцатаго-съ, если уже на то пошло, будьте любезны!

Лидія Алексѣевна быстро прошла мимо него, потупивъ глаза.

XX.

Однако этотъ разсчетъ оказался не совсѣмъ вѣренъ, и Жмуркина поджидало нѣкоторое разочарованіе. 14-го іюля утромъ, совершенно неожиданно, въ усадьбу возвратился Максимъ Сергѣичъ Загорѣловъ. Возвратился онъ счастливый, довольный и весь словно сіяющій, такъ какъ поѣздка оказалась для него вполнѣ удачной, и всѣ свои дѣла онъ обдѣлалъ лучше и быстрѣе, чѣмъ разсчитывалъ. Вся усадьба снова увидѣла его красивую и сильную фигуру, съ рѣзкими и смѣлыми жестами, съ звонкимъ и рѣшительнымъ голосомъ. И тотчасъ же послѣ своего пріѣзда онъ съ головой окунулся въ дѣла, словно стосковавшись по нимъ, какъ по любимой женщинѣ. Его видѣли въ поляхъ, гдѣ уже шла уборка, и на гумнахъ, и на скотномъ дворѣ, и на мельницѣ, у крутящихся снастей, и въ лѣсу—намѣчающимъ будущія порубки и будущія насажденія. Онъ точно связывалъ собою воедино всѣ работы въ поляхъ и лѣсахъ, на гумнахъ и на мельницѣ, и какъ бы являлся душою какого-то громаднаго организма, какого-то сказочнаго чудовища, распростертаго на берегахъ Студеной, обросшаго зеленой щетиной лѣсовъ и золотистымъ перомъ злаковъ, мирно грѣющаго горбатую спину своихъ холмовъ въ свѣтѣ безоблачныхъ дней и жадно ревѣвшаго у мельницы. И онъ являлся вездѣ счастливый и довольный, окидывавшій всѣ свои начинанія увѣреннымъ взоромъ удачника. А Жмуркину неожиданный пріѣздъ Загорѣлова принесъ съ собою нѣкоторое разочарованіе, отодвинувъ самый рѣшительный мо-

ментъ въ его намѣреніяхъ на неопредѣленное время. Жмуркинъ, конечно былъ увѣренъ, что его планъ нисколько не пострадалъ отъ этого въ самой своей сути, такъ какъ Лидія Алексѣевна по прежнему находилась въ полной его власти. Однако онъ сознавалъ, что добиться свиданія съ нею теперь много труднѣе, и это раздражало и сердило его нѣсколько. Въ то же время этотъ неожиданный пріѣздъ пробудилъ въ немъ и еще какое-то не вполнѣ определѣнное для него чувство, мучительное и безпокойное, пронизывавшее его порою острою болью. Что это было за чувство и о чемъ оно напоминало ему, онъ долго не могъ опредѣлить себѣ съ достаточной ясностью; но каждый разъ при его появленіи въ себѣ онъ безпокойно оглядывался на свой планъ, точно желая провѣрить, дѣйствительно ли онъ такъ неуязвимъ, какъ это казалось ему раньше. И каждый разъ послѣ самой тщательной провѣрки онъ убѣждался лишь въ строгой выдержанности этого своего плана и пытался успокоить себя, насколько могъ.

Между тѣмъ Загорѣловъ возобновилъ свои свиданія съ Лидіей Алексѣевной тамъ, въ старой теплицѣ, какъ всегда. И теперь онъ находилъ въ ней перемѣну. Она казалась ему грустной, точно чѣмъ-то озабоченной, какъ будто чѣмъ-то напуганной. При каждомъ малѣйшемъ шорохѣ она безпокойно вскакивала, тревожно озиралась, испуганно повторяла:

— Кто-то идетъ! Къ намъ кто-то идётъ!

— Что съ тобой, Лида? — спрашивалъ ее Загорѣловъ, съ участіемъ заглядывая въ ея глаза, въ которыхъ мерцалъ испугъ.

— Я боюсь, — повторяла она, въ испугѣ прижимаясь къ нему, такъ что онъ чувствовалъ удары ея всполошившагося сердца.—Я боюсь, я очень боюсь, Максимъ!

— Чего?

— А вдругъ кто узнаетъ о насъ? о нашей любви, о нашихъ свиданьяхъ вотъ здѣсь?

— Этого быть не можетъ,—говорилъ Загорѣловъ.

— Ну, а вдругъ? вдругъ?—твердила она съ тоскою, готовая расплакаться.

— Этого быть не можетъ,—повторялъ Загорѣловъ самоувѣренно и упрямо.

Постоянныя удачи точно ослѣпили его, и онъ не хотѣлъ вѣрить, что и его можетъ постичь несчастіе, незадача, катастрофа.

— Я остороженъ, — говорилъ онъ ей успокоительно,—кто же можетъ узнать? У тебя это нервы; возьми себя въ руки, и вѣрь

мнѣ. Развѣ ты не вѣришь мнѣ, моему умѣнью, моей находчивости? Вѣрь же мнѣ, моя радость!

Онъ цѣловалъ ее и приходилъ къ себѣ домой веселый и самоувѣренный, какъ всегда, съ безпечной улыбкой и звонкимъ хохотомъ.

А Лидія Алексѣевна, каждый разъ какъ ей нужно было войти въ кабинетъ къ мужу, мысленно крестила себя и шептала:

— Господи, защити меня, поганую! Господи, защити и укрой!

И она переступала каждый разъ порогъ кабинета какъ ступень эшафота. Каждый день приносилъ ей новое терзаніе, и часто Анѳиса Аркадьевна заставала ее въ слезахъ гдѣ-нибудь въ скрытомъ мѣстечкѣ сада.

Какъ-то въ одну изъ такихъ минутъ та спросила ее:

— Ты о чемъ, голуба?—Скажи мнѣ, можетъ быть, и у тебя есть свой Лафре? Не бойся, я вѣдь тебя, голуба, не выдамъ, а научу. Вѣдь ему, — добавила она шопотомъ, — этому подлецу, моему родному братцу, такъ того и надо. Самъ добивался этого,— ну, такъ и получай, рябая форма!

— Никого у меня нѣтъ, — отвѣчала ей Лидія Алексѣевна печально.

И поспѣшно утирая слезы, она думала о Загорѣловѣ:

„Никому я тебя не выдамъ, никогда и ни за что, а лучше ужъ сама на себѣ все перенесу“!

Мысль, что когда-нибудь ей придется увидѣть этого человѣка избитаго, искалѣченнаго и изуродованнаго наемниками ея мужа, не давала ей покоя, сопровождала ее на прогулкахъ, всюду, томила ее во снѣ, какъ тяжелый кошмаръ. Подавленная этой мыслью, она сама стала искать свиданія съ Жмуркинымъ, и однажды она встрѣтила его по дорогѣ между усадьбами. Онъ молча и почтительно поклонился ей, а она вдругъ прошла на берегъ и стала глядѣть на воды, вся обезпокоившись. Онъ понялъ, что она хочетъ съ нимъ говорить, и остановился въ той же позѣ въ двухъ саженяхъ отъ нея. Они оба производили впечатлѣніе людей, любующихся рѣкою.

— Послушайте!—заговорила Лидія Алексѣевна послѣ долгаго молчанія, не оборачиваясь къ Жмуркину:—вамъ меня слышно?

— Слышно-съ.

— Послушайте: не думайте, что я хитрю и лукавлю съ вами. Вы видите, какъ все это неожиданно вышло для меня?— Она говорила съ мольбою въ голосѣ, точно заискивая передъ этимъ человѣкомъ.

— Вижу-съ,—отвѣчалъ тотъ.

— Вы вѣрите, что я въ вашей власти и мнѣ не уйти никогда, никуда?

— Вѣрю-съ.

Они переговаривались все такъ же, не глядя другъ на друга, оба блѣдные.

— Такъ вотъ, все будетъ такъ, какъ я сказала,—говорила Лидія Алексѣевна, не отрывая глазъ отъ сверкающей поверхности Студеной, и было видно, какъ вздрагивала ея рука, придерживавшая сбоку юбку.

— Все будетъ такъ,—говорила она,—и вы вѣрьте этому и не губите насъ. Какъ только онъ куда-нибудь уѣдетъ, Максимъ Сергѣичъ,—пояснила она чуть слышно, и замолчала, точно будучи не въ силахъ вытянуть изъ себя болѣе ни единаго звука.

Онъ словно понялъ это и сказалъ:

— Хорошо-съ. Будемъ-съ ждать! Вы меня ненавидите?—вдругъ спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчала она.

— Что же дѣлать-съ!—прошепталъ онъ.—Благодаримъ-съ и на этомъ!

Его лицо выразило на минуту мученіе, точно оттуда внезапно выглянулъ кто-то другой. А потомъ это лицо снова застыло въ выраженіи холодной рѣшительности.

— Что же дѣлать-съ, что же дѣлать-съ!—шепталъ онъ холодно.—И все таки вамъ не уйти.

— Стыдно вамъ!—проговорила она, и пошла, но уже не въ усадьбу Загорѣловыхъ, куда она было-направлялась, а обратно домой.

Ей было бы тяжко увидѣть сейчасъ Максима Сергѣича. А вскорѣ и совершенно неожиданно ее осѣнила новая идея, точно указавшая ей путь спасенія. Передъ ней словно раскрыли дверь. Она сразу оживилась, воспрянула духомъ, повеселѣла, какъ ребенокъ, выпущенный на свѣтъ изъ темной комнаты, населенной всяческими ужасами.

— Неужели же я спасусь? — думала она въ безпечной радости. — Неужели же? неужели же? Господи, за что ты такъ милостивъ ко мнѣ, недостойной!

Въ первое же свое свиданіе съ Загорѣловымъ она спросила его:

— Максимъ, ты меня любишь?

— Люблю,—отвѣчалъ тотъ,—развѣ же ты можешь сомнѣ-

ваться въ этомъ? Конечно, люблю. Люблю, люблю! — повторялъ онъ весело.

— Я хочу попросить у тебя нѣкоторой жертвы, — снова заговорила Лидія Алексѣевна. — Способенъ ты ради меня на жертву?—Она придвинулась къ нему, ласково перебирая крутые завитки его рыжихъ волосъ. — Способенъ ты ради меня на жертву?—повторяла она съ выраженіемъ ласки во всей фигурѣ.

— На жертву? — переспросилъ тотъ, на минуту задумываясь. — Тебѣ нужны деньги?—спросилъ онъ ее вдругъ.—Если такъ, я могу дать тебѣ хоть сейчасъ три тысячи. Или двѣ,—добавилъ онъ тотчасъ же. Онъ весело разсмѣялся, счастливый сознаніемъ, что онъ можетъ выдать такой кушъ, не моргнувъ бровью.

— Не денегъ я прошу у тебя, а жертвы,—сказала Лидія Алексѣевна, чувствуя сердцемъ бѣду; ей казалось, что раскрывшуюся-было передъ ней дверь снова начали тихонько затворять.

— Жертвы?—повторилъ Загорѣловъ, задумываясь. Онъ какъ будто плохо разбирался въ этомъ словѣ.

— На безразсудство я не способенъ, — наконецъ сказалъ онъ, — а на жертву—не знаю.—Онъ пожалъ плечами. — Вотъ если ты потребуешь отъ меня,—пояснилъ онъ,—чтобы я остался босъ и нагъ и переселился бы съ тобою въ аркадскій шалашъ, —на это я не способенъ.

— Нѣтъ, ты можешь оставаться богатымъ,—сказала она,— но сдѣлай для меня вотъ что: продай все имущество и бѣжимъ съ тобою. Я люблю тебя, и мнѣ надоѣло сидѣть по уши въ обманѣ. Убѣжимъ съ тобою!—повторяла она, заглядывая въ его глаза съ выраженіемъ мольбы.

— Куда?

— За границу, въ Америку, куда-нибудь!—Она вся прижалась къ нему съ внезапной надеждой въ сердцѣ.

Грустно-озабоченное выраженіе его лица точно оживило ее. Между тѣмъ онъ долго сидѣлъ въ задумчивости и молчалъ. Въ немъ какъ бы шла нѣкоторая ломка. Она застыла рядомъ съ нимъ въ безпокойномъ ожиданіи, придерживая его руку въ своихъ, точно желая передать ему всю свою рѣшительность.

— Нѣтъ, я этого не могу сдѣлать,—наконецъ проговорилъ онъ, какъ бы очнувшись. — Ты знаешь, я не могу жить безъ дѣла, а что я буду дѣлать тамъ, въ этой Америкѣ? Я боюсь очутиться тамъ въ положеніи клюквы, пересаженной на экваторъ. И потомъ, чего ты боишься?

Онъ заговорилъ все на ту же тему, пытаясь убѣдить ее,

что бояться имъ нечего, что никакая нелѣпая неожиданность не можетъ обрушиться на ихъ головы, разъ они умны и осторожны.

Она не могла переломить и одолѣть его, и по дорогѣ домой она печально думала о немъ: „самоувѣренъ, какъ мальчикъ“.

Въ саду она увидѣла Анѳису Аркадьевну и подошла къ ней. Та со вниманіемъ читала книгу, шевеля мясистыми губами.

— Ты что же это, голуба, говорила мнѣ, что этого самаго Лафре убили?—сказала она.—А онъ здоровёхонекъ! Вотъ видишь, — она повела пальцемъ по страницѣ, — вотъ видишь! „Ха-ха-ха, засмѣялся капитанъ Лафре“...—прочла она по слогамъ.

— Лафреньеръ, — договорила за нее Лидія Алексѣевна, и замкнутымъ голосомъ она добавила:—Его убиваютъ въ пятнадцатой главѣ, а это четырнадцатая.

— Ахъ, и то правда!—спохватилась Анѳиса Аркадьевна.—А я грѣшнымъ дѣломъ перепутала. Я вѣдь рымскую-то цифирь только до двѣнадцати знаю!

Она замолчала. Лидія Алексѣевна внезапно положила ей на плечи обѣ руки.

— Сестрица,—сказала она жалобно,—вы спрашивали меня, есть ли и у меня Лафре. И знаете что̀? Скоро у меня ихъ два будетъ!

Она припала къ ней.

— Ну, будетъ, будетъ, голуба!—зашептала Анѳиса Аркадьевна, прижимая ее къ себѣ.—И если я тебя этимъ самымъ поганымъ Лафре обидѣла, прости ты меня, глупую! Ну, будетъ, будетъ, будетъ!

XXI.

Прошла недѣля. Былъ вечеръ, и потускнѣвшая поверхность Студеной дымилась паромъ. Жмуркинъ безпокойно слонялся по берегу, тревожно прислушиваясь къ мучительному чувству, пронизывавшему его сердце острою болью. Это чувство точно предостерегало его въ чемъ-то, и, озираясь по своему обыкновенію на свой планъ, онъ съ недоумѣніемъ думалъ:

„Чего же я безпокоюсь-то? Въ планѣ вѣдь все аккуратно. Все, какъ есть! Чего же это я“?

Онъ былъ увѣренъ, что въ этомъ отношеніи все обстоитъ вполнѣ благополучно, но это сознаніе нисколько не утѣшало его теперь, а лишь повергало въ недоумѣніе еще большее, и онъ говорилъ себѣ:

„А если все обстоитъ благополучно, такъ чего же я вол-

нуюсь? Стало быть, не все благополучно, а только я не вижу бреши"!

„Развѣ же этого не можетъ быть?"—спрашивалъ онъ себя и уже вслухъ, разводя руками, блѣдный и взволнованный.

Онъ въ унынiи хватался за виски и снова принимался напряженно думать все о томъ же, провѣряя каждый малѣйшiй штрихъ своего плана. Онъ уже не думалъ ни объ обладанiи тою лукавой женщиной, ни о дѣлѣ своего мщенiя, какъ онъ любилъ называть свои намѣренiя, а только о своемъ планѣ, только о немъ одномъ, точно онъ заслонилъ передъ нимъ весь мiръ, всѣхъ и все, точно онъ придавилъ его собою какъ каменная груда. И внезапно ему стало ясно въ то же время, что онъ уже давно думаетъ только о немъ одномъ, объ этомъ планѣ, о мечтѣ, точно для него было гораздо важнѣе доказать себѣ свою берложью правоспособность, чѣмъ осуществить свои намѣренiя на дѣлѣ.

На минуту ему стало страшно отъ этого сознанiя.

„Что же это я все объ одномъ и томъ же?"—подумалъ онъ съ тоскою. Онъ присѣлъ на берегъ и, поглядывая на туманившуюся поверхность рѣки, рѣшился ни о чемъ не думать болѣе. Однако планъ вставалъ передъ нимъ снова, какъ призракъ, отъ котораго нельзя было откреститься никакою молитвой, и, забывая свое рѣшенiе, онъ думалъ снова:

„Что же въ немъ неладно, если такъ?"—Онъ шевельнулся, разводя руками и снова уходя съ головою въ свои думы, нахлынувшiя на него какъ наводненiе.

„Постойте, постойте!" — думалъ онъ, словно обращаясь къ кому-то, кто мѣшалъ ему разобраться съ должнымъ вниманiемъ въ этомъ потокѣ думъ. И онъ снова принимался за свои выкладки, шевеля губами.

„Она никому не можетъ сказать", — думалъ онъ о Лидiи Алексѣевнѣ, занятый безконечной провѣркой своего плана.—„Никому не можетъ, такъ какъ если она выдастъ нашу тайну Максиму Сергѣичу, я, лишь только узнаю объ этомъ, сейчасъ же иду съ докладомъ къ Елисею Аркадьевичу. Слѣдовательно, ей нѣтъ никакой выгоды обличить меня передъ Максимомъ Сергѣичемъ".

„Такъ-съ!"—проговорилъ онъ вслухъ, взвѣсивъ всѣ эти соображенiя.—„Это-съ совершенно вѣрно,—проговорилъ онъ снова, —такъ-съ"!

„Теперь-съ,—снова погрузился онъ въ свои размышленiя,— ей нѣтъ никакого разсчета сказать о моихъ притязанiяхъ и Елисею Аркадьевичу, такъ какъ этимъ она опять-таки повредитъ тому же Максиму Сергѣевичу".

„Такъ-съ, — снова проговорилъ онъ вслухъ, — и это-съ совершенно справедливо“!

Онъ хотѣлъ-было приподняться съ берега и даже сдѣлалъ уже первое движеніе къ этому, какъ вдругъ снова тяжело опустился, почти упалъ на берегъ, съ открытымъ ртомъ и выпученными глазами. Его сознаніе словно прорѣзала молнія, и внезапно онъ увидѣлъ въ своемъ планѣ брешь во всю стѣну. Всѣ его разсчеты, которыми онъ любовался съ такимъ самодовольствомъ, какъ дуракъ, не стоили и полушки. Открытіе это было для него такъ неожиданно и такъ шло въ разрѣзъ съ прежними его мечтаніями, что онъ не сразу повѣрилъ ему, и долго онъ сидѣлъ на берегу съ криво раскрытымъ ртомъ и вытаращенными глазами, съ дикимъ желаніемъ кричать:

„Этого не можетъ быть, не можетъ быть! Лжете вы всѣ“!

Но, еще разъ внимательно провѣривъ свое неожиданное открытіе, онъ прошепталъ:

„Это-съ совершенно справедливо! Да-съ!“ — Планъ его не стоилъ ничего. Это было совершенно справедливо. Какъ только онъ не сообразилъ этого раньше! Слѣдуя съ точностью предначертаніямъ этого плана, онъ не пріобрѣлъ рѣшительно ничего и только самого себя заперъ въ ужаснѣйшую ловушку.

„Самого себя заперъ! Самого себя! — повторялъ онъ потерянно.—Въ ловушку“!

Онъ понуро задумался.

Существенный недостатокъ его плана заключался вотъ въ чемъ. Принявъ за его основаніе заповѣди и ухватки берлоги, онъ ожидалъ отъ противниковъ противодѣйствій, такъ сказать, въ человѣческомъ духѣ; и на этомъ-то строилъ всѣ свои разсчеты. Такимъ образомъ его планъ дѣйствительно могъ бы оказаться достаточно неуязвимымъ, если бы его исполненіе должно было протекать, такъ сказать, въ человѣческомъ обществѣ. Но идти войною съ такими соображеніями въ рукахъ было бы черезчуръ наивно. На берложье нападеніе нужно ожидать и берложьихъ же противодѣйствій, а при такихъ условіяхъ его планъ не годился никуда. И теперь вотъ какимъ образомъ могутъ отвѣтить на его нападеніе Лидія Алексѣевна и Загорѣловъ. Лидія Алексѣевна скажетъ о его, Жмуркина, притязаніяхъ Максиму Сергѣичу, и вѣроятно она уже сказала ему о нихъ, экстренно вызвавъ его для этого сюда, — почему тотъ и пріѣхалъ совершенно неожиданно, 14-го, въ день, назначенный для ея рѣшительнаго отвѣта. Весьма вѣроятно, что это такъ и произошло. Даже навѣрное такъ! А освѣдомленный обо всемъ Загорѣловъ, конечно,

не будетъ поднимать шума, приметъ самый невинный видъ и постарается раздѣлаться съ нимъ, Жмуркинымъ, совершенно точно такъ же, какъ раздѣлывается волкъ съ собакой, напавшей на его логовище. И конечно же Загорѣловъ будетъ дружески кивать Жмуркину, не подавая ни малѣйшаго подозрѣнія на то, что онъ уже освѣдомленъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не сотретъ его съ лица земли, какъ гнуснаго червяка. А развѣ мало способовъ пригодныхъ для этого?

— Съ зайцами можно обращаться по-заячьи, но съ волками непремѣнно по-волчьи! — припомнилось Жмуркину любимое изреченіе Загорѣлова, и онъ понялъ, что тотъ причислитъ теперь его къ волкамъ, и не поцеремонится въ средствахъ.

„Заперъ самого себя въ ловушку!“ — подумалъ онъ и снова съ головой погрузился въ свои размышленія.

Теперь его положеніе было безвыходно — онъ это сознавалъ хорошо. Если сейчасъ онъ даже и скажетъ Быстрякову объ отношеніяхъ Загорѣлова къ Лидіи Алексѣевнѣ, такъ все-таки это нисколько не поправитъ дѣла. Нисколько: Загорѣловъ уже предупрежденъ Лидіей Алексѣевной, и онъ съумѣетъ, конечно, оградить себя отъ Быстрякова. На то онъ и Загорѣловъ! Развѣ у него мало денегъ? Онъ можетъ нанять себѣ хоть цѣлую сотню тѣлохранителей, которые будутъ сопровождать его всюду. А съ нимъ, Жмуркинымъ, Загорѣловъ-то все таки раздѣлается. По-свойски!

„Сотретъ какъ червяка!“ — подумалъ Жмуркинъ; онъ шевельнулся, весь отдаваясь своимъ думамъ, снова завертѣвшимъ его въ своемъ водоворотѣ.

Было уже поздно; Студеная сердито ворчала; косматый слой тумана покрывалъ всю ея поверхность, словно она обросла сѣдою плѣсенью. Серпъ луны бѣжалъ на встрѣчу къ тучамъ, точно преслѣдуемый кѣмъ-то. Деревья безпокойно шумѣли, кивая вершинами. А Жмуркинъ все сидѣлъ и думалъ, неподвижно уставившись въ одну точку, жалкій и одинокій, какъ выгнанная со двора собака. Нѣсколько дней подъ рядъ онъ бродилъ все съ тѣми же муками, а затѣмъ ему пришло въ голову, что Загорѣловъ все-таки долженъ отчасти бояться Быстрякова, такъ какъ если тотъ узнаетъ его тайну, — ему уже не видѣть больше Лидіи Алексѣевны, какъ своихъ ушей. А слѣдовательно и у него, Жмуркина, есть еще все-же нѣкоторыя средства хоть сколько-нибудь оградить свою жизнь. Нужно только дать понять кое о чемъ Загорѣлову. И Жмуркинъ рѣшился.

Однажды послѣ своей работы въ кабинетѣ Загорѣлова, уло-

живъ уже въ папку отчеты и счета, онъ съ многозначительной улыбкой сказалъ ему:

— А я, Максимъ Сергѣичъ, можетъ быть, это вамъ извѣстно-съ, имѣлъ обыкновеніе дневничекъ вести!

— Дневникъ?—переспросилъ его Загорѣловъ, поднимая на него самоувѣренные и ясные глаза.—Это интересно.

— Дневничекъ,—заговорилъ снова Жмуркинъ, весь шевельнувшись съ лукавымъ видомъ,—гдѣ всѣ исключительныя событія записывалъ, какъ своей собственной жизни, такъ и другихъ прочихъ. Весьма любопытныя событія-съ,—повторилъ онъ, подчеркивая каждое слово.

— Это очень хорошо, — снова одобрилъ его Загорѣловъ, спокойно раскуривая сигару.—Упражняйся, братецъ, въ стилѣ, это полезно.

— Тамъ кромѣ стиля весьма много интереснаго есть, Максимъ Сергѣичъ,—усмѣхнулся Жмуркинъ.—Весьма много-съ! Въ родѣ любовныхъ похожденій... Весьма интересно-съ.—Онъ снова усмѣхнулся, нагнувшись къ Загорѣлову. Загорѣловъ курилъ сигару и маленькимъ ножичкомъ - брелокомъ чистилъ ногти. Видимо, онъ плохо слушалъ Жмуркина.

— И этотъ самый дневничекъ-съ,—между тѣмъ говорилъ тотъ, опираясь о папку руками и весь слегка перегибаясь къ Загорѣлову, — и этотъ самый дневничекъ я въ надежныя руки передалъ. То-есть, чтобы на случай моей внезапной смерти его передали-съ одному извѣстному вамъ лицу. И это ужъ будьте благонадежны; это такъ ужъ и будетъ! Въ случаѣ, то-есть, моей безвременной кончины. Въ этомъ даже и сомнѣваться-съ нельзя! Будетъ исполнено въ точности-съ!

— Твое духовное завѣщаніе, что-ли?... Да, вотъ что!—вдругъ точно спохватился Загорѣловъ:—ты свой послѣдній отчетъ поправь, да повнимательнѣй. У тебя тамъ въ одномъ мѣстѣ вмѣсто „мука ржаная“ написано: „муха берложья“! Слышишь? пожалуйста поправь! „Муха берложья!“—повторилъ Загорѣловъ и расхохотался.

А Жмуркинъ долго глядѣлъ на него во всѣ глаза, и затѣмъ тихо пошелъ вонъ изъ кабинета.

„Муха берложья“,—думалъ онъ по дорогѣ: — „что же это такое? Отвѣтъ ли это его, то-есть, на мою закорючку, или же просто сцѣпленіе обстоятельствъ“?...

Ал. Н. Будищевъ.

СЕЛЬСКІЯ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

ВО

ФРАНЦІИ

Изъ поѣздки въ провинцію.

Окончаніе.

V *).

Дòма, на водахъ, меня дожидалось письмо отъ m-lle Бельваль, въ которомъ она извѣщала, что черезъ два дня будутъ у нихъ экзамены на полученіе „certificat d'études" (свидѣтельство о грамотности). Кантональный инспекторъ разрѣшилъ ей пригласить меня.

Мнѣ, конечно, было очень интересно побывать на экзаменахъ, и я отправилась въ В. въ назначенный день и часъ.

Въ верстахъ семи отъ нашихъ водъ, по той сторонѣ рѣки, въ благоустроенномъ селеніи должны были состояться эти выпускные экзамены старшихъ учениковъ и ученицъ изъ окружныхъ сельскихъ школъ. Это селеніе и всѣ сосѣднія деревни живутъ только водами: овощи, живность, яйца, ягоды, молочные продукты, молодежь—и женская, и мужская—все это отправляется нà-воды. Селенія богатыя. Крестьянки—большія франтихи; напр., судомойка, вернувшись въ деревню, носитъ шляпку; она уже

*) См. выше: іюль, 263 стр.

находитъ для себя „низкимъ“ носить чепчикъ. Только пожилыя крестьянки да старухи придерживаются мѣстныхъ чепчиковъ; но и жадны же онѣ на заработокъ, и молодыя, и старыя! Женщины, послѣ пятимѣсячной работы на водахъ, возвращаются въ деревню съ экономіей до тысячи франковъ; а мужчины приносятъ домой еще больше.

Школъ въ селеніи двѣ: одна для дѣвочекъ, другая для мальчиковъ. Школы не блистаютъ внѣшностью. Классы—низковатыя, закоптѣлыя комнаты. Въ день экзаменовъ, на улицѣ, передъ школой, столпилось довольно порядочное количество сельскихъ учениковъ. Одѣты они по праздничному: въ пиджакахъ, котелкахъ, въ яркихъ галстукахъ; ни одного не видно въ черномъ фартукѣ и въ беретѣ, какъ они ходятъ въ будни. Въ большинствѣ дѣти—сухопарыя, малорослыя; а имъ должно быть не менѣе тринадцати лѣтъ. И у всѣхъ вытянутыя, озабоченныя лица. Экзамены повсюду вызываютъ одинаковое душевное состояніе...

M-lle Бельваль еще не было на школьномъ дворѣ, когда я пріѣхала.

Стали собираться, пѣшкомъ и въ таратайкахъ, сельскія ученицы съ родителями. Дѣвочки расчесаны, завиты, въ розовыхъ, голубыхъ или красныхъ бантахъ. Разодѣтыя по праздничному, онѣ смотрѣли городскими, зажиточными подростками. У нихъ тоже лица возбужденныя, озабоченныя.

Пришли и пріѣхали сельскія учительницы, принаряженныя, хотя и въ платьяхъ „couleurs discrètes“, по выраженію m-lle Бельваль, которая явилась въ черномъ шолковомъ платьѣ, въ газовой пелеринѣ и въ шляпкѣ съ перьями—красивая и внушительная. Она пріѣхала одна, зрительницей; у нея не было на этихъ экзаменахъ выпускныхъ ученицъ.

Учительницъ набралось до двадцати. Трудно судить о преобладающемъ типѣ по такому небольшому количеству. Были здоровыя, коренастыя женщины народнаго облика и нервныя лица городскихъ педагогичекъ. Одна изъ нихъ попалась съ очень тонкой физіономіей парижанки. Разговоровъ никакихъ не велось. Онѣ пріѣхали для своихъ ученицъ и волновались не менѣе ихъ. Пришли и учителя. Эти болѣе подходили къ среднему типу молодыхъ „техниковъ“. Учителей набралось тоже человѣкъ съ двадцать. И ни одного стараго между ними! Всѣ учителя и учительницы торопились, собирали своихъ питомцевъ, устанавливали ихъ по школамъ. Явился и кантональный инспекторъ („l'homme aimable et de valeur“—по выраженію m-lle Бельваль), маленькій, кругленькій, сѣдой и съ дѣланно-строгой миной, которую такъ забавно

напускаютъ на себя нѣкоторые французы въ торжественныхъ случаяхъ.

— Инспекторъ! инспекторъ! — пронеслось почтительнымъ шелестомъ.

M-lle Бельваль представила меня. Я поблагодарила за разрѣшеніе присутствовать на экзаменахъ. Инспекторъ галантно раскланялся.

— Ah, madame! Вы — русская. Друзья Франціи всегда будутъ желанными гостями среди насъ.

Любезность инспектора обратила на меня сотню глазъ, и большихъ, и маленькихъ.

— Eh bien, si vous voulez, commençons, начнемъ, господа! Только я желалъ бы до экзаменовъ сказать нѣсколько словъ молодежи.

— Oh, monsieur l'inspecteur cantonal!.. — пронеслось опять: — вы неизмѣнно добры и внимательны!..

Теперь дворъ школы сплошь былъ занятъ учениками и педагогами.

Инспекторъ взошелъ на крыльцо и оттуда обратился къ собравшимся съ рѣчью. Въ этой рѣчи говорилось все то, что̀ говорится въ подобныхъ случаяхъ во Франціи: любовь къ отечеству, преданность государству; оно печется объ образованіи своихъ дѣтей. Надо трудиться и всегда помнить имена Гизо̀, Дюрюи и Жюля Ферри. Они, въ разныя эпохи, создали даровую школу, даровое образованіе. Даровое образованіе даруетъ равенство и свободу, ибо школа открываетъ одинаково двери въ жизнь и аристократу, и простолюдину. „Учитесь же, культивируйте вашъ умъ, способности, и по выходѣ изъ нашей скромной школы, которая есть только первая ступень къ высшему образованію"...

Ребята слушали, разинувъ рты, тяжело дышали и не сводили глазъ съ инспектора. Онъ говорилъ звучно, убѣжденно, кругло̀.

Учителя и учительницы тревожными взглядами обѣгали свои группы.

За рѣшеткой, на улицѣ, пестрѣла толпа родителей, которые тоже всѣ притихли и старались прислушаться къ рѣчи инспектора.

Послѣ рѣчи начались экзамены внутри школы, за отдѣльными столиками. Учителя, учительницы — экзаменовали постороннихъ учениковъ.

Предложили-было и мнѣ принять участіе. Когда-то я сама переносила эту пытку — экзамены. Здѣсь я отказалась наотрѣзъ

отъ роли экзаменаторши; но мнѣ очень хотѣлось послушать, и я, подъ предлогомъ усталости, присѣла къ одному изъ столиковъ, гдѣ экзаменовала та учительница, которая такъ выдѣлялась своей тонкой физіономіей. Экзаменъ велся тихо, въ полголоса, очень медленно, точно исповѣдь. Экзаменующаяся сидѣла трепетная, испуганная—дѣвочка съ лицомъ мучительно-напряженнымъ.

Я потихоньку пересѣла къ другому столу. Тутъ дѣло шло объ Іоаннѣ д'Аркъ. Отвѣчала дѣвочка лѣтъ четырнадцати, бойкая; на видъ—умненькая. Экзаменаторъ—глазами—пригласилъ меня сѣсть поближе. Не знаю, замѣтила ли дѣвочка мое присутствіе позади своей спины, только на вопросъ: что такое *башня,* она вдругъ стала въ тупикъ, наклонила голову... плечи и спина ея задрожали... она расплакалась. Я потихоньку, потихоньку—вонъ изъ школы на дворъ.

Здѣсь я застала m-lle Бельваль въ разговорахъ съ родителями дѣтей.

— Развѣ вы собираетесь домой? Подождите. Примите участіе въ экзаменахъ. Нашъ инспекторъ—человѣкъ широкихъ взглядовъ, не рутинёръ; какъ онъ васъ принялъ! Не хотите усиливать пытку дѣтей? Ah, ça, par exemple, c'est du bon coeur,—и, обращаясь къ родителямъ, m-lle Бельваль сказала:—Vous voyez, tous les Russes ont un bon coeur, да, всѣ русскіе жалостливы!

Ни сочувственныхъ восклицаній присутствующихъ, ни разспросовъ, ни какихъ-либо „vive la Russie", ни оглядываній меня—не послѣдовало. Всѣ эти мѣстные жители слишкомъ привыкли къ иностранцамъ. Они постоянно видятъ на-водахъ разныя національности. Для мѣстныхъ крестьянъ даже парижане слились въ общемъ названіи „иностранцы".

— Подождите еще немножко,—обратилась опять ко мнѣ m-lle Бельваль,—будетъ раздача письменныхъ испытаній. Самъ инспекторъ дaетъ темы. Мы сейчасъ это узнаемъ.

Подошли двѣ учительницы, старшая и младшая, хозяйки школъ, гдѣ происходили испытанія. Обѣ полныя, румяныя блондинки въ черныхъ, красиво сшитыхъ платьяхъ. У одной на рукахъ сидѣлъ здоровенькій, рыженькій ребенокъ, лѣтъ около двухъ, весь въ бѣломъ.

Всѣ присутствующія женщины кинулись къ нему.

— Ah, qu'il est beau! Ah, qu'il est gracieux! Va, petit ange du Seigneur! Ah, pauvre chéri, est-il dodu!..

И началось цѣлованіе ручекъ, ножекъ. Мать сіяла счастіемъ. Ребенокъ переносилъ довольно терпѣливо ласки чужихъ. Нигдѣ,

какъ во Франціи, не проявляется такъ ярко жажда любви къ дѣтямъ, восхищеніе дѣтьми.

— Вы вѣроятно устали?—обратились ко мнѣ обѣ учительницы.—Позвольте предложить вамъ рюмку мадеры съ бисквитомъ. Наши квартиры здѣсь, около школы.

— Кстати вы увидите у этихъ дамъ,—прибавила m-lle Бельваль,—какъ могутъ жить во Франціи нѣкоторыя сельскія учительницы, если онѣ достойныя женщины,—des femmes de mérite.

— Ah, mademoiselle! Vous êtes trop indulgente! — любезно возразили хозяйки.—Темы для письменныхъ испытаній еще не розданы инспекторомъ. Ихъ принесутъ къ намъ, наверхъ. Милости просимъ!

Напротивъ школы, въ двухъ-этажномъ домѣ, помѣщались педагоги съ семьями. Въ первомъ этажѣ жилъ старшій учитель для мальчиковъ, съ женой, младшей учительницей въ школѣ дѣвочекъ. Во второмъ этажѣ жила старшая учительница съ мужемъ, младшимъ учителемъ у мальчиковъ. Въ обѣихъ школахъ число учениковъ колебалось отъ 45 до 60,—поэтому было по двое преподавателей.

— У насъ и общее хозяйство, — замѣтила одна изъ дамъ-педагогичекъ; — такъ намъ обходится дешевле — и обработка огорода.

— У васъ, вѣроятно, ихъ два?

— Намъ достаточно одного; отъ другого мы отказались.

Если нервная, тревожная, угнетенная разлукой съ мужемъ г-жа Гурми могла жить порядочно, если m-lle Бельваль, вполнѣ довольная своей судьбой, жила хорошо, то ужъ эти обѣ дамы, дѣйствительно, блаженствовали и жили—для сельскихъ учительницъ—великолѣпно! Да онѣ и своимъ дороднымъ, здоровымъ видомъ, своимъ спокойнымъ тономъ показывали, что и душевно живется имъ такъ же привольно, какъ и физически.

Каждая чета получала въ общемъ по двѣсти франковъ въ мѣсяцъ; занималась отъ девяти до четырехъ часовъ, кромѣ праздниковъ и маленькихъ вакацій; имѣла два, полныхъ, лѣтнихъ мѣсяца отдыха и жила въ квартирѣ изъ шести комнатъ (съ отопленіемъ). Обстановка обѣихъ квартиръ—зажиточно буржуазная: и серебряная мелкая посуда подъ стекломъ, и зеркальная шифоньерка, и постель подъ балдахиномъ, и погребъ съ виномъ. Одно: комнаты размѣромъ малы, отъ дороговизны земли. Дѣтская рыженькаго бутузика—безупречной чистоты.

Хозяйки водили меня по квартирѣ съ увѣренностью. Я заглянула въ кухню. Здѣсь готовила служанка, „bonne pour tout

faire" —сама видомъ и по обстановкѣ—хоть сейчасъ на выставку домоводства!

Рыженькому бутузику надоѣло ходить по комнатамъ. Онъ сталъ куксить и тереть кулачонками глаза.

Я собралась прощаться. Дамы удерживали.

— Oh, нѣтъ, не спѣшите. Нашъ маленькій херувимъ усталъ, хочетъ до-до. Pauvre petit chérubin! Мы сейчасъ уложимъ его.

Служанка привезла колясочку. Съ ребенка сняли платье, уложили его. Мать, тихонько двигая коляску взадъ и впередъ, продолжала бесѣду на мой вопросъ:

— Отчего у васъ обѣ квартиры содержатся какъ лучше и желать нельзя, а школа нуждается сильно въ ремонтѣ? Отчего!? Вы—хозяйки и тутъ, и тамъ.

— C'est juste,—отвѣчали дамы.—Квартиры мы наполовину сами устроили. Наши жалованья, наши солидныя положенія открываютъ намъ кредитъ. Всѣ значительныя покупки мы уплачиваемъ помѣсячно, мелкими суммами; это позволяетъ намъ дѣлать большія затраты на личный комфортъ. А школа—дѣло общины. Школа давно поставлена. Зданіе прочное, сухое. Только надо бы побѣлить внутри классныя комнаты.

— Да вѣдь въ правилахъ стоитъ ежегодное бѣленіе?

Дамы тонко улыбнулись.

— На бумагѣ... Кажется, нынѣшнимъ лѣтомъ займутся ремонтомъ. Вѣдь здѣшнія дѣти не избалованы домашней гигіеной, несмотря на крупныя состоянія родителей.

— Знаю. Нѣсколько лѣтъ назадъ, меня интересовалъ бытъ французскихъ крестьянъ. Много я не могла разъѣзжать, какъ и теперь; но я объѣздила сосѣдній департаментъ. И какую же я видѣла пыль, грязь въ домахъ семей, гдѣ имѣлись стотысячные капиталы!

— Vous voyez!—подтвердили дамы.

Программы преподаванія въ обѣихъ школахъ были тождественны со школой m-lle Бельваль; но отношенія къ ученикамъ, сношенія съ ихъ родителями, съ окрестными крестьянами, были чисто оффиціальныя, т.-е. не было никакихъ, помимо школьныхъ. Матеріальное довольство крестьянъ, ихъ грамотность ставили мужиковъ въ возможность совершенно игнорировать учительницъ, какъ личностей. Школа, сама по себѣ, такъ въѣхала въ сельскую жизнь, такъ слилась съ ежедневнымъ обиходомъ деревни, что она уже не поднимаетъ никакихъ вопросовъ, надеждъ, разсчетовъ или споровъ...

Мнѣ все-таки любопытно было узнать умственное развитіе

обѣихъ хозяекъ. Бесѣда продолжала идти безъ задержекъ и умалчиваній. Онѣ одинаково были довольны и жизнью, и собой. Читали обѣ семьи только парижскій „Petit Journal". Мѣстныхъ газетъ и въ руки не брали.

— Невольно будешь вдаваться въ крайнія политическія партіи,—замѣтили онѣ.—Намъ это не слѣдуетъ. Мы—государственные чиновники.

По части беллетристики онѣ мнѣ возразили:

— Oh! Современная литература такъ безнравственна или такъ тревожна, что молодой женщинѣ, матери, супругѣ—не подобаетъ интересоваться ею.

Въ эту минуту постучались въ дверь. Вбѣжала дѣвочка, очень нарядная и все еще сильно озабоченная. Она пришла сказать, что письменныя темы инспектора уже розданы, и m-lle Бельваль сейчасъ принесетъ ихъ.

Хозяйки предложили дѣвочкѣ бисквитовъ, которые стояли тутъ, на столѣ, съ мадерой.

Дѣвочка сдѣлала книксенъ и убѣжала, не прикоснувшись къ бисквитамъ. Это меня удивило. Дамы улыбнулись и прибавили:

— Родители—булочники. У нихъ и покупали эти бисквиты; напротивъ, Armand Quatresous,—назвали онѣ.

Я засмѣялась при этой фамиліи; но тутъ вспомнила вслухъ фамилію знаменитаго французскаго антрополога Quatrefage, котораго я видѣла и слышала въ Москвѣ, на антропологическомъ съѣздѣ въ 1880 году.

Учительницы не слыхали, кто такой былъ Quatrefage; но онѣ замѣтили мнѣ внушительно:

— Намъ некогда заниматься книжками, которыя не касаются прямо нашей скромной профессіи. Разъ въ годъ бываютъ съѣзды сельскихъ педагоговъ. Намъ приходится многое прочитывать, подготовляться къ этимъ съѣздамъ.

Надо еще и то прибавить, въ оправданіе моихъ собесѣдницъ, что французскій здравый смыслъ, практичность и общая культурность скрываютъ недочеты умственнаго развитія.

M-lle Бельваль принесла письменныя задачи инспектора по ариѳметикѣ и сочиненію. Ариѳметическія задачи для четырнадцатилѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей — очень трудныя; а по сочиненію—еще труднѣе: *Что такое дружба и какъ она можетъ перейти въ ненависть?*

— Такая тема въ пору гимназисткѣ, а не простой, деревенской школьницѣ,—сказала я.

— Вотъ инспекторъ всегда даетъ такія головоломныя темы,—

замѣтили дамы.—Дѣти должны написать на нихъ сочиненіе au courant de la plume, здѣсь, безъ посторонней помощи. И задачу рѣшить такъ же.

— Я думаю, они ревутъ всѣ, тамъ, внизу?

— Не очень. Эти экзамены не составляютъ для нихъ жизненнаго вопроса. Изъ всѣхъ сегодняшнихъ учениковъ и ученицъ врядъ ли кто будетъ продолжать свое образованіе. Они отправятся въ прислуги или дома останутся для сельскихъ работъ.

— Какая же прислуга въ четырнадцать лѣтъ?

— Chasseur'ы-мальчики на побѣгушкахъ въ гостинницахъ, въ клубахъ. Дѣвочки поступятъ на побѣгушки въ магазины модистокъ или въ няньки въ скромныя семьи. Здѣсь взрослая прислуга очень дорога.

— А родители развѣ не будутъ бранить, что плохо сдали экзамены?

— Слегка... pas trop. Родители скорѣе балуютъ дѣтей, здѣсь.

— Такъ зачѣмъ же дѣти уходятъ въ chasseur'ы, въ дѣвчонки?

— Это уже дѣло самолюбія, желаніе имѣть личный заработокъ. Родители кичатся этимъ и сами поощряютъ дѣтей.

Пора было благодарить дамъ за ихъ любезное ко мнѣ отношеніе и отправляться домой.

VI.

Много прошло съ того времени мѣсяцевъ. Я очутилась на Ривьерѣ, на роскошныхъ берегахъ Средиземнаго моря. Здѣсь мнѣ также представился случай познакомиться съ сельской учительницей, m-lle Реньо.

Протекцію оказалъ мнѣ аптекарь изъ городка, гдѣ жила эта учительница съ своей сестрой-подросткомъ. При сельской школѣ не было помѣщенія; учительницѣ выдавались квартирныя деньги. Она поселилась въ ближайшемъ отъ школы городкѣ, четверть часа ѣзды по желѣзной дорогѣ.

Мы предварительно списались. Простота, готовность, съ какой m-lle Реньо отнеслась къ моему посѣщенію, заранѣе расположили меня къ ней.

Въ четвергъ—свободный день отъ классовъ—я отправилась на квартиру къ учительницѣ.

Поѣздъ подвезъ меня къ самому берегу моря, къ маленькой

бухточкѣ, гдѣ на якоряхъ покачивалось нѣсколько лодокъ. На горизонтѣ тоже виднѣлись лодки, ушедшія съ рыбаками.

— Гдѣ улица Вокзала и квартира учительницы, m-lle Реньо? — спросила я желѣзнодорожнаго сторожа, который отбиралъ билеты.

Онъ махнулъ мнѣ рукой:

— Все прямо по шоссе, въ гору.

Да больше и некуда было идти: шоссе круто поднималось по скалистой горѣ. Справа надвинулись террасами скалы; съ нихъ спускаются роскошными каскадами ползучія розы, глициніи, еще какіе-то темнолиловые цвѣты... буквально каскадами (а это было двадцатое русское марта). Амфитеатромъ лѣпятся кокетливыя виллы съ садиками изъ яркихъ цвѣтовъ... По лѣвую сторону шоссе—обрывъ, прямо въ море. Обрывъ такой грозный, что вдоль шоссе идетъ парапетъ.

Пассажировъ, которые вышли бы со мной, никого не было, и я шла одна, наслаждаясь дивнымъ воздухомъ, нарядной природой и видомъ на лѣвую сторону бухты, на часть открывавшагося передо мной голубого моря...

Шоссе заворачивало, и я вдругъ наткнулась на очень оригинальную группу маленькихъ дѣтей — чумазыхъ и загорѣлыхъ: подъ скалой они усѣлись полукругомъ, играя въ школу. Дѣвочка, постарше, диктовала; передъ ней камень изображалъ столъ. Диктовала она по затрепанной книжкѣ. Остальныя дѣти полукругомъ на корточкахъ дѣлали видъ, что быстро пишутъ.

Дѣти-„ученики“, конечно, воззрились на меня. Мое появленіе изъ-за угла шоссе было для нихъ неожиданно.

— Attention, enfants, attention! — прикрикнула диктующая сильнымъ мѣстнымъ акцентомъ.

— Какъ пройти къ учительницѣ m-lle Алисъ Реньо? — спросила я.

— Все прямо, все прямо! — отвѣтила она мнѣ и, постукивая палочкой о камень, продолжала диктантъ.

— Вы ученица m-lle Реньо? — спросила я.

— Нѣтъ, нѣтъ! — нетерпѣливо отвѣтила дѣвчурка: — наша учительница m-lle Томà. Школа m-lle Реньо далеко отсюда. Enfants, à vos devoirs! — и она застучала палочкой о камень.

Шоссе впадало въ переулокъ. Тутъ, поперекъ улицы, отъ дома къ дому шли арки. Одна сторона переулка обстроена очень узкими и очень высокими домами, приткнутыми къ скалѣ; другая сторона переулка застроена такими же домами, но они стоятъ прямо подъ обрывомъ въ море; такъ что эти арки прикрѣпляютъ

ихъ, не даютъ вѣтрамъ снести ихъ въ море. Чистый морской воздухъ разгуливаетъ и въ этомъ корридорѣ домовъ. Мостовая выложена кирпичомъ; по серединѣ—канавка, полная воды; поэтому отбросы нечистотъ сейчасъ же уносятся... Я не знала, куда идти теперь. Дощечки съ названіемъ переулка—нѣтъ. Спросила у двухъ женщинъ; онѣ болтали изъ окна въ окно, черезъ улицу; обѣ загорѣлыя, трепанныя. Женщины, на мой вопросъ, только отрицательно замотали головами и продолжали болтать на мѣстномъ діалектѣ, смѣси итальянскаго съ французскимъ. Далѣе я встрѣтила солдатъ. И они отвѣчали:

— Все прямо, все прямо.

Переулокъ съузился до двухъ метровъ. Съ одной стороны—высокій, узкій домъ; внизу—овощная лавка; и съ другой стороны—такой же домъ и лавка.

— Гдѣ живетъ m-lle Алисъ Реньо, учительница?—спросила я въ который разъ...

— Напротивъ, въ четвертомъ этажѣ.

Домъ напротивъ, какъ всѣ сосѣдніе—очень узкій и очень высокій. Входная дверь открыта. Лѣстница почти стойкомъ; грифельныя ступени. Я стала карабкаться, придерживаясь за веревку, протянутую вмѣсто перилъ. Во всѣхъ этажахъ, видно, живетъ людъ трудовой, бѣдный; но зловоній — никакихъ — отъ морского воздуха. Окна на лѣстницѣ открыты; они безъ стеколъ и рамъ, просто впадины. Помой тоже нѣтъ—все это выбрасывается хозяйками по срединѣ мостовой, въ канаву, гдѣ непрестанно несется откуда-то вода. Въ первый разъ приводилось мнѣ видѣть такую чистоту улицы на югѣ.

Добравшись до четвертаго этажа, я позвонила у двери, на которой была прибита визитная карточка.

Тотчасъ отперли и попросили въ гостиную.

Если предъидущія педагогички сильно разнились отъ общаго типа французскихъ учительницъ, гувернантокъ, классныхъ дамъ,—типа, къ какому привыкли мы, русскіе, у себя, въ Россіи,—то m-lle Алисъ Реньо весьма подходила къ нему: маленькая, живая, подвижная, худощавая, съ правильной, отчетливой дикціей, съ поблекшимъ интеллигентнымъ лицомъ, дѣвушка лѣтъ сорока, тò, что нѣмцы называютъ: „eine alte Jungfrau“.

Гостиная, куда она меня ввела—крохотная комнатка съ кирпичнымъ вылощеннымъ поломъ,—но стоитъ піанино, на немъ—букетъ розъ; на мебель накинуты драпировочки изъ моднаго муселина „Liberty“.

Видъ учительницы и ея обстанонка охватили меня грустью

изъ былого... Напомнили тѣхъ учительницъ, тѣхъ гувернантокъ, которыхъ мы, дѣти, не выносили, придумывали всевозможныя непріятности, чтобы побольше уколоть ихъ за ихъ стремленіе къ модѣ, за ихъ вѣчную изысканность въ прическѣ, въ туалетѣ, при ихъ невзрачной, постарѣвшей физіономіи. Позднѣе, случалось привыкали къ нимъ, любили ихъ и цѣнили... У m-lle Алисъ были тѣ же пыльные гофрированные волосы, жиденькіе, но сильно взбитые по модѣ; бѣлесоватые, слегка воспаленные глаза, старенькое платье, сшитое опять по модѣ... M-lle Реньо, какъ и тѣ, наши гувернатки изъ былого, вѣроятно непосильно работала, содержала семью, любила, страдала, увлекалась, разочаровывалась.

Вышла и сестра ея, m-lle Люси, „пышный бутонъ", пятнадцатилѣтній подростокъ, очень хорошенькая и совсѣмъ уже другого тона, съ большимъ сознаніемъ своего достоинства. Старшая готовила младшую къ экзаменамъ въ école supérieure.

— Я люблю ее какъ мать,—говорила m-lle Алисъ послѣ нашихъ взаимныхъ любезно-церемонныхъ фразъ и моего искренняго удивленія красотѣ сестры.—Между нами обѣими—большая разница лѣтъ; она—отъ второго брака отца. Когда отецъ умеръ —онъ тоже былъ учитель—насъ осталась цѣлая семья. И вотъ всѣ теперь на своихъ ногахъ, всѣ разлетѣлись кто куда.—Что же чай, Люси? Давай скорѣе!

Я запротестовала:

— Пожалуйста, не утруждайте себя. Вы такъ были любезны, позволили мнѣ пріѣхать къ вамъ посмотрѣть, какъ оригинально живетъ одна изъ сельскихъ учительницъ, такъ меня приняли... да еще чай готовите!

— Oh, нѣтъ, нѣтъ, безъ чаю нельзя. Всѣ русскіе любятъ чай. И теперь это въ модѣ.

Слово „мода" заставило меня улыбнуться и невольно взглянуть на прическу по модѣ, на платье по модѣ, на обстановку по модѣ, изъ муселина Liberty.

— *Файвъ-о-клокъ!* Ужъ это теперь принято,—вездѣ подаютъ чай къ пяти.

Какъ въ далекомъ дѣтствѣ, явилось желаніе сейчасъ же сказать непріятность „Mademoiselle".

— Да, вотъ и сестра ваша тоже улетитъ, выйдетъ замужъ.

— И прекрасно! Дѣвушка должна выходить замужъ. Какая же жизнь безъ любви, безъ мужа, безъ своихъ дѣтей?! — воскликнула она искренно.—Lucie, vite, vite du thé!

— Но скажите, вѣдь это васъ должно ужасно стѣснять—

не жить при школѣ, каждый день ѣздить туда четверть часа и обратно...

— И еще пѣшкомъ пройти десять минутъ... Помѣщенія нѣтъ. Да и самая школа, какъ зданіе, многаго заставляетъ желать, должна сознаться. Школа помѣщается въ крестьянскомъ домѣ. Въ деревнѣ, около школы, я не могла найти себѣ сносной квартиры. Здѣсь, въ деревняхъ, земля страшно дорога — она идетъ подъ цвѣты, огороды. Квадратный метръ—двадцать-пять франковъ. Я получаю девятьсотъ франковъ [1]) и триста франковъ квартирныхъ. За эту квартирку я плачу двѣсти франковъ. Вы посмотрите только: она—премиленькая!

Изъ гостиной учительница повела меня въ спальню—чисто дѣвичью комнату: бѣлые муселиновые занавѣсы, двѣ узенькія кроватки, шкапы въ стѣнахъ и два маленькихъ окна—на бухту и на море. Учительница открыла ихъ. Сразу поднялся морской сквознякъ, и, разумѣется, воздухъ—превосходный. Изъ спальни, напротивъ, миніатюрная кухня, съ кое-какой посудой. Столъ, два табурета; видно—тутъ обѣ сестры и обѣдаютъ. На крошечной плитѣ закипала теперь вода для чаю. Дымъ уносился въ открытое окно кухни.

— Конечно, вашъ климатъ очень скрашиваетъ и облегчаетъ трудовую жизнь.

— Да; но въ деревнѣ, въ моей школѣ я бы никогда не могла такъ устроиться,—возразила учительница.—А здѣсь, видите —прелесть! Правда? Хотя только двѣ комнатки всего. Вы сами убѣдитесь: сельскія школы на сѣверѣ Франціи—зданія хорошія, спеціально построенныя и съ помѣщеніемъ для персонала. На югѣ Франціи — наоборотъ, найдете такія taudis!.. Лачуги!.. А ужъ интригъ, интригъ—правду сказать: une mer à boire!..

Люси подала чай,—она его *вскипятила*,—подала и печенье. Мы усѣлись въ гостиной. Обѣ сестры были предупреждены, что я „интервьюирую“ сельскихъ учительницъ по заранѣе составленной у меня программѣ. Я вынула свою записную книжку.

— Вы позволите мнѣ записывать самое характерное изъ того, что вы будете добры разсказать мнѣ изъ вашей жизни преподавательницы?

— О, пожалуйста, не стѣсняйтесь!.. Характерное въ нашей монотонной жизни? Такъ мало характернаго!

— Вы разрѣшите мнѣ ставить вамъ вопросы, какъ они у меня помѣчены?

---

[1]) По курсу одинъ франкъ—тридцать-семь копѣекъ.

— О, вся моя жизнь проходитъ на глазахъ у всѣхъ. Ни за прошлое, ни за настоящее мнѣ краснѣть нечего ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ,—отвѣтила Алиса съ горделивой дрожью въ голосѣ.

Люси сидѣла, вытянувъ ноги, сложивъ калачикомъ руки, и довольно-таки ехидно поглядывала на меня.

И здѣсь я испытывала, развертывая свою книжку, то непріятное чувство, которое мнѣ приходилось испытывать и у крестьянъ, и у ножевщиковъ, и у соломщицъ, и теперь у педагогичекъ. По правдѣ сказать, я очень была бы довольна, еслибъ въ эту минуту кто-нибудь вошелъ и помѣшалъ моей любознательности; но этого не случилось...

Алиса Реньо начала свое образованіе пансіонеркой, въ закрытой школѣ, въ Блуа. Ея отецъ—учитель въ Турѣ—платилъ за нее пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ, со столомъ и обученіемъ. Эта цѣна и до сихъ поръ еще не измѣнилась для всѣхъ ученицъ безъ исключенія.

— А! вы вотъ желаете характернаго, послушайте! — прервала сама себя Алиса.—Въ этой школѣ, по желанію родителей, каждое воскресенье классная дама водила учениковъ въ церковь. Только двѣ дѣвочки не ходили въ церковь, — ихъ отцы были свободные мыслители. И имъ обѣимъ было такъ стыдно, что онѣ выдавали себя за протестантокъ! Не правда ли характерно въ странѣ свободы совѣсти?..

Послѣ пансіона отецъ Алисы подготовилъ ее въ „Ecole Normale“, для полученія brevet supérieur; но онъ и его вторая жена внезапно умерли отъ тифозной эпидеміи. Алиса должна была оставить учительскую семинарію, искать какъ можно скорѣе мѣста сельской учительницы на „brevet simple“. Старшій братъ поступилъ портнымъ; старшая сестра вдругъ ушла въ монастырь. Маленькіе остались на рукахъ Алисы. Мѣста, гдѣ бы она могла помѣститься съ ними, не выходило. Наконецъ ученики отца сжалились надъ ней и разобрали маленькихъ...

Первое мѣсто Алисы было въ бѣднѣйшей сельской школѣ, въ горахъ. Школа помѣщалась въ подвалѣ стараго, развалившагося зàмка. Ученики и ученицы были больше дѣти мѣстныхъ поденщиковъ—люда передвижного, кочевого; дѣтей же мѣстныхъ крестьянъ очень мало; всѣ они были заняты работой дома. Какъ-то ночью бродяги выкрали всю школьную обстановку. Алиса слышала возню; но она была совершенно одна, боялась и голосъ подать, только покрѣпче заперлась.... На ея „счастіе“ скоро случилось землетрясеніе, подвалъ замка далъ трещины;

мэръ долженъ былъ перевести школу въ другое помѣщеніе... Опасными конкурентками учительницъ,—разсказывала далѣе Алиса,—являются еще до сихъ поръ школы конгрегацій монахинь, écoles libres. Монахини не только даромъ учатъ дѣтей, какъ полагается во всѣхъ народныхъ французскихъ школахъ, но онѣ еще и подготовляютъ дѣтей къ экзаменамъ перваго причастія, и поэтому находятся въ наилучшихъ отношеніяхъ съ мѣстнымъ кюре́, который продолжаетъ имѣть вліяніе на родителей, главное—на матерей; а сельской учительницѣ непремѣнно надо стараться имѣть какъ можно больше учениць: каждые два года она является въ педагогическій совѣтъ. Ей производятъ родъ экзамена, и, сообразивъ съ числомъ ея учениковъ и ея собственными педагогическими способностями, ей скорѣе даютъ прибавку жалованья или повышеніе, въ смыслѣ мѣстности. Въ школѣ, гдѣ теперь преподаетъ Алиса—у ея предшественницы—было всего десять учениковъ; эта учительница даже подарки дѣлала, чтобъ заманить къ себѣ дѣтей. Ея родители были мелкіе буржуа со средствами, и имъ лестно, что ихъ дочь ведетъ школу; но монахини переманивали учениковъ... Когда Алиса получила школу, къ ней явились работницы, просить ее обучать ихъ дѣтей и закону Божію. Онѣ недавно пришли въ эту мѣстность и имъ ближе посылать дѣтей въ école laïque, чѣмъ къ монахинямъ... въ école libre.

— Вообще, здѣшній народъ религіозенъ, на берегу моря, передъ грозной стихіей?—прервала я Алису.

Учительница подумала и отвѣчала:

— Въ душѣ здѣшніе жители не религіозны; но они держатся за религію, по привычкѣ ли, изъ разсчета ли — трудно опредѣлить. Нашъ кюре́, напр., не злой человѣкъ, но онъ никогда не согласится, чтобы религія не преобладала надъ образованіемъ. И я, по желанію матерей, стала преподавать законъ Божій. Разумѣется, въ свободные часы отъ классовъ, т.-е. не нарушая постановленій французской гражданской школы. И я даю эти уроки даромъ,—слѣдовательно, и совѣсть моя вполнѣ спокойна. Что изъ-за этихъ уроковъ у меня теперь двадцать-шесть учениковъ—тѣмъ лучше. Мои ученики прекрасно выдержали экзамены. Monseigneur похвалилъ ихъ, а учениковъ монахинь прогналъ; хотя у монахинь все ученье подводится къ экзаменамъ. Теперь монахини стали сманивать меня къ себѣ бо́льшимъ жалованьемъ. Имъ выгодно и то, когда онѣ могутъ поставить въ программѣ, у входа въ свою школу, что у нихъ подготовляютъ и на brevet supérieur... Но вотъ къ нимъ-то я уже не пойду,

несмотря на гораздо большее жалованье, чѣмъ то, которое я получаю отъ правительства. Въ этомъ ужъ будьте увѣрены, je vous prie de le croire. Я слышала, что теперь въ „Нормальной школѣ“ встрѣчаютъ среди учениць-педагогичекъ „сестру“. Значитъ—поняли. Я хотя и пробыла всего одинъ годъ въ „Ecole Normale“, а преклоняюсь передъ ея програмой, передъ ея методомъ обученія.

— Ну, а какъ вы вообще проводите время съ m-lle Люси, что читаете въ свободные часы?

— У насъ такъ мало свободныхъ часовъ! Подумайте: съ моими разъѣздами, съ моими занятіями съ сестрой, съ просматриваніемъ ученическихъ тетрадей... Когда приходитъ четвергъ или воскресенье, мы такъ рады! Съ утра щебечемъ, какъ птицы на вѣткѣ... Вѣдь мы сами себѣ и готовимъ кушанье, и платья шьемъ. Для чтенія абонированы пополамъ съ сосѣдями на мѣстную газету; въ ней всѣ новости есть, даже иллюстрированное прибавленіе модъ.

— А по части книгъ?

Алиса передернула плечами.

— Некогда... некогда!.. Ah!.. впрочемъ вотъ, чудесная книжка, наша добрая спутница. Рекомендуйте ее при случаѣ и вашимъ сельскимъ учительницамъ. Вы, русскіе, владѣете французскимъ языкомъ, какъ своимъ. Люси! Подай, пожалуйста, „L'Institutrice“,— она на полкѣ практическихъ книгъ.

— Могу я взглянуть на вашу библіотеку?

— О, не стѣсняйтесь! Она не богата; но въ ней есть все для насъ необходимое. Тутъ и книги покойнаго отца.

На стѣнѣ висѣло на шнуркахъ съ кисточками нѣсколько полокъ. На нихъ стояли въ крѣпкихъ переплетахъ французскіе классики, разныя книжки, подаренныя на экзаменахъ, разныя руководства по преподаванію, очень подробная книжка: „Pédagogie pratique et administration scolaire“.

— Эта?—спросила я m-lle Алису, которая тоже подошла со мной къ библіотекѣ.

— Нѣтъ, это хорошая книга; но вотъ—нашъ катехизисъ, наша настольная книжка: „L'Institutrice—conseils pratiques“.

Книжка маленькая, въ 125 страницъ. Я просмотрѣла оглавленіе. „*Учительница въ своей частной жизни*: воспитаніе, гигіена, одежда, туалетъ, манеры, домоведеніе. *Учительница въ общественной жизни*: сношенія съ учениками, съ ихъ родителями, сослуживцами, съ мѣстнымъ начальствомъ: съ академическимъ и съ префектомъ. О житейскихъ сношеніяхъ вообще“.

— Это прекрасная книжка, могу васъ увѣрить. Сообразите: мы, сельскія учительницы, должны являться идеаломъ для нашихъ учениковъ, авторитетомъ для ихъ родителей, безупречными по манерамъ съ начальствомъ, безупречными по тону съ товарищами. Мы должны быть мудры какъ зміи и чисты какъ голубицы, стоять поверхъ всего, что вокругъ насъ живетъ, интригуетъ, плачетъ, любитъ... ни во что не вмѣшиваться и всегда быть наготовѣ, *если къ намъ обратятся*, дать совѣтъ разумный, съ лицомъ яснымъ и спокойнымъ. И это въ 17—19 лѣтъ! Большею частью въ эти годы начинаютъ сельскія учительницы свою карьеру во Франціи. И изъ какой среды, изъ какого круга?!.. Вѣдь не всѣ выходятъ изъ „Ecole Normale“,—много есть сельскихъ учительницъ съ простыми дипломами, изъ второразрядныхъ школъ, изъ маленькихъ мѣщанскихъ семей. Однимъ словомъ, когда французская дѣвушка находится подъ полной опекой отца или мужа, она, какъ сельская учительница, въ этомъ возрастѣ должна проявлять зрѣлую самостоятельность,—судите! Все это самое говорится и въ предисловіи къ „Institutrice“; но такъ какъ я сама прошла черезъ подобныя испытанія и терзанія, то я и могу повторить вамъ ихъ. Напримѣръ, вопросъ первыхъ визитовъ по прибытіи въ школу: пойти ли самой, карточку ли снести, послать,—какой уголокъ загнуть?.. Вы улыбаетесь... но это очень важно: среди личностей, съ которыми мы обязаны имѣть хотя бы самыя поверхностныя сношенія, могутъ встрѣтиться люди образованные; у нихъ воспитанныя семьи, и если вы съ первыхъ шаговъ показали себя тоже воспитанной—вотъ вы сейчасъ чувствуете, что вы не одиноки, что у васъ подъ-бокомъ есть люди de votre bord. Или вотъ еще,—продолжала Алиса, перелистывая книжку:—васъ пригласили, на оффиціальный обѣдъ—учительницъ приглашаютъ на такіе, и она обязана принять приглашеніе,—*обязана*. Вопросъ туалета: она—perplexe: какъ одѣться? Вѣдь это ужасно много значитъ—не быть стѣсненной. Помилуйте, какой же престижъ учительницы, если она на первыхъ же порахъ покажетъ себя бестактной, одѣнется не къ случаю или станетъ краснѣть и блѣднѣть, замѣтивъ свой промахъ! Учительница должна быть скромна, но никогда не стѣснена, никогда! А за обѣдомъ—вдругъ начнетъ ѣсть не такъ, какъ полагается воспитанной дѣвушкѣ? Вѣдь такъ, пожалуй, можно и судьбу свою проглядѣть! N'est-ce pas? И вотъ, какъ зазубришь нѣсколько страницъ въ главѣ „Манеры“ изъ этой милой книжки,—являешься въ общество съ духомъ спокойнымъ, убѣжденнымъ. Какъ бы тамъ другія ни были одѣты, какъ бы онѣ ни ѣли—онѣ бестактныя, онѣ невос-

питанныя; а я умная, я воспитанная, ибо я поступила такъ, какъ говорится въ этой книжечкѣ, премированной академіей. Я вамъ разсказываю про наши petites misères... Есть и les grandes misères: учительница хорошенькая... que d'embûches... ото всѣхъ! Если не хорошенькая...

— Люси! — вдругъ прервала самое себя m lle Алиса. — Пойди, посмотри въ кухнѣ, что-то пахнетъ дымомъ...

— Уголья давно прогорѣли.

— Ah, прошу тебя, пойди, посмотри!

Люси покорно вышла.

Алиса наклонилась ко мнѣ и заговорила шопотомъ:

— Придетъ пора любви. Въ жизни каждой дѣвушки она является рано или поздно. Замужъ за крестьянина нельзя выходить, — престижъ потеряется; да онъ и не женится, она ему не пара, слишкомъ образована, — всѣ возстанутъ, засмѣютъ... И случается, что учительница имѣетъ романъ... съ прохожимъ! Avec un simple chemineux, съ бродягой...

— Постойте... постойте, я что-то читала въ этомъ родѣ. Гдѣ — не припомню!

— Я вамъ говорю не про литературу, а про жизнь. Вотъ монахини по этой части совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ. Онѣ — не единицы разрозненныя, заброшенныя, а вѣками сплоченныя общины. Maison-mère блюдетъ за ними, поддерживаетъ ихъ, *провѣтриваетъ* ихъ; сейчасъ переведутъ въ другую мѣстность, если замѣтятъ тоску или мечтательность.

Учительница опять взяла книжку и ласково продолжала:

— И вотъ этотъ добрый, прекрасный другъ поддерживаетъ насъ, не даетъ намъ терять къ себѣ уваженіе, предаваться мечтамъ, лѣни. Вѣдь такъ легко въ нашемъ одиночествѣ, въ сношеніяхъ съ міромъ (monde) невѣжественнымъ — опуститься, на все взглянуть апатично... перестать заботиться о своей внѣшности, о своемъ углѣ. Съ лѣнью физической явится и душевная лѣнь, душевная нечистоплотность...

Люси постучалась въ дверь и вошла только на отвѣтъ сестры:

— Entrez!

— Простите мой неловкій вопросъ; но вы такъ искренни... Какъ же это у васъ, у скромной сельской учительницы, получающей девятьсотъ франковъ въ годъ, на русскія деньги около тридцати рублей въ мѣсяцъ, накинуть на мебель модный муселинъ liberty, съ разными бантами? Онъ дорого стоитъ. Значитъ, ради моды вы лишаете себя болѣе существеннаго?..

— Ah, нѣтъ!—искренно воскликнула Алиса. — На распродажѣ купили, восемьдесятъ сантимовъ метръ. Это сколько на ваши деньги?

— Тридцать-четыре копѣйки аршинъ съ четвертью.

— Можно?

— Пожалуй и можно!..

— А зато какъ нарядно! — Алиса окинула комнату довольнымъ взглядомъ. — Кто ни взойдетъ—унесетъ пріятное впечатлѣніе о жизни трудовыхъ, одинокихъ сиротъ. Маленькимъ это западаетъ въ голову навсегда. Les bonnes façons introduisent les bons sentiments, и мы, учительницы, должны подготовлять une démocratie aimable; такъ говорится и въ этой доброй книжечкѣ.

„Эта книжечка" начинала меня раздражать, какъ „Goudron Guillot", какъ всякія французскія панацеи отъ всякихъ золъ. Сама же учительница, съ ея стремленіемъ во всемъ къ модѣ, уже не казалась мнѣ смѣшноватой. Наоборотъ—она трогала меня все болѣе. Столько искренности, житейской правды исходило изъ этой маленькой, сѣренькой фигурки.

Алиса пошла меня провожать на вокзалъ. Люси только любезно проговорила:

— Au revoir, chère madame!—и свела меня съ лѣстницы.

Дорогой мы стали условливаться о днѣ моего визита въ школу. Проходя мимо скалы, подъ которой дѣти играли въ школу и гдѣ ихъ теперь уже не было, я разсказала Алисѣ о диктантѣ дѣвчурки по затрепанной книжкѣ.

— Oh, s'il fallait encore, чтобъ учительница была отвѣтственна, что̀ читаютъ дѣти внѣ классовъ—благодарю! Это уже дѣло родителей, да здѣсь дѣти и половины не понимаютъ пофранцузски; на этомъ основаніи французскій языкъ обязателенъ по всѣмъ предметамъ; дома они продолжаютъ говорить на мѣстномъ діалектѣ.

Заслышался свистъ поѣзда, при входѣ въ туннель; надо было ускорить шаги. Фіакра, конечно,—ни одного. Я подумала: „Ну, не попаду!.."—и зашагала, сколько хватило силъ.

— Успѣете, успѣете!—останавливала меня учительница.

Пришли во̀-время. Здѣсь поѣздъ не спѣшилъ отходить.

Алиса осталась на платформѣ, любезно кивая мнѣ головой.

Въ первый же понедѣльникъ я отправилась въ школу къ m-lle Реньо.

— Въ понедѣльникъ, — пригласила она, — потому что въ этотъ день ученики бодрѣе, послѣ воскреснаго отдыха.

Такой школы я еще и не видывала. Она помѣщалась въ нижнемъ этажѣ грязнаго, стараго фермерскаго дома, въ сторонѣ отъ шоссе, но... передъ школой разстилаются огороды съ грядами овощей и цвѣтовъ всѣхъ оттѣнковъ. Надъ нѣкоторыми грядами извиваются сквозныя галерейки для виноградниковъ, теперь еще съ обнаженными лозами.

Préau или сарая для игръ дѣтей—нѣтъ. Открытый сарай занятъ всякой сельской рухлядью и рядами клѣтокъ съ семьями живыхъ кроликовъ и зайцевъ, вѣроятно на выкормку въ городъ. Для игръ же дѣтей остается узенькая полоска земли между школой и огородомъ, гдѣ въ настоящую минуту крестьянки выдергиваютъ саладъ, мужчины окапываютъ виноградники.

Входная дверь въ школу—наполовину стеклянная—закрыта. Окна тоже закрыты; но явственно слышны фразы учительницы и повтореніе этихъ фразъ всѣми дѣтьми разомъ. Потомъ вопросы учительницы и отвѣты дѣтей опять хоромъ же. О чемъ былъ урокъ—я не могла разобрать. Когда кончились отвѣты, я постучалась.

Дверь школы отворила сама учительница, m-lle Алисъ Реньо.

Войдите, войдите!—радушно пригласила она.

Господи! Какимъ ужаснымъ воздухомъ обдало меня изъ школы! Около тридцати дѣтей сидѣло въ комнатѣ сырой и мрачной. Стѣны наполовину выкрашены черной краской.

Я зашаталась отъ спертаго, удушливаго воздуха.

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же нарушать вашъ классъ! Это строго воспрещается начальствомъ.

— Здѣсь я у себя,—продолжала любезно приглашать Алиса. —Боже, вамъ дурно!..

Я едва имѣла силы повернуть назадъ и сѣсть на клѣтку съ зайцами.

И это во Франціи, въ богатѣйшей ея части!

Алиса вѣроятно не ожидала такого сильнаго впечатлѣнія; она обидѣлась на мою воспріимчивость.

— Mais, ma chère madame, развѣ всѣ мои ребята дома живутъ лучше? Они привыкли къ этому. Однако, какъ вы избаловались школой въ центральной Франціи! На югѣ, повторяю, зачастую такія именно, если еще не хуже. И, наконецъ, эта школа—временная. Планы составлены; новую будутъ строить несомнѣнно. И за это помѣщеніе—отвратительное, согласна,—и то община платитъ 509 фр. въ годъ.

— Да вамъ еще платитъ 900 фр. жалованья и 300 фр.

на квартиру,—припомнила я совершенно машинально, безъ малѣйшаго ехидства; но m-lle Ренью иначе поняла.

— Не община, не община! Намъ платитъ государство. Мы—учительницы и учителя—государственные чиновники. Жалованье идетъ намъ изъ государственной казны. Только школу - зданіе ставитъ община. На тысячу жителей—по школѣ. И зданіе обходится не очень дешево; около 12.000 фр., правда—maximum. Это вѣдь деньги. Конечно и оттягиваютъ сколько могутъ, хотя здѣшніе крестьяне имѣютъ большіе капиталы; но живутъ грязно, скудно, кое-какъ, а заболѣванія дѣтей все-таки рѣдки.

— Ergo, можно обойтись и съ такимъ помѣщеніемъ...

Изъ школы сталъ подниматься шумъ. Дѣти столпились въ дверяхъ. Они порывались выбѣжать на дворъ; ихъ сдерживала старшая ученица—la monitrice. Послышался и ревъ.

— А, пора мнѣ... Когда оправитесь, приходите въ классъ; дверь оставлю отпертой, воздухъ будетъ чище. Нельзя не закрывать двери и окна; дѣти ужасно разсѣянны, все смотрятъ, что работаютъ на грядахъ... До свиданія.

Ревъ усиливался.

— Mademoiselle, voilà que Thomas et César se cognent!—звала старшая учительницу; Алиса подбѣжала.

— Eh bien, eh bien! Qu'est-ce encore?..

Дверь въ школу захлопнулась.

Я встала и пошла пройтись по огороду - цвѣтнику.

Три пололки, худыя, черныя, какъ цыганки, въ яркихъ платкахъ, надвинутыхъ на глаза отъ солнца, пололи капусту. Я остановилась поглядѣть. Одна изъ пололокъ вскинула на меня глаза и что-то спросила:

Я отрицательно покачала головой.

Двое крестьянъ, сѣдые, бронзовые отъ загара, но крѣпкіе и гибкіе какъ итальянцы, подвязывали лозы къ желѣзнымъ прутьямъ галерейки; другіе—помоложе—окапывали землю...

Воздухъ насыщенъ ароматомъ цвѣтовъ, овощей, вспаханной земли, ароматомъ близъ плещущаго моря... И солнце теплое, весеннее любовно грѣетъ, освѣщаетъ землю... Вдругъ явились откуда-то двѣ бабочки, взвились въ воздухѣ спиралью и стали гоняться другъ за дружкой.

— Бабочки! Такъ рано. Сегодня второе апрѣля.

— Уже три недѣли, какъ онѣ появились,—отвѣтилъ старикъ-крестьянинъ на мой французскій возгласъ.—Не къ добру это. Въ маѣ холода настанутъ.

Не хотѣлось идти въ школу, да еще въ такую отвратитель-

ную комнату; но учительница, увидѣвъ, что я брожу, звала съ порога въ школу. Какъ я въ эту минуту понимала выраженіе: „faire l'école buissonnière"!..

Въ школѣ одна часть дѣтей, отъ пяти до семи лѣтъ, хоромъ отвѣчала буквы, которыя были написаны на классной доскѣ. Другія дѣти, постарше, заткнувъ уши, твердили урокъ; самыя старшія, отъ одиннадцати до четырнадцати лѣтъ, списывали съ книжки въ тетрадь.

Не могла я помириться съ помѣщеніемъ! Главное: эти мрачныя стѣны, выкрашенныя сплошь черной блестящей краской метра на полтора отъ пола, да потомъ идетъ сѣрый колеръ съ сырыми пятнами, хотя по срединѣ комнаты и стоитъ желѣзная печка—конечно, теперь безъ огня. На стѣнахъ развѣшаны географическія, зоологическія карты и карта съ хронологіей французскихъ королей, императоровъ, президентовъ... А потомъ карта съ серіей маленькихъ лубочныхъ картинокъ подъ заглавіемъ: „Бѣдствія отъ алкоголизма". Эти картинки я видѣла въ первый разъ на стѣнахъ школы. Значитъ, мѣстность—испивающая.

— Садитесь, пожалуйста!—указала мнѣ на стулъ учительница около своего стола.

Воздухъ былъ уже какъ будто почище; но школьники, правда, стали ужасно разсѣянны: безпрестанно устремляли глаза на дворъ, въ открытую дверь. Учительница только и знала, что постукивала карандашомъ:

— Attention, enfants, attention!..

— Отчего вы не сдѣлали форточекъ наверху?—спросила я.

— Говорятъ: не стоитъ труда, скоро новая школа будетъ.

Появленіе чужого лица мало интересовало школьниковъ m-lle Реньо. Цвѣты, летающія бабочки манили ихъ на дворъ.

Вблизи дѣти не смотрѣли заморышами. Загорѣлыя, какъ цыганята, но крѣпки — не ущипни! Крѣпки безъ пухлости. Кто изъ мальчиковъ въ круглыхъ черныхъ фартукахъ, а кто и въ какихъ-то перекроенныхъ, перештопанныхъ „жакеткахъ", въ башмакахъ или въ ботинкахъ,—ни одного босикомъ. Дѣвочки одѣты аккуратнѣе, чище мальчиковъ; а постарше—такъ и не такъ загорѣли лицами. „Monitrice"—лѣтъ тринадцати, красивенькая, въ голубомъ платьѣ и съ чудесной косой, перехваченной пунцовой лентой.

— Если васъ что интересуетъ изъ занятій дѣтей,—пожалуйста посмотрите!—разрѣшила учительница.

Я подошла къ monitrice. Она и всѣ школьницы постарше

списывали „Les progrès contemporains". Она писала красивымъ почеркомъ взрослой.

Вообще, здѣсь у всѣхъ почеркъ былъ почему-то лучше, тверже.

У одной изъ дѣвочекъ, тоже лѣтъ двѣнадцати-тринадцати, на пюпитрѣ лежалъ свѣжеисписанный листъ.

— „Composition française", — прочла я. — Это ваше собственное сочиненіе?

— Да, — отвѣтила она стыдливо. — Я сейчасъ кончила переписывать съ моего черновика.

Она указала на рваные кусочки бумаги.

— Можно прочитать?

— Oh, oui, madame.

Она подала мнѣ листъ...

Дѣвочка говорила съ мѣстнымъ акцентомъ.

Учительница продолжала давать урокъ маленькимъ, постукивала карандашомъ, покрикивала... и все-таки взглядывала въ мою сторону тревожно-вопросительнымъ взглядомъ. Самолюбіе педагогички тревожило ее.

„Прекраснымъ лѣтнимъ утромъ я была на берегу моря. А! какъ оно было прекрасно съ своимъ лазоревымъ ковромъ. Море со всѣхъ сторонъ бороздили легкія барки, гдѣ сидѣли хорошенькія дѣти (mignons). Казалось, — море было довольно нести на себѣ такія хорошенькія легкія барки и такихъ прекрасныхъ дѣтей.

„Море въ этотъ день не было грозно. Я была охвачена восхищеніемъ и оставалась долго восхищаться этимъ прекраснымъ моремъ; но вдругъ мысль пронизала мой умъ: я подумала объ удовольствіяхъ, какія получаютъ отъ прогулокъ на морѣ, когда оно такъ тихо, и о выгодахъ, какія оно тоже доставляетъ. Подумайте о большихъ судахъ. Матросы довольны, когда море спокойно; корабли идутъ быстрѣе. Они не гибнутъ отъ дурной погоды, отъ разъяренности моря. Также въ большія морскія бури выплываютъ киты, акулы, дельфины, всѣ неустрашимые враги кораблей. Море содержитъ большія богатства. На глубинѣ моря находятъ жемчугъ, перламутръ, красивыя раковины".

„Вотъ такъ думала я нѣсколько часовъ".

Учительница не утерпѣла, подошла.

— Можно мнѣ взять этотъ листъ? — попросила я.

— О чемъ тутъ?

Она пробѣжала „сочиненіе" и сказала въ полголоса:

— Ни слова своего... а ошибокъ-то!

— Все-таки мнѣ интересно.

— Ни одного своего слова—это сейчасъ видно. Ужъ я имъ сколько твержу: пишите, какъ бы разсказывали мнѣ. Тупы въ сочиненіяхъ. До сихъ поръ я еще не напала на дарованіе. Вотъ въ ариѳметикѣ лучше. Посмотрите, какъ легко рѣшаютъ задачи. Дайте кто-нибудь послѣднюю задачу!

Всѣ дѣти окружили насъ, и каждый протягивалъ свой листъ. Даже маленькія и тѣ совали бумажки съ палочками.

— Ну, вы-то, вы-то чего? Этакіе самомнительные ребятишки! Васъ не спрашиваютъ, по мѣстамъ! — прикрикнула m-lle Реньо полусерьезно, полушутливо.

— Берите сами, на удачу.

Я взяла листъ изъ рукъ чумазаго мальчугана, лѣтъ одиннадцати, который смотрѣлъ на меня вытаращенными, растерянными глазами.

Листъ чистенькій, аккуратно переписанъ. Problème—о томъ, какъ виноторговецъ купилъ два сорта вина на разныя цѣны, смѣшалъ ихъ. Вопросъ: во сколько обошелся литръ?

Листъ былъ перегнутъ вдоль. Съ одной стороны шла „solution raisonnée"; съ другой—„opération".

Я и это упражненіе положила въ карманъ.

— Ну, теперь съ ними не справиться! — воскликнула учительница.—Оба станутъ считать себя геніями: одна—по сочинительству, другой—по ариѳметикѣ.

Мнѣ казалось, что они и не понимаютъ даже того, что̀ говоритъ теперь учительница. Можетъ быть, неясно представляли, но чувствовали сильно: мальчикъ и дѣвочка стояли розовые, съ блестящими глазами, съ выраженіемъ довольства на лицахъ.

— Я попросила взять съ собой эти листы, чтобъ просмотрѣть ихъ дома, не спѣша. Я иностранка, сразу не могу понять по-французски. Я не говорю, что̀ они безупречно составлены.

— Ничего теперь не сгладите! — замѣтила Алиса въ полголоса. — Enfants, enfants, à vos places! Классъ еще не конченъ.

И учительница опять принялась за урокъ. Я уже не двигалась со своего стула, около ея стола.

Уроки всѣхъ трехъ отдѣленій прошли невозможно. Тутъ я поняла, почему строго воспрещается посѣщеніе школъ посторонними лицами. Больше другихъ, конечно, устала бѣдная m-lle Реньо. Мы всѣ рады были, когда она пошла звонить въ коло-

колъ у дверей. Вернувшись, она дала что-то завернутое въ бумагу двумъ самымъ маленькимъ школьникамъ.

— Снесите это домой, вашей матери. Смотрите: не развертывайте. Поняли?

— Oui, mademoiselle.

— То-то! Смотрите!—повторила она.

Школьники и школьницы стали попарно на дворѣ и... замаршировали къ выходу.

— Маршируютъ?!—воскликнула я.

— Что же будешь дѣлать? Это наше единственное упражненіе въ часы рекреаціи. Вы видите: передъ школой такая узенькая полоска земли; дѣтямъ рѣшительно негдѣ разбѣжаться. Хозяева—въ претензіи на меня, если дѣти изомнутъ хотя кончикъ гряды. Мои школьники—настоящіе узники. Но зато смотрите, что теперь дѣлается внѣ школьнаго двора! Видите, какую пыль и возню подняли на дорогѣ!—указала она въ открытую дверь.

Вдругъ двое мальчиковъ отдѣлились и стали задавать другъ другу сильную потасовку, сперва за волосы, потомъ ногами, норовя ударить другъ друга въ животишки. Поднялась брань, визгъ, рёвъ. Къ нимъ присоединились другіе и еще тотъ маленькій, которому m-lle Реньо дала свертокъ; онъ бросилъ его на землю, вмѣшался въ свалку... И началась общая баталія.

— Ah, mon morceau de viande, mon morceau!—закричала въ отчаяніи учительница.—Ah, les polissons! Ah, les gredins!.. Мерзкіе, отвратительные мальчишки... Ну, ужъ въ другой разъ этого не будетъ! Вчера мы варили мясной супъ. Я отрѣзала отъ своего куска, отдала сегодня этому petit morveu, чтобъ онъ матери снесъ. Она встала послѣ родовъ... А онъ—поглядите, поглядите!—бросилъ его на шоссе!..

Бѣжать на шоссе унимать—учительница не нашла нужнымъ, да баталія такъ же скоро кончилась, какъ внезапно началась.

Мы отошли отъ окна.

— Ахъ, негодяи, да они школу не убрали!—воскликнула Алиса, оглядываясь кругомъ.—Я забыла имъ сказать. Они и воспользовались, обрадовались.

— Вѣдь у васъ дежурные—старшіе?

— Всѣ—ребята! Конечно, норовятъ убѣжать скорѣе.

Пришлось учительницѣ самой тащить воды въ лейкахъ, поливать, подметать полъ.

Я порывалась-было помочь ей. Она отстранила меня.

Кончивъ уборку, мы отправились на поѣздъ. Проходя по шоссе, мы увидали кусокъ вареной говядины. Онъ валялся весь

въ пыли... Дѣти совсѣмъ и забыли про него... Учительница остановилась, потрогала его зонтикомъ и опять повторила:

— Ah, les gredins, ah, les polissons!..

— Да, кажется, по школьнымъ правиламъ учительницѣ и запрещается оказывать видимое предпочтеніе нѣкоторымъ ученикамъ.

— Вѣрно, вѣрно!..—согласилась m-lle Реньо.—Вчера, la petite soeurette такъ мило мнѣ говоритъ: „mange! дѣти не донесутъ матери"... Точно предчувствовала; mais c'est plus fort que moi. Жалко мнѣ эту Викторинъ, ихъ мать. Она—одинокая fille-mère, брошенная, съ тремя маленькими дѣтьми, какимъ-то негодяемъ...

Мы вмѣстѣ съ m-lle Реньо и въ вагонъ сѣли.

Учительница вытянула ноги, прислонилась головой къ спинкѣ скамейки, закрыла глаза... Нервная дрожь тревожила вѣки, дергала лицо. Мнѣ опять припомнилась статистика нѣмецкаго доктора: среди учительницъ тридцать на сто разбиты нервами, сходятъ съ ума...

— Устали вы, вамъ теперь чаю напиться! Хотите, поѣдемте ко мнѣ?

M-lle Реньо встрепенулась.

— Некогда, некогда, благодарю васъ. Мнѣ еще кушанье стряпать.

— А что же Люси?

— Она уроки учила. Вотъ я усердно и подготовляю ее къ экзаменамъ. Когда она сдастъ ихъ, я попрошу у начальства помощницу. Мнѣ только троихъ учениковъ недостаетъ, чтобы имѣть помощницу; я и укажу на Люси. Тогда мы чудно заживемъ!—воскликнула опять бодро Алиса.

Поѣздъ подошелъ къ платформѣ. Алиса выскочила изъ вагона и сейчасъ же моднымъ жестомъ подняла юбку сзади, кокетливо кивнула головой начальнику станціи и, какъ ни въ чемъ не бывало, легкой, скорой походкой направилась въ гору, въ свой городокъ.

VII.

Больше мнѣ уже не пришлось ѣздить въ деревенскія школы, къ учительницамъ; но какъ-то разъ, передъ отъѣздомъ въ Россію, я встрѣтилась съ мѣстнымъ русскимъ—заботливымъ старичкомъ, добрымъ геніемъ всѣхъ насъ, живущихъ на Ривьерѣ.

— Ахъ, извините, вы у меня просили карточки къ окрест-

нымъ сельскимъ педагогамъ... Есть, есть!.. Я забылъ вамъ послать ее, случилась масса разнаго дѣла... Изъ головы вонъ. Вотъ, извольте: карточка къ милѣйшей четѣ педагоговъ.

— Благодарю васъ. Устала, да и вкусъ пропалъ интервьюировать.

— Зачѣмъ интервьюировать,—просто поглядите. Онъ—учитель гимназіи. Она—учительница въ городской школѣ.

— Меня не интересуютъ городскія школы...

— M-me Вердьé прошла всю педагогическую лѣстницу обученія. Она была даже въ учительской семинаріи, въ Эксѣ, побывала въ сельскихъ учительницахъ. Знакомство съ нею выйдетъ, такъ сказать, заключительной нотой вашихъ изслѣдованій.

— Мало ихъ у меня...

— Все-же получили нѣкоторое понятіе о сельскихъ французскихъ учительницахъ. Чета Вердьé живетъ отъ васъ близко. Сама m-me Вердьé по рожденію въ нѣкоторомъ родѣ femme Kabyle. Она такъ сама себя въ шутку и называетъ... Мать ея—француженка; но отецъ ея былъ чистокровный алжирецъ. Она и родилась въ алжирской области, въ Константинѣ. У молодыхъ Вердьé есть и ребенокъ; но такъ какъ они оба цѣлый день заняты внѣ дома и прислуги не держатъ, они и помѣстили его въ деревнѣ. Каждое воскресенье ѣздятъ къ нему. Милая семья.

И я пошла знакомиться. Квартирка — маленькая, четыре комнатки. Другую половину квартиры сдаютъ иностранцамъ. Приняли меня любезно, предложили чаю (five o'clock). Сидѣла еще какая-то родственница-француженка, здоровая, внушительная особа. Сама хозяйка, m-me Вердьé, femme Cabyle—тоненькая-тоненькая, съ выточенными хорошенькими чертами лица; глазки черненькіе, острые и такая блѣдненькая, что видно, какъ голубыя жилки трепещутъ на вискахъ. Густая коса красиво закручена. Въ черной юбкѣ; въ черной шолковой рубашечкѣ плиссе. Лѣтъ— и двадцать, и тридцать можетъ быть. Голосокъ—высокій-высокій. Дикція быстрая, легкая, diction perlée. Типъ—старательной педагогички. Мужъ не вышелъ—онъ давалъ урокъ.

Разговоръ пошелъ вообще о городѣ, о перемѣнѣ погоды, о Россіи, о больныхъ,—вялый, съ паузами. Обѣ дамы и я были больше стѣснены, чѣмъ еслибы я прямо стала интервьюировать учительницу. Посидѣвъ съ полчаса, я поднялась.

— Мы слышали о вашихъ интересныхъ изслѣдованіяхъ,— вдругъ заговорила m-me Вердьé тономъ, какимъ произносятъ рѣчи.—Эти изслѣдованія доставляютъ намъ теперь удовольствіе видѣть васъ среди насъ. Et nous faisons des voeux, чтобы эти

изслѣдованія были приняты столь же горячо нашими русскими коллегами, сколько энергіи и энтузіазма вы вложили въ ваши поѣздки.

— Всѣ мои изслѣдованія—дѣло личнаго любопытства,— прервала я ее.—Мнѣ приходится часто живать за границей, я и интересуюсь чѣмъ поближе... Но вы сами, первая, заговорили о моихъ экскурсіяхъ; такъ позвольте мнѣ вотъ что сказать вамъ: разъѣзжать, интервьюировать—здоровье не позволяетъ, да и совѣстно мнѣ вторгаться въ жизнь сельскихъ учительницъ, отнимать у нихъ время, разспрашивать ихъ... Вы говорите: я приношу пользу вашимъ русскимъ товарищамъ по профессіи. Никакой! Иная жизнь, иной климатъ, иныя условія, все, все—иное. А вотъ, еслибы вы захотѣли написать мнѣ родъ дневника изъ времени вашего обученія въ семинаріи, о вашихъ первыхъ шагахъ въ деревнѣ, какъ сельской учительницы,—это было бы, разумѣется, куда интереснѣе всего того, что я собрала до сихъ поръ.

— Я никогда не вела дневника, ни въ школѣ, ни въ деревнѣ, ни даже на первыхъ порахъ моего учительства.

— Почему?..

Бесѣда наша полилась, оживленная, съ перебиваніемъ другъ друга. Родственница не вмѣшивалась въ нашъ разговоръ, только пріятно улыбалась.

— Напишите, разскажите,—настаивала я,—о вашей карьерѣ, ну, въ какой хотите формѣ. Я переведу дословно... Гонораръ, какой вы сами назначите.

— Ah, madame! О гонорарѣ и рѣчи быть не можетъ. Да, но что вы предлагаете—это уже composition, литература. А вамъ нужна правда, одна правда, ежедневная жизнь юной сельской учительницы.

— Совершенно вѣрно.

— Ушло. Непосредственности не будетъ... Вы какъ записывали ваши впечатлѣнія? Я слышала—у васъ былъ родъ questionnaire'а. Пришлите мнѣ его—я письменно и отвѣчу на всѣ ваши вопросы.

— Чудесно!

— Только скоро не обѣщаю. Начнутся лѣтніе экзамены, раздача наградъ въ школахъ. Мы всѣ будемъ очень заняты.

— Пожалуйста, временемъ не стѣсняйтесь.

На этомъ мы и разстались. Чета отдала мнѣ визитъ; дома меня не застала, но я уже болѣе не тревожила ихъ своимъ посѣщеніемъ, только наканунѣ отъѣзда занесла карточку „p. p. c.“.

Прошло мѣсяца два; я жила въ Германіи на водахъ. Учи-

тельницы, поѣздки, интервью, педагогическія книжки отошли— „въ туманную даль“.

Вдругъ мнѣ подаютъ на почтѣ заказной пакетъ, съ надписью въ уголку: „faire suivre“. Распечатываю: —четырнадцать страничекъ, мелко исписанныхъ женской рукой, съ подписью: „Renée Verdier“, при миломъ письмецѣ. Конечно, я обрадовалась рукописи, поспѣшила домой и сейчасъ же засѣла переводить ее.

„Что дало мнѣ мысль сдѣлаться учительницей и въ какомъ возрастѣ?“—такъ начинаетъ свою записку m-me Вердье́.—„Еще очень маленькой дѣвочкой, играя съ другими дѣтьми, я, бывало, не дождусь минуты, когда мои маленькія товарки усядутся на скамейкѣ, напротивъ меня; а я важно и самымъ добросовѣстнымъ образомъ заставлю ихъ повторять то, чему учили меня въ школѣ, утромъ.

„Это раннее влеченіе къ преподаванію явилось, вѣроятно, отъ того, что въ Константинѣ (Алжирія), гдѣ я родилась, посѣщая дѣтскій садъ, я была въ немъ старшей ученицей, „monitrice générale“, уже четырехъ лѣтъ. На моей обязанности лежало останавливать болтушекъ, раздавать грифельныя доски, отмѣчать хорошее поведеніе, показывать маленькимъ, какъ вырѣзывать изъ бумаги деревья. Я также вела пары подъ надзоромъ учительницы. Старшая ученица, равно какъ и старшій ученикъ, считаются важными особами. Я и сознавала вліяніе, какое имѣла на дѣтей моего возраста. Позднѣе, въ Алжирѣ, куда переѣхали мои родители, въ той школѣ, въ которой меня помѣстили, вдругъ заболѣла учительница. Свободной, временной помощницы не случилось. Я и моя подруга предложили себя,—а намъ было каждой около одиннадцати лѣтъ. Въ продолженіе недѣли мы исполняли наши обязанности весьма удовлетворительно. Конечно, намъ не хватало опыта... Ну и гордились же мы, что ведемъ самостоятельно цѣлый классъ!

„Къ пятнадцати годамъ, когда надо рѣшать, какую выбирать профессію, я не задумалась и рѣшила поступить въ „Ecole Normale“, несмотря на сильные протесты моихъ родныхъ. Они желали, чтобы я избрала медицину или торговлю. Бороться съ домашними пришлось упорно. Въ іюлѣ 1893 года я записалась на конкурсъ для поступленія въ „Ecole Normale“, въ городѣ Эксъ [1]) и была принята третьей, третьей!!.

[1]) Это относится къ женскимъ учительскимъ семинаріямъ. Ихъ нѣсколько во Франціи; не слѣдуетъ смѣшивать ихъ съ высшей, „Нормальной школой“ въ Парижѣ, которая есть педагогическій институтъ для преподавателей въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

„Наконецъ, самое трудное выполнено, надо уѣзжать въ Эксъ. Мое десятилѣтнее обязательство—оставаться въ педагогическомъ персоналѣ—подписано. Семья не имѣетъ уже болѣе власти удерживать меня.

„Грустно, тяжело разставаться; но перемѣна мѣстности, жизни, правильныя, серьезныя занятія въ закрытомъ заведеніи, гдѣ все было для меня ново, желаніе достигнуть намѣченной цѣли—сгладили отсутствіе моей матери; а ея еженедѣльныя письма скоро утѣшили меня.

„Славные, прекрасные три года, проведенные въ „Нормальной школѣ"! Какую свѣтлую полосу оставили они въ моихъ воспоминаніяхъ! Тамъ нашла я преподавателей, преданныхъ наукѣ, любящихъ свой предметъ; товарокъ, среди которыхъ я очутилась какъ среди сестеръ. Когда въ теченіе трехъ лѣтъ живешь одной жизнью, одними занятіями, одними волненіями (въ особенности во время переводныхъ экзаменовъ)—эта тождественность впечатлѣній, желаній, чувствъ, даже мыслей сближаетъ, порождаетъ глубокія симпатіи и пріучаетъ стойко поддерживать другъ друга. Съ удовольствіемъ вспоминаешь счастливыя минуты въ школѣ, когда встрѣтишь кого-либо изъ подругъ. Почему не вспоминаются минуты тяжелыхъ сомнѣній, труда—не знаю. На умъ приходятъ однѣ только радостныя минуты...

„Матеріальная сторона жизни въ „Нормальной школѣ" въ Эксѣ была обставлена очень хорошо. Насъ поили, кормили, отапливали помѣщеніе—щедро. Къ нашимъ услугамъ всегда была ванна; на чистое бѣлье не скупились. Педагогическій персоналъ состоялъ изъ директрисы, нѣсколькихъ преподавательницъ, нѣсколькихъ почтенныхъ профессоровъ; изъ нихъ только двое—молодые люди: учитель рисованія и учитель географіи; но что ложилось камнемъ, угнетало насъ—это постоянный, неустанный надзоръ. При вступленіи въ школу намъ объявлялось:

„— Vous devez faire abnégation de vous même.

„И за отрѣшеніемъ отъ личности начальство строго слѣдило. Мы не имѣли права ни посылать, ни получать писемъ, не показавъ ихъ директрисѣ [1]). Мы не имѣли права что-либо запирать. Ключей у насъ даже и не существовало. Спали мы въ общемъ дортуарѣ. Разъ я написала письмо матери и спрятала его въ ночной столикъ. Директриса отыскала его и прочла. Дядя пишетъ мнѣ: „Твои аргусы"... и письмо дяди прочли тоже вслухъ,

[1]) Не во всѣхъ французскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ такая строгость. Въ Севрской школѣ, напр., предоставляется слишкомъ большая свобода, по мнѣнію писательницы m-me Reval („Les sevriennes").

при мнѣ... За всѣ три года мы ни разу не вышли въ одиночку. Въ концѣ концовъ такой неустанный надзоръ ужасно начинаетъ дѣйствовать на нервную систему дѣвушекъ, тѣмъ болѣе въ эпоху ихъ физическаго развитія, отъ 15 до 18, отъ 16 до 19 лѣтъ.

„Насъ было 24 дѣвицы въ „promotion“ 1893—1896 г. Хотя мы всѣ жили мирно между собою, но все-таки образовалось скоро два *клана*. Первый кланъ состоялъ больше изъ марселокъ—барышни; онѣ важничали и держали себя педантками. Второй кланъ—это были мы, сохранявшія еще дѣтскія привычки: послѣ классовъ мы любили возиться, бѣгать. Въ часы отдыха, когда барышни („les demoiselles“) вели серьезныя бесѣды или сентиментально прогуливались по двору, мы—молоденькія („les jeunes“) набирались силъ, играя въ прятки, въ горѣлки... Въ воскресенье, послѣ завтрака, первое наше удовольствіе—партія въ крокетъ. Зато какой у насъ былъ здоровый, свѣжій цвѣтъ лица, и сами мы смотрѣли крѣпкими, сильными, полными жизненности!

„Два раза въ недѣлю кланъ „молоденькихъ“, а не кланъ „барышенъ“—тѣ почли бы себя обиженными—отправлялся въ Ботаническій садъ, гдѣ каждой изъ насъ была отведена гряда земли, на которой мы могли сажать, что̀ желали. Помню, я вырастила на моей грядѣ артишокъ и всѣхъ имъ попотчивала. Никогда еще не родилось на свѣтѣ такого вкуснаго артишока. Другая педагогичка выращивала землянику. Были также садовницы; онѣ сѣяли цвѣты.

„Занятія въ школѣ—„La Grande maison“—какъ мы ее величали—шли своимъ чередомъ, и въ первый годъ пришлось очень трудно. Надо было пріучить себя къ распредѣленію занятій, освоиться съ преподавателями, съ ихъ мѣтодомъ; надо было также соображать, съ какой товаркой бороться въ соревнованіи. Вопросъ важный, сильно дѣйствуетъ на самолюбіе. Къ чести нашего *клана*, онъ всегда сидѣлъ во главѣ класса; конечно, находились среди насъ сидѣвшія и на заднихъ скамейкахъ,—но не отъ лѣни; а отъ того, что не всѣ одинаково способны, не всѣ одинаково подготовлены. Изъ двадцати-четырехъ дѣвицъ насъ было десять дочерей вдовъ. Наши матери—или практикующія учительницы, или вдовы военныхъ, живущія на пенсію, или скромныя, одинокія rentiéres. Только одна дѣвица была дочь прачки. Ея происхожденіе изъ народа сказывалось въ рѣзкихъ манерахъ, въ бурныхъ выходкахъ; но школа все это скоро смягчила! Остальныя—дочери чиновниковъ, купцовъ. Сколько я могу судить, мы принадлежали къ семьямъ съ нѣкоторымъ достаткомъ: никогда не являлось задержки въ деньгахъ, ни съ одной изъ насъ, на общую

ли складчину, на изготовленіе новаго форменнаго платья или на покупку книгъ. Надо и то прибавить, что каждая изъ „mamans“ скорѣе себя лишила бы самаго необходимаго, чѣмъ отказала бы въ деньгахъ дочери; а вѣдь не всѣ мы, педагогички, жили въ школѣ, вдали отъ родителей, по необходимости,—нѣкоторыя и просто изъ-за каприза.

„Правда, родительскими щедротами не злоупотребляли. Директриса, особа благоразумная и разсудительная, просматривала каждую недѣлю наши карманные расходы и заносила ихъ въ особенную книжку, „Carnet des commissions“. За три года житья въ „Нормальной школѣ“, я стоила моей матери шестьсотъ франковъ, считая тутъ двѣ перемѣны платья, книги, разные мелкіе непредвидѣнные расходы и поѣздки на праздники домой. Три поѣздки въ годъ: Рождество, Пасха и лѣтнія каникулы. Мы всѣ разъѣзжались на вакаціи по домамъ. Это была непобѣдимая потребность. У себя, дома, окунешься въ семейную жизнь и вернешься въ „La Grande maison“ съ новымъ запасомъ нравственныхъ и физическихъ силъ!..

„Цѣль преподаванія въ „Нормальныхъ школахъ“—образовывать учительницъ съ правильными, самостоятельными оцѣнками; поэтому программа нормальныхъ школъ, для соисканія высшаго диплома (brevet supérieur), по своимъ занятіямъ гораздо сложнѣе, нежели приготовленіе къ тождественному диплому въ гимназіяхъ или въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Тамъ сосредоточиваются на изученіи того только, что стоитъ на программѣ, не уклоняясь ни впередъ, ни назадъ. Напримѣръ, въ программѣ по французской литературѣ стоитъ изученіе двухъ такихъ-то трагедій Корнеля; двѣ такія-то трагедіи Расина; двѣ комедіи Мольера,—опять обозначено, какія именно; то же самое и относительно остальныхъ писателей. Въ гимназіи (lycée) или въ частномъ заведеніи и начнутъ изучать именно только обозначенныя пьесы, по программѣ, просмотрятъ краткую біографію автора, чью-нибудь критику о данномъ сочиненіи и—сужденіе о писателѣ готово. Понятно, сужденіе, оцѣнка—не личныя, не самостоятельныя.

„Въ „Нормальной школѣ“ примутся изучать автора съ его раннихъ лѣтъ, будутъ рыться въ томъ, что повліяло на него, что именно развило въ немъ такое и такое-то чувство. Станутъ просматривать всю его писательскую карьеру; засядутъ за прилежное, вдумчивое чтеніе всѣхъ его произведеній, начиная съ самыхъ раннихъ и кончая самыми послѣдними; пройдутъ всю лѣстницу развитія и упадка его таланта. Такимъ образомъ ученица „Нормальной школы“ составитъ *свое собственное* мнѣніе о данномъ

писателѣ, о его значеніи въ литературѣ; она подтвердитъ это критиками, на которыхъ, конечно, укажутъ ей профессора; но самую оцѣнку она выработаетъ самостоятельно и будетъ всегда въ состояніи отстаивать свое мнѣніе и внушать его другимъ. Такого же метода изученія держатся „Нормальныя школы“ и по остальнымъ предметамъ, обозначеннымъ въ программѣ: географія, исторія, древняя литература, поскольку она соприкасается съ французской, философія, психологія, мораль (этика), педагогія, физика, химія (послѣдній урокъ былъ объ освѣщеніи ацетилэномъ; а по физикѣ—о фотографіи предметовъ съ ихъ окрасками). Естественныя науки, математика (и счетоводство), новые языки на выборъ: нѣмецкій или англійскій, сочиненія—thême и переводы—version, рисованіе: линіи и орнаменты. Вотъ что мы должны были знать, являясь на экзамены для полученія высшаго диплома. Къ концу третьяго года нашего обученія въ „Нормальной школѣ“ мы всѣ двадцать-четыре храбро дерзнули предстать на соисканіе brevet supérieur и—получили его! Это была минута настоящаго безумія, когда намъ объявили, что мы всѣ—съ дипломами! Въ первый разъ случился такой полный успѣхъ. Всѣ двадцать-четыре выпускныя ученицы и ученицы другихъ курсовъ, профессора и преподавательницы,—мы всѣ, всѣ обнимались, цѣловались, поздравляли другъ друга. Настоящее ликованіе! Ахъ, чудныя минуты! Радостныя воспоминанія!

„Экзамены происходили 29 іюня 1896 г., а въ срединѣ іюля мы уже одна за другой прощались съ „Большимъ домомъ“. Я сохранила сношенія со многими товарками; остальныхъ я потеряла изъ виду, а двѣ изъ нихъ совсѣмъ исчезли.

„По выходѣ изъ школы, намъ каждой было лѣтъ по девятнадцати. Правительство обязано давать мѣста преподавательницъ въ городскихъ училищахъ дѣвушкамъ съ высшими дипломами; но такихъ мѣстъ не хватаетъ,—предлагаютъ мѣста въ деревни, любезно справляясь: желаютъ ли въ горную мѣстность или въ прибрежную; мѣсто учительницы или „садовницы“? Соображаясь съ отвѣтомъ дѣвицы, начальство просматриваетъ отмѣтки о ея педагогическихъ способностяхъ въ дополнительной школѣ, école annexe, которая состоитъ при école normale и гдѣ, разъ въ недѣлю, по очереди, семинаристки являются учительницами, ведутъ всѣ классы, преподаютъ дѣтямъ различныхъ возрастовъ. Согласно съ отмѣтками, дирекція шлетъ рапортъ инспектору округа.

„Никогда сразу не попасть на мѣсто по своему желанію, въ особенности если быть требовательной. Случается, что назначатъ

и въ городъ, но въ помощницы,—и въ нихъ приходится подолгу состоять,—или назначатъ кандидаткой въ пригородъ. Не такъ-то легко получить мѣсто и въ деревенской школѣ. Эти мѣста оставляютъ для дѣвушекъ, окончившихъ курсъ съ простымъ дипломомъ. Есть и такія учительницы, которыя добиваются мѣстъ, получаютъ ихъ, сидятъ на нихъ, не имѣя никакой нужды въ заработкахъ,—изъ честолюбія. Эти уже настоящія sans-coeur—безсердечныя, только хлѣбъ отбиваютъ у другихъ.

„Я дебютировала въ департаментѣ Приморскихъ Альпъ, близъ границы Италіи, въ прелестной деревушкѣ, въ горахъ, 1.200 метровъ надъ уровнемъ моря. Деревушка въ девяносто-три жителя. Черезъ нее проходило пять тропъ для муловъ и одна, единственная, проселочная дорога. Совсѣмъ примитивная деревушка. Старые крестьяне—безграмотные; молодые—грамотные. Школа одна для мальчиковъ и для дѣвочекъ. При малочисленности жителей, учениковъ довольно: пятнадцать мальчиковъ и двѣ дѣвочки; всѣ они—изъ этой же самой деревушки. Ближайшая, сосѣдняя школа отстоитъ на три километра (три версты), а самая отдаленная—на четыре километра. Понятно, что каждая мѣстность и ходитъ въ свою школу.

„Всѣ мои ученики были дѣти землепашцевъ. Никто изъ жителей не нуждался; кромѣ земли, у нихъ водились и деньги. Вообще, людъ честный, трудовой и очень гостепріимный! Каждому нищему давали ночлегъ, хлѣба, и были чрезвычайно обязательны между собой. Это чувство солидарности перешло и къ дѣтямъ. Мои школьники вѣчно одолжали другъ друга чернилами, карандашами, бумагой, книжками,—вплоть до игрушекъ.

„Помѣщеніе школы—сносное; но мое—невозможное! Хотя въ деревняхъ это случается наоборотъ: квартира учительницы лучше школы. Здѣсь же моя квартира — сарай, а не комната. Дверь прямо съ улицы замыкалась простымъ крюкомъ. Какъ-то среди ночи кто-то торкается ко мнѣ, мычитъ. Я проснулась... думаю:—теленокъ! Опять торкается. Нѣтъ, не теленокъ, а пьяный! Я гнѣвно кричу: „Какъ вы смѣете! Здѣсь учительница живетъ. Вы забываетесь!“—пьяный тихо поплелся, продолжая мычать. На другой день крестьянка приходитъ извиняться за мужа, которому очень совѣстно, что обезпокоилъ учительницу.

„Если помѣщеніе отвели мнѣ плохое, за то обставилъ его муниципальный совѣтъ общины таровато. Мнѣ дали круглый столъ, четыре стула, два шкапа, вѣшалку, два четырехугольныхъ стола; съ моей собственной мебелью—кроватью, большимъ склад-

нымъ кресломъ, сундукомъ — вышла даже самая красивая меблировка изъ всей мѣстности.

„Жалованья я получала 71 фр. въ мѣсяцъ. Изъ нихъ я должна была покупать себѣ мясо, вино, молоко, яйца, хлѣбъ, керосинъ, уголь, который отпускался мнѣ по уменьшенной цѣнѣ. Овощи и фрукты были любезно приносимы матерями моихъ учениковъ, и онѣ никогда не хотѣли брать съ меня денегъ.

„Работать пришлось много. Эта мѣстность, какъ я сказала выше, граничитъ съ Италіей; поэтому языкъ состоитъ изъ провансальскихъ и итальянскихъ словъ, изъ цѣлыхъ мѣшанныхъ выраженій; на такомъ патуа говоритъ весь людъ. Чистый французскій языкъ обязателенъ только въ школѣ и въ письменныхъ сношеніяхъ. Дѣти, говоря постоянно на мѣстномъ патуа, начинаютъ дословно переводить, когда заговорятъ по-французски. Они даже и не сознаютъ тѣхъ ошибокъ, какія ихъ нарѣчіе вноситъ во французскій языкъ.

„Мое преподаваніе, по своей программѣ, было тождественно съ обученіемъ въ городскихъ начальныхъ училищахъ. Во Франціи программа одинакова для всѣхъ начальныхъ училищъ, — только намъ, учительницамъ и учителямъ, предоставляется выборъ книгъ руководствъ. Въ моей школѣ сидѣло три отдѣленія вмѣстѣ, да еще трое дѣтей въ возрастѣ пяти лѣтъ.

„Старшіе имѣли учебники. Младшіе обучались, слушая устно изложеніе уроковъ старшими и мои объясненія; затѣмъ — дѣти должны были повторять мнѣ, своими словами, прослушанное.

„Сверхъ этихъ уроковъ, я давала еще уроки вокабулъ — исправленіе неправильныхъ выраженій и удареній; уроки о разныхъ понятіяхъ — о воздержаніи отъ крѣпкихъ напитковъ, о сокращеніи домашнихъ расходовъ; понятія о гражданственности. Давала уроки шитья, рисованія, пѣнія и гимнастики.

„Съ учениками я старалась держать себя привѣтливо, но безъ фамильярности и безъ оказательства ласки кому-либо изъ нихъ. Въ рекреаціонные часы я принимала участіе въ ихъ играхъ и забавлялась искренно, не менѣе ихъ.

„Съ родителями я также старалась держать себя равно со всѣми; безъ особыхъ посѣщеній, что могло бы вызвать ревность и пересуды; такъ, я всегда отказывалась подъ благовиднымъ предлогомъ отъ приглашеній на посидѣлки въ богатыя семьи или въ семьи, гдѣ были молодые люди. Сельская учительница — одинокая дѣвушка, да если еще она недурна собой — служитъ неисчерпаемымъ предметомъ для наблюденій мѣстнаго женскаго

пола. Въ деревушкѣ, какъ моя, учительница шага не можетъ сдѣлать, слова сказать безъ пересудовъ, вкривь и вкось.

„Сношенія мои съ мэромъ ограничились выраженіемъ вѣжливости. Я сдѣлала визитъ ему и его помощнику, какъ представителямъ мѣстной власти, съ которой мнѣ, учительницѣ, надо знаться, и продолжала дѣлать имъ визиты въ оффиціальные дни; но, конечно, ни на минуту не забывая, что мои сношенія должны оставаться чисто административными. Учительница должна жить внѣ интригъ, партій; не входить въ чужую жизнь и въ свою не допускать. Такъ, принимая мэра въ школѣ, я не должна предлагать ему прохладительнаго,—онъ явился оффиціально; а пришелъ онъ ко мнѣ съ женой и дочерью, тогда я могу угостить ихъ, и то не очень. Вообще, я избѣгала личныхъ сношеній; въ случаѣ надобности, обращалась письменно и сохраняла черновики, во избѣжаніе недоразумѣній или „запамятованій".

„Съ академическимъ начальствомъ мнѣ не приходилось сноситься, да и сельской учительницѣ случается весьма рѣдко обращаться къ нему. Вотъ, съ инспекторомъ начальныхъ училищъ ей часто приходится имѣть дѣло: онъ наѣзжаетъ въ школу, слѣдитъ за преподаваніемъ, за результатами ея обученія. Черезъ него сельская учительница знаетъ о степени грамотности въ другихъ школахъ. Онъ же стоитъ посредникомъ между сельской учительницей и ея высшимъ академическимъ начальствомъ. Къ нему же, къ инспектору, обращается она при разныхъ недоразумѣніяхъ. „Ибо невинность живетъ въ хрустальномъ домѣ и заявляетъ о своихъ правахъ, когда о нихъ позабываютъ; но не учительницѣ самой бороться за свои права; достоинство дѣвушки налагаетъ на нее извѣстную сдержанность. Ея начальство—оно должно признавать ея права и ограждать ее отъ попранія ихъ". Однимъ словомъ, инспекторъ начальныхъ училищъ играетъ роль добраго отца относительно насъ, сельскихъ педагоговъ. Понятно, выполненіе этой роли зависитъ отъ личности инспектора.

„Съ мѣстнымъ кюре́ у меня вышла непріятность. Духовенство недолюбливаетъ педагогическій персоналъ écoles laïques, что совершенно естественно, особенно въ настоящее время. Обязательныхъ сношеній сельской учительницы съ кюре́ не существуетъ. Онъ—такой же чиновникъ, какъ и она, только изъ другого вѣдомства; но житейскія обстоятельства могутъ заставить учительницу снестись съ кюре́. Такъ случилось и со мной. Здѣсь я должна упомянуть кстати, что вся мѣстность, гдѣ находилась моя школа, была очень религіозна и съ большимъ чинопочитаніемъ. Въ воскресенье жители отправлялись въ церковь. Дѣти

становились вокругъ алтаря, les notables и пѣвчіе усаживались на первыхъ скамьяхъ; за ними усаживались молодые крестьяне; а потомъ уже — жены и дочери, и опять по старшинству — сперва барышни, потомъ молодыя дѣвушки, молодыя женщины, наконецъ старухи. При входѣ въ церковь стояли женщины съ младенцами-сосунами. На верху, на хорахъ, сидѣли старики и люди очень набожные. Какъ я сказала выше, — весь тамошній крестьянскій людъ былъ трудовой, честный. За все мое пребываніе среди нихъ только разъ случился „грѣхъ"... родился незаконный ребенокъ, очень слабенькій. Послали за кюре́, звать его окрестить ребенка. Онъ не пожелалъ крестить незаконное дитя, un enfant du diable; такъ и сказалъ: „чортовъ ребенокъ". Тогда я подговорила женщинъ самимъ окрестить ребенка. Это у насъ допускается, если новорожденный очень слабенькій. Первый попавшійся—мужчина, женщина, кто случится—дѣлаетъ крестное знаменіе на лобикѣ новорожденнаго, смачиваетъ головку водой, и младенецъ—окрещенъ. Когда маленькій умеръ, кюре́ только отпѣлъ его въ церкви, а на кладбище ни за что не хотѣлъ сопровождать гробикъ.

— Пускай ваша учительница идетъ за нимъ!

„Я и пошла.

Это столкновеніе съ кюре́ не развилось въ непріятную исторію только потому, что я оставалась тамъ меньше года.

„Мы, les normaliennes, семинаристки, отправляемся учительницами въ подобныя деревушки, какъ удобныя, полезныя мѣста для нашихъ дебютовъ, и ѣдемъ въ полномъ убѣжденіи, что это — на очень короткое время; иначе ни одна изъ насъ не отправлялась бы съ такимъ легкимъ сердцемъ. Отчужденность, одиночество, скука и тоска — вотъ удѣлъ незамужней сельской учительницы.

„Послѣ я получила мѣсто въ городѣ, младшей учительницы въ городскомъ училищѣ.

„Теперь я веду высшій классъ—cours supérieur. Мои ученицы сдаютъ экзамены на свидѣтельство начальнаго обученія, т.-е. сами могутъ поступать сельскими учительницами.

„Боже мой! Когда подумаешь: чему, чему только не учили насъ въ „Нормальной школѣ" для того, чтобы потомъ, въ этихъ начальныхъ училищахъ, намъ приходилось такъ мало преподавать. Три года сидѣть въ „Нормальной школѣ" съ ея программой кропотливыхъ, сложныхъ изученій по всѣмъ предметамъ — вѣдь это, право, слишкомъ много класть и времени, и труда. И ка̀къ всѣ науки, книжки, какъ все это скоро позабылось!!..."

На этомъ останавливается записка m-me Вердьé. Она не вполнѣ удовлетворила меня; но не слѣдуетъ забывать, что г-жа Вердьé состоитъ на государственной службѣ. Ей не полагается въ подобномъ „документѣ“ пускаться въ большія откровенности, да еще съ иностранкой. И за такую рукопись я должна была сказать ей спасибо, чтò я и сдѣлала съ первой же почтой.

С. Б—на.

ФАБІАНЦЫ

Изъ лондонскихъ наблюденій.

Среди лондонскихъ политическихъ обществъ фабіанское—одно изъ наиболѣе доступныхъ и интересныхъ. Его члены зовутъ себя соціалистами, но соціалисты другихъ оттѣнковъ открещиваются отъ нихъ и отзываются о нихъ едва-ли не съ бо̀льшимъ пренебреженіемъ, чѣмъ объ обществахъ чисто буржуазнаго характера. Они говорятъ, что больше всего интересуются рабочимъ вопросомъ, но среди нихъ трудно встрѣтить человѣка, который добывалъ бы кусокъ хлѣба мускульнымъ трудомъ. Они считаютъ себя политиками, но довольно бережно сторонятся отъ уличной пропаганды и непривлекательной возни съ чернымъ людомъ. Посѣтитель ихъ митинговъ все время находится подъ впечатлѣніемъ, что онъ попалъ въ среду людей средняго класса, благовоспитанныхъ, благожелательныхъ, образованныхъ, свободныхъ отъ предразсудковъ, но интересующихся жгучими вопросами дня больше со стороны, больше головою, чѣмъ кровью и нервами.

Но это лучшая и наиболѣе привлекательная часть англійскаго средняго класса. Въ обществѣ членовъ немного, но среди нихъ есть люди съ именемъ или даже съ талантомъ. Душою общества является человѣкъ мало извѣстный въ Россіи, но безспорно самый интересный. Это Джорджъ Бернардъ Шо (G. Bernard Shaw). Недруги зовутъ его придворнымъ шутомъ фабіанцевъ за юмористическую трактовку самыхъ серьезныхъ вопросовъ. Онъ, безспорно, злоупотребляетъ своимъ большимъ остро-

уміемъ, но это не уменьшаетъ цѣны его дарованій. Онъ какъ бы созданъ для роли руководителя и увеселителя такого общества—клуба людей просвѣщенныхъ, передовыхъ и уравновѣшенныхъ. Онъ обладаетъ большой начитанностью, умомъ гибкимъ и воспріимчивымъ, рѣдкимъ ораторскимъ талантомъ, способнымъ и къ страстной отповѣди, но всего болѣе сильнымъ въ тонкой и острой насмѣшкѣ. Шо — прежде всего говорунъ фабіанскихъ засѣданій, которому всегда принадлежитъ послѣднее слово, но въ послѣднее время онъ пріобрѣлъ себѣ имя интересными и остроумными драматическими опытами (Plays pleasant and unpleasant, Four plays for puritans), которые несомнѣнно выдѣляются на безталанномъ фонѣ остальной драматической литературы. Шо написалъ и любопытный выборный памфлетъ 1900-го года, „Фабіанизмъ и имперія“, который возбудилъ много толковъ въ радикальныхъ и соціалистическихъ кругахъ и навлекъ на фабіанцевъ столько обвиненій въ измѣнѣ традиціямъ и въ джингоизмѣ.

Другой столпъ общества — Сидни Уэббъ, очень хорошо извѣстный въ Россіи, мужъ Беатрисы Поттеръ и авторъ „Исторіи трэдъ-юніонизма“ и „Промышленной демократіи“. Онъ представляетъ собою почти противоположность Шо: плохой ораторъ, немного косноязычный, послѣдовательный, прямолинейный человѣкъ немногихъ идей, зато обладающій большимъ здравымъ смысломъ и исключительной рабочей силой. Онъ—горячій сторонникъ рабочихъ союзовъ и муниципальнаго соціализма. Въ совѣтѣ лондонскаго графства онъ—одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ, и слова „London County Council“ и „Board of Local Government“ почти не сходятъ съ его устъ. Въ настоящее время онъ читаетъ интересный курсъ по исторіи мѣстнаго самоуправленія въ лондонской школѣ политическихъ и экономическихъ наукъ. Онъ очень гордится своимъ званіемъ совѣтника и вмѣстѣ со многими фабіанцами раздѣляетъ увѣренность, что неуклонное развитіе мѣстнаго самоуправленія способно разрѣшить чуть не всѣ общественныя неурядицы. Любопытно, что блестящій Шо, къ которому такъ мало идутъ заботы о ночлежныхъ домахъ и электрическихъ проводахъ, очень кичится своей практической дѣятельностью и на каждомъ засѣданіи напоминаетъ слушателямъ, что онъ—совѣтникъ округа St. Pancras; но ему чуждъ наивный оптимизмъ Уэбба.

Изъ другихъ членовъ общества можно назвать извѣстнаго экономиста Джона Гобсона, священника-соціалиста Стьюарта Гэдлама (Rev. Stewart Headlam), привлекательнаго дѣятеля по народному образованію Грэгэма Уолласа (Graham Wallas), автора

интересной книги о Фрэнсисѣ Плэсѣ, шотландскаго профессора греческой словесности Гильберта Мёрри (Gilbert Murray).

На вопросъ, что теперь дѣлаютъ фабіанцы, отвѣтить очень нетрудно: отъ времени до времени они издаютъ тоненькіе листки и толстенькія брошюры, а разъ въ двѣ недѣли, черезъ пятницу, собираются въ Clifford's Inn Hall, слушаютъ чей-нибудь докладъ, подвергаютъ его товарищескому обсужденію и, даже не выпивъ чашки чаю, мирно расходятся по домамъ.

Изъ тоненькихъ фабіанскихъ листковъ (Fabian tracts) составилась толстая, интересная и дешевая книга, которую можно смѣло рекомендовать для элементарнаго ознакомленія съ политическими, общественными и экономическими вопросами, волнующими современное англійское общество. Во время послѣднихъ двухъ предвыборныхъ агитацій фабіанцы выпустили два своихъ манифеста со связнымъ изложеніемъ своей политической и экономической программы. Но этимъ и ограничивается литературная дѣятельность общества. Отдѣльные члены пишутъ въ газетахъ и журналахъ, издаютъ книги, но только за своей личной отвѣтственностью.

У фабіанцевъ немного членовъ. У нихъ нѣтъ ни одного представителя въ палатѣ общинъ и они даже не мечтаютъ о собственномъ представительствѣ. Притомъ они не составляютъ особой политической партіи. Почти всѣ они принадлежатъ къ среднему классу, но въ своемъ общественномъ кругу они находятъ мало сторонниковъ, потому что кажутся слишкомъ радикальными и вызываютъ протестъ своимъ пренебреженіемъ ко многимъ предразсудкамъ, священнымъ для каждаго рядового англичанина. Для рабочихъ фабіанцы недостаточно демократичны. Въ прежнее время наиболѣе видные вожди рабочаго движенія, Джонъ Бёрнсъ, Томъ Маннъ, Бенъ Тиллетъ, были членами общества; теперь они вышли изъ него. Это не значитъ, чтобы фабіанская программа казалась рабочимъ слишкомъ умѣренной: цѣли многихъ рабочихъ союзовъ значительно скромнѣе и осуществимѣе, но фабіанцы не подходятъ къ рабочей средѣ по своему достатку, по образованію, языку, манерамъ. Рабочій видитъ въ фабіанцѣ человѣка чужого класса и нѣсколько сторонится отъ него, точно такъ же, какъ воспитанный въ Оксфордѣ фабіанецъ чувствуетъ себя не совсѣмъ свободно съ какимъ-нибудь докеромъ или чернорабочимъ. Фабіанцы хвастаются тѣмъ, что у нихъ, въ отличіе отъ другихъ партій, мало людей, но много идей. И ихъ любимая мечта состоитъ въ томъ, чтобы пронизать, напитать (to permeate) существующія партіи фабіанскими идеями

и тѣмъ подготовить почву для новаго общественнаго строя. За фабіанцами числится практическое дѣло не въ области политики, а въ сферѣ городского самоуправленія. Фабіанцы немало способствовали тому оживленію, которое наблюдается теперь въ англійской муниципальной жизни. Несмотря на общую политическую реакцію, даже въ ультра-консервативномъ Лондонѣ прогрессисты не только не теряютъ своего большинства, но даже увеличиваютъ его и непрерывно расширяютъ сферу городского хозяйства; и фабіанцы—очень вліятельные члены совѣта лондонскаго графства, такъ что на фабіанскихъ засѣданіяхъ принято говорить объ этомъ совѣтѣ, какъ о своемъ собственномъ учрежденіи. И въ прогрессивномъ школьномъ совѣтѣ Лондона есть вліятельные фабіанцы.

Фабіанское общество не сразу приняло характеръ кружка единомыслящихъ образованныхъ людей для мирнаго собесѣдованія о разныхъ политическихъ и неполитическихъ вопросахъ. Шо въ остроумной брошюрѣ (Fabian tract, № 41) разсказалъ начальную его исторію. Фабіанское общество образовалось въ 1883 году вслѣдствіе раскола въ одномъ кружкѣ, который стремился мирно возродить человѣчество нравственнымъ усовершенствованіемъ индивидуальнаго характера. Нѣкоторые члены кружка остались недовольны его миролюбіемъ и образовали кружокъ съ болѣе боевымъ направленіемъ, стремясь перестроить все общество на высшихъ нравственныхъ основаніяхъ. Въ 1884 году они обсуждали вопросъ, что лучше, деньги или трудовые чеки (labour notes), и выпустили tract, № 4, „What socialism is“, гдѣ устанавливались, какъ равноправныя, двѣ программы: коллективизмъ и анархизмъ. Теперь фабіанцы старательно открещиваются отъ своего грѣха, считая анархизмъ совершенной безсмыслицей и называя вѣру въ общественный переворотъ благочестивой утопіей. Въ послѣдніе годы фабіанцы навлекли на себя много нареканій даже среди англійскихъ либераловъ своимъ двусмысленнымъ отношеніемъ къ имперіалистическимъ теченіямъ, занимающимъ такъ много мѣста въ современной англійской жизни. Даже умѣренные люди обвиняли ихъ въ измѣнѣ и въ стремленіи подслужиться Розбери и даже чуть ли не Чемберлэну.

Въ „Daily News“, въ октябрѣ 1901 года, печатались любопытныя письма о фабіанскихъ пустякахъ (Fabian futilities). Письмо извѣстнаго марксиста Бельфорта Бакса хорошо выясняетъ раздражительное отношеніе крайнихъ людей къ современнымъ фабіанцамъ. Баксъ заявляетъ, что фабіанцы вовсе не соціалисты, а бюрократы. Главные члены, вожди общества, состояли или со-

стоятъ на гражданской службѣ. Оттого они восхваляютъ вездѣ „экспертовъ“ и отодвигаютъ назадъ народъ. Они готовы видѣть соціализмъ въ почтамтѣ и въ уличныхъ фонаряхъ. Всего важнѣе для нихъ мѣста и оклады. И войну съ бурами они хвалятъ потому, что въ южной Африкѣ предвидятся новыя мѣста и новые оклады.

Зимою 1901—1902 года я посѣщалъ фабіанскія пятницы. Эти засѣданія совсѣмъ не похожи на политическіе митинги и напоминаютъ скорѣе засѣданія клуба или даже пріятельскую бесѣду непринужденностью тона и отсутствіемъ всякаго показного краснорѣчія. Меня поразило своеобразіе темъ. Фабіанцы всего болѣе интересовались современной драмой въ тотъ годъ, когда другіе не хотѣли слышать ни о чемъ, кромѣ трансваальской войны. Обсуждались и другіе вопросы, не менѣе далекіе отъ текущей политики. Вслѣдствіе этого у меня составилось отчетливое представленіе о взглядахъ, интересахъ и чувствахъ образованныхъ и передовыхъ англичанъ по поводу широкаго круга вопросовъ. Въ этомъ ознакомленіи съ уголкомъ духовной жизни современнаго англійскаго общества и состоитъ единственный интересъ моего непритязательнаго отчета.

---

11 октября 1901 года Робертъ Делль говорилъ о католическомъ факторѣ въ политикѣ. Докладчикъ былъ очень любопытенъ. Онъ началъ съ заявленія, что онъ—ортодоксальный католикъ. Между тѣмъ по своей ненависти къ римской теократіи и церковной централизаціи онъ почти пуританинъ, а по грубому джингоизму—почти сотрудникъ „Daily Mail“. Я привожу дальше краткое содержаніе его рѣчи.

Англичане ровно ничего не понимаютъ въ жизни католической церкви. Изъ сотни образованныхъ англичанъ едва ли хоть одинъ въ состояніи указать содержаніе и задачи законопроекта Вальдека-Руссо объ ассоціаціяхъ (Loi sur les associations страстно обсуждался незадолго передъ тѣмъ въ Бурбонскомъ дворцѣ). Многіе готовы сочувствовать несчастнымъ монахамъ и обвинять радикальное министерство въ религіозныхъ гоненіяхъ. Они не понимаютъ того, что самыя рѣзкія постановленія проекта представляютъ только законную самооборону государства противъ систематическихъ захватовъ властолюбиваго духовенства и нисколько не затрогиваютъ религіозной совѣсти. Многіе французскіе монахи перебираются въ Англію. Почти никто не боится ихъ, а между тѣмъ они будутъ готовить всякіе комплоты противъ французской

республики и могутъ легко поссорить Англію съ французскимъ правительствомъ.

Подобное невѣжество по отношенію къ жизни католическаго міра сопряжено для англичанъ съ значительными опасностями. Въ Ирландіи, Канадѣ, Австраліи много католиковъ, и даже въ Англіи мечтаютъ создать католическую партію въ родѣ нѣмецкаго центра, чтобы поддерживать равновѣсіе между консерваторами и либералами и такимъ путемъ занять господствующее положеніе. На послѣднихъ выборахъ въ сѣверо-восточномъ Ланаркѣ (октябрь, 1901 г.) всѣ три кандидата—консерваторъ, либералъ, рабочій (Rattigan, Harmsworth, Smillie) были принуждены обѣщать избирателямъ-ирландцамъ католическій университетъ въ Дублинѣ.

Въ Ватиканѣ ненавидятъ Англію, какъ главную протестантскую державу, которая болѣе всѣхъ мѣшаетъ возстановить свѣтскую власть папы. Католической церковью заправляютъ теперь римляне, которые испоконъ вѣка интересовались только политикой, а не религіей. Среди прелатовъ много враговъ Англіи. Архіепископъ Воганъ презрительно отзывался въ Квебекѣ (Quebec) о королевѣ Викторіи. Въ настоящее время отмѣна деклараціи при вступленіи на престолъ (въ „Accession Declaration" все еще сохраняются въ первоначальномъ видѣ очень оскорбительные отзывы о католической церкви) есть боевой кличъ католиковъ. Въ Мельбурнѣ кардиналъ Моранъ грозилъ отдѣленіемъ колоніи, если деклараціи не отмѣнятъ. Все католическое духовенство проникнуто грубо-реакціоннымъ духомъ. Находящіеся въ рабствѣ у священниковъ ирландскіе націоналисты—тоже реакціонеры, невѣжды и нарушители вѣрноподданнической присяги. Католическій университетъ въ Дублинѣ станетъ орудіемъ мракобѣсія: тамъ не будутъ позволять читать ни Гиббона, ни Дарвина. Но англійскіе католики-міряне не похожи на ирландцевъ: они лояльны, либеральны и высокообразованны. Докладъ заканчивался предложеніемъ учредить англійскую дипломатическую миссію при Ватиканѣ, чтобы слѣдить за папой и не позволять врагу Англіи Рамполлѣ слишкомъ сильно вредить англійскимъ интересамъ.

Пренія дѣйствительно показали, что члены общества плохо знаютъ положеніе дѣлъ въ католической церкви. По существу почти не касались вопроса. Нѣсколько человѣкъ, особенно Шо, указали на невозможное положеніе Делля: называя себя католикомъ, онъ поноситъ теократію и обвиняетъ почти всѣхъ своихъ единовѣрцевъ въ измѣнѣ. Ему не безъ основанія предрекали отлученіе. Другіе высказывались противъ миссіи при Ватиканѣ

на томъ странномъ основаніи, что папѣ не слѣдуетъ заниматься политикой, а что разсуждать съ нимъ о богословіи не стоитъ.

Никто не отмѣтилъ самаго слабаго мѣста въ этомъ докладѣ, который страшно преувеличилъ политическую опасность отъ католицизма. Двѣ-три проповѣди, двѣ-три газетныхъ статьи въ „Osservatore Romano" были раздуты въ событіе большой важности; сепаратистскія стремленія въ Ирландіи, Канадѣ, Австраліи совершенно тенденціозно выводились только изъ пропаганды католическаго духовенства. Меня непріятно поразило, что никто не протестовалъ противъ слишкомъ обильныхъ обвиненій въ измѣнѣ.

25-го октября Уильямъ Арчеръ, извѣстный театральный и литературный критикъ, докладывалъ объ англійской драмѣ въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ. Это былъ первый изъ многочисленныхъ докладовъ о театрѣ, очень длинный и скучный: безконечный перечень заглавій, авторовъ и актеровъ перемежался съ общими либо поверхностными мѣстами. Арчеръ сознавался, что до семидесятыхъ годовъ англичане не писали ничего самостоятельнаго и только передѣлывали легкомысленные водевили, оперетки и комедіи второй имперіи. Но потомъ замѣчаются проблески оригинальности въ мелодрамѣ и музыкальной комедіи (musical comedy обозначаетъ водевиль или фарсъ съ музыкой; нѣсколько странно было слышать, что литературный критикъ считаетъ его видомъ искусства). На дальнѣйшую судьбу театра всего больше повліяло развитіе желѣзныхъ дорогъ и безмѣрное преобладаніе Лондона. Провинціальныя сцены теряютъ всякую оригинальность и обращаются въ блѣдныя копіи лондонскихъ театровъ; на нихъ даже часто играютъ наѣзжающія изъ Лондона труппы, причемъ провинціаловъ стараются заманить обѣщаніемъ, что пьеса будетъ разыграна точь въ точь какъ въ „Coronet" или „Haymarket". Благопріятнымъ условіемъ для развитія драмы было то, что модное общество, раньше презиравшее театръ, постепенно примиряется съ нимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ зрительномъ залѣ устроили очень дорогія мѣста (boxes, stall), свѣтскіе люди стали считать своимъ долгомъ посмотрѣть главныя новинки сезона. А въ концѣ семидесятыхъ годовъ появляются первые хорошіе образцы англійской драмы, особенно пьесы Пинеро. Еще позже, въ восьмидесятыхъ годахъ, подъ вліяніемъ Ибсена и „Свободнаго театра" Антуана пишутся опыты соціальной драмы съ серьезнымъ содержаніемъ. Арчеръ придавалъ очень большое значеніе комедіи Пинеро „Second Mrs. Tankeray",

въ которой онъ видитъ начало новой эры въ исторіи англійской драмы. Онъ терпѣливо перечислилъ всѣ пьесы послѣдняго десятилѣтія и всѣ хвалилъ, но особенно выдвигалъ Пинеро. Заключеніе состояло въ томъ, что желательны субсидированные театры и что не хорошо давать одну пьесу сто, двѣсти разъ подъ-рядъ (это зовется въ Англіи „long run“). Но вообще Арчеръ очень доволенъ, полонъ надеждъ и осмѣливается ставить современную англійскую драму рядомъ съ французскою и нѣмецкою.

Докладчикъ не встрѣтилъ никакого сочувствія во время преній. Всѣ говорившіе были очень невысокаго мнѣнія о современной англійской сценѣ. Фабіанцы склонны относиться свысока ко всему, кромѣ своего общества, но въ данномъ случаѣ ихъ пренебреженіе было довольно законное. Всего интереснѣе говорилъ Шо. Его положеніе было довольно щекотливое, потому что онъ самъ—одинъ изъ главныхъ новѣйшихъ драматурговъ. Онъ заявилъ, что не скажетъ ни слова о своихъ пьесахъ, которыя Арчеръ хвалилъ, но находилъ несценичными и слишкомъ умными для большой публики. Шо разоблачилъ, что Пинеро—закадычный другъ Арчера и что въ преувеличенныхъ восхваленіяхъ есть доля простого кумовства. По мнѣнію Шо, Пинеро вовсе не возвысился надъ старою пошлостью и посредственностью. Въ его пьесахъ есть сценическая ловкость, но рѣшительно никакого содержанія. И въ „Second Mrs. Tankeray“ все сводится къ любовной интригѣ въ свѣтскомъ обществѣ. Никакой попытки изображать жизнь низшихъ классовъ и важныя общественныя явленія или проводить какія бы то ни было идеи. Шо сознался, что у него тоже есть пріятель, Atherley Jones. Какъ Арчеръ старался просвѣтить Пинеро, такъ онъ, Шо, старался просвѣтить Джонса. Въ началѣ ученикъ сдѣлалъ успѣхи; въ двухъ пьесахъ Джонса („Middlemen“, „Cruzadoes“) звучатъ соціальные, даже экономическіе мотивы. Но очень скоро оказалось, что просвѣщеніе не привело ни къ чему. Идеи отстали отъ Джонса, какъ штукатурка отъ стѣны, и въ своихъ послѣднихъ вещахъ Джонсъ по отсутствію содержанія не уступаетъ Пинеро. Это совершенно то же, что съ попыткой фабіанцевъ пропитать либеральную партію соціальными идеями. Она тоже не привела ни къ чему. Уильямъ Гаркортъ и Джонъ Морли можетъ быть и превосходные джентльмены въ своей сферѣ (in their own line), но какъ прежде у нихъ не было никакихъ идей, такъ и теперь нѣтъ. Шо мало вѣритъ въ будущее англійскаго театра. Въ настоящее время публика, для которой промышленники-драматурги и промышленники-антрепренеры поставляютъ по дорогимъ цѣнамъ свои пьесы,

требуетъ одного: чтобы пьеса слегка, въ предѣлахъ приличія, щекотала чувственность и чтобы она вовсе не утруждала головы. Когда слышатъ о новой пьесѣ, то всегда задаютъ одинъ вопросъ: кто главная lady и съ кѣмъ у нея романъ (who is the leading lady and with whom is she in love). Пока не повысится уровень требованій публики, улучшеніе театра невозможно.

Рѣзкій отзывъ Шо о Пинеро обидѣлъ одну барышню. Она съ горячностью заявила, что въ „Second Mrs. Tankeray" Пинеро смѣло затронулъ одинъ и страшно важный общественный вопросъ,—половой. На дѣлѣ вся смѣлость Пинеро заключается въ томъ, что онъ спрашиваетъ, можно ли приличному человѣку жениться на женщинѣ хорошей, но съ неприличнымъ прошлымъ, и отвѣчаетъ отрицательно. Когда потомъ Арчеръ указалъ, что Шо говоритъ о любви съ большимъ пренебреженіемъ, но что его пьесы полны любовныхъ исторій, барышня сочувственно хохотала.

Шо подвергся нападкамъ и за свое отношеніе къ Джонсу. Одинъ джентльменъ заявилъ, что онъ не чувствуетъ никакого пристрастія къ Пинеро, но что Джонсъ нисколько не лучше. Образованному человѣку въ Англіи неприлично ходить въ театръ. Онъ попробовалъ только одинъ разъ: это былъ самый скучный и тоскливый вечеръ въ его жизни.

Грэгэмъ Уолласъ закончилъ пренія. Онъ тоже очень нелестнаго мнѣнія объ англійской сценѣ. Онъ только прибавилъ, что и въ другихъ сферахъ жизни виды на будущее очень неутѣшительные. Онъ помнитъ, какъ онъ вѣрующимъ энтузіастомъ попалъ въ Лондонъ изъ Оксфорда въ 1884 году. Тогда только-что прошелъ Гладстоновскій билль объ избирательномъ правѣ; люди его убѣжденій глубоко вѣрили въ политическій смыслъ рабочаго класса и ждали широкихъ соціальныхъ реформъ; на сценѣ стали появляться содержательныя пьесы Ибсена. Теперь прошло семнадцать лѣтъ, и онъ приближается къ старости. Что же сдѣлано? Ничего. Можетъ быть, люди даже отодвинулись назадъ. Нужно начинать съ самаго начала.

Положеніе Арчера было непріятное, и его отвѣтъ былъ очень блѣдный. Онъ бранилъ Джонса, потомъ увѣрялъ, что Пинеро еще можетъ написать что-нибудь большое, потому что онъ не старъ, а Ибсенъ написалъ свои главныя вещи старикомъ. Къ англійскому театру нельзя прилагать безусловной мѣрки. Надо сравнивать настоящее съ тѣмъ, что было, а не съ тѣмъ, что желательно. По сравненію съ прошлымъ несомнѣнны большіе успѣхи.

Слѣдующая пятница, 8 ноября, была очень характерна для фабіанцевъ. Я могъ познакомиться съ мнѣніями о двухъ самыхъ жгучихъ вопросахъ англійской жизни,—объ имперіализмѣ и о судьбѣ либеральной партіи. Сидни Уэббъ читалъ о Policy of national efficiency. Я не умѣю перевести выраженія efficiency—вѣроятно самаго моднаго теперь въ Англіи слова. Оно обозначаетъ практичность, или, точнѣе, способность достигать намѣченной цѣли, умѣнье находить наиболѣе пригодныя для этого средства. Успѣхъ этого слова созданъ неудачами англичанъ во время трансваальской войны и равнодушіемъ среднихъ классовъ къ принципіальнымъ вопросамъ въ политикѣ. Ходъ кампаніи обнаружилъ неподготовленность арміи и генеральнаго штаба; и даже самые самодовольные тори, увѣренные въ безконечномъ превосходствѣ англосаксовъ надъ остальными низшими расами, стали сомнѣваться въ достоинствахъ своего правительства и въ обезпеченности національной обороны. Съ другой стороны, политическія и соціальныя реформы XIX вѣка совершенно удовлетворили средніе классы Англіи. Они достигли всего, чего хотѣли, и ясно сознаютъ, что дальнѣйшее движеніе на пути политическихъ и особенно экономическихъ реформъ можетъ только поколебать ихъ положеніе. Они естественно склонны думать, что всѣ основные вопросы политики уже разрѣшены въ Англіи и что всякая попытка снова возбудить къ нимъ общественное вниманіе безполезна или вредна. И успѣхъ лозунга efficiency есть краснорѣчивое свидѣтельство о безпринципности, господствующей въ значительной части англійскаго общества. Даже выдающіеся дѣятели, какъ Розбери, способны серьезно увѣрять толпу, что въ политикѣ важны не общія начала и цѣли, а только пригодность средствъ достигнуть намѣченной цѣли.

Незадолго передъ тѣмъ Уэббъ помѣстилъ въ „Nineteenth Century“ статью „Lord Rosebery's escape from Houndsditch“, которая обратила на себя значительное вниманіе странными въ устахъ соціалиста восхваленіями аристократа-дилеттанта и крайне враждебнымъ отношеніемъ къ либеральной партіи. Оказалось, что докладъ Уэбба близокъ къ журнальной статьѣ и полонъ того же настроенія.

Уэббъ началъ съ рѣзкой критики англійскаго либерализма, къ которому, однако, онъ совсѣмъ не съумѣлъ отнестись справедливо. Въ его изображеніи всѣ англійскіе либералы—крайніе индивидуалисты и безусловные враги государства. Въ свое время они до нѣкоторой степени отвѣчали общественному настроенію, но теперь времена перемѣнились. Въ послѣднія пятнадцать-двадцать

лѣтъ въ англійскомъ обществѣ произошелъ рѣзкій переворотъ: люди перестали мыслить индивидуально и стали мыслить коллективно; удовлетворенія своихъ нуждъ они ждутъ только отъ государственнаго вмѣшательства. Призывъ къ освобожденію отъ государственныхъ узъ и стѣсненій утратилъ всякую привлекательность. Либералы безповоротно умерли, и городское населеніе навсегда отъ нихъ отвернулось. Рабочіе отдаютъ свои голоса юніонистамъ, потому что послѣдніе все-таки лучше своихъ противниковъ: они свободны отъ предразсудковъ и интересуются имперіей. Но это не значитъ, чтобы у теперешнихъ консерваторовъ было какое-нибудь будущее. Ихъ успѣхъ чисто временный, потому что другое правительство немыслимо. Сами по себѣ они тоже плохи и, какъ показала война, даже не могли организовать народной обороны. Будущее принадлежитъ тѣмъ, кто напишетъ на своемъ знамени „national efficiency“, кто научитъ народъ производить наиболѣе легкимъ путемъ наибольшую сумму работы. Въ этомъ и будетъ состоять истинная политическая программа XX вѣка.

Въ политикѣ XX вѣка вовсе не будетъ принципіальныхъ вопросовъ. Англичане совершенно перестали интересоваться такими вещами, какъ религіозная и политическая свобода, отдѣленіе церкви отъ государства, избирательное право. Англичанамъ нужны двѣ вещи: соблюденіе своихъ обязанностей передъ имперіей и хорошее министерство мѣстнаго управленія. — „Соблюденіе обязанностей передъ имперіей“ не сходитъ съ устъ англійскихъ квасныхъ патріотовъ, и уважающему себя человѣку не передъ всякой аудиторіей возможно произносить эти слова.— Поэтому Уэббъ поспѣшилъ оговориться, что его привязанность къ имперіи вытекаетъ изъ космополитизма, а не изъ національнализма. Имперія стоитъ выше національности и вмѣщаетъ въ себѣ самыя разнообразныя народности. Уэббъ забылъ только прибавить, что строй имперіи основанъ на преобладаніи говорящихъ по-англійски людей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ на эксплуатаціи „низшихъ“ расъ. Но о подробностяхъ организаціи имперіи Уэббъ говорилъ очень мало; онъ остановился почти исключительно на домашнихъ дѣлахъ. Изъ политическихъ реформъ нужна одна: въ палатѣ общинъ слѣдуетъ завести побольше коммиссій и не позволять никому говорить больше четверти часа, а то при теперешнихъ порядкахъ парламентъ только въ рѣдкихъ случаяхъ способенъ довести до конца сложное дѣло. Однако устройство парламента—вещь второстепенная. Гораздо важнѣе хорошіе фабричные законы, хорошія жилища, санитарное благоустройство,

реформа общественнаго призрѣнія, хорошія начальныя школы (любопытно, что Уэббъ не высказывается рѣшительно противъ конфессіональныхъ школъ) и доступное всѣмъ среднее и высшее техническое образованіе. Всѣми этими дѣлами должны завѣдывать изъ центра эксперты, которымъ нужно предоставить право принудительно наводить на всю Англію — а если можно, то и на всю имперію — одинъ минимальный уровень, ниже котораго не должно опускаться общественное благоустройство. Уэббъ заявляетъ въ то же время, что онъ остается горячимъ сторонникомъ мѣстнаго самоуправленія. Онъ думаетъ, что есть очень простое средство совмѣстить строгій контроль центральнаго управленія съ мѣстной свободой. Это—вспомогательныя ассигновки (grants in aid). Разъѣзжающіе изъ центра эксперты должны внимательно слѣдить за всѣми отраслями областного управленія и хозяйства. Если онѣ оказываются не ниже обязательнаго уровня, то пусть государственное казначейство беретъ на себя значительную долю, скажемъ—половину произведенныхъ расходовъ. Сверхъ того нужно создать моральное побужденіе для усердной работы на общественную пользу. Городамъ и мѣстнымъ дѣятелямъ, у которыхъ окажутся самыя лучшія школы, больницы, жилища, можно давать знаки отличія и тѣмъ возбудить чувство соревнованія. Во время преній нѣкоторые отнеслись съ подозрѣніемъ и недоумѣніемъ къ соціалистическимъ орденамъ. Но Уэббъ настаивалъ на ихъ важности. По его мнѣнію, нѣтъ ничего дурного въ томъ, что англичане съ подобострастіемъ смотрятъ на высшихъ. Эта особенность національной психологіи можетъ сослужить большую службу въ государствѣ будущаго. Въ настоящее время нехорошо то, что англичане почитаютъ не того, кого нужно. Способность уважать высшихъ становится полезною, когда государство отличаетъ людей выдающихся и за дѣйствительныя заслуги.

Докладъ производилъ непріятное впечатлѣніе соединеніемъ большой претенціозности съ бѣдностью мысли. Въ существѣ дѣла докладъ состоялъ изъ преувеличенныхъ обличеній либерализма и изъ безспорныхъ соображеній о томъ, что надо строить хорошіе мосты, больницы и дома для рабочихъ. А между тѣмъ Уэббъ полагалъ, что онъ доказываетъ тщету почти всѣхъ стремленій истекшаго вѣка и что онъ предугадываетъ направленіе политической жизни многихъ будущихъ поколѣній. Экономистъ по спеціальности, Уэббъ ничего не сказалъ объ обложеніи, лэндлордизмѣ, о трёстахъ, о борьбѣ общественныхъ классовъ. Называя себя имперіалистомъ, онъ не обмолвился ни словомъ о между-

народномъ положеніи Англіи, о средствахъ сплотить имперію, о національной борьбѣ въ Ирландіи, Индіи, южной Африкѣ. Уэбба спрашивали, что онъ думаетъ о войскѣ и внѣшней политикѣ. Онъ откровенно отвѣтилъ, что мало смыслитъ въ этихъ вещахъ, но что въ англійской арміи и дипломатіи совсѣмъ нѣтъ efficiency; а между тѣмъ несомнѣнно существуетъ какой-нибудь способъ научно вести войну и дипломатическія сношенія. Уэбба спросили, каковы по его мнѣнію желательныя отношенія между mother country и колоніями. Уэббъ не сказалъ ровно ничего о главныхъ трудностяхъ, съ которыми сталкивается всякая попытка серьезно объединить пестрыя части британской имперіи, о представительствѣ колоній въ имперскомъ парламентѣ, объ имперскихъ налогахъ, объ имперской воинской повинности. Онъ сказалъ только, что колоніямъ можно предоставить все, кромѣ суверенитета; напримѣръ, колоніи не могутъ чеканить своей монеты, но могутъ вводить какой угодно таможенный тарифъ, даже противъ англійскихъ товаровъ.

Къ моему удивленію, во время преній никто не рѣшился говорить откровенно о крайней бѣдности программы Уэбба; я думаю, это дѣлалось для того, чтобы не поколебать репутаціи одного изъ столповъ общества. Дебаты вращались преимущественно вокругъ вопроса объ имперіализмѣ. Меньшинству членовъ не нравится кокетничанье Шо и Уэбба съ имперіалистами, и они безуспѣшно протестуютъ противъ новаго направленія фабіанцевъ.

Священникъ Headlam находилъ, что имперіализмъ доклада несостоятеленъ и что домашняя часть хороша, но въ ней очень мало новаго. Потомъ, наведеніе одного принудительнаго уровня можетъ стать опаснымъ,—напримѣръ, можетъ уничтожить свободу совѣсти въ школахъ, для учениковъ и для учителей.

Второй оппонентъ, Charrington, справедливо находилъ, что въ докладѣ нѣтъ никакой связи между программой мѣстнаго управленія и имперскими дѣлами. Онъ глубоко сожалѣетъ, что со времени войны нѣкоторые фабіанцы стараются привить обществу вульгарный имперіализмъ, который прежде всего пагубенъ для самой имперіи и разлагаетъ ее вмѣсто того, чтобы сплочивать. Своею защитою войны фабіанцы отчуждаютъ себя отъ другихъ соціалистическихъ организацій, которыя всѣ высказались противъ войны. Имперіализмъ Уэбба остается при томъ очень туманнымъ и не связанъ ни съ какими опредѣленными предложеніями. Нельзя даже понять, что объединяетъ разныя части имперіи,—общность интересовъ или грубая сила преобладающей

страны. Уэббъ напрасно думаетъ, что можно запретить большой Австраліи чеканить свою монету; только маленькой Новой-Зеландіи можно было не позволить этого.

Одна дама, г-жа Armstrong, выразила недовольство тѣмъ, что фабіанцы постепенно превращаются въ націоналистовъ. Уэббъ возразилъ, что въ національзмѣ повиненъ не онъ, а тѣ соціалисты, которые хотятъ независимой Польши, Ирландіи, Чехіи, южной Африки. Британская имперія объединяетъ въ себѣ различныя народности, стоитъ выше національнаго принципа и есть приближеніе къ космополитическому государству будущаго.

Какъ всегда, послѣднимъ говорилъ Шо, но на этотъ разъ онъ говорилъ хуже обыкновеннаго. Онъ тоже находилъ въ докладѣ рѣзкое различіе между домашнею и имперскою частью, но только сравнительная оцѣнка частей у него была совсѣмъ другая. Домашняя часть есть хорошая старая фабіанская матерія (Fabian stuff), но она безнадежно устарѣла и есть повтореніе давно извѣстныхъ вещей. Она соблазняетъ немногихъ. Если и впредь ограничиваться ею, то фабіанцы имѣютъ мало надежды сдѣлаться крупною политическою силой. Соціалисты съ чисто экономическою программой не имѣютъ успѣха въ Англіи. Соціаль-демократы когда-то мечтали привлечь къ себѣ многихъ избирателей и занять командующее положеніе между двумя историческими партіями. Они по прежнему безсильны, а консерваторы и либералы по прежнему управляютъ страной. Тотъ же Гаркортъ и тотъ же Бальфуръ, который—очень благовоспитанный джентльменъ и очень милъ въ обхожденіи, но не обладаетъ никакими другими достоинствами. И за фабіанцами никто не идетъ. Даже въ „Borough councils“ и „London county council“ соціалистическія идеи проникаютъ очень туго; и чтобы доставить имъ успѣхъ, нужно попробовать какое-нибудь новое средство. Въ настоящее время уличный человѣкъ (the man in the street) всего больше занятъ имперіализмомъ и войной; значитъ, надо попробовать поймать его на эту удочку. Только попытка разрѣшить имперскую проблему и имѣетъ цѣну въ сообщеніи Уэбба, но онъ посвящаетъ вопросу слишкомъ мало вниманія. Шо хотѣлъ бы, чтобы фабіанцы отдали имперіализму пять, семь, даже десять засѣданій.

Въ заключеніе секретарь предложилъ напечатать докладъ отъ имени общества. Значительное большинство дало свое разрѣшеніе, хотя нѣкоторые находили неумѣстнымъ издавать отъ имени общества вещи, съ которыми многіе члены несогласны въ принципѣ.

22-го ноября Энуинъ (Unwin) читалъ о квартирномъ вопросѣ. Въ аудиторію принесли волшебный фонарь, и главная часть доклада состояла въ демонстраціи плановъ и видовъ; словесная часть была коротка. Въ Англіи подъ словами „housing question“ разумѣютъ вопросъ о жилищахъ для рабочихъ. Unwin— самъ архитекторъ, построилъ много домовъ для рабочихъ и написалъ хорошую книгу о томъ, какъ ихъ строить.

Онъ говорилъ, что дома для рабочихъ должны быть не только гигіеничны, но удобны и красивы. Прежде всего въ нихъ должно быть достаточно свѣта и воздуха. Нужно бороться съ предразсудкомъ, будто всякій домъ долженъ выходить на улицу: фасадъ долженъ быть обращенъ къ солнцу, а вовсе не къ улицѣ. Въ рабочихъ жилищахъ вовсе не должно быть заднихъ дворовъ: это зло, равно какъ и всякія хозяйственныя пристройки, кладовыя, сарай для угля, помѣщеніе для сушки бѣлья и т. п. (back side extensions). Уголь долженъ храниться подъ домомъ, какъ во всѣхъ домахъ для среднихъ классовъ. Прачешная должна быть общая для многихъ домовъ, а въ кухнѣ, во внутреннемъ шкафу должно быть помѣщеніе для припасовъ и холодильникъ. Домъ долженъ весь состоять какъ бы изъ одного куска (in one block). Нужно устранить всякіе корридоры. У англичанъ земля дорога, и они не могутъ предоставить себѣ одноэтажныхъ построекъ. Unwin тоже предлагаетъ возводить двухъ-этажные дома. Чтобы избавиться отъ всякой потери дорогого мѣста, наружная дверь должна вести прямо въ жилую комнату, а подниматься наверхъ нужно по внутренней лѣстницѣ. Конечно, въ каждомъ домѣ должна жить только одна семья. Наверху устроиваются двѣ или три спальни. Что касается нижняго этажа, то лекторъ рѣшительно высказывается противъ привычки нѣкоторыхъ архитекторовъ непремѣнно устроивать въ рабочей семьѣ гостиную (parlour). Это—безсмысленная трата мѣста, нелѣпое подражаніе среднему классу. Въ такой гостиной рабочіе почти не сидятъ, потому что жалѣютъ угля. Внизу, кромѣ хорошей кухни, должна быть одна очень просторная, свѣтлая и удобная жилая комната (living room), гдѣ на дѣлѣ протекаетъ почти вся жизнь семьи. Unwin совѣтуетъ англичанамъ отдѣлаться отъ предразсудка, будто въ каждой комнатѣ необходимъ сквознякъ; чтобы избавиться отъ него, нужно только не устроивать камина прямо напротивъ двери и оконъ. Но самъ архитекторъ еще находится во власти другого англійскаго предразсудка: обогрѣвающій улицу каминъ есть для него единственно мыслимый видъ отопленія.

Энуинъ думаетъ, что есть очень простое средство внести

красоту въ жилище рабочаго человѣка. Маленькіе домики должны непосредственно примыкать другъ къ другу и образовывать правильные четырехугольники, по возможности квадраты. Безобразныя улицы рабочихъ кварталовъ могутъ исчезнуть и замѣниться привлекательными скверами, похожими на изящные колледжи Оксфорда и Кэмбриджа. Весь секретъ обаянія этихъ старыхъ построекъ заключается въ геометрической правильности квадрата и въ обиліи открытаго мѣста во внутреннемъ дворѣ. Сами зданія могутъ быть очень просты, и все-таки общее дѣйствіе очень сильно. Можно устроить такъ, что будетъ приходиться двадцать домиковъ на акръ; это почти столько же, сколько въ тѣсныхъ рабочихъ кварталахъ. Въ каждомъ квадратѣ нужно устроить общую прачешную, читальню, залу для собраній,—со временемъ, можетъ быть, даже общую кухню. Въ серединѣ двора долженъ быть садъ и площадка для дѣтскихъ игръ. Объ экономической сторонѣ дѣла, о размѣрѣ квартирной платы Энуинъ не говорилъ почти ничего; въ этомъ сказался техникъ и художникъ, стоящій выше мелкихъ денежныхъ разсчетовъ.

Фабіанцы разсуждаютъ о жилищахъ для рабочихъ гораздо лучше, чѣмъ объ имперіализмѣ и политикѣ будущаго. Очевидно, и имъ чисто практическій вопросъ ближе и доступнѣе. Присутствующіе предлагали дѣльные вопросы и высказывали дѣльныя возраженія. Говорили о томъ, что лучше—устроить ли передъ каждымъ домомъ свой собственный садикъ, или сдѣлать общій садъ въ серединѣ, или же въ серединѣ сдавать участки желающимъ. Нѣкоторые находили, что въ видахъ дешевизны лучше не проводить въ каждый домъ горячую воду и ограничиться холодною. Одна дѣвица спрашивала о плоской крышѣ, одинъ юноша —о лучшемъ матеріалѣ для половъ. Какой-то городской совѣтникъ изъ Вульвича похвастался тѣмъ, что у нихъ выстроили уже много домовъ по планамъ лектора, и что опытъ оказался очень удачнымъ. Публика осталась очень довольна и долго хлопала совѣтнику. Какой-то фабіанецъ заявилъ, что въ аудиторіи сидитъ много городскихъ совѣтниковъ; пусть Энуинъ поучитъ ихъ, какъ читать и составлять планы, чего они сами не умѣютъ; а научить ихъ онъ можетъ въ „London school of economics", гдѣ учатъ всему на свѣтѣ. Энуинъ не безъ яда отвѣтилъ, что составленію плановъ уже обучаютъ въ нѣкоторыхъ начальныхъ школахъ, и что для сужденія о постройкахъ, кромѣ умѣнья читать планы, нужно имѣть еще немного воображенія.

Только Шо коснулся экономической стороны дѣла. Онъ находилъ, что всѣ эти милые домики возводятся вовсе не для бѣд-

ныхъ и рабочихъ, ибо квартирная плата обыкновенно бываетъ слишкомъ велика. Въ концѣ концовъ люди средняго достатка оставляютъ рабочимъ свои прежнія квартиры и перебираются въ образцовыя жилища, которыя для нихъ возводятся на городской счетъ. Онъ заходилъ въ одинъ образцовый домикъ и разспрашивалъ обитателей. Семья состояла изъ мужа, жены и троихъ дѣтей. Мужъ служилъ приказчикомъ въ лавкѣ и получалъ 24 шиллинга въ недѣлю. Они платили 9 шиллинговъ въ недѣлю за хорошенькій домикъ въ три комнаты. Домъ былъ очень хорошъ, но плата была не по силамъ, и, конечно, они скоро уйдутъ оттуда.

Энуинъ отвѣчалъ, что онъ строитъ дома не для самыхъ бѣдныхъ. Онъ не видитъ ничего безнравственнаго въ томъ, что болѣе состоятельные люди перебираются въ образцовыя жилища, оставляя свои квартиры бѣднякамъ. Если строить дома дешевле, то они не могутъ быть красивы и удобны. Надо не ухудшать дома, а стараться бѣдныхъ сдѣлать побогаче, чтобы они могли платить ренту за хорошую квартиру.

Я пропустилъ одну пятницу, 29 ноября, когда Gilbert Murray, профессоръ греческой словесности, читалъ объ аѳинской драмѣ. Быть можетъ, усиленный интересъ фабіанцевъ къ драмѣ объясняется общественнымъ затишьемъ послѣдняго времени.

И слѣдующая пятница, 13 декабря, была посвящена сценѣ. Литературный критикъ A. B. Walkley озаглавилъ свое интересное сообщеніе: „Новая французская драма“. Но вопросъ былъ поставленъ значительно шире, потому что Walkley много говорилъ объ общемъ положеніи современнаго театра.

Вотъ ходъ его мыслей. Теперь часто жалуются на упадокъ сцены и говорятъ о реформѣ драмы, о необходимости создать идейный театръ, который былъ бы общественной школой. Въ этихъ жалобахъ нѣтъ ничего новаго. Если заглянуть въ старые газеты и журналы, то оказывается, что совершенно такія же жалобы высказывались постоянно съ половины XVIII вѣка. По-видимому, современный театръ не лучше и не хуже прежняго, а сѣтованія на его упадокъ находятъ себѣ психологическое объясненіе. Задача театра—доставлять удовольствіе публикѣ. Если въ зрительной залѣ повторяются одни и тѣ же воспріятія, то ощущеніе притупляется. Для удовольствія необходимо разнообразіе. Между тѣмъ современныя пьесы похожи другъ на друга и не даютъ нужнаго разнообразія. Отсюда и происходятъ вѣчныя

жалобы на упадокъ сцены. Толковъ объ идейной и поучающей драмѣ не надо принимать въ серьёзъ. Публикѣ просто хочется новаго, но и новое скоро надоѣстъ, если даже оно явится, и снова послышатся жалобы. Ни одинъ драматическій писатель не можетъ нравиться очень долгое время. Такъ называемыхъ классиковъ играютъ рѣдко; потомъ, каждое поколѣніе понимаетъ классиковъ по своему, и въ Шекспирѣ и въ Расинѣ намъ нравится теперь не то, что̀ восхищало современниковъ.

Всѣ разсужденія о драмѣ должны отправляться отъ психологіи театральной публики. Публика есть одинъ изъ видовъ толпы, и не изъ лучшихъ ея видовъ. Толпа стираетъ индивидуальныя различія; она живетъ только тѣмъ, что̀ есть общаго у ея составныхъ частей; ей доступны поэтому лишь самыя простыя эмоціи, которыя зато очень усиливаются въ своемъ напряженіи. Идеи могутъ быть восприняты ею только при посредствѣ эмоцій. Все сложное и тонкое недоступно публикѣ. Что̀ бы ни говорилъ Толстой объ искусствѣ, задача театра есть забава, а не нравственная проповѣдь. Драма есть низшій видъ искусства не только потому, что обращается къ толпѣ, но и потому, что не оставляетъ мѣста для мысли. Всѣ спѣшатъ на сценѣ; одно впечатлѣніе почти безъ перерыва смѣняется другимъ. Нельзя остановиться, подумать, взвѣсить, сообразить; надо смотрѣть и слушать по-дѣтски,—иначе нить обрывается. Чтобы драма производила сильное впечатлѣніе, она должна быть ясна и доступна, а потому по необходимости элементарна или даже груба. Театръ не можетъ проводить новыхъ идей. Въ лучшихъ случаяхъ, онъ можетъ только популяризировать идеи, зародившіяся въ кабинетѣ ученаго или философа. Современная популярность театра вовсе не есть свидѣтельство въ его пользу; она объясняется его элементарностью и общедоступностью. Всѣ говорятъ объ актерахъ и представленіяхъ, многіе знаютъ въ лицо драматурговъ; творенія, часто даже имена дѣйствительно великихъ людей остаются неизвѣстны большинству. Каждый лондонскій рабочій видалъ портретъ Эдны Мей,—многіе изъ нихъ не слыхали о Миллѣ и Дарвинѣ.

Справедливость этихъ общихъ положеній можетъ быть подтверждена идейными драмами послѣдняго времени. Шо можетъ служить хорошимъ образцомъ. Въ своихъ предисловіяхъ онъ увѣряетъ, что драма можетъ учить и воспитывать, что въ ней должно быть какъ можно меньше любви, что она должна представлять игру и борьбу интеллектовъ, а не страстей. И онъ дѣйствительно написалъ нѣсколько интеллектуальныхъ драмъ.

Его пьесы остроумны, своеобразны, интересны, но холодны, лишены движенія, а главное — совершенно недоступны средней англійской публикѣ. Ихъ неуспѣхъ на сценѣ понятенъ и заслуженъ. Новѣйшіе французскіе драматурги, Hervieu, Becq, написали нѣсколько пьесъ съ моралью и тезисомъ. Къ морализирующимъ драматургамъ не надо причислять Дюма-сына, потому что онъ обладалъ большимъ драматическимъ талантомъ и вносилъ въ свои пьесы много жизни. Вещи Эрвье и Бека натянуты и неестественны. Все подогнано, чтобы развить и доказать извѣстное положеніе, и зритель не вѣритъ автору.

Ложнымъ взглядомъ на задачи драмы объясняется стремленіе вытѣснить со сцены любовь. На подмосткахъ любовь всегда занимала и всегда будетъ занимать несравненно больше мѣста, чѣмъ въ жизни. Она есть одна изъ немногихъ элементарныхъ эмоцій, всѣмъ понятныхъ и въ то же время всѣмъ интересныхъ. И въ этомъ нельзя видѣть только дурное, потому что далеко не всѣ любовныя драмы безнравственны. Всего интереснѣе на сценѣ самая чистая стадія любви или влюбленности—зарожденіе чувства, догадки и первыя робкія признанія. Walkley закончилъ свой парадоксальный докладъ курьезнымъ сравненіемъ. Когда ему говорятъ объ изгнаніи любви со сцены, ему часто припоминается одна картина Джорджоне, которую можно видѣть въ Венеціи. Изображенъ сельскій пейзажъ. Какой-то атлетъ съ большимъ напряженіемъ натягиваетъ свой лукъ и стрѣляетъ въ воздухъ. Онъ весь поглощенъ этимъ празднымъ занятіемъ. Въ то же самое время Аполлонъ сдѣлалъ другой выборъ: онъ преслѣдуетъ нимфу, почти настигъ ее и очевидно хочетъ скрыться съ нею въ чащѣ деревьевъ.

Долго никто не рѣшался говорить. Многіе фабіанцы серьезно подумали, что вся задача сообщенія состояла въ рѣзкой критикѣ Шо, который занималъ предсѣдательское мѣсто. Съ трудомъ удалось унять одного неистоваго крикуна, который минутъ пять требовалъ, чтобы Шо немедленно отвѣчалъ лектору. Уэббъ предложилъ Шо оставить свое мѣсто и возражать. Онъ сталъ говорить самъ послѣ того, какъ Шо не поддался на вызовы. Уэббъ говорилъ возбужденнымъ и негодующимъ тономъ. Какъ была возможна такая еретическая лекція въ фабіанскомъ обществѣ! Вѣдь онъ же разъяснилъ въ своемъ недавнемъ докладѣ, что въ Англіи въ послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ произошелъ умственный переворотъ: люди перестали мыслить индивидуально и стали мыслить коллективно. И вдругъ послѣ этого Walkley доказываетъ, что толпа груба, неразумна и неспособна къ мы-

шленію. Это зловредный индивидуализмъ, который надо изгнать изъ общества. Въ докладѣ есть и другая ересь—порицаніе идейной драмы. Онъ, Уэббъ, уже давно показалъ, что театръ долженъ быть общественнымъ учрежденіемъ, и что на сценѣ нужно ставить идейныя пьесы.

Другіе возражавшіе поняли докладъ въ томъ смыслѣ, будто бы онъ допускаетъ на сценѣ только романическіе мотивы. Одинъ джентльменъ находилъ, что любви вовсе нѣтъ мѣста въ театрѣ, потому что это грубое чувство одинаково свойственно всѣмъ животнымъ. Потомъ, изображеніе любви на сценѣ неизбѣжно бываетъ лицемѣрнымъ, потому что полная откровенность въ этомъ случаѣ была бы неприлична. Одинъ индусъ робко спрашивалъ у собранія, не можетъ ли быть хорошею темою для драмы борьба лояльности съ патріотизмомъ? Нетрудно было догадаться по взволнованному тону, что лояльность требуетъ покорности англичанамъ, а патріотизмъ—возстанія противъ нихъ.

Заключительныя замѣчанія Шо состояли главнымъ образомъ въ самозащитѣ. Онъ вполнѣ раздѣляетъ точку зрѣнія Толстого, по которой задача всякаго большого художника есть пропаганда, нравственная проповѣдь. Уже потому онъ вовсе не противникъ эмоцій и вовсе не раціоналистъ. Наоборотъ, онъ думаетъ, что вся политическая и общественная жизнь есть рядъ чувствованій особаго рода. Онъ также вовсе не противникъ удовольствій. Онъ знаетъ, что никто не пойдетъ въ театръ, если тамъ будетъ скучно. Поэтому въ своихъ пьесахъ онъ всегда старался забавлять читателей и зрителей настолько, чтобы они не соскучились и согласились воспринять его новыя идеи. Наконецъ, онъ не противникъ любви. Ему противна только пошлая трактовка вопроса объ отношеніяхъ между мужчиною и женщиной. И не пошлой любви въ его пьесахъ много: еще недавно въ этомъ самомъ мѣстѣ его упрекали за то, что въ его драмахъ слишкомъ много романическихъ чувствъ.—Странно было то, что Шо не пытался возражать противъ существа доклада. Walkley былъ очень невысокаго мнѣнія о художественномъ и общественномъ значеніи театра; свою оцѣнку онъ оправдываетъ психологіей толпы. Крайне спорныя положенія нѣкоторыхъ французскихъ психологовъ онъ выдавалъ за безспорныя истины. Съ критики этой психологіи и слѣдовало начать, чтобы придать спору теоретическій интересъ и обнаружить сильныя преувеличенія несомнѣнно любопытнаго доклада. Никто этого не сдѣлалъ, можетъ быть по непривычкѣ фабіанцевъ къ обсужденію общихъ теоретическихъ вопросовъ, или, мо-

жетъ быть, по ихъ привычкѣ сводить разсужденія о театрѣ къ спорамъ о пьесахъ Шо.

Слѣдующая пятница, на которой мнѣ удалось присутствовать, 28-го февраля, была тоже посвящена театру. Нѣкто Sutro читалъ о бельгійской драмѣ. Я не буду излагать ни доклада, ни преній. Въ докладѣ неумѣренно восхвалялись Maeterlinck и Verhaeren, но въ преніяхъ почти не было рѣчи о бельгійской драмѣ, а повторялись все тѣ же мнѣнія о Шо и о печальномъ состояніи современнаго англійскаго театра.

Гораздо больше интереса представляла слѣдующая пятница, на которой обсуждался докладъ объ „имперіи и великодушіи".

Докладчикъ Чаттертонъ принадлежитъ къ тому меньшинству членовъ, которое высказывается рѣшительно противъ имперіализма и старается не разрывать окончательно связи съ другими соціалистическими организаціями.

Докладчикъ началъ съ того, что теперь въ большой модѣ практичность, efficiency. На дѣлѣ эта практичность есть только средство къ достиженію цѣли, и достоинство практичности опредѣляется характеромъ поставленной цѣли. Теперь многіе говорятъ о томъ, что имъ нѣтъ дѣла до общихъ принциповъ. На самомъ дѣлѣ и поклонники практичности ставятъ себѣ очень опредѣленную цѣль. Эта цѣль есть наложеніе англійской власти и культуры на всѣхъ, кто слабѣе, безъ вниманія къ чужимъ требованіямъ и нуждамъ. Новѣйшая англійская цивилизація лишена идеальныхъ элементовъ и не признаетъ идеализма въ другихъ. Поэтому попытка насадить ее въ чуждой средѣ терпитъ повсемѣстную неудачу и есть сплошной провалъ. Въ концѣ концовъ, „практики" оказываются очень непрактичными, совершенно не умѣютъ войти въ чужую психологію и постоянно попадаютъ впросакъ. Въ видѣ иллюстраціи былъ разсказанъ анекдотъ съ лордомъ Розбери, однимъ изъ главныхъ представителей практичности и новаго имперіализма. Однажды онъ держалъ рѣчь своимъ шотландцамъ и естественно хотѣлъ какъ можно больше имъ понравиться. Ему пришлось, между прочимъ, говорить объ отношеніи церкви къ государству. Будучи по своимъ убѣжденіямъ скептикомъ, Розбери наивно увѣренъ въ томъ, что всѣ благоразумные люди раздѣляютъ его взгляды. Поэтому онъ сталъ доказывать, что государство имѣетъ полное право держать церковь въ подчиненіи и даже чуть ли не декретировать догматы. Между тѣмъ слушавшіе его шотландцы были очень религіозны

и убѣждены въ томъ, что церковь должна быть независима отъ государства. Думая встрѣтить полное сочувствіе, Розбери вызвалъ у слушателей недоумѣніе или негодованіе и, конечно, нисколько не поднялъ своей популярности въ этотъ вечеръ.

Отношеніе многихъ англичанъ къ ирландскимъ дѣламъ свидѣтельствуетъ о той же неспособности понимать чужую жизнь. За нѣсколько дней передъ тѣмъ въ палатѣ общинъ ирландскіе націоналисты привѣтствовали радостными кликами извѣстія о пораженіи англичанъ и плѣнѣ лорда Methuen. Почти всѣ англичане страшно возмутились, звали ирландцевъ извергами и измѣнниками. Докладчикъ справедливо указалъ на умственную ограниченность тѣхъ, которые возмущались искренно, а не лицемѣрили. Эти англичане не хотятъ или не могутъ представить себѣ, что на свѣтѣ есть люди, которые думаютъ или чувствуютъ не такъ, какъ лояльные подданные Эдуарда VII. Между тѣмъ поведеніе ирландцевъ было естественно и необходимо. Они считаютъ себя особымъ народомъ, народомъ угнетеннымъ, и сочувствуютъ бурамъ, которые находятся въ сходномъ съ ними положеніи.—По мнѣнію лектора, и въ Африкѣ англичане все время дѣйствовали безъ малѣйшаго соображенія о томъ, что должны думать и чувствовать бургеры. Послѣ двухъ лѣтъ войны многіе продолжаютъ искренно удивляться ихъ упрямству и неразумію. На дѣлѣ все поведеніе буровъ было тоже естественно и необходимо. Взять хоть бы прокламацію, которая подъ угрозою депортаціи предписывала бурамъ прекратить сопротивленіе къ 15 сентября 1901 года. Когда прокламація вышла, очень многіе патріоты были увѣрены, что она положитъ конецъ войнѣ, и были искренно разочарованы ея полнымъ неуспѣхомъ. Они воображали, что имѣютъ дѣло съ англичанами. Еслибы англичане подняли возстаніе противъ своего начальства, и правительство приказало къ извѣстному дню прекратить сопротивленіе подъ угрозою конфискаціи и ссылки, то, конечно, бунтовщики своевременно явились бы по начальству съ повинной. Патріоты совершенно не хотятъ понять, что для буровъ угроза ссылкою совершенно ничтожна въ сравненіи съ угрозою разрушить весь привычный и милый укладъ жизни и заставить жить на манеръ ненавистныхъ побѣдителей. Это все равно, какъ еслибы англичанамъ приказали говорить по-нѣмецки, или заставили вмѣсто цейлонскаго чаю съ bacon или haddock довольствоваться чашкою сквернаго кофе и небольшимъ кусочкомъ хлѣба. Вѣроятно они не обратили бы никакого вниманія на ссылку и сопротивлялись бы такъ же упорно, какъ теперь буры. Неспособность понимать

чужія нужды и чувства лежитъ въ основѣ современнаго кризиса и представляетъ большую опасность для имперіи. Послѣдней угрожаетъ участь древняго Рима. Римъ палъ вслѣдствіе невниманія къ христіанству и варварамъ, къ новымъ реальнымъ силамъ, которыя слагались внѣ рамокъ римской культуры. Римляне хотѣли на все наложить желѣзныя узы своего собственнаго строя и въ концѣ концовъ пали въ непосильной борьбѣ. Но римская имперія была все-таки лучше британской: въ ней было больше мѣста для разнообразнаго развитія. Когда римскіе легіоны входили въ ограду іерусалимскаго храма, они слагали свои знамена, чтобы не оскорблять евреевъ. Этого бережнаго отношенія къ чужой душѣ не хватаетъ англичанамъ. Если они не разовьютъ его, ихъ пестрая имперія неминуемо обречена на гибель. У великаго государства должна быть великая душа, умѣнье входить въ жизнь всѣхъ подвластныхъ и удовлетворять ихъ нужды. Если имперія не проявитъ великодушія, то дальнѣйшіе подвиги насилія и централизаціи непремѣнно разовьютъ центробѣжныя силы и ускорятъ разложеніе государства. Англійскія насилія уже создали изъ враждовавшихъ между собою кельтскихъ родовъ крѣпко сплоченную ирландскую націю. Англичане создаютъ теперь той же политикой бурскую націю, которой до войны не существовало.

Меня поразило то, что сообщеніе было принято очень сочувственно. Неопытный человѣкъ могъ бы подумать, что присутствуетъ на митингѣ анти-имперіалистовъ. Но отповѣдь Шо, полная совершенно иного духа, имѣла гораздо большій успѣхъ. Англоманъ будетъ объяснять поведеніе публики высокой терпимостью англичанъ; человѣкъ иного склада будетъ видѣть здѣсь отсутствіе всякихъ прочныхъ убѣжденій.

Шо началъ свои возраженія съ основного и въ значительной мѣрѣ справедливаго упрека. Своими восхваленіями великодушія докладчикъ не сказалъ ровно ничего. Magnanimity есть только громкое слово (catchword), которое нисколько не лучше, чѣмъ efficiency. Великодушіе есть нравственное свойство, а вовсе не политическая программа. Что̀ значитъ входить въ чужую жизнь? Значитъ ли это, что англичане должны уступать другимъ все, чего они требуютъ? Значитъ ли это, что Ирландію надо уступить ирландцамъ, южную Африку бурамъ, а Индію индусамъ? Что̀ же тогда останется отъ имперіи? По своему міровоззрѣнію докладчикъ — человѣкъ отсталый. Послушать его, — мелкіе народцы знаютъ какое-то слово и суть носители высшихъ началъ. Всѣ эти симпатіи къ нежизнеспособнымъ народамъ, ко всякимъ

ирландцамъ, бурамъ, полякамъ, имѣютъ глубоко реакціонный смыслъ. Докладчикъ говоритъ о насильственномъ наложеніи какихъ-то англійскихъ началъ. По мнѣнію Шо, у самихъ англичанъ нѣтъ никакихъ началъ и идей, и имъ нечего налагать на другихъ. И все-таки англичане, какъ граждане большого цѣлаго, много лучше микроскопическихъ буровъ. Докладчикъ говорилъ о нетерпимости англичанъ. А что онъ скажетъ о нетерпимости Крюгера? Когда Крюгеръ открывалъ въ Іоганнесбургѣ синагогу, онъ вошелъ туда и заявилъ: „именемъ христіанскаго Бога объявляю эту синагогу открытою". Фабіанцы стоятъ за имперію, потому что имперія выше реакціоннаго принципа національности. Разрѣшеніе ирландскаго вопроса—въ томъ, чтобы ирландскій работникъ бокъ-о-бокъ со своимъ англійскимъ собратомъ боролся противъ притѣсненій капиталиста и лэндлорда, независимо отъ того, будетъ ли общій врагъ англичанинъ или ирландецъ. Національныя перегородки должны уступить мѣсто горизонтальному разслоенію общества на классы. Жизнь всегда будетъ борьбой, а не мирной идилліей; и въ ней возьметъ верхъ не сентиментальное великодушіе, а умѣнье отстаивать свои насущные интересы.

Докладчику было нелегко отвѣчать, и онъ опровергалъ не всѣ возраженія. Онъ указалъ на то, что имперіализмъ фабіанцевъ есть мечта, которая не была и не будетъ осуществлена. Настоящій имперіализмъ есть грубое націоналистическое движеніе, вытекающее изъ умственной и нравственной ограниченности. Космополитизмъ фабіанцевъ превращается въ благовидное и лицемѣрное прикрытіе націоналистическихъ насилій. Онъ вовсе не говорилъ, что мелкіе народы лучше большихъ, и что Крюгеръ лучше Чемберлэна. Но существованіе мелкихъ народовъ и патріотизма есть фактъ, съ которымъ долженъ считаться всякій государственный человѣкъ. Когда люди жертвуютъ всѣмъ за свой укладъ жизни, то можно ли увѣрять, что патріотизмъ есть вещь пережитая, и что его можно игнорировать? Онъ настаиваетъ на своемъ утвержденіи, что только великодушіе можетъ спасти имперію.

Я заканчиваю этою пятницею свои замѣтки о фабіанскомъ обществѣ. Я былъ тамъ еще на двухъ пятницахъ. Я слышалъ интересный докладъ объ исправительныхъ пріютахъ для малолѣтнихъ преступниковъ, и пренія этого вечера еще разъ показали мнѣ здравый смыслъ англичанъ въ чисто практическомъ вопросѣ. Я слышалъ докладъ о соціальномъ вопросѣ и наслѣд-

ственности, въ которомъ какой-то докторъ-дарвинистъ пытался объяснить исторію человѣческаго общежитія неодинаковою воспріимчивостью различныхъ расъ къ чахоткѣ, оспѣ, сифилису, алкоголю; и пренія снова обнаружили слабый интересъ аудиторіи къ вопросамъ отвлеченнаго свойства. Я думаю, читатель согласится со мною, что споры объ имперіализмѣ наиболѣе характерны для современнаго англійскаго общества, даже для той его части, представителями которой являются фабіанцы. Въ тотъ моментъ, который мнѣ пришлось наблюдать, вопросы внутренней жизни рѣшительно отодвинулись назадъ; если даже они обсуждались, то не волновали страстей и разсматривались съ чисто дѣловой точки зрѣнія. Въ этомъ, конечно, прежде всего нужно видѣть вліяніе войны и новѣйшаго международнаго положенія, напряженной борьбы изъ-за колоній и рынка. Но здѣсь сказывается, можетъ быть, и сравнительное превосходство англійскаго общественно-политическаго строя надъ континентальнымъ. Весьма значительная часть англійскаго общества удовлетворяется тѣмъ порядкомъ, въ которомъ ему приходится жить. Этимъ людямъ не приходится болѣть и страдать изъ-за элементарныхъ и грубыхъ неустройствъ, на которыя обречены народы менѣе счастливые. Они получили даромъ отъ предковъ хорошій государственный порядокъ, значительное матеріальное довольство и вытекающее отсюда отсутствіе рѣзкой вражды между общественными классами, почти неограниченную свободу труда, слова и совѣсти. Эту сторону дѣла постоянно приходится имѣть въ виду при обличеніяхъ современнаго англійскаго имперіализма.

Александръ Савинъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

и

ПОДАТНАЯ СИСТЕМА

I.

Въ настоящее время въ Россіи идетъ оживленное обсужденіе нуждъ сельскохозяйственной промышленности. Какъ извѣстно, внѣшнимъ толчкомъ для этого усиленнаго интереса къ сельскохозяйственной промышленности послужило учрежденіе особаго совѣщанія, на которое возложена обязанность выработать рядъ мѣръ для поднятія основной нашей промышленности, оказывающейся и по оффиціальному признанію въ очень незавидномъ положеніи. Извѣстно также и то, что особое совѣщаніе рѣшило обратиться къ опросу мѣстныхъ дѣятелей относительно нуждъ сельскаго хозяйства, и что этотъ опросъ совершался почти по всей Россіи черезъ уѣздные и губернскіе комитеты. Появляющіяся въ печати свѣдѣнія показываютъ, что во многихъ мѣстахъ мѣстные дѣятели отнеслись весьма внимательно къ своей обязанности и намѣтили рядъ мѣръ, могущихъ, по ихъ мнѣнію, поднять русскую земледѣльческую промышленность. Между прочимъ, оказывается, что очень часто слышатся жалобы на неудовлетворительность нашей податной системы и на неблагопріятное вліяніе ея на сельское хозяйство. Въ нѣкоторыхъ уѣзныхъ комитетахъ вопросъ о податной системѣ считался чуть ли не главнымъ вопросомъ, удовлетворительное разрѣшеніе котораго интересуетъ мѣстныхъ дѣятелей съ точки зрѣнія интересовъ зем-

лѣдѣлія. Поэтому представляется очень своевременнымъ поставить вопросъ о томъ, насколько въ самомъ дѣлѣ обременительна податная система для сельскаго хозяйства и что можетъ сдѣлать государство для облегченія сельскаго населенія въ этомъ отношеніи.

Въ литературѣ мы имѣемъ очень крупныя и серьезныя произведенія, посвященныя вопросу о платежеспособности сельскаго населенія. При этомъ естественно идетъ рѣчь главнымъ образомъ о платежеспособности крестьянства, какъ главной массы сельскохозяйственнаго населенія, и при томъ поставленной такъ, что вопросъ объ ея платежеспособности напрашивается самъ собою. Что же касается частнаго землевладѣнія, то вопросъ о его платежеспособности почти не затрогивается, потому что прямые платежи частныхъ землевладѣльцевъ государству незначительны: какъ извѣстно, частные землевладѣльцы платятъ государству только небольшой поземельный налогъ. Въ 1877 г. появилось надѣлавшее въ свое время много шума сочиненіе проф. Янсона, подъ заглавіемъ: „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“. Въ этомъ сочиненіи проф. Янсонъ пришелъ къ весьма неутѣшительнымъ выводамъ; онъ доказываетъ на основаніи точныхъ данныхъ, что крестьянскіе надѣлы недостаточны въ значительномъ большинствѣ даже для прокормленія населенія; поэтому тѣ платежи, которые лежатъ на землѣ, крестьянамъ вносить весьма трудно; во всякомъ случаѣ, земля, по общему правилу, не можетъ имъ дать источника для взноса казенныхъ платежей. Янсонъ въ своемъ сочиненіи говоритъ отдѣльно о нечерноземныхъ и черноземныхъ губерніяхъ. По отношенію къ первымъ, проф. Янсонъ изложилъ свои заключенія слѣдующимъ образомъ: „за рѣдкими исключеніями, не только надѣлы, но и вся обрабатываемая крестьянами земля въ иныхъ случаяхъ можетъ только прокормить ихъ, не покрывая другихъ потребностей крестьянскаго хозяйства,—въ большинствѣ же и прокормить не въ состояніи. Оно ниже и не можетъ быть. На тощей почвѣ, требующей сильнаго удобренія, слѣдовательно достаточнаго количества луговъ и выгоновъ, душевой надѣлъ для того, чтобы обезпечивать продовольствіе семьи, и при томъ если земля не очень уже плоха, не можетъ быть менѣе восьми десятинъ. Средніе надѣлы, какъ мы видѣли, у бывшихъ государственныхъ не достигаютъ этой цифры, у бывшихъ помѣщичьихъ они на половину менѣе“ [1]). „При недостаточности надѣловъ иногда

[1]) Янсонъ, назв. соч. (изд. 1881 г.), стр. 29.

даже для прокормленія крестьянъ, понятно, что не только всѣ подати, но даже выкупные платежи не могутъ выплачиваться съ доходовъ отъ земли, а во многихъ мѣстахъ и оброки бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Тамъ, гдѣ земствами для раскладки земскихъ сборовъ произведена оцѣнка стоимости или доходности земель, является возможнымъ опредѣлить отношеніе крестьянскихъ платежей къ принятой земствами нормальной доходности земли, и вездѣ платежи эти превышаютъ исчисленную доходность" [1]). „При такомъ положеніи вещей вся тяжесть платежей ложится на трудъ, на заработокъ" [2]).

Что касается черноземныхъ губерній, то положеніе въ нихъ, по описанію Янсона, представляется также малоутѣшительнымъ: въ черноземной полосѣ надѣлы меньше, чѣмъ въ нечерноземной; средній надѣлъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ равняется 4 дес. (удобной земли) на душу,—средній же надѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ далеко не достигаетъ до 4 дес., опускаясь въ нѣкоторыхъ губерніяхъ до $2^1/_2$ дес.; между тѣмъ, для прокормленія людей и хозяйственнаго скота надѣлъ не долженъ бы быть ниже 5 дес. [3]). Естественно, что при такомъ положеніи вещей внесеніе поземельныхъ платежей представляется весьма затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что платежи эти являются довольно значительными; Янсонъ высчиталъ, что, за исключеніемъ подушной подати, платежи, падающіе на землю, составляютъ 2,73 р. — 6,18 руб. съ десятины. Въ общемъ, Янсонъ приходитъ къ слѣдующему печальному заключенію: „если стать исключительно на точку зрѣнія матеріальной обезпеченности, то едва ли не всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ черноземной трехпольной полосы было легче, въ среднемъ выводѣ, при крѣпостномъ правѣ" [4]).

Послѣ того какъ написано было сочиненіе Янсона, ничего благопріятнаго въ крестьянской жизни не произошло въ отношеніи къ повышенію платежеспособности. Правда, послѣ того образованъ былъ крестьянскій банкъ, но при помощи его крестьянское землевладѣніе увеличилось, во-первыхъ, мало, а во-вторыхъ, пріобрѣтенная земля является слишкомъ задолженною, и потому если эта покупная земля въ состояніи оплатить трудъ крестьянина, приложенный къ ней, то чистая доходность вся поглощается платежами банку. Равнымъ образомъ, послѣ появле-

---

1) Янсонъ, тамъ же, стр. 34—35.
2) Тамъ же, стр. 36.
3) Тамъ же, стр. 48—49, 71.
4) Тамъ же, стр. 73.

нія сочиненія Янсона переселенія крестьянъ изъ Европейской Россіи довольно сильно развились, но, какъ извѣстно, переселенія крестьянъ на окраины, все-же, далеко не настолько велики, чтобы дать нѣкоторый земельный просторъ крестьянамъ, остающимся на мѣстахъ; переселеніе далеко не равняется ежегодному приросту крестьянскаго населенія Европейской Россіи; такимъ образомъ земельное стѣсненіе крестьянъ должно все болѣе рости. Поэтому и болѣе новыя изслѣдованія говорятъ все о томъ же, а именно, что надѣльныя крестьянскія земли далеко не достаточны для обезпеченія крестьянъ продовольственными средствами, и что поэтому земля не даетъ источника для взноса платежей, на нее падающихъ; такъ, въ книгѣ „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства" приведены такія данныя: въ черноземной полосѣ 64,3% крестьянъ не обезпечены продовольственными средствами, собираемыми съ надѣльныхъ земель, а въ нечерноземной полосѣ—даже 81,7%; съ избытками хлѣба считаются въ черноземной полосѣ только 11,2%, а въ нечерноземной полосѣ—5% [1]). Поэтому неудивительно, что установленное Янсономъ положеніе объ обременительности для крестьянъ казенныхъ земельныхъ платежей остается въ силѣ и въ настоящее время. Это положеніе подтверждается также новѣйшими изысканіями, спеціально занятыми финансовой стороной дѣла. Укажемъ, напр., на сочиненіе г. Сабурова: „Матеріалы для исторіи русскихъ финансовъ (1866—1897)". Въ этомъ сочиненіи есть глава „объ упадкѣ податной силы въ нѣкоторыхъ губерніяхъ". Здѣсь мы имѣемъ двоякаго рода данныя, для насъ интересныя; во-первыхъ, данныя о недоимкахъ и, во-вторыхъ, данныя о величинѣ обложенія; общая сумма недоимокъ составляла въ пятидесяти губерніяхъ Европейской Россіи въ 1890 г. 49,3 милл., въ 1892 г.—109 милл., а въ 1897 г.—99,8 милл.; въ тринадцати губерніяхъ недоимки въ 1897 г. составляли отъ 3 до 5 милл. въ каждой [2]). Въ общемъ, авторъ относительно движенія недоимочности по казеннымъ крестьянскимъ платежамъ высказываетъ такія положенія: 1) неурожай 1891 г. увеличилъ количество недоимокъ на 60 милл., которыя всѣ пали на семнадцать губерній; 2) изъ нихъ тринадцать губерній уже до 1891 года не могли исправно вносить крестьянскій земельный выкупъ; 3) съ 1891 года, хотя въ общемъ недоимки нѣсколько уменьшились, но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерніяхъ замѣтно

---

[1]) Назв. соч., VIII.

[2]) Тамъ же, стр. 62—63.

ихъ увеличеніе, несмотря на строгія мѣры, принимаемыя для взиманія податей. „Отсюда слѣдуетъ, что пораженныя неурожаемъ губерніи не могли оправиться отъ постигшаго ихъ бѣдствія; и это потому, что нанесенный имъ ударъ палъ на почву уже подготовленную неравномѣрнымъ распредѣленіемъ выкупныхъ платежей, уменьшеніемъ площадей крестьянскихъ надѣловъ по мѣрѣ приращенія населенія и, можетъ быть, нѣкоторымъ истощеніемъ черноземной почвы“ [1]). Что касается данныхъ о высотѣ платежей, то они состоятъ въ слѣдующемъ: авторъ высчиталъ сборъ хлѣбовъ для одного изъ годовъ (1894) по восемнадцати губерніямъ, вычелъ сѣмена и затѣмъ оцѣнилъ остатокъ по среднимъ цѣнамъ взятаго года; такъ онъ опредѣлилъ доходъ земель. Съ другой стороны, онъ взялъ данныя о всѣхъ видахъ крестьянскаго обложенія (т.-е. казеннаго, земскаго и мірского) и высчиталъ, сколько приходится крестьянамъ платить съ десятины. На основаніи такъ составленныхъ данныхъ авторъ приходитъ къ такимъ выводамъ: „оказывается, что крестьянская земля платитъ отъ 17% до 26% съ своего дохода...; при семъ слѣдуетъ замѣтить, что показанный мною средній доходъ съ крестьянской десятины нѣсколько преувеличенъ, во-первыхъ потому, что мною приняты среднія цѣны, между тѣмъ какъ крестьянскій хлѣбъ продается большею частью въ сентябрѣ по низкимъ цѣнамъ; а во-вторыхъ, въ этотъ разсчетъ вошелъ только доходъ съ одной пахатной земли, который, конечно, выше подесятиннаго дохода съ сѣнокосовъ, пастбищъ и пустопорожнихъ мѣстъ. Кромѣ того, совершенно исключена изъ разсчета стоимость труда за обработку крестьянской земли. Поэтому весьма вѣроятно, что дѣйствительный процентъ съ дохода на уплату налоговъ превышаетъ 30%, а въ годахъ съ посредственнымъ урожаемъ—и болѣе. Эта цифра внушительна и далеко превосходитъ земельные налоги, установленные въ другихъ европейскихъ государствахъ, гдѣ означенная подать періодически соразмѣряется съ доходностью земли. Обстоятельство это подтверждаетъ вышеприведенное заключеніе, что крестьянскія подати вмѣстѣ съ выкупными платежами слишкомъ обременительны для чисто-земледѣльческихъ губерній“ [2]).

Г. Сабуровъ взялъ отношеніе крестьянскихъ казенныхъ платежей собственно къ валовому доходу, потому что изъ расходовъ по обработкѣ онъ принялъ въ разсчетъ только сѣмена. Но

[1]) Назв. соч., стр. 63.
[2]) Тамъ же, стр. 64.

если вести рѣчь о нормальномъ обложеніи, то нужно брать во вниманіе чистый доходъ отъ облагаемаго объекта; нормальное обложеніе должно составлять только нѣкоторую часть чистаго дохода; обложеніе, захватывающее часть имущества, является, конечно, ненормальнымъ, разорительнымъ для населенія. Но въ отношеніи крестьянскаго хозяйства нѣкоторыми изслѣдователями устанавливается тотъ фактъ, что оно собственно не даетъ чистаго дохода. Нѣкоторые земскіе статистики пытались отыскать чистый доходъ отъ крестьянскаго земледѣлія, но не находили его; оказывается, въ самомъ дѣлѣ, что къ крестьянскому хозяйству нельзя примѣнять понятіе чистаго дохода, взятаго изъ жизни обычныхъ капиталистическихъ предпріятій. Такъ, воронежскіе статистики показали, что доходъ отъ крестьянскаго земледѣлія не даетъ всѣхъ тѣхъ видовъ его, которые встрѣчаются въ обычныхъ предпріятіяхъ; тщетно мы стали бы искать тутъ предпринимательскую прибыль и процентъ на капиталъ; даже для уплаты полной ренты онъ недостаточенъ [1]). При такомъ положеніи вещей, очевидно, казенные платежи не ограничиваются только отнятіемъ части чистаго дохода отъ крестьянскихъ земель, потому что здѣсь чистаго дохода совсѣмъ нѣтъ. Очевидно, что для погашенія этихъ платежей крестьяне должны имѣть другіе источники или же до крайности сокращать свое потребленіе.

Вопросъ о томъ, считать ли современные прямые платежи посильными или непосильными для крестьянской массы, является, конечно, вопросомъ первостепенной важности. Поэтому мы не можемъ оставить безъ указанія и разбора мнѣнія одного изъ серьезныхъ знатоковъ русскихъ финансовъ, утверждающаго, что крестьянскіе платежи по своей величинѣ необременительны для крестьянъ. Мы имѣемъ въ виду г. Бржескаго и его сочиненіе: „Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ“. Г. Бржескій проникнутъ очень большимъ оптимизмомъ по отношенію къ платежеспособности крестьянскаго населенія. По его мнѣнію, большія недоимки, лежащія на крестьянахъ, объясняются не трудностью для крестьянъ внесенія казенныхъ платежей, а другими причинами; такъ, между прочимъ, мы находимъ у него такія мѣста: „съ отмѣною подушной подати и пониженіемъ выкупныхъ платежей осуществилось стремленіе правительства привести въ полное соотвѣтствіе размѣръ обложенія съ дѣйстви-

---

[1]) Сборникъ оцѣночныхъ свѣдѣній по крестьянскому землевладѣнію въ землянскомъ, задонскомъ, нижнедѣвицкомъ и коротоякскомъ уѣздахъ; стр. 121.

тельною стоимостью и доходностью крестьянскихъ надѣльныхъ земель, если не повсемѣстно, то, по крайней мѣрѣ, въ губерніяхъ черноземныхъ, гдѣ земледѣліе, при отсутствіи отхожихъ и кустарныхъ промысловъ и сколько-нибудь развитой фабрично-заводской промышленности, составляетъ единственное занятіе сельскаго населенія" [1]); „въ отдѣльныхъ случаяхъ, по отношенію къ отдѣльнымъ платежнымъ единицамъ, недоимка можетъ явиться слѣдствіемъ излишняго податного обремененія крестьянъ и ихъ хозяйственнаго слабосилія. Но въ общей массѣ существующія у насъ крестьянскія податныя недоимки не имѣютъ такого характера и отнюдь не свидѣтельствуютъ объ использованіи платежной силы сельскаго населенія" [2]); или еще: „въ фактѣ почти безостановочнаго накопленія крестьянскихъ податныхъ недоимокъ со времени реформы 1861 г. было бы неосновательно усматривать доказательство прогрессирующаго упадка крестьянскаго благосостоянія. Громадный экономическій ростъ Россіи за послѣднія 35 лѣтъ и въ особенности ростъ ея промышленности и торговли представляется очевиднымъ и несомнѣннымъ; столь же очевидно и несомнѣнно участіе въ этомъ ростѣ крестьянскаго населенія, являющагося потребителемъ произведеній отечественной промышленности и выносящаго на себѣ тяжесть государственнаго бюджета, который составляется не изъ рублей, вносимыхъ привилегированными сословіями, а изъ трудовыхъ народныхъ копѣекъ" [3]).

Въ другомъ мѣстѣ г. Бржескій объясняетъ появленіе и развитіе крестьянской недоимочности главнымъ образомъ слѣдующими причинами: „неудовлетворительностью постановки податного дѣла въ сельскихъ обществахъ, пользующихся землею на общинномъ правѣ; дѣятельностью полиціи по наблюденію за поступленіемъ окладныхъ сборовъ и по принятію принудительныхъ мѣръ взысканія и, наконецъ, отсутствіемъ надлежаще организованнаго правительственнаго надзора за ходомъ крестьянскаго податного дѣла во всѣхъ его стадіяхъ" [4]).

Доказательства, приводимыя г. Бржескимъ въ пользу его оптимистическаго взгляда, не могутъ быть признаны сколько-нибудь убѣдительными. Собственно прямыхъ доказательствъ у него нѣтъ или почти нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, для доказательства крестьянской платежеспособности нужно было изучать доходность

[1]) Назв. соч., стр. 389—390.
[2]) Тамъ же, стр. 397.
[3]) Тамъ же, стр. 401.
[4]) Тамъ же, стр. 397.

крестьянскихъ земель и показать, что платежи составляютъ умѣренный процентъ по отношенію къ этой доходности. Такими прямыми доказательствами у г. Бржескаго являются два-три указанія; при томъ же эти указанія говорятъ мало въ пользу положенія разсматриваемаго автора; такъ, г. Бржескій беретъ изъ земскихъ изслѣдованій тотъ фактъ, что 53 общества кузнецкаго уѣзда платили помѣщичьяго оброка до реформы больше, чѣмъ повинностей послѣ реформы; изъ одного этого факта онъ дѣлаетъ уже общее заключеніе, что „въ общемъ крестьянскіе платежи во второй половинѣ 80-хъ годовъ понизились настолько, что по земскимъ изслѣдованіямъ они оказываются ниже тѣхъ платежей, которые тяготѣли надъ крестьянствомъ въ до-реформенную эпоху" [1]). Затѣмъ, авторъ указываетъ, что въ хвалынскомъ уѣздѣ бывшіе государственные крестьяне платятъ теперь съ десятины на 112% больше, чѣмъ въ 50-хъ годахъ, между тѣмъ какъ арендныя цѣны съ тѣхъ поръ увеличились на 661%. Трудно понять, какимъ образомъ такіе факты и такая аргументація могутъ быть полезными для оптимистическаго взгляда автора на платежеспособность крестьянъ. На самомъ же дѣлѣ эти факты и эта аргументація производятъ удручающее впечатлѣніе; они даютъ основаніе автору утверждать только то, что крестьянскіе поземельные платежи нынѣ меньше, чѣмъ платежи тѣхъ же крестьянъ при крѣпостномъ правѣ. Такимъ образомъ, авторъ крупнаго спеціальнаго труда о крестьянской платежеспособности предлагаетъ намъ признать налоговое бремя, падающее на крестьянскія земли, посильнымъ, потому что теперь крестьяне платятъ все-же менѣе государству, чѣмъ прежде платили помѣщикамъ. Какъ-то даже неловко напоминать, что правильное податное обложеніе не имѣетъ въ виду наложить на населеніе такое же бремя, какое господинъ налагаетъ на своего раба.

Для доказательства интересующаго насъ положенія г. Бржескій прибѣгаетъ далѣе къ такому аргументу: еслибы причины недоимочности крестьянъ лежали въ условіяхъ платежеспособности, то послѣ отмѣны подушной подати и пониженія выкупныхъ платежей крестьяне должны бы исправнѣе вносить казенные сборы; между тѣмъ, по утвержденію г. Бржескаго, этой большей исправности не замѣчается. Г. Бржескій въ пользу этого послѣдняго положенія приводитъ цифровыя данныя о поступленіи казенныхъ сборовъ за пятилѣтія 1881 — 1885 и

---

[1]) Тамъ же, стр. 390.

1886—1890; эти данныя онъ считаетъ выгодными для себя, а на самомъ дѣлѣ данныя для него неблагопріятны; изъ этихъ данныхъ видно, что въ пятилѣтіе 1881 — 1885 окладъ казенныхъ сборовъ составлялъ 136,1 милл. руб., поступленіе—126,6 милл., недоимка—19,5 милл., или слишкомъ 14% оклада; въ пятилѣтіе же 1886—1890 г.г., когда населенію были оказаны разныя податныя льготы, окладъ составлялъ 103,8 милл., поступленіе 102,6 милл., недоимка—1,2 милл., или только около 1% оклада; такимъ образомъ, хотя въ послѣднее пятилѣтіе налоги вносились не совершенно исправно, но зато процентъ недоимочности весьма сильно понизился; поэтому нельзя утверждать, что податныя льготы, дарованныя крестьянамъ въ 1886—1890 г.г., не оказали благопріятнаго вліянія на поступленіе казенныхъ сборовъ съ крестьянъ.

Наконецъ нашъ авторъ приводитъ еще одно доказательство въ пользу своихъ оптимистическихъ взглядовъ,—именно, онъ беретъ данныя относительно роста недоимочности по районамъ и изъ нихъ выводитъ, что чѣмъ далѣе мы подвигаемся съ запада, гдѣ мало распространено общинное землевладѣніе, на востокъ, гдѣ господствуетъ эта форма землевладѣнія, тѣмъ болѣе ростетъ недоимочность; отсюда онъ дѣлаетъ заключеніе о причинной связи между общиннымъ землевладѣніемъ и недоимочностью. На самомъ же дѣлѣ данныя, приведенныя авторомъ, не вполнѣ говорятъ въ его пользу; такъ, напр., недоимочность въ средне-черноземномъ районѣ возросла съ 1 (недоимочность пятилѣтія 1871—1875 г.г., принятая за единицу) до 12 (пятилѣтіе 1891—1895 г.г.), а въ средне-промышленномъ районѣ за то же время недоимочность возросла съ 1 только до 2,5; между тѣмъ извѣстно, что въ томъ и другомъ районѣ господствуетъ общинное землевладѣніе; слѣдовательно, нельзя изъ приведенныхъ данныхъ дѣлать заключеніе, что общинное землевладѣніе является одною изъ главныхъ причинъ недоимочности. Только-что приведенныя данныя, на нашъ взглядъ, вполнѣ удовлетворительно объясняются такъ: доходы отъ крестьянскихъ земель недостаточны, по общему правилу, для исправнаго платежа казенныхъ сборовъ, падающихъ на землю; поэтому эти сборы приходится уплачивать крестьянамъ изъ стороннихъ заработковъ; тамъ, гдѣ эти заработки обильнѣе (напр., въ средне-промышленномъ районѣ), тамъ казенные сборы вносятся легче; тамъ же, гдѣ сторонніе заработки менѣе значительны (какъ, напр., въ средне-черноземномъ районѣ),—сборы вносятся труднѣе. Такимъ образомъ, разсмотрѣнная попытка поколебать давно установленное положеніе, что

казенные сборы, падающіе на крестьянскую землю, не могутъ быть уплачены, по общему правилу, изъ доходовъ этой земли, должна быть признана совершенно неудавшеюся.

Нельзя назвать наши поземельные сборы и равномѣрными. Неравномѣрность обложенія объясняется прежде всего тѣмъ, что различные разряды крестьянъ получили неодинаковое земельное обезпеченіе и не за одинаковые платежи. Какъ извѣстно, въ дореформенное время у насъ было три главныхъ разряда крестьянъ: помѣщичьи, государственные и удѣльные. Изъ этихъ трехъ разрядовъ бывшіе помѣщичьи были устроены менѣе всего благопріятно: они получили земли менѣе, чѣмъ другіе крестьяне, и притомъ за каждую десятину земли имъ пришлось платить больше другихъ крестьянъ. Къ своимъ же крестьянамъ государство отнеслось болѣе снисходительно: оно дало имъ болѣе земли и менѣе заставило платить за одну десятину. Извѣстно, что при освобожденіи крестьянъ помѣщичьихъ числилось 10,8 милл. ревизскихъ душъ; всѣ они получили 37 милл. десятинъ, или по 3,4 десятины на душу. Бывшіе государственные крестьяне, получившіе поземельное устройство въ 1866 году, въ количествѣ 10,7 милл. душъ, получили въ надѣлъ отъ государства 75 милл. десятинъ, или по 7 десятинъ на душу. Были еще удѣльные крестьяне, но они составляли только 900 тысячъ душъ; получили они въ надѣлъ 4 милл. десятинъ, или по 4,8 десятины на душу. Въ семидесятыхъ годахъ Валуевской коммиссіей по изслѣдованію сельскаго хозяйства было констатировано, что государственные крестьяне платили оброчной подати по 64 коп. съ десятины, удѣльные—71 коп., а помѣщичьи—1 руб. 82 коп. [1]). Соотвѣтственная разница въ платежахъ получалась и при переходѣ на выкупъ, такъ какъ выкупные платежи высчитывались путемъ капитализаціи оброчной подати.

Внутри одного и того же разряда крестьянъ равномѣрность въ платежахъ также не была вполнѣ осуществлена. Это произошло, во-первыхъ, потому, что платежи за землю опредѣлялись не только сообразно съ цѣнностью и доходностью земли, но и въ зависимости отъ другихъ обстоятельствъ,—напр., въ зависимости отъ цѣны на крестьянскій трудъ. Затѣмъ, во-вторыхъ, разсматриваемая неравномѣрность сборовъ объясняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что первая десятина надѣла оцѣнивалась дороже, чѣмъ послѣдующія; мотивомъ для этого при реформѣ послужили слѣдующія соображенія: „крестьянинъ, надѣленный одной

---

[1]) Бржескій, Недоимочность и круговая порука, стр. 384—385.

десятиной на душу, извлечетъ изъ нея все, что она можетъ дать; при надѣленіи его другою десятиной, также необходимою для его хозяйства, выгоды его безъ сомнѣнія увеличиваются, но не удвоиваются, ибо онъ не въ состояніи употребить на нее столько труда и оборотнаго капитала, какъ на первую; еще менѣе относительныя выгоды, извлекаемыя имъ изъ третьей и четвертой десятины" [1]). Трудно понять, какимъ образомъ столь странныя соображенія могли считаться за правильныя; эти соображенія совершенно противорѣчатъ дѣйствительному положенію вещей; на самомъ дѣлѣ, чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ труднѣе платить земельные сборы; если надѣлъ достаточенъ только для поддержанія жизни крестьянина, то онъ не дастъ остатка для повинностей. Какъ бы то ни было, но вслѣдствіе указаннаго мотива малые надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ были отягощены большими выкупными платежами.

Неравномѣрность обложенія до значительной степени смягчается условіями современнаго податного строя въ деревнѣ. Въ русской литературѣ есть столь цѣнное произведеніе, какъ г. Трирогова „Община и подать", въ которомъ имѣется прекрасное описаніе раскладки разныхъ податей между отдѣльными членами крестьянскаго общества; изъ этого сочиненія мы узнаемъ, что крестьяне соединяютъ вмѣстѣ всѣ платежи, падающіе на общество, и затѣмъ уже эту сумму по своимъ собственнымъ понятіямъ о справедливомъ обложеніи раскладываютъ между надѣльными домохозяевами; мы можемъ только удивляться, въ общемъ, той тщательности, съ которой принимаются во вниманіе всѣ стороны жизни домохозяйства, могущія вліять на степень обремененія его повинностями. Но этотъ распорядокъ можетъ устранить неравномѣрность обложенія только внутри одной и той же общины; за предѣлами ея онъ, конечно, не можетъ проявлять своего значенія; такъ, онъ совершенно не касается неравномѣрности обложенія между отдѣльными разрядами крестьянъ; не устраняетъ онъ и ту неравномѣрность, которая произошла отъ неодинаковаго обремененія надѣловъ равной величины; такъ, если въ одномъ обществѣ надѣлы малы, а въ другомъ больше, то первое общество будетъ сильнѣе обременено выкупными платежами, чѣмъ второе.

Едва ли нужно подробно описывать то неблагопріятное вліяніе, которое оказываютъ на крестьянское хозяйство непосильность и неравномѣрность казенныхъ платежей. Не трудно по-

[1]) Иванюковъ, Паденіе крѣпостного права, стр. 239.

нять, что неудобства казенныхъ сборовъ подтачиваютъ постоянно правильное теченіе крестьянскаго хозяйства: такъ какъ платежи не могутъ быть, по общему правилу, уплачены изъ доходовъ отъ надѣльной земли, то крестьянину для уплаты податей нужно во что бы то ни стало находить помѣщеніе для своего труда; такое вынужденное предложеніе труда ведетъ къ его обезцѣненію; всѣмъ извѣстенъ распространенный въ Россіи фактъ дешеваго зимняго найма на лѣтнія работы. Кромѣ прямого найма на работы, крестьянство ищетъ заработковъ и всякими другими путями; такъ, кустарная промышленность играетъ здѣсь тоже немаловажную роль, но вынужденность и всеобщая необходимость прибѣгать къ этой промышленности являются одною изъ причинъ дешевизны кустарныхъ издѣлій и, слѣдовательно, крестьянскаго труда, въ нихъ занятаго. Но нерѣдко крестьянинъ не находитъ даже и дешеваго помѣщенія своего труда въ чужомъ или своемъ предпріятіи. Тогда казенные платежи отбираютъ что-нибудь уже изъ его имущества. Правда, законъ, чтобы совсѣмъ не подорвать хозяйственную жизнь крестьянина, дѣлаетъ опредѣленіе о томъ, что нѣкоторые виды его имущества не подлежатъ принудительному отчужденію за неисправное внесеніе окладныхъ сборовъ; именно продажѣ не подлежатъ: ежедневная одежда и совершенно необходимая домашняя утварь; хлѣбъ и овощи, необходимые для продовольствія семьи въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; одна корова, а въ мѣстностяхъ, гдѣ въ крестьянскомъ обиходѣ коровы замѣняются козами и овцами, двѣ козы или овцы и необходимый для этого скота кормъ; топливо на трехмѣсячное отопленіе жилья семьи; земледѣльческія и промысловыя орудія, безусловно необходимыя для поддержанія хозяйства на надѣльной землѣ, а также соотвѣтственное количество рабочаго скота и необходимый для этого скота кормъ; сѣмена въ количествѣ, необходимомъ для посѣва на надѣльной землѣ [1]). Для многихъ крестьянъ таковъ уровень, выше котораго они не могутъ подняться: все лишнее сверхъ указаннаго въ законѣ минимума будетъ взято въ качествѣ текущаго оклада или же въ пополненіе недоимки прошедшаго года; такимъ образомъ ростъ крестьянскаго благосостоянія находитъ въ настоящее время значительное затрудненіе въ области податного дѣла.

Въ дѣлѣ прямого податного обложенія у насъ встрѣчаются еще нѣкоторыя другія ненормальности довольно существеннаго значенія. Такъ, очень большое значеніе имѣетъ вопросъ о сро-

---

[1]) Св. зак. т. IX, Особое положеніе (изд. 1902 г.), ст. 295 Общаго положенія.

кахъ взиманія казенныхъ сборовъ. Дѣйствующее законодательство на этотъ счетъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ теченіе года окладные сборы вносятся въ частные сроки; сроковъ этихъ должно быть не менѣе двухъ, причемъ послѣдній срокъ не можетъ быть назначенъ позже 1 декабря окладного сбора; установленіе частныхъ сроковъ, а также и долей годового оклада, вносимыхъ въ каждый частный срокъ, производится приговорами сельскихъ сходовъ; приговоры представляются земскимъ начальникамъ или мировымъ посредникамъ на утвержденіе уѣзднаго съѣзда или съѣзда мировыхъ посредниковъ, отъ которыхъ зависитъ, взамѣнъ указанныхъ въ приговорѣ частныхъ сроковъ платежа и подлежащихъ уплатѣ въ эти сроки долей окладныхъ сборовъ, установить другіе, ближе согласованные съ платежными способностями сельскихъ обывателей [1]). Какіе же сроки въ дѣйствительности установляются для взиманія окладныхъ сборовъ? Казалось бы, эти сроки должны быть приспособлены ко времени наибольшаго полученія заработковъ крестьянъ извѣстныхъ мѣстностей. Въ предъидущемъ было показано, что собственно земледѣльческая дѣятельность уже весьма многихъ крестьянскихъ хозяйствъ не можетъ дать источника для внесенія казенныхъ сборовъ, и потому въ большинствѣ случаевъ доходы отъ земли должны бы стоять въ сторонѣ отъ податного дѣла. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что хлѣбъ играетъ главнѣйшую роль при уплатѣ казенныхъ сборовъ: осенью, когда собранъ хлѣбъ, къ крестьянамъ предъявляются наиболѣе усиленныя требованія объ уплатѣ казенныхъ сборовъ; по прежнему главнымъ богатствомъ крестьянъ считается хлѣбъ. Администрація, обязанная взимать сборы, не очень заботится о томъ, достаточно ли хлѣба для прокормленія самихъ крестьянъ въ теченіе года; она знаетъ только то, что осенью у всѣхъ крестьянъ есть хлѣбъ, старается взять подати именно въ это время. Г. Голубевъ, въ своей обстоятельной статьѣ „Подать и народное хозяйство", съ большимъ цифровымъ матеріаломъ доказывалъ, что ради удобствъ администраціи подати съ крестьянъ въ главной своей части (именно около $^3/_4$) взимаются во второй половинѣ года, возможно ближе къ жатвѣ [2]). Администрація считаетъ для себя затруднительнымъ имѣть дѣло съ другими крестьянскими доходами, которые служатъ истиннымъ источникомъ платежа повинностей; съ своей точки зрѣнія она права, потому что другіе источники

[1]) Св. зак. т. IX, Особое приложеніе, ст. 281—283 Общаго положенія.

[2]) Голубевъ, Подать и народное хозяйство. „Русск. Мысль", 1893 г., кн. V, стр. 144—145.

очень разнообразны, неопредѣленны по времени поступленія, часто случайны; поэтому трудно ихъ уловить и трудно къ нимъ приспособить дѣйствительные сроки взиманія налоговъ. Какъ бы то ни было, но получается такая ненормальность: у крестьянъ недостаточно хлѣба для собственнаго пропитанія, но тѣмъ не менѣе осенью они его продаютъ для уплаты налоговъ. Но такъ какъ питаться нужно цѣлый годъ, то весной хлѣбъ опять покупается, но уже по значительно повышенной цѣнѣ. Г. Голубевъ въ указанной статьѣ довольно мѣтко приравнивалъ это явленіе къ убыточной залоговой операціи [1]). Тотъ же авторъ вычислилъ, что убытки отъ такого порядка вещей составляютъ столько же, сколько и сами налоги. Трудно было бы повѣрить послѣднему утвержденію, еслибы названный авторъ не приводилъ въ доказательство такого положенія серьезныя статистическія данныя, еслибы онъ не ссылался на опредѣленія земскихъ собраній, еслибы, наконецъ, онъ не ссылался на оффиціальныя указанія губернской администраціи. Еслибы мы даже въ два раза уменьшили указанный размѣръ убытковъ крестьянъ отъ способа взиманія налоговъ, то и тогда мы все еще стали бы утверждать, что ненормально то податное обложеніе, которое вызываетъ у населенія добавочные расходы въ 50% налога. Все это даетъ намъ новое основаніе утверждать, что система нашихъ современныхъ окладныхъ сборовъ неблагопріятна для крестьянскаго хозяйства, что она его подтачиваетъ, не даетъ ему подниматься. Впрочемъ, отмѣченное неудобство затрогиваетъ уже не только интересы одного крестьянства, но затрогиваетъ и вообще интересы всего сельскаго хозяйства; въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ сильное паденіе осеннихъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты— не безразлично и для интересовъ частныхъ землевладѣльцевъ.

Наконецъ, намъ остается указать еще на одно существенное неудобство прямого обложенія сельскаго населенія. Мы имѣемъ въ виду круговую поруку, которая возлагалась закономъ на крестьянъ въ отношеніи платежа окладныхъ сборовъ. Содержаніе этого института весьма просто: если отдѣльный крестьянинъ не уплатилъ причитающихся съ него налоговъ, то недоимка разлагается на всѣхъ остальныхъ домохозяевъ даннаго сельскаго общества, хотя бы эти послѣдніе свою долю налоговъ уплатили вполнѣ аккуратно. Эта круговая отвѣтственность была связана нашимъ закономъ съ формой землевладѣнія и съ количествомъ душъ въ обществѣ; законъ содержитъ на этотъ счетъ такія опредѣ-

---

[1]) „Русск. Мысль", 1893, кн. VII, стр. 17.

ленія: при общинномъ пользованіи землею каждое селеніе или часть селенія, получающія отдѣльный окладной листъ, отвѣчаютъ круговою порукою за всѣхъ домохозяевъ въ исправной уплатѣ окладныхъ сборовъ, если селенію или части селенія отведенъ надѣлъ на шестьдесятъ или болѣе ревизскихъ душъ; если число душъ въ селеніи менѣе шестидесяти или если въ селеніи имѣетъ мѣсто подворное (наслѣдственное) пользованіе землею, то уплата окладныхъ сборовъ возлагается на отвѣтственность каждаго отдѣльнаго домохозяина [1]). Нельзя не признать институтъ круговой поруки однимъ изъ неудачныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ институтъ мы не можемъ прежде всего признать справедливымъ, потому что здѣсь безъ всякаго основанія одно лицо должно платить за другое. Но круговая порука не могла быть признана удачнымъ пріемомъ ни въ экономическомъ, ни въ соціальномъ, ни въ финансовомъ отношеніи. Въ экономическомъ отношеніи она нецѣлесообразна, потому что задерживаетъ прогрессъ сельскохозяйственной промышленности въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, для крестьянина, ставшаго въ благопріятное положеніе, является опаснымъ увеличивать свое видимое богатство; положимъ, онъ могъ бы и желалъ бы завести побольше скота, какъ для работъ, такъ и для удобренія, но онъ боится осуществить свое желаніе, потому что, быть можетъ, ему придется отвѣчать за недоимки своихъ несостоятельныхъ односельчанъ; если его опасенія оправдаются, то, навѣрное, его скотъ продадутъ, потому что скотъ является любимымъ предметомъ принудительныхъ отчужденій за недоимки. Такимъ образомъ, то угнетающее вліяніе на крестьянское хозяйство, которое имѣетъ непосильность прямыхъ сборовъ, благодаря круговой порукѣ дѣлалось всеобщимъ. Круговая порука оказывается неблагопріятнымъ явленіемъ и въ соціальномъ отношеніи: она обостряетъ отношенія между слабыми и сильными дворами въ деревнѣ; слабые дворы, за которые платятъ или могутъ платить дворы сильные, попадаютъ въ приниженное состояніе, въ состояніе сильной зависимости отъ общества и отъ сильныхъ дворовъ, играющихъ обыкновенно руководящую роль въ обществѣ. Нечего и говорить о томъ, что неисправный плательщикъ, за котораго платило все общество, въ имущественномъ отношеніи становится въ зависимость отъ общества, и что общество можетъ и по закону отнять у него даже надѣльную землю,—но здѣсь имѣется въ виду главнымъ образомъ личная зависимость крестьянина отъ общества; проявленія этой зависи-

[1]) Св. зак. т. IX, Особое приложеніе, ст. 276—278 Общаго положенія.

мости довольно разнообразны; такъ, недоимщикъ не можетъ выйти изъ даннаго общества; онъ затрудненъ и во временныхъ отлучкахъ изъ своего мѣстожительства; къ нему можетъ быть приставленъ опекунъ, и т. д., и т. д. Такимъ образомъ, законъ, возложившій на сельскія общества круговую отвѣтственность, отдавали личность отдѣльнаго крестьянина въ слишкомъ большую зависимость отъ общества. Это соціальное неудобство круговой поруки въ свою очередь ведетъ и къ новому экономически невыгодному послѣдствію: оно стѣсняетъ сферу свободнаго приложенія крестьянскаго труда. Наконецъ, круговая порука не могла считаться выгодной и въ финансовомъ отношеніи: она не только не содѣйствовала исправному поступленію окладныхъ сборовъ, но наоборотъ, способствовала накопленію недоимокъ; вслѣдствіе круговой поруки и богатые крестьяне задерживали платежъ сборовъ изъ боязни, что потомъ имъ еще придется платить за недоимщиковъ; „одни не платятъ подати,—говоритъ г. Бржескій,—потому что не могутъ, другіе—потому что боятся платить вдвойнѣ и болѣе“ [1]).

II.

Въ предъидущемъ указаны были недостатки нашего прямого обложенія. Если они намѣчены были вѣрно, то тѣмъ самымъ указаны и мѣры, при помощи которыхъ можно устранить или по крайней мѣрѣ ослабить эти недостатки. Если поэтому правительство рѣшитъ, какъ предполагается, серьезно заняться подъемомъ нашей сельскохозяйственной промышленности, то оно должно принять и мѣры въ области прямого обложенія. Но спрашивается: какія это мѣры, и можно ли ихъ принять въ настоящее время? По нашему мнѣнію, и въ настоящее время возможно уже сдѣлать нѣкоторыя облегченія въ области обложенія сельскаго населенія. Посмотримъ, что̀ именно тяготитъ главнымъ образомъ сельское населеніе. Какъ извѣстно, у насъ собственно только два вида казенныхъ сборовъ, падающихъ на крестьянское населеніе,—по крайней мѣрѣ, на крестьянское населеніе Европейской Россіи. Это государственный поземельный налогъ и выкупные платежи бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ. Посмотримъ теперь, насколько обременителенъ тотъ и другой видъ сборовъ и который изъ нихъ пред-

[1]) Бржескій, Недоимочность и круговая порука, стр. 408 и слѣд.

ставляетъ собою нормальное явленіе въ финансовой жизни государства.

По теоріи, сельскохозяйственное населеніе можетъ и должно быть обложено двумя видами прямыхъ налоговъ, — налогомъ поземельнымъ и налогомъ промысловымъ; первый имѣетъ въ виду охватить чистый доходъ отъ земли, то, что̀ называется поземельной рентой, а второй имѣетъ въ виду охватить чистый доходъ отъ сельскохозяйственныхъ предпріятій; второй налогъ, конечно, не является налогомъ исключительно сельско-хозяйственнымъ; онъ охватываетъ и другіе промыслы. Если сельскохозяйственная промышленность какой-нибудь страны несетъ податное бремя только въ видѣ указанныхъ двухъ налоговъ, то мы не должны имѣть ничего противъ существованія ихъ, какъ нормальнаго явленія финансовой жизни. Если бы и могъ быть поставленъ какой-нибудь вопросъ въ отношеніи ихъ, то это былъ бы вопросъ о посильности и равномѣрности такого обложенія. Что касается Россіи, то въ ней въ настоящее время промысловаго обложенія сельскаго хозяйства совсѣмъ нѣтъ, а есть только поземельный налогъ. Этотъ послѣдній налогъ по своей величинѣ является очень низкимъ; дѣйствительно, нельзя иначе, какъ низкимъ, назвать нашъ поземельный налогъ, составляющій $^1/_4$ коп. (въ архангельской и олонецкой губерніи)—17 коп. (въ курской губерніи) съ десятины. Дѣйствительное поступленіе его въ государственное казначейство въ періодъ съ 1885 по 1897 г. составляло 13—22,9 милл. рублей [1]). Во Франціи, при гораздо меньшей сельскохозяйственной площади, собирается болѣе 100 милл. франковъ. Слѣдовательно, не государственный поземельный налогъ тяготитъ сельскохозяйственное населеніе; бременемъ для него является другой видъ казенныхъ сборовъ,—это именно выкупные платежи, собираемые только съ крестьянскаго населенія. Дѣйствительно, если мы посмотримъ на доходы отъ выкупныхъ платежей, то они играютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ поступленія отъ поземельнаго налога. За періодъ съ 1887 года по 1897 г. выкупные платежи поступали въ казну въ количествѣ отъ 70,8 милл. до 101,3 милл. Что̀ же представляютъ изъ себя выкупные платежи?

Историческое происхожденіе выкупныхъ платежей всѣмъ извѣстно. Они появились только съ реформы 1861 г. При освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости даны были крестьянамъ земельные надѣлы, но не даромъ: крестьяне должны

---

[1]) Сабуровъ, Матеріалы для исторіи русскихъ финансовъ, Прилож. № 35.

были выкупить землю, имъ отводимую, а также отчасти должны были выкупить и свой трудъ. Надѣленные землями, крестьяне первоначально были поставлены въ положеніе „временно обязанныхъ“, платившихъ помѣщикамъ за надѣльпую землю оброкъ опредѣленной закономъ величины. Если бы такія отношенія стали постоянно продолжаться, то увѣковѣчилась бы эта принудительная связь между помѣщиками и крестьянами: крестьяне постоянно сидѣли бы на землѣ своихъ бывшихъ помѣщиковъ съ платежемъ въ пользу послѣднихъ арендной платы (оброкъ). Желая сдѣлать крестьянъ собственниками, правительство рѣшило помочь крестьянамъ выкупить надѣлы; оно само платило помѣщикамъ выкупъ за землю,—причемъ выкупная сумма опредѣлялась капитализированіемъ оброка изъ 6%; крестьяне же должны были ежегодными платежами, равными 6% выкупной ссуды, расплачиваться съ правительствомъ. Эти платежи крестьянъ и называются выкупными платежами. Первоначально выкупная операція была необязательною для всѣхъ крестьянъ: она зависѣла отъ воли крестьянъ или помѣщиковъ, или же отъ взаимнаго ихъ согласія, смотря по тому, какую землю и въ какомъ размѣрѣ крестьяне выкупали; поэтому первоначально не всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне платили выкупные платежи, а только тѣ, которые перешли отъ состоянія временно-обязанныхъ на выкупъ. Въ 1881 году выкупъ сдѣланъ былъ обязательнымъ для тѣхъ крестьянъ, которые еще не успѣли перейти на выкупъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время уже всѣ крестьяне, освобожденные въ 1861 г., платятъ выкупные платежи. Крестьяне должны платить выкупные платежи не постоянно, а только временно, впредь до погашенія правительственной ссуды. Изъ тѣхъ 6% со ссуды, которые составляютъ выкупные платежи, 5% являются ростомъ, ½% предназначено въ запасный выкупной капиталъ, и только ½% было предназначено на погашеніе капитальнаго долга со стороны крестьянъ правительству; при такой погасительной части весь капиталъ долженъ быть уплаченъ въ теченіе 49 лѣтъ. Вотъ почему каждое крестьянское общество, перешедшее на выкупъ, должно платить выкупные платежи только въ теченіе 49 лѣтъ, считая со времени заключенія выкупной сдѣлки. Какъ извѣстно, кромѣ помѣщичьихъ крестьянъ, имѣлась во время реформы еще другая значительная группа крестьянъ, именно группа крестьянъ государственныхъ. Вслѣдъ за помѣщичьими крестьянами правительство занялось судьбой своихъ крестьянъ, причемъ эти послѣдніе первоначально были поставлены въ то же юридическое отношеніе къ землѣ и къ правительству, какъ и бывшіе

помѣщичьи крестьяне. Первоначально (въ 1866 г.) государственные крестьяне были надѣлены землей, причемъ земля не переходила въ собственность крестьянъ, а только въ арендное содержаніе; за пользованіе этой землей государственные крестьяне должны были платить арендную плату, которой было дано не совсѣмъ подходящее названіе оброчной подати. Затѣмъ, въ 1886 г., бывшіе государственные крестьяне были переведены на выкупъ. Финансовая сторона этого перехода изъ состоянія „обязанныхъ“ государству въ состояніе собственниковъ земли съ платежемъ за нее выкупа была построена опять такъ же, какъ и въ отношеніи крестьянъ помѣщичьихъ; впредь крестьяне должны платить не оброчную подать, а выкупные платежи, которые были выше оброчной подати на 45%; эти выкупные платежи уже получили другой характеръ по сравненію съ оброчной податью; эта послѣдняя была арендной платой за надѣлы, собственность на которые принадлежала государству; выкупные же платежи стали представлять выплату капитальной стоимости (съ процентами) земли, собственность на которую перешла теперь къ крестьянамъ; увеличеніе на 45% выкупныхъ платежей по сравненію съ суммой оброка обозначаетъ введеніе погасительной части; такъ какъ въ выкупныхъ платежахъ государственныхъ крестьянъ погасительная часть нѣсколько болѣе, чѣмъ у помѣщичьихъ крестьянъ, то и выкупные платежи государственныхъ крестьянъ должны прекратиться въ нѣсколько болѣе короткій срокъ, именно въ теченіе 44 лѣтъ, считая со времени перехода на выкупъ.

Изъ этого описанія выкупныхъ платежей видно, что они по своей природѣ представляютъ, строго говоря, не видъ обложенія, а нѣчто иное: именно, они представляютъ выплату за землю, купленную крестьянами у помѣщиковъ и государства въ долгъ, причемъ какъ самая капитальная цѣна земли, такъ и процентъ на нее опредѣлены въ размѣрахъ вполнѣ приличныхъ и даже нѣсколько преувеличенныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, выкупные платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ не только заключаютъ въ себѣ приличный процентъ на правительственную ссуду (именно 5%), но еще ½% идутъ въ запасный выкупной капиталъ; другими словами, крестьяне платили по ссудѣ 5½%. Неудивительно поэтому, что правительству выкупная операція стала приносить барышъ, остававшійся за оплатой тѣхъ обязательствъ, къ которымъ прибѣгло само правительство, чтобы заплатить за землю помѣщикамъ вмѣсто крестьянъ; такъ, профессоръ Карышевъ говоритъ, что въ первыя 20 лѣтъ послѣ реформы

выкупная операція принесла правительству болѣе 40 милл. [1]). Что касается цѣнности земли, то она была также скорѣе преувеличенной, чѣмъ уменьшенной. Да иначе и не могло быть въ отношеніи помѣщичьихъ крестьянъ: оброкъ этихъ крестьянъ, по капитализаціи котораго опредѣлялась потомъ цѣнность земли, долженъ былъ выражать доходность не только отъ земли, но и отъ личности крестьянина. Если выкупные платежи по своей природѣ являются не видомъ обложенія, то и обсуждать ихъ мы должны не только съ финансовой точки зрѣнія, а еще и съ другой. Если бы мы стали обсуждать выкупные платежи только какъ налогъ, то быстро и безъ всякихъ колебаній пришли бы къ отрицательному для нихъ выводу: въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ поземельнымъ обложеніемъ вышеуказанныхъ формъ наука не признаетъ никакихъ другихъ формъ этого обложенія; во всякомъ случаѣ въ финансовой наукѣ не можетъ быть признана раціональной никакая форма обложенія, поглощающая въ теченіе 44—49 лѣтъ всю цѣнность податного имущества. Такимъ образомъ, выкупные платежи, какъ форма обложенія, совершенно не могутъ быть оправданы.

Выше было показано, что выкупные платежи, въ сущности, не являются видомъ обложенія, и что поэтому за уничтоженіе и только за пониженіе ихъ нужно приводить не одни финансовыя соображенія, а еще и иныя. Такія другія соображенія могутъ быть приведены въ достаточномъ количествѣ и, намъ кажется, съ достаточной убѣдительностью. Одинъ изъ этихъ доводовъ мы назвали бы доводомъ исторической справедливости; онъ состоитъ въ слѣдующемъ. Уже во время самой реформы раздавались голоса, что несправедливо заставлять крестьянъ выкупать землю у помѣщиковъ. Среди голосовъ, раздававшихся противъ выкупа земли, были голоса очень умѣренные, которые говорили, что и помѣщики не должны лишиться пріобрѣтенныхъ правъ даромъ, что они не должны отдать землю безъ соотвѣтственнаго вознагражденія; говорили, что помѣщикамъ за землю должно заплатить государство и затѣмъ передать землю крестьянамъ уже безъ всякаго платежа; дѣйствительно, такое разрѣшеніе вопроса было бы болѣе справедливымъ, чѣмъ принятое реформой. Въ самомъ дѣлѣ, наше другое коренное сословіе, дворянство, получило первоначально землю отъ государства за выполненіе извѣстныхъ государственныхъ задачъ; потомъ,

[1]) См. „Россія въ концѣ XIX столѣтія", стр. 109. О выгодности выкупной операціи для правительства говоритъ также г. Мигулинъ, „Русскій государственный кредитъ", I, 498.

когда съ него снято было выполненіе этихъ задачъ, то у него не были отняты земли; такимъ образомъ первоначальное пріобрѣтеніе земель со стороны дворянства было даровымъ. Такъ же было бы справедливо поступить и съ крестьянствомъ. Крестьяне были прикрѣплены къ землѣ также ради государственныхъ цѣлей; когда прошла надобность въ этомъ прикрѣпленіи съ государственной точки зрѣнія, когда съ этой точки зрѣнія прикрѣпленіе стало даже опаснымъ, крестьяне получили личную свободу и должны были начать новую свободную жизнь, но несправедливо было пустить ихъ безъ всякой экономической опоры; во всякомъ случаѣ это сословіе,—сыгравшее и играющее въ русской государственной жизни во всякомъ случаѣ не мѐньшую роль, чѣмъ дворянство,—могло съ полнымъ правомъ разсчитывать на такое же къ себѣ отношеніе, какъ и дворянство; между прочимъ, крестьянство могло разсчитывать на первоначальное обезпеченіе основнымъ экономическимъ факторомъ, т. е. землей. Жизнь русскаго крестьянства послѣ реформы показала, что наложеніе на него высокихъ выкупныхъ платежей было не только мало справедливымъ, но и нецѣлесообразнымъ пріемомъ съ экономической точки зрѣнія. Непосильность казенныхъ платежей, именно главнымъ образомъ платежей выкупныхъ, сыграла роль значительнаго тормаза для развитія сельскохозяйственной промышленности, а затѣмъ и для обработывающей. Какъ извѣстно, положеніе сельскохозяйственной промышленности послѣ реформы зависитъ главнымъ образомъ отъ крестьянъ; произошло это отъ того, что крестьяне, надѣленные землей, оказались хотя въ значительной степени фиктивными, но все-же собственниками земли; вслѣдствіе этого крестьяне на своихъ земляхъ, которыхъ больше, чѣмъ земель частновладѣльческихъ, ведутъ собственное хозяйство. Но сверхъ того и на частновладѣльческихъ земляхъ тонъ сельскохозяйственной промышленности нерѣдко даютъ тоже крестьяне; извѣстно, что очень большое количество пахатныхъ земель [1]) крупные землевладѣльцы отдаютъ въ аренду крестьянамъ, и сверхъ того нѣкоторая часть землевладѣльцевъ совсѣмъ не ведетъ экономической запашки или ведетъ ее при помощи крестьянскаго инвентаря. Вотъ почему случилось, что наша сельскохозяйственная промышленность превратилась въ выработку часто недостаточнаго пропитанія для необозримой крестьянской массы, не могущей дѣлать капитальныхъ затратъ

---

[1]) Болѣе 6 милл. дес. См. статью Каблукова въ кн. „Вліяніе урожаевъ и цѣнъ", I, 144.

на поднятіе своего хозяйства. Въ настоящее время мы наблюдаемъ не только хроническій застой въ сельскохозяйственной промышленности, но и наша молодая обработывающая промышленность уже попала въ критическое положеніе, и можно думать, что это критическое положеніе также станетъ хроническимъ. Въ самомъ дѣлѣ, русской обработывающей промышленности трудно разсчитывать на иностранные рынки; эти рынки уже заняты передовыми культурными государствами; поэтому развитіе обработывающей промышленности самымъ тѣснымъ образомъ связано съ внутренними рынками и, слѣдовательно, съ развитіемъ сельскохозяйственной промышленности; только подъемъ сельскохозяйственной промышленности и увеличеніе благосостоянія сельскаго населенія могутъ расширить внутренній рынокъ. Поэтому высокіе выкупные платежи, наложенные на крестьянъ и ставшіе однимъ изъ тормазовъ сельскохозяйственной промышленности, стали неблагопріятнымъ явленіемъ и для другихъ сторонъ экономической жизни Россіи.

Итакъ, взиманіе выкупныхъ платежей съ крестьянъ встрѣчаетъ въ настоящее время очень сильныя возраженія, и потому весьма желательна и весьма своевременна реформа этихъ платежей. Реформа эта, по нашему мнѣнію, должна состоять въ полной замѣнѣ выкупныхъ платежей увеличеніемъ поземельнаго налога. Такое преобразованіе выкупныхъ платежей въ истинное поземельное обложеніе не будетъ новостью для нашего правительства. Оно давно уже стало на этотъ путь и сдѣлало уже много шаговъ въ этомъ направленіи; такъ, въ 1881 году правительство, какъ извѣстно, прибѣгло къ пониженію выкупныхъ платежей въ виду несоотвѣтствія ихъ съ платежеспособностью крестьянъ; самое пониженіе платежей и притомъ на основаніи сейчасъ указанномъ, показало, что правительство склонно смотрѣть на выкупные платежи какъ на видъ обложенія; съ долгами подъ залогъ земли такъ не поступаютъ. Далѣе, въ 1885 году, выкупные платежи внесены были въ общегосударственный бюджетъ, какъ одно изъ обыкновенныхъ прямыхъ поступленій; если бы правительство строго держалось взгляда на выкупные платежи какъ на возвратъ долга со стороны крестьянъ, то имъ нельзя бы было отводить такого мѣста въ бюджетѣ. Наконецъ, цѣлымъ рядомъ узаконеній (1889, 1894, 1896 и 1899 гг.) объ отсрочкахъ и пересрочкахъ выкупные платежи получаютъ все болѣе и болѣе хроническій характеръ и теряютъ характеръ срочности, черезъ что они опять приближаются къ истинному обложенію. Такимъ образомъ, если бы нынѣ прави-

тельство совсѣмъ отмѣнило выкупные платежи и замѣнило ихъ нѣкоторымъ (не говорю—соотвѣтственнымъ) повышеніемъ государственнаго поземельнаго налога, то этотъ пріемъ не былъ бы вполнѣ новымъ: это было бы только послѣднимъ шагомъ въ давно начавшемся движеніи.

Уничтоженіе выкупныхъ платежей и вытекающее отсюда облегченіе для крестьянъ въ размѣрѣ казенныхъ платежей поведетъ за собой смягченіе другихъ неудобствъ нашихъ прямыхъ сборовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, платежи скопляются во второй половинѣ года, ближе къ урожаю. Но одной изъ главнѣйшихъ причинъ такого оттягиванія платежей является высота ихъ; еслибы платежи не были непосильными, то они легче и своевременнѣе уплачивались бы безъ оттяжекъ къ концу года и безъ превращенія ихъ въ недоимки; во всякомъ случаѣ, еслибы и послѣ пониженія платежей хлѣбъ все-таки продавался бы даже у тѣхъ крестьянъ, у которыхъ его недостаточно для собственнаго годового пропитанія, то зло это было бы гораздо меньше. Кромѣ значительнаго пониженія платежей, трудно указать какое-нибудь иное дѣйствительное средство въ отношеніи сроковъ крестьянскихъ платежей. Г. Голубевъ, спеціально занимавшійся этимъ вопросомъ, предлагалъ такую мѣру: по его мнѣнію, нужно закономъ опредѣлить, чтобы земство устанавливало частные сроки для внесенія податей съ крестьянъ, и чтобы эти сроки были обязательны для администраціи. Г. Голубевъ полагаетъ, что земство, хорошо зная экономическое положеніе населенія, будетъ назначать наиболѣе благопріятные для крестьянъ сроки [1]). Мы не возражаемъ противъ этой мѣры, но только думаемъ, что едва ли отъ подобной мѣры можно ожидать большой пользы. Въ настоящее время, какъ мы знаемъ, сами крестьянскія общества имѣютъ право устанавливать частные сроки для внесенія податей; конечно, сельскія общества не хуже земства знаютъ свое экономическое положеніе, и тѣмъ не менѣе платежи скапливаются къ концу года.

Что касается круговой поруки, то по отношенію къ ней принято уже радикальное средство; это именно ея полное уничтоженіе. Только изрѣдка въ пользу круговой поруки высказывались тѣ изъ защитниковъ общиннаго землевладѣнія, которые считали круговую поруку существенно связанною съ общиннымъ землевладѣніемъ. На самомъ же дѣлѣ и эти лица не должны бы отстаивать круговой поруки, потому что между нею и общиннымъ землевладѣ-

[1]) Голубевъ, Подать и народное хозяйство, „Русск. М.", 1893, кн. VII, стр. 29.

ніемъ нѣтъ существенной связи, и общинное землевладѣніе можетъ совершенно спокойно существовать безъ круговой поруки. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ части крестьянскаго законодательства, которыя относятся къ круговой порукѣ, могутъ быть совершенно удобно отмѣнены безъ всякаго затрогиванія другихъ частей этого законодательства. Ст. 309 Общаго Положенія о крестьянахъ (изд. 1902) говоритъ, что недоборъ, оказавшійся къ 1 января, за отдѣльными домохозяевами, разверстывается сходомъ между всѣми домохозяевами, а ст. 316 того же Положенія гласитъ, что исправникъ примѣняетъ принудительное взысканіе уже согласно съ этой разверсткой—не къ первоначальнымъ недоимщикамъ, а ко всѣмъ домохозяевамъ. Какимъ образомъ будетъ затронуто общинное землевладѣніе, если ст. 309 будетъ отмѣнена, а въ ст. 316 будетъ сказано, что полиція принудительно взыскиваетъ недоимки только съ первоначальныхъ и дѣйствительныхъ виновниковъ недоимки, не затрогивая другихъ домохозяевъ? Крестьяне попрежнему могутъ имѣть землю въ общинномъ владѣніи, передѣлять ее время отъ времени, раскладывать между собой разные налоги сообразно съ земельными надѣлами или какими-нибудь еще иными основаніями; они только должны будутъ указывать финансовой и общей администраціи тѣхъ своихъ членовъ, которые не внесли сполна причитающихся съ нихъ платежей,—вотъ и все.

Возраженіе противъ уничтоженія выкупныхъ платежей можетъ относиться къ практической осуществимости этой мѣры при современномъ состояніи русскихъ финансовъ; могутъ сказать, что выкупные платежи составляютъ въ настоящее время значительную статью дохода и что трудно замѣнить ихъ какимъ-нибудь другимъ доходомъ. На это возраженіе слѣдуетъ прежде всего отвѣтить, что, все равно, выкупные платежи представляютъ изъ себя временное явленіе, что рано или поздно они перестанутъ существовать. Съ другой стороны, та потеря, которую потерпитъ государственный бюджетъ отъ уничтоженія выкупныхъ платежей, до значительной степени можетъ быть возмѣщена сейчасъ же. Во-первыхъ, послѣ уничтоженія выкупныхъ платежей можно тотчасъ же усилить государственный поземельный налогъ. Мы уже говорили, что нашъ поземельный налогъ самъ по себѣ очень незначителенъ и допускаетъ увеличеніе. По нашему мнѣнію, его можно бы увеличить раза въ $2^1/_2$. Еслибы это было сдѣлано, то около $^1/_3$ части выкупныхъ платежей было бы возмѣщено, такъ какъ выкупные платежи съ 1887 года даютъ государственному казначейству около 90 милл. въ годъ, а поземель-

ный налогъ—около 20 милл. въ годъ. Увеличеніе поземельнаго налога на 30 милл. не было бы обременительно и для крестьянъ, такъ какъ изъ этой суммы значительная часть (около половины) пала бы на частное землевладѣніе; такимъ образомъ крестьяне вмѣсто 90 милл. выкупныхъ платежей стали бы платить на 15 милл. больше поземельнаго налога. Дальнѣйшее увеличеніе поземельнаго обложенія въ настоящее время нежелательно: во-первыхъ, потому, что чѣмъ болѣе увеличилось бы поземельное обложеніе, тѣмъ болѣе подрывалась бы цѣль всей реформы; затѣмъ, во-вторыхъ, было бы слишкомъ затронуто частное землевладѣніе, которое, какъ извѣстно, нынѣ тоже находится далеко не въ блестящемъ положеніи. Изъ остальнаго недобора (около 60 милл.) также значительную часть можно переложить на другіе виды прямого обложенія, особенно на прямое обложеніе тѣхъ видовъ промышленности, которымъ оказывается сильное покровительство, конечно, съ отягощеніемъ всего населенія, и въ томъ числѣ главной массы населенія, т. е. крестьянства. Еслибы, однако, въ концѣ концовъ государственный бюджетъ и потерялъ на первое время нѣсколько милліоновъ, то это не представляло бы большой бѣды: эта потеря была бы покрыта въ недалекомъ же будущемъ, особенно еслибы правительство рядомъ съ податнымъ облегченіемъ сельскаго хозяйства предприняло рядъ другихъ серьезныхъ мѣръ въ пользу этого хозяйства. Подъемъ сельскаго хозяйства загладилъ бы недочетъ отъ уничтоженія выкупныхъ платежей отчасти увеличеніемъ всѣхъ государственныхъ доходовъ, отчасти уменьшеніемъ расходовъ,—напр., уменьшеніемъ продовольственныхъ затратъ. Такимъ образомъ, противъ возможности уничтоженія выкупныхъ платежей нельзя представить серьезныхъ возраженій и съ точки зрѣнія государственнаго бюджета.

III.

До сихъ поръ у насъ шла рѣчь о такъ называемомъ прямомъ обложеніи. Это обложеніе имѣетъ въ виду охватить доходы отдѣльныхъ лицъ, причемъ фискъ такъ или иначе оцѣниваетъ доходы или объекты, приносящіе доходы, и имѣетъ дѣло прямо съ дѣйствительными носителями податного бремени; такъ, мы говорили о поземельномъ обложеніи; это обложеніе относится къ прямому, такъ какъ его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы владѣлецъ земли отдалъ извѣстную часть дохода этого объекта въ государственную кассу. Но есть еще другой видъ обложенія: это такъ на-

зываемые косвенные налоги. Косвенные налоги существенно отличаются отъ прямыхъ: эти налоги взимаются не прямо съ дѣйствительныхъ плательщиковъ налоговъ, а съ посредствующихъ лицъ; именно, они первоначально уплачиваются производителями или торговцами товаровъ съ тѣмъ, чтобы посредствующія лица взяли обратно уплаченную ими въ казну сумму съ потребителей товаровъ; налоги эти падаютъ въ концѣ концовъ на потребителей товаровъ; они, слѣдовательно, соразмѣряются не прямо съ доходами отдѣльныхъ лицъ, а съ потребленіемъ отдѣльныхъ лицъ, и только черезъ потребленіе захватываютъ доходы. Всякому извѣстны случаи косвеннаго обложенія изъ русской дѣйствительности; такъ, напр., если табачный фабрикантъ закупаетъ на большія суммы бандеролей и оклеиваетъ ими помѣщенія съ табакомъ, то этотъ такъ называемый табачный акцизъ относится къ косвенному обложенію; въ концѣ концовъ этотъ акцизъ будетъ оплаченъ потребителями табака соразмѣрно со степенью ихъ пристрастія къ куренію; или, если торговецъ везетъ товаръ изъ-за границы и на границѣ уплачиваетъ таможенную пошлину, то это тоже будетъ косвенное обложеніе, и т. д. Въ Россіи въ настоящее время косвенное обложеніе господствуетъ надъ прямымъ; правда, и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ косвенное обложеніе выше прямого, но превышеніе это тамъ не такъ сильно, какъ въ Россіи; такъ, въ Англіи и во Франціи косвенные налоги больше прямыхъ въ 2—3 раза. Въ Россіи же дѣло обстоитъ слѣдующимъ образомъ. Въ 1898 году прямые налоги составляли 103,9 милл., а косвенные—634,9 милл.; по отношенію ко всѣмъ обыкновеннымъ доходамъ въ томъ же году прямые налоги составляли 6,6%, а косвенные—40,1%. Такимъ образомъ, по абсолютной величинѣ косвенные налоги у насъ превосходятъ прямые болѣе, чѣмъ въ 6 разъ. Слѣдуетъ еще при этомъ имѣть въ виду то обстоятельство, что русскіе косвенные налоги ростутъ быстрѣе прямыхъ; такъ, въ 1889 г. прямые налоги составляли 89,1 милл., а косвенные—457,1 милл. Если сравнить эти величины съ вышеприведенными за 1898 г., то окажется, что въ періодъ съ 1889 по 1898 г. прямые налоги возросли на 17%, а косвенные—на 39%. Среди косвенныхъ налоговъ первое мѣсто принадлежитъ питейному доходу, второе—таможеннымъ пошлинамъ, третье—табачному акцизу; напр., въ 1898 питейный доходъ далъ 289,6 милл., не считая еще казенной продажи вина; таможенныя пошлины принесли 218,9 милл., и табачный акцизъ

составлялъ 38,8 милл. [1]). Спрашивается теперь: какъ отнестись къ этому непомѣрному господству косвенныхъ налоговъ въ нашемъ финансовомъ хозяйствѣ? Спрашивается, прежде всего, является ли это господство косвенныхъ налоговъ благопріятнымъ для всего русскаго народнаго хозяйства и въ частности для сельскаго хозяйства? Если окажется, что господство косвенныхъ налоговъ надъ прямыми нужно считать явленіемъ неблагопріятнымъ, то нужно постараться показать, отъ чего оно зависитъ и нельзя ли здѣсь сдѣлать какія-нибудь улучшенія.

Что касается вопроса о сравнительныхъ достоинствахъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, то господствующее въ финансовой наукѣ мнѣніе—не въ пользу косвенныхъ налоговъ. Въ этомъ отношеніи практика и наука не сходятся между собой; какъ мы видѣли, въ дѣйствительной жизни косвенные налоги не только въ Россіи, но и въ западно-европейскихъ государствахъ превосходятъ налоги прямые по своему значенію въ государственныхъ бюджетахъ. Практическіе государственные дѣятели очень любятъ косвенные налоги за ихъ нѣкоторыя фискальныя выгоды, а именно: прежде всего, косвенные налоги могутъ давать весьма большія суммы государству; потребленіе нѣкоторыхъ предметовъ (спиртныхъ напитковъ, табаку и т. п.) такъ сильно распространено и люди такъ къ нимъ пристрастились, что даже очень высокое обложеніе этихъ предметовъ не мѣшаетъ широкому ихъ потребленію. Финансовые администраторы любятъ, далѣе, косвенные налоги за то, что при нихъ отношенія между правительствомъ и населеніемъ устроиваются очень мягко, миролюбиво; когда съ населенія берутъ прямо налогъ въ опредѣленномъ процентѣ съ цѣнности или дохода имущества, то населеніе склонно часто роптать, особенно если величина обложенія значительна; тутъ уплачивается казнѣ населеніемъ извѣстная сумма безъ всякой обратной услуги со стороны казны. Къ платежамъ косвенныхъ налоговъ населеніе остается менѣе чувствительнымъ, потому что такіе налоги уплачиваются малыми долями, когда имѣются въ рукахъ болѣе или менѣе свободныя деньги; взамѣнъ уплаченной суммы получается какой-нибудь предметъ потребленія; уплата основывается не на прямомъ принужденіи. Впрочемъ, довольно часто населеніе нечувствительно къ высокому косвенному обложенію просто потому, что не имѣетъ яснаго представленія о величинѣ косвенныхъ налоговъ; всякому изъ жизни извѣстно, что косвен-

[1]) Всѣ приведенныя данныя о косвенномъ обложеніи взяты изъ изд. „Россія въ концѣ XIX ст.“, стр. 764 и сл.

ные налоги выплачиваются въ цѣнѣ товаровъ; въ цѣну же товара, обложеннаго косвеннымъ налогомъ, входятъ и другіе элементы, именно: стоимость производства, барышъ производителя и торговца; большинство не можетъ болѣе или менѣе точно опредѣлить, что̀ составляетъ въ цѣнѣ товара акцизъ и что̀ составляетъ издержки производства и барышъ производителя и торговца.

Какъ бы ни любили практики косвенное обложеніе, наука тѣмъ не менѣе съ полнымъ основаніемъ борется съ косвеннымъ обложеніемъ и рекомендуетъ при благопріятныхъ условіяхъ сокращать косвенное обложеніе до тѣхъ поръ, пока государственный бюджетъ не будетъ всецѣло основанъ на прямомъ обложеніи. Идеалъ обложенія, рисуемый современной финансовой наукой для господствующаго у цивилизованныхъ народовъ типа экономическаго строя, состоитъ въ томъ, чтобы каждый гражданинъ участвовалъ въ общихъ государственныхъ расходахъ соразмѣрно величинѣ своего свободнаго дохода, т.-е. того дохода, который остается за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей; при этомъ истинная субъективная равномѣрность требуетъ, чтобы высокіе доходы облагались сильнѣе, чѣмъ малые; другими словами, въ интересахъ полнаго удовлетворенія начала равномѣрности наука рекомендуетъ такъ называемое прогрессивное обложеніе. Наука имѣетъ весьма сильныя и многія основанія столь недружелюбно относиться къ косвеннымъ налогамъ. Прежде всего косвенные налоги очень мало удовлетворяютъ началамъ всеобщности и равномѣрности; они не всеобщи, потому что падаютъ только на лицъ, потребляющихъ обложенные предметы, и не падаютъ на лицъ, эти предметы не потребляющихъ; такъ, косвенный налогъ на спиртные напитки затрогиваетъ лицъ пьющихъ и не затрогиваетъ непьющихъ. Косвенные налоги, далѣе, мало равномѣрны, потому что они соразмѣряются не съ доходомъ, а съ потребленіемъ; потребленіе же обложеннаго предмета часто или даже обыкновенно не движется прямо пропорціонально доходамъ: напр., въ семьѣ небогатой, въ которой чаепитіе играетъ сравнительно большую роль въ питаніи, расходъ на сахаръ можетъ быть не меньше, а иногда и больше, чѣмъ въ семьѣ богатой; или же въ семьяхъ съ одинаковымъ доходомъ, но не съ одинаковымъ личнымъ составомъ, расходъ на сахаръ будетъ неодинаковъ: та семья, въ которой будетъ большой личный составъ, особенно больше дѣтей, потребитъ больше сахару. Кромѣ этихъ главныхъ недостатковъ, косвенные налоги имѣютъ и многіе другіе, менѣе важные недостатки; такъ, косвен-

ные налоги отличаются болѣе значительной неустойчивостью, чѣмъ прямые налоги, такъ какъ потребленіе многихъ облагаемыхъ предметовъ измѣнчиво; косвенные налоги очень стѣсняютъ ту отрасль промышленности, предметы которой обложены; эти постѣсненія устанавливаются для того, чтобы предотвратить потребленіе товаровъ безъ оплаты налоговъ. Обыкновенно взиманіе косвенныхъ налоговъ обходится дорого, во-первыхъ, потому, что казнѣ приходится держать сложную администрацію для взиманія ихъ, и, во-вторыхъ, потому, что косвенные налоги уплачиваются производителями или торговцами до сбыта ихъ населенію, и естественно производители и торговцы желаютъ получить процентъ и на уплаченный налогъ, который въ этомъ отношеніи для нихъ одинаковъ со всѣми другими издержками по производству или торговлѣ. Чтобы смягчить нѣкоторыя изъ этихъ многочисленныхъ неудобствъ косвенныхъ налоговъ, практика и наука рекомендуютъ выбирать съ особой тщательностью самые предметы косвеннаго обложенія; именно, рекомендуется выбирать предметы не первой необходимости, чтобы налогъ не сталъ непосильнымъ бременемъ для наиболѣе бѣдныхъ слоевъ населенія, чтобы онъ не отнималъ у нихъ необходимаго для жизни. Далѣе, рекомендуется выбирать для косвеннаго обложенія немногіе, но зато широко распространенные предметы потребленія; этимъ достигается меньше стѣсненія промышленности и бо́льшая дешевизна взиманія налога безъ уменьшенія его доходности. Эти ограниченія для косвеннаго обложенія, конечно, нужно признать, но тѣмъ не менѣе и при нихъ недостатки косвенныхъ налоговъ, въ лучшемъ случаѣ, только смягчаются, но совсѣмъ не устраняются; такъ, какой бы предметъ ни облагался, косвенный налогъ всегда будетъ противорѣчить требованіямъ всеобщности и равномѣрности. Но кромѣ того, принявъ вышеуказанныя ограниченія, попадаютъ въ новыя затрудненія; въ самомъ дѣлѣ, въ наше время предметами не первой необходимости, но широкаго распространенія служатъ такіе продукты, потребленіе которыхъ является большимъ зломъ; всѣмъ извѣстно, что въ современныхъ государствахъ излюбленными предметами обложенія являются спиртные напитки и табакъ; государству, собственно, нужно бороться съ широкимъ распространеніемъ потребленія этихъ предметовъ, а оно наоборотъ, на широкомъ распространеніи этого потребленія основываетъ свое финансовое благосостояніе. Возьмемъ, въ качествѣ примѣра, питейный доходъ. Это не секретъ, что русскій народъ пьетъ, хотя въ общемъ и не очень много, но зато несдержанно въ отдѣльныхъ случаяхъ, и что

отъ пьянства разстроивается нѣкоторый довольно значительный процентъ крестьянскихъ хозяйствъ; слѣдовательно, весьма желательна широкая дѣятельность государства по предупрежденію пьянства, а между тѣмъ, пока государственный бюджетъ основанъ главнымъ образомъ на питейномъ доходѣ, до тѣхъ поръ эта дѣятельность не можетъ принять большихъ размѣровъ. Такимъ образомъ одно изъ достоинствъ косвенныхъ налоговъ, высоко цѣнимыхъ практиками, именно большая доходность, основывается, собственно, на широкомъ распространеніи въ населеніи дурныхъ привычекъ и страстей. Подобнаго же рода и другія практическія удобства косвенныхъ налоговъ; если населеніе ихъ платитъ нечувствительно и болѣе охотно, чѣмъ прямые налоги, то это, собственно, зависитъ отъ малой культурности населенія, ибо только малокультурное населеніе совсѣмъ не сознаетъ прямыхъ своихъ обязанностей предъ государствомъ и предпочитаетъ вмѣсто прямого и опредѣленнаго взноса платить неопредѣленные налоги какой угодно величины, лишь бы это совпадало съ удовлетвореніемъ его дурныхъ привычекъ. Такимъ образомъ финансовая наука имѣетъ полное основаніе рекомендовать замѣну косвенныхъ налоговъ прямыми. Но практическое осуществленіе этого финансоваго идеала наталкивается нерѣдко на значительныя препятствія. Такъ какъ насъ интересуетъ собственно только Россія, то разсмотримъ вопросъ о томъ, можно ли у насъ разсчитывать на замѣну косвеннаго обложенія прямымъ въ ближайшемъ будущемъ.

Какъ мы выше видѣли, въ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, распространено косвенное обложеніе. И на это есть особыя и сильныя причины. Дѣло въ томъ, что вышеуказанный финансовый идеалъ обложенія можетъ быть удобно осуществленъ только въ опредѣленномъ экономическомъ строѣ; этотъ идеалъ подходитъ именно только къ такъ называемому капиталистическому строю. Въ самомъ дѣлѣ, говорить объ обложеніи доходовъ можно только тогда, когда эти доходы въ жизни опредѣлились и ихъ удобно уловить, а это имѣетъ мѣсто только при широкомъ развитіи капитализма. Въ этомъ строѣ доходы выступаютъ ясно и опредѣленно и ихъ можно довольно удобно регистрировать вслѣдствіе этой ясности и опредѣленности; кромѣ того ихъ удобно наблюдать финансовой администраціи еще потому, что многіе изъ этихъ доходовъ сосредоточены въ небольшомъ числѣ рукъ; равнымъ образомъ довольно легко опредѣлять цѣнность тѣхъ объектовъ, которые приносятъ доходъ. Припомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, основныя черты капиталистическаго строя. Въ этомъ

строѣ рѣзко выступаютъ четыре общественныхъ класса, причемъ каждый—съ рѣзко обозначенной экономической ролью и съ опредѣленнымъ и обособленнымъ видомъ дохода: рабочій продаетъ свой трудъ и получаетъ заработную плату; землевладѣлецъ за уступку пользованія его землей получаетъ поземельную ренту; капиталистъ, уступая въ чужое пользованіе свой капиталъ, получаетъ процентъ; наконецъ, предприниматель, прилагающій къ дѣлу трудъ, землю и капиталъ, получаетъ предпринимательскую прибыль. Такъ какъ въ капиталистическомъ строѣ крупное землевладѣніе, крупное капиталовладѣніе и крупныя предпріятія очень сильно распространены и даже эта все бо̀льшая концентрація средствъ производства и особенно предпріятій является однимъ изъ законовъ капиталистическаго строя, то естественно, что чрезъ это облегчается обложеніе такихъ доходовъ, какъ процентъ, поземельная рента и предпринимательская прибыль: приходится имѣть дѣло съ сравнительно небольшимъ числомъ лицъ и притомъ болѣе или менѣе культурныхъ. Что касается заработной платы, то она, конечно, составляетъ доходъ массы населенія; но и ея обложеніе облегчается въ развитомъ капиталистическомъ строѣ. Дѣло въ томъ, что при подоходномъ обложеніи тѣ лица, которыя получаютъ заработную плату, достаточную только для удовлетворенія необходимыхъ жизненныхъ потребностей, освобождаются совсѣмъ отъ обложенія; чрезъ это сразу отпадаетъ весьма значительная часть рабочаго населенія, и притомъ наименѣе культурнаго; податному вѣдомству приходится имѣть дѣло только съ той наиболѣе культурной частью представителей наемнаго труда, которая получаетъ болѣе установленнаго закономъ минимума заработной платы, ниже котораго эта плата не облагается. Такъ какъ заработная плата есть явленіе довольно ясно выступающее, такъ какъ она твердо устанавливается въ договорѣ между наемщикомъ и нанимателемъ, то разрѣшеніе вопроса о высотѣ ея въ цѣляхъ обложенія также не представляетъ особыхъ затрудненій.

Не то мы видимъ въ Россіи, гдѣ капиталистическое производство еще мало развито. Какъ извѣстно, у насъ еще и теперь въ земледѣліи и обработывающей промышленности господствуютъ мелкія самостоятельныя предпріятія, господствуетъ такъ называемое народное производство. Въ сельскохозяйственной промышленности господствуетъ крестьянское хозяйство, построеніе котораго извѣстно: крестьянину принадлежатъ всѣ средства производства, если онъ ведетъ хозяйство на своей землѣ, или же ему принадлежатъ всѣ орудія производства, за исклю-

ченіемъ земли, если онъ ведетъ хозяйство на арендованной землѣ; онъ является самостоятельнымъ хозяиномъ, и весь продуктъ принадлежитъ ему; въ продуктѣ его хозяйства смѣшаны всѣ виды дохода: здѣсь заключается прежде всего и главнымъ образомъ вознагражденіе за трудъ крестьянина; затѣмъ, здѣсь же должны заключаться и процентъ на затраченный капиталъ, и предпринимательская прибыль, и поземельная рента. Мы говоримъ, что послѣдніе три вида дохода должны заключаться въ общей чистой выручкѣ крестьянскаго хозяйства; на самомъ же дѣлѣ, какъ мы уже и видѣли, этихъ видовъ дохода часто не бываетъ: выручка такъ мала, что нерѣдко не даетъ необходимаго содержанія. Подобнымъ же образомъ или почти подобнымъ образомъ строится и такъ называемая кустарная промышленность: еще и въ настоящее время кустарь очень часто является мелкимъ самостоятельнымъ предпринимателемъ, принимающимъ своимъ исполнительнымъ трудомъ участіе въ дѣлѣ; поэтому и его доходъ является недифференцированнымъ, смѣшаннымъ изъ разныхъ составныхъ частей. При такомъ положеніи вещей опредѣлять свободный доходъ, подлежащій обложенію, довольно затруднительно. Мы еще болѣе признаемъ эту затруднительность, если обратимъ вниманіе на ту массу малокультурныхъ самостоятельныхъ хозяевъ, съ которой финансовой администраціи пришлось бы имѣть дѣло при развитомъ прямомъ обложеніи. Получается въ концѣ концовъ такое положеніе вещей: въ основной своей промышленности (т.-е. земледѣльческой) масса русскаго населенія въ лучшемъ случаѣ выработываетъ въ своихъ самостоятельныхъ хозяйствахъ пропитаніе, а затѣмъ восполняетъ свои доходы другими мало устойчивыми и мало опредѣленными занятіями: помимо мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ, оно берется за самыя разнообразныя мѣстныя и отхожія занятія. Наша система косвенныхъ налоговъ и предназначена улавливать эти неопредѣленные сторонніе заработки русскаго (главнымъ образомъ) сельскаго населенія. Такимъ образомъ, выше отмѣченное почти исключительное господство косвенныхъ налоговъ въ Россіи до значительной степени объясняется самымъ строемъ русской экономической жизни: лучшія формы прямого обложенія у насъ можно будетъ вводить въ жизнь только постепенно, только по мѣрѣ дальнѣйшаго экономическаго развитія страны. Такимъ образомъ, при изслѣдованіи отношенія между налогами и сельскимъ хозяйствомъ, мы приходимъ къ заключеніямъ неодинаковымъ относительно двухъ основныхъ видовъ обложенія: когда шла рѣчь о прямомъ обложеніи, то мы нашли, что существующее прямое

обложеніе вліяетъ неблагопріятно на сельское хозяйство; теперь же въ отношеніи къ косвеннымъ налогамъ мы прежде всего получаемъ то положеніе, что господство этой мало совершенной системы обложенія обязано главнымъ образомъ свойствамъ самой сельскохозяйственной промышленности.

Изъ всего сказаннаго о косвенномъ обложеніи мы должны сдѣлать слѣдующіе практическіе выводы. Надѣяться на скорую и полную замѣну косвенныхъ налоговъ прямыми или даже на болѣе или менѣе сильное сокращеніе косвенныхъ налоговъ въ ближайшемъ будущемъ нѣтъ основаній; такая серьезная реформа еще не можетъ быть скоро осуществлена въ Россіи по неподготовленности для того самой экономической жизни. Наука можетъ только рекомендовать финансовому управленію всегда имѣть въ виду возможно сильное расширеніе прямого обложенія за счетъ косвеннаго и осуществлять его, какъ только къ тому откроется возможность, благодаря благопріятнымъ измѣненіямъ въ самомъ народномъ хозяйствѣ. Впрочемъ, ужъ и въ ближайшемъ будущемъ въ области косвеннаго обложенія могутъ быть сдѣланы небольшія измѣненія въ пользу всего населенія и въ частности сельскаго населенія. Дѣло въ томъ, что косвенные налоги становятся особенно вредными, когда они налагаются на предметы первой или по крайней мѣрѣ значительной необходимости. Въ этомъ случаѣ они начинаютъ отнимать у населенія даже существенно необходимое, начинаютъ захватывать и самые бѣдные слои населенія; ихъ дурныя качества становятся рѣзче; такъ, напр., неравномѣрность косвенныхъ налоговъ особенно сильно чувствуется, потому что чѣмъ меньше бюджетъ семьи, чѣмъ она бѣднѣе, тѣмъ бо̀льшую часть ея расходовъ составляютъ расходы на предметы первой необходимости. Поэтому считается вполнѣ желательнымъ, чтобы косвенные налоги, разъ они играютъ уже существенную роль въ государственномъ бюджетѣ, не касались совсѣмъ или касались слабо такихъ предметовъ, которые являются для населенія болѣе или менѣе необходимыми. Это правило въ системѣ нашихъ косвенныхъ налоговъ не вполнѣ осуществлено, и ради его осуществленія можно бы и сейчасъ уже кое-что сдѣлать. Какъ выше было сказано, косвенные налоги въ Россіи имѣютъ задачей подвергнуть обложенію мало опредѣленные, мало поддающіеся прямому исчисленію заработки массы населенія. Для того, чтобы косвенные налоги не отнимали у населенія необходимыхъ средствъ пропитанія, чтобы они не заставляли населеніе проѣдать и безъ того жалкія хозяйственныя приспособленія, причисляемыя наукой къ капиталу, нужно принять

особыя мѣры. Впрочемъ для этого существуетъ только одна гарантія; эта гарантія состоитъ въ томъ, чтобы косвенные налоги падали на предмѣты не первой необходимости; только въ этомъ случаѣ будетъ болѣе или менѣе сильная вѣроятность, что подъ видомъ косвенныхъ налоговъ населеніе не отдастъ необходимаго для потребленія или для хозяйства. Съ этой точки зрѣнія мы не будемъ возражать противъ питейнаго или табачнаго налога, играющихъ у насъ виднѣйшее мѣсто. Но другіе косвенные налоги, имѣющіе мѣсто въ русской государственной росписи, возбуждаютъ значительное сомнѣніе въ своей умѣстности. Какъ извѣстно, у насъ косвенными налогами обложены еще нефтяныя масла, спички и сахаръ. Эти предметы въ настоящее время обложены довольно значительно и даютъ казнѣ значительные доходы; такъ, напр., сахарный акцизъ составляетъ 1 руб. 75 коп. съ пуда и давалъ казнѣ въ пятилѣтіе 1893—1897 отъ 32 до 55 милл. въ годъ; нефтяной налогъ давалъ въ то же время отъ 16 до 23 милл.[1]), причемъ на пудъ керосина населенію приходится платить 60 коп. Между тѣмъ, всѣ эти предметы являются настоятельными предметами потребленія для русскаго населенія; керосинъ и спички служатъ предметами освѣщенія, а сахаръ служитъ однимъ изъ составныхъ элементовъ чаепитія, играющаго такую большую роль въ питаніи русскаго народа. Поэтому по меньшей мѣрѣ желательно ослабить обложеніе этихъ предметовъ; можно быть увѣреннымъ, что пониженіе обложенія этихъ предметовъ не будетъ полнымъ убыткомъ для казны; значительная часть пониженія будетъ возмѣщена болѣе сильнымъ распространеніемъ потребленія (особенно сахара). Если же затѣмъ все-таки у казны оказался бы недочетъ въ доходахъ, и еслибы казна никоимъ образомъ не могла примириться съ этимъ недочетомъ, то она могла бы покрыть этотъ недочетъ усиленіемъ обложенія спиртныхъ напитковъ и табака или пріисканіемъ изъ многочисленныхъ предметовъ удобства и роскоши такихъ, которые болѣе удобны для косвеннаго обложенія.

До сихъ поръ мы оставляли въ сторонѣ одинъ видъ косвеннаго обложенія, по своей оригинальности занимающій совсѣмъ особое мѣсто; мы говоримъ о таможенныхъ пошлинахъ. Таможенныя пошлины, какъ извѣстно, имѣютъ двѣ существенно различныхъ цѣли: съ одной стороны, онѣ, подобно всякому другому виду косвеннаго обложенія, имѣютъ въ виду обложеніе готовыхъ продуктовъ съ цѣлью заставить населеніе, пользующееся этими

[1]) Сабуровъ, назв. соч., Прилож. 36.

продуктами, вносить извѣстныя суммы въ государственную казну. Поскольку таможенныя пошлины преслѣдуютъ цѣли обложенія, постольку онѣ не представляютъ изъ себя ничего оригинальнаго; въ этомъ случаѣ къ нимъ приложимо все то, что выше было сказано о косвенныхъ налогахъ. Но таможенныя пошлины получили весьма широкое распространеніе въ жизни не какъ видъ обложенія; ихъ широкое распространеніе имѣетъ въ виду поддержку, покровительство промышленности. Эту же цѣль преимущественно преслѣдуютъ и русскія таможенныя пошлины. Вотъ съ этой своей стороны таможенныя пошлины и заслуживаютъ особаго разсмотрѣнія.

Прежде всего здѣсь возникаетъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли Россіи совсѣмъ оставить таможенное покровительство отечественной промышленности по его безполезности или даже вредности. Въ самомъ дѣлѣ, взимаются ли таможенныя пошлины съ финансовыми цѣлями или съ цѣлями покровительственными, все равно, онѣ ведутъ къ вздорожанію товаровъ; между прочимъ, на это вздорожаніе многихъ товаровъ (желѣза, сельско-хозяйственныхъ машинъ и т. п.) жалуются представители сельскохозяйственныхъ интересовъ; очень часто упрекаютъ наше правительство въ томъ, что оно поддерживаетъ обработывающую промышленность на счетъ сельскаго хозяйства. Въ нашей ученой и публицистической литературѣ господствующее направленіе склонно поддерживать болѣе начало свободной международной торговли, чѣмъ начало покровительства. Авторъ настоящей статьи уже имѣлъ случай высказаться по этому вопросу печатно [1]). Поэтому здѣсь приходится только указать кратко тѣ выводы, которые обоснованы въ указанной статьѣ болѣе или менѣе подробно. Полная свобода торговли или свободное экономическое международное общеніе является отдаленнымъ идеаломъ; оно будетъ, можетъ быть, осуществлено, но тогда, когда изолированность между народами, ихъ эгоистическая борьба другъ съ другомъ прекратится; желать этого, работать ради этого, конечно, никогда не нужно переставать. Но пока люди раздѣлены на отдѣльныя государства, пока эти государства имѣютъ свои особые интересы, не совпадающіе съ интересами другихъ государствъ, пока они, подобно частнымъ лицамъ, повинуются чаще всего и сильнѣе всего мотиву отдѣльнаго національнаго интереса, до тѣхъ поръ выгодность начала сво-

---

[1]) См. ст. „О русско-германскомъ торговомъ договорѣ“, въ журналѣ „Народное Хозяйство“, 1902, апрѣль.

бодной торговли при всякихъ фактическихъ условіяхъ и для всякаго народа нельзя доказать. При этихъ предположеніяхъ начала свободной торговли и покровительства являются такими относительными принципами, которые поперемѣнно могутъ быть выгодными и невыгодными: при однихъ условіяхъ выгоденъ одинъ принципъ, при другихъ выгоденъ другой принципъ. Такъ, для Россіи нашего времени нужно считать выгоднымъ примѣненіе принципа покровительства, и именно примѣненіе этого принципа имѣетъ существенныя выгоды не только для обработывающей промышленности, но и для земледѣлія; въ земледѣліи у насъ скопилась, какъ мы видѣли, такая масса населенія, которая уже не можетъ себя тамъ обезпечить; для этого излишняго сельскохозяйственнаго населенія нуженъ выходъ, нужно перемѣщеніе въ другіе виды промышленности; поэтому таможенное покровительство, способствующее быстрому развитію не-сельскохозяйственныхъ производствъ, выгодно и для русскаго сельскохозяйственнаго населенія.

При такомъ взглядѣ на значеніе протекціонизма для современной Россіи, мы не можемъ считать правильнымъ полное его уничтоженіе и переходъ въ ближайшемъ будущемъ къ свободной торговлѣ. Однако нельзя согласиться и съ тѣмъ, что въ области таможеннаго обложенія ничего нельзя сдѣлать въ направленіи облегченія сельскохозяйственной промышленности. Наоборотъ, можно сдѣлать для этой промышленности нѣкоторыя облегченія въ двоякомъ отношеніи. Прежде всего, какъ мы старались показать болѣе подробно въ выше названной статьѣ, нашъ протекціонизмъ чрезвычайно высокъ и не оправдывается той цѣлью, для которой онъ можетъ существовать. Въ самомъ дѣлѣ, если прослѣдить исторію нашего нынѣ дѣйствующаго общаго тарифа 1891 г., то окажется, что онъ слагался не только подъ вліяніемъ идеи покровительства отечественной промышленности, но подъ вліяніемъ другихъ соображеній; такъ, нерѣдко таможенныя ставки повышались по фискальнымъ соображеніямъ; довольно часто обложеніе повышалось съ цѣлью поддержанія курса бумажнаго рубля и т. д. Поскольку таможенный тарифъ выросъ подъ вліяніемъ подобныхъ не протекціонныхъ соображеній, постольку его высота не можетъ быть оправдана. Поэтому, не нарушая цѣлесообразнаго протекціонизма, нашъ общій тарифъ можетъ быть значительно пониженъ. Лучше всего это пониженіе осуществить путемъ торговыхъ договоровъ съ иностранными государствами, которыя при этомъ понизили бы и свои пошлины на наши сельскохозяйственные продукты. Этимъ путемъ наше сельское

хозяйство получило бы весьма существенныя выгоды: во-первыхъ, черезъ удешевленіе нужныхъ для него издѣлій и, во-вторыхъ, черезъ облегченіе сбыта его собственныхъ произведеній. Какъ извѣстно, Россія состоитъ въ договорныхъ торговыхъ отношеніяхъ съ другими западно-европейскими государствами, но срокъ договоровъ съ нѣкоторыми державами скоро оканчивается; такъ, торговый договоръ съ Германіей оканчивается въ декабрѣ 1903 года. Въ интересахъ русскаго сельскаго хозяйства нужно желать, чтобы наше правительство добилось возобновленія договоровъ по крайней мѣрѣ на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ эти договоры существуютъ нынѣ. Впрочемъ, принятіе германскимъ парламентомъ проекта новаго таможеннаго тарифа съ минимальными ставками на зерновые продукты затрудняетъ возобновленіе договора съ нею на старыхъ условіяхъ; повидимому, Россіи придется вступить съ Германіей въ таможенную войну, какъ это было передъ заключеніемъ дѣйствующаго договора. Какъ сложится дѣйствительная жизнь, теперь трудно предсказать, но одно несомнѣнно, что пониженіе русскаго тарифа 1891 года въ соединеніи съ международными договорами было бы существеннымъ облегченіемъ для русскаго сельскаго хозяйства.

Другое направленіе, въ которомъ могутъ быть сдѣланы улучшенія въ таможенной системѣ въ интересахъ сельскаго хозяйства, заключается въ слѣдующемъ. Въ настоящее время сельское хозяйство нуждается въ переходѣ отъ экстенсивныхъ системъ къ интенсивнымъ; эти послѣднія требуютъ бо́льшихъ капитальныхъ тратъ по сравненію съ системами экстенсивными и въ частности съ нашей традиціонной трехпольной системой; доступность всѣхъ реальныхъ капиталовъ, нужныхъ для этого переворота въ сельскомъ хозяйствѣ, пріобрѣтаетъ въ настоящее время существенное значеніе. Поэтому желателенъ новый и тщательный пересмотръ таможеннаго тарифа съ этой точки зрѣнія, и всѣ тѣ предметы, которые служатъ средствомъ производства въ сельскомъ хозяйствѣ, должны быть понижены въ своемъ обложеніи, если уже нельзя будетъ безъ рѣзкаго нарушенія интересовъ не-сельскохозяйственныхъ совершенно уничтожить это обложеніе.

Мы закончили разсмотрѣніе нашей податной системы съ точки зрѣнія интересовъ сельскаго хозяйства. Въ концѣ концовъ, мы нашли, что сельское хозяйство можетъ разсчитывать на нѣкоторыя облегченія въ области податного обложенія. Но эти облегченія не могутъ быть значительными, отчасти по самымъ свойствамъ нашей экономической жизни, отчасти по невозможности

значительно уменьшить государственные доходы. Послѣднее положеніе мы не считали нужнымъ подробно доказывать; это положеніе (т.-е. положеніе о невозможности значительнаго сокращенія общей суммы налоговъ) рѣдко кѣмъ оспаривается, и трудно его дѣйствительно оспаривать; всѣмъ извѣстно, что даже при нынѣшней суммѣ государственныхъ доходовъ нѣкоторыя государственныя потребности совсѣмъ не удовлетворяются, а другія потребности далеко не вполнѣ удовлетворяются. Слабая сторона расходной стороны нашего государственнаго хозяйства заключается не въ излишествѣ собираемыхъ съ населенія налоговъ по сравненію съ государственными потребностями, а только въ не вполнѣ пропорціональномъ распредѣленіи расходовъ между отдѣльными потребностями: однѣ потребности удовлетворяются, относительно, гораздо полнѣе, чѣмъ другія; такъ, потребности внѣшней и внутренней безопасности удовлетворяются, относительно, несравненно полнѣе, чѣмъ потребности духовнаго и матеріальнаго благосостоянія населенія. Правда, обезпеченіе внѣшней и внутренней безопасности является элементарнѣйшей и настоятельнѣйшей задачей государства; это должны признать и признаютъ и тѣ лица, которыя ратуютъ за нѣсколько иное распредѣленіе государственныхъ расходовъ. Эти послѣднія лица, разумѣется, не имѣютъ въ виду понизить внѣшнюю и внутреннюю безопасность Россіи; они только убѣждены въ томъ, что если государство будетъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ теперь, развивать духовныя и матеріальныя богатства своего народа, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно не понизитъ и внѣшней и внутренней безопасности страны, ибо духовное и матеріальное богатство народа является одною изъ лучшихъ гарантій той и другой безопасности. Съ этой точки зрѣнія и русское сельское хозяйство имѣетъ основанія жаловаться на государственное хозяйство: какъ извѣстно, прямыя траты казны на поддержаніе сельскохозяйственной промышленности до сихъ поръ ничтожны.

Итакъ, мы нашли, что на значительныя податныя облегченія въ ближайшемъ будущемъ сельское хозяйство разсчитывать не можетъ. Но и тѣ податныя облегченія, которыя могутъ быть сдѣланы въ настоящее время, были бы очень полезны сельскому хозяйству, особенно въ ряду другихъ мѣръ, направленныхъ на его подъемъ: эти податныя облегченія ослабили бы давленіе на сельское хозяйство со стороны казны, дали бы ему вздохнуть, открыли бы возможность оправиться путемъ другихъ средствъ, дѣйствующихъ прямо на него, и податное бремя менѣе мѣшало бы примѣненію этихъ другихъ средствъ. Но мы должны, однако,

признать, что еслибы даже обстоятельства дозволяли облегчить податное бремя въ степени гораздо бо́льшей, чѣмъ выше указано, то, все равно, отъ одной этой мѣры нельзя ожидать полнаго подъема сельскаго хозяйства; эта мѣра имѣла бы только отрицательный характеръ; она устранила бы только одно изъ препятствій къ подъему сельскаго хозяйства; рядомъ съ ней, все равно, были бы нужны другія серьезныя положительныя мѣры. Поэтому неправильно въ дѣлѣ необходимаго содѣйствія сельскому хозяйству придавать исключительное или даже только преимущественное значеніе податнымъ преобразованіямъ; центръ тяжести нужно искать въ другихъ пріемахъ воздѣйствія на сельское хозяйство.

П. А. Никольскій.

Казань.

ТЩЕТНОЕ УСИЛІЕ

РОМАНЪ.

— Edouard Rod. L'Inutile Effort, Paris. 1903.

V *).

Уставъ отъ длиннаго утомительнаго дня, Перёзъ проспалъ ночь почти такъ же спокойно, какъ человѣкъ, не имѣющій заботъ. Но подъ утро, когда онъ проснулся отъ тяжелаго сна, его снова обступили образы, которые онъ съ такимъ трудомъ отогналъ отъ себя наканунѣ. Ужаснувшись мысли, что они отнынѣ будутъ являться къ нему съ каждой зарей, онъ напрягъ всю свою волю, чтобы избавиться отъ нихъ,—но всѣ его усилія были напрасны. Они не покидали его—ясные, неотступные, какъ стражи при осужденномъ преступникѣ.

„Нѣтъ, нѣтъ,—говорилъ онъ себѣ:—я не стану вновь рѣшать то, съ чѣмъ покончилъ вчера".

Онъ вскочилъ, принялъ ванну, прошелъ въ кабинетъ, гдѣ Фредерикъ только-что затопилъ каминъ, и сталъ просматривать дѣловыя бумаги, съ трудомъ сосредоточивая свое вниманіе на работѣ. Наконецъ наступилъ часъ утренняго чая, и онъ направился въ столовую. На столѣ сверкалъ чайникъ; чашки съ горячимъ молокомъ дымились передъ дѣтьми; Люси, въ голубомъ капотѣ, намазывала масло на хлѣбъ для дѣтей. Вѣяло особой прелестью отъ этой мирной картины семейной жизни въ тотъ

[1]) См. выше, іюль, стр. 176.

часъ, когда общеніе возобновляется послѣ ночного перерыва и прежде чѣмъ дневныя дѣла и заботы предъявляютъ свои права.

— Ты хорошо спалъ?—спросила Люси.

— Очень хорошо.

— Много работы сегодня?

— Какъ всегда. Ничего особеннаго не предвидится.

Отвѣчая женѣ, Леонардъ съ нѣжностью слѣдилъ за дѣтьми. Маркъ, у котораго руки были всегда чѣмъ-нибудь заняты, каталъ шарики изъ хлѣба; Раймонда, проливъ немного молока на скатерть, тотчасъ же этимъ воспользовалась, чтобы рисовать пальцемъ рѣки и озера. Мать побранила дѣтей.

— Это что такое? Маркъ, тебѣ дали хлѣбъ не для игры! Раймонда, зачѣмъ ты пачкаешь скатерть?

„Эти дѣти навѣрное мои",—думалъ Перёзъ, глядя на нихъ.— „Я ихъ люблю, они составляютъ весь смыслъ моего существованія, и я долженъ жить только для нихъ. Все, что случится со мной, отразится на нихъ. Мое будущее имъ принадлежитъ: я не принесу ихъ въ жертву призракамъ минувшаго, я защищу себя, чтобы защитить ихъ"!..

Раймонда, увлеченная своими географическими планами, не сразу повиновалась, и только когда мать ударила ее по пальцамъ, она сняла руки со стола, печально глядя на свою незаконченную работу и какъ бы продолжая создавать въ воображеніи задуманную ею систему каналовъ, озеръ и рѣкъ. Она подняла на отца глаза, полные слезъ, съ надеждой, что онъ заступится за нее, какъ это часто случалось.

Но Леонардъ не замѣтилъ устремленнаго на него молящаго взора, и вошедшая горничная стерла губкой рисунокъ Раймонды.

Возстановивъ порядокъ, Люси спросила:

— Кто эта англичанка, которую вчера привелъ твой братъ?

— Не знаю,—отвѣтилъ Леонардъ.—Кажется, одна изъ тѣхъ космополитокъ, которыя путешествуютъ съ мѣста на мѣсто.

— Но она, кажется, великосвѣтская дама.

— Возможно.

— Какіе у нея брилліанты! Ты замѣтилъ? Она вѣроятно очень богата.

— Вѣроятно.

— Раймондъ давно съ ней знакомъ?

— Онъ бываетъ у нея, когда ѣздитъ въ Лондонъ.

— Кстати, что съ нимъ такое? Онъ два раза приходилъ вчера, когда тебя не было дома.

Леонардъ сейчасъ же подумалъ, что настойчивость Раймонда можетъ показаться странной Люси, и поспѣшилъ сочинить объясненіе.

— Можетъ быть, онъ хотѣлъ поговорить объ этой дамѣ.

Вспомнивъ, что Раймондъ долженъ скоро придти, онъ прибавилъ:

— Во всякомъ случаѣ я теперь узнаю, въ чемъ дѣло. Онъ сказалъ, что придетъ сегодня утромъ поговорить со мной.

Этимъ онъ только разжегъ любопытство Люси.

— Какія такія тайны могутъ быть у Раймонда! — сказала она съ презрительной усмѣшкой.—Ты мнѣ потомъ разскажешь, надѣюсь.

— У всякаго человѣка могутъ быть свои тайны,—отвѣтилъ Леонардъ.

Чтобы прекратить дальнѣйшіе вопросы, Леонардъ принялся за разборъ утренней почты; всѣ письма были дѣловыя. Развернувъ затѣмъ газеты, онъ не нашелъ въ нихъ ничего, касающагося Франсуазы. Прежде чѣмъ онъ кончилъ чтеніе газетъ, Фредерикъ доложилъ о приходѣ Биллона. Леонардъ поцѣловалъ въ лобъ Раймонду, провелъ рукой по волосамъ Марка и, сказавъ: „до свиданія" Люси, пошелъ въ кабинетъ.

Биллонъ могъ бы сдѣлать хорошую карьеру, благодаря своему уму, знаніямъ и хорошей памяти, если бы, въ силу обстоятельствъ, не очутился въ зависимости отъ Перёза, поработившаго его своимъ властнымъ эгоизмомъ. Для Перёза его помощникъ былъ только орудіемъ, которымъ онъ пользовался для своихъ личныхъ цѣлей, и онъ не давалъ ему возможности создать себѣ самостоятельное положеніе, проявить свои способности. Биллонъ покорялся своему патрону, но относился къ нему съ затаенной враждой. На этотъ разъ, къ его удивленію, Перёзъ поручилъ ему самостоятельное веденіе очень серьезныхъ дѣлъ. Биллонъ сразу почувствовалъ „что-то неладное" въ поведеніи патрона и внутренно обрадовался. Его недовѣрчивый и лукавый взоръ сталъ слѣдить за Леонардомъ, причемъ непроницаемое выраженіе его лица ничѣмъ не выдавало пробудившагося въ немъ любопытства.

Ихъ дѣловой разговоръ еще продолжался, когда въ кабинетъ вошелъ Раймондъ; онъ былъ очень возбужденъ и даже не скрывалъ своего волненія. Онъ взглянулъ на Биллона нетерпѣливымъ взглядомъ, какъ бы умоляя поскорѣе оставить его наединѣ съ братомъ. Биллонъ не подалъ вида, что понимаетъ его желаніе,

и не двигался съ мѣста, пока Леонардъ не обратился къ нему со словами:—Вы свободны на сегодня.

Послѣ ухода Биллона, Перёзъ сѣлъ въ кресло, указалъ брату стулъ, предназначенный для кліентовъ, и спросилъ дѣловымъ тономъ:

— Что ты имѣешь мнѣ сказать?

Эта непринужденность смутила Раймонда. Растерявшись, подобно многимъ, которые садились на этотъ стулъ, не зная, какъ начать объясненіе своего сомнительнаго дѣла, онъ пробормоталъ:

— А ты?.. ты?..

Леонардъ игралъ большимъ разрѣзнымъ ножомъ изъ слоновой кости; его блѣдные глаза разсѣянно глядѣли вдаль, и онъ отвѣтилъ съ намѣренной рѣзкостью:

— Ты, вѣроятно, спрашиваешь мое мнѣніе объ этомъ несчастномъ лондонскомъ процессѣ? Чѣмъ я тутъ могу помочь?

Нервное лицо Раймонда, которому его большіе бархатные глаза придавали романтичный и скорбный видъ, выразило величайшее изумленіе. Онъ взглянулъ на брата, поднялъ правую руку, потомъ снова опустилъ ее на колѣни, и не нашелся, что сказать. Леонардъ, пользуясь его растерянностью, сталъ пространно говорить, какъ адвокатъ, разсчитывающій на свое красноречіе въ трудномъ дѣлѣ; тонъ его былъ то чисто дѣловой, то полу-снисходительный, полу-покровительственный, какимъ онъ часто говорилъ, поучая своего неопытнаго, непрактичнаго младшаго брата.

— Я понимаю, что тебя волнуютъ подобныя происшествія— на то вѣдь ты поэтъ, живущій воображеніемъ! Да и я самъ былъ потрясенъ, узнавъ о случившемся. Напрасно думаютъ, что такія трагедіи происходятъ только въ романахъ, что писатели ихъ выдумываютъ. Онѣ случаются и въ дѣйствительной жизни. И тогда нужна огромная энергія, чтобы вынести потрясеніе. Въ первую минуту это ошеломляетъ—какъ ударъ въ голову. У меня тоже голова кругомъ пошла, но я удержался на ногахъ— и, какъ видишь, крѣпко стою!.. Ты этого не ожидалъ, не правда ли? Мнѣ понадобился цѣлый день, чтобы придти въ себя. Вчера я былъ самъ не свой, но сегодня равновѣсіе возстановлено: я все уяснилъ себѣ и больше ничего не боюсь!

Раймондъ не предвидѣлъ такой силы сопротивленія, столь противоположной его собственной слабости, но онъ сразу нашелъ слова, которыми разбилъ самоувѣренность брата; онъ произнесъ ихъ нетвердымъ голосомъ, не зная, какое впечатлѣніе они произведутъ:

— Ты ничего не боишься? Не могу я этому повѣрить: подумай—что если ее осудятъ?

Эти слова вызвали такую трагическую картину, что дрожь пробѣжала по тѣлу Перёза. Онъ закрылъ глаза, провелъ рукой по лбу, какъ бы отгоняя головокруженіе, отъ котораго, очевидно, не окончательно излечился. Потомъ, подавляя огромнымъ напряженіемъ воли минутную слабость, отвѣтилъ рѣзкимъ тономъ:

— За свое преступленіе она сама и отвѣтитъ.

Онъ, вѣроятно, хотѣлъ ошеломить Раймонда своимъ жестокимъ отвѣтомъ, но ошибся въ разсчетѣ. Увѣренность Раймонда была слишкомъ велика, чтобы сдаться безъ доказательствъ, и слова брата возмутили его терпѣливую и мягкую душу.

— Преступленіе!.. Несчастный!—вѣдь она невинна!

— Какъ ты можешь это знать?

Леонардъ поднялся, и, сидя противъ него, Раймондъ, маленькій, тщедушный, съ растеряннымъ выраженіемъ глазъ, казался жалкимъ отвергнутымъ просителемъ, готовымъ присоединить безпомощныя слезы къ тщетнымъ просьбамъ.

— Ты спрашиваешь объ этомъ меня? — воскликнулъ онъ. —Ты!.. Подумай только хорошенько! Ты ее любилъ, ты знаешь, какая она добрая, благородная женщина. Обратись къ своимъ воспоминаніямъ:—была ли въ ней хоть одна черта, допускающая возможность преступленія?

Леонардъ опять почувствовалъ, что можетъ одержать побѣду надъ братомъ, и, отстранивъ уничтожающимъ жестомъ руки жалкіе сентиментальные доводы Раймонда, заговорилъ увѣреннымъ и авторитетнымъ тономъ:

— Да, да, въ моей памяти рисуется милое, доброе существо. Но что значатъ столь далекія воспоминанія и всѣ выводы изъ нихъ, когда дѣло идетъ о совершившемся фактѣ?.. Будемъ разсуждать, не извращая истины воображеніемъ или сентиментальностью... Вотъ уже восемь лѣтъ какъ я ничего не знаю объ этой несчастной женщинѣ. Восемь лѣтъ! Какъ она жила все это время? — вотъ вопросъ. Я знаю, какой она была во время нашего знакомства — да и то, могу ли я быть увѣренъ, что дѣйствительно зналъ ее тогда? Никогда нельзя знать, что таится въ душѣ даже тѣхъ женщинъ, которыя намъ отдаются, въ любовь которыхъ къ намъ мы вѣримъ. Женщины непостоянны: сегодня онѣ—полная противоположность тому, чѣмъ были вчера, и на слѣдующій день могутъ опять стать совершенно другими. Ихъ метаморфозы такъ же неожиданны, какъ движенія облаковъ. Конечно, если бы въ то время, когда я былъ знакомъ съ ней,

кто-нибудь пришелъ и сказалъ мнѣ: „эта хорошенькая Франсуаза, съ которой вы ѣздите гулять въ медонскій лѣсъ, убила человѣка“, я бы не повѣрилъ, и возмутился бы, какъ ты теперь... Но съ тѣхъ поръ прошло восемь лѣтъ, милый мой! Этого времени въ десять разъ болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы преступное намѣреніе созрѣло въ честной душѣ... Восемь лѣтъ!..

Онъ сдѣлалъ широкій жестъ руками, какъ бы открывая просторъ мраку, которымъ столь длинный промежутокъ времени можетъ окутать невѣдомую человѣческую судьбу. Но вмѣсто того, чтобы слѣдовать за нимъ въ этотъ безпредѣльный мракъ, Раймондъ продолжалъ твердо стоять на своемъ:

— Я такъ же убѣжденъ въ невозможности этого сегодня, какъ ты былъ убѣжденъ вчера, и какъ мы оба будемъ увѣрены завтра.

— На чемъ основана твоя увѣренность? На полузабытыхъ впечатлѣніяхъ, на смутныхъ воспоминаніяхъ,—да еще на твоей наивности, которая не допускаетъ возможности зла. Не зная фактовъ, ты внимаешь только голосу сердца, даешь волю фантазіи... Согласись, что я правъ.

Раймондъ ничего не отвѣтилъ и сталъ взволнованно ходить по комнатѣ. Леонардъ принялъ его молчаніе за знакъ своей побѣды и, слѣдя глазами за быстрыми движеніями брата, сталъ увѣреннымъ тономъ повторять всѣ доводы, которыми онъ наканунѣ оправдывалъ себя въ собственныхъ глазахъ.

— Ты самъ долженъ чувствовать, на какихъ шаткихъ основахъ построена твоя увѣренность. Мои воспоминанія! Я тоже со вчерашняго дня разбираюсь въ нихъ. Они такъ неопредѣленны, такъ далеки... Конечно, эта бѣдная дѣвушка вела себя очень достойно и выказала большую стойкость,—я былъ виноватъ передъ нею. Но развѣ я могу быть увѣренъ, что вся вина на моей сторонѣ? Вспомни, какъ она сразу исчезла — ты думаешь—изъ гордости? Какъ знать? Спрашивалъ ли ты себя когда-нибудь о томъ, почему Франсуаза съ такой легкостью вернула мнѣ свободу? Почему она даже не попыталась предъявить свои права? Развѣ это не странно? Своей гордостью и самоотверженностью она готовила своему ребенку самую печальную участь. При хладнокровномъ обсужденіи все это не можетъ не казаться страннымъ. Развѣ у тебя не возникаютъ подозрѣнія? Что касается меня, то я все болѣе начинаю думать, что, быть можетъ, я не былъ единственнымъ любовникомъ Франсуазы. Какъ я могу быть увѣренъ въ томъ, что я дѣйствительно отецъ этого ребенка?

Раймондъ стоялъ противъ брата, по другую сторону стола,

и, судорожно ухватившись за его край руками, ждалъ этихъ словъ, вытекавшихъ изъ всего предшествовавшаго. Когда онъ услыхалъ ихъ, потерявъ надежду, что они остановятся на устахъ и въ душѣ Леонарда,—его охватило такое отчаяніе, что на глазахъ его выступили слезы.

— Неужели это ты говоришь все это?—спросилъ онъ тихимъ, печальнымъ голосомъ. — Неужели ты, мой братъ, унижаешься до подобной лжи и, чтобы выгородить себя, придумываешь подозрѣнія, которыя никогда не приходили тебѣ въ голову?

Въ печальномъ и кроткомъ голосѣ Раймонда звучала такая глубокая убѣжденность, что̀ искусственная твердость Леонарда пошатнулась; но, чувствуя, что въ ней—его единственное спасеніе, онъ сталъ настаивать на своей правотѣ:

— Никогда не приходили въ голову!.. напрасно ты это думаешь. Франсуаза была моей случайной подругой, и было бы смѣшно съ моей стороны ревновать ее. Но мнѣ иногда казалось...

Раймондъ прервалъ его:

— Остановись! Не прибавляй больше ни одного слова къ тому, что̀ ты уже сказалъ: ты самъ объ этомъ пожалѣешь... Прочти и тогда говори.

Онъ вынулъ изъ кармана пачку писемъ Франсуазы и положилъ ее передъ братомъ.

— Что̀ это такое?—спросилъ Перёзъ, съ безпокойствомъ касаясь листковъ; онъ почувствовалъ страхъ передъ истиной, которую они могутъ раскрыть.

— Это ея письма,—объяснилъ Раймондъ.—Когда ты ее покинулъ, я хотѣлъ издали слѣдить за ней. Ты не исполнилъ свой долгъ, Леонардъ, и я старался, насколько могъ, исполнить его за тебя... Она была больна и не хотѣла извѣстить тебя; я поддерживалъ ее въ это время безъ твоего вѣдома. Мнѣ это не было тягостно, увѣряю тебя... мнѣ было такъ жаль ее, и я такъ привязался къ ней... Потомъ я видѣлъ ее и ея ребенка въ Лондонѣ. Ахъ, если бы ты ихъ видѣлъ вмѣстѣ!.. Мы долго переписывались,—вотъ, прочти ея письма. Послѣднее изъ нихъ написано два года тому назадъ; потомъ она перестала писать. Прочти, и ты перестанешь подозрѣвать ее!..

Въ головѣ Перёза мелькнуло опасеніе, которое не могло бы явиться у его брата.

— А гдѣ же твои письма къ ней?—взволнованно спросилъ онъ.—Гдѣ твои отвѣты, несчастный? Они остались у нея,—ихъ пріобщатъ къ дѣлу!

Раймондъ даже не понялъ эгоистическую мысль, скрытую въ этомъ вопросѣ.

— Не все ли равно!—сказалъ онъ.—Прочти сначала вотъ эти письма... прошу тебя, и ничего не говори, прежде чѣмъ не прочтешь всѣхъ.

Леонардъ нервно развязалъ пачку и принялся за чтеніе. Стоя подлѣ кресла, на которомъ онъ сидѣлъ, Раймондъ слѣдилъ глазами за перечитанными имъ ночью строчками и иногда указывалъ пальцемъ на какую-нибудь фразу, повторяя:

— Прочти вотъ это... читай!.. Понялъ теперь?

Трудовая, полная материнскихъ заботъ жизнь Франсуазы развертывалась передъ человѣкомъ, который бросилъ ее на произволъ судьбы. По письмамъ видно было, что молодой женщинѣ приходилось много бороться и страдать; но она не жаловалась на свою одинокую и тяжелую жизнь, а распространялась болѣе всего о своихъ материнскихъ радостяхъ. Въ каждомъ письмѣ она выражала также свою благодарность другу, преданность котораго она цѣнила, не догадываясь о его тайной любви къ ней.

Теперь эта любовь, затаенная такъ долго, замершая за время разлуки и пробудившаяся отъ страшнаго удара, ярко свѣтилась въ большихъ черныхъ глазахъ Раймонда, сказывалась въ его лихорадочныхъ движеніяхъ. Кончивъ чтеніе писемъ, Леонардъ взглянулъ на брата, понялъ тайну его пламенной души, въ которую онъ до тѣхъ поръ не старался проникнуть, и замолкъ. Онъ больше не разсуждалъ, не искалъ лицемѣрныхъ оправданій. Во второй разъ онъ заглянулъ въ зеркало истины и увидѣлъ самого себя въ ужаснувшемъ его образѣ.

— Ты говоришь, что она писала тебѣ въ послѣдній разъ два года тому назадъ?..—спросилъ онъ, не глядя на брата, но Раймондъ не далъ ему продолжать.

— Молчи!.. молчи!—крикнулъ онъ, и, читая, какъ въ открытой книгѣ, въ замкнутомъ сердцѣ Леонарда, сталъ говорить такъ, какъ будто держалъ въ рукахъ страшное зеркало:—Не говори того, что̀ ты хотѣлъ теперь сказать, Леонардъ. Достаточно грустно, что ты это подумалъ. Отгони недостойныя тебя скверныя предположенія. Въ тебѣ есть какая-то тираническая сила, мѣшающая тебѣ быть самимъ собой, т.-е. добрымъ и благороднымъ человѣкомъ. Я вѣдь тебя хорошо знаю,—я, который люблю тебя всей душой! Жизнь тебя испортила; ты слишкомъ часто уступалъ ея требованіямъ, слишкомъ вѣрилъ ея обѣщаніямъ. Нельзя безнаказанно быть честолюбивымъ: каждая побѣда накладываетъ пятно на человѣка. Но горе смываетъ эти пятна! Побѣди въ себѣ

хищника,—я обращаюсь къ твоему лучшему „я“ и хочу разбудить твою душу. Ты переживаешь теперь критическую минуту, рѣшительный часъ, когда нужно забыть всѣ низменные разсчеты и интересы. Наступилъ великій часъ: нужно выполнить страшно трудную задачу, геройскій долгъ, замѣнившій простую обязанность, отъ исполненія которой ты уклонился когда-то. Для пошлаго и трусливаго человѣка долгъ этотъ былъ бы неисполнимъ, но ты не остановишься передъ трудностями!

Въ голосѣ Раймонда слышалась пламенная вѣра, и вся его тщедушная фигурка какъ бы выросла и стала властной. Неотразимая правда его словъ разбила лицемѣрные доводы Леонарда, который воскликнулъ въ порывѣ искренняго отчаянія:

— Но что̀ же я могу сдѣлать?.. Я не знаю, какъ быть!

Въ его глазахъ отразилась новая мука, болѣе безнадежная, чѣмъ эгоистическіе страхи.

— Я былъ другого мнѣнія,—продолжалъ онъ растерянно:—я думалъ, что Франсуаза виновна въ преступленіи... Я не зналъ объ этихъ письмахъ, я ничего не зналъ... Но теперь я вижу, что ты правъ... Конечно, нужно дѣйствовать,—но какъ? Что̀ я могу сдѣлать теперь, сейчасъ? Если бы эта драма произошла здѣсь, я бы зналъ что̀ предпринять, къ кому обратиться; я бы сейчасъ получилъ нужныя свѣдѣнія, составилъ бы планъ дѣйствія. Но тамъ, въ странѣ, столь непохожей на нашу, гдѣ законы совсѣмъ другіе!.. Что̀ я, по твоему, могу сдѣлать?

Раймондъ увидѣлъ, какая метаморфоза совершилась въ его братѣ, который теперь молилъ его о спасеніи, и понялъ, что, пробудивши его душу, нужно также вдохнуть въ него энергію.

— Я два дня объ этомъ думаю,—сказалъ онъ твердымъ голосомъ, и вотъ что̀ рѣшилъ. Слушай! Нужно поѣхать въ Лондонъ, повидаться съ адвокатами—и выступить на судѣ. Ты будешь главнымъ свидѣтелемъ; твое показаніе ярче всего освѣтитъ эту мрачную драму. Ты скажешь: „эта женщина невиновна, это утверждаю я, отецъ погибшей дѣвочки“. Ты объяснишь имъ, на чемъ основано твое убѣжденіе, разскажешь все, что̀ знаешь о Франсуазѣ, и прибавишь: „Если я не смогъ убѣдить васъ въ ея невиновности, то надѣюсь по крайней мѣрѣ, что та часть отвѣтственности, которая въ этомъ дѣлѣ падаетъ на меня, смягчитъ въ вашихъ глазахъ ея вину. Не забывайте, что она—брошенная на произволъ судьбы женщина; она исполняла одна обязанности, которыя я долженъ былъ бы дѣлить съ ней,—и этимъ имѣетъ право на ваше снисхожденіе“. Я въ свою очередь разскажу о томъ, что̀ видѣлъ, что̀ знаю. Наши свидѣтельства и ея

письма будутъ огромнымъ подспорьемъ для защиты — особенно при отсутствіи доказательствъ ея вины. Доказательствъ вѣдь не можетъ быть, — потому что это преступленіе — чистѣйшая выдумка. Вѣрь мнѣ—правда ведетъ къ правдѣ. Своимъ правдивымъ свидѣтельствомъ ты убѣдишь судей и присяжныхъ.

Слушая, какъ Раймондъ съ апостольскимъ жаромъ излагалъ свою наивно-романтическую затѣю, Леонардъ почувствовалъ и его правоту, и въ то же время несостоятельность его плана. Развѣ страстныя рѣчи убѣдятъ хладнокровныхъ людей, которые могутъ вѣрить только фактамъ? Но, съ другой стороны, что же другого предпринять? Леонардъ охватилъ голову обѣими руками, напрягая свои мысли болѣе сосредоточенно, чѣмъ когда-либо въ жизни. Разсужденіе постепенно измѣнило первое впечатлѣніе отъ словъ его брата. Романтическій замыселъ Раймонда не соотвѣтствовалъ его зауряднымъ душевнымъ силамъ и благоразумію, къ которому его пріучила его профессія. Онъ сталъ взвѣшивать доводы за и противъ плана Раймонда, обсуждать шансы успѣха, и подумалъ также о томъ, чего можетъ стоить подобный героизмъ. Въ его отвѣтѣ брату уже чувствовалось опять колебаніе.

— Знаешь ли ты, какихъ жертвъ требуетъ отъ меня твой планъ? Послѣ мелодраматическихъ сценъ въ судѣ, послѣ моихъ сенсаціонныхъ показаній, о которыхъ будутъ писать во всѣхъ газетахъ, я сдѣлаюсь героемъ моднаго скандала,—а это самое неизгладимое пятно на репутаціи человѣка. Вспомни, что говорилъ вчера Нагель. Моя карьера погибнетъ... А я вѣдь не герой изъ романа Толстого; я принадлежу къ старой расѣ людей практичныхъ, благоразумныхъ. У меня нѣтъ въ запасѣ идеаловъ, чтобы замѣнить ими положительныя блага, которыя я утрачу своимъ возвышеннымъ поступкомъ... А затѣмъ, подумалъ ли ты о моихъ дѣтяхъ? Я хочу завѣщать имъ имя человѣка, пользовавшагося почетомъ, а не имя апостола: это не мое призваніе. Твоя поэтическая любовь къ геройству влечетъ тебя, быть можетъ, на ложный путь; дай мнѣ время подумать и слѣдовать внушеніямъ здраваго смысла.

Раймондъ былъ въ эту минуту болѣе чѣмъ когда либо далекъ отъ практическихъ соображеній и его безпокоило неожиданное отступленіе брата.

— Я узнаю,—возразилъ онъ,—голоса, которыхъ ты всегда слушался,—но ихъ совѣты теперь непригодны. Здравый смыслъ драгоцѣненъ въ будничномъ житейскомъ обиходѣ; но когда діапазонъ жизни повышается, нужно дѣйствовать ему въ тонъ. Повѣрь мнѣ, время для мелкихъ компромиссовъ прошло. Уклониться

отъ того, что ты называешь возвышеннымъ поступкомъ, ты можешь теперь не иначе, какъ совершивъ низость.

Рѣзкость Раймонда произвела какъ разъ обратное дѣйствіе: она напомнила Леонарду, что братъ его всегда все преувеличивалъ, и что во множествѣ случаевъ его здравый смыслъ торжествовалъ надъ фантазіями Раймонда.

— Вѣдь ты всегда доходишь во всемъ до крайностей,—отвѣтилъ онъ.—Сколько разъ ты принималъ слишкомъ быстрыя рѣшенія въ пылу увлеченія, и потомъ раскаивался. Можетъ быть, можно дѣйствовать способами, о которыхъ ни ты, ни я еще не подумали; можетъ быть, болѣе осторожное вмѣшательство было бы и полезнѣе, и менѣе опасно... Въ концѣ концовъ вѣдь я адвокатъ,—и неужели я не смогу разобраться въ этомъ дѣлѣ, только потому, что я въ немъ заинтересованъ?.. Дай мнѣ подумать! Прежде всего нужно имѣть точныя свѣдѣнія... не могу же я принять рѣшеніе только на основаніи впечатлѣній такого мечтателя, какъ ты! Нужно узнать, въ чемъ ее собственно обвиняютъ, какія есть доказательства, какія подозрѣнія — словомъ, изучить дѣло. Постараемся узнать все, что возможно, изъ англійскихъ газетъ; напишемъ защитнику Франсуазы, и его отвѣтъ послужитъ намъ руководствомъ для дальнѣйшаго.

Онъ взялъ перо съ той быстротой въ исполненіи задуманнаго, которая всегда восхищала его брата.

— Имѣй въ виду, что у насъ осталось меньше чѣмъ недѣля времени,—сказалъ Раймондъ.

Леонардъ воскликнулъ:

— Недѣля!.. Сколько это дней и ночей,—цѣлая вѣчность!

Онъ написалъ тотчасъ же письмо незнакомому ему адвокату Франсуазы Десомъ.

VI.

Лучшее средство успокоиться—это начать дѣйствовать. Пока Леонардъ писалъ письмо своимъ крупнымъ, прямымъ почеркомъ, къ нему вполнѣ вернулось его самообладаніе. Кончивъ, онъ прочелъ написанное вслухъ Раймонду, аккуратно снялъ копію съ письма и сказалъ:

— Теперь нужно узнать имя адвоката; мы найдемъ его вѣроятно въ англійскихъ газетахъ.

Выйдя изъ дому, братья зашли въ библіотеку для чтенія и достали разрозненные нумера главныхъ лондонскихъ газетъ. Имъ пришлось долго искать потонувшій въ океанѣ политики мелкій

„фактъ изъ хроники происшествій". Наконецъ Раймондъ нашелъ—подъ заголовкомъ „Police"—коротенькую замѣтку и дословно перевелъ ее брату:

„Вчера Франсуаза Десо̀мъ, тридцати лѣтъ, француженка, модистка, живущая въ Чильси, въ Черчъ-Стритѣ, была привлечена къ суду по обвиненію въ умышленномъ убійствѣ своей восьмилѣтней дочери, Авреліи-Августы, которую она толкнула въ Темзу по близости отъ Kew-Gardens, 12-го января сего года. М-ръ Нортонъ поддерживаетъ обвиненіе; слѣдствіе ведетъ м-ръ А. Диллингъ; м-ръ Лоренсъ Бель защищаетъ подсудимую. Выслушаны были показанія нѣсколькихъ свидѣтелей. Подсудимая, которая производитъ впечатлѣніе очень хитрой женщины"...

Раймондъ остановился:

— „Очень хитрой"!.. Боже мой, какъ они будутъ судить ее, если она кажется имъ хитрой!

Онъ продолжалъ читать:

„Подсудимая, которая производитъ впечатлѣніе очень хитрой женщины, ни на минуту не потеряла самообладанія. Она продолжаетъ утверждать, что ребенокъ, играя на берегу, оступился и упалъ въ воду; она же была парализована ужасомъ и не смогла броситься ему на помощь. Ее отправили въ центральный уголовный судъ, гдѣ и будетъ разбираться ея дѣло".

Больше ничего въ замѣткѣ не было сказано. Такъ много важныхъ событій происходило въ это же время въ обширной имперіи, что на газетныхъ столбцахъ оставалось лишь это маленькое мѣсто для исторіи Франсуазы.

Найдя адресъ м-ра Лоренса Беля въ адресной книгѣ, братья отправили письмо и молча пошли домой; на углу бульвара Сенъ-Жерменъ и улицы Бакъ они разстались.

Люси уже сидѣла за столомъ и завтракала вмѣстѣ съ дѣтьми.

— Я думала, что ты не вернешься къ завтраку,—сказала она мужу; въ то время, какъ, сѣвъ за столъ, онъ развертывалъ салфетку, она спросила:

— Ты видѣлъ Раймонда? Въ чемъ дѣло?

Перёзъ предвидѣлъ этотъ вопросъ и приготовился отвѣтить на него. Но онъ все-таки былъ очень смущенъ, когда сказалъ:

— У Раймонда случилась непріятность, и ему нужно было посовѣтоваться со мной; но онъ просилъ никому объ этомъ не разсказывать.

— Какая таинственность!—возразила Люси.

Леонардъ ничего не отвѣтилъ; его блѣдные глаза отражали только усталость, и въ нихъ нельзя было прочесть его тайной

муки. Онъ торопливо ѣлъ свою порцію яичницы съ такимъ же аппетитомъ, какъ всегда.

— Неужели у Раймонда могутъ быть непріятности!—добавила Люси съ презрительной гримасой. Но ея любопытство было все-таки задѣто. Она воспользовалась минутой, когда дѣти занялись разговоромъ между собой, и спросила, понизивъ голосъ:

— Неужели какая-нибудь любовная исторія?

Леонардъ поспѣшилъ опровергнуть ея предположеніе.

— Жаль!.. было бы забавно. Ты представляешь себѣ его въ сѣтяхъ какой-нибудь ловкой кокетки?

Не добившись отвѣта отъ мужа, она прибавила обиженнымъ тономъ:

— Не хочешь говорить, такъ и не надо.

Люси надулась. Это была ея обычная тактика, когда она хотѣла чего-нибудь добиться или мстила за неисполненіе ея желаній. Она погружалась въ угрюмое молчаніе, лицо становилось мрачнымъ, и каждое ея движеніе, жестъ, которымъ она ударяла ножикомъ о тарелку или стаканъ, сухой стукъ ея каблуковъ по паркету, все выражало непримиримую, упорную злобу. Въ домѣ воцарялась нестерпимая атмосфера; дѣти прекращали свои игры, боялись смѣяться, едва дышали; прислуга повиновалась по первому знаку, мягко ступала—и злословила на кухнѣ. Леонардъ старался уходить изъ дому. Но на этотъ разъ онъ едва замѣтилъ раздраженіе жены и ни словомъ не остановилъ ее, когда она порывисто встала изъ-за стола и ушла, сердито шурша юбками. Погруженный въ свои мысли и забывая пить дымящійся передъ нимъ кофе, онъ вздрогнулъ, когда маленькая ручка коснулась его колѣна: передъ нимъ стояла Раймонда, глядя на него большими добрыми глазами. Она почувствовала, что ему тяжело, и пришла утѣшить его своей нѣжной дѣтской улыбкой.

— Что съ тобой, папа? Тебѣ грустно?

Онъ взялъ ее на руки и сталъ цѣловать.

— Еслибы мнѣ было грустно, я бы не цѣловалъ мою дочурку.

— Ты какъ будто о чемъ-то думаешь, папа.

Маленькій эгоистъ Маркъ глядѣлъ въ окно, не интересуясь тѣмъ, что происходило за его спиной.

— Взрослые всегда о чемъ-нибудь думаютъ,—сказалъ онъ въ назиданіе сестрѣ.—Когда выростешь, ты сама это увидишь.

— Папа, милый, я не хочу быть взрослой!

Леонардъ хотѣлъ отвѣтить на ея наивный возгласъ припѣ-

вомъ стариннаго романса: „Милыя малютки, останьтесь дѣтьми навсегда!“ но не смогъ выговорить ни слова: его взору представилась вдругъ съ ужасающей ясностью Франсуаза въ дѣтствѣ, такой, какъ онъ ее видѣлъ на хранившейся у нея старой фотографической карточкѣ. Онъ увидѣлъ ее съ нѣжной улыбкой на лицѣ, бѣлокурую, свѣженькую—такую чистую, какъ Раймонда—и тоже на рукахъ у отца, котораго она, быть можетъ, утѣшала, видя его озабоченнымъ; и онъ, вѣроятно, тоже мечталъ о томъ, что жизнь ея будетъ счастливой. Все это представилось Леонарду съ такой отчетливостью, что онъ забылъ о томъ, гдѣ онъ, и быстро всталъ, оттолкнувъ дѣвочку.

— Папа̀, папа̀, что̀ съ тобой?

— Ничего, дорогая; мнѣ нужно идти работать.

Дверь шумно раскрылась, — на порогѣ показалась Люси и позвала дѣтей:

— Маркъ, Раймонда,—что̀ вы тутъ дѣлаете? Идите сюда!

Дѣти повиновались съ пугливой поспѣшностью, и дверь закрылась за ними. Перёзъ остался еще нѣсколько времени въ столовой, потомъ прошелъ въ кабинетъ и сѣлъ за работу. Онъ проработалъ весь день, весь вечеръ, часть ночи и весь слѣдующій день, стараясь найти забвеніе въ дѣлахъ. Но это ему не удавалось,—напротивъ того, у него измѣнилось отношеніе къ дѣламъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ Перёзъ почти механически исполнялъ свои профессіональныя обязанности. Его радовали успѣхи, вознаграждавшіе его за трудъ, но у него не было стремленія приносить пользу людямъ, т.-е. не было того, что̀ облагораживаетъ трудъ. Практика судебнаго дѣла, механизмъ законовъ, правовыхъ отношеній, преступленій и наказаній, интересовалъ его, какъ техника игры на томъ или другомъ инструментѣ интересуетъ виртуоза, но онъ никогда не задумывался надъ жизненными послѣдствіями своихъ профессіональныхъ дѣйствій, выполняемыхъ имъ всегда крайне недобросовѣстно. А теперь вдругъ всѣ эти судебныя драмы, все, что̀ происходитъ въ мрачныхъ залахъ суда, гдѣ произносятся приговоры, сѣющіе горе, позоръ и смерть, стало для него живымъ: ему стали слышаться въ шелестѣ дѣловыхъ бумагъ, равнодушно перебираемыхъ его помощникомъ, рыданія и крики отчаянія несчастныхъ жертвъ. Его охваченная трепетомъ душа вдругъ поняла, что недостаточно только содѣйствовать правильному ходу правосудія, ибо рядомъ съ правосудіемъ стоятъ горе и жалость. Онъ почувствовалъ, что, думая только о заработкѣ и личныхъ успѣхахъ, онъ строилъ зданіе на пескѣ. Имъ овладѣло невѣдомое ему до того желаніе

доискиваться въ дѣлахъ истины, которую онъ обыкновенно самъ извращалъ своей искусной діалектикой.

Его помощникъ принесъ ему какъ разъ текстъ иска, составленнаго повѣреннымъ Дюпеномъ [1]; Перёзу предстояло поддерживать этотъ искъ на судѣ. Дѣло шло объ очень запутанномъ во французскомъ законодательствѣ вопросѣ о правѣ пользованія и отвода воды. Для предъявителей иска, людей богатыхъ, право это не имѣло большого интереса, но для отвѣтчиковъ это составляло вопросъ существованія. Проигрышъ процесса разорилъ бы ихъ окончательно, лишивъ всякой возможности заработка.

Тщательно составленный искъ—предъявители не скупились на „авансы"—устанавливалъ, казалось бы, совершенно неопровержимо правоту одной стороны и неосновательность притязаній противниковъ. Прочтя этотъ документъ патрону, Биллонъ потеръ руки своимъ привычнымъ жестомъ, напоминавшимъ жестъ акробата передъ началомъ представленія.

— Все это, впрочемъ, болѣе блестяще, чѣмъ убѣдительно,— сказалъ онъ.—Если судъ захочетъ вникнуть въ суть дѣла, вся прекрасная аргументація Дюпена разлетится въ прахъ.

— Почему?—спросилъ Перёзъ, который не особенно внимательно слушалъ чтеніе бумаги.

Тонкія губы Биллона сложились въ нѣсколько насмѣшливую улыбку; онъ мысленно сравнивалъ свою прозорливость съ недогадливостью патрона. Чтобы проявить свою добросовѣстность въ дѣлахъ, онъ сталъ разбивать по пунктамъ доводы Дюпена.

— Къ счастью,—прибавилъ онъ,—интересы нашихъ противниковъ будетъ защищать адвокатъ X. Онъ ничего не сообразитъ.

— Развѣ дѣло нашего кліента неправое?—неожиданно спросилъ Леонардъ.

Этотъ вопросъ удивилъ Биллона, который принципіально смотрѣлъ на всѣ дѣла только съ юридической точки зрѣнія.

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ. — На мѣстѣ судей я бы, кажется, не призналъ его правъ. Но можно привести множество доводовъ и въ его пользу. Дюпенъ нашелъ кое-какіе аргументы; я въ свою очередь тоже поищу...

— Не ищите,—прервалъ его Перёзъ.—Напишите кліенту, что я отказываюсь отъ дѣла.

Произнеся эти слова, Леонардъ сейчасъ же пожалѣлъ о нихъ.

---

[1] Во Франціи гражданскія дѣла проходятъ сначала черезъ руки повѣренныхъ (avoués), а потомъ уже поступаютъ къ адвокату.

Онъ подумалъ, что его помощнику покажутся подозрительными такая щепетильность и непрактичность съ его стороны. Чтобы поправить дѣло, онъ сейчасъ же отмѣнилъ первое распоряженіе.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — это не имѣетъ смысла! Нельзя выбирать дѣла по своему вкусу. Я просмотрю бумаги, и тогда рѣшимъ.

Биллонъ ничего не отвѣтилъ, и Леонарду показалось, что своими колебаніями онъ еще усиливаетъ изумленіе помощника. Онъ рѣшилъ впередъ остерегаться нервныхъ выходокъ, не соотвѣтствующихъ обычной ровности его характера.

Въ слѣдующіе дни онъ такъ погрузился въ дѣла, что отдыхалъ только за завтракомъ, глядя на дѣтей; видъ ихъ поддерживалъ въ немъ бодрость духа. Но когда ему уже казалось, что онъ побѣдилъ внутреннюю тревогу усиленной дѣятельностью, она вновь просыпалась въ немъ, какъ физическая боль, лишь на время заглушенная наркотическими средствами. Тогда ему казалось страннымъ, что онъ ходитъ по залѣ суда въ своей адвокатской мантіи, или выслушиваетъ пространныя объясненія кліентовъ, или бесѣдуетъ вечеромъ о политикѣ и театрѣ съ мужчинами во фракахъ и дамами въ открытыхъ платьяхъ—какъ будто бы горизонтъ его жизни не измѣнился. Или же ему казалось, что улыбающіяся лица окружающихъ тоже скрываютъ тайну, какъ и его спокойное лицо, и что у всѣхъ одинаковыя роли въ вѣчной комедіи жизни.

Раймондъ два раза заходилъ провѣдать его. Онъ не притворялся, и на его измученномъ лицѣ можно было прочесть его душевную муку. Эта неспособность держать себя въ рукахъ раздражала Леонарда.

— Зачѣмъ ты показываешь всѣмъ, что у тебя случилось горе?—сердито говорилъ онъ брату.—Прислуга замѣчаетъ твой разстроенный видъ, жена мучаетъ меня разспросами. Нужно умѣть выжидать и молчать.

Притворное мужество Леонарда покидало его, однако, когда онъ оставался наединѣ, и онъ тогда завидовалъ брату, что онъ можетъ безпрепятственно предаваться мыслямъ, сидя у себя въ кабинетѣ, и слѣдить въ воображеніи за Франсуазой вплоть до дверей ея тюрьмы...

Во время своей послѣдней поѣздки въ Лондонъ, Раймондъ какъ разъ случайно обратилъ вниманіе на тяжеловѣсное зданіе Ньюгетской тюрьмы. Онъ проѣзжалъ мимо нея съ одной знакомой англичанкой, и, пораженный видомъ огромныхъ мрачныхъ стѣнъ съ рѣдкими маленькими отверстіями, спросилъ:

— Что это за крѣпость?

Его спутница, предсѣдательница одного изъ комитетовъ покровительства заключеннымъ, объяснила ему назначеніе зданія, которое онъ принялъ за крѣпость.

— Это тюрьма, гдѣ содержатся осужденные на смерть и гдѣ происходятъ казни. У насъ вѣдь казнятъ не публично, а тамъ... за этими стѣнами. Погребальный звонъ извѣщаетъ прохожихъ и людей, живущихъ по близости, о томъ, что казнь совершилась. Съ улицы виденъ только черный флагъ, который въ теченіе четверти часа развѣвается надъ крышей тюрьмы... Вы не можете себѣ представить, какъ мрачна эта тюрьма внутри! Корридоръ, дворъ, камеры... и въ особенности кладбище для казненныхъ: это—дворъ, выложенный черными плитами... Послѣ казни поднимаютъ одну изъ плитъ, и опускаютъ тѣло въ яму съ негашенной известью; затѣмъ плита снова опускается, и на стѣнѣ надъ нею вырѣзываютъ начальную букву имени... Казненные остаются тамъ на вѣки. Никогда уже солнце не будетъ сіять надъ ихъ могилой, никогда на ней не выростетъ ни одной травки, никто не придетъ взглянуть на нее съ любовью... Даже послѣ смерти, ни одинъ атомъ ихъ тѣла не вырвется на свободу,—они останутся въ заключеніи, пока не исчезнутъ эти плиты. Онѣ будутъ лежать надъ ними до дня Страшнаго Суда, когда они встанутъ изъ могилъ вмѣстѣ съ другими... И тогда Господь будетъ судить ихъ, также какъ и ихъ судей... И это будетъ истинное правосудіе!

Раймондъ вспомнилъ всѣ подробности этого описанія, которое его тогда сильно взволновало. „Теперь,—думалъ онъ,—въ этихъ страшныхъ, черныхъ какъ преступленіе стѣнахъ заключена „бѣдная Анжель“,—жалкое, хрупкое существо. Если истина не обнаружится, она никогда больше не увидитъ неба надъ собой, не услышитъ дружественнаго привѣта. Если она умретъ безъ вины отъ рукъ палача, даже казнь не вернетъ ей свободы: она будетъ лежать подъ этими плитами до того дня, когда возсіяетъ божественное правосудіе,—если этотъ день когда-нибудь наступитъ“...

Воображеніе Раймонда рисовало ему только мрачныя картины, и надежда умерла въ его душѣ. Онъ не находилъ себѣ мѣста, уходилъ, возвращался домой, ходилъ безъ цѣли по своему кабинету, раскрывалъ какую-нибудь книгу и сейчасъ же закрывалъ ее, давалъ противорѣчивыя приказанія своему старику-лакею, Эдмонду, который не могъ понять происшедшей въ немъ перемѣны. Раймондъ не могъ управлять своими нервами, и у него

не было возможности забыться, подобно Леонарду, въ обязательной работѣ. Онъ былъ весь во власти терзавшей его муки.

Отвѣтъ м-ра Лоренса Беля не заставилъ себя долго ждать. Получивъ письмо изъ Лондона, Леонардъ сейчасъ же передалъ Биллону всѣ текущія дѣла и поспѣшилъ къ брату.

Въ длинномъ, чрезвычайно обстоятельномъ письмѣ англійскаго адвоката факты изложены были самымъ точнымъ образомъ. Авторъ письма очевидно понималъ, какъ велика лежащая на немъ отвѣтственность, и взвѣсилъ каждое слово. Онъ подробно описалъ всю драму въ разнорѣчивыхъ версіяхъ подсудимой и судебнаго слѣдствія, и безпристрастно резюмировалъ показанія свидѣтелей. У братьевъ была наконецъ возможность судить о случившемся на основаніи всѣхъ имѣющихся данныхъ.

Маленькая Аврелія-Августа воспитывалась болѣе года въ Кентербери, въ хорошемъ пансіонѣ. Мать очень аккуратно вносила за нее сорокъ-пять фунтовъ стерлинговъ въ годъ и кромѣ того платила отдѣльно за уроки танцевъ, музыки, иностранныхъ языковъ и т. д. Ея солидные заработки давали ей возможность нести эти издержки. Разъ въ двѣ недѣли она навѣщала свою дочь и приносила ей всегда подарки. Двадцатаго декабря она увезла дѣвочку на Рождество къ себѣ, въ свой уютный lodging на Черчъ-Стритѣ. Двѣнадцатаго января—за три дня до окончанія рождественскихъ каникулъ—Франсуаза отправилась около полудня съ дѣвочкой въ Kew-Gardens. Онѣ позавтракали въ ресторанѣ; дѣвочка съѣла яйца и сандвичи и выпила чашку чая. Онѣ гуляли въ паркѣ до четырехъ часовъ, т.-е. до того времени, когда паркъ закрывается. Несмотря на то, что Kew-Gardens, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ ботаническихъ садовъ въ мірѣ, въ немъ бываетъ мало посѣтителей. Въ этотъ день паркъ былъ еще болѣе пустъ, чѣмъ обыкновенно. Погода была пріятная; легкій туманъ сталъ подниматься съ Темзы уже только тогда, когда мать съ дѣвочкой вышли изъ воротъ въ аллею, идущую вдоль рѣки. Вмѣсто того, чтобы направиться къ ближайшей станціи желѣзной дороги, онѣ прошли довольно далеко въ противоположномъ направленіи, въ сторону Ричмонда. Онѣ встрѣтили двухъ рабочихъ и одного старика; рабочихъ этихъ уже разыскали, а старика ищутъ. Спросивъ дорогу у старика, онѣ пошли обратно и почти уже вернулись къ воротамъ, изъ которыхъ вышли. Тамъ, въ четыре часа и двадцать-пять минутъ, произошло несчастіе—или совершилось преступленіе. Берегъ въ этомъ мѣстѣ очень крутой и весь заросшій тростникомъ. Аврелія хотѣла нарвать пучокъ тростника, и мать ей позволила, не предвидя опасности. Тогда дѣвочка оступилась...

Такъ говорила Франсуаза. Показанія свидѣтелей противорѣчили ея передачѣ или, во всякомъ случаѣ, указывали и нѣкоторыя неправдоподобности въ ея разсказѣ.

Имѣлось прежде всего показаніе супруговъ Ламбетъ, пятидесяти-восьми и пятидесяти-трехъ лѣтъ, жителей Кью. Жена утверждала, что слышала крики ребенка, „надъ которымъ совершалось насиліе", и видѣла сквозь туманъ Франсуазу, жесты которой выдавали ея преступныя дѣйствія. Свидѣтельница говорила также, что Франсуаза стала звать на помощь не сразу, а только тогда, когда замѣтила приближающихся свидѣтелей. Показанія старика Ламбета—менѣе точныя; онъ ничего не слышалъ, будучи глухимъ. Онъ видѣлъ, что подсудимая бѣгала по берегу и ломала себѣ руки, но не рѣшался давать опредѣленное толкованіе этимъ жестамъ. Показанія сторожа парка подтверждали слова первой свидѣтельницы: онъ тоже слышалъ крики ребенка. Больше ничего онъ не могъ сказать, такъ какъ пришелъ на мѣсто катастрофы послѣ двухъ первыхъ свидѣтелей.

Франсуазу арестовали послѣ слѣдствія, опиравшагося на показанія этихъ трехъ свидѣтелей. На первыхъ допросахъ она была въ такомъ подавленномъ состояніи и отвѣчала такъ сбивчиво, что только усилила тяготѣвшія на ней подозрѣнія. Принято думать, что человѣкъ невиновный непремѣнно ходитъ съ поднятой головой, и не можетъ потерять присутствіе духа, даже если онъ убитъ горемъ или ошеломленъ взводимыми на него обвиненіями. Франсуаза растерялась отъ предлагаемыхъ вопросовъ и не съумѣла дать точныхъ объясненій. Почему, выйдя изъ парка, она такъ долго бродила вдоль рѣки съ ребенкомъ, уже уставшимъ отъ прогулки, длившейся нѣсколько часовъ? Она объяснила, что думала придти этимъ путемъ къ ближайшей желѣзнодорожной станціи. Но почему же она въ такомъ случаѣ пошла обратно, не освѣдомившись о дорогѣ у двухъ рабочихъ, попавшихся ей на пути? Она утверждала, что ей указалъ дорогу старикъ, котораго она встрѣтила нѣсколько минутъ спустя,—но старика этого никакъ нельзя было разыскать. Какъ допустить, что дѣвочка, навѣрное уставшая отъ долгой ходьбы, стала бѣгать у края рѣки съ такимъ увлеченіемъ и опрометчивостью, что упала въ воду?—Всѣ объясненія Франсуазы были неправдоподобны и сбивчивы.

Отмѣтивъ эти и много другихъ подробностей, еще менѣе говорящихъ въ пользу подсудимой, м-ръ Лоренсъ Бель вкратцѣ излагалъ то, что выяснено о прошломъ Франсуазы.

Она отказалась назвать имя отца несчастной маленькой Авреліи, говоря, что уже много лѣтъ не видѣлась съ нимъ. Всѣ, у

кого она работала, дали о ней хорошіе отзывы, хваля ее за усердіе, умѣнье работать и кроткій нравъ. Что касается ея образа жизни, то она созналась, что у нея была любовная связь съ однимъ служащимъ въ торговой конторѣ, который умеръ отъ плеврита; начало этой связи совпадало съ поступленіемъ дѣвочки въ пансіонъ. Въ послѣдніе мѣсяцы ее часто навѣщалъ нѣкій Вильямъ Орчардъ, учитель музыки, но повидимому ихъ отношенія не выходили изъ предѣловъ простой дружбы. Орчардъ къ тому же откровенно заявилъ, что хотѣлъ жениться на Франсуазѣ и сдѣлалъ ей предложеніе за нѣсколько недѣль до катастрофы; но она отказала ему. Она не скрывала отъ него, что у нея есть дочь, а напротивъ того, часто съ нѣжностью говорила объ Авреліи; онъ къ тому же вполнѣ мирился съ существованіемъ дѣвочки и охотно бы взялъ ее къ себѣ, смотрѣлъ бы на нее какъ на собственную дочь. Вполнѣ опредѣленныя заявленія Орчарда мѣшали слѣдователю, но онъ все-таки старался установить „мотивы преступленія“ при помощи новыхъ вопросовъ, изъ которыхъ выводилъ доказательства виновности подсудимой. Почему Франсуаза помѣстила дѣвочку въ пансіонъ какъ разъ тогда, когда у нея завязалась любовная интрига? Очевидно, у нея были планы, исполненію которыхъ присутствіе дѣвочки мѣшало. Почему послѣ смерти любовника она не взяла дѣвочку обратно къ себѣ? Потому что думала осуществить съ другимъ планъ, разстроенный смертью. Показаніе Орчарда не разрушало эту гипотезу, потому что онъ не былъ тѣмъ „другимъ“, котораго слѣдствіе еще, можетъ быть, откроетъ; возможно также, что Франсуаза еще выжидала случая „удобно пристроиться“, и пока кокетничала съ честнымъ учителемъ музыки. Адвокатъ указывалъ на шаткость этихъ предположеній, и въ заключеніе излагалъ свое собственное мнѣніе: „Что касается меня,—писалъ онъ,—то я вполнѣ убѣжденъ въ невиновности подсудимой. Мои бесѣды съ ней еще болѣе укрѣпили во мнѣ эту увѣренность. Къ тому же до сихъ поръ нѣтъ несомнѣнныхъ доказательствъ ея вины. Я считаю поэтому оправданіе возможнымъ. Но такъ какъ приговоръ присяжныхъ въ значительной степени зависитъ отъ впечатлѣнія, которое произведетъ на нихъ подсудимая, то все, что можетъ поднять ее въ ихъ глазахъ, принесетъ огромную пользу защитѣ“.

Пока Раймондъ переводилъ письмо англійскаго адвоката, Леонардъ уже мысленно составлялъ планъ защиты: нужно ловкими вопросами сбить съ позиціи единственнаго опаснаго свидѣтеля, старуху Ламбетъ, добиться противорѣчивыхъ показаній отъ ея спутника, противопоставить гипотезамъ обвиненія другія, столь

же допустимыя предположенія, показать несостоятельность выводовъ, основанныхъ на отвѣтахъ перепуганной, убитой горемъ матери. Онъ мысленно извлекалъ блестящія доказательства изъ показаній Орчарда, который свидѣтельствовалъ о любви Франсуазы къ ребенку и устанавливалъ неправдоподобность преступленія. Онъ считалъ необходимымъ говорить о прошломъ молодой женщины, объяснить, что ея любовныя увлеченія ничѣмъ ее не унизили: въ этотъ моментъ онъ понялъ неизбѣжность выступить самому въ качествѣ свидѣтеля. Его показанія и письма Франсуазы несомнѣнно должны убѣдить присяжныхъ въ ложности обвиненій, основанныхъ на пустыхъ предположеніяхъ и несчастныхъ совпаденіяхъ. Сообразивъ все это, Леонардъ быстро рѣшился.

— Мы ѣдемъ въ Лондонъ—это необходимо,—сказалъ онъ, внѣ себя отъ волненія.

— Я зналъ, что ты такъ рѣшишь,—отвѣтилъ Раймондъ съ глубокой радостью.—Мы сейчасъ же ѣдемъ, не правда ли?

— Я только передамъ дѣла Биллону и поговорю съ женой.

Раймондъ совершенно забылъ о Люси, которую считалъ злымъ духомъ своего брата.

— Развѣ ты разскажешь все Люси?—спросилъ онъ.

Леонардъ былъ такъ возбужденъ, что не подумалъ о трудности убѣдить жену.

— Ты ея не знаешь,—отвѣтилъ онъ брату.—Она меня пойметъ, я въ этомъ увѣренъ. Къ тому же, я не могу уѣхать, не объяснивъ ей всего.

VII.

Люси Перёзъ не принадлежала къ числу чуткихъ натуръ, которыя догадываются объ опасностяхъ, грозящихъ близкимъ людямъ. Ничего не подозрѣвая о душевныхъ мукахъ мужа, она продолжала свой обычный образъ жизни, поглощенная заботами о домѣ, надзоромъ за прислугой, покупками, визитами, свѣтской благотворительностью. Отъ времени до времени она вспоминала о странной перемѣнѣ въ поведеніи Раймонда. Какія непріятности могли угрожать этому безобидному существу, далекому отъ дѣйствительной жизни, занятому только своими книгами? Она сердилась на Леонарда за упорное скрываніе отъ нея тайны Раймонда—навѣрное нѣсколько комичной, по ея мнѣнію. Обиженная сухимъ отвѣтомъ мужа, Люси больше его не разспрашивала и продолжала дуться. Когда Фредерикъ пришелъ доложить ей, что „баринъ и ихъ братъ просятъ барыню пожаловать въ каби-

нетъ“, она обрадовалась, надѣясь, что ее зовутъ, чтобы раскрыть ей интриговавшую ее тайну. Она улыбалась, слѣдуя за лакеемъ, и собиралась выругать Раймонда за скрытничанье. Когда дверь кабинета раскрылась передъ нею, никакой внутренній голосъ не шепнулъ ей, что она сама станетъ участницей невѣдомой драмы.

Братья ждали ея прихода въ полномъ молчаніи. Леонардъ сидѣлъ въ креслѣ, нервно сжимая его ручки обѣими руками; Раймондъ стоялъ около брата, какъ бы для того, чтобы поддержать его, съ высоко поднятой головой, съ горящими глазами. Прежде чѣмъ взглянуть на нихъ, Люси спросила у порога сухимъ голосомъ, въ которомъ еще замѣтно было раздраженіе:

— Что вамъ отъ меня нужно?

Но, замѣтивъ удрученный видъ мужа и восторженное выраженіе лица Раймонда, она встревожилась и прибавила болѣе мягко:

— Что случилось?

Не поднимая на нее глазъ, Леонардъ глухо отвѣтилъ:

— Нѣчто очень серьезное.

— Съ Раймондомъ?

— Нѣтъ, со мной.

Стоя на мѣстѣ и ухватившись за спинку стула, Люси испуганно пробормотала:

— Ты вѣдь мнѣ сказалъ... значитъ, дѣло было не въ немъ? Ты меня пугаешь...

Перёзъ облокотился обѣими руками на столъ, опустилъ голову на руки и проговорилъ медленно, какъ бы съ усиліемъ извлекая каждое слово изъ какихъ-то мрачныхъ глубинъ:

— Не замѣтила ли ты... въ газетахъ... на дняхъ... исторію... француженки-модистки... въ Лондонѣ... которую обвиняютъ... въ томъ, что она утопила своего ребенка?

— Да, я, кажется, что-то читала объ этомъ.

Голосъ Леонарда сталъ еще болѣе глухимъ.

— У этого ребенка есть отецъ... Ты поняла теперь?

Онъ развелъ руками и взглянулъ на нее съ выраженіемъ несказанной муки. Она отступила, прижавъ руку къ груди:

— Ты?... Ты?.. Господи!..

Потомъ, оправившись, она съ возмущеніемъ прибавила:

— Зачѣмъ ты мнѣ объ этомъ говоришь?

— Нужно, чтобы ты знала... Послушай: эта несчастная женщина невиновна...

Въ сердцѣ Люси, при неожиданномъ сообщеніи мужа, проснулась прежде всего не жалость, а буржуазный инстинктъ само-

сохраненія: она почувствовала тайную опасность въ заявленіи мужа; его слова къ тому же оскорбляли ее, будили невѣдомую ей до того ревность. Она подумала сразу и объ открывшемся ей прошломъ Леонарда, и о нарушенномъ спокойствіи ихъ семейнаго очага, и о пагубномъ вліяніи романтика-Раймонда. Идя на встрѣчу угрожающимъ опасностямъ, она воскликнула:

— Невиновна! Какъ ты можешь утверждать это?

Раймондъ, чтобы поддержать брата, поспѣшилъ отвѣтить, протягивая руку впередъ, какъ бы для клятвы:

— У насъ есть несомнѣнныя доказательства!

Она отстранила его презрительнымъ жестомъ.

— Я не съ вами говорю!

Обращаясь къ мужу, она повторила вопросъ:

— Скажи, откуда ты знаешь, что она невиновна?.. Когда ты видался съ ней?

— Я разстался съ ней восемь лѣтъ тому назадъ.

— Восемь лѣтъ!.. восемь лѣтъ!..

Люси облегченно вздохнула: драма отступала въ прошлое, которое не было ея собственностью; дѣло шло о забытой соперницѣ, и ей не предстоитъ борьбы противъ новой слѣпой страсти мужа.

— Если ты не видѣлъ ея восемь лѣтъ,—возразила она,— какъ же ты утверждаешь, что она невинна? На чемъ основана твоя увѣренность? Говори—я хочу все знать.

Она приблизилась къ Леонарду, стараясь заглянуть ему въ лицо. Онъ отвелъ глаза и сталъ вкратцѣ разсказывать о своей связи съ Франсуазой и о дружескихъ отношеніяхъ Раймонда къ покинутой женщинѣ.

— Такія связи бываютъ почти у всѣхъ молодыхъ людей... и никогда трагически не кончаются... Да и тутъ вѣдь произошла только ошибка,—страшная ошибка!

Оправдывая себя, Леонардъ протянулъ женѣ маленькую пачку съ письмами Франсуазы. Люси взяла ее, но тотчасъ же бросила ее обратно на столъ.

— Неужели ты воображаешь, что я буду читать эти письма? Такого рода женщины пишутъ все, что̀ имъ взбредетъ въ голову,— это вѣдь не трудно. Чѣмъ грязнѣе жизнь иныхъ людей, тѣмъ болѣе они любятъ красивыя слова: это всѣмъ извѣстно! Къ тому же ты говоришь, что переписка прекратилась два года тому назадъ;—что̀ же она въ такомъ случаѣ доказываетъ? Возможно, что у этой женщины возродилось на время чувство порядочности, когда ты ее покинулъ; допустимъ даже, если хочешь, что этотъ

припадокъ порядочности длился нѣсколько времени. Но потомъ все кончилось: она вернулась къ своимъ прежнимъ привычкамъ, перестала поддерживать надоѣвшую ей переписку, возобновила соотвѣтствующій ея вкусамъ образъ жизни. Вѣдь это совершенно ясно. Ты съ ней больше не видаешься,—значитъ, ея приключенія тебя не касаются.

— Все это невѣрно! — воскликнулъ Раймондъ, прерывая Люси.— Она никогда не была такой, какой вы ее считаете. Она любила Леонарда, любила своего ребенка, трудилась, чтобы дать ему хорошее воспитаніе.

Люси презрительно оглядѣла своего хилаго противника.

— Вы разсуждаете какъ ребенокъ, Раймондъ, — сказала она.—Настоящіе—она обидно подчеркнула это слово—мужчины не терзаютъ себя изъ-за подобныхъ женщинъ, не чувствуютъ угрызеній совѣсти. Вы думаете, что преемникъ Леонарда хлопочетъ теперь о ней? Тѣ, которые видались съ ней въ послѣднее время, будутъ бояться, какъ бы ихъ не припутали къ дѣлу,—вотъ и все.

— Вы не знаете, о комъ вы говорите,—возразилъ Раймондъ,—въ этомъ ваше оправданіе. Но Леонардъ теперь понялъ, въ чемъ заключается его долгъ, и исполнитъ его до конца.

— Его долгъ? У Леонарда есть долгъ въ этомъ дѣлѣ?... Какой?.. Говорите, какой вы тутъ составили заговоръ вдвоемъ?

Раймондъ положилъ руку на плечо брата трогательнымъ жестомъ, соединяющимъ мужество съ привычкой искать всегда защиты у брата.

— Говори ты!

Леонардъ заговорилъ смущенно и не глядя на жену:

— Мы все это обдумали,—медленно сказалъ онъ, какъ бы оправдываясь за свое рѣшеніе.—Чтò бы ты ни говорила, а мы не можемъ оставить безъ помощи несчастную женщину... это невозможно! Но мы можемъ сдѣлать лишь очень немногое,—можемъ только принести наши свидѣтельскія показанія, разсказать на судѣ все, чтò знаемъ объ ея прошломъ, показать эти письма...

Онъ старался умалить значеніе, которое самъ придавалъ своему плану, чтобы скрыть опасность его отъ жены.

— Этого, конечно, мало,—продолжалъ онъ,—но какъ знать! Дѣло столь таинственное, что, за отсутствіемъ доказательствъ, предположенія получаютъ большую цѣнность... Мое показаніе можетъ поднять подсудимую въ глазахъ присяжныхъ. Вотъ, напримѣръ, ея поведеніе во время нашего разрыва,—оно говоритъ вполнѣ въ ея пользу... Я вспоминаю столько характерныхъ подробностей, оправдывающихъ ее... Какъ она радовалась, узнавъ,

что станетъ матерью! Я, конечно, былъ въ ужасѣ,—а она такъ просто сказала: „я рада ребенку; онъ будетъ утѣшать меня, когда ты меня покинешь". Подобныя слова нужно непремѣнно довести до свѣдѣнія судей. Они тогда скорѣе допустятъ вѣроятность несчастнаго случая, т.-е. того, что и произошло въ дѣйствительности... Умѣлый адвокатъ сможетъ блестяще воспользоваться нашими показаніями.

Люси была слишкомъ практична, чтобы не понять тактики Леонарда; доводы же его были совершенно неубѣдительны для ея эгоистической натуры. Она поняла, какую опасность представляетъ такое рѣшеніе для ихъ будущаго, и боязнь скандала заглушила въ ней всякое чувство участія къ судьбѣ Франсуазы.

— Право,—сказала она,—ты говоришь, какъ будто собираешься выступить ея адвокатомъ. Предположимъ даже, что твое показаніе можетъ оказать пользу обвиняемой: подумалъ ли ты о томъ, какъ дорого ты за это поплатишься? Ты, очевидно, не разсчиталъ послѣдствій твоего поступка для нашей семейной жизни, для твоихъ дѣтей, для ихъ будущаго. Относительно кого у тебя больше обязанностей—относительно этой женщины, такъ быстро исчезнувшей изъ твоей жизни,—или твоей семьи, которая всецѣло зависитъ отъ тебя? Этого ты, очевидно, не взвѣсилъ. Твое воображеніе увлекло тебя... особенно благодаря давленію, которое оказываютъ на тебя,—она взглянула на Раймонда вызывающимъ взглядомъ,—и вотъ ты уже готовъ принести насъ въ жертву, готовъ уѣхать...

— Бываютъ моменты, когда нѣтъ выбора...—сказалъ Раймондъ.

Люси перестала игнорировать Раймонда и обратилась къ нему, вся дрожа отъ негодованія.

— Не вмѣшивайтесь въ нашъ споръ, умоляю васъ! У васъ нѣтъ жены, нѣтъ дѣтей, вы не можете понять меня! Мы должны поговорить наединѣ,—есть вещи, которыхъ я не могу сказать въ вашемъ присутствіи.

Раймондъ не хотѣлъ уступать и посмотрѣлъ на брата; но тотъ ему сказалъ мягкимъ голосомъ:

— Она права, она—моя жена: все это ее глубоко волнуетъ—ей нужно поговорить со мной съ глазу на глазъ.

— Хорошо. Постарайся убѣдить ее. Потомъ приходи ко мнѣ. Я буду тебя ждать.

Раймондъ вышелъ изъ кабинета. Люси заперла за нимъ дверь на ключъ и обратилась къ мужу.

— Наконецъ-то можно будетъ поговорить толкомъ!—воскликнула

нула она и прибавила болѣе спокойнымъ тономъ:—Твой братъ всегда смотритъ на жизнь какъ на романъ. Какъ это онъ съумѣлъ взвинтить и тебя! Съ нимъ нѣтъ возможности разсуждать, но мы съ тобой поймемъ другъ друга... Прежде всего, начнемъ издалека, разъ дѣло идетъ о прошломъ.

Сказавъ это, она сѣла около Леонарда: ея непринужденная поза и спокойный голосъ свидѣтельствовали, что, оправившись отъ волненія первыхъ минутъ, она готова разсуждать спокойно, безъ гнѣва, съ хладнокровіемъ положительной натуры, которая не теряетъ надолго самообладанія даже среди самыхъ трагическихъ обстоятельствъ:

— Когда ты избралъ меня въ подруги жизни,—начала она,—я не спрашивала тебя о твоемъ прошломъ. Я многаго не понимала, но знала, что у всякаго мужчины есть „прошлое“: отецъ мнѣ такъ много разказывалъ о покинутыхъ дѣвушкахъ, о дѣтяхъ, не имѣющихъ имени. Я довѣряла тебѣ; я предполагала, что ты покончилъ со всѣмъ, что было раньше, что твое будущее принадлежитъ мнѣ, и что у тебя не будетъ въ жизни иныхъ связей, кромѣ тѣхъ, которыя соединяютъ насъ двоихъ. До сихъ поръ я не имѣла основанія предположить, что я въ этомъ ошибалась. Явились на свѣтъ дѣти, еще тѣснѣе соединившія насъ; мы стали семьей, т.-е. тѣмъ, что есть въ мірѣ наиболѣе тѣсно соединеннаго, наиболѣе святого,—мы стали однимъ тѣломъ, одной душой, одной волей... Конечно, не будь у насъ дѣтей, ты, быть можетъ, имѣлъ бы право слушаться твоего брата, исполнять рыцарскіе подвиги, забыть твои обязательства относительно меня во имя какого-то вымышленнаго долга. Но вѣдь дѣти существуютъ; они ростутъ и связаны съ тобой, какъ листья съ деревомъ, на которомъ ростутъ; твои поступки опредѣляютъ ихъ будущность. Такъ вотъ я обращаюсь къ твоему сердцу, къ твоему благоразумію, и спрашиваю: развѣ ты не принадлежишь всецѣло имъ?.. Имѣешь ли ты право совершить поступокъ, который пагубно отразится на нихъ... и ради чужой? ради ихъ врага?.. Эта женщина—ихъ врагъ, потому что изъ-за нея ты готовъ забыть о нихъ!.. Я не знаю, не хочу знать, очень ли ты ее любилъ: твои дѣти запрещаютъ мнѣ чувствовать ревность, также какъ они запрещаютъ тебѣ вспоминать о ней... Я не хочу разузнавать, самъ ли ты хочешь вернуться къ прошлому, или же только вступилъ на ложный путь подъ вліяніемъ брата: я отгоняю подозрѣнія, которыя осаждаютъ меня, но я хочу также отогнать и отъ тебя безумныя мысли, угрожающія нашему благополучію... Ты растерялся отъ неожиданнаго удара:

но я здѣсь, съ тобой, я беру тебя за руку и вывожу тебя на вѣрный путь...

Твердость ея голоса усиливала убѣдительность словъ, гармонирующихъ съ истинной сущностью характера Леонарда. Героическая душа Раймонда могла на минуту возбудить въ немъ возвышенныя чувства, но подъ холоднымъ душемъ словъ жены онъ быстро пришелъ въ нормальное состояніе Онъ всталъ, сталъ ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину и опустивъ голову. Вмѣсто того, чтобы опровергать доводы жены, онъ сталъ доводить ихъ до крайнихъ выводовъ, усиливать ихъ, и чувствовалъ, какъ они опровергаютъ возраженія, которыя онъ могъ бы привести. Когда онъ снова подошелъ къ Люси и взглянулъ на нее, его измученное лицо ясно свидѣтельствовало о происходящей въ немъ борьбѣ:

— Ты совершенно права,—сказалъ онъ.—Я уже самъ говорилъ себѣ все это... Но то, что случилось, разрушаетъ всѣ разсчеты, всѣ планы жизни—развѣ ты этого не понимаешь? Я не обманывалъ тебя, не говоря тебѣ о моемъ прошломъ... я считалъ себя свободнымъ отъ него. Я никогда не думалъ объ этой женщинѣ, объ этомъ ребенкѣ,—я забылъ объ ихъ существованіи! И вдругъ эта смерть въ Темзѣ, эта тайна, разбирательство на судѣ... Развѣ я могу не сказать судьямъ того, что знаю? Вамъ, тебѣ и дѣтямъ, не угрожаетъ никакая опасность. Я даже не необходимъ для васъ; я могу въ лучшемъ случаѣ прибавить вамъ еще немного болѣе жизненныхъ удобствъ... быть можетъ, еще немного счастья. А вѣдь ту несчастную женщину я могу спасти! Подумай—что если я останусь здѣсь, ничего не предпринимая, скрываясь, какъ трусливый сообщникъ, и узнаю черезъ нѣсколько дней по газетамъ, что... Великій Боже! Скажи, представляешь ты это себѣ?

Въ его глазахъ отразился такой ужасъ, что и Люси содрогнулась отъ вызваннаго имъ страшнаго образа. Она напрягла всю свою волю, чтобы отогнать страшное представленіе. Въ драмѣ, разыгравшейся на ея глазахъ, она видѣла только опасность, грозившую ей и ея семьѣ; всякая мысль о справедливости и человѣческомъ долгѣ была чужда ей. Чтобы отвлечь мужа отъ пагубнаго рѣшенія, она стала успокоивать его.

— Ты вѣдь самъ говорилъ, что никакихъ доказательствъ ея вины нѣтъ. Успокойся: ее навѣрное оправдаютъ. Зачѣмъ говорить такъ, какъ будто бы она была заранѣе приговорена! Все обвиненіе такъ шатко, что нѣтъ надобности въ твоихъ показаніяхъ. Зачѣмъ же устроивать эту романтическую поѣздку, за-

чѣмъ поднимать шумъ? Ты самъ объ этомъ пожалѣешь,—но уже тогда будетъ поздно.

Такого рода доводы всегда пробуждаютъ свойственный людямъ оптимизмъ, слѣпую надежду на благополучный исходъ. Люси замѣтила, что Леонардъ начинаетъ сдаваться, и стала развивать съ еще большей настойчивостью свои утѣшительныя предположенія.

— Я помню,—сказала она,—что еще недавно, по поводу какого-то процесса, Летерье доказывалъ на обѣдѣ у Аронделей, что въ Англіи не бываетъ судебныхъ ошибокъ. Ты былъ при этомъ, помнишь? Почему же бы вдругъ на этотъ разъ произошла ошибка? Это Раймондъ напугалъ тебя,—но вѣдь ты знаешь, что онъ всегда во власти своего воображенія. Какъ же ты вдругъ поддался его вліянію! И развѣ ты не видишь, что его планъ нелѣпъ и безполезенъ!

Леонардъ слушалъ молча, съ остановившимся взглядомъ. Люси продолжала:

— Да, безполезенъ, потому что эту женщину оправдаютъ и безъ твоего вмѣшательства. Если бы дѣйствительно тебѣ нужно было исполнить долгъ чести и совѣсти, хотя бы и самый тяжелый, я первая бы настаивала на этомъ... Или если бы, по крайней мѣрѣ, ты могъ явиться передъ присяжными съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ фактомъ,—я бы еще поняла твое стремленіе... я бы тебя отпустила... Но вѣдь ничего такого у тебя нѣтъ. Ты сможешь говорить только о воспоминаніяхъ молодости, не имѣющихъ никакого значенія... Ваша выдумка нелѣпа,—бѣдному Раймонду она показалась героической,—но онъ вѣдь настоящій донъ-Кихотъ. Людямъ благоразумнымъ все это покажется просто смѣшнымъ.

Видя, что рѣшимость Леонарда поколеблена, она стала говорить еще болѣе настойчиво:

— Ты погубилъ бы себя безъ всякой пользы для дѣла — ты вѣдь понимаешь, что такая выходка испортила бы въ конецъ твою карьеру: ты лишился бы уваженія друзей, практики... лишился бы семьи. Неужели ты полагаешь, что если бы ты уѣхалъ безъ моего согласія, я осталась бы здѣсь ждать твоего возвращенія?.. Ни за что на свѣтѣ! Если бы тебѣ вздумалось броситься въ воду, я бы не послѣдовала за тобой: я бы постаралась спасти хоть дѣтей и себя...

Леонардъ поднялъ на нее свои блѣдные глаза, избѣгавшіе до того ея взгляда.

— Ты бы меня покинула? Ты бы обратилась противъ меня?

Люси разсудила, что можетъ ограничиться такой неопредѣленной угрозой, и прибавила болѣе мягкимъ голосомъ:

— Ты слишкомъ любишь дѣтей, чтобы подобный вопросъ могъ возникнуть. Я знаю, что ты намъ принадлежишь, и не рѣшишься насъ погубить. Ты не заставишь насъ отказаться отъ тебя, не будешь извергомъ для своей семьи. Теперь у тебя открылись глаза. Твой братъ очень опасный человѣкъ: вліяніе людей съ такимъ больнымъ воображеніемъ, какъ у него, можетъ быть пагубнымъ для самыхъ уравновѣшенныхъ и благоразумныхъ натуръ... Но теперь вѣдь туманъ разсѣялся,—сказала она, взявъ его за руку.—Ты остаешься съ нами, не правда ли?

Перёзъ долго медлилъ отвѣтомъ, но держалъ руку жены въ своей рукѣ, и это прикосновеніе завершило его подчиненіе болѣе сильной волѣ, которая къ тому же не шла въ разрѣзъ съ его желаніями. Онъ считалъ Люси способной выполнить ея угрозу. Глубоко вздохнувъ, онъ сдался на капитуляцію, сваливая на Люси часть своего рѣшенія, трусость и эгоизмъ котораго онъ внутренно сознавалъ:

— Я знаю, что у тебя есть права на меня, и не думалъ дѣйствовать безъ твоего согласія. Я предупреждалъ объ этомъ Раймонда... Ты не согласна, — въ такомъ случаѣ я уступаю и остаюсь.

У него былъ такой уничтоженный и жалкій видъ, что Люси хотѣлось ободрить его.

— Я беру на себя всю отвѣтственность за это рѣшеніе,— сказала она.—Надъ тобой разразилась гроза; я помогу тебѣ устоять противъ нея. Она минуетъ, повѣрь мнѣ.

Перёзъ, охвативъ голову руками, повторилъ:

— Она минуетъ!..

Онъ глубоко и тяжело вздохнулъ.

VIII.

Въ это время Раймондъ взволнованно ходилъ по своему кабинету. Чтобы побороть нетерпѣніе, онъ то бралъ въ руки книгу, которую сейчасъ захлопывалъ, то подходилъ къ окну, отдергивалъ занавѣсь и смотрѣлъ въ садъ. Онъ мысленно присутствовалъ при борьбѣ, отъ участія въ которой его отстранили, представлялъ себѣ нападки жены, отвѣты мужа и не терялъ надежды на побѣду Леонарда. Или же, заглядывая впередъ, онъ представлялъ себѣ отъѣздъ свой и своего брата въ Лондонъ, первое

свиданіе съ Лоренсомъ Белемъ, совмѣстныя съ нимъ дѣйствія въ пользу подсудимой; увѣренный теперь въ побѣдѣ, онъ сталъ говорить вслухъ, опровергая доводы противниковъ, жестикулируя. Такъ прошло все утро. Вошелъ Эдмондъ и принесъ на подносѣ завтракъ—яйца и котлетку. Этотъ старикъ съ плотнымъ блестящимъ лицомъ, съ сѣдыми бакенбардами, былъ слугой стараго типа—очень преданнымъ, почтительно участливымъ. Поставивъ завтракъ Раймонда на маленькій столикъ, онъ сказалъ своимъ добрымъ старческимъ голосомъ:

— Я все ждалъ, что вы позвоните, баринъ, чтобы подавали завтракъ. Развѣ у васъ нѣтъ еще аппетита?

— Мнѣ не особенно хочется ѣсть,—сказалъ Раймондъ, садясь за столъ.

— Здоровы ли вы, баринъ?

— Совершенно здоровъ.

— У васъ, баринъ, утомленный видъ.

Старикъ любилъ вести такіе разговоры, и Раймондъ обыкновенно охотно ихъ поддерживалъ. Но на этотъ разъ онъ ничего не отвѣчалъ Эдмонду, не замѣчая его удрученныхъ взглядовъ и вздоховъ. Онъ думалъ о томъ, что самыя важныя событія въ жизни не нарушаютъ обыкновенно установившихся привычекъ: какъ его душа ни была потрясена, онъ все-таки обмакивалъ въ яйцо приготовленные Эдмондомъ ломтики хлѣба. Точно также, вѣроятно, братъ его не смогъ придти къ нему сейчасъ же послѣ разговора съ женой, потому что наступилъ часъ завтрака. Теперь онъ тоже сидитъ за столомъ въ обществѣ беззаботно болтающихъ дѣтей и раздраженной жены, и ѣстъ, какъ всегда, бифштексъ съ картофелемъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ приближается невѣдомый исходъ жизненной драмы, участники ея сохраняютъ свой обычный видъ среди обычной, неизмѣнившейся декораціи ихъ жизни.

— Налить вамъ кофе, баринъ?

— Налейте, Эдмондъ.

Кофе дымился въ маленькой фарфоровой чашкѣ. Почему не приходитъ Леонардъ? Неужели его задержало какое-нибудь непредвидѣнное дѣло? Но какое же дѣло могло интересовать его въ такую минуту? Можетъ быть, онъ снова сталъ спорить съ Люси; или, можетъ быть, вышло недоразумѣніе, и, вмѣсто того, чтобы придти къ нему, Леонардъ ждетъ его у себя? Раймондъ остановился на этомъ предположеніи, и около двухъ часовъ пошелъ къ брату. Его не было дома, и Раймондъ поспѣшилъ скорѣе домой. Но оказалось, что Леонардъ не приходилъ къ нему.

Прошло три нескончаемыхъ часа. Увѣренность Раймонда начинала слабѣть: онъ зналъ, какое сильное вліяніе Люси имѣетъ на мужа, и понималъ, что она будетъ энергично отстаивать то, что вѣроятно считаетъ своимъ правомъ. Если Леонарда все еще нѣтъ, то это очевидно значитъ, что онъ измѣнилъ свое рѣшеніе. Но Раймондъ не хотѣлъ допустить такого предположенія. Онъ опять пошелъ къ Леонарду.

— Баринъ недавно вернулся,—сказалъ Фредерикъ, открывая ему дверь.—Но онъ теперь занятъ.

— У него г. Биллонъ?

— Онъ принимаетъ кліентовъ.

— Мнѣ необходимо его видѣть. Снесите ему эту записку. Я подожду отвѣта.

Онъ оторвалъ листокъ отъ лежавшаго на столикѣ въ передней bloc-notes'а и написалъ на немъ карандашомъ:

„Что съ тобой происходитъ? Почему ты не пришелъ? Когда я тебя увижу?"

Фредерикъ, глаза котораго сверкали отъ злораднаго любопытства, унесъ записку и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ отвѣтомъ.

— Баринъ васъ проситъ зайти завтра,—сказалъ онъ.

— Въ которомъ часу?

— Баринъ ничего не сказалъ.

Раймондъ нервно оторвалъ другой листокъ, на которомъ написалъ:

„Утренній экспрессъ отходитъ въ десять часовъ. Я заѣду за тобой въ восемь. Будь готовъ".

Онъ даже не свернулъ этой второй записки и передалъ ее раскрытою Фредерику, который насмѣшливо посмотрѣлъ на него. Затѣмъ онъ вернулся домой.

Эдмондъ занятъ былъ приготовленіемъ обѣда, и былъ крайне пораженъ приказаніемъ сейчасъ же уложить вещи въ дорогу. Онъ сталъ предлагать вопросы, растерялся, принялся шарить по шкапамъ, не находилъ самыхъ нужныхъ вещей, потомъ опять принялся готовить обѣдъ; въ результатѣ оказалось, что телятина съ горошкомъ—любимое блюдо барина—была испорчена.

Когда Раймондъ сѣлъ обѣдать, явился Фредерикъ съ запиской—двумя строчками, написанными карандашомъ, безъ подписи, на дѣловой бумагѣ: „Не приходи завтра утромъ!"—писалъ Леонардъ.—„Мы не ѣдемъ".

Люси восторжествовала,—въ этомъ не могло быть больше сомнѣній. Какое позорное отступленіе въ послѣднюю минуту!

Неужели Леонардъ думалъ спастись отъ несчастія, прячась отъ брата? И вдругъ Раймондъ понялъ, что эта трусость была очевидно въ характерѣ его брата, потому что она часто руководила его поступками: развѣ онъ не поспѣшилъ трусливо отдѣлаться отъ Франсуазы, когда связь съ нею сдѣлалась неудобною? И теперь онъ дѣйствуетъ совершенно такъ же—въ обстоятельствахъ, во сто разъ увеличивающихъ его вину, причемъ онъ вѣроятно надѣется, что все какъ-нибудь уладится безъ него.

— Но я спасу его отъ его собственной слабости, защищу его отъ эгоизма его жены!

Въ передней Эдмондъ продолжалъ укладывать чемоданъ, грустно качая своей сѣдой головой и тяжело вздыхая — точно поспѣшный отъѣздъ Раймонда предвѣщалъ несчастіе. Уложивъ вещи и закрывъ чемоданъ, онъ постучался въ кабинетъ. Не получая отвѣта, онъ вошелъ и остановился на порогѣ при видѣ Раймонда, который стоялъ среди комнаты и жестикулировалъ, глядя на него безумными глазами.

— Вы нездоровы, баринъ? Не нужно ли чего?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

— Чемоданъ уложенъ. Сказать вамъ, баринъ, гдѣ что лежитъ?

— Нѣтъ, я вѣроятно не поѣду. Я самъ не знаю, что со мной будетъ.

Видя, что Эдмондъ не двигается съ мѣста и совершенно растерянно глядитъ на него, Раймондъ сказалъ ему съ непривычной рѣзкостью:

— Оставьте меня. Я васъ позову, когда будетъ нужно.

Онъ не легъ въ постель, и всю ночь усовѣщивалъ брата, точно тотъ сидѣлъ съ нимъ рядомъ. Уже подъ самое утро онъ задремалъ, лежа на кушеткѣ. Въ семь часовъ утра онъ позвонилъ къ брату, и увидѣлъ передъ собой лукавое и недовольное лицо Фредерика.

— Баринъ еще не всталъ... вѣдь еще такъ рано!..

— Все равно. Скажите ему, что я пришелъ, что мнѣ нужно его видѣть, что я не уйду, не повидавшись съ нимъ!

— Баринъ не позволяетъ, чтобы его будили.

— Не бойтесь—онъ навѣрное не спитъ.

Произнеся трагическимъ тономъ эти необдуманныя слова, Раймондъ прошелъ въ кабинетъ брата; Фредерикъ, исполняя его приказаніе, отправился будить барина.

Леонардъ вскорѣ вышелъ къ брату въ утренней жакеткѣ. Онъ предвидѣлъ настойчивость брата, и надѣялся справиться съ

нею. Какъ часто онъ побѣждалъ „капризы" Раймонда, ошеломляя его рѣшительностью своего тона, своей кажущейся энергіей и авторитетностью. Войдя въ кабинетъ, онъ сразу заговорилъ рѣшительнымъ голосомъ, какъ будто сообщая самыя простыя и безспорныя вещи.

— Мы не ѣдемъ, Раймондъ. Люси мнѣ доказала, что нашъ планъ неосуществимъ. Она абсолютно его отвергаетъ. Вѣдь это ея право,—ты самъ согласился, что я не могу ничего предпринять безъ ея согласія. Къ тому же, обсудивъ дѣло, я признаю, что она права,—мы слишкомъ увлеклись; это твоя вина: ты разволновался и заразилъ меня своимъ возбужденіемъ. Хорошо, что Люси хладнокровнѣе насъ и остановила наше безуміе.

Раймондъ весь дрожалъ, слушая притворно-спокойную рѣчь брата.

— Это возмутительно!—крикнулъ онъ.

Леонардъ пропустилъ мимо ушей оскорбительное восклицаніе брата.

— Не будемъ объ этомъ больше спорить, — сказалъ онъ. —Это безполезно. Ты сказалъ мнѣ вчера все, что могъ сказать, и почти убѣдилъ меня. Но протестъ моей жены непобѣдимъ и вполнѣ законенъ. Я ей обѣщалъ ничего не предпринимать, и на этотъ разъ мое рѣшеніе безповоротно.

Вдругъ, совершенно противъ своей воли, онъ заговорилъ возбужденнымъ голосомъ, выдававшимъ всю его внутреннюю муку:

— Я не хочу больше говорить объ этомъ ужасномъ дѣлѣ... понимаешь ты? Ни слова больше!.. я буду ждать... Я не хочу ничего знать, даже не буду знать о приговорѣ... я не буду читать газетъ... я запрещаю тебѣ говорить мнѣ что-либо... Я ничѣмъ не могу ей помочь; я отгоню это все отъ меня, какъ кошмаръ!

Раймондъ забылъ всѣ доводы, которые повторялъ себѣ ночью, или же понялъ безсиліе ихъ противъ этой холодной и страшной рѣшимости. Его братъ казался ему теперь погибшимъ путникомъ, закрывающимъ глаза передъ пропастью, въ которую его толкаетъ невѣдомая сила.

— Я тебя не сужу,—тихо сказалъ онъ.—Дай Богъ, чтобы тебѣ не пришлось слишкомъ поздно раскаяться въ рѣшеніи, которое исходитъ не отъ тебя!

— Я не принадлежу къ числу людей, которые сожалѣютъ о своихъ поступкахъ,—сказалъ Леонардъ вызывающимъ тономъ.

— Какъ знать?—возразилъ Раймондъ.—Раскаяніе, какъ и на-

казаніе, наступаетъ не сейчасъ послѣ поступка. Мы увидимъ. Но я не хочу быть твоимъ сообщникомъ. Я сдѣлаю все, что могу.

— Ты хочешь поѣхать одинъ?

Жестокое презрѣніе, съ которымъ Леонардъ произнесъ эти слова, напомнило Раймонду о его безсиліи. Онъ представилъ себѣ, какимъ жалкимъ онъ покажется на судѣ рядомъ съ коренастыми англичанами, какой ничтожной будетъ его помощь. Ему казалось, что онъ уже слышитъ вопросы, которые судья въ парикѣ не преминетъ предложить ему: „Почему же не явился сюда вашъ братъ?“ —спроситъ онъ. „Зачѣмъ явились вы? Развѣ вы тоже были любовникомъ этой женщины?“ —Къ нему отнесутся съ недовѣріемъ, будутъ подозрѣвать его въ какихъ-нибудь неблаговидныхъ интригахъ; его смущеніе и отсутствіе Леонарда уничтожатъ значеніе его показаній, и онъ еще, можетъ быть, только повредитъ Франсуазѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—я не поѣду. Безъ тебя я ничего не могу сдѣлать. Но я пошлю письма м-ру Белю. Они окажутъ больше пользы, чѣмъ мое присутствіе на судѣ. Верни ихъ мнѣ!

Раймонду показалось, что въ душу Леонарда закралось одно изъ тѣхъ искушеній, которыя иногда являются у малодушныхъ людей въ минуту опасности. Онъ вскипѣлъ отъ негодованія, и прежде чѣмъ братъ успѣлъ сказать ему что-нибудь, крикнулъ ему:

— Надѣюсь, что ты не откажешься отдать ихъ мнѣ?

Подозрѣніе его было вѣрнымъ. Леонардъ пожалъ плечами, чтобы не показать, что онъ пристыженъ.

— За кого ты меня принимаешь? Вотъ они.

Онъ вынулъ изъ ящика маленькую пачку, передалъ ее Раймонду и сказалъ неискреннимъ тономъ:

— Я ихъ перечелъ: они не произведутъ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ ты думаешь. На мѣстѣ адвоката я бы едва ли воспользовался ими. Но посылай ихъ, если хочешь; это меня не касается,—письма тебѣ принадлежатъ.

Событія послѣднихъ дней раскрыли Раймонду многое въ душѣ брата, о чемъ онъ и не подозрѣвалъ; съ каждой минутой въ немъ открывалось все больше эгоизма, разсчетливости, малодушія. Чтобы не увидать еще больше мрака, заглядывая глубже въ его душу, Раймондъ прервалъ разговоръ. Взявъ письма, онъ сказалъ, не протягивая руки брату:

— Прощай. Намъ не о чемъ больше говорить.

На порогѣ, однако, онъ остановился и прибавилъ:

— Я еще не отчаиваюсь въ тебѣ. Если ты одумаешься и

рѣшишь исполнить свой долгъ—позови меня. Если же нѣтъ, то мы больше не увидимся...

Въ итальянскихъ операхъ оркестръ часто аккомпанируетъ легкими аккордами, игривыми ритмами аріи, выражающія страсти и отчаяніе; точно также и въ жизни: какъ бы мы ни были потрясены горемъ, одни и тѣ же обычныя дѣйствія совершаются въ установленномъ порядкѣ, несмотря на рыданія и крики, раздающіеся въ душѣ.

Раймондъ пересталъ ходить къ брату, но не утратилъ надежды на то, что онъ образумится, и ждалъ его, готовый сейчасъ же простить ему. Люси, несмотря на свою побѣду, не могла вполнѣ успокоиться; слишкомъ быстрое отступленіе ея противника не казалось ей окончательнымъ, и, ничего не зная о томъ, что происходило вдали, она опасалась разныхъ неожиданностей. Замкнутое, спокойное лицо Леонарда и тусклый взглядъ его блѣдныхъ глазъ не выдавали его тайныхъ страданій. Дни его протекали также какъ у всѣхъ людей, имѣющихъ любимую семью, занятія, поглощающія ихъ время, свѣтскія обязательства — и слишкомъ мало досуга, чтобы предаваться мыслямъ. Въ часы отдыха, сближающіе трудящихся отцовъ съ безпечными дѣтьми, сынъ и дочь Леонарда улыбались ему, невинные и нѣжные, карабкались къ нему на колѣни, ласкали его и занимали его своимъ дѣтскимъ лепетомъ.

Въ своемъ кабинетѣ онъ, какъ всегда, принималъ кліентовъ, которые разсказывали ему съ безконечными подробностями о своихъ мелкихъ дѣлахъ, раздуваемыхъ страстью къ сутяжничеству. Въ судѣ онъ опять встрѣчался съ кліентами, разговаривалъ съ товарищами. По вечерамъ онъ появлялся въ обществѣ вмѣстѣ съ женой, и встрѣчалъ людей другихъ профессій, съ которыми велъ приблизительно одни и тѣ же шаблонные разговоры. Онъ выступилъ за это время въ судѣ только одинъ разъ, защищая безъ малѣйшаго воодушевленія дѣло одной актрисы противъ портного. Обѣдая, черезъ нѣсколько дней послѣ сцены съ братомъ, у шурина своей жены, Гастельé, Леонардъ встрѣтился со своимъ тестемъ. Онъ съ нимъ рѣдко видался. Докторъ Моншарни, молчаливый и разсѣянный человѣкъ, оживился только тогда, когда сталъ разсказывать о новомъ благотворительномъ комитетѣ въ своемъ кварталѣ, доставляющемъ работу „раскаявшимся Магдалинамъ“. Леонардъ всегда считалъ своего тестя пустымъ фантазеромъ, презиралъ его за равнодушіе къ своимъ

собственнымъ дѣламъ и мало интересовался имъ. Теперь онъ, къ своему собственному удивленію, сталъ внимательно прислушиваться къ его словамъ; ему стало казаться, что этотъ человѣкъ, отдавшійся заботамъ о ближнихъ, счастливѣе другихъ. Онъ позавидовалъ внутреннему спокойствію его души и подумалъ: вотъ, ему не страшно взглянуть въ „зеркало правды“ и увидѣть тамъ свое отраженіе“.

Такъ проходили часы и дни у Леонарда, одинаковые, незамѣтные среди обычныхъ занятій и развлеченій,—подобные легкимъ аккордамъ, звучащимъ въ оркестрѣ до тѣхъ поръ, пока ихъ не заглушитъ страстное пѣніе. Вдали—общая жизнь шла своимъ чередомъ, равнодушная къ драмѣ, которую она уносила въ своемъ теченіи вмѣстѣ со множествомъ другихъ. Въ газетахъ и въ обществѣ толковали о множествѣ пустяковъ—съ точки зрѣнія Леонарда: о кораблекрушеніяхъ, пожарахъ, далекихъ сраженіяхъ, о политикѣ, о смерти знаменитостей, о пышныхъ празднествахъ и т. д.,—или же о свѣтскихъ сплетняхъ, интересующихъ общество. Но Леонардъ зналъ, что это жужжаніе человѣческаго улья перестанетъ существовать для него черезъ три-четыре дня; тогда вся міровая жизнь сосредоточится для него на процессѣ Франсуазы, на короткихъ депешахъ о ходѣ дѣла, на извѣстіи о приговорѣ.

Люси иногда угадывала мрачныя мысли мужа, скрывавшіяся подъ его внѣшнимъ спокойствіемъ, и замыкалась въ гордое молчаніе. Биллонъ съ своей стороны замѣчалъ нервность и разсѣянность своего патрона и наблюдалъ за нимъ съ проницательнымъ и злораднымъ любопытствомъ. Даже прислуга стала говорить объ исчезновеніи Раймонда. Фредерикъ разсказалъ въ людской о странныхъ посѣщеніяхъ Раймонда, и на этомъ основаніи выдумывались самыя отвратительныя сплетни. А по другой сторонѣ Ламанша каждая протекавшая минута приближала катастрофу, которая должна была сразу остановить всѣ эти суетливыя движенія муравьевъ, которые тащатъ зерна и наполняютъ свои амбары.

21-го числа Леонардъ вскочилъ съ постели рано утромъ—какъ на слѣдующій день послѣ перваго извѣстія о несчастіи. Его тянуло зайти къ брату, который уже навѣрное боролся у себя дома съ такимъ же желаніемъ отправиться къ нему. Но хотя угроза и презрѣніе Раймонда не тревожили его, онъ все-таки не зашелъ къ нему: ему было стыдно. „Лучше зайду послѣ оправдательнаго приговора“,—подумалъ онъ. Зная, что навѣрное застанетъ Гастелье въ этотъ ранній часъ въ его конторѣ на

большихъ бульварахъ, онъ направился къ нему, подъ предлогомъ консультаціи по одному архитектурному дѣлу. Гастелье всегда былъ полонъ широкихъ плановъ, о которыхъ любилъ пространно разсказывать всѣмъ приходящимъ. Онъ долго не отпускалъ Леонарда, показывая ему проекты домовъ для рабочихъ, въ „новомъ стилѣ". Для осуществленія его замысла образовалось общество, состоящее изъ живописцевъ, скульпторовъ, писателей, банкировъ, аристократовъ, филантроповъ; всѣ они соединились для сооруженія въ народныхъ кварталахъ образцовыхъ построекъ „modern style". Союзъ этотъ будетъ называться—„Обществомъ взаимнаго служенія искусству".

— Не правда ли, чудесное названіе?—спросилъ Гастелье. —Оно вполнѣ выражаетъ мою мысль во всей ея величественной простотѣ. Искусство равно всѣмъ принадлежитъ: оно должно создаваться обмѣномъ труда между имущими и неимущими. Не нужно замкнутыхъ кружковъ! Не нужно мандариновъ! Современныя условія общественной жизни...—Онъ продолжалъ говорить, но Леонардъ не слѣдилъ за его словами, слыша только неопредѣленный гулъ въ ушахъ отъ громкаго голоса Гастелье. Наконецъ въ контору явился заказчикъ, и Перёзъ ушелъ. Онъ отправился въ судъ, хотя особенной надобности идти туда не было. Тамъ ему пришлось прежде всего выслушать іереміады какой-то толстой дамы, которая вела процессъ противъ страхового общества: ея дѣло откладывали уже въ третій разъ. Потомъ съ нимъ заговорилъ Биллонъ; затѣмъ еще повѣренный Дюпенъ сталъ совѣтоваться съ нимъ о бракоразводномъ дѣлѣ, рѣшеніе котораго все оттягивалось изъ-за разныхъ формальностей. Когда отошелъ Дюпенъ, къ Леонарду быстрыми шагами подошелъ адвокатъ Жаладъ, съ газетой въ рукахъ, съ оживленнымъ лицомъ, и почти крикнулъ ему:

— Знаете, mon cher maître, вѣдь сегодня начинается разбирательство дѣла объ убійствѣ ребенка въ Лондонѣ... Я вамъ говорилъ о немъ, помните? У насъ будетъ теперь случай узнать, каково въ дѣйствительности англійское правосудіе, о которомъ намъ протрубили уши. Надѣюсь, что наши газеты будутъ хорошо освѣдомлены и сообщатъ намъ подробности.

Другой адвокатъ, немного глухой и консерваторъ по образу мыслей, остановился, чтобы поздороваться съ ними. Услышавъ, что рѣчь идетъ о газетахъ, онъ сказалъ, пожимая имъ руки:

— Съ тѣхъ поръ, какъ въ газетахъ помѣщаютъ столько телеграммъ, совершенно невозможно узнать что-либо: отчеты въ га-

зетахъ слишкомъ краткіе, свѣдѣнія большей частью невѣрныя, а опроверженія печатаются слишкомъ поздно.

Вечернія газеты, дѣйствительно, ограничились сообщеніемъ объ открытіи судебнаго разбирательства, которое продолжится вѣроятно не менѣе трехъ дней. Чтобы узнать что-нибудь, нужно было ждать до слѣдующаго дня, провести мучительную ночь. Боясь возбудить вниманіе прислуги и опасаясь проницательности своего помощника, Леонардъ не рѣшился опять выйти изъ дому рано утромъ, какъ наканунѣ. Но онъ раньше обыкновеннаго вышелъ въ столовую, гдѣ его ждала уже утренняя почта.

Онъ быстро пробѣжалъ свои три газеты: во всѣхъ воспроизведена была та же телеграмма, передававшая въ десяти строчкахъ рѣчь прокурора и упоминавшая безъ всякихъ подробностей о допросѣ первыхъ свидѣтелей. Когда онъ кончалъ чтеніе, появилась Люси. Она посмотрѣла на углубленнаго въ чтеніе Леонарда, поняла, въ чемъ дѣло, машинально протянула руку, чтобы взять одну изъ газетъ, но остановилась, чтобы доказать свое равнодушіе, и принялась спокойно нарѣзывать хлѣбъ для дѣтей. Маркъ и Раймонда вбѣжали въ комнату вслѣдъ за англичанкой-бонной.

— Папа!—крикнула дѣвочка:—ты уже здѣсь? Ты уже прочелъ письма?

Маркъ, большой лакомка, обрадовался, увидѣвъ вкусныя булки на столѣ:

— Мама, мама, сегодня у насъ бріоши!—Онъ съ жадностью потянулся къ тарелкѣ, но Люси его остановила:

— Подожди немного—еще не принесли шоколадъ.

Пришлось вооружиться терпѣніемъ. Дѣти были очень веселы и свѣжи послѣ ночного отдыха, и имъ трудно было сидѣть, ничего не дѣлая. Они завладѣли развернутыми газетами.

— Ты кончилъ читать ихъ, папа?—спросила Раймонда.—Отдай ихъ намъ, чтобы дѣлать лодочки. Можно взять? Шоколада еще намъ не даютъ.

Четыре маленькія ручки стали складывать листы, комкая бумагу неловкими движеніями и весело хохоча надъ своей неумѣлостью. Но бумага разорвалась по срединѣ, и Маркъ пришелъ въ отчаяніе.

— Нѣтъ, ничего изъ этого не выйдетъ! Это слишкомъ трудно!— И Раймонда сейчасъ же прибавила:

— Папа умѣетъ дѣлать лодочки. Помоги намъ, папа, пожалуйста!

Она подбѣжала къ отцу, держа въ рукахъ большіе, ском-

жанные листы, съ довѣрчивой улыбкой маленькихъ дѣвочекъ, увѣренныхъ въ томъ, что ихъ просьбу исполнятъ. Леонардъ быстро поднялся со стула, оттолкнувъ дѣвочку.

— Мнѣ некогда,—я ухожу.

Раймонда, отъ вниманія которой ничего не ускользало, возразила:

— Вѣдь ты еще не пилъ чая, папа!..

— Мнѣ некогда ждать,— я спѣшу.

Онъ не поцѣловалъ дѣтей, не взглянулъ на жену. Дверь захлопнулась за нимъ, и въ уютной, веселой комнатѣ вдругъ стало какъ-то жутко—точно при приближеніи бури. Дѣти перестали играть. Люси молчала, погруженная въ мысли, и не глядѣла на дѣтей.

Перёзъ былъ потрясенъ до глубины души, какъ будто бы видъ маленькой Раймонды, которая невинно принесла ему своими руками газету со страшными лондонскими вѣстями, предвѣщалъ цѣлую серію неотвратимыхъ несчастій. Его охватило неудержимое желаніе кричать о своей мукѣ, или же заглушить ее болѣе подробными извѣстіями о процессѣ. Онъ вышелъ изъ дому почти бѣгомъ, взялъ карету и поѣхалъ въ книжный магазинъ Галиньяни за англійскими газетами. Выходя оттуда, онъ увидѣлъ брата, который пришелъ за газетами еще раньше, и теперь читалъ, остановившись подъ аркадами, вблизи магазина. Онъ его подозвалъ:

— Раймондъ! Я ѣхалъ къ тебѣ. Иди сюда!

Раймондъ сѣлъ въ карету къ брату и безъ дальнѣйшихъ объясненій сталъ переводить отчетъ о засѣданіи суда; это былъ своего рода протоколъ, точный, написанный безъ заботы о художественности стиля, короткими фразами, изъ которыхъ каждая передавала какой-нибудь фактъ. Но эта сухость возсоздавала жизненную правду гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ всякіе риторическіе пріемы: драма раскрывалась во всей своей захватывающей фактической правдѣ, безъ художественныхъ прикрасъ—и такъ, что никакъ нельзя было рѣшить, произошло ли преступленіе или случилось несчастіе. Въ началѣ засѣданія, по англійскому обычаю, м-ръ Лоренсъ Бель объявилъ, что „подсудимая утверждаетъ, что она невиновна". Вслѣдъ за этимъ, м-ръ Нортонъ, обвинитель, сдѣлалъ точное изложеніе фактической стороны дѣла. Она была знакома братьямъ по письму защитника, но въ передачѣ обвинителя событія принимали совершенно иной, угрожающій характеръ. М-ръ Нортонъ разсказалъ всѣ подробности прогулки матери съ ребенкомъ, констатировалъ исчезнове-

ніе ребенка, передалъ совершенно точно объясненіе подсудимой, резюмировалъ показанія свидѣтелей, противорѣчащія ея словамъ, остановился съ особымъ вниманіемъ на поведеніи Франсуазы съ минуты появленія свидѣтелей и до того, какъ ее арестовали, и закончилъ, не дѣлая никакихъ выводовъ, слѣдующими словами:

„Тѣло дѣвочки исчезло; но шляпа ея найдена была на берегу приблизительно въ десяти метрахъ внизъ по теченію отъ того мѣста, гдѣ стояла подсудимая, когда ее замѣтили свидѣтели“.

Карета стояла уже нѣсколько минутъ передъ домомъ Раймонда. Обезпокоенный тѣмъ, что ѣздоки не выходятъ, кучеръ сошелъ съ козелъ, и его голова показалась у окошка.

— Мы ѣдемъ дальше,—сказалъ Леонардъ при видѣ его, и далъ наугадъ какой-то адресъ. Карета снова двинулась въ путь, и Раймондъ сталъ читать дальше.

Послѣ рѣчи м-ра Нортона начался опросъ свидѣтелей. Въ газетѣ съ той же точностью передавалось показаніе каждаго изъ нихъ; значеніе первыхъ трехъ показаній было неясно. Слѣдующія представляли больше интереса.

„М-съ Оксбриджъ, хозяйка дома на Артуръ-Стритѣ, показала, что подсудимая занимала въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ нижній этажъ ея дома. Когда она поселилась тамъ, ея дѣвочка уже помѣщена была въ пансіонъ въ Кентербери. Она жила очень тихо, рано возвращалась домой и мало кого принимала у себя. М-ръ В. Орчардъ часто приходилъ къ ней днемъ, но никогда поздно не оставался. На праздники она брала дѣвочку домой. Свидѣтельница говоритъ, что вечеромъ 11-го января подсудимая сказала ей: „я поведу завтра дѣвочку въ Kew-Gardens; праздники кончаются, я хочу доставить ей удовольствіе“. На слѣдующее утро свидѣтельница слышала, какъ дѣвочка сказала матери по-англійски: „мама, у меня немного голова болитъ; я лучше останусь дома“. Подсудимая отвѣтила ей по-французски: свидѣтельница не поняла ея словъ. Свидѣтельница говоритъ также, что у подсудимой былъ озабоченный видъ, и что она ничего не отвѣтила на вопросъ, когда она думаетъ вернуться. Отвѣчая на вопросы защитника, свидѣтельница заявляетъ, что подсудимая была очень добра со всѣми, а также со своей маленькой дочкой, что она повидимому очень ее любила и радовалась приближенію праздниковъ, а также что она платила гинею въ недѣлю за свое помѣщеніе.

М-ръ Гоули, хозяинъ ресторана на Санди-Комбъ-Родъ, показываетъ, что 12-го января, между двѣнадцатью и часомъ дня,

онъ подалъ яйца, сандвичи и чай подсудимой и ея дѣвочкѣ. Онъ замѣтилъ, что у дѣвочки былъ хорошій аппетитъ, но что подсудимая имѣла озабоченный видъ и едва касалась ѣды. Онъ не понималъ ихъ разговора, такъ какъ онѣ говорили по-французски. Уходя, подсудимая спросила его по-англійски, гдѣ ближайшій входъ въ Kew-Gardens, и онъ ей сказалъ.

М-ръ Вульвигъ, плотникъ, говоритъ, что 12-го января, около четырехъ часовъ, возвращаясь съ работы со своимъ товарищемъ Брантономъ и идя вдоль Темзы, онъ увидѣлъ идущихъ имъ на встрѣчу женщину и дѣвочку. Онъ говоритъ, что подсудимая—именно эта женщина, и что онъ ее отлично узнаётъ. Ему показываютъ фотографическую карточку дѣвочки, и онъ говоритъ, что ему кажется, что это та, которую онъ встрѣтилъ, но утверждать это онъ не рѣшается. Онъ говоритъ также, что былъ удивленъ при видѣ женщины, гуляющей съ ребенкомъ такъ поздно, но ничего подозрительнаго въ ея поведеніи онъ не замѣтилъ. Никакого старика, идущаго сзади ихъ, онъ не видѣлъ.

М-ръ Брантонъ, его товарищъ, тоже плотникъ, разсказываетъ то же самое. Повернувъ голову назадъ послѣ встрѣчи съ подсудимой, онъ замѣтилъ, что она тоже обернулась и поглядѣла назадъ. Дѣвочку онъ бы не узналъ при встрѣчѣ, и тѣмъ болѣе не можетъ узнать ее на фотографической карточкѣ. Онъ говоритъ, что, обернувшись, онъ не видѣлъ никого около подсудимой и ея дѣвочки, также какъ и за ними; къ тому же туманъ уже началъ спускаться, и нельзя было ничего разглядѣть въ нѣсколькихъ метрахъ".

— Вотъ и все,—сказалъ Раймондъ.—Отчетъ заканчивается словами: „Продолженіе разбирательства отложено на завтра".

Видя, что братъ угрюмо молчитъ, онъ прибавилъ:

— Что ты объ этомъ думаешь?

— Я ничего не могу теперь сказать. Тутъ переданы только факты. Я не вижу въ нихъ ничего убѣдительнаго. Подождемъ продолженія.

Карета остановилась, пріѣхавъ по данному Леонардомъ адресу.

— Нѣтъ,—крикнулъ Леонардъ кучеру:—намъ нужно теперь въ другое мѣсто.

Онъ далъ свой собственный адресъ. Кучеръ, ворча, двинулся опять въ путь.

Братья ѣхали молча, погруженные каждый въ свои мысли. Когда они уже подъѣзжали къ дому, гдѣ жилъ Леонардъ, Раймондъ сказалъ:

— Еще есть время поѣхать... сегодня вечеромъ.

Леонардъ покачалъ головой, ничего не отвѣчая. Немного помолчавъ, онъ спросилъ:

— Ты послалъ письма?

— Да.

— М-ръ Бель тебѣ отвѣтилъ?

— Нѣтъ.

Выходя изъ кареты, Леонардъ спросилъ:

— Развѣ ты не зайдешь позавтракать съ нами?

— Если я тебѣ буду нуженъ, ты придешь ко мнѣ. Я къ тебѣ въ домъ больше не приду.

Стоя у дверей своего дома, Леонардъ слѣдилъ глазами за братомъ, который ушелъ, не протянувъ ему руки, и исчезъ изъ виду, ни разу не обернувшись. Леонарду показалось невозможнымъ сѣсть теперь, какъ всегда, завтракать съ семьей, смотрѣть на Люси, слышать голоса дѣтей. Послѣ минутнаго колебанія, онъ отправился въ судъ и провелъ среди шума, отвлекавшаго его отъ его мыслей, весь день до того часа, когда можно было достать вечернія газеты.

Во всѣхъ нихъ напечатана была одна и та же телеграмма, сообщенная какимъ-то агентствомъ:

„Разборъ дѣла Франсуазы Десомъ, француженки-модистки, которую обвиняютъ въ убійствѣ своего ребенка, продолжается. Сегодня выслушаны были нѣсколько свидѣтелей, вызванныхъ обвиненіемъ; изъ нихъ только одинъ имѣетъ серьезное значеніе. До сихъ поръ свидѣтельскія показанія въ общемъ мало убѣдительны. Многіе изъ слѣдящихъ за ходомъ дѣла предполагаютъ, что подсудимая будетъ оправдана“.

Съ франц. З. В.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ
К. Н. БУЛИЧА

1828—1846 гг. *)

I.

Переѣздъ изъ Кіева.

Я родился въ 1828 году, въ г. Прилукахъ, полтавской губерніи, гдѣ отецъ мой, женатый въ Сибири и имѣя уже трехъ сыновей, остановился, перебираясь на свою родину—Малороссію. По мѣстному церковному обычаю, меня, при крещеніи, только обливали святою водою, и до весны того года семья наша оставалась со мною въ Прилукахъ, когда съ установившимся тепломъ мы снова тронулись въ путь, ведя за собою козу — мою четвероногую кормилицу. Впослѣдствіи, когда я подросъ, способъ моего крещенія и кормленія послужилъ предлогомъ насмѣшекъ надо мною. Старшіе мои братья—сибиряки—не мало гордились предо мною, усматривая выгоды и преимущества своего крещенія и кормленія.

---

[1]) Константинъ Никитичъ Буличъ собралъ, какъ онъ намъ писалъ изъ Казани еще въ октябрѣ прошедшаго года, обширный матеріалъ, накопленный имъ во времена его разнообразной дѣятельности, административной, судебной, земской и городской. На основаніи такого матеріала онъ приступилъ къ составленію мемуаровъ, но смерть, постигшая его въ концѣ прошедшаго года, не дозволила ему закончить предпринятое, и онъ успѣлъ доставить намъ только первыя три главы изъ начатаго имъ труда.—*Ред.*

Черезъ четыре года послѣ того, въ 1832 г., я начинаю помнить себя на рукахъ у няни въ большомъ роскошномъ саду съ темносиними ягодами шелковицы, съ свѣтлозелеными орѣхами грецкихъ деревьевъ; изъ сада видна широкая голубая рѣка — Днѣпръ. Это было въ Кіевѣ, гдѣ отецъ купилъ свой большой деревянный домъ на Крещатикѣ, съ садомъ и видомъ на Подолъ. Въ этомъ же году умерла наша мать. Время еще заволакиваетъ мое сознаніе, и только нѣсколько тонкихъ и милыхъ впечатлѣній западаетъ навсегда отъ посѣщеній нашего осиротѣлаго дома маленькой сосѣдкой, полькой. Мы остались на рукахъ у бабушки. Въ 1834 году отецъ, напуганный событіями 1831 года, опечаленный потерей жены, озабоченный воспитаніемъ уже пяти сыновей, рѣшился не оставаться въ Кіевѣ, и, какъ говорилъ намъ не одинъ разъ потомъ,—именно изъ опасенія вреднаго вліянія на воспитаніе дѣтей поляковъ, живущихъ въ Кіевѣ. Въ томъ же году рѣшено было выбрать другіе извѣстные тогда университетскіе города: Москву, Харьковъ, Казань, и прежде чѣмъ остановиться на которомъ-нибудь изъ нихъ или посовѣтоваться о выборѣ,—по суевѣрному обычаю старины написаны были на билетикахъ три имени: Москва, Харьковъ, Казань, и эти билетики положены за образъ. Вынулся городъ Казань.—Тогда большой домъ на Крещатикѣ былъ проданъ, и на переведенныя черезъ коммиссіонера въ Казань деньги купленъ большой деревянный домъ на Лядской улицѣ, гдѣ впослѣдствіи, на мѣстѣ сгорѣвшаго и уже проданнаго дома, вновь построенъ каменный домъ В. М. Молоствова.—Послѣ того (въ 1835 году) большая семья изъ отца, пожилой бабушки, пятерыхъ сыновей отъ 11 до 4-хъ лѣтъ, двухъ нянь и гувернера-итальянца Кетнера, размѣстилась въ трехъ экипажахъ, запряженныхъ разномастными крупными лошадьми съ наемными кучерами и форейторами, а большой запасъ образовъ, серебра, картинъ, бѣлья и фарфоровой и фаянсовой посуды кіевской Межигорской фабрики былъ помѣщенъ на четырехъ фургонахъ и крытыхъ телѣгахъ. Все это весною 1835 года тронулось въ путь на Курскъ, Тамбовъ и Пензу въ Казань. Весь транспортъ двигался подъ руководствомъ Онуфрія Брянскаго, бывшаго двороваго человѣка, вѣроятно бѣглаго, прошедшаго не одинъ разъ путь изъ Казани въ Кіевъ и нанятаго отцомъ за большія деньги.—Помнятся нѣкоторые эпизоды этого странствія: бѣлый, свѣтлый день, густой лиственный лѣсъ; весь транспортъ усталъ отъ полуторамѣсячнаго пути, заблудился въ лѣсу, разсѣясь на большомъ пространствѣ, и стоитъ безъ движенія. Опытность Брянскаго не помогаетъ. Отецъ, всегда горя-

чій, невоздержный, бушуетъ, грозится съ палкой въ рукахъ прибить Брянскаго. Транспортъ не двигается. — Помнится ночлегъ и днёвка въ большомъ селѣ съ памятнымъ до сихъ поръ ужасомъ въ дѣтскихъ глазахъ при видѣ небольшихъ кусковъ отвратительнаго зеленаго вида, изъ лебеды и глины—ржаного хлѣба. Говорятъ, здѣсь голодъ, и въ дѣтское сердце тяжелымъ камнемъ западаетъ навсегда народное бѣдствіе.—Наконецъ мы въ Казани. Обширный дворъ, заросшій жидкою травою, незнакомый для глазъ сѣверный сумракъ, холодъ; на дворѣ—распряженные экипажи; кучера водятъ лошадей, усталыхъ отъ трехмѣсячнаго пути, и невыразимо хочется спать въ домѣ, а не въ экипажѣ или избѣ. Прощай, благодатный югъ! Прощай, голубой Днѣпръ, роскошный садъ! Прощай, дорогая могила, которую черезъ 65 лѣтъ потомъ съ трудомъ отыскиваетъ въ Кіевѣ сѣдой старикъ-сынъ съ своею дочерью, молодой дѣвушкой. А пресловутое вредное вліяніе на дѣтей поляковъ! Въ той же Казани, куда мы бѣжали отъ него, мой старшій братъ уже двадцати лѣтъ и еще при жизни отца дѣлается страстнымъ поклонникомъ Мицкевича, знаетъ наизусть почти всѣ его „Дзяды", „Пана Тадеуша", и говоритъ по-польски какъ настоящій полякъ. А въ 1880 году мой старшій сынъ, также воспитанникъ казанскаго университета,—такой же поклонникъ и знатокъ польскаго языка, грамматики, литературы и поэзіи и также говоритъ по-польски какъ истый полякъ.

II.

Дѣтскіе годы.—Домашнее ученье.

Большой деревянный домъ въ Казани скоро дѣлается обитаемымъ. Въ большой залѣ—два окна во дворъ и два на улицу,—у стѣны и дверей въ гостиную ставится ручной органъ, привезенный съ собою изъ Кіева для забавы дѣтей. Они особенно любятъ веселую „Барыню", „По улицѣ мостовой" и т. д.—Ручку вертятъ поперемѣнно двѣ няни-малороссіянки, пожилая Маланья и молодая Катерина. Въ промежуткѣ между двумя окнами во дворъ висѣлъ мальчикъ съ большой аспидной доской и надписью на ней какой-то задачи изъ цифръ, позже признанный академіей художествъ за оригинальную картину лучшаго русскаго живописца времени Боровиковскаго.—Въ средней—большой гостиной, по большой задней стѣнкѣ между двумя окнами, у двоихъ дверей изъ залы въ гостиную и изъ гостиной въ угло-

вую, разставляется большое количество прочной, краснаго дерева мебели; диванъ съ высокой спинкой и деревянными ручками по бокамъ его и такія же краснаго дерева широкія кресла съ деревянными ручками, всѣ обитыя красною, кармазиннаго цвѣта шерстяною матеріей, заказанною заранѣе черезъ мѣстнаго помѣщика и стараго знакомца, В. В. Аристова, впослѣдствіи игравшаго видную роль въ жизни старшаго брата. Еще и теперь такую старинную краснаго дерева мебель можно видѣть въ старыхъ архіерейскихъ и настоятельскихъ домахъ, въ кельяхъ богатыхъ отшельницъ-помѣщицъ женскаго монастыря, какъ я это видѣлъ уже черезъ тридцать лѣтъ въ Казани.—Въ 1862 году, вернувшись изъ Петербурга съ молодой женой въ нежилой деревянный домъ нашего имѣнія въ чистопольскомъ уѣздѣ, я нашелъ этотъ домъ наполненнымъ такою мебелью, съ переломанными ручками и ножками и перевезенною, за ненадобностью, изъ городского въ деревенскій домъ. Увлеченіе при реставраціи мебели уѣздно-городскими и деревенскими столярами стоило мнѣ дороже новой мебели.—На всѣхъ простѣнкахъ, надъ диваномъ и другой мебелью висѣли итальянскія акварели, купленныя дѣдомъ съ материнской стороны,—купцомъ Морозовымъ въ Лейпцигѣ, въ послѣднихъ годахъ восемнадцатаго столѣтія. Акварели эти, несмотря на бѣдность и топорность искусства въ рисункѣ изображеній человѣческихъ фигуръ—рыбаковъ на набережной Неаполя и др., до сихъ поръ поражаютъ яркостью своихъ красокъ, вѣрностью и красотою пейзажа. Таковы виды Неаполя и Везувія, Amalfi и Сорренто. Картины эти воспитали любовь двухъ поколѣній къ задумчивымъ пирамидальнымъ тополямъ, къ красотѣ приморскихъ видовъ.—Въ 1896 году, на сто-двадцатой выставкѣ картинъ И. К. Айвазовскаго въ Петербургѣ, я удивленъ былъ сходствомъ огромной каменной массы лиловатаго тона среди бушующихъ волнъ Средиземнаго моря съ такою же массой въ акварельномъ пейзажѣ моего деревенскаго дома, но влѣво и вблизи отъ Везувія и Неаполя. Привезенный рисунокъ выставки № 120 убѣдилъ всѣхъ въ томъ, что рисунокъ и колоритъ обоихъ изображеній былъ одинъ и тотъ же. Это былъ островъ Капри близъ Неаполя.—На трехъ большихъ окнахъ гостиной висѣли привезенныя изъ Сибири зеленыя тонкія тростниковыя гардины съ уродливыми изображеніями на нихъ красныхъ китайцевъ и китаянокъ. Съ самаго пріѣзда въ Казань, я, семи-восьмилѣтній мальчикъ, очень часто подолгу страдалъ—вѣроятно отъ употребленія отвратительной казанской воды—диспепсіей, сопровождаемой значительнымъ повышеніемъ температуры по ночамъ.

Цѣлыя недѣли я проводилъ на большомъ срединномъ диванѣ этой гостиной, и отвратительныя красныя фигуры выскакивали изъ гардинъ и поджаривали меня всю ночь.

Въ 1836 году отецъ купилъ въ чистопольскомъ уѣздѣ Кушниковское имѣнье, тогда еще не размежеванное, и привезъ съ собою управляющаго нѣмца, родомъ изъ лифляндской губерніи, а онъ взялъ съ собою двухъ дочерей, изъ которыхъ старшая, кривая Софья, стала насъ учить нѣмецкому языку, младшая Лотта поступила въ модный магазинъ, самъ же г. Готлибъ приготовлялся покуда у насъ въ домѣ къ успѣшному исправленію казанскаго хозяйства на лифляндскій манеръ, занимаясь чрезвычайно искуснымъ вырѣзываніемъ серегъ изъ фисташковыхъ и персиковыхъ косточекъ, ихъ золоченіемъ и столь же искуснымъ клееніемъ картонныхъ коробочекъ. Всѣ трое помѣщались въ угловой комнатѣ. Вся передняя половина дома отдѣлялась отъ задней широкимъ корридоромъ, въ который выходили двери двухъ комнатъ съ окнами на дворъ—кабинета отца и комнаты бабушки, и помѣщалась широкая и пологая лѣстница къ намъ на верхъ, въ большія и высокія дѣтскія, по одной для трехъ старшихъ братьевъ и двухъ младшихъ — меня и брата Павла. Въ этотъ корридоръ, лишь только смеркалось, сверху по лѣстницѣ спускались бумажные корабли, расцвѣченные флагами, освѣщенные яркими огнями свѣчей, вставленныхъ въ половинки грецкихъ орѣховъ; по всему дому поднимался шумъ и гамъ и происходило блестящее представленіе: битвы при Наваринѣ, послѣдняго дня при Миссолонги и т. п. Гувернеръ-итальянецъ Кетнеръ не жилъ съ нами. Явившись съ рекомендательнымъ письмомъ изъ Одессы къ директору первой гимназіи, онъ тогда же сдѣлался преподавателемъ французскаго языка въ этой гимназіи и только приходилъ къ намъ. Вскорѣ онъ погибъ трагической смертью на любимой имъ охотѣ въ одной изъ деревень подъ Казанью, гдѣ, перелѣзая черезъ плетень въ лугахъ, зацѣпился за поднятый курокъ ружья и всадилъ себѣ въ правый бокъ весь зарядъ дроби.

Ученье наше, руководимое умнымъ и образованнымъ отцомъ, воспитанникомъ кіевской духовной академіи, шло въ Казани правильнымъ путемъ. Французскій языкъ преподавалъ Кетнеръ, къ которому и я перешелъ здѣсь отъ милой двоюродной сестры, воспитанницы полтавскаго института, В. И. Севаскуловой, выучившей меня еще въ Кіевѣ русской грамотѣ и первоначальному французскому языку (ее я называлъ „сестрой-*еры*“ за насмѣшки надо мною и за неумѣнье произносить громко и правильно звукъ *ы*); нѣмецкому училъ насъ С. Ем. Готлибъ, первоначальной географіи

и исторіи—адъюнктъ-профессоръ университета Иванъ Фроловичъ Грацинскій, впослѣдствіи директоръ пермской гимназіи. Я тоже учился первоначальнымъ понятіямъ географіи по узенькой рукописной тетрадкѣ, составленной профессоромъ, и закону Божію—по катехизису митрополита Филарета, преподаваемому священникомъ грузинской церкви и чуть ли не родственникомъ Грацинскаго. Въ 1836 году, съ пріѣздомъ въ Казань начальника жандармовъ, графа П. И. Апраксина, отецъ мой поступилъ къ нему на службу секретаремъ, и ему вскорѣ представилась возможность помѣстить двухъ своихъ среднихъ сыновей на казенный счетъ въ кадетскіе корпуса. Вообще, съ пріѣздомъ въ Казань графа П. И., современника и знакомаго А. С. Пушкина (см. письмо его къ А. А. Фуксъ, № 446, изд. Литературнаго фонда), послѣдовало улучшеніе всѣхъ нашихъ дѣтскихъ дѣлъ. Одинокій (жена его осталась въ своемъ богатомъ домѣ въ Москвѣ), чрезвычайно ласковый съ дѣтьми, такъ какъ самъ очень любилъ ихъ, онъ вскорѣ завоевалъ симпатіи этихъ малыхъ людей. Аристократъ по происхожденію и богатству, онъ вовсе не имѣлъ тогдашнихъ предразсудковъ своего положенія. Поселившись въ Казани въ большомъ деревянномъ домѣ, тогда барона Пирха, а нынѣ Бронникова, онъ любилъ собирать къ себѣ дѣтей подъ предлогомъ всенощной, и послѣ того какъ кончалось тихое торжественное моленіе, растворялись двери изъ гостиной въ залу, туда врывались дѣти и съ бубликами и пряниками въ рукахъ пускались въ плясъ по залѣ, а въ дверяхъ гостиной стоялъ графъ, улыбаясь и смѣясь всѣмъ своимъ изящнымъ лицомъ и корпусомъ.—Мы, маленькія дѣти, каждый день съ утра садились у окна, съ нетерпѣніемъ ожидая посланца графа. Наконецъ раздавался звонъ шпоръ и появлялся гигантъ-жандармъ въ своей красивой разноцвѣтной формѣ, въ блестящей каскѣ съ бѣлымъ султаномъ, и въ своихъ обтянутыхъ бѣлыми перчатками рукахъ несъ намъ обычный подарокъ графа: маседуанъ въ золоченой леденцовой корзинѣ, пудингъ изъ грецкихъ орѣховъ и т. п. Еще въ 1854 году, состоя на службѣ въ Петербургѣ, я любилъ посѣщать графа, и не одинъ разъ приходилъ съ дачи семейства Кетчеръ, на Петровскомъ островѣ, на дачу графа на Каменномъ островѣ, чтобы читать ему вслухъ, по его просьбѣ, комедіи и разсказы любимаго имъ Гоголя. Онъ состоялъ тогда помощникомъ государственнаго контролера и встрѣчалъ меня на балконѣ своей дачи, желтый, худой, въ шолковомъ тепломъ тулупчикѣ. Онъ умеръ отъ паралича сердца, вслѣдствіе излишняго употребленія минеральной воды.

Въ 1837—1838 году братья мои—Степанъ и Александръ

—отвезены были отцомъ, первый въ Аракчеевскій кадетскій корпусъ въ Грузино, а второй—въ горный корпусъ въ Петербургѣ. Была попытка помѣстить и меня въ морской кадетскій корпусъ, и отецъ возилъ меня въ Петербургъ, но къ большому моему удовольствію я не былъ принятъ, какъ очень близорукій и слабый мальчикъ. Зато въ моей душѣ навсегда запечатлѣлись блескъ и шумъ Петербурга, роскошный домъ снаружи и внутри полковника Булыгина на Итальянской улицѣ, гдѣ мы останавливались съ отцомъ, обаятельная прелесть дамъ высшаго общества, къ которому принадлежала моя хозяйка, дочь тайнаго совѣтника Персидскаго, возившая меня на своемъ великолѣпномъ конѣ по Невскому, посѣщеніе съ нею дома ея отца, разговоры и разсказы о филармоническомъ обществѣ и наконецъ парадный спектакль въ Михайловскомъ театрѣ, партеръ, блестѣвшій пурпурными колетами кавалергардовъ и гусаръ, серебряное платье королевы въ пьесѣ „Verre d'eau", которое такъ нещадно обливалось водой, и вся та чудная, волшебная жизнь, въ которую не разъ манило меня потомъ мое дѣтское воображеніе. По возвращеніи въ Казань, ученье пошло снова привычнымъ путемъ. Особенность его для меня заключалась въ томъ, что я вставалъ раньше всѣхъ для того, чтобы готовить уроки. Постоянные посѣтители моего отца, такіе же ранніе,—В. В. Аристовъ и А. П. Манасеинъ (отецъ министра и извѣстнаго врача),—не мало хвалили меня за это, считая меня не совсѣмъ обыкновеннымъ мальчикомъ; послѣдній, спустя тридцать лѣтъ, напоминалъ мнѣ объ этомъ не разъ въ казанскомъ клубѣ, гдѣ я бывалъ по пріѣздѣ изъ Петербурга.—Послѣднимъ, лучшимъ впечатлѣніемъ дѣтства было для меня неожиданное ласковое обращеніе со мной извѣстной красавицы Казани, В. Е. Чертовой, жившей тогда противъ насъ въ своемъ каменномъ домѣ и совершенно намъ незнакомой, которая, встрѣтивъ меня вмѣстѣ съ братомъ на улицѣ около своего дома, взяла меня за руку и пригласила бывать у нихъ въ ихъ большомъ великолѣпномъ саду.

III.

Вторая казанская гимназія.

1841 — 1846 г.

Послѣ неудачной попытки сдать меня въ кадетскій корпусъ, отецъ помѣстилъ меня приходящимъ ученикомъ во 2-ую казан-

скую гимназію. Я поступилъ 12-ти лѣтъ въ III-й классъ, причемъ домашняя подготовка по всѣмъ предметамъ оказалась удовлетворительною, и недоставало только знанія латинскаго языка. Тогда обратились къ учителю латинскаго языка 2-й гимназіи, И. В. Тимоѳееву — извѣстному знатоку языка и схоласту, и онъ въ 15 уроковъ, оплачиваемыхъ по 5 руб. ассигнаціями, приготовилъ меня въ грамматическихъ, синтаксическихъ правилахъ и дѣланіи переводовъ — настолько хорошо, что за всѣ пять лѣтъ гимназіи переходъ въ высшіе классы къ учителямъ высшей эрудиціи, чѣмъ И. В. Тимоѳеевъ, и мои занятія съ ними прошли безъ всякой помѣхи и затрудненія.—Я считался лучшимъ знатокомъ латинскаго языка, что приписывали моему знанію французскаго языка и моимъ способностямъ. Но, приглядѣвшись потомъ къ преподаванію всему классу тѣмъ же И. В. Тимоѳеевымъ, я убѣдился впослѣдствіи, что для всѣхъ его методъ съ насильственнымъ заучиваніемъ грамматики, изложенной въ дубовыхъ стихахъ „multa verba sunt in is" или черченіе генеалогическихъ таблицъ для производства изъ коренныхъ—производныхъ временъ, — способны развѣ убить, а не развить изученіе языка.

Вторая казанская гимназія того времени, ея служебный и учебный персоналъ и весь ея строй прежде меня описаны въ рельефныхъ и глубокихъ чертахъ моимъ соученикомъ и товарищемъ по гимназіи, бывшимъ профессоромъ математики казанскаго университета, Е. П. Янишевскимъ, въ издаваемомъ въ Казани журналѣ „Дѣятель", за 1896 годъ. И мы, съ разрѣшенія автора, въ виду рѣдкости этого журнала, будемъ извлекать изъ него необходимыя данныя. Начнемъ съ главнаго лица въ нашей гимназической жизни, вершителя нашихъ маленькихъ судебъ — нашего инспектора П. Г. Скорнякова.—Вотъ его живой портретъ, написанный искусной рукой. — „Инспекторъ гимназіи, Петръ Гавриловичъ Скорняковъ, былъ замѣчательной личностью. Въ то время какъ мы поступили въ гимназію, онъ только-что былъ переведенъ изъ 1-й казанской гимназіи, въ которой, вслѣдствіе жестокаго обращенія съ учениками, онъ былъ сильно избитъ ими въ одномъ изъ темныхъ угловъ корридора. Нѣсколько учениковъ высшихъ классовъ, участвовавшихъ въ этомъ побоищѣ, были, послѣ жестокаго сѣченія, отданы попечителемъ, Михаиломъ Николаевичемъ Пушкинымъ, въ солдаты; другіе же только сильно высѣчены, или исключены изъ гимназіи. Озлобленіе учениковъ такъ было велико, что они, какъ потомъ разсказывали, старались бить Скорнякова по глазамъ, чтобы разбить очки, которые онъ всегда носилъ, и чтобы ослѣпить его; только благодаря подоспѣвшимъ

сторожамъ, не удалось имъ этого сдѣлать. Когда мы держали вступительный экзаменъ, насъ поразили синебагровыя пятна подъ глазами и на всемъ лицѣ Скорнякова: это были слѣды побоевъ, тогда еще не заживших. Трудно забыть эту физіономію, съ бѣлыми злыми глазами, которые, кажется, никогда въ жизни не улыбались и не смотрѣли ласково на учениковъ, съ мягкими, неслышными движеніями животнаго кошачьей породы, всегда готоваго мучить свою жертву и наслаждаться ея страданіями; вся его дѣятельность состояла въ ловлѣ учениковъ на какой-нибудь шалости, для чего,—чтобы незамѣтно подкрадываться къ нимъ,—онъ носилъ сапоги съ мягкой подошвой, безъ подборовъ; съ ужасомъ, бывало, нечаянно, оглянувшись, увидишь этого хищника, подкрадывающагося къ стеклянной двери класса. Для Скорнякова не было наслажденія выше сѣченія учениковъ, а это сѣченіе было почти ежедневное. И съ какимъ удовольствіемъ Скорняковъ занимался этимъ любимымъ дѣломъ: обыкновенно сѣченіе каждаго ученика продолжалось очень долго; давши пять-шесть розогъ, Скорняковъ останавливалъ служителя и начиналъ увѣщаніе, потомъ опять пять-шесть розогъ, опять увѣщаніе и т. д. Живо помню, съ какимъ ужасомъ услышали мы въ первый разъ, съ своихъ партъ, вопли и стоны истязуемой жертвы, и какъ въ то же время издѣвался Скорняковъ надъ этими воплями, пересыпая удары разными прибаутками и насмѣшками. Все это, почти безпрерывное, сѣченіе производилось во время классовъ, чуть не на глазахъ учениковъ, въ небольшой комнатѣ, называемой карцеромъ, которая помѣщалась въ общемъ корридорѣ, въ двухъ шагахъ отъ двери въ нашъ классъ".

Со времени моего вступленія въ гимназію впечатлѣніе на меня отъ этого ягуара было впечатлѣніемъ удава на маленькую птичку. Его коварство и злоба грозили мнѣ каждый день наказаніемъ въ карцеръ или розгами. Случай скоро къ тому представился. Черезъ нѣсколько дней послѣ вступленія, мои новые товарищи,—школьники,—какъ всегда и вездѣ—начали приставать ко мнѣ съ объясненіями, поцѣлуями и обиднымъ въ то время для меня словомъ: „барышня". Однажды утромъ въ классѣ товарищъ-гимназистъ В. Головачевъ присталъ ко мнѣ съ тѣми же оскорбленіями. Я не выдержалъ и далъ ему пощечину. Никто не замѣтилъ, что въ стеклянную дверь класса смотрѣлъ инспекторъ, но дверь растворилась, и его ужасная фигура показалась во весь ростъ, и начался его іезуитскій, истязательный допросъ. Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но никогда съ тѣхъ поръ во всю мою жизнь я не забывалъ этой фигуры. Почти черезъ тридцать лѣтъ

потомъ, будучи участковымъ мировымъ судьею чистопольскаго уѣзда, я вспоминалъ о немъ при видѣ представленныхъ мнѣ на судъ, избитыхъ народомъ конокрадовъ, съ тѣми же темными пятнами на щекахъ и на всемъ лицѣ и съ такимъ же замогильнымъ голосомъ. Онъ и умеръ, какъ тѣ конокрады, отъ чахотки, вслѣдствіе побоевъ.

Въ слѣдующемъ же году, перейдя въ IV-й классъ, я фигурировалъ вмѣстѣ съ Н. П. Вагнеромъ въ баснѣ Крылова „Кукушка и воробей“. На этотъ разъ женская роль кукушки, отданная мнѣ ради моей миловидности, не принесла мнѣ ничего, кромѣ общаго удовольствія. Приготовленный хорошо дома по французскому языку, я былъ и въ гимназіи поощряемъ за этотъ языкъ.—Въ первый же годъ мнѣ было поручено произнести рѣчь на актѣ на французскомъ языкѣ. О двухъ французахъ нашей гимназіи, гг. Баронѣ и Де-Планьи, я сохранилъ лучшее воспоминаніе, нежели мой достопочтенный товарищъ, Э. П. Янишевскій. В. А. Баронъ, къ которому я ѣздилъ репетировать свою актовую рѣчь, сначала просвѣщалъ меня незабываемыми драматическими разсказами о молодыхъ юношахъ-французахъ съ ихъ героизмомъ, стальными нервами и высокими подвигами мужества. Они возбуждали меня и потомъ и поддерживали во всю жизнь. Между тѣмъ самъ Викторъ Андреевичъ былъ весьма слабонервный и пугливый старикъ. Любимымъ удовольствіемъ насъ, школьниковъ еще въ VI-мъ классѣ, было становиться на подоконники двухъ высокихъ оконъ нашего класса во второмъ этажѣ гимназіи и стараться отворять или затворять окна, чтобы къ общему удовольствію видѣть, какъ трусилъ старикъ при видѣ этой нарочно придуманной нами опасности, какъ онъ пугливо закрывалъ свои добрые, милые глаза и почти со слезами умолялъ насъ, шалуновъ, сойти съ опасной высоты. Другой французъ—mr. De-Plagny—полюбилъ меня съ VI-го класса, и тогда, вскорѣ, просилъ меня заняться переводами на русскій языкъ его педагогической книги, общей, какъ онъ полагалъ, для мужскихъ гимназій и института, въ которомъ онъ преподавалъ. Это были „Entretiens graduels“, „Постéпенныя бесѣды“, какъ онъ называлъ ихъ по-русски, налегая сильно на слогъ *сте*. Оба класса я трудился какъ молодой волъ и былъ награждаемъ какъ хорошими отмѣтками, такъ и признательностью его жены и дочки. Въ 1857 году, когда я съ молодою женой, вскорѣ послѣ женитьбы, квартировалъ въ Петербургѣ, на Кабинетской улицѣ, рано утромъ, еще до 9-ти часовъ, неожиданно растворились двери въ нашу маленькую столовую и вмѣстѣ гостиную, и въ

дверяхъ показался сѣдой старикъ, старый учитель, въ высокихъ калошахъ и въ синемъ фракѣ съ серебряными пуговицами. Это былъ m-r Де-Планьи. Неисправимый фантазёръ, онъ продалъ въ Казани свой хорошій деревянный домъ съ небольшимъ, но устроеннымъ садомъ, и пріѣхалъ въ Петербургъ со старухой-женой, двумя дочерьми и маленькимъ сыномъ, въ надеждѣ, не знаю на чемъ основанной, получить мѣсто преподавателя и учителя у наслѣдника-цесаревича. И смѣшно сказать,—съ просьбою объ этомъ онъ обратился къ первому ко мнѣ—тогда бывшему помощникомъ столоначальника департамента удѣловъ. Дальнѣйшая судьба его скоро опредѣлилась. Онъ снова бѣжалъ изъ Петербурга, остановился въ Нижнемъ, прожилъ остатокъ жизни на свою небольшую пенсію, израсходовалъ всѣ деньги, вырученныя за домъ въ Казани, и оставилъ жену и дѣтей безъ куска хлѣба. Еще въ 1880-хъ годахъ, состарѣвшаяся совершенно дочь его Людмила пріѣзжала въ Казань изъ Нижняго, гдѣ она была въ дворянской богадѣльнѣ, и по старой памяти посѣтила меня, а потомъ, въ началѣ 1890-хъ годовъ, явился ко мнѣ сынъ его Дмитрій, служившій до сихъ поръ въ Сибири, и просилъ о мѣстѣ. Я помѣстилъ его въ губернскую управу, но онъ не долго служилъ въ Казани и исчезъ такъ же неожиданно, какъ и явился.

Маленькій уроженецъ юга не скоро освоился съ непривычнымъ ему климатомъ. Постоянно суровыя зимы, съ морозами свыше 30-ти градусовъ, съ веснами сырыми и вѣтреными, съ разливомъ и медленнымъ высыханіемъ окружающихъ Казань рѣкъ, дорого стоили его неокрѣпшему здоровью. До самаго университета и позже, до переѣзда на службу въ Петербургъ въ 1852 г., меня ежегодно весною мучили перемежающіяся лихорадки. Конечно, все это должно было отражаться на ученьѣ, но тѣмъ не менѣе, правильное ли ученье, или снисходительность педагогическаго персонала, сдѣлали то, что я до перехода въ университетъ не сходилъ съ золотой доски. О, лихорадки, казанскія лихорадки! Никакія симпатическія и медицинскія средства въ нихъ не помогали. Сколько бумажекъ съ надписями на нихъ, свернутыхъ въ нѣсколько разъ, съ навязаннымъ на нихъ пестрымъ снуркомъ и строгимъ наставленіемъ не заглядывать въ текстъ, — износилъ я въ эти далекія весны! Осталось у меня на совѣсти, что я прочиталъ одну изъ нихъ, со словами молитвы къ Пресвятой Богородицѣ Троеручицѣ: „Пресвятая Богородица, спаси раба твоего (имя рекъ) отъ лихорадки трясовицы". Но я не читалъ же всѣхъ изношенныхъ записокъ, и онѣ все-таки не помогали, и только временно, какъ палліативъ, пре-

кращала ненадолго пароксизмы яичная плёнка, которою туго обвязывался мизинецъ правой руки. Рѣже прибѣгали къ пріемамъ хины, которую тогда такъ ненавидѣли дѣти и боялись взрослые. Кромѣ того, съ наступленіемъ раннихъ жаровъ въ Казани, въ горячее время раннихъ экзаменовъ и приготовленій къ нимъ, у меня, ежедневно, по утрамъ, когда я ходилъ въ гимназію, открывалось кровотеченіе изъ носа. Ничего не знали и не рекомендовали тогда противъ этой болѣзни, кромѣ опять-таки симпатическихъ средствъ. Какъ часто помню я, несчастный мальчикъ, отправившись утромъ во 2-ую гимназію, по цѣлымъ получасамъ стоялъ, прижавшись къ забору большого пустыря на Воскресенской горѣ противъ зданія клиники, и кровь лилась большою струею, несмотря на то, что я крѣпко зажималъ одною рукою больную ноздрю носа и долго держалъ высоко протянутую на воздухъ руку.

Съ переходомъ въ IV-й и V-й классы мое дѣтское сердце перестаетъ быть пугливымъ. Съ этого времени для меня становится съ каждымъ днемъ ощутительнѣе забота обо мнѣ и моемъ спокойномъ пребываніи въ гимназіи — старшаго брата моего, Николая Никитича; она проходитъ сквозь всю мою жизнь до самой женитьбы и даже дальше ея,—до самой его смерти. Молодой, красивый, энергичный, онъ рано для меня, въ 1845 году, окончилъ курсъ въ университетѣ. Но еще ранѣе, благодаря своей высоко-развитой личности, вступилъ въ свѣтскія отношенія. Въ то время какъ мой отецъ, снискавъ во время нашей первой жизни въ Казани репутацію отличнаго дѣльца, знатока гражданскихъ законовъ, пріобрѣлъ себѣ вѣсъ и значеніе въ обществѣ, репутація его къ концу 40-хъ годовъ падаетъ. Такія извѣстныя въ Казани лица, какъ И. Г. Горемыкинъ, первый завязавшій тѣсное знакомство съ моимъ отцомъ, ради помощи ему въ процессѣ съ опекуномъ его невѣсты А. П. Башмаковой—Акчуринымъ,—лицо, отъ котораго мы, дѣти, въ началѣ 1837 года впервые услышали тяжелую вѣсть о смерти Пушкина, уже иначе относился къ нашему отцу. Внимательно вглядываясь теперь по даннымъ, запечатлѣннымъ въ дѣтской памяти, и по дальнѣйшему потомъ наблюденію надъ строемъ помѣщичьяго общества г. Казани, я не сомнѣваюсь, что причиной упадка репутаціи моего отца послужило неудачное для него пріобрѣтеніе Кушниковскаго имѣнія.

Съ тѣхъ поръ отецъ, поглощенный новой дѣятельностью, рѣдко бывавшій въ Казани и посвятившій себя вновь возникшимъ интересамъ, совершенно противъ существующихъ нравовъ

и вкусовъ этого общества, привязался къ интересамъ тѣхъ меньшихъ братьевъ, къ которымъ никогда не лежали близко сердца казанскихъ помѣщиковъ. Изъ своихъ поѣздокъ въ чистопольскій уѣздъ, въ то время происходившихъ на лошадяхъ, черезъ уѣзды казанскій, лаишевскій, съ заѣздами къ знакомымъ въ спасскій и тетюшскій уѣзды, онъ привозилъ массу крестьянскихъ просьбъ, жалобъ, порученій и, пользуясь своимъ авторитетомъ между казанскими властями, умѣньемъ вести дѣла и, главное, своимъ добрымъ, горячимъ сердцемъ, помогалъ этой братіи словомъ и дѣломъ. То были—до сихъ поръ не пользовавшіяся расположеніемъ въ частной владѣльческой средѣ ходатайства цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ и отдѣльныхъ крестьянъ объ увеличеніи ихъ надѣловъ—ходатайства богатыхъ крестьянъ о сдачѣ вмѣсто своихъ дѣтей, получившихъ рекрутскій жребій, нанятыхъ ими замѣстителей изъ охотниковъ, вмѣсто покупки у помѣщиковъ по огромнымъ цѣнамъ принадлежащихъ имъ зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій и т. п., иногда жалобы на доступныя тогда для преслѣдованія злоупотребленія помѣщиковъ,—словомъ, такой большой контингентъ крестьянскихъ нуждъ того времени, какого даже я не въ состояніи запомнить. Неужели, подумаютъ многіе и теперь, въ прежней помѣщичьей средѣ или въ новой средѣ адвокатовъ, иначе какъ за гонораръ и деньги и не ведущихъ чужія, а въ особенности крестьянскія дѣла,—неужели тогда былъ такой даровой, а не наемный, за деньги, адвокатъ?—и будутъ правы съ своей стороны! Но кто знаетъ прежнее время, полную беззащитность, вопіющую нужду несчастныхъ, неграмотныхъ крестьянъ—этихъ полу-дѣтей, тотъ навѣрное отыщетъ въ людяхъ прежняго времени не одинъ примѣръ такой обильной, безкорыстной помощи бѣднякамъ и, можетъ быть, несравненно частой въ ту далекую пору дешевой, обезпеченной жизни людей высокаго ранга, которымъ доброе имя, простая, но громкая благодарность дѣтскихъ добрыхъ сердецъ звучала тогда сильнѣе золота и серебра. Но не такъ понимали или хотѣли понимать моего отца казанскіе помѣщики того времени, и результатомъ его чисто благотворительной дѣятельности было то, что чѣмъ болѣе онъ снискивалъ себѣ расположеніе крестьянъ, чѣмъ властнѣе и громче произносилось его имя въ отзывчивой ихъ массѣ, тѣмъ сильнѣе загоралась злоба, и скоро установилось мнѣніе, что мой отецъ ничего не дѣлаетъ даромъ, а завзятый взяточникъ. Всюду проникала въ обществѣ эта клевета, и когда отецъ, польщенный лестнымъ предложеніемъ ему баллотироваться на вакантную должность товарища предсѣдателя палаты, рѣшился на этотъ риско-

ванный шагъ и согласился на баллотировку,—они забаллотировали его. Конечно, многіе изъ нихъ тогда сознавали, что нельзя допустить, чтобы секретарь жандармскаго округа, этого тогда чисто филантропическаго учрежденія, могъ на глазахъ своего непосредственнаго начальства такой высокой честности и благородства, какимъ былъ графъ П. И. Апраксинъ, дѣлать такія частыя и крупныя злоупотребленія, нарушавшія всякій смыслъ учрежденія,—но они утверждали это. Спустя пятьдесятъ лѣтъ, тѣ же казанскіе дворяне-помѣщики забаллотировали меня, его сына, несмотря на мои тридцать-три года службы въ губерніи и Казани. Странный, но понятный въ Россіи фатумъ!

Съ самаго отъѣзда моихъ двухъ товарищей-братьевъ — Степана и Александра,—конечно, вслѣдствіе того, что любящее сердце должно было найти себѣ откликъ въ другомъ братѣ,—начинается полная перемѣна ко мнѣ отношеній старшаго брата, Н. Н. Прежнія насмѣшки и обидныя выходки старшаго сибиряка надъ хохломъ были забыты, и послѣдній становится предметомъ его нѣжныхъ попеченій. Нельзя здѣсь перечислить всего того, что имъ было предпринято и сдѣлано для этой любви. Самъ бывшій ученикъ 2-ой казанской гимназіи, кончившій въ ней курсъ въ тотъ годъ, какъ я поступилъ, хорошій знатокъ въ порядкахъ, онъ сдѣлался моимъ менторомъ, охранителемъ и просвѣтителемъ. Задолго до моего выхода изъ гимназіи, вліяніе Н. Н. обнаружилось на моемъ тамъ пребываніи. Замѣтно для меня, но не для моего начальства—явилось покровительство въ лицѣ новаго учителя—Шарбе, бывшаго товарища брата по университету. Въ 1844 году, по просьбѣ тогдашняго антрепренера-любителя М. М. Магницкаго, я принялъ участіе въ дѣтскомъ спектаклѣ, въ впервые разыгранной въ Казани пьесѣ „Школьный учитель", и два раза сыгралъ въ немъ роль Шарлотты, единственной дочери учителя и любовной мечты Дезире Корбо. Сыгралъ, какъ увѣряли тогда всѣ, превосходно, и адъютантъ тогдашняго губернатора—фамиліи его не помню—послѣ перваго акта, не повѣривъ, что игралъ мальчикъ, а не дѣвушка, не разъ пытался ворваться за кулисы и саблей разорвалъ нашъ занавѣсъ. Но зато въ гимназіи мой успѣхъ нисколько не помогъ. На другой день послѣ перваго спектакля, Скорняковъ вызвалъ меня въ корридоръ и бранилъ всѣми нещадными словами за то, что я, будто бы, не просилъ дозволенія играть. Между тѣмъ ему хорошо было извѣстно, что Магницкій просилъ у него позволенія участвовать въ спектаклѣ тутъ же поименованнымъ имъ гимназистамъ. Въ этомъ случаѣ, также потомъ и въ двухъ другихъ, заступниче-

ство брата и вліяніе Шарбе спасли меня. Въ 1846 году, уже въ седьмомъ классѣ, рано утромъ до звонка, когда я, сидя на партѣ и держа передъ собою толстую книгу церковной исторіи митр. Филарета, усвоивалъ себѣ какой-то эпизодъ древней исторіи, я вдругъ, поднявъ глаза, увидалъ за стеклянною дверью памятные, бѣлые и зеленые, изъ четырехъ стеколъ очки шестиглазой жабы. Я успѣлъ поклониться, но дверь растворилась, я былъ вызванъ въ корридоръ и съ полчаса былъ преслѣдуемъ за то, что, будто бы, я не поклонился,—но снова уцѣлѣлъ, и не попалъ въ карцеръ, благодаря заступничеству Шарбе.

Второй заботой старшаго брата было, такъ сказать, просвѣщеніе меньшого. Опережая далеко своихъ товарищей по развитію, я еще въ V-мъ классѣ читалъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ вышедшую тогда въ свѣтъ въ переводѣ Жуковскаго „Одиссею“. И любопытный, но совершенно соотвѣтственный способъ приманки онъ употребилъ тогда со мною. Онъ каждый разъ приглашалъ меня для этого изъ своего деревяннаго флигеля при нашемъ новомъ небольшомъ каменномъ домѣ, гдѣ я жилъ, предложеніемъ начать и продолжать чтеніе съ приправою великолѣпнаго миндаля и изюма, которые я такъ любилъ. Потому я еще и въ V-мъ классѣ читалъ въ русскомъ переводѣ переданныя мнѣ братомъ трагедіи Шекспира и одну изъ нихъ, „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, прочиталъ, не смыкая глазъ, тоже въ чудную весеннюю ночь, и обаяніе этой пьесы слилось для меня нераздѣльно съ памятью о чудной ночи, о лунѣ и громкихъ треляхъ соловья, раздававшихся изъ сосѣдняго волшебнаго сада В. Е. Чертовой.

Въ 1843 году, въ V-мъ классѣ гимназіи, сдѣлались моими товарищами и соучениками Д. П. Безобразовъ и М. Е. Лентовскій. Происходя изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій (первый—сынъ бывшаго вице-губернатора въ Оренбургѣ, воспитанникъ первыхъ годовъ 1-ой казанской гимназіи, а второй—сынъ бывшаго профессора казанскаго университета, Е. А. Лентовскаго) оказали съ ихъ достопочтенными родителями огромное вліяніе на мое воспитаніе въ остальные годы гимназической и позднѣйшей жизни. Съ Митенькой Безобразовымъ, красивымъ розовымъ юношей, мы сидѣли бокъ-о-бокъ на ученической скамьѣ, очень много занимались вмѣстѣ, читали, переводили или катались верхомъ каждый весенній и лѣтній вечеръ за городъ, въ Подлужную и такъ называемую Русскую Швейцарію,—я на нашей маленькой Башкиркѣ, а онъ—на дрессированной лошади, взятой изъ цирка. Любопытенъ, къ сожалѣнію публики изъ дѣтей и прислуги уже

оставленный способъ приглашенія на представленія цирка въ провинціальныхъ городахъ того времени. Рано утромъ, при звукахъ фанфаръ, выѣзжала вся труппа наѣздниковъ и наѣздницъ цирка, въ пестрыхъ разноцвѣтныхъ костюмахъ, и, разбрасывая афиши, манила и звала на великолѣпное зрѣлище. Доступные по своей дешевизнѣ спектакли давались въ балаганѣ-циркѣ почти внутри города и привлекали къ себѣ массу дѣтей и взрослыхъ. На этихъ спектакляхъ мы помнимъ всегда треугольную съ чернымъ султаномъ шляпу адъютанта губернатора, П. А. Костливцева, становившуюся вертикальнымъ торчкомъ, одинаково передъ высокими окнами нашей сосѣдки-красавицы В. Е. Чертовой и передъ наѣздницами цирка. Въ одинъ свѣтлый лѣтній вечеръ эта любопытная шляпа испугала на нашихъ глазахъ свѣтло-сѣрую лошадь молодой, красивой наѣздницы; лошадь брыкнула задними ногами, и бѣдная дѣвушка упала навзничь, разбившись въ кровь о барьеръ цирка.

Въ каменномъ домѣ Елизаветы Алексѣевны Безобразовой, существующемъ и теперь въ томъ же видѣ и принадлежавшемъ до 1898 г. дѣйствительному тайному совѣтнику А. П. Безобразову, мы съ III-го по VI-й классъ, нерѣдко танцовали по вечерамъ съ такими же подростками-дѣвушками, изъ кототорыхъ потомъ многія становились красавицами. Это были Львовы, Дмитріевскія, Вейнтраубъ, etc. Прежняя дружба продолжалась долго. Перешедши на службу въ Петербургъ, я пересталъ видѣться съ Д. П. Безобразовымъ. Но очень часто видѣлъ, впрочемъ, и теперь еще вижу во снѣ залу, гостиную и угловую большого каменнаго дома, принадлежавшаго почтенной Елизаветѣ Алексѣевнѣ, и всякій разъ, какъ я пріѣзжалъ въ отпускъ въ Казань, я бывалъ въ этомъ домѣ. Въ 1859 году, черезъ два года послѣ моей женитьбы, Д. П. поступилъ на службу въ Петербургѣ, о чемъ я вскорѣ узналъ, зашелъ къ нему въ I-й департаментъ министерства государственныхъ имуществъ, и онъ въ тотъ же день, со свойственной ему простотой и добродушіемъ, пришелъ къ намъ обѣдать въ нашу квартиру на Николаевской, тогда Грязной улицѣ, и очаровалъ меня и жену своимъ милымъ обращеніемъ. Скорая смерть его отъ тифа въ Петербургѣ оставила во мнѣ горькое сожалѣніе о судьбѣ этого милаго молодого человѣка, которому предстояла такая блестящая карьера, какъ и его старшимъ братьямъ.

Домъ Маріи Михайловны Лентовской, на высокой террасѣ надъ Николаевской площадью, съ проходомъ въ него съ этой площади въ подъѣздѣ черезъ разрытую гору, въ наше гимнази-

ческое время служилъ для насъ—кто бы могъ это подумать!—первымъ салономъ для causerie и свѣтскаго passe-temps, знакомства съ журналами и съ иллюстраціями, и я, обласканный Маріей Михайловной, тогда еще молодой, привлекательной женщиной, бывалъ въ немъ часто въ какой-то jour fixe,—кажется, среду. Еще въ 1862 г., при переѣздѣ на службу въ Казань, я нарочно посѣтилъ этотъ домъ, занятый тогда какой-то биргалкой, чтобы еще разъ вспомнить тѣ прекрасныя минуты, которыя доставлялъ намъ этотъ домъ въ годы моей юности. Распредѣленіе комнатъ оставалось прежнее, но уже не сохранилось никакихъ слѣдовъ одушевлявшей его жизни. Съ тѣхъ поръ мѣсто перешло въ руки извѣстнаго нынѣ, я думаю, во всей Россіи героя многочисленныхъ хроникъ, собранныхъ и напечатанныхъ покойнымъ Павловскимъ въ небольшой голубой книжкѣ „Незабудкѣ". Герой, движимый какимъ-то непонятнымъ, но полнымъ достоинства чувствомъ стыдливости, затѣялъ послѣ того процессъ съ Павловскимъ, проигралъ этотъ дорого стоившій ему процессъ, послѣ чего съ необыкновеннымъ искусствомъ, не жалѣя денегъ, скупилъ всѣ бывшіе въ обращеніи экземпляры этого изданія, причемъ они такъ волшебно исчезали съ полокъ, что я рѣшительно не могъ отыскать у себя слѣдовъ такой пропажи. Теперь на этомъ мѣстѣ стоитъ большой каменный домъ съ магазинами на площади, съ номерами для пріѣзжихъ внутри двора, съ общественными столовой и кухмистерской, дышетъ весь меркантильностью, и снизу доверху, снаружи и внутри, въ домѣ и во дворѣ, торгуетъ стекломъ, картономъ, пахучими маслами, цементомъ и совѣстью.

Былъ еще одинъ спектакль, въ которомъ я участвовалъ какъ ученикъ гимназіи; но этотъ былъ, такъ сказать, „по распоряженію начальства". Въ зданіи городского училища на Черноозерской улицѣ, гимназисты 1-ой и 2-ой гимназіи представляли никогда не умирающую пьесу „Костромскіе лѣса или Иванъ Сусанинъ". Сусанина прекрасно игралъ В. И. Лапинъ, впослѣдствіи видный чиновникъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по департаменту духовныхъ дѣлъ, а Ваню—я, еще четырнадцатилѣтній мальчикъ. Никто не можетъ себѣ представить моей радости, моего торжества, когда меня, еще въ пестрой рубашечкѣ крестьянскаго мальчика, вывели на вызовы къ зрительницамъ и зрителямъ перваго ряда партера, и они награждали меня похвалами, поцѣлуями и ласками.

Помнится еще слѣдующій эпизодъ ученической жизни. Я былъ уже въ VI-мъ классѣ гимназіи, когда установленный для осо-

быхъ случаевъ гимназической жизни звонокъ возвѣстилъ о пріѣздѣ высокой особы. Вскорѣ стеклянныя двери нашего класса, перваго со входной лѣстницы, широко распахнулись, и въ классъ вошелъ, въ густыхъ золотыхъ эполетахъ и съ генералъ-адъютантскимъ аксельбантомъ, небольшой сѣдоватый генералъ, не выше ростомъ нашего любимаго сторожа гимназіи, Конона. Это былъ казанскій губернаторъ С. П. Шиповъ. Учитель Позернъ, по иниціативѣ его высокопревосходительства, предложилъ мнѣ разсказать о послѣдствіяхъ реформаціи. Не вслушавшись въ приказаніе, я началъ горячо и долго говорить о личности Мартина Лютера, о его мнѣніи насчетъ распущенности священниковъ того времени, о пословицѣ: „кто хочетъ быть счастливъ одинъ день, тотъ пусть зарѣжетъ курицу, кто хочетъ быть счастливъ годъ, тотъ женись, а кто цѣлую жизнь, тотъ сдѣлайся священникомъ",—но былъ благосклонно выслушанъ и посаженъ на мѣсто.

Въ VI-мъ и особенно въ VII-мъ классѣ желаніе нравиться и танцовать развивалось все сильнѣе. Я посѣщалъ маленькіе очаги, болѣе всего домъ моего французскаго учителя, отца хорошенькой барышни—Людмилы Алексѣевны Де-Планьи; у брата же Николая Никитича былъ обширный кругъ знакомства, и онъ еще разсѣяннѣе проводилъ свои вечера. 31-го, наканунѣ новаго года, мы оба уходили изъ дому, и чтобы не огорчать своихъ стариковъ—отца и бабушку—тѣмъ, что мы не вмѣстѣ встрѣчали новый годъ, переводили стѣнные часы на полтора часа назадъ, и встрѣтивъ весело новый годъ съ интересовавшими насъ лицами, преимущественно барышнями, возвращались въ самую пору для встрѣчи вновь новаго года дома. А этихъ милыхъ барышенъ и въ моемъ кругу было довольно, какъ, напримѣръ, А. М. Львова, тогдашняя красавица и пѣвунья (о, какъ она пѣла тогда только-что явившуюся серенаду Фета: „На зарѣ ты ее не буди"), или молодая же, бѣломраморная красавица А. П. Кутепова.

Мой разсказъ объ учителяхъ былъ бы не полонъ, если бы я не сообщилъ нѣсколько свѣдѣній о г. Михайловѣ, учителѣ русской словесности въ VI-мъ и VII-мъ классахъ гимназіи. Воспитанникъ казанскаго университета по филологическому факультету, красивой, изящной наружности, художникъ по призванію, онъ обаятельно дѣйствовалъ на умы своихъ учениковъ. Онъ съумѣлъ развить въ нихъ любовь къ поэзіи и ея пониманіе, и своимъ чтеніемъ лучшихъ произведеній литературы увлекалъ наши горячія души въ высшія сферы чувствъ и помышленій. Счастливый билетъ изъ русской литературы, выпавшій на мою долю на пріемномъ экзаменѣ въ университетъ, и мое умѣнье отвѣчать

составили тогда самую лестную обо мнѣ рекомендацію. Я отвѣчалъ о поэзіи Пушкина, ея характерныхъ чертахъ, и какъ отрадно вспоминать мнѣ самому то, какъ я громко и отчетливо произносилъ вводные, какъ примѣръ, стихи Пушкина: „Была та смутная пора, когда Россія молодая, въ бореньи силы напрягая, мужалась геніемъ Петра“. Или,—что особенно понравилось моимъ экзаменаторамъ, хотя и было произнесено по дѣтски-восторженно, а не такъ, какъ бы произнесъ ихъ опытный цѣнитель женской красоты, Донъ-Жуанъ: „Я только издали съ благоговѣньемъ смотрю на васъ, когда, склонившись тихо, вы кудри черныя на мраморъ блѣдный разсыплете“. Пятнадцать лѣтъ спустя, когда я женился, оказалось, что и у моей жены въ институтѣ былъ тотъ же учитель, и какъ весело было вспоминать намъ обоимъ о дорогомъ наставникѣ и о его манерѣ преподавать и читать намъ стихи.

Съ переходомъ въ IV-й классъ, я началъ учиться греческому языку. Учитель, Клеотильдъ Станиславовичъ Тхоржевскій, только-что тогда кончившій курсъ въ университетѣ, кандидатъ филологическаго факультета, одинъ изъ „несчастныхъ“, какъ тогда называли воспитанниковъ виленской гимназіи, сосланныхъ въ Казань,—высокій, стройный молодой человѣкъ съ роскошной черной шевелюрой, съ блѣднымъ симпатичнымъ лицомъ, съ близорукими глазами, необычайно живыми, молодыми манерами, скоро сдѣлался нашимъ любимцемъ. Онъ вовсе не походилъ на тѣхъ новыхъ учителей греческаго языка въ современныхъ намъ гимназіяхъ, такъ называемыхъ „грекосовъ“, сухихъ, озлобленныхъ, родомъ изъ сербовъ или болгаръ, которыхъ такъ не любятъ и боятся наши ученики. Всѣ мы, впрочемъ, начали учиться греческому языку по собственному желанію. И потому ли, что мы начали учиться добровольно, или потому, что нашъ учитель былъ такой симпатичный человѣкъ, только мы всѣ любили его безъ памяти, и въ особенности я своимъ чистымъ, дѣтскимъ сердцемъ. Я не помню, чтобы когда-нибудь усвоеніе греческаго языка составляло для меня, въ началѣ или среди занятій,—предметъ какого-либо неудовольствія и тѣмъ менѣе мученія. Нашъ „длинный“ наставникъ, какъ называли его дѣти, le pyramide d'Egypte, какъ называли его всѣ любившіе его не менѣе дѣтей, его товарищи, по почину Де-Планьи,—онъ съумѣлъ сухое преподаваніе мертваго языка оживить разнообразіемъ переводныхъ источниковъ. Мы не сидѣли на одной и той же главѣ Одиссеи или Иліады по цѣлымъ мѣсяцамъ, не переводили съ живого на мертвый языкъ какихъ-либо отрывковъ изъ Ксенофонта, переведенныхъ

на русскій языкъ и снова переводимыхъ на греческій. Онъ останавливалъ насъ на разнообразныхъ эпизодахъ Иліады и Одиссеи, въ которыхъ жизнь древнихъ грековъ, народа и царей, возставала передъ нами, какъ живая въ своихъ первобытныхъ формахъ,—или гармоническимъ, пѣвучимъ голосомъ читалъ намъ оды Анакреона. И я, 72-лѣтній старикъ, до сихъ поръ наслаждаюсь мелодіей этого чуднаго древняго языка. Многіе изъ насъ, конечно, вовсе не думали заниматься далѣе греческой филологіей (и, конечно, знали потомъ языкъ и его грамматику гораздо хуже нынѣшнихъ учениковъ), но охотно посѣщали уроки греческаго языка, который, положимъ, не принесъ намъ также въ нашей жизни непосредственной пользы, кромѣ общей, одинаковой при изученіи и новыхъ языковъ, а именно умѣнья излагать свои мысли и способствовать быстрому мышленію; и, конечно, для дѣтскихъ сердецъ пріятно блестѣлъ вдали, по окончаніи курса въ гимназіи, XII-й классъ, съ которымъ меня отъ души поздравилъ мой чиновный отецъ. Бѣдный Клеотильдъ Станиславовичъ! Сколько лѣтъ я посѣщалъ его потомъ, будучи въ университетѣ и, вѣроятно, даже по окончаніи курса, когда онъ жилъ на Арскомъ-Полѣ, въ маленькомъ флигелѣ во дворѣ дома, принадлежавшемъ тогда полковнику Богданову. Несчастная общая судьба польскихъ уроженцевъ того времени, подвергавшая ихъ въ нашемъ суровомъ климатѣ разнымъ болѣзнямъ, отъ которыхъ они думали предохранить себя такими героическими средствами, какъ, напримѣръ, купанье въ озерѣ Кабанѣ до самыхъ заморозковъ, унесла его хрупкое здоровье.—Sit tibi terra levis!

Послѣдніе ученическіе годы оживлялись приливомъ новыхъ впечатлѣній. Два раза, въ 1844 и 1846 годахъ, пріѣзжали въ отпускъ братья-кадеты, Степанъ—новгородскаго графа Аракчеева корпуса изъ Грузина и Александръ—горнаго корпуса въ Петербургѣ. Въ нашемъ деревенскомъ домѣ виситъ небольшой, на рѣдкость хорошо сохранившійся для настоящаго времени, дагерротипный портретъ обоихъ братьевъ на темноватой серебряной доскѣ. Оба—въ своей простой кадетской формѣ того времени, неприглядной на видъ короткой курткѣ; старшій—Степанъ, съ высоко открытымъ лбомъ, съ вихрастой прядью волосъ, зачесанной съ проборомъ съ лѣвой стороны на правую, и съ одутловатыми щеками, несомнѣнно наслѣдіемъ Грузина, этого „земного рая“, какъ называлъ его всемогущій временщикъ-владѣлецъ. Другой, Александръ, стоя во весь ростъ, съ густыми черными волосами, большимъ открытымъ лбомъ и рубцеватымъ шрамомъ на щекѣ отъ операціи, произведенной еще въ дѣтствѣ,

въ Казани, бывшимъ профессоромъ хирургіи въ университетѣ, потомъ директоромъ медико-хирургической академіи, Дубовицкимъ. Въ большихъ, открытыхъ глазахъ, кажется, до сихъ поръ еще свѣтится тотъ огонь, съ которымъ онъ, гордый своею жизнью въ сѣверной столицѣ, еще не остывшей тогда отъ поэзіи Пушкина и Лермонтова, читалъ намъ такое высоко-патріотическое стихотвореніе, какъ „У русскаго царя въ чертогахъ есть палата", и казалось, что участь того неразгаданнаго при жизни великаго полководца, внушившаго поэту свое стихотвореніе, есть именно участь, будущая судьба его, милаго брата. Или онъ читалъ стихотвореніе Лермонтова: „Памяти А. И. Од—го": „Я зналъ его, мы странствовали съ нимъ въ горахъ Кавказа". И казалось, что этотъ чудный юноша-красавецъ, сохранившій до конца своей жизни свѣжесть и прелесть молодой души, вѣчную страстную любовь къ природѣ,—это именно онъ и есть, нашъ „милый Саша". Или онъ читалъ намъ стихотвореніе того же поэта, посвященное чудной и также загадочной красавицѣ, блиставшей тогда всѣми чарами своей красоты въ сѣверной столицѣ (А. К. Воронцовой-Дашковой), и изъ его разсказовъ какъ живая представляется она, эта „какъ мальчикъ кудрявый рѣзва, нарядна, какъ бабочка лѣтомъ", то въ гордыхъ салонахъ петербургской знати, гдѣ тогда сіяла также своею царственною славою Лалла Рукъ, или въ огромной, блистающей всѣми огнями, золотисто-розовой залѣ Большого театра, гдѣ она, „безпечной прелестью мила", сидитъ, опершись на барьеръ своими словно выточенными изъ слоновой кости руками, совершенно голыми, безъ всякихъ перчатокъ,—вопреки строгому обычаю тогдашней моды,—а надъ нею, выше ея, на второмъ и третьемъ ярусѣ, также въ ложахъ, сидятъ кадеты горнаго корпуса, и она—имъ, имъ!—очаровательно улыбается. А старшій братъ, Степанъ, привозилъ съ собою изъ Грузина большіе стапсы сочиненія аракчеевскихъ кадетъ на темы: „Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту", или анекдоты и стихотворные разсказы на такія же темы: „Non, monsieur, je ne peux pas"...

Константинъ Буличъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1903.

Наше желѣзнодорожное дѣло и крупная промышленность.

I.

Желѣзнодорожная наша политика послѣднихъ десяти лѣтъ займетъ видное мѣсто въ исторіи и русскихъ финансовъ, и экономическаго развитія страны. Значеніе этой политики по отношенію къ финансамъ усматривается уже изъ того факта, что изъ двухъ слишкомъ милліардовъ рублей государственныхъ долговъ, заключенныхъ въ послѣднее десятилѣтіе, на долю долговъ желѣзнодорожныхъ относится больше 1,5 милліарда руб., или 80%. Объ экономическомъ же значеніи желѣзныхъ дорогъ можно судить по той роли, какую желѣзнодорожное строительство играло въ промышленномъ оживленіи истекшаго десятилѣтія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, самой характерной чертой хозяйственной жизни новѣйшаго времени считалось развитіе крупной промышленности, которое склонны были разсматривать какъ явленіе самостоятельное, опредѣлявшее и многіе другіе важные факты новѣйшаго экономическаго развитія, въ родѣ быстраго распространенія сѣти нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Особенно удивлялись увлекающіеся экономисты успѣхамъ металлургической промышленности, которые они характеризовали какъ „чрезвычайные“, „гигантскіе“, „безпримѣрные въ исторіи“. Кризисъ крупной промышленности, зародившейся въ самый моментъ наиболѣе горячаго превознесенія нашихъ промышленныхъ успѣховъ и не прекращающійся въ теченіе четырехъ уже лѣтъ, сразу какъ-то переоцѣнилъ значеніе тѣхъ элементовъ, совокупностью которыхъ опредѣлялся характеръ нашего промышленнаго оживленія, и всѣмъ почти сдѣлалось ясно, что форсированное сооруженіе желѣзныхъ дорогъ на средства или подъ отвѣтственностью государства и

было главнѣйшимъ нервомъ промышленнаго оживленія. Кризисъ не далъ никакихъ новыхъ фактовъ, способныхъ уяснить дѣйствительныя основы этого оживленія, и трезво смотрящія на дѣло лица давно указывали, гдѣ нужно искать эту основу. Одного факта параллельнаго развитія оскудѣнія земледѣльческаго населенія и успѣховъ крупной индустріи—при отсутствіи внѣшнихъ рынковъ для сбыта продуктовъ послѣдней—достаточно для того, чтобы признать существованіе искусственныхъ причинъ необычайнаго оживленія нашей промышленности. Долго искать этихъ причинъ не приходится. Источники „безпримѣрнаго“ развитія, напр., металлургіи съ очевидностью открываются хотя бы изъ того факта, что больше 70 милліоновъ пудовъ желѣзныхъ издѣлій (въ переводѣ на чугунъ), или 43% производства чугуна, въ 1899 г. пошло на нужды желѣзнодорожнаго дѣла, — преимущественно на постройку новыхъ дорогъ [1]). Непосредственныя требованія желѣзныхъ дорогъ не составляютъ, однако, единственнаго источника развитія металлургической промышленности, вызваннаго желѣзнодорожнымъ строительствомъ. Чтобы удовлетворить эти требованія, нужно сооружать новые заводы и ихъ оборудовать; такія же сооруженія требуются и для отвѣта на ростущій спросъ со стороны новыхъ дорогъ на вагоны и другія принадлежности даннаго дѣла. А для сооруженія и оборудованія этихъ заводовъ нужны опять чугунъ, желѣзо и другіе металлы. Принимая во вниманіе эти обстоятельства, безъ большой погрѣшности можно принять, что добрая половина выработки металлургическихъ заводовъ во взятомъ для примѣра году была употреблена на нужды желѣзнодорожнаго дѣла.

Энергичное сооруженіе желѣзныхъ дорогъ наблюдается у насъ не впервые. Аналогичное явленіе имѣло мѣсто въ семидесятыхъ годахъ, когда—въ теченіе восьми лѣтъ—было построено 12 тысячъ верстъ рельсовыхъ путей. Это, однако, не повело къ столь крупному развитію индустріализма, какое наблюдается въ новѣйшее время. И этого не случилось прежде всего потому, что постройка желѣзныхъ дорогъ производилась въ семидесятыхъ годахъ изъ иностранныхъ матеріаловъ и отражалась, поэтому, на общемъ состояніи промышленности не столько непосредственно, сколько косвеннымъ путемъ—увеличенія заработковъ населенія и облегченія товарнаго обмѣна. О первомъ ея вліяніи можно судить потому, что количество привезеннаго въ Россію хлопка (для переработки въ ткани) возросло въ теченіе этого періода съ трехъ милліоновъ пудовъ до семи милліоновъ [2]).

---

[1]) А. Матвѣевъ, Желѣзное дѣло Россіи въ 1901 году, стр. 1.

[2]) М. Туганъ-Барановскій, Русскія фабрики въ прошломъ и настоящемъ, т. I, стр. 313.

Не наблюдалось въ семидесятыхъ годахъ и другой причины промышленнаго оживленія послѣднихъ лѣтъ: настойчивыхъ усилій финансоваго вѣдомства привлечь въ Россію иностранное золото, въ которомъ оно нуждалось для осуществленія задуманной реформы денежнаго обращенія. Золото это привлекалось и займами, и поощреніемъ устройства въ Россіи иностранцами промышленныхъ предпріятій, путемъ обезпеченія имъ казенныхъ заказовъ. Заказы эти находились, преимущественно, въ области желѣзнодорожнаго строительства, которое, поэтому, поощрялось и возбуждалось всевозможными средствами—благо желѣзныхъ дорогъ у насъ мало, а онѣ составляютъ наиболѣе совершенный въ данное время способъ передвиженія.

Освобожденная на время отъ зависимости отъ постояннаго внутренняго рынка,—который расширяется у насъ крайне медленно,—будучи поощряема къ устройству новыхъ заводовъ казенными заказами на желѣзнодорожныя принадлежности, наша крупная (преимущественно металлургическая) промышленность обнаружила въ истекшемъ десятилѣтіи лихорадочное стремленіе къ расширенію производства. Новые заводы строились одинъ за другимъ, преимущественно на средства бельгійскихъ, французскихъ и другихъ иностранныхъ предпринимателей. Этому усиленному строительству не грозило бы, можетъ быть, въ будущемъ серьезной опасности, если бы поощряющая его власть сообразовалась при этомъ съ дѣйствительными потребностями страны въ продуктахъ даннаго рода и съ реальными нуждами желѣзнодорожнаго дѣла. Но такъ какъ главной задачей было увеличеніе въ странѣ золота и по преобладавшимъ въ обществѣ взглядамъ лучше имѣть избытокъ, чѣмъ недостатокъ фабрикъ и заводовъ, то, при поощреніи промышленности, не обращалось вниманія на то обстоятельство, что вновь построенный заводъ будетъ нуждаться въ работѣ послѣ выполненія даннаго ему казеннаго заказа; что найти такую работу сразу—если заводовъ откроется много—представится весьма затруднительнымъ, и что предусмотрительно, поэтому, распредѣлять сооруженіе предполагаемыхъ путей во времени такимъ образомъ, чтобы обезпечить работу опредѣленному числу заводовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и дать имъ такимъ образомъ возможность укрѣпиться и понемногу перейти къ производству предметовъ общаго потребленія.

Вмѣсто того, финансовое вѣдомство заботилось лишь о томъ, чтобы полнѣе использовать въ своихъ цѣляхъ стремленія иностранцевъ помѣщать свои капиталы въ Россіи, и ускоряло сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, не думая о томъ, что форсированное желѣзнодорожное строительство—да еще на занятые капиталы—не можетъ продолжаться безгранично, а всякое его замедленіе поведетъ къ пріостановкѣ дѣятель-

ности и вызванныхъ имъ къ жизни производительныхъ предпріятій. По этому предмету можно, пожалуй, возразить, что промышленники пусть сами заботятся о себѣ и, вступая въ опредѣленное соглашеніе съ правительствомъ, не разсчитываютъ на постоянныя пособія съ его стороны. Это соображеніе было бы правильно въ примѣненіи ко всякой странѣ, но не къ Россіи, гдѣ финансовое вѣдомство обнаруживаетъ явное стремленіе руководить промышленнымъ развитіемъ страны, и не можетъ поэтому отстранить отъ себя отвѣтственность за неудачные результаты такого руководительства.

Результаты поощрительной политики не заставили себя долго ждать. Съ 1892 по 1899 г. желѣзнодорожная сѣть возростала прогрессивно и давала заказы всѣмъ открывавшимся металлургическимъ заводамъ. Въ 1893 г. было открыто 1,6 тысячъ верстъ новыхъ желѣзныхъ путей, въ 1894 г.—1,8 тыс. верстъ, въ 1896 г.—2,3 тыс. верстъ, въ 1897 г.—1,6 тыс. верстъ, въ 1898 г.—3,9 тыс. верстъ, въ 1899 г.—5 тысячъ верстъ. Все возростающее требованіе со стороны желѣзныхъ дорогъ на матеріалы и другія принадлежности строительства удовлетворялись полностью, благодаря новымъ заводамъ, учреждавшимся для этой цѣли. Заводы эти строились въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, чѣмъ нужно для выполненія предоставляемыхъ имъ заказовъ; имъ бы пришлось поэтому, вѣроятно, искать новыхъ рынковъ для сбыта своихъ продуктовъ даже при не ослабѣвающемъ строительствѣ, а при томъ сокращеніи послѣдняго, какое случилось въ послѣдующіе годы, заводы оказались прямо-таки въ критическомъ положеніи. Въ 1900 г. открыто было всего 3 тыс. верстъ новыхъ желѣзныхъ путей, въ 1901 г.—столько же, а въ 1902 году—слишкомъ вдвое меньше. Это не замедлило отразиться на состояніи металлургической промышленности. Въ январѣ мѣсяцѣ 1900 г. спеціальная коммиссія разсчитала, что южные наши заводы выплавятъ чугуна: въ 1900 г. 105 милл. пудовъ; въ 1901 г.—125 милл. пудовъ, въ 1902 г.—140 милл. пуд.; вмѣсто того они выплавили въ 1900 г.—92 милл. пудовъ, или 88% предположеннаго количества, въ 1901 г.—тоже 92 милл. пудовъ, или 73%, а въ 1902 г. (судя по выплавкѣ первой половины)—всего 85 [1]) милл. пудовъ, или 61% ожидавшагося количества. Южные заводы, слѣдовательно, не дорабатываютъ почти 40% того продукта, на производство котораго они разсчитаны, а правительство нашло нужнымъ принять цѣлый рядъ мѣръ для облегченія ихъ положенія.

Сдѣланная справка о связи желѣзнодорожнаго строительства съ выдающимися въ послѣднее время явленіями экономической жизни

---

[1]) А. Матвѣевъ, id., Описательный отдѣлъ стр. 50—52; Статистическій отдѣлъ, стр. 2.

Россіи даетъ основаніе заключить, что желѣзнодорожная политика послѣдняго десятилѣтія является весьма важнымъ факторомъ новѣйшей экономической исторіи страны, и напоминаніе о главнѣйшихъ сторонахъ этой политики не можетъ не представлять интереса для русскаго читателя. Мы пользуемся поэтому выходомъ въ свѣтъ изслѣдованія проф. Мигулина по исторіи желѣзныхъ дорогъ (съ финансовой стороны) въ послѣднія десять лѣтъ [1]), чтобы напомнить читателю нѣкоторые факты желѣзнодорожной эпопеи нашихъ дней.

II.

Современная желѣзнодорожная политика министерства финансовъ характеризуется двумя присущими ей стремленіями: тенденціей обращенія желѣзныхъ дорогъ въ казенное завѣдываніе и стремленіемъ возможно распространить въ Россіи рельсовую сѣть.

Распространеніе казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства не представляется явленіемъ изолированнымъ, а находится въ соотвѣтствіи съ расширеніемъ въ тотъ же періодъ времени другихъ хозяйственныхъ предпріятій государства, какъ, напр., винная монополія. Описанное же направленіе политики финансоваго вѣдомства объясняется, главнымъ образомъ, двумя обстоятельствами: желаніемъ имѣть источники государственныхъ доходовъ, независимые отъ налоговъ, и стремленіемъ возможно больше подчинить вліянію государства экономическое развитіе страны. Послѣдняя цѣль ясно выражена во всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1894 годъ. Благотворныя послѣдствія,—говорится въ этомъ докладѣ,—къ которымъ должно повести объединеніе желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ правительства, „сосредоточивающее въ непосредственномъ распоряженіи правительства столь могучее орудіе управленія экономическимъ развитіемъ страны, такъ очевидно, что не нуждается въ особомъ выясненіи“. Но стремленіе руководить этимъ развитіемъ проявляется и во многихъ другихъ фактахъ экономической политики финансоваго вѣдомства положительнаго и отрицательнаго характера. Нормировка сахарнаго и водочнаго производства, прямое и косвенное поддержаніе излюбленныхъ отраслей промышленности, попытки регулированія хлѣбныхъ цѣнъ путемъ покупки казною зерна, отклоненіе проекта объ акціонерныхъ предпріятіяхъ, уничтожающаго концессіонную систему и ослабляющаго этимъ руководительство промышленности со стороны

---

[1]) Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика и желѣзнодорожные займы. Харьковъ, 1903.

власти,—вотъ примѣры явной тенденціи финансоваго вѣдомства вліять по своему усмотрѣнію на промышленное развитіе страны.

Находящаяся въ завѣдываніи казны желѣзнодорожная сѣть увеличилась въ теченіе 1893 — 1902 гг. на 24 тыс. верстъ, изъ коихъ 14 тыс. верстъ выкуплено государствомъ изъ частныхъ рукъ, а 10 тыс. верстъ выстроено вновь. Выкупленныя дороги стòятъ казнѣ слѣдующихъ суммъ.

На самый выкупъ, т.-е. на уплату акціонерамъ, израсходовано 455 милліоновъ рублей; вмѣстѣ съ этимъ на государство перешли долги выкупленныхъ дорогъ по займамъ, на сумму 1 милліардъ 173 милліона рублей; да числилось за ними долговъ государству по гарантіи съ наросшими процентами въ 784 милл. р. и 73 милл. руб., израсходованныхъ на нихъ за счетъ ссудъ и другихъ капиталовъ. Такимъ образомъ, выкупленныя 14.105 верстъ обошлись государству въ 2 милліарда 485 милліоновъ рублей, или въ 176 тыс. р. верста,— сумма, приблизительно, въ два раза превышающая дѣйствительную стоимость дорогъ. Этой высокой цѣной пріобрѣтенныхъ дорогъ государство расплачивается за свои прежнія ошибки въ области желѣзнодорожной политики, когда оно чуть не навязывало выстроенныя имъ линіи акціонернымъ обществамъ, побуждало послѣднія къ сооруженію новыхъ линій всякими льготами при расцѣнкѣ предполагаемой стоимости сооруженія и не учреждало достаточнаго контроля за постройкой и эксплоатаціей дорогъ, вслѣдствіе чего дороги обходились дорого, доходы получались малые, и государству приходилось нести крупные расходы по гарантіи строительныхъ капиталовъ, которые не были возвращены обратно.

Стоимость государству выкупленныхъ дорогъ нѣсколько поднялась еще вслѣдствіе слишкомъ милостиваго разсчета съ акціонерами. При выкупѣ дорогъ „Главнаго Общества", напр., разсчетъ произведенъ въ предположеніи, что гарантія по акціямъ должна выплачиваться въ золотой валютѣ, между тѣмъ какъ акціи общества были выпущены въ серебряной валютѣ. Выкупная сумма балтійской желѣзной дороги опредѣлена была, вопреки уставу, безъ вычета изъ капитализированнаго гарантированнаго дохода на акціи непогашенныхъ облигацій петергофской желѣзной дороги, что̀ давало акціонерамъ лишнихъ 6 милл. руб., или на 30% выше того, что̀ слѣдовало по уставу. Сдѣлано это было въ предположеніи, что соотвѣтствующая статья устава составлена по недосмотру. Акціонерамъ оренбургской и донецкой желѣзной дороги, въ виду досрочнаго выкупа послѣднихъ, уплачено было не только то, что̀ слѣдовало по условію, но и капитализированная сумма возможныхъ сбереженій при казенной ихъ эксплоатаціи (вслѣдствіе соединенія въ одно управленіе съ другими дорогами) и т. д.

Сумму подобныхъ переплатъ (не считая московско-ярославско-архангельской желѣзной дороги) г. Мигулинъ опредѣляетъ въ 49 милліоновъ рублей [1]).

Объ успѣхахъ желѣзнодорожнаго строительства даютъ понятіе слѣдующія цифры.

Къ 1 января 1903 г. въ Россіи находилось въ общемъ пользованіи (не считая финляндскихъ дорогъ) 54 тыс. верстъ рельсовыхъ путей, въ томъ числѣ 46,6 тыс. верстъ въ Европейской и 7,5 тыс. верстъ въ Азіатской Россіи. Къ 1 января 1893 г. желѣзнодорожная сѣть составляла 29 тыс. верстъ. За протекшія съ тѣхъ поръ десять лѣтъ у насъ было сооружено, слѣдовательно, 25 тыс. верстъ рельсовыхъ путей. Въ 1902 г., кромѣ того, было открыто временное движеніе на 800 верстахъ въ Европейской Россіи, на 300 верстъ въ Средней Азіи и на 2.375 верстъ въ Манчжуріи, всего на 3,5 тыс. верстахъ. Считая и эти, уже готовыя линіи, мы увидимъ, что въ теченіе десятилѣтія 1893—1902 гг. было сооружено 28,5 тыс. верстъ желѣзныхъ дорогъ, т.-е. почти столько же, сколько было выстроено ихъ за цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ, предшествующія разсматриваемому періоду. Кромѣ того, въ 1902 г. находилось въ постройкѣ 4,6 тыс. верстъ. Прибавивъ къ сказанному, что къ 1 января 1903 г. разрѣшено сооруженіе еще 5 тыс. верстъ, мы получимъ полное понятіе о той желѣзнодорожно-строительной горячкѣ, какая охватила наше финансовое вѣдомство въ концѣ XIX вѣка и держитъ его еще въ началѣ XX вѣка. Мы говоримъ въ данномъ случаѣ о горячкѣ, охватившей именно финансовое вѣдомство, потому что, какъ увидимъ ниже, это вѣдомство принимало всяческія мѣры для сооруженія новыхъ линій, и не будь его возбуждающаго воздѣйствія—желѣзныя дороги сооружались бы у насъ гораздо медленнѣе.

25 тыс. верстъ рельсовыхъ путей, открытыхъ въ теченіе 1893—1902 гг. для общаго пользованія, сооружено частью казною, частью желѣзнодорожными обществами. Казною выстроено около 10 тыс. верстъ, желѣзнодорожными обществами—около 15 тыс. верстъ. Казна строила преимущественно на окраинахъ: въ Сибири 5.285 верстъ, на сѣверѣ Россіи — больше тысячи верстъ, на Кавказѣ—420 вер., въ Средней Азіи—945 вер.; частныя общества (исключая „Общество восточно-китайской желѣзной дороги“) орудуютъ исключительно въ Европейской Россіи. Акціонерныя общества сооружали дороги на занятые капиталы, суммою до милліарда рублей. Казна затратила въ теченіе десяти лѣтъ собственно на строительство свыше 700 милл. руб., и на улучшеніе и усиленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ 620 милл. руб.;

---

[1]) Наша желѣзнодорожная политика, стр. 278.

сверхъ того она выдала ссудъ „Обществу восточно-китайской желѣзной дороги“ 350 милл. р. (для сооруженія этой линіи, на которой открыто уже временное движеніе) и 11 милл. руб. другимъ обществамъ, для улучшенія желѣзныхъ дорогъ. Всего казною издержано на капитальныя затраты по желѣзнодорожной части около 1,7 милліардовъ руб., изъ нихъ около 500 тыс. руб. получено займами, а 1,2 милліарда руб. взято изъ обыкновенныхъ государственныхъ рессурсовъ; это составляетъ затрату изъ собираемыхъ съ населенія суммъ, въ среднемъ, 120 милл. р. въ годъ.

Затраты государства на желѣзнодорожное строительство въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ не ограничивались ежегоднымъ расходомъ собственныхъ средствъ въ количествѣ 120 милл. руб. и уплатою процентовъ на занятые 500 милл. руб.; оно несетъ еще расходы по оплатѣ процентовъ на капиталы, затраченные на сооруженіе рельсовыхъ путей частными обществами (въ тѣхъ случаяхъ, когда выручки послѣднихъ недостаточно для покрытія таковыхъ),—потому что большая часть этихъ капиталовъ занята подъ гарантіей государства. Гарантированныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ выпущено за разсматриваемое время (собственно за 11 лѣтъ) на сумму около 900 милліоновъ рублей. Казна не только гарантировала эти суммы, но и брала на себя хлопоты по ихъ добыванію; желѣзнодорожныя же общества получали готовыя деньги и употребляли ихъ по назначенію. Частное наше желѣзнодорожное строительство носитъ на себѣ поэтому много чертъ строительства казеннаго.

III.

Желѣзнодорожное дѣло никогда не было у насъ чисто коммерческимъ предпріятіемъ; казна всегда обезпечивала предпринимателямъ опредѣленный доходъ, и изъ 4.805 милліоновъ рублей, заложенныхъ въ желѣзныя дороги въ 1900 г., негарантированныя суммы составляли 200 милліоновъ рублей, или всего 4%. Въ финансовомъ отношеніи желѣзнодорожное дѣло представляется у насъ настолько рискованнымъ, а общественная необходимость въ рельсовыхъ путяхъ настолько очевидною, что правительству оставалось или строить рельсовую сѣть самому, или приходить на помощь частнымъ предпринимателямъ. Оно дѣлало и то, и другое, и въ различные моменты исторіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи преобладало казенное или частное строительство.

Первоначально сооруженіе желѣзныхъ дорогъ (кромѣ царскосельской) производилось у насъ средствами государства. Такъ была по-

строена въ теченіе 1845—1853 г.г. николаевская, варшавско-вѣнская и гатчинскій участокъ петербурго-варшавской желѣзной дороги, общимъ протяженіемъ въ 954 версты; сооруженіе петербурго-варшавской дороги прервано было военнымъ временемъ. Казна, однако, тяготилась своимъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ и по окончаніи крымской войны—въ согласіи съ господствовавшими на Западѣ воззрѣніями—стремилась къ тому, чтобы передать это дѣло въ частныя руки. Въ 1857 г. русскими и иностранными капиталистами было образовано памятное всѣмъ „Главное Общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ", взявшее на себя сооруженіе въ теченіе десяти лѣтъ 4-хъ тысячъ верстъ рельсовыхъ путей, которые должны были связать Петербургъ съ западной границей и Москву съ Волгой (Нижнимъ-Новгородомъ) съ одной стороны, съ Балтійскимъ моремъ (Либавой) съ другой и съ Чернымъ моремъ (Ѳеодосіей) съ третьей. Обществу предоставлялось право эксплоатаціи устроиваемыхъ имъ линій въ теченіе 85 лѣтъ съ правительственной гарантіей строительныхъ капиталовъ изъ 5%, послѣ чего дороги должны была перейти безплатно въ собственность государства. Капиталъ общества опредѣленъ былъ въ 275 милліоновъ рублей или, въ среднемъ, въ 69 тысячъ рублей на версту. Въ этомъ же году рѣшено было выдать концессію рижскому биржевому комитету на сооруженіе риго-динабургской желѣзной дороги, и передать частному обществу эксплоатацію варшаво-вѣнской желѣзной дороги, а въ слѣдующіе два года образованы общества для сооруженія волго-донской, московско-ярославской и московско-саратовской желѣзныхъ дорогъ [1].

Частные строители не оправдали, однако, возлагавшихся на нихъ надеждъ, а „Главное Общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ" „зарекомендовало себя такими хищеніями, такимъ неумѣлымъ образомъ дѣйствій, такой убыточностью для государственнаго казначейства, такимъ подрывомъ государственнаго кредита, такой безпомощностью частной иниціативы внѣ правительственнаго содѣйствія, что могло бы надолго уничтожить въ глазахъ правительства всѣ преимущества частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства" [2]). Общество это скоро признало себя несостоятельнымъ въ выполненіи всѣхъ принятыхъ сооруженій, вслѣдствіе чего за нимъ были оставлены только петербурго-варшавская и московско-нижегородская желѣзныя дороги. Дороги эти были построены имъ настолько неэкономно, что обошлись въ 100 тысячъ рублей верста, тогда какъ сооруженный казною гатчинскій участокъ варшавской желѣзной дороги стоилъ всего

[1]) Краткій историческій очеркъ начала и распространенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Изд. Мин. Пут. Сообщ.

[2]) Мигулинъ, стр. 3.

43 тысячи рублей верста, а московско-курская желѣзная дорога (сооружавшаяся казною послѣ освобожденія отъ обязательства строить ее „Главнаго Общества“, требовавшаго гарантіи строительнаго капитала для южной линіи въ суммѣ 90 тысячъ рублей на версту)—62 тысячи рублей. Отдавая концессію „Главному Обществу“, правительство надѣялось на привлеченіе въ Россію иностранныхъ капиталовъ; но вмѣсто того деньги на постройку заняты были въ Россіи и ушли за границу въ уплату за желѣзнодорожныя принадлежности. По мнѣнію проф. Мигулина, это было едва ли не главной причиной нарушенія нашего разсчетнаго баланса и прекращенія размѣна кредитныхъ билетовъ. Правительство, тѣмъ не менѣе, продолжало стремиться къ передачѣ желѣзныхъ дорогъ въ руки акціонерныхъ обществъ, и „только полное неумѣнье разныхъ дѣльцовъ, испросившихъ себѣ концессіи, образовать общества и собрать капиталы“ заставило правительство приняться самому за сооруженіе главнѣйшихъ линій. Въ тотъ періодъ исторіи нашего желѣзнодорожнаго дѣла, когда дороги строились исключительно частнымъ путемъ, въ 1857—1864 гг., было сооружено 2.380 верстъ. Въ 1865—1869 гг. желѣзныя дороги строились и казною, и частными обществами; казною сооружено было 1.150 верстъ, обществами—3.150 верстъ [1]).

Правительство принимало разнообразныя мѣры для привлеченія къ данному дѣлу частной предпріимчивости. Оно предоставляло очень высокую гарантію строительныхъ капиталовъ, допускало заводамъ преувеличенную оцѣнку стоимости сооруженій и возможность вслѣдствіе этого реализаціи строительнаго капитала съ учетомъ въ нѣсколько десятковъ процентовъ; „отказывалось отъ всякаго вмѣшательства въ веденіе дѣлъ частными обществами, отъ всякаго контроля, отъ руководительства тарифами, отъ права выкупа дороги на длинные сроки, отъ обращенія цѣликомъ избытка чистаго дохода дороги надъ гарантированнымъ для погашенія прежнихъ долговъ дорогъ по гарантіи“ [2]).

При этомъ правительство не принимало участія въ реализаціи акціонерными обществами капиталовъ, которымъ оно гарантировало опредѣленный доходъ, предоставляя размѣщать займы самимъ обществамъ. Оно поступало такимъ образомъ потому, что считало, что частныя общества скорѣе найдутъ деньги, нежели казна, и что, устраняясь отъ активнаго участія въ займѣ, оно лишаетъ гарантированные имъ желѣзнодорожные займы характера займовъ государственныхъ. Правительство, иначе говоря, полагало, что хотя государство и беретъ на себя обязательство уплачивать по выпускаемымъ бумагамъ

---

[1]) Краткій историческій очеркъ. Приложеніе.

[2]) Мигулинъ, стр. 5.

проценты и погашеніе, но такъ какъ бумаги эти выпускались не имъ, а частными обществами, то совершаемый такимъ образомъ заемъ будетъ считаться лежащимъ на плечахъ этихъ послѣднихъ, а государство будетъ разсматриваться какъ бы необремененнымъ долгами. Послѣдняго рода соображеніе врядъ ли, однако, могло обмануть кого-либо изъ тѣхъ сферъ, для кого оно предназначалось; что же касается предположенія о выгодности частныхъ займовъ сравнительно съ правительственными — оно было опровергнуто самой жизнью: частные 5% займы реализировались, въ среднемъ, по 73% нарицательной цѣны, тогда какъ реализаціонная цѣна выпускавшихся одновременно правительственныхъ 5% займовъ не опускалась ниже 83%. Это побудило правительство отказаться отъ системы невмѣшательства въ дѣло реализаціи желѣзнодорожныхъ капиталовъ; но и взявъ на себя помѣщеніе желѣзнодорожныхъ займовъ, оно, тѣмъ не менѣе, не включало послѣднее въ общую сумму государственныхъ долговъ, а образовало особый желѣзнодорожный фондъ, желая этимъ показать, что желѣзнодорожные займы не имѣютъ никакого отношенія къ государственному бюджету, что государство не пользуется занимаемыми суммами и служитъ только посредникомъ между финансовыми сферами и желѣзнодорожными обществами. Такая политика тоже едва ли достигала своей цѣли—поддержаніи государственнаго кредита, и если было извѣстно, что правительство приплачиваетъ по гарантіи желѣзнодорожныхъ капиталовъ 50 милл. рублей въ годъ, — никто не будетъ считать его свободнымъ отъ долга на томъ лишь основаніи, что занятая сумма занесена въ желѣзнодорожный фондъ; не уменьшится и отрицательное значеніе дефицита въ государственномъ бюджетѣ оттого, что дефицитъ этотъ произошелъ вслѣдствіе несостоятельности желѣзныхъ дорогъ. Эти очевидныя истины привели къ тому, что желѣзнодорожный фондъ былъ наконецъ упраздненъ (въ 1884 г.) и желѣзнодорожные займы стали заноситься въ общій списокъ государственныхъ долговъ.

Взявъ на себя добываніе денегъ для акціонерныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, правительство не только выиграло на реализаціи займовъ, но и стало играть болѣе дѣятельную роль въ руководительствѣ желѣзнодорожнымъ строительствомъ, какъ въ отношеніи установленія условій сооруженія данной линіи, такъ и въ смыслѣ назначенія очереди постройки тѣхъ или другихъ дорогъ. Во всемъ же прочемъ оно держалось прежней политики самоустраненія отъ хозяйственнаго завѣдыванія желѣзными дорогами, и такъ какъ русскіе и иностранные капиталы стали теперь охотнѣе приливать къ этому дѣлу, то казна понемногу передала въ частныя руки всѣ свои линіи, и къ началу семидесятыхъ годовъ въ ея распоряженіи не находилось ника-

кихъ желѣзныхъ дорогъ. Десятилѣтіе 1870—1880 гг. было временемъ усиленнаго и притомъ почти исключительно частнаго желѣзнодорожнаго строительства: изъ 13,5 тысячъ верстъ, сооруженныхъ въ это время, казною было выстроено всего 57 верстъ ливенской желѣзной дороги [1]).

Частная желѣзнодорожная сѣть росла и росла, но желѣзнодорожное хозяйство не становилось лучше. Въ концѣ 70-хъ гг. казнѣ приходилось приплачивать по гарантіи 50 милл. рублей въ годъ, и долгъ казнѣ частныхъ обществъ превзошелъ 500 милл. рублей. Это, естественно, вело къ разочарованію въ выгодахъ частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства, и въ началѣ 80-хъ гг. начинается опять постройка дорогъ на казенный счетъ: въ теченіе 1881—1886 гг. было выстроено 2.080 верстъ казною и 1.220 верстъ частными обществами. Финансовое положеніе частныхъ дорогъ оставалось, однако, въ прежнемъ видѣ: приплаты казны по желѣзнодорожнымъ обязательствамъ достигли 64 милл. рублей въ годъ, долги частныхъ обществъ казнѣ по ссудамъ и гарантіи превысили милліардъ рублей; изъ 21 тысячи верстъ частныхъ путей только $3^1/_4$ тысячъ верстъ вырабатывали доходъ, достаточный для оплаты обязательствъ. Эти печальные результаты были слѣдствіемъ не только малочисленности перевозокъ и плохого управленія дорогами,—они происходили еще оттого, что строительные капиталы дорогъ обошлись очень дорого, и для ихъ оплаты дороги должны были вырабатывать 6,75%. При такихъ условіяхъ,—когда $^5/_6$ частныхъ желѣзныхъ дорогъ не приносили дохода даже для оплаты процентовъ на вложенные въ нихъ капиталы и когда эти проценты покрывались государствомъ,—вслѣдствіе чего уменьшеніе доходовъ дорогъ не грозило имъ никакими неудобствами—акціонеры желѣзнодорожныхъ обществъ не имѣли побудительныхъ причинъ стремиться къ возможной экономіи въ расходахъ и заботиться о лучшемъ веденіи дѣла, и правленія этихъ обществъ были свободны тратить желѣзнодорожныя суммы соотвѣтственно ихъ личнымъ воззрѣніямъ и разсчетамъ. Частное желѣзнодорожное хозяйство становилось при такихъ условіяхъ совершенно для казны убыточнымъ, и правительство естественно стало принимать мѣры къ тому, чтобы упорядочить его изданіемъ различныхъ правилъ, ограничивающихъ произволъ правленій, учрежденіемъ фактическаго контроля надъ дѣятельностью дорогъ и сосредоточеніемъ мелкихъ линій въ рукахъ крупныхъ обществъ и въ распоряженіи государства (мы уже не говоримъ о конверсіи желѣзнодорожныхъ займовъ съ цѣлью уменьшенія бремени платежей). Правительство вступило на этотъ путь еще въ началѣ 80-хъ гг.; но

---

[1]) Краткій историческій очеркъ. Приложенія 18—27.

систематическая и вмѣстѣ съ тѣмъ энергичная преобразовательная въ этомъ отношеніи дѣятельность проявилась въ концѣ названнаго десятилѣтія, когда во главѣ учрежденія, завѣдывающаго желѣзными дорогами, сталъ извѣстный желѣзнодорожный дѣятель, С. Ю. Витте. При министрѣ финансовъ Вышнеградскомъ главное вниманіе обращено было на упорядоченіе желѣзнодорожнаго хозяйства (частнаго и казеннаго); при его же преемникѣ на первый планъ выступило сосредоточеніе желѣзныхъ дорогъ въ крупныя общества, выкупъ ихъ въ казну и усиленное сооруженіе новыхъ путей. Благопріятные финансовые результаты вмѣшательства государства въ управленіе желѣзными дорогами выразились въ томъ, что въ началѣ истекшаго десятилѣтія около половины заключенныхъ для желѣзныхъ дорогъ займовъ не требовали уже приплатъ по гарантіи, и тѣ приплаты, которыя еще лежали на казнѣ, сократились до 17 милл. рублей въ годъ. Что касается другихъ сторонъ желѣзнодорожной политики Вышнеградскаго —о нихъ можно судить по тому, что при немъ было выстроено около 1,5 тысячъ верстъ новыхъ путей частными обществами и 2,5 тысячъ верстъ—казною, и выкуплено государствомъ 5,5 тысячъ верстъ.

IV.

И. А. Вышнеградскій передалъ своему преемнику около 30 тысячъ верстъ рельсовыхъ путей, изъ коихъ 13 тысячъ верстъ находились въ казенномъ завѣдываніи, а 17 тысячъ верстъ—въ частныхъ рукахъ. Казенная сѣть въ послѣдующія десять лѣтъ непрерывно возростала и къ 1 января 1903 года превышала 36 тысячъ верстъ; протяженіе желѣзныхъ дорогъ, находившихся въ частныхъ рукахъ, то уменьшалось (до 12,5 тысячъ верстъ), то увеличивалось, и въ настоящій моментъ превышаетъ 17 тысячъ верстъ. Колебанія протяженій частныхъ желѣзныхъ дорогъ происходили главнымъ образомъ подъ вліяніемъ двухъ обстоятельствъ: выкупа государствомъ частныхъ дорогъ и сооруженія желѣзнодорожными обществами новыхъ линій. Въ зависимости отъ преобладанія въ данномъ году того или другого фактора частная желѣзнодорожная сѣть то увеличивалась, то уменьшалась; въ общемъ же, за разсматриваемыя десять лѣтъ сокращеніе протяженія частныхъ дорогъ вслѣдствіе выкупа ихъ въ казну было покрыто приращеніемъ сѣти, путемъ сооруженія новыхъ линій, и въ концѣ этого періода въ рукахъ акціонерныхъ обществъ оказалось почти столько же верстъ желѣзныхъ дорогъ, сколько ихъ было вначалѣ. Выстроено ими было въ это время (не считая китайской дороги) 15 тысячъ верстъ, а выкуплено въ казну 14 тысячъ верстъ.

Частныя желѣзнодорожныя общества служили такимъ образомъ простымъ орудіемъ для распространенія рельсовой сѣти, а частное хозяйство ничего не выигрывало отъ такого распространенія: акціонернымъ обществамъ поручалось сооруженіе новыхъ линій, но въ такой же мѣрѣ у нихъ отнимались линіи старыя. Правительство, съ одной стороны, содѣйствовало превращенію надежныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ болѣе крупныя предпріятія, отдавая въ ихъ распоряженіе сосѣднія линіи и образуя такимъ образомъ какъ бы естественные географическіе желѣзнодорожные районы, и обязывало эти общества сооружать новыя линіи; съ другой—обращало въ казенное завѣдываніе линіи менѣе надежныя. Такъ какъ въ прежнее время новые рельсовые пути проводились главнымъ образомъ въ западной, южной и центральной Россіи, а хуже всего въ этомъ отношеніи оборудованы были восточная и сѣверная окраины страны, то главныя заботы министерства С. Ю. Витте направлены были на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ этихъ послѣднихъ районахъ и крупныя желѣзнодорожныя общества устроивались здѣсь же; дороги же западной половины Россіи выкупались въ казну. Вслѣдствіе этого на крайнемъ западѣ въ частныхъ рукахъ осталась теперь одна крупная дорога—варшаво-вѣнская и маленькая—лодзинская; въ центрѣ Россіи оперируетъ также одно крупное акціонерное общество—московско-кіево-воронежской желѣзной дороги, взявшее на себя сооруженіе 1.800 верстъ рельсовыхъ путей; въ сѣверо-западной части Россіи сохраняется общество московско-виндаво-рыбинской желѣзной дороги, выстроившее уже 1.500 верстъ новыхъ линій. Главная же часть частныхъ дорогъ находится въ восточной полосѣ Европейской Россіи. Здѣсь мы находимъ владикавказскую желѣзную дорогу, протяженіемъ въ 2.340 верстъ, юго-восточныя желѣзныя дороги—3.240 верстъ, рязанско-уральскую—3.600 верстъ, московско-казанскую—1.950 верстъ. Выстроено соотвѣтствующими обществами въ теченіе 1892—1902 гг.: владикавказской желѣзной дорогой 1.400 верстъ, юго-восточными—1.800 верстъ, московско-казанской—1.800 верстъ, рязанско-уральской — 2.750 верстъ. Частное общество для сооруженія желѣзныхъ дорогъ на сѣверѣ Россіи уже обанкротилось и его дороги поступили въ казенное завѣдываніе. Въ сѣверо-восточной Россіи, Сибири и Средней Азіи, гдѣ рельсовая сѣть не обѣщаетъ значительныхъ доходовъ, сооруженіе дорогъ взяло на себя государство.

Частныя общества брались обыкновенно за сооруженіе новыхъ линій не по разсчету о выгодности даннаго предпріятія. Они соглашались на это потому, что лишь подъ этимъ условіемъ правительство отсрочивало выкупъ въ казну завѣдываемыхъ ими дорогъ. Строить новую дорогу, съ коммерческой точки зрѣнія, представляется выгод-

нымъ въ томъ случаѣ, если имѣются достаточныя основанія полагать, что она не потребуетъ приплаты изъ чистаго дохода старыхъ линій. Такая увѣренность, въ случаяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, существовала далеко не всегда; поэтому общества первоначально, въ большинствѣ случаевъ, неохотно соглашались на сооруженіе новыхъ линій. Постройка желѣзныхъ дорогъ была иногда желательна, если не для акціонеровъ, то для лицъ, стоящихъ во главѣ обществъ, потому что давала возможность наживаться при строительствѣ. Пока идетъ сооруженіе новыхъ линій—выигрываютъ часто и акціонеры, такъ какъ при этомъ усиливается движеніе грузовъ (принадлежностей строительнаго дѣла) по линіямъ старымъ и такъ какъ, при помощи разнаго рода бухгалтерскихъ пріемовъ, часть расходовъ эксплоатаціи этихъ линій можно—къ выгодѣ акціонеровъ—отнести на строительные капиталы новыхъ дорогъ въ тѣхъ случаяхъ, когда проценты на эти капиталы уплачиваются не изъ доходовъ общества, а изъ суммъ, реализированныхъ для постройки. Когда же дороги будутъ построены—можетъ оказаться, что онѣ не имѣютъ достаточно грузовъ и что содержаніе ихъ убыточно. Убытки могутъ оказаться настолько значительны, что поглотятъ доходы акціонеровъ, и тогда, при гарантированныхъ капиталахъ, обществу не остается ничего другого, какъ стремиться къ новымъ сооруженіямъ, поднимающимъ на время доходы общества. Къ такому положенію постепенно и переходятъ наши крупныя желѣзнодорожныя общества.

Въ наиболѣе удовлетворительномъ финансовомъ положеніи находятся общества владикавказской и московско-казанской желѣзныхъ дорогъ: доходы ихъ съ открытіемъ новыхъ линій ростутъ, а не уменьшаются. Владикавказская дорога прорѣзываетъ богатый и мало еще культурный районъ, и проведеніе новыхъ линій естественно усиливаетъ его производительную дѣятельность. Южные порты въ послѣдніе годы вообще оттягиваютъ грузы отъ портовъ балтійскихъ и западной сухопутной границы, а владикавказская желѣзная дорога имѣетъ незамерзающій новороссійскій портъ. Московско-казанская дорога прорѣзываетъ богатый промышленный, лѣсной и хлѣбный районы, примыкаетъ въ нѣсколькихъ пунктахъ къ Волгѣ и служитъ кратчайшимъ транзитнымъ путемъ для заволжскихъ грузовъ, слѣдующихъ рельсовымъ путемъ въ Москву и Петербургъ, конкуррируя такимъ образомъ съ казенной сызрано-вяземской желѣзной дорогой.

Уже въ менѣе удовлетворительномъ состояніи находятся дѣла третьяго крупнаго общества—московско-кіево-воронежской желѣзной дороги. Хотя ея линія Курскъ-Воронежъ прорѣзала хлѣбный районъ, сравнительно бѣдный желѣзными дорогами, а линія черезъ Брянскъ-Калугу на Москву оттянула часть грузовъ казенной московско-кур-

ской желѣзной дороги, но ея доходы сильно колеблются. Въ 1893 и 1894 годахъ супердивидендъ акціонеровъ этой дороги равнялся 600 тыс. руб., въ 1895 г. онъ поднялся до 825 тыс. руб., въ слѣдующемъ—опустился до 150 тыс. руб., а въ 1897 г.—равнялся нулю. Въ 1898 г. акціонеры, сверхъ гарантированнаго на акціи процента, получили дохода 337 тыс. руб., въ 1899—600 тыс. руб., въ 1900 г.—488 тыс. руб.; только въ 1901 г. очистился такой доходъ, что правительство въ первый разъ получило свою долю участія въ прибыли (2/3 чистой прибыли сверхъ 17-ти-рублеваго дивиденда на акцію).

Значительное колебаніе доходовъ наблюдается и на московско-виндаво-рыбинской желѣзной дорогѣ, открывшей въ теченіе 1897—1899 годовъ для движенія 400 верстъ новыхъ линій, въ концѣ 1901 г. —1.000 верстъ, и сооружающей новыя 535 верстъ рельсовыхъ путей. Доля акціонеровъ этой дороги равнялась въ 1893 г.—700 тыс. руб., поднялась въ слѣдующемъ году выше—900 тыс. руб., въ 1895 г.—до 1.075 тыс. руб., а въ 1896 г.—до 1.200 тыс. руб. Послѣ того доходы акціонеровъ стали падать; они составляли 925 тыс. руб. въ 1897 г., 600 тыс. руб.—въ 1898 г., и 735 тыс. руб.—въ 1899 г. Въ 1900 г. чистая прибыль поднялась до высшихъ цифръ предшествующихъ лѣтъ (до 1.220 тыс. руб.), съ тѣмъ, чтобы въ 1901 г. опуститься ниже того, что получала дорога въ самые неудачные годы предшествовавшаго восьмилѣтія (до 510 тыс. руб.).

Колебаніе дохода московско-виндаво-рыбинской (и московско-кіево-воронежской) желѣзной дороги объясняется отчасти неудовлетворительными урожаями конца истекшаго десятилѣтія. Кромѣ того, главная новая линія этого общества—Москва-Виндава—открыта въ концѣ 1901 года, и ея вліяніе на доходность предпріятія выяснится лишь впослѣдствіи. Воздержимся отъ пророчества, но не можемъ не замѣтить, что главное значеніе въ смыслѣ облегченія рыбинскому хлѣбу выхода въ балтійскіе порты имѣла открытая въ 1897 году линія Бологое-Псковъ, значительно укоротившая протяженіе перевозки отъ Рыбинска во всѣ балтійскіе порты, кромѣ Петербурга. Линія же эта не повела къ увеличенію прибылей общества данной дороги; а имѣя въ виду все возростающія преимущества по экспорту южныхъ портовъ передъ балтійскими (вслѣдствіе пониженія морскихъ фрахтовъ)—врядъ ли можно ожидать особеннаго развитія вывоза хлѣба черезъ балтійскіе порты, даже при соединеніи съ рельсовой сѣтью незамерзающаго порта въ Виндавѣ.

Если разсмотрѣнныя четыре желѣзнодорожныхъ общества — въ смыслѣ того, какъ отразилось на ихъ финансовомъ состояніи сооруженіе новыхъ линій—представляются пока или преуспѣвающими (общество владикавказской и московско-казанской желѣзной дороги), или

находящимися въ колебательномъ состоянiи, то общества, къ которымъ мы переходимъ теперь, находятся въ явномъ упадкѣ. Общество юго-восточныхъ дорогъ, преобразованное въ 1893 году изъ общества грязе-царицынской желѣзной дороги, дало своимъ акцiонерамъ въ 1893 г. 1.445 тыс. руб. дивиденда (акцiи этого общества не гарантированы правительствомъ), а въ 1894 г.—1.690 тыс. руб. Приблизительно на томъ же уровнѣ находились доходы общества и въ два слѣдующiе года, когда было открыто для движенiя 835 верстъ новыхъ путей. 1897-й годъ (открыто для движенiя 410 вер.) былъ послѣднимъ благополучнымъ годомъ общества, принесшимъ его акцiонерамъ 1.370 тыс. руб. дивиденда, да и то благодаря невѣрному разсчету въ балансѣ, произведенному правленiемъ. Въ два слѣдующiе года акцiонеры не получили ничего, причемъ въ 1899 году и правительство недополучило половины суммы, слѣдуемой ему за находящiяся въ арендѣ у общества казенныя линiи. Въ 1900 году, послѣ энергичныхъ мѣръ, принятыхъ акцiонерами противъ злоупотреблявшаго его довѣрiемъ правленiя (причемъ сами акцiонеры просили, чтобы избираемые ими директоры подлежали утвержденiю правительства), дѣла общества нѣсколько улучшились, и акцiонеры получили 319 тыс. руб. дивиденда; но въ 1901 году—несмотря на освобожденiе общества отъ аренды 335 верстъ убыточныхъ для него казенныхъ донецкихъ вѣтвей и на передачу казнѣ 400 верстъ его собственныхъ, убыточныхъ для общества линiй, его доходы уменьшились, и правительству пришлось приплатить или недополучить съ общества 2.628 тыс. руб.

Еще въ худшемъ положенiи оказалось общество рязанско-уральской желѣзной дороги. Общество это соорудило 2.750 верстъ новыхъ линiй, причемъ въ 1894—1896 г.г. открыто было около 1.800 верстъ, а въ 1897—1901 г.г.—1.000 верстъ. До 1897 года оплата процентовъ на строительные капиталы производилась не изъ доходовъ общества, а изъ занятыхъ капиталовъ, и въ это время акцiонеры получали, въ среднемъ, выше миллiона рублей супердивиденда въ годъ. Съ 1897 года положенiе рѣзко измѣнилось. Акцiонеры не только перестали получать что-либо сверхъ гарантированнаго дохода на акцiи, но доходовъ общества оказывалось недостаточно для покрытiя всѣхъ расходовъ, и правительству приходилось приплачивать по гарантiи и нести потерю отъ неполученiя арендъ за отданныя обществу казенныя линiи отъ трехъ почти до десяти милл. рублей въ годъ.

При такой недовыручкѣ, покрытiе которой представляется болѣе чѣмъ сомнительнымъ, и при обезпеченномъ правительствомъ доходѣ на строительный капиталъ въ размѣрѣ 5%, акцiонеры могутъ смотрѣть безъ опасенiя на дальнѣйшее ухудшенiе дѣлъ и не бояться уже новыхъ сооруженiй, хотя ими-то главнымъ образомъ и обусловли-

ваются ихъ злоключенія, и недавно общество рязанско-уральской желѣзной дороги получило разрѣшеніе на постройку еще одной, астраханской линіи по лѣвому берегу Волги, протяженіемъ почти въ 500 верстъ [1]).

Самая печальная судьба постигла, однако, общество московско-ярославско-архангельской желѣзной дороги. Въ судьбѣ этой дороги, впрочемъ, видную роль играли злоупотребленія при постройкѣ, и въ 1900 году дорога перешла въ казенное управленіе.

Въ особомъ положеніи находится у насъ „Общество восточно-китайской желѣзной дороги". Учреждено это общество частнымъ русско-китайскимъ банкомъ, которому китайское правительство предоставило постройку и эксплоатацію въ Манчжуріи желѣзной дороги и право устройства въ Китаѣ промышленныхъ предпріятій. Такъ какъ проектированная дорога, несмотря на частный характеръ предпріятія, имѣла государственный интересъ, то русское правительство предоставило себѣ въ новомъ обществѣ большую власть (утвержденіе министромъ финансовъ товарища предсѣдателя правленія и членовъ ревизіонной коммиссіи, назначеніе и увольненіе главнаго инженера по постройкѣ, управляющаго эксплоатаціей дороги, начальниковъ службъ, инженеровъ и друг.). Акціонерный (негарантированный) капиталъ общества составляетъ 5 милл. руб.; попытка общества реализовать заемъ (гарантированный) въ 15 милл. руб. не имѣла успѣха, и половину облигацій пришлось помѣстить въ сберегательныя кассы. Поэтому сооруженіе дороги велось на правительственныя средства, причемъ обществу выдано было 350 милл. руб. въ ссуду. Дорога вчернѣ уже окончена и обошлась въ невѣроятную сумму 150 тыс. верста [2]) (въ это число входятъ, повидимому, и расходы по охранѣ мѣстности и содержанію учрежденій, открытыхъ въ предѣлахъ чужой территоріи по случаю сооруженія здѣсь желѣзной дороги). Сколько придется казнѣ затратить еще на нее денегъ—неизвѣстно. Между тѣмъ, въ числѣ мотивовъ для сооруженія этой линіи находилось соображеніе о томъ, что доведеніе сибирской желѣзной дороги до Владивостока по русской территоріи—при необходимости сооруженія ея на значительномъ протяженіи на подпорныхъ стѣнкахъ—потребовало бы затраты 89 тыс. руб. на версту. Чистаго дохода отъ восточно-китайской дороги въ ближайшемъ будущемъ не ожидаетъ никто; въ политическомъ отношеніи она можетъ доставить намъ много непріятностей; экономическія же выгоды отъ эксплоатаціи естественныхъ богатствъ чужого, прорѣзываемаго ею края весьма проблематичны.

---

[1]) Отдѣлъ статистики и картографіи М. П. С. Еженедѣльное изданіе 1903 г., Январь.

[2]) Мигулинъ, стр. 173.

V.

Разсматриваемое десятилѣтіе характеризуется не только широкими замыслами относительно оборудованія страны рельсовыми путями, но и крайнею спѣшностью въ ихъ выполненіи. Объ этой спѣшности можно судить по сравненію быстроты сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ настоящее время и въ періодъ усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства въ семидесятыхъ годахъ: въ теченіе восьмилѣтія 1870—1877 г.г. ежегодно сооружалось, въ среднемъ, 1,5 тыс. верстъ, въ 1893—1902 г.г.—вдвое больше. Въ частности сибирская желѣзная дорога протяженіемъ въ 5.375 верстъ—при всѣхъ неудобствахъ выполненія такого предпріятія на отдаленной окраинѣ—сооружена была въ теченіе десяти лѣтъ; такой же срокъ потребовался для постройки аналогичной съ нею кокандской желѣзной дороги—на 1.000 верстъ короче. По первоначальнымъ предположеніямъ восточно-китайская желѣзная дорога должна бы быть закончена въ шесть лѣтъ; но сооруженіе этой линіи протяженіемъ въ 2.400 верстъ вчернѣ, несмотря на перерывы въ работѣ, вызванныя китайской войной, исполнено было въ четыре года—„подвигъ громадный, и надо удивляться энергіи министерства финансовъ, заставившаго строителей совершить его“ [1]).

Такая спѣшка, излишняя по существу дѣла, но желательная финансовому вѣдомству по соображеніямъ иного порядка,—не могла не отразиться невыгодно на процессѣ и результатахъ строительства, которое велось безъ надлежащаго контроля, безъ заботъ о соблюденіи возможной экономіи, и дало намъ часто плохо выстроенныя и дорогія линіи. Правда, министерство путей сообщенія старательно разсматривало проекты новыхъ сооруженій и нерѣдко значительно урѣзывало предположенныя суммы ихъ строительныхъ капиталовъ. Но акціонерныя общества добивались все-таки высокой оцѣнки послѣднихъ, зная хорошо, что предполагаемое сооруженіе для правительства желательно болѣе, чѣмъ для строителя. Кромѣ того, многія расцѣночныя вѣдомости представлялись на разсмотрѣніе правительства послѣ заключенія договора съ подрядчиками, а иногда даже послѣ исполненія нѣкоторыхъ работъ, и такое авторитетное учрежденіе, какъ государственный контроль, не могло ничего подѣлать съ этимъ злоупотребленіемъ. Но и при своевременномъ составленіи расцѣночныхъ вѣдомостей „разсмотрѣніе и утвержденіе ихъ правительствомъ — по мнѣнію государственнаго контролера — не можетъ дать еще полной увѣренности, что гарантированные казною строи-

---

[1]) Мигулинъ, стр. 172.

тельные капиталы расходуются всегда правильно и хозяйственно". Для этого нужно было бы установить фактическій надзоръ за хозяйственной частью строительства, что многократно и выяснялось государственнымъ контролемъ. Провѣрка правильности расходованія капиталовъ по послѣдующимъ отчетамъ акціонерныхъ обществъ тоже не всегда приводитъ къ положительнымъ результатамъ. „Желѣзнодорожныя общества, свободныя въ своихъ строительныхъ операціяхъ отъ контрольнаго надзора, не обязаны въ счетоводствѣ руководиться соображеніями послѣдующей ревизіи и вести отчетность въ извѣстной формѣ", разъясняетъ государственный контролеръ. „При такихъ условіяхъ, повѣрка этихъ отчетовъ по существу, въ порядкѣ послѣдующихъ ревизій, когда строительныя работы закончены и капиталы израсходованы, представляется крайне затруднительной и притомъ безплодной" [1]. Въ 1901 г., впрочемъ, Высочайше утверждено положеніе о фактическомъ надзорѣ государственнаго контроля за постройкой дорогъ, сооружаемыхъ на гарантированные капиталы.

Спѣшность въ этомъ дѣлѣ вела не только къ умаленію государственнаго контроля надъ правильностью расходованія строительныхъ капиталовъ,—она имѣла послѣдствіемъ и многіе нежелательные фактическіе результаты. Спѣшность, какъ говоритъ проф. Мигулинъ, вела „къ переплатамъ на строительныхъ матеріалахъ и рабочихъ рукахъ и отразилась на качествѣ построекъ: онѣ были бо̀льшей частью не вполнѣ окончены, сооружены крайне плохо; приходилось мириться съ самыми невозможными (такъ-называемыми упрощенными) способами постройки, узкоколейные пути предпочитать ширококолейнымъ, класть легковѣсные рельсы, пользоваться сосновыми и еловыми шпалами, пускать въ дѣло старые рельсы и скрѣпленія, допускать предѣльные уклоны и закругленія, при которыхъ немыслимо скорое и безопасное движеніе поѣздовъ, ограничиваться сооруженіемъ какихъ-то временныхъ бараковъ, вмѣсто станцій, считать платформы излишней роскошью, не имѣть на станціяхъ крытыхъ помѣщеній для складовъ грузовъ и т. п. Подвижной составъ пріобрѣтался въ совершенно ничтожномъ количествѣ, часто на новыя дороги переводился старый подвижной составъ съ благоустроенныхъ линій, пришедшій почти въ полную негодность, и правильное и усиленное движеніе поѣздовъ дѣлалось невозможнымъ. Служебный персоналъ приглашался на новыя дороги поплоше; поражалъ своимъ неряшливымъ и нерасторопнымъ видомъ". Желая быстрѣе соорудить побольше желѣзныхъ дорогъ и пользуясь этимъ для развитія русской промышленности, правительство принимало такія мѣры покровительства послѣдней, которыя необходимо были связаны съ растратой ка-

[1]) Цитировано по Мигулину, стр. 158.

питаловъ. „Давались заказы на сотни паровозовъ, на сотни тысячъ и милліоновъ пудовъ рельсовъ по такимъ цѣнамъ, что выгодно было для исполненія одного заказа перевезти изъ-за границы или построить въ Россіи цѣлый заводъ“ [1]).

Благодаря описаннымъ обстоятельствамъ, наши желѣзныя дороги обошлись гораздо дороже того, что̀ стоили бы онѣ при другомъ отношеніи къ дѣлу, и ихъ доходы, часто достаточные для оплаты капиталовъ, соотвѣтствующихъ дѣйствительной стоимости сооруженія, во многихъ случаяхъ оказываются ниже суммы обязательствъ по затратамъ, числящимся на дорогѣ, и недовыручку по частнымъ и казеннымъ дорогамъ приходится уплачивать государству. Насколько расточительно можетъ происходить у насъ, особенно на окраинахъ, сооруженіе рельсовыхъ путей, видно изъ примѣра сибирской желѣзной дороги. По первоначальнымъ предположеніямъ стоимость этого сооруженія отъ Екатеринбурга до Владивостока исчислена была въ 340 милл. руб.; въ дѣйствительности же эта магистраль (съ китайской дорогою, какъ болѣе дешевой сравнительно съ амурской) обошлась въ 850 милл. руб., т.-е. на 510 милл. руб. или на 150% дороже предположеннаго. Правда, указываютъ на возстаніе боксеровъ, какъ на причину, удорожившую стоимость восточно-китайской желѣзной дороги, но, устранивъ изъ разсчета эту послѣднюю, все-таки окажется, что собственно сибирская дорога обошлась казнѣ въ 85 тыс. руб. верста вмѣсто предположенныхъ 46 тыс. руб. [2]).

Стремленіе сооружать новыя дороги, оторванное отъ естественнаго его экономическаго основанія—выяснившихся потребностей страны въ тѣхъ или другихъ линіяхъ—имѣло еще тѣ послѣдствія, что сплошь и рядомъ строились у насъ не тѣ линіи, которыя были всего нужнѣе, а дороги, предлагавшіяся желѣзнодорожными обществами. „Часто, когда въ печати, въ коммиссіи о новыхъ дорогахъ или въ соединенномъ присутствіи комитета министровъ и департамента государственной экономіи возражали противъ постройки новой линіи, указывая на большую желательность какой-либо другой дороги, министерство финансовъ непремѣнно выставляло всегда имѣвшій успѣхъ аргументъ, что нѣтъ никакихъ реальныхъ предложеній о постройкѣ такихъ лучшихъ линій, и надо брать, что̀ предлагаютъ, особенно если нѣтъ риска въ этомъ предложеніи. Но рискъ обыкновенно въ томъ-то и заключался, что предлагали къ сооруженію бо̀льшею частью линіи, параллельныя наиболѣе доходнымъ казеннымъ, которыя, по открытіи частныхъ линій, теряли иногда очень значительную часть доходовъ. На это обстоя-

---

[1]) Мигулинъ, стр. 155—156.

[2]) Тамъ-же, стр. 299.

тельство неоднократно обращалъ вниманіе государственный контроль, настаивая на необходимости сооруженія такихъ линій распоряженіемъ казны, если уже въ нихъ встрѣчается надобность“ [1]).

Общая сумма средствъ, затраченныхъ въ теченіе 1892—1902 гг. на желѣзнодорожное строительство, превышаетъ 2 миллiарда рублей; а вмѣстѣ съ затратами на улучшеніе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ (въ томъ числѣ сибирской) составляетъ 2,7 миллiарда рублей. Сумма эта слагается изъ слѣдующихъ частей.

Займовъ акціонерными обществами сдѣлано 1.030 милл. руб. (нарицательныхъ), изъ коихъ не гарантировано правительствомъ лишь около 100 милл. руб. Казною израсходовано: на сооруженіе казенныхъ дорогъ около 725 милл. руб.; выдано въ ссуду обществу восточно-китайской желѣзной дороги 350 милл. руб.; израсходовано на усиленіе и улучшеніе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ 630 милл. руб., всего—свыше 1,7 милліарда рублей. Изъ 2,7 милліардовъ рублей капитальныхъ затратъ на желѣзнодорожное дѣло около 1,5 милліарда рублей добыто займами, а 1,2 милліарда рублей взято изъ бюджетныхъ избытковъ. Занятые 1,5 милліарда рублей добыты на половину внутри страны, на половину—за границею. Внутреннимъ рынкомъ для помѣщенія желѣзнодорожныхъ облигацій служили, главнымъ образомъ, сберегательныя кассы, въ которыхъ финансовое вѣдомство имѣетъ неисчерпаемый источникъ средствъ для своихъ предположеній.

Неэкономное расходованіе денегъ при сооруженіи частныхъ желѣзныхъ дорогъ отражалось на доходахъ государства въ томъ отношеніи, что выручка отъ эксплоатаціи частныхъ дорогъ поглощалась процентами на числящіеся на дорогахъ капиталы, и казна не получала той доли чистаго дохода, какая была ею выговорена. Фактическія же потери государства—въ видѣ приплатъ по гарантіи и недополученія арендной платы за отданныя обществомъ казенныя дороги—незначительны. Приплаты эти, съ открытіемъ новыхъ бездоходныхъ линій, однако, увеличиваются, и въ 1901 г. составляли 11 милл. руб.; на 1903 г. сумма ихъ исчислена въ 16 милл. руб.

Убытокъ казна несетъ и отъ эксплоатаціи новыхъ выстроенныхъ ею линій. Линія Пермь-Котласская понизила доходъ (и безъ того недостаточный для оплаты капиталовъ) пермской желѣзной дороги, къ которой она присоединена; сибирская казенная желѣзная дорога дала въ 1900 г. убытка больше 14 милл. руб.; что же касается восточно-китайской желѣзной дороги, то приблизительный убытокъ ея на первый годъ движенія исчисляется (вмѣстѣ съ охраной дороги) приблизительно въ 40 милл. рублей.

[1]) Тамъ же, стр. 161.

VI.

Желѣзныя дороги представляютъ пока наиболѣе совершенный способъ передвиженія, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что государство заботится о распространеніи рельсовой сѣти. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы данная цѣль преслѣдовалась во что бы то ни стало, чтобы платежныя силы населенія напрягались ради этого до крайности, удовлетвореніе культурныхъ потребностей страны ограничивалось до-нельзя и чтобы всѣ достигаемые такими крайними мѣрами бюджетные избытки затрачивались на желѣзнодорожное строительство. При такомъ отношеніи къ предмету желѣзныя дороги теряютъ въ нашихъ глазахъ значеніе подсобнаго средства экономическаго развитія, распространеніе котораго должно идти параллельно развитію другихъ общественныхъ отношеній, а является чѣмъ-то желательнымъ само по себѣ, и желѣзнодорожная политика утрачиваетъ естественную связь съ политикой государства, направленной на планомѣрное удовлетвореніе потребностей страны. Въ такомъ положеніи находилось наше желѣзнодорожное дѣло въ послѣднее время, и естественнымъ представляется поэтому вопросъ о томъ, чѣмъ вызвано исключительное вниманіе финансоваго вѣдомства къ сооруженію рельсовой сѣти. По этому вопросу ограничимся лишь указаніемъ на тотъ фактъ, что форсированное желѣзнодорожное строительство представляется весьма удобнымъ средствомъ промышленнаго оживленія страны, на которомъ естественно остановиться въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ охоты или возможности воздѣйствовать на основныя причины экономическаго развитія. Средство это должно имѣть особую притягательную силу для лицъ, воспитавшихся въ атмосферѣ частнаго предпринимательства, что̀ съ наибольшею ясностью отразилось на дѣятельности предшественника нынѣшняго министра финансовъ.

Частный предприниматель привыкаетъ оцѣнивать различныя мѣропріятія съ точки зрѣнія ихъ непосредственнаго вліянія на интересы даннаго дѣла и ближайшихъ, поставленныхъ имъ, цѣлей, и не задумывается о томъ, какъ отразятся эти мѣры въ болѣе широкой сферѣ явленій и каковы могутъ быть ихъ болѣе отдаленныя послѣдствія, предоставляя себѣ разрѣшать новыя затрудненія по мѣрѣ ихъ возникновенія. Онъ, кромѣ того, не можетъ не принимать непосредственнаго участія въ разнаго рода мѣропріятіяхъ и не руководить практическимъ ихъ выполненіемъ, потому что отъ ловкости проведенія этихъ мѣръ и зависитъ успѣхъ борьбы съ конкуррентами. Продолжительное обращеніе въ сферѣ частнаго предпринимательства создаетъ поэтому типъ дѣльца, быстро оріентирующагося въ сферѣ конкретныхъ явле-

ній, легко улавливающаго ту комбинацію средствъ, при помощи которой скорѣе всего можно удовлетворить требованіямъ даннаго момента,—дѣльца, способнаго бороться съ другими такими же дѣльцами и управлять механизмомъ непосредственныхъ практическихъ мѣропріятій. Эту способность и точку зрѣнія дѣльца И. А. Вышнеградскій перенесъ въ область государственной политики.

Непосредственный его предшественникъ, Н. Х. Бунге, какъ извѣстно, ставилъ задачей финансовой политики облегченіе податной тягости, лежащей на низшихъ классахъ населенія, привлеченіе къ налогамъ классовъ болѣе состоятельныхъ и поднятіе производительности народнаго труда. На почвѣ этихъ преобразованій онъ полагалъ затѣмъ достигнуть цѣли устраненія бюджетныхъ дефицитовъ и возстановленія металлическаго обращенія, о которомъ не переставали заботиться всѣ министры финансовъ. Вышнеградскій, напротивъ того, достиженіе послѣднихъ цѣлей поставилъ ближайшей задачей своего управленія, и осуществленіе ихъ считалъ „не столько проблемою экономическою, сколько задачею *финансовой техники,* и для быстраго ея рѣшенія готовъ былъ на всякія народно-хозяйственныя жертвы“ [1]. Въ началѣ своей государственной дѣятельности (къ которой — что очень характерно—онъ подготовлялся изученіемъ подъ руководствомъ директора берлинскаго учетнаго общества кредитныхъ финансовыхъ операцій) онъ плохо, впрочемъ, понималъ и финансово-техническую часть поставленной себѣ цѣли возстановленія металлическаго обращенія, и предположилъ приступить прямо къ размѣну кредитокъ на золото по фиксированному курсу, заручившись уже договоромъ съ французскими капиталистами о займѣ для этого $1^1/_2$ милліарда франковъ. Проекту этому не дали осуществиться люди, болѣе его свѣдущіе въ финансахъ, а когда и самъ министръ финансовъ понялъ, что „раньше привлеченія золота займами надо позаботиться объ условіяхъ удержанія его въ странѣ“, онъ и на этотъ вопросъ посмотрѣлъ съ точки зрѣнія исключительно технической и засѣлъ за изученіе тѣхъ экономическихъ явленій, отъ которыхъ предметъ зависитъ непосредственно, и „способовъ воздѣйствія противъ враждебныхъ нашему кредиту биржевыхъ маклеровъ. Въ этой области онъ скоро пріобрѣлъ компетентность, передъ которой стали преклоняться руководители европейской биржи“ [2]. Это очень лестно для нашего самолюбія, но для пользы и чести страны было бы желательнѣе, чтобы русскій министръ финансовъ вызывалъ удивленіе европейскихъ государственныхъ людей, а не биржевыхъ дѣльцовъ. Но приходится довольствоваться тѣмъ, что есть, и русскому народу

---

[1] Шванебахъ, Денежное преобразованіе и народное хозяйство, стр. 15.
[2] Тамъ же, стр. 16.

оставалось терпѣливо переносить дѣйствіе мѣръ, направленныхъ къ непосредственному достиженію цѣлей возстановленія металлическаго обращенія и бездефицитнаго сведенія росписей, ради которыхъ министръ готовъ былъ и имѣлъ силу потребовать отъ него „всякихъ жертвъ". И дѣйствительно, имъ принимались или проектировались всякія мѣры, отвѣчающія данной цѣли, безотносительно къ тому, каково было бы значеніе этихъ мѣръ для интересовъ народа, государства, культуры. Русскіе путешественники вывозятъ золото за границу —и вотъ проектируется законъ объ обложеніи заграничныхъ паспортовъ 300-рублевымъ налогомъ. „Къ счастію,—говоритъ г. Шванебахъ, —эта жестокая и немыслимая при современныхъ международныхъ отношеніяхъ мѣра была отклонена" (государственнымъ совѣтомъ). Ввозъ иностранныхъ товаровъ ухудшаетъ нашъ торговый балансъ, и вотъ вводится новый таможенный тарифъ, настолько высокій, что имъ прямо затрудняется развитіе русской промышленности, не могущей обходиться безъ нѣкоторыхъ предметовъ иностраннаго производства. „Трудно допустить,—высказываетъ г. Шванебахъ,—чтобы И. А. Вышнеградскій этого не сознавалъ, а если, тѣмъ не менѣе, онъ неуклонно шелъ своей дорогой, то потому что протекціонизмъ для него стоялъ на второмъ планѣ, а на первомъ—была забота о балансѣ и о рессурсахъ фиска" [1]). Соблюденіе выгоднаго для насъ торговаго баланса требовало усиленнаго экспорта, а главнымъ вывознымъ нашимъ товаромъ былъ хлѣбъ. И вотъ принимаются всевозможныя мѣры увеличенія вывоза хлѣбовъ, начиная съ соотвѣтствующаго данной цѣли построенія желѣзнодорожныхъ тарифовъ (перешедшихъ въ это время въ завѣдываніе государствомъ) и кончая выколачиваніемъ податей и недоимокъ (даже по отмѣненной подушной подати), побуждающимъ крестьянъ скорѣе реализировать урожай и этимъ не только выбрасывать на иностранные рынки, въ обмѣнъ на золото, огромное количество зерна, но и способствовать возростанію государственныхъ доходовъ,—второй цѣли, поставленной себѣ Вышнеградскимъ. „Унаслѣдованный съ Петровскихъ временъ податной строй и пріемы взысканія онъ, конечно, въ душѣ осуждалъ, какъ всякій другой, но съ нимъ мирился, какъ со зломъ, по его мнѣнію неизбѣжнымъ впредь до возстановленія золотого обращенія, и, не отрицая даже недоѣданія русскаго мужика, онъ этою прискорбною стороной нашего быта пользовался какъ одною изъ пружинъ для привлеченія золота. Не могу забыть,—продолжаетъ г. Шванебахъ, — возгласа, вырвавшагося у него весной 1891 г., когда—при надвигавшемся неурожаѣ—онъ сталъ опасаться отлива золота: „сами не будемъ ѣсть, но будемъ вывозить" [2]).

[1]) „Денежное преобразованіе", стр. 19.

[2]) Тамъ же, стр. 20—21.

Если къ сказанному присовокупить, что при Вышнеградскомъ было введено не мало новыхъ и повышено старыхъ налоговъ, несмотря на общепризнанное въ то время истощеніе народныхъ средствъ, то мы будемъ имѣть достаточно основаній считать образъ дѣйствій этого министра всецѣло пропитаннымъ воззрѣніями и пріемами коммерческихъ дѣльцовъ, а не государственныхъ людей.

Естественнымъ отвѣтомъ на такое перенесеніе способовъ воздѣйствія на экономическую жизнь съ одной сферы отношенія на другую былъ голодъ 1891—92 гг., въ концѣ концовъ заставившій самого Вышнеградскаго усомниться въ цѣлесообразности нѣкоторыхъ своихъ мѣръ; роспись на 1892 г. заключена была съ дефицитомъ въ 74 милл. руб., а во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ на этотъ годъ объяснялось, что усиливать обложеніе для покрытія этого дефицита—при экономическомъ потрясеніи, причиненномъ неурожаемъ,—несвоевременно и небезопасно.

Преемникъ Вышнеградскаго принадлежалъ также къ практической школѣ, но имѣлъ передъ нимъ то преимущество, что пятилѣтній опытъ предшествующаго министерства пролилъ нѣкоторый свѣтъ на предстоящія экономическія задачи и заключалъ въ себѣ нѣкоторое предостереженіе. Этотъ опытъ какъ бы говорилъ, что преслѣдовать широкую государственную цѣль при помощи только узкихъ средствъ техническаго характера—значитъ строить зданіе на пескѣ, и это поученіе, въ видѣ голода 1891—92 гг., произвело такое впечатлѣніе, что главная цѣль Вышнеградскаго была на первыхъ порахъ забыта, и вмѣсто продолженія политики прямого подготовленія металлическаго обращенія возникло даже предположеніе о выпускѣ кредитныхъ билетовъ для сооруженія сибирской желѣзной дороги и банкнотъ для расширенія дѣятельности государственнаго банка, т.-е. продолженія и расширенія бумажно-денежнаго обращенія. Изъ этого можно было еще усмотрѣть, что одной изъ первыхъ задачъ, поставленныхъ новымъ министромъ, было воздѣйствіе на экономическую жизнь страны. Объ этомъ было заявлено и въ первомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи новаго министра, въ которомъ введеніе новыхъ налоговъ мотивировалось, между прочимъ, необходимостью имѣть средства для удовлетворенія назрѣвающихъ потребностей страны и для „разумнаго содѣйствія экономическимъ успѣхамъ и развитію производительныхъ силъ страны“. Земледѣльческій характеръ страны, мелкая форма сельскохозяйственной культуры и доказанное голодомъ разстройство благосостоянія и хозяйства крестьянъ значительныхъ районовъ Россіи, казалось бы, прямо указывали на тѣ сферы народнаго производства, на которыя должно быть обращено преимущественное вниманіе правительства, а учрежденіе министерства земледѣлія и приглашеніе на

постъ министра извѣстнаго писателя А. С. Ермолова показывали, что и въ правительственныхъ сферахъ понята была, наконецъ, настоятельность серьезнаго воспособленія земледѣлію. Но всякое такое воспособленіе связано съ затратою значительныхъ денежныхъ средствъ, ассигнованіе которыхъ зависитъ прежде всего отъ сочувствія къ данному дѣлу министра финансовъ. Обстоятельства показали, что въ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, сочувствіе это было самое скромное, и новое учрежденіе,—въ вѣдѣніи котораго, кромѣ земледѣлія, находились тѣсно связанные съ нимъ и совершенно необходимые для занятія длиннаго зимняго досуга крестьянъ кустарные промыслы,—получало ничтожныя суммы; всѣ же крупные избытки государственныхъ доходовъ, для полученія которыхъ усиленно надавливался податной прессъ и ограничивалось удовлетвореніе многихъ назрѣвшихъ потребностей страны, обращались на воспособленіе крупной промышленности. Но можно ли достичь прочныхъ успѣховъ въ дѣлѣ ея развитія, когда масса населенія бѣднѣетъ и предъявляетъ поэтому самый ограниченный спросъ на ея продукты, и когда сбытъ послѣднихъ на внѣшніе рынки до крайности стѣсненъ соперничествомъ болѣе цивилизованныхъ народовъ? Не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что поднятіе благосостоянія этой массы, путемъ преимущественнаго воспособленія тѣмъ промышленнымъ отраслямъ, которыя служатъ главнымъ мѣстомъ приложенія рабочей силы и источникомъ доходовъ населенія, и составляетъ первую задачу финансовой политики, сообразованной съ основными экономическими отношеніями страны? Такъ отвѣчала на вопросъ наша печать, и такъ отвѣтилъ бы на него всякій, кто посмотрѣлъ бы на предметъ съ точки зрѣнія экономической науки; но кто предпочитаетъ воздѣйствовать на промышленную жизнь, не задумываясь долго надъ сложными „экономическими проблемами", а обращая поставленную цѣль въ „задачу финансовой техники",—тотъ обойдетъ этотъ трудный и медленный путь экономическаго развитія и обратится къ средствамъ поднятія національной промышленности, дающимъ *непосредственно* замѣтные результаты, не задаваясь вопросомъ о томъ, насколько прочны эти послѣдніе и не отражается ли быстро распространенная крупная промышленность на состояніи другихъ отраслей, менѣе замѣтныхъ, но, быть можетъ, болѣе важныхъ для народныхъ заработковъ? Простѣйшее изъ такихъ средствъ—обезпеченіе промышленныхъ предпріятій казенными заказами, а для обезпеченія ихъ—неограниченное ничѣмъ сооруженіе желѣзныхъ дорогъ—благо Россія крайне бѣдна послѣдними.

Время, однако, не замедлило показать, что экономическая политика—еще менѣе сходствуетъ съ магіей, чѣмъ политика финансовая, и что важныя экономическія задачи требуютъ и серьезныхъ экономи-

ческихъ, а не финансово-техническихъ рѣшеній. Нынѣ министръ финансовъ стоитъ во главѣ Особаго Совѣщанія, имѣющаго цѣлью разрѣшеніе вопроса о поднятіи основного промысла страны. Еще шагъ—и вопросъ о хозяйственномъ подъемѣ Россіи поставленъ будетъ какъ вопросъ объ обезпеченіи для преобладающей, сельской части населенія нашей страны постояннаго производительнаго приложенія ея силъ,—что можетъ быть достигнуто лишь на почвѣ совмѣщенія земледѣльческаго труда и промышленнаго. Когда вопросъ этотъ будетъ серьезно поставленъ, тогда возможно будетъ ожидать удовлетворительнаго разрѣшенія задачи о прочномъ и спокойномъ экономическомъ подъемѣ нашей страны.—В. В.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1903.

Кончина папы Льва XIII.—Перемѣны въ положеніи римской церкви со времени смерти Пія IX.—Роль свѣтскихъ правительствъ въ усиленіи авторитета Ватикана.—Жизнь и дѣятельность покойнаго папы.—Политическія дѣла на Балканскомъ полуостровѣ.—Кризисъ на дальнемъ Востокѣ.

Послѣ двухнедѣльной болѣзни, которую можно назвать агоніею, скончался на 94-мъ году жизни папа Левъ XIII, управлявшій судьбами римской церкви въ теченіе болѣе четверти вѣка. Печать всего культурнаго міра съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ходомъ этой болѣзни и отнеслась къ естественной ея развязкѣ, совершившейся 20 (7) іюля, какъ къ великому событію, предъ которымъ отступаютъ на задній планъ обычныя дѣла и заботы политической и общественной жизни. Многіе дѣлали по этому поводу глубокомысленные выводы о необыкновенной исторической роли папы Льва XIII и объ исключительномъ почетѣ, окружающемъ католическую церковь среди просвѣщенныхъ народовъ современнаго міра. Въ „Revue des deux Mondes“ упоминалось даже о томъ, что глава нынѣшняго французскаго министерства, г. Комбъ, никакъ не могъ бы возбуждать подобный всеобщій интересъ къ своей личности, если бы ему пришлось подвергнуться опасной болѣзни. Сопоставленіе французскаго министра съ папою римскимъ не заключаетъ въ себѣ, конечно, ничего остроумнаго; министровъ много во Франціи, и они мѣняются довольно часто, такъ что никто изъ нихъ, разумѣется, не можетъ претендовать на значеніе, принадлежащее главѣ государства или главѣ церкви. Сотрудникъ „Revue des deux Mondes“—если уже онъ желалъ проводить параллель между папствомъ и французской республикой—долженъ былъ бы сравнивать папу не съ Комбомъ, а съ президентомъ Лубé; тогда и самая параллель утратила бы нѣкоторую долю своей ядовитости, потому что несомнѣнно смерть Лубé была бы также серьезнымъ событіемъ при существующихъ обстоятельствахъ, а опасная болѣзнь его возбуждала бы всеобщій интересъ и сочувствіе къ его личности.

Было вполнѣ естественно, что кончина папы Льва XIII разсматривалась какъ крупный фактъ, могущій имѣть важныя практическія послѣдствія для большей части государствъ, — ибо римско-католическая церковь занимаетъ свое опредѣленное мѣсто въ мірѣ, въ качествѣ организованной духовной силы, господствующей надъ совѣстью многихъ милліоновъ людей всѣхъ національностей, и личность главы и руководителя этой силы имѣетъ огромное значеніе для по-

литики Ватикана. Будетъ ли новый папа представителемъ непримиримыхъ старыхъ идей, въ духѣ Пія IX, или сторонникомъ той осторожной тактики, которой слѣдовалъ Левъ XIII,—это вопросъ далеко не безразличный для правительствъ, которымъ приходится считаться съ притязаніями и стремленіями папства. Смерть предшествовавшаго папы въ 1878 году столь же сильно волновала умы, какъ и кончина его преемника, и въ этомъ отношеніи ничто не измѣнилось съ конца семидесятыхъ годовъ. Правда, общее положеніе католической церкви представляется въ настоящее время несравненно болѣе благопріятнымъ, чѣмъ двадцать-пять лѣтъ тому назадъ,—но въ этой перемѣнѣ играли большую роль политическія обстоятельства, независимо отъ личнаго характера и заслугъ того или другого папы. Не слѣдуетъ забывать, что Пію IX пришлось непосредственно столкнуться съ революціоннымъ движеніемъ 1848 года, пережить тяжелую критическую эпоху итальянской борьбы за объединеніе, пользоваться военной защитой и покровительствомъ французской второй имперіи и наконецъ лишиться папскихъ владѣній, отошедшихъ къ королевству Италіи послѣ разгрома Франціи пруссаками въ 1870 году. Въ этотъ бурный періодъ итальянской и европейской исторіи обрушился на папство послѣдовательный рядъ грозныхъ ударовъ, подвергавшихъ опасности самое его существованіе; и въ то же время духовный авторитетъ римской церкви подрывался въ своихъ основахъ тѣмъ общимъ научно-раціоналистическимъ направленіемъ умовъ, которое почти безраздѣльно господствовало въ Европѣ именно при жизни Пія IX, начиная со вступленія его на папскій престолъ. Если имѣть въ виду эти исключительныя условія, въ какія поставлена была римская церковь въ долгій періодъ правленія названнаго папы, то нельзя не удивляться мужеству и энергіи Пія IX въ поднятой имъ одновременной политической и религіозной борьбѣ во имя нарушенныхъ традиціонныхъ правъ и интересовъ Ватикана. Папство жестоко пострадало отъ національнаго движенія, охватившаго Италію и другія европейскія страны; оно пострадало и отъ общаго умственнаго подъема и политическаго возрожденія народовъ, и Пію IX ничего не оставалось дѣлать, какъ возставать противъ пагубнаго духа времени, осуждать безвѣріе и научный скептицизмъ современниковъ, посылать проклятія революціонерамъ, отнявшимъ у папы Римъ и римскую область. Во всѣхъ почти государствахъ, подъ вліяніемъ вдохновлявшей ихъ національной идеи, возникла и развилась борьба противъ папства, какъ противъ чуждой космополитической организаціи, не поддающейся туземному контролю,—борьба, получившая у нѣмцевъ характерное названіе „культурной“, въ первые годы послѣ основанія германской имперіи; въ побѣжденной Франціи демократическій вождь, Гамбетта,

выступаетъ противъ клерикализма съ тѣмъ же жаромъ, какъ и Бисмаркъ въ Германіи. Приписывать личнымъ ошибкамъ или недостаткамъ Пія IX эти разнообразныя событія и обстоятельства, враждебныя церкви,—было бы въ высшей степени несправедливо; а та сила вѣры, которая побуждала его создавать новые догматы и еще больше возвышать и объединять духовную власть провозглашеніемъ папской непогрѣшимости, способствовала, быть можетъ, внутреннему укрѣпленію „святѣйшаго престола“ среди окружавшихъ его невзгодъ.

Левъ XIII не обладалъ боевымъ темпераментомъ своего предмѣстника, но и не имѣлъ его побужденій къ воинственнымъ охранительнымъ мѣрамъ; онъ избранъ былъ папой уже тогда, когда бурныя движенія повсюду улеглись, когда настала общая повсемѣстная реакція въ политикѣ и когда императоръ Вильгельмъ I сталъ смотрѣть на религію какъ на полезное орудіе противодѣйствія соціально-демократическимъ порывамъ. Будучи отъ природы мягкимъ, спокойнымъ, уравновѣшеннымъ человѣкомъ, Левъ XIII весьма умѣло воспользовался новыми политическими теченіями и постепенно подготовлялъ почву для возстановленія авторитета церкви въ Германіи и въ другихъ странахъ. Однако, главнѣйшими своими успѣхами католицизмъ обязанъ былъ свѣтскимъ правительствамъ: Бисмаркъ своимъ „культуркампфомъ“ вызвалъ къ жизни и сплотилъ противъ себя воедино могущественную нѣмецко-католическую партію, которая подъ именемъ партіи центра заняла преобладающее мѣсто въ германскомъ народномъ представительствѣ и заставила государственную власть послѣдовательно отмѣнить всѣ законы, изданные противъ папства и католическаго духовенства; такъ же точно во Франціи клерикализмъ распространился и утвердился сильнѣе чѣмъ когда-либо подъ вліяніемъ близорукихъ, чисто внѣшнихъ республиканскихъ мѣръ, направленныхъ противъ служителей церкви и особенно монашескихъ орденовъ. Новѣйшіе успѣхи религіозныхъ идей и настроеній, въ связи съ упадкомъ прежней вѣры въ исключительное могущество научнаго позитивизма, также послужили въ пользу католицизму, независимо отъ какихъ бы то ни было усилій и заслугъ Льва XIII. Послѣдній только не мѣшалъ естественному ходу дѣлъ или естественной „эволюціи“, какъ принято нынѣ выражаться. Онъ ни въ чемъ не отступилъ отъ принциповъ и взглядовъ Пія IX, но внесъ нѣкоторую мягкость въ ихъ примѣненіе; онъ сохранялъ и признавалъ его догматы, поддерживалъ его знаменитый „Силлабусъ“ и индексы, съ ихъ осужденіемъ современной науки и новыхъ прогрессивныхъ идей, и вообще оставался вѣрнымъ блюстителемъ завѣтовъ и интересовъ папства, допуская уступки и компромиссы въ формѣ, но не по существу. Можно сказать, что онъ былъ дипломатомъ и оппортунистомъ, когда это требовалось для до-

стиженія поставленной цѣли; онъ былъ терпѣливъ и уступчивъ въ сношеніяхъ съ Пруссіею, Франціею и отчасти Россіею, но по прежнему относился безусловно отрицательно къ Италіи и считалъ себя „узникомъ", ограбленнымъ революціонною политикою Савойской династіи. Положеніе „ватиканскаго узника", унаслѣдованное отъ Пія IX, представляло свои особыя выгоды, привлекая симпатіи вѣрующихъ съ разныхъ концовъ земного шара и увеличивая вмѣстѣ съ тѣмъ притокъ пожертвованій и приношеній, обогащающихъ папскую казну; „лепта св. Петра" поступала бы, конечно, въ несравненно меньшихъ размѣрахъ, еслибы Ватиканъ согласился признать законъ о гарантіи, принятый Италіею въ 1871 году, и этимъ санкціонировалъ бы существующій порядокъ вещей. Ватиканъ тогда получалъ бы отъ итальянскаго казначейства ежегодную субсидію или вознагражденіе въ размѣрѣ 3½ милліоновъ лиръ, безъ всякихъ обязательствъ съ своей стороны; но престижъ значительно пострадалъ бы при подобной сдѣлкѣ, и уже по этой причинѣ нельзя разсчитывать на формальное примиреніе римской церкви съ Италіею,—тѣмъ болѣе что и Италія не жаждетъ примиренія и чувствуетъ себя довольно хорошо, имѣя въ предѣлахъ своей столицы великій центръ католичества, мѣсто паломничества для католиковъ всего міра.

Непреклонно суровый къ итальянскому королевству, которое въ сущности очень дорожило и дорожитъ процвѣтаніемъ „святѣйшаго престола", Левъ XIII соблюдалъ всегда замѣчательную сдержанность по отношенію къ прямымъ врагамъ папства — правителямъ французской республики; онъ съ христіанскимъ смиреніемъ выслушивалъ горькія жалобы изгоняемыхъ изъ Франціи монашескихъ коллегій и старательно уклонялся отъ какого бы то ни было поощренія французскихъ епископовъ и клерикаловъ въ ихъ попыткахъ протеста противъ безбожнаго якобинства французскихъ республиканскихъ партій и министровъ. Съ протестантскимъ правительствомъ Германіи онъ завязалъ настолько пріятныя отношенія, что императоръ Вильгельмъ II, союзникъ Италіи, счелъ долгомъ посѣтить ея „плѣнника" въ Ватиканѣ и потомъ публично называлъ его своимъ великимъ другомъ. Своимъ дипломатическимъ искусствомъ, мягкою настойчивостью и послѣдовательностью Левъ XIII достигъ того, что не только князь Бисмаркъ пошелъ въ Каноссу, но и все передовое нѣмецкое общество забыло свою прежнюю вражду къ католицизму и свои широкія либеральные планы культурной борьбы противъ папства. Многочисленная и прекрасно организованная католическая партія центра, поддержка которой нужна одинаково и правительству, и вліятельнымъ буржуазнымъ элементамъ умѣренно-либеральныхъ группъ, исключаетъ мысль о прогрессивныхъ увлеченіяхъ германскаго парламента, въ родѣ тѣхъ,

которыми ознаменовалась первая половина семидесятыхъ годовъ. Внутреннія обстоятельства измѣнились въ Германіи и Пруссіи, и папа Левъ XIII извлекъ изъ этой перемѣны всю возможную пользу для Ватикана. Во Франціи положеніе оказывается двойственнымъ: съ одной стороны, правительство преслѣдуетъ и стѣсняетъ открытую пропаганду клерикальныхъ воззрѣній и чувствъ, прибѣгая для этого къ разнымъ законодательнымъ и административнымъ мѣропріятіямъ, а съ другой стороны, высшіе и средніе классы французскаго общества систематически проникаются клерикальнымъ духомъ, воспитываютъ значительную часть своихъ молодыхъ поколѣній въ модныхъ религіозныхъ заведеніяхъ или подъ скрытымъ руководствомъ патеровъ и спеціально довѣряютъ іезуитамъ воспитаніе женщинъ, именно благодаря антиклерикальнымъ тенденціямъ властвующихъ въ республикѣ „еретиковъ". Насколько оффиціальныя гоненія нежелательны папству, настолько цѣнны для него практическіе ихъ результаты—возрожденіе католичества въ образованномъ обществѣ и въ народныхъ массахъ, болѣе частыя обращенія къ папскому престолу, болѣе тѣсная сплоченность клерикальныхъ силъ и вліяній въ различныхъ слояхъ французскаго населенія. Быть можетъ, кромѣ этихъ косвенныхъ благополучныхъ послѣдствій французской радикальной политики, имѣетъ для Ватикана сдерживающее значеніе и вопросъ о конкордатѣ, періодически поднимаемый французскими радикалами и соціалистами. Возможность расторженія конкордата, которымъ регулируются законныя права и интересы католической іерархіи во Франціи, является постоянною и дѣйствительною угрозою для духовенства и побуждаетъ представителей церкви не доводить дѣла до разрыва, въ обычной надеждѣ на лучшія времена. И въ самомъ дѣлѣ время было вездѣ наилучшимъ союзникомъ папства. Постепенно и незамѣтно выросло католическое движеніе въ Англіи и пріобрѣло адептовъ въ средѣ ея высшей аристократіи, при участіи такихъ выдающихся духовныхъ дѣятелей, какъ покойный кардиналъ Маннингъ; еще съ большей энергіей распространилось католичество въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатахъ, гдѣ оно получило отчасти народный соціальный характеръ, при руководящемъ содѣйствіи нынѣшняго кардинала Гиббонса. Личной заслугою Льва XIII было то поощряющее и умѣряющее вліяніе, которое онъ вносилъ въ общій ходъ дѣлъ римской церкви; а цѣннымъ качествомъ или даже талантомъ его было умѣнье писать содержательныя энциклики на изящномъ латинскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Его энциклики читались образованными духовными лицами не только по обязанности, для руководства и примѣненія, но и изъ любви къ хорошему и искусному латинскому стилю, къ пріятной діалектикѣ, къ легкимъ благочестивымъ фразамъ,

успокоительно дѣйствующимъ на душу. При той своеобразной схоластической школѣ, которую проходили и проходятъ религіозныя дѣятели и слуги католицизма, сочиненія и трактаты папы Льва XIII, выходившіе въ свѣтъ подъ названіемъ энцикликъ, имѣли несомнѣнно своихъ читателей-любителей и производили воспитательное дѣйствіе на умы; эта литературная сторона его пастырской дѣятельности доставляла повидимому наибольшее удовлетвореніе самому папѣ, который находилъ еще досугъ для упражненій въ латинскомъ стихотворствѣ.

Весь умственный кругозоръ Льва XIII, какъ и его приближенныхъ, имѣлъ на себѣ средневѣковый монастырскій отпечатокъ и относился къ далекому прошлому, какъ оно рисуется въ мечтательно-религіозномъ книжномъ освѣщеніи; тѣмъ не менѣе этотъ ватиканскій затворникъ, по своей итальянской натурѣ и традиціямъ, обнаруживалъ тонкое пониманіе современной политики и употреблялъ всегда нужные политическіе пріемы въ сношеніяхъ съ разнообразными свѣтскими правительствами. Миролюбивый и снисходительный по темпераменту, онъ, однако, твердо держалъ бразды правленія и съ неизмѣннымъ авторитетомъ „непогрѣшимаго“ главы руководилъ многочисленнымъ подвластнымъ персоналомъ католической іерархіи въ разныхъ частяхъ свѣта. Левъ XIII высказывался по нѣкоторымъ великимъ вопросамъ современности; онъ не могъ обойти и соціальныя проблемы, давшія толчокъ успѣшной пропагандѣ новаго христіанскаго соціализма. Послѣ того какъ рабочій вопросъ сдѣлался предметомъ положительныхъ заботъ и усилій въ Германіи, и Вильгельмъ II пытался даже придать этимъ заботамъ и усиліямъ международный характеръ,—папа Левъ XIII также занялся этимъ вопросомъ и посвятилъ ему цѣлое сочиненіе, въ обычной формѣ энциклики; сочиненіе написано красиво, содержитъ въ себѣ много хорошихъ общихъ мѣстъ, примѣровъ, сопоставленій, но не даетъ никакихъ опредѣленныхъ выводовъ или формулъ, которыя могли бы содѣйствовать мирному разрѣшенію соціальной задачи или улучшенію быта рабочихъ классовъ. Единственный выводъ—чисто религіозный: и хозяева, и рабочіе должны проникнуться духомъ католической вѣры и искать утѣшенія подъ надежнымъ покровомъ церкви,—остальное само приложится. Разумѣется само собою, что крупные промышленные предприниматели и капиталисты перестали бы исполнять свои хозяйственныя функціи, еслибы предавались религіознымъ размышленіямъ; они только откупаются отъ религіи или пріобрѣтаютъ расположеніе ея служителей, если чувствуютъ въ этомъ потребность. Капиталисты и рабочіе не сдѣлаются болѣе религіозными, чѣмъ прежде, подъ вліяніемъ экономическихъ споровъ и кризисовъ; сложный рабочій вопросъ въ его дѣйствительной матеріальной обста-

новкѣ не былъ даже затронутъ благонамѣреннымъ трактатомъ Льва XIII. Разсуждая о дѣлахъ и задачахъ современности, покойный папа не выходилъ изъ тѣснаго круга унаслѣдованныхъ идей и взглядовъ; онъ не былъ самостоятельнымъ мыслителемъ, не претендовалъ на роль новатора и былъ только убѣжденнымъ, спокойнымъ и мирнымъ исполнителемъ не имъ составленной программы духовнаго владычества римской церкви.

Личная біографія Льва XIII очень небогата внѣшними фактами. Родился онъ въ 1810 году, въ горномъ мѣстечкѣ Карпинетто, въ семьѣ графовъ Печчи, получилъ имя Іоакима, былъ слабенькимъ ребенкомъ и долго считался ненадежнымъ по состоянію своего здоровья, какъ это часто бываетъ съ людьми, имѣющими шансы долговѣчности; его хрупкій организмъ остался хрупкимъ до позднихъ лѣтъ и именно благодаря этому качеству проявилъ необыкновенную живучесть, которая поддерживалась сознательно скромнымъ, почти аскетическимъ образомъ жизни. Какъ младшій изъ семерыхъ дѣтей, Іоакимъ Печчи предназначенъ былъ къ духовному званію; онъ отданъ былъ въ іезуитскую школу, прошелъ весь курсъ средняго и высшаго образованія въ іезуитскихъ коллегіяхъ, постоянно получалъ первыя награды и отличія, изучалъ въ Римѣ богословіе, философію и юриспруденцію, окончилъ также курсъ спеціальной „академіи для духовныхъ лицъ изъ дворянъ“ и началъ свою служебную карьеру въ ватиканскомъ дворцѣ при папѣ Григоріи XVI, въ 1837 году; вскорѣ онъ назначенъ былъ делегатомъ или губернаторомъ въ провинціи Беневентъ, старался тамъ искоренить разбойничество и контрабанду, и отстаивалъ сохраненіе этой небольшой области за папствомъ, когда неаполитанскій король предложилъ обмѣнять ее на соотвѣтственный округъ въ своихъ владѣніяхъ. Съ точки зрѣнія Іоакима Печчи, положеніе Беневентскаго княжества было идеальное для священниковъ и, слѣдовательно, для всего населенія; при двадцати-трехъ тысячахъ жителей тамъ существовалъ многочисленный штатъ духовенства, съ четырьмя епископами и однимъ архіепископомъ; разбойники же, иногда смущавшіе мирныхъ обывателей и проѣзжихъ, были сами людьми религіозными и по возможности аккуратно исполняли всѣ религіозные обряды. Въ 1841 году Печчи былъ переведенъ делегатомъ въ Перуджію, гдѣ ему пришлось вести борьбу съ тайной организаціею карбонаріевъ; два года спустя, онъ вызванъ былъ въ Римъ, утвержденъ въ санѣ епископа и посланъ нунціемъ въ Бельгію, гдѣ ему удалось уладить важные церковные конфликты и одновременно пріобрѣсть довѣріе и расположеніе мѣстныхъ духовныхъ властей, правительства и значительной части населенія. Отозванный въ 1846 году въ Италію, онъ принялъ мѣсто епископа въ Перуджіи, гдѣ и оставался до своего выбора

въ папы, въ продолженіе всего правленія Пія IX. Въ 1853 году онъ получилъ титулъ кардинала, въ 1877 году сдѣлался „камерленгомъ римской церкви“ и въ этомъ званіи управлялъ дѣлами послѣ смерти папы Пія IX, въ февралѣ 1878 года; на конклавѣ онъ при третьей баллотировкѣ выбранъ былъ значительнымъ большинствомъ голосовъ и вступилъ на папскій престолъ на 69-мъ году жизни. Онъ началъ новую обширную и чрезвычайно сложную дѣятельность въ такомъ возрастѣ, когда люди обыкновенно кончаютъ свой жизненный путь и стремятся уже по необходимости къ отдыху; многимъ казалось, что тщедушный, слабый папа продержится недолго, а между тѣмъ онъ бодро работалъ въ тиши и дожилъ до своего двадцатипятилѣтняго папскаго юбилея. По продолжительности своего управленія римскою церковью Левъ XIII уступаетъ первенство только своему ближайшему предшественнику, Пію IX, который пробылъ папою 31 годъ и 7 мѣсяцевъ. Самое крупное свое сочиненіе—о рабочемъ вопросѣ—онъ написалъ восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Твердая, спокойная вѣра, не нарушаемая никакими внѣшними событіями и испытаніями, неизмѣнно вдохновляла Іоакима Печчи, и его умственныя силы не ослабѣвали при дряхлости тѣла. Онъ былъ во многихъ отношеніяхъ идеальнымъ главою римской церкви, и выборъ, сдѣланный кардиналами въ 1878 году, былъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ.

Когда предстоитъ избраніе лица на такой исключительный постъ, какъ должность намѣстника или преемника св. Петра, то публика невольно думаетъ о борьбѣ честолюбій, о закулисныхъ вліяніяхъ и интригахъ, и газеты, съ присущею имъ обстоятельностью, сообщаютъ разныя подробности о шансахъ того или другого кандидата, о числѣ имѣющихся въ его пользу голосовъ, и т. п. При этомъ упускается изъ виду одно соображеніе, которое вѣроятно наиболѣе интересуетъ дѣйствительныхъ избирателей,—это именно вопросъ о томъ, какія личныя качества необходимы для главы церкви при данныхъ обстоятельствахъ и у кого эти качества имѣются въ желательной степени и въ особенно благопріятномъ сочетаніи. Нѣтъ сомнѣнія, что при выборѣ Іоакима Печчи члены конклава руководствовались только такого рода соображеніями, такъ какъ Печчи не принадлежалъ къ числу честолюбивыхъ, энергическихъ и вліятельныхъ кардиналовъ, а напротивъ, всегда отличался своею скромною сдержанностью и держался въ тѣни, предаваясь любимымъ кабинетнымъ занятіямъ. Назначеніе его на постъ „камерленго“ едва ли могло способствовать успѣху его кандидатуры; оно скорѣе разсматривалось какъ достойный конецъ карьеры, слишкомъ долго—болѣе тридцати лѣтъ—замкнутой въ ограниченномъ кругѣ епископской дѣятельности въ Перуджіи. Послѣ бурнаго правленія Пія IX нуженъ былъ папа-миротворецъ, и для этой роли не было лучшаго кан-

дидата, чѣмъ Печчи,—хотя никакія державы за него не хлопотали и никто не собиралъ голосовъ и не подготовлялъ партіи въ его пользу. Точно такъ же и въ настоящее время кардиналы по всей вѣроятности приступали къ великому акту избранія безъ тѣхъ суетныхъ мыслей, которыя приписываются имъ газетами,—подчиняясь исключительно соображеніямъ о благѣ и пользѣ церкви. Если допустить, что большинство кардиналовъ—люди искренно вѣрующіе, то рѣшеніе конклава никакъ не можетъ быть результатомъ случайныхъ сдѣлокъ и компромиссовъ, о которыхъ сообщаютъ газетные корреспонденты.

Не слѣдуетъ также соблазняться общими мечтаніями о будущей творческой роли папства—мечтаніями, излагаемыми иногда и въ русской печати. Самъ папа Левъ XIII придавалъ большое значеніе своей роли миротворца, но въ отдѣльныхъ случаяхъ бралъ на себя такую роль только тогда, когда ему предлагали ее,—какъ это было между прочимъ въ 1885 году, при спорѣ Германіи и Испаніи изъ-за Каролинскихъ острововъ. Строго-традиціонная, разсчетливая, положительная политика Ватикана совершенно несовмѣстима съ благочестивыми фантазіями, которыя нерѣдко связываются съ положеніемъ и задачами римской церкви. Говорятъ, что покойный папа относился серьезно къ мысли о возсоединеніи церквей въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Что онъ надѣялся и вѣрилъ въ это будущее христіанское единство,— это вполнѣ естественно; но, какъ политикъ и дипломатъ, онъ не могъ не сознавать, что мечта объ этомъ единствѣ предполагаетъ уничтоженіе историческаго папства и замѣну его чѣмъ-то другимъ, способнымъ удовлетворить и привлечь милліоны „отпавшихъ" христіанъ. Для того, чтобы христіане не-католики добровольно признали надъ собою духовную власть единаго пастыря, необходимо, чтобы этотъ пастырь былъ не римскимъ папою, не избранникомъ кардиналовъ и не главою особой римско-католической іерархіи, имѣющей свои учрежденія, свои матеріальные интересы, свои спеціальныя правила и традиціи. Какъ историческое учрежденіе, какъ институтъ, сохранившійся съ давнихъ временъ, папство имѣетъ очень мало общаго съ тѣми высшими религіозными идеалами, которые побуждаютъ стремиться къ возсоединенію церквей, и если этому возсоединенію суждено когда-нибудь осуществиться, то конечно не подъ эгидою существующей римской церкви. Высшіе представители католичества и не задаются подобными цѣлями, предоставляя мечтать о нихъ благодушнымъ философамъ-оптимистамъ, привыкшимъ игнорировать обычную практику жизни.

Положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ запутывается все болѣе и болѣе. Македонія не выходитъ изъ состоянія кровавой анар-

хіи, и проекты турецкихъ реформъ оказываются тѣмъ, чѣмъ они были съ самаго начала,—невинными продуктами канцелярской дипломатіи, разсчитанными лишь на выигрышъ времени и на внѣшнее успокоеніе иностранныхъ приверженцевъ мира. Болгарія, принимавшая наиболѣе дѣятельное участіе въ заботахъ о судьбѣ Македоніи, долго держалась спокойно, подъ давленіемъ великихъ европейскихъ державъ, взявшихъ на себя ходатайство передъ Портою объ улучшеніи македонской администраціи; но по мѣрѣ того какъ обнаруживалась безплодность этихъ дипломатическихъ усилій, волненіе болгаръ усиливалось, и все чаще высказывалась мысль о неизбѣжности войны, въ виду продолжающихся турецко-македонскихъ экзекуцій, совершаемыхъ почти на глазахъ болгаръ и вызывающихъ систематическое бѣгство массы туземныхъ поселянъ въ пограничныя мѣстности Болгаріи. Турція принимала свои военныя мѣры и собирала войска у болгарскихъ границъ, что̀ въ свою очередь чрезвычайно волновало болгаръ; отношенія обострялись до того, что малѣйшій инцидентъ могъ бы произвести взрывъ, послѣдствія котораго трудно было бы предвидѣть или ограничить. Представители миролюбивыхъ европейскихъ кабинетовъ стараются успокоительно дѣйствовать на болгарскихъ министровъ и на князя Фердинанда, но не могутъ придумать ничего такого, что̀ дѣйствительно способно было бы положить конецъ тяжелому кризису, затрогивающему жизненные національные интересы Болгаріи. При такомъ печальномъ ходѣ дѣлъ распространяется неудовольствіе и раздраженіе между болгарами, и князь Фердинандъ, при всемъ своемъ умѣньи лавировать среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, можетъ потерять почву въ странѣ и въ правящихъ ею партіяхъ. Въ послѣднее время много говорилось о какомъ-то военномъ или политическомъ заговорѣ, побудившемъ, будто бы, князя Фердинанда уѣхать за границу вмѣстѣ съ дѣтьми, и въ самомъ дѣлѣ неожиданное удаленіе князя для отдыха и охоты въ его нѣмецкихъ и венгерскихъ помѣстьяхъ даетъ основательный поводъ къ возникшимъ толкамъ и догадкамъ. Такой энергическій и осторожный правитель, какъ князь Фердинандъ, едва ли могъ покинуть страну и правительство при настоящихъ обстоятельствахъ, не имѣя къ тому весьма вѣскихъ причинъ;—кромѣ опасеній за свою личную неприкосновенность, о чемъ говорили газеты, тутъ могло дѣйствовать и сознаніе невозможнаго политическаго положенія, въ какое поставлена Болгарія военными мѣропріятіями Порты, македонскими бѣдствіями и нерѣшительною балканскою политикою великихъ державъ. Внутренняя неурядица въ Болгаріи, въ случаѣ окончательнаго удаленія князя, была бы только послѣдствіемъ ея тяжелыхъ внѣшнихъ условій и хроническихъ общихъ замѣшательствъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Вѣсти съ дальняго Востока также мало утѣшительны. Насколько можно судить по сообщеніямъ иностранныхъ газетъ, вопросъ о Манчжуріи остается спорнымъ, и въ Японіи преобладаетъ, будто бы, воинственное настроеніе, направленное спеціально противъ Россіи. Японцы, будто бы, страшно волнуются изъ-за того, что китайская территорія до сихъ поръ еще не очищена русскими войсками; американцы возмущаются и протестуютъ по поводу недопущенія свободной иностранной торговли въ предѣлахъ занятыхъ еще нами областей; англичане остаются, повидимому, спокойными, но ссылаются на возбужденное состояніе своихъ союзниковъ, японцевъ, и на энергическіе порывы за-атлантическихъ друзей. Къ сожалѣнію, при отсутствіи положительныхъ свѣдѣній изъ авторитетныхъ русскихъ источниковъ, мы не можемъ составить себѣ опредѣленное понятіе о сущности и значеніи новѣйшихъ международныхъ споровъ на дальнемъ Востокѣ. Нельзя даже сказать, дѣйствительно ли предметомъ разногласій или недоразумѣній служитъ свобода торговли въ Манчжуріи, или это только благовидный предлогъ для созданія искусственнаго конфликта между Японіею и Россіею. Странно во всякомъ случаѣ то, что съ наибольшею настойчивостью хлопочутъ объ этомъ конфликтѣ и раздуваютъ его главныя американскія газеты, служащія обыкновенно вѣрнымъ отголоскомъ господствующаго общественнаго мнѣнія въ Соединенныхъ штатахъ.

Конечно, можно быть вполнѣ увѣреннымъ въ отсутствіи серьезной опасности разрыва между двумя сосѣдними державами, имѣющими всѣ основанія желать прочнаго взаимнаго мира и согласія; и еслибы даже Японія по какимъ либо причинамъ увлекалась воинственными планами, то мы съ своей стороны, безъ сомнѣнія, употребили бы всѣ зависящія отъ насъ средства, чтобы удержать ее отъ безразсудства и не давать японцамъ поводовъ къ раздраженію. И, вѣроятно, не трудно было бы сойтись съ Японіею и устроить съ нею надлежащее соглашеніе, еслибы только удалось устранить безпокойное посредничество англичанъ и американцевъ. Какъ бы то ни было, иностранная враждебная агитація по манчжурскому вопросу требуетъ—если не отпора и отвѣта, то, по крайней мѣрѣ, авторитетнаго фактическаго разъясненія, которое кстати было бы не лишне и для недоумѣвающей русской публики.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1903.

I.

— Евгеній Цабель. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Литературно-біографическій очеркъ (съ 4-мя портретами въ разные періоды жизни). Переводъ съ нѣмецкаго Владиміра Григоровича. Кіевъ, 1903.

Авторъ этой книги принадлежитъ къ числу иностранныхъ критиковъ, наиболѣе близко знакомыхъ съ нашей литературой, а вмѣстѣ и наиболѣе компетентныхъ ея цѣнителей. Русская литература привлекаетъ нынѣ большой интересъ европейской критики, но къ этому интересу далеко не всегда присоединяется достаточное знаніе русской жизни и внутреннихъ отношеній литературы; г. Цабель является здѣсь пріятнымъ исключеніемъ,—и съ знаніемъ фактовъ соединяется у него художественное пониманіе.

Не будемъ останавливаться на біографіи, гдѣ авторъ пользовался, между прочимъ, книгой Р. Лёвенфельда, и приводимъ два-три общихъ заключенія о цѣломъ направленіи писательской дѣятельности графа Толстого.

Къ числу писателей, имѣвшихъ большое вліяніе на гр. Толстого, принадлежитъ Руссо. „Подобно автору „Новой Элоизы“, и русскій писатель—неутомимый борецъ противъ отчужденія отъ природы, къ которому ведетъ современная жизнь; подобно Руссо и онъ требуетъ, чтобы мы отказались отъ культуры со всѣми ея пороками и вернулись къ простотѣ жизни и простодушію. На вопросъ, предложенный въ 1749 дижонской академіей, облагораживаетъ или портитъ нравы развитіе наукъ и искусствъ, Толстой не задумался бы отвѣтить, совсѣмъ въ духѣ Руссо, что мы должны отказаться именно отъ этой духовной дѣятельности и поставить на ея мѣсто простоту естественнаго состоянія, ежели желаемъ быть счастливыми. Руссо выставилъ положеніе, что земля принадлежитъ всѣмъ и что все зло въ мірѣ создано

тѣмъ человѣкомъ, который впервые огородилъ поле, назвалъ его своимъ и нашелъ другихъ достаточно простодушныхъ для того, чтобы повѣрить ему: различая мое и твое, право собственности создало положительное право и явилось причиной всѣхъ споровъ, которые разрѣшались путемъ насилія. Толстой могъ бы обѣими руками подписаться подъ этимъ положеніемъ. У обоихъ одна и та же теорія, что образованіе и собственность противоестественны; у обоихъ одинаковое отвращеніе къ государству и его принудительнымъ учрежденіямъ. Подобно Руссо, Толстой издалъ свою исповѣдь, въ которой нѣтъ недостатка въ тяжкихъ самообвиненіяхъ... Общимъ, наконецъ, для обоихъ является и то обстоятельство, что ихъ глубокое стремленіе къ естественности *не соединено ни съ какимъ опредѣленнымъ указаніемъ пути и средствъ*, которые могли бы доставить побѣду ихъ взглядамъ, что оба они страдаютъ обиліемъ неясностей и односторонностей, что у нихъ много бросающихся въ глаза преувеличеній, которыя въ свою очередь ведутъ къ ненавистному для нихъ отчужденію отъ природы, къ противоестественности. Но именно эти противорѣчія послужили причиной огромнаго вниманія, которое возбудилъ Толстой своими ученіями: читатели увидѣли въ нихъ самихъ себя. Къ новому міросозерцанію стремились всѣ; относительно практическихъ вопросовъ всѣ держались различныхъ мнѣній. Если велико сходство между Толстымъ и Руссо, то не менѣе рѣзко и различіе между ними. Руссо всю свою жизнь былъ человѣкомъ съ неустойчивымъ характеромъ и не особенно большой любовью къ правдѣ, воплощеннымъ противорѣчіемъ между теоріей и практикой; онъ писалъ замѣчательныя вещи о реформѣ воспитанія и отправлялъ собственныхъ дѣтей въ воспитательный домъ. Въ этомъ отношеніи на сторонѣ Толстого неизмѣримое преимущество: русскій писатель неуклонно стремился къ тому, чтобы разъ признанное истиннымъ и хорошимъ испробовать прежде всего на самомъ себѣ и своемъ образѣ жизни; онъ истинно добрый и хорошій человѣкъ, образцовый отецъ семейства, характеръ, готовый на самопожертвованіе" (стр. 144—145).

Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ:

„Какъ бы высоко ни цѣнили мы Толстого, все-таки нельзя отрицать, что тотъ идеалъ человѣчности, который онъ создалъ себѣ и къ осуществленію котораго стремится съ неутомимымъ рвеніемъ, остается утопическимъ *воздушнымъ за́мкомъ*. Онъ хочетъ возвратиться къ простотѣ крестьянина и все-таки остается человѣкомъ знатнаго происхожденія, человѣкомъ напряженнаго духовнаго труда. Онъ рѣзко критикуетъ уродливыя порожденія нашей культуры, недостатки нашего хозяйственнаго строя; но у него нельзя найти ни одного яснаго и убѣдительнаго слова, какимъ путемъ можно улучшить наше положе-

ніе. Если даже для себя лично онъ не находитъ полнаго разрѣшенія этой проблемы, которою онъ занимается вотъ уже столько лѣтъ, то тѣмъ менѣе можетъ служить это рецептомъ для семьи, народа и всего человѣчества. Онъ съ презрѣніемъ говоритъ о ступеняхъ нашего культурнаго развитія и забываетъ при этомъ, что самъ-то онъ достигъ той высоты человѣчности, на которой онъ стоитъ, *только благодаря этимъ ступенямъ*. Чиста и истинна его любовь къ людямъ, эта прекраснѣйшая черта во всей его системѣ философскаго мистицизма"...

Авторъ упоминаетъ здѣсь о ревностной дѣятельности гр. Толстого и всего семейства, во время голодныхъ годовъ.

„Оборотной стороной являются его односторонность и сбивчивость сужденій; и въ этомъ случаѣ его вліяніе на неспособную къ мышленію толпу разрушительно и опасно; его фантастическія понятія и требованія смѣшиваются съ идеями самаго дикаго коммунизма. Культурное богатство, пріобрѣтенное безконечнымъ, тягостнымъ трудомъ тысячелѣтій, потребовавшее неисчислимыхъ и дѣйствительныхъ жертвъ, должно быть, по мнѣнію Толстого, отброшено какъ ненужное; его мѣсто должно занять что-то такое, чего онъ даже назвать не можетъ: вѣдь христіанская любовь къ ближнимъ, показное терпѣніе болѣзней и нужды, скромное единеніе съ природой, отрѣшеніе отъ всѣхъ страстныхъ побужденій въ сношеніи половъ, высшая простота и отсутствіе потребностей—такого рода вещи, что, еслибы вообще онѣ стоили чего-нибудь въ этой формѣ, онѣ не родятся сами собой изъ земли—нужно какъ-нибудь подготовить къ нимъ человѣчество; и конечно не любовь и терпѣніе могутъ быть такой школой. Если мужъ и жена станутъ жить какъ братъ и сестра, то въ теченіе немногихъ десятилѣтій человѣчество прекратитъ свое существованіе. Если мы отдадимся природѣ такъ, какъ этого хочетъ Толстой, и подчинимся ей, вмѣстѣ того, чтобы заставлять ее, гдѣ можно, служить намъ, и бороться съ ней, когда ея вліянія приносятъ вредъ, то въ самое короткое время міръ наполнится людьми, терпящими жестокій голодъ и холодъ; изъ лѣсовъ появятся хищные звѣри и истребятъ людей. Жизнь во всѣ времена была борьбой; во имя заповѣди любви къ ближнимъ мы можемъ и должны отнимать у нея (у этой борьбы) ея суровый характеръ; но борьба эта не щадитъ никого и разгорается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большія массы она захватываетъ и чѣмъ выше поставленные на карту интересы. Богъ Будда можетъ сидѣть на листьяхъ лотоса и мечтать о томъ, какъ въ блаженствѣ нирваны разрѣшится жизнь, подобно свѣту лампы, отъ котораго не останется никакихъ слѣдовъ; а человѣку приходится ежедневно въ потѣ лица зарабатывать себѣ жизнь. Восхваляемое Толстымъ счастье лежитъ не на землѣ, а подъ землей; оно не въ борьбѣ и творчествѣ, а въ вѣчномъ снѣ.

„То, что̀ далъ намъ Толстой какъ философъ-моралистъ, во многихъ отношеніяхъ сомнительнаго качества; между тѣмъ пониженіе его литературной дѣятельности, безъ всякаго сомнѣнія, является огромной потерей для міра“ (стр. 174—176).

Отношеніе гр. Толстого къ искусству Цабель находитъ „удивительнымъ, прямо невѣроятнымъ“. Общій характеръ его философски-мистическаго ученія Цабель изображаетъ такъ:

„Съ точки зрѣнія Толстого, человѣчество представляется намъ единой семьей, гдѣ не вѣдаютъ зла, всѣ равны, каждый самъ зарабатываетъ себѣ кусокъ хлѣба, ведетъ угодную Богу жизнь, живетъ просто и въ общеніи съ природой и сейчасъ же дѣлится избыткомъ со своими ближними. Въ это блаженное царство хочетъ вести насъ Толстой; но мы не знаемъ дороги, боимся споткнуться на узкой тропинкѣ между грязными обрывистыми утесами и дико бушующими водами, робко и тревожно оглядываемся на своего вождя, который съ вѣрой въ побѣду устремилъ взоръ вверхъ и, увѣренный въ своей миссіи спасенія, улыбается, зная нашу слабость; а намъ трудно въ одно время не терять его изъ виду и подвигаться за нимъ, когда онъ приказываетъ; озабоченные исходомъ опаснаго предпріятія, мы робко взываемъ къ нему: „Куда? куда?“ (стр. 80).

Такимъ образомъ нѣмецкій критикъ, ставящій чрезвычайно высоко художественное творчество гр. Толстого, съ великимъ недовѣріемъ относится къ его „философскому мистицизму“ и его планамъ преобразовать жизнь человѣчества. Послѣднія слова свидѣтельствуютъ, что и къ проповѣдничеству гр. Толстого онъ относится съ великимъ почтеніемъ,—только „робко“ и „тревожно“ спрашиваетъ: куда же идти приказываетъ вождь...

Дѣятельность гр. Толстого представляетъ вообще очень сложный вопросъ,—намъ кажется, однако, что едва ли есть много людей, которые „робко“ и „тревожно“ идутъ за вождемъ, куда бы онъ ни велъ. Тѣ, кто идутъ, вѣроятно идутъ безъ тревогъ и недоумѣній, какъ бываетъ въ слѣпой вѣрѣ; гораздо бо̀льшее число бываетъ болѣе или менѣе поражено сильными нравственными запросами, но едва ли не охладѣваетъ къ собственнымъ требованіямъ гр. Толстого въ виду именно „обилія неясностей и односторонностей“ (Цабель, стр. 145), въ виду „запутанности измышленій“ писателя (стр. 154), въ виду того, что онъ „не указываетъ, какія средства должны мы употребить, чтобы добиться лучшихъ условій жизни“, и что онъ „подобенъ строителю, который видитъ неудовлетворительное состояніе своего за̀мка и приказываетъ рабочимъ срыть его, но не имѣетъ плана, по которому онъ будетъ возводить на развалинахъ новое, лучшее сооруженіе“ (стр. 160), и т. д.

Гр. Л. Н. Толстой поставленъ въ особыя условія въ нашей литературѣ, окруженный съ одной стороны величайшей популярностью, съ другой стороны—очень опредѣленной враждой; къ сожалѣнію, это особенное положеніе мѣшаетъ до сихъ поръ установиться *безпристрастной* критикѣ его произведеній „второй манеры", именно произведеній его „философскаго мистицизма". До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, такая критика коснулась только немногихъ его произведеній. За недостаточностью ея, книга Цабеля можетъ представить и для русскихъ читателей немалый интересъ...

Переводъ—ничего; къ сожалѣнію только, переводчикъ кое-гдѣ недостаточно знакомъ съ новѣйшей русской исторіей и литературой,—не „освѣдомленъ" въ нихъ (говоря новѣйшимъ дикимъ газетнымъ языкомъ). Напримѣръ, извѣстнаго русскаго генерала, въ крымскую войну, Реада переводчикъ называетъ „Ридомъ", принявши его вѣроятно за англичанина; извѣстнаго Тропмана, котораго казнь была описана Тургеневымъ, онъ называетъ Траупманъ... Можно бы знать исторію крымской войны и сочиненія Тургенева. На первой страницѣ переводчикъ дѣлаетъ нескладное примѣчаніе о фамиліи „Толстой".

II.

— И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). Встрѣчи и воспоминанія. Изъ литературнаго и военнаго міра. Спб. 1903.

Авторъ уже не въ первый разъ обращается къ своимъ воспоминаніямъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ имъ издана была книга „Тѣни прошлаго", составившаяся изъ напечатанныхъ ранѣе журнальныхъ статей. Въ настоящую книгу вошли также статьи, явившіяся ранѣе въ журналахъ, между прочимъ въ „Вѣстникѣ Европы".—Здѣсь нашли мѣсто слѣдующія статьи: Бѣлинскій и Лермонтовъ въ Чембарѣ;—Поѣздка къ Шамилю въ Калугу;—Виновники польскаго возстанія 1863 года;—Эпизоды изъ времени этого возстанія;—Памяти В. В. Чуйко;—У графа Л. Н. Толстого;—Генералъ Шамиль, и его разсказы объ отцѣ;—Русскій театръ, прежде и теперь;—Памятная ночь подъ Рождество;—Сказка о Митяяхъ.—Къ числу „встрѣчъ и воспоминаній", по замѣчанію автора, не принадлежитъ только статья „Виновники польскаго возстанія 1863 года", но она служитъ какъ бы предисловіемъ къ слѣдующей затѣмъ статьѣ, представляющей собственныя воспоминанія автора. Статья о „виновникахъ возстанія" составлена на основаніи польской книги Станислава Козьмяна о 1863 годѣ, которую г. Захарьинъ очень цѣнитъ, какъ весьма любопытное и безпри-

страстное изложенiе первыхъ начинанiй возстанiя; книга эта, по словамъ его, не имѣется въ продажѣ въ Россiи.

Какъ видно изъ приведённаго указанiя статей, разсказы г. Захарьина касаются очень разнообразныхъ сюжетовъ, напр. отъ Бѣлинскаго до польскаго возстанiя, до Шамиля и до гр. Л. Н. Толстого. Свои воспоминанiя авторъ передаетъ съ безхитростной простотой, такъ что онѣ получаютъ интересъ личныхъ разсказовъ немало видѣвшаго въ своей жизни человѣка; въ цѣломъ составляется любопытная книга историческихъ и бытовыхъ очерковъ нашего недавняго прошлаго.—А. П.

III.

— Петръ Великiй. Сборникъ статей, составленныхъ преподавателями Петровскаго училища с.-петербургскаго купеческаго общества. Спб., 1903.

Цѣль и характеръ этого сборника заслуживаютъ полнаго вниманiя. Это лучшая форма, въ которой люди, причастные наукѣ и просвѣщенiю, могутъ почтить память о жизни и дѣятельности великаго преобразователя Россiи. Сборникъ предназначенъ для старшихъ и отчасти среднихъ классовъ и, кромѣ двухъ работъ гг. Платонова и Бороздина, уже извѣстныхъ въ печати въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, заключаетъ въ себѣ рядъ статей, спецiально написанныхъ для этой цѣли.

Среди послѣднихъ находимъ работы: г. Вальденберга—„Щербатовъ о Петрѣ Великомъ", г. Сиповскаго—„Значенiе Петра въ исторiи русской литературы", г. Линсцера—„Петръ Великiй и Алексѣй Петровичъ (эпизодъ русской исторiи въ освѣщенiи западно-европейской литературы)", г. Полiевктова—„Изъ переписки дипломатовъ Петровскаго времени", г. Лященка—„Взятiе Нiеншанца и основанiе Петербурга" и др. Г. Линсцеръ останавливается въ своей интересной статьѣ на литературной обработкѣ сюжетовъ изъ эпохи царствованiя Петра Великаго и посвящаетъ спецiальную главу разбору отраженiй въ западно-европейской литературѣ сюжета о разладѣ царя Петра съ сыномъ Алексѣемъ и судѣ надъ нимъ. Наиболѣе полное и глубокое по замыслу изображенiе трагической судьбы царевича Алексѣя авторъ видитъ въ трилогiи Иммермана „Alexis". Иммерманъ (1796—1840) весьма немного заимствовалъ у своихъ предшественниковъ, поэтовъ, обработывавшихъ до него сюжетъ о судѣ и смерти царевича. Самъ же онъ, наоборотъ, далъ въ своей драмѣ образецъ для послѣдователей. Поэтическое освѣщенiе какъ фактовъ, такъ и характеровъ проведено вполнѣ оригинально и, въ общемъ, близко къ исторической обстановкѣ и духу эпохи. Однако историческая точка зрѣнiя не выдержана именно по отношенiю къ царевичу Алексѣю. Автору хотѣлось спасти

своего героя, но это ему не удалось. Вопреки первоначальному намѣренію автора, истиннымъ героемъ трилогіи является Петръ. Онъ нарисованъ во весь ростъ, такимъ, какъ мы знаемъ его изъ исторіи. Трагизмъ его положенія, у Иммермана, заключается въ его одиночествѣ. Окруженный измѣной, несочувствіемъ народныхъ массъ и духовенства, безъ продолжателя своего дѣла,—онъ вѣритъ еще своимъ сотрудникамъ и Екатеринѣ, но эта вѣра падаетъ въ немъ. „Погибла вѣра въ людей — погибла и вѣра въ самого себя. Душа жаждетъ правды, и она чувствуетъ приближеніе ея, но это правда не земная, это правда вѣчная, которую несетъ съ собою смерть. Какая широкая проблема!..“

Къ сборнику приложенъ прекрасно исполненный портретъ Петра Великаго. Вообще книга издана аккуратно и умѣло.

IV.

— Л. Е. Оболенскій. Максимъ Горькій и причина его успѣха. (Опытъ параллели съ А. Чеховымъ и Глѣбомъ Успенскимъ). Критическій этюдъ. Спб., 1903.

— В. Ѳ. Боцяновскій. Максимъ Горькій. Критико-біографическій этюдъ. Изд. 2-ое, переработанное. Спб., 1903.

— И. Бибиковъ. М. Горькій, какъ драматургъ. 1. Мѣщане. 2. На днѣ. Критическій этюдъ. М. 1903.

— Графъ Е. М. де-Вогюэ. Максимъ Горькій, какъ писатель и человѣкъ. Переводъ Ал. Ачкасова. Изд. 2-ое. М. 1903.

Названныя брошюры посвящены характеристикѣ творчества Горькаго въ различныхъ направленіяхъ, въ связи съ небывало-быстрымъ ростомъ его популярности.

Г. Оболенскій видитъ основную причину успѣха Максима Горькаго въ томъ, что онъ появился на литературномъ поприщѣ въ такой моментъ, когда въ литературѣ, по выраженію критика, „царила тишина, напоминающая глубокую ночь“. Исключая Толстого и Чехова, не было въ литературѣ рѣшительно ни одного голоса, который могъ бы сказать что-нибудь свѣжее, новое, живое. Беллетристика была безжизненна и вяло пережевывала на тысячи ладовъ старыя темы, типы, идеи. „Достаточно уже одного этого, чтобы свѣжій, мощный талантъ Горькаго, съ запасомъ новыхъ наблюденій и образовъ, вынесенныхъ изъ среды, мало извѣстной публикѣ, произвелъ потрясающее впечатлѣніе среди темной ночи, съ ея сонной тишиной“. Пѣвцомъ именно этой тоскливой ночи явился А. П. Чеховъ; что же касается до Толстого, то онъ, по безцеремонному выраженію критика, вплоть

до своего „Воскресенія“ (отчасти же и въ этомъ романѣ), возился съ вопросами о личной и преимущественно половой морали...

Весьма наглядно, но едва ли доказательно, опредѣляетъ авторъ отношеніе Горькаго къ Успенскому и Чехову. Идеалъ Успенскаго, по своей сущности, немногимъ отличается, по мнѣнію критика, отъ основного идеала Горькаго: этотъ идеалъ является воплощеніемъ тоски по цѣльномъ гармоническомъ человѣкѣ, не испорченномъ благами самоновѣйшей цивилизаціи. Если идеалъ Глѣба Успенскаго, признаваемый авторомъ этюда шире и цѣльнѣе идеала Горькаго, не сталъ руководящимъ идеаломъ для своего времени, то это объясняется другими причинами. Первое: этотъ идеалъ былъ данъ въ отрицательной формѣ сатиры,—сатира же „дѣйствуетъ мощно тогда, когда людямъ вѣрится, что они могутъ перемѣнить жизнь къ лучшему, т.-е. когда они бодры, сильны, свѣжи“. Второе: тамъ, гдѣ Успенскій рисовалъ этотъ идеалъ положительными чертами (напр., въ своихъ разсужденіяхъ о „Венерѣ Милосской“ изъ „Записокъ Тяпушкина“), идеалъ этотъ былъ поставленъ слишкомъ широко и отвлеченно, чтобы за нимъ могла идти „сонная“ толпа. Чаще всего, по мнѣнію г. Оболенскаго, людямъ нужны болѣе узкіе, частные идеалы, которые открывали бы передъ ними ближайшія цѣли, или пути, необходимые имъ въ тотъ же моментъ, чтобы не задохнуться отъ апатіи и бездѣлья. И въ то время, какъ Чеховъ, являющійся полной противоположностью Горькаго, рисовалъ только безпросвѣтныя будни, полныя безнадежной тоски, Максимъ Горькій (вольно или невольно) принесъ людямъ тотъ „частный идеалъ“, который былъ необходимъ для даннаго момента.

Идеалъ Горькаго авторъ этюда понимаетъ такъ: „Онъ (Горькій) говоритъ: „Дерзай! Ты можешь взять свою судьбу въ свои руки, если не будешь такой тряпкой, такимъ ноющимъ слизнякомъ, какимъ сдѣлала тебя отчасти жизнь, отчасти ноющая литература, отчасти то, что твои высокія „идеи“ не были „кровными“ идеями твоего класса, а были скорѣе „книжными“, „надуманными“ или заимствованными идеями теоретическаго характера... И смотри, въ какомъ положеніи ты очутился („Двадцать шесть и одна“)!“.

„Говоря однимъ словомъ,—продолжаетъ г. Оболенскій,—вѣяніе, принесенное Горькимъ, есть ни больше, ни меньше, какъ вѣяніе „бодрости“, „дерзновенія“ въ жизни людей... Это—общій мотивъ его произведеній... Но это не значитъ, что у него нѣтъ и высшаго идеала. Однако, онъ сознаетъ, что этотъ высшій идеалъ — не для всѣхъ. Этотъ идеалъ—Данко, со своимъ пылающимъ сердцемъ, сгорѣвшимъ отъ любви къ человѣчеству“.

Данко, если припомнятъ читатели,—герой разсказа „Старуха Изергиль“. Въ очахъ его, разсказывалъ Горькій, свѣтилось много силы и

живого огня, и люди пошли за нимъ, потому что увидѣли его превосходство надъ собой. Они шли за своимъ вождемъ по чащѣ дремучаго лѣса, въ бурную ночь, наконецъ утомились и пали духомъ. И захотѣли погубить Данко, потому что онъ не довелъ ихъ до желанной цѣли. Въ порывѣ любви къ людямъ, Данко вырвалъ изъ груди свое собственное сердце,—и оно засіяло ярко, какъ солнце... Этого-то Данко, по замѣчанію г. Оболенскаго, никто, кромѣ него, изъ толкователей Горькаго даже не замѣтилъ. Почему?—спрашиваетъ онъ.—Да потому просто, что онъ не по плечу „большинству".

Такого рода утвержденіе, конечно, весьма просто, но врядъ ли убѣдительно. Идеалы любви къ человѣчеству понимаются и признаются людьми, независимо отъ ихъ способности слѣдовать имъ въ жизни. Если же критика, до г. Оболенскаго, не останавливалась на этомъ героѣ разсказа, то не объясняется ли это, въ извѣстной степени, тѣмъ, что Данко—одинъ изъ наименѣе удачныхъ и естественныхъ образовъ у Горькаго, притомъ въ разсказѣ вообще весьма посредственнаго достоинства?

Параллель съ Успенскимъ и Чеховымъ была бы очень любопытна, еслибы г. Оболенскій нѣсколько обстоятельнѣе выяснилъ ихъ соотношенія, особенно ставъ на историческую точку зрѣнія—по отношенію къ Успенскому: что̀ было сдѣлано *имъ* для *его* эпохи? Тогда значеніе Горькаго, можетъ быть, уменьшилось бы въ глазахъ критика, и оцѣнка была бы произведена болѣе безпристрастно. Въ переживаемое нами время быстрый ростъ популярности и, такъ сказать, мода на того или другого писателя еще далеко не служитъ гарантіей его необходимости для даннаго момента или плодотворности его вліянія. При всемъ признаніи таланта Горькаго и его самыхъ прекрасныхъ общественныхъ стремленій, мы полагаемъ, однако, что даже и теперь, полузабытыя, какъ справедливо замѣчаетъ г. Оболенскій, имена Щедрина и Успенскаго говорятъ гораздо больше и будутъ говорить русскому обществу долго послѣ того, какъ имя Горькаго сойдетъ съ капризныхъ устъ нашей публики, занявъ подобающее ему мѣсто въ исторіи литературы. Общественное значеніе измѣряется не только силою таланта, но и широтой умственнаго захвата, а главное—степенью проникновенности въ глубь общественныхъ явленій.

Вообще же брошюра г. Оболенскаго очень интересна. Характеристика Горькаго сдѣлана мѣтко, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и оригинально, и мы едва ли ошибемся, отнеся ее къ разряду наиболѣе выдающихся въ критической литературѣ о произведеніяхъ этого писателя.

Заслуживаетъ вниманія и этюдъ г. Боцяновскаго. Онъ тоже горячій поклонникъ Горькаго, и критика его сводится преимущественно къ

указанію достоинствъ этого писателя и восторженному объясненію причинъ его успѣха. Послѣднее, собственно говоря, не такъ ужъ интересно, какъ и подробности личной біографіи Горькаго, не стоящія въ прямой связи съ его творчествомъ, въ родѣ разсказа объ оваціяхъ на публичныхъ чтеніяхъ о Горькомъ, самозванцахъ, интервьюэрахъ и т. д. Не такая ужъ величина Горькій, чтобы задерживать вниманіе публики на подобнаго рода пустякахъ. Гораздо дѣльнѣе та часть работы г. Боцяновскаго, гдѣ онъ останавливается на характеристикѣ типа „безпокойнаго человѣка". „Всѣ они, въ тѣхъ или иныхъ варіаціяхъ,—говоритъ г. Боцяновскій,—указываютъ на царящую вокругъ нихъ несправедливость, а также на свою неудовлетворенность, проистекающую исключительно изъ неумѣнья ихъ приспособиться, стать дѣловыми, „нужными" людьми"... Это совершенно вѣрная черта, какъ и та, отмѣчаемая авторомъ, что дѣйствительность не удовлетворяетъ героевъ Горькаго „прежде всего потому, что всѣ они въ этомъ отношеніи слишкомъ большіе рефлектики и очень быстро улавливаютъ въ каждомъ предметѣ его тѣневыя стороны". Вообще, для пониманія творчества Горькаго брошюра г. Боцяновскаго даетъ цѣнныя указанія, но коренной недостатокъ ея—неясность, среди подавляющаго обилія цитатъ, основной руководящей идеи автора.

Г. Бибиковъ считаетъ, въ своемъ этюдѣ, основные мотивы творчества М. Горькаго настолько извѣстными, что онъ касается ихъ лишь постольку, поскольку это нужно для характеристики писателя, какъ драматурга. „Сильный и самобытный талантъ—онъ и на новомъ поприщѣ явился внѣ принятыхъ формъ и рамокъ, и, послѣ Чехова, онъ —первый новаторъ драматической литературы". Безусловно вѣрнымъ кажется намъ замѣчаніе автора о томъ, что беллетристъ въ Горькомъ беретъ верхъ надъ драматургомъ. Отъ этого, предполагаетъ авторъ, зависитъ двойственность впечатлѣній, получаемыхъ отъ изображенія пьесъ Горькаго на сценѣ и при чтеніи ихъ: въ театрѣ типы создаются артистами и уже въ готовомъ видѣ воспринимаются нами. Но авторъ далеко не приписываетъ въ данномъ случаѣ видной роли творческой иниціативѣ артистовъ, создающихъ роли и возможность ихъ различнаго истолкованія. Напротивъ: „его (Горькаго) художественный талантъ создалъ до такой степени яркіе образы, яркіе и внѣ и внутри, что артисту остается только проникнуться ими, а не создавать ихъ по шаблону выведенныхъ авторомъ разговоровъ. И въ этомъ заслуга новатора-беллетриста". Съ утвержденіемъ автора о степени личной самодѣятельности артистовъ въ исполненіи пьесъ Горькаго, вѣроятно, не согласятся тѣ, кто видѣлъ это исполненіе на сценѣ московскаго художественнаго театра. Его-то авторъ и имѣетъ въ виду. Въ разборѣ каждой изъ пьесъ въ отдѣльности не мало мѣткихъ и вѣрныхъ

замѣчаній, но общій тонъ приподнятъ и слишкомъ субъективенъ, благодаря чему оцѣнка выходитъ нѣсколько одностороннею. Такова ужъ, видно, фатальная звѣзда Горькаго: его и бранятъ, и хвалятъ—все не въ мѣру.

Изящно, дѣловито и вдумчиво написана статья извѣстнаго знатока русской литературы М. де-Вогюэ, русскій переводъ которой выходитъ уже вторымъ изданіемъ. Здѣсь все въ мѣру и съ большимъ тактомъ: и біографія, и выгодное для писателя освѣщеніе его достоинствъ, и сдержанное указаніе недостатковъ. Отмѣтивъ превосходное начало, напримѣръ, „Ѳомы Гордѣева", г. де-Вогюе замѣчаетъ, что „продолженіе романа не оправдало ожиданій, возбужденныхъ его началомъ", и даетъ такую общую оцѣнку: „Въ романѣ этомъ нѣтъ никакого дѣйствія, не развивается въ немъ также никакого чувства и, прочтя его, съ удовольствіемъ вспоминаешь о коротенькихъ и скромныхъ эскизахъ того же автора. Этотъ романъ представляетъ собою цѣлый рядъ психологическихъ переворотовъ, недостаточно мотивированныхъ, и безконечную болтовню"... Касаясь вопроса о „соціальномъ багажѣ" Горькаго, о томъ, что создалъ онъ въ идейномъ смыслѣ, если исключить его живой и гибкій талантъ, авторъ приходитъ къ неутѣшительному выводу, что Горькій не далъ ничего кромѣ отрицанія. „Я не встрѣтилъ въ *Разсказахъ* ни единой страницы, которая обнаруживала бы какую-нибудь религіозную или философскую идею, или хоть просто возбуждала бы какой-нибудь интересъ къ подобнаго рода идеямъ". Словомъ, то, что иныхъ ослѣпляетъ вблизи, издали свѣтитъ не такъ ярко, такъ что является возможность безпристрастно разобраться въ творчествѣ писателя, а только такой разборъ и можетъ претендовать на серьезное значеніе.

V.

— Полное собраній сочиненій В. А. Слѣпцова. Третье значительно дополненное изданіе. Съ портретомъ автора и біографическимъ очеркомъ, составл. А. Н. Сальниковымъ. Спб. 1903.

Это уже забытый писатель. Но было время, — онъ умеръ лѣтъ двадцать пять съ небольшимъ,—когда его произведенія имѣли широкій кругъ читателей и, по временамъ, служили яркимъ отраженіемъ нѣкоторыхъ теченій эпохи. Прежде всего, Слѣпцовъ былъ хорошимъ знатокомъ народной жизни. Еще въ ранней юности, въ 50-хъ годахъ, Слѣпцовъ принялъ предложеніе этнографическаго отдѣла „Русскаго географическаго общества" совершить путешествіе по владимірской губерніи и дать описаніе мѣстныхъ фабрикъ. Это путешествіе, по

образу пѣшаго хожденія, помогло его знакомству съ народнымъ бытомъ и было опредѣляющимъ моментомъ въ направленіи его творчества. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ началъ сотрудничать въ „Русской Рѣчи“ графини Е. Саліасъ (Евгеніи Туръ), затѣмъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ и „Современникѣ“, гдѣ работалъ въ самый блестящій періодъ этого журнала, одновременно съ Некрасовымъ, Чернышевскимъ, Елисеевымъ, Водовозовымъ и др. Первымъ произведеніемъ, появившимся въ „Современникѣ“, были „Письма изъ Осташкова“; за нимъ, въ 1863 и 1864 гг., послѣдовали разсказы: „Питомка“, „Казаки“, „Постоялый дворъ“, „Сцены въ больницѣ“. Изъ небольшого сравнительно перечня произведеній Слѣпцова наибольшимъ успѣхомъ пользовалась повѣсть „Трудное время“, въ которой изображенъ, по выраженію Писарева, „уморительный типъ добродѣтельнаго либерала“, „гуманизирующаго“ сельскихъ обывателей и быстро остывающаго ради устроенія личныхъ благъ.

Превосходя современныхъ ему беллетристовъ-народниковъ размѣрами и качествомъ своего художественнаго дарованія, Слѣпцовъ далеко уступалъ имъ въ глубинѣ критической мысли и пониманія общественныхъ событій. При большой наблюдательности, направленной на изученіе отдѣльныхъ, частныхъ явленій жизни, онъ не всегда, однако, умѣлъ уловить въ нихъ типическіе признаки извѣстнаго общественнаго или умственнаго теченія въ его цѣломъ, и чувство художественной мѣры иногда страдало отъ неумѣреннаго стремленія къ бытовому реализу или къ разсчитанному эффекту. Тѣмъ не менѣе, знаніе народнаго языка и быта, искусный діалогъ и неизмѣнный юморъ—дѣлаютъ чтеніе разсказовъ и сценъ Слѣпцова исполненнымъ живого интереса до сихъ поръ. Въ этомъ отношеніи появленіе настоящаго полнаго собранія является кстати.

Въ разсказахъ Слѣпцова уживаются рядомъ, какъ въ жизни, черты глубоко трагическія съ чертами неподдѣльнаго комизма. Безпросвѣтная темнота, грубость нравовъ, безъисходное народное горе, въ живыхъ образахъ, встаютъ передъ читателемъ со страницъ его книги и такъ и просятся въ параллель къ тому, что мы ежедневно видимъ, читаемъ и слышимъ. Вотъ бездушный, пустой и самодовольный врачъ, глухой къ мольбамъ и страданіямъ безотвѣтныхъ паціентовъ изъ народа; больничный „генералъ“, утопившій въ генеральскомъ чванствѣ лучшіе завѣты своей человѣколюбивой профессіи; сидѣлки, вытаскивающія тюфякъ изъ-подъ умирающей тифозной больной... Въ разсказѣ „Питомка“ баба тщетно отмѣриваетъ своими ногами десятки верстъ, отыскивая свою дѣвочку, отданную въ воспитательный домъ и отосланную въ деревню на прокормленіе. Писаря даютъ ей не тѣ справки, путая нумера, и несчастная мать, изнуренная голодомъ и горемъ,

такъ и не находитъ своего ребенка. Въ разсказѣ „Ночлегъ“ одинъ изъ героевъ, пастухъ, распустилъ, и то не по своей винѣ, стадо по чужому овсу. Его присудили къ розгамъ и вызвали, для исполненія, въ волость, верстъ за пятьдесятъ отъ его деревни. „Иду я,—разсказываетъ пастухъ,—и думаю:—эхъ, молъ, насидятся у меня робятенки безъ хлѣба. Поскорѣй бы мнѣ дойти. Все это у меня въ умѣ, да все про скотину думается: не управится безъ меня мальчонка, ни за что не управится. Гдѣ ему?—глупъ. Пришелъ. Сейчасъ къ писарю: такъ и такъ, вотъ, говорю, я пришелъ. Писарь—ладно, говоритъ. Ну, переночевалъ ночь; наутрѣ чуть зорька занялась, я вскочилъ; ну, думаю, только бы меня, дай Господи, поскорѣй отжучили, сейчасъ бы я маршъ—домой. Ждалъ, ждалъ, цѣлый день на крылечкѣ просидѣлъ, все ждалъ; не пущаютъ и шабашъ. Чуть увижу, мужики изъ-за угла выходятъ,—ну, думаю, слава тебѣ Господи, сейчасъ меня драть“... Но его не драли и на другой, и на третій день: у начальства свои соображенія были. „На четвертый день сижу у воротъ, идетъ знакомый мужикъ: что̀ ты, говоритъ? Такъ и такъ, говорю, вотъ какое горе.—Э, дуракъ, говоритъ, цѣлковый денегъ есть?—Есть, говорю, есть.—Поди дай, сейчасъ отпустятъ.—Вѣдь и точно, братецъ мой, сейчасъ же, слова не сказалъ, разложили и отодрали.—Давно бы такъ, говоритъ“... Подобныхъ тонкихъ чертъ народнаго міросозерцанія, мыслимыхъ только у русскаго мужика и ни у кого другого, много въ сочиненіяхъ Слѣпцова; юморъ ихъ грустный, съ осадкомъ безнадежнаго безсилія и тоски.

Непосредственностью юмора Слѣпцовъ нерѣдко сходится съ Горбуновымъ. Прочтите, напримѣръ, слѣдующую сценку. По улицѣ проходитъ барыня съ собачкой. „Изъ кузницы смотритъ заѣзжій мужикъ и говоритъ про себя:

— Ишь ты! Кобелёкъ-то у ей какой! Ну, кобелекъ! Ишь ты! Ишь ты! А, чтобъ тѣ пусто!.. Какъ онъ лапками-то подгребаетъ! Уши-то! Уши-то! Ха, ха, ха! О, пропади ты совсѣмъ! Ученый!

— Нешто это кобель? Это заяцъ,—серьезно говоритъ кузнецъ, отбивая косу.

— Можетъ ли быть?

— Ужъ я тебѣ вѣрно сказываю.

— Неужто въ правду заяцъ?

— Безъ сумлѣнія.

— Что̀ за диковина! Да почему-жъ его собаки не рвутъ?

— А, чудакъ! Нешто можно? Чать онъ барскій.

— Да, да... Ну, это точно!..“

Біографія, написанная г. Сальниковымъ, едва ли удовлетворитъ читателей. Въ ней много лишняго, въ родѣ воспоминаній объ успѣхѣ

Слѣпцова среди женщинъ, и мало литературныхъ фактовъ; совершенно не разработана, напримѣръ, исторія отношеній Слѣпцова къ „Современнику". Самостоятельная работа біографа почти отсутствуетъ.

VI.

— Арс. И. Введенскій. Литературныя характеристики. Послѣднія произведенія Тургенева, Гончарова, Достоевскаго. Сатиры Щедрина. Литературное народничество. Гл. Успенскій. Н. Златовратскій. Спб. 1903.

Критики, въ качествѣ истолкователей художественныхъ произведеній, могутъ быть подраздѣлены, по пріемамъ и методамъ своего изслѣдованія, на нѣсколько категорій. Одни изъ нихъ изучаютъ писателя, исходя изъ той или иной научно-обоснованной теоріи; другіе разлагаютъ творчество писателя на составные элементы, приводятъ въ связь съ фактами личной жизни, творчествомъ другихъ писателей и чертами эпохи; третьи задаются преимущественной цѣлью провести въ сознаніе общества скрытый истинный смыслъ художественнаго произведенія, сообщить этому сознанію правильное понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ. Критики этого рода слѣдуютъ, такъ сказать, за художникомъ по пятамъ; имъ позволяется, пока произведеніе еще не врѣзалось въ память читателей, пересказывать его, пространно цитировать, не углубляясь въ то же время въ детали историко-литературнаго анализа, въ справки историческія, біографическія, сопоставленія и т. д. На ихъ долю выпадаетъ счастье быть читаемыми непосредственно вслѣдъ за произведеніемъ художника; читатели повѣряютъ на нихъ силу своего впечатлѣнія и степень художественнаго чутья. Они первые произносятъ судъ надъ новымъ твореніемъ автора, и мнѣніе ихъ ложится часто краеугольнымъ камнемъ всей послѣдующей репутаціи писателя... Но, при всѣхъ преимуществахъ ихъ положенія, на долю этихъ критиковъ почти всегда выпадаетъ весьма грустное обстоятельство, котораго даже нельзя назвать черной неблагодарностью: какъ только, съ ихъ помощью, читатель овладѣлъ произведеніемъ и сталъ самъ судить о немъ самостоятельно, онъ безжалостно забываетъ своего помощника и руководителя и не вспоминаетъ о немъ никогда. Бѣлинскій и Писаревъ не избѣгли бы такой участи, еслибы ихъ значеніе исчерпывалось только истолкованіемъ появлявшихся въ ихъ время литературныхъ произведеній.

Къ критикамъ подобнаго рода принадлежитъ и Арс. И. Введенскій въ названной выше книгѣ. Чуткій и впечатлительный, онъ служилъ посредникомъ, по горячимъ слѣдамъ, новыхъ явленій творчества между художникомъ и публикой, знакомилъ послѣднюю съ новинкой,

разсказывалъ о ней, уяснялъ и поучалъ. „Критикъ—по его мнѣнію (въ статьѣ о Достоевскомъ),—долженъ безъ предвзятыхъ мыслей приступать къ изслѣдованію художественнаго произведенія, анализировать его безпристрастно и просто, и только записать выведенныя изъ такого наблюденія заключенія. Важно не то, согласенъ или несогласенъ критикъ съ авторомъ художественнаго произведенія, а именно только изслѣдованіе, что такое типы"... Авторъ не углубляется въ вопросы о томъ, каковы должны и могутъ быть методы такого изслѣдованія, и чѣмъ собственно оно должно отличаться отъ передачи непосредственнаго субъективнаго впечатлѣнія, съ которымъ читатель столь же непосредственно можетъ и не согласиться. Но на практикѣ онъ подтверждаетъ это мнѣніе рядомъ очерковъ о Тургеневѣ, Гончаровѣ, Достоевскомъ, Щедринѣ и др., въ которыхъ отмѣчаетъ отличительныя черты художественнаго дарованія, значеніе литературныхъ типовъ въ ихъ произведеніяхъ и т. д. Но... это было такъ давно,—въ восьмидесятые годы прошлаго вѣка. Тогда это было нужно, занимательно, живо. Теперь основные выводы, достигнутые критикой въ совмѣстной работѣ, цѣликомъ вошли въ общественное сознаніе и частью перешли уже на страницы учебниковъ и учебныхъ пособій. Широко раздвинулись и задачи критики, далеко оставивъ за собой одно истолкованіе литературныхъ типовъ, съ точки зрѣнія пониманія автора. Выдвинулись новыя произведенія, явились на смѣну новыя силы, и еслибы г. Введенскій о нихъ сказалъ свое слово, это могло бы имѣть иное значеніе. Теперь же интересъ очерковъ г. Введенскаго представляется намъ по преимуществу историческимъ, хотя для историковъ литературы дѣлать подобное изданіе, по нашему мнѣнію, не слѣдовало бы: они мастера рыться въ старыхъ книгахъ и, встрѣтивъ надобность въ той или другой статьѣ г. Введенскаго, безъ труда нашли бы ее въ соотвѣтственной книжкѣ журнала.

Впрочемъ, на обложкѣ книги сказано, что недавно вышедшая первая книга автора, отличавшаяся тѣмъ же характеромъ, получила одобреніе ученаго комитета для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ и читаленъ. Это—другое дѣло. Если смотрѣть на очерки г. Введенскаго съ этой точки зрѣнія, ихъ можно рекомендовать, какъ матеріалъ для самообразованія и здороваго, занимательнаго чтенія. Въ нихъ много вѣрныхъ и трезвыхъ сужденій, познакомиться съ которыми не безполезно учащемуся юношеству—и въ наше время.

VII.

— П. Ивановъ. Студенты въ Москвѣ. Бытъ. Нравы. Типы. (Очерки). М. 1903.

Заглавіе книги не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію. Многотысячное, разноплеменное, разнохарактерное студенчество Москвы отразилось въ очеркахъ г. Иванова лишь своимъ поверхностнымъ, наименѣе положительнымъ и, такъ сказать, несущественнымъ слоемъ. Нельзя отказать автору въ основательномъ знакомствѣ съ нѣкоторой частью студенчества, съ типами трактирныхъ завсегдатаевъ, встрѣчающихся во всякой средѣ, отъявленныхъ негодяевъ, бульварныхъ кавалеровъ, недобросовѣстныхъ дѣльцовъ, фатовъ, шалопаевъ всякаго рода, о которыхъ онъ разсказываетъ въ своихъ очеркахъ, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ дѣлать выводы о московскихъ студентахъ вообще. Совершенно остались въ тѣни студенты аудиторій, практическихъ занятій, публичной библіотеки, скромные труженики убогихъ каморокъ на всевозможныхъ Козихахъ и Бронныхъ. Ихъ типы внесли бы весьма существенный коррективъ въ представленіе о студенчествѣ, какое можетъ возникнуть въ головѣ у читателя на основаніи книги г. Иванова, самый тонъ которой, примѣнительно къ сюжетамъ изображенія, отличается чрезмѣрной развязностью и мѣщанской моралью.

Первокурсникъ у г. Иванова—непремѣнно гуляка, жизнь котораго „чисто внѣшняя, феерія жизни". Онъ не способенъ ни толкомъ слушать лекціи, ни вести себя съ достоинствомъ на сходкѣ. „Первокурсниковъ *мы* (?) должны отнести къ отрицательнымъ элементамъ студенческихъ движеній,—замѣчаетъ авторъ.—Благодаря имъ, сходки часто превращаются въ нѣчто безсмысленное и абсурдное. Это они могутъ апплодировать подъ-рядъ двумъ совершенно противоположнымъ по смыслу рѣчамъ. Это они въ состояніи устроить игрушечныя баррикады и потомъ молчаливо любоваться, какъ ихъ разрушаетъ полиція"... Какъ видите, филиппика довольно грозная противъ несчастныхъ первокурсниковъ, но она получаетъ значеніе нѣкотораго курьёза, при сомнительности того источника, изъ котораго она исходитъ... Но при переходѣ на второй курсъ склонности новичковъ уже опредѣляются, и авторъ слѣдитъ за ними по направленію карьеризма, тунеядничанья, фортуны, или же, въ отдѣльныхъ случаяхъ, сумасшествія. Характеризуя различные кружки, авторъ морализируетъ на ту тему, что „впослѣдствіи *жизнь*,—уже не жизнь словъ, а настоящая, неподдѣльная жизнь—перетасуетъ всѣхъ этихъ марксистовъ, ницщеанцевъ, народниковъ. И странныя, подчасъ, получатся метаморфозы. „Принципіалистъ" и „безпринципный" вмѣстѣ станутъ работать на славномъ поприщѣ зеленаго стола, по формуляру числясь въ вѣдомствѣ мини-

стерства юстиціи, „ницшеанецъ“ и „моралистъ“ бокъ-о-бокъ сладко будутъ дремать на „скамьѣ“ одной изъ залъ общественнаго собранія въ нѣдрахъ Россіи, а „радикалъ“ и „консерваторъ“ въ одинъ прекрасный день окажутся изъ породы „хапающихъ“ господъ адвокатовъ“...

Бываетъ и хуже. Выходятъ изъ университета и волки въ овечьей шкурѣ, и вѣчные младенцы разумомъ, и современные герои доноса и сыска, подъ разными соусами, но никому изъ тѣхъ, кто знакомъ съ общественными условіями, отражающимися на университетской жизни, и въ голову не придетъ обвинять за это студенчество или университеты. Студенчество — то же общество, отдающее извѣстные годы своей жизни вліянію университетской атмосферы, и судить о студенчествѣ по типамъ г. Иванова—значило бы составлять понятіе объ обществѣ на основаніи, напримѣръ, уголовной хроники или вѣдомости о кражахъ и поджогахъ.

Однако и студенчество, изображенное г. Ивановымъ, заслуживаетъ снисхожденія, если прочесть, въ той же странной книгѣ, обстоятельно составленные очерки по вопросамъ: а) бюджеты, б) квартирный вопросъ, в) о студенческомъ питаніи. Съ этой стороны бытъ студентовъ мало извѣстенъ широкимъ кругамъ общества, и свѣдѣніямъ г. Иванова въ этой области нельзя отказать въ извѣстномъ значеніи.

Стоитъ прослѣдить по этимъ даннымъ жизнь средняго студента, съ двадцати-рублевымъ бюджетомъ въ мѣсяцъ, чтобы легко понять, какой процентъ падаетъ на тѣхъ, которые просиживаютъ часы въ кофейняхъ и на бульварахъ, за невозможностью сидѣть въ холодной и сырой каморкѣ, впроголодь, рядомъ съ неудобнымъ сосѣдствомъ. Положеніе юноши, попавшаго въ желѣзныя объятія столичнаго города, съ малыми деньгами, а то и безъ денегъ вовсе, безъ родной или знакомой семьи, дѣйствительно безотрадно, и недаромъ общество для вспомоществованія нуждающимся студентамъ, издерживая десятки тысячъ на питаніе и всяческую поддержку студентовъ, изыскивая всевозможныя средства къ прекращенію студенческой нужды, все-же, по крайней и суровой необходимости, вынуждено отказывать многимъ, не считая тѣхъ (а ихъ не мало), которые предпочитаютъ голодать, чѣмъ обращаться за помощью. Чтобы судить о размѣрахъ послѣдней, со стороны названнаго общества, достаточно взять отчетъ объ его дѣятельности; за послѣдній (1902) годъ, напримѣръ, было выдано однихъ безплатныхъ обѣдовъ, изъ двухъ столовыхъ общества,—94.149 на сумму 21.262 руб., а за десять лѣтъ дѣятельности этихъ столовыхъ было выдано—1.051.862 безплатныхъ обѣда, на сумму 209.231 руб. Но питаніемъ далеко не исчерпываются различныя формы студенческой нужды: не хватаетъ на взносъ платы за слушаніе лекцій, на наемъ квартиры, на обмундировку, учебныя пособія, леченіе и т. д.

По отношенію къ этимъ вопросамъ, стоящимъ въ тѣснѣйшей связи съ вопросами умственной и нравственной культуры нашей страны, общественная благотворительность превращается въ общественный долгъ, настоятельно обращенный ко всѣмъ бывшимъ студентамъ и не бывшимъ студентами вовсе, но сознающимъ въ себѣ задатки культурности и истиннаго гражданства.

И странно, какъ г. Ивановъ, зная все это, проглядѣлъ—за фигурами отсталыхъ и слабыхъ—тѣ признаки настоящаго московскаго студенчества, изъ которыхъ, дѣйствительно, слагается его отличительный средній типъ: его пренебреженіе къ внѣшнимъ благамъ и бодрый жизнерадостный идеализмъ, вѣра въ науку и жизнь.

Впрочемъ, характеризовать современные студенческіе типы едва ли возможно безъ нѣкоторыхъ общихъ соображеній и историческихъ справокъ изъ жизни и условій дѣятельности нашихъ университетовъ вообще и московскаго въ частности.—Евг. Л.

VIII.

— Е. Щепкина. Краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до 1881 г. Спб. 1903.

Книга г-жи Щепкиной носитъ элементарный характеръ и предназначена, повидимому, для лицъ, впервые знакомящихся съ русской исторіей. Авторъ при выборѣ матеріала для своего очерка останавливается по преимуществу на явленіяхъ внутренней культуры, посвящая изложенію внѣшнихъ событій возможно меньше вниманія. Фактическая часть, однако, отъ этого ничуть не страдаетъ; всѣ дѣйствительно важные факты нашли себѣ мѣсто,—правда, очищенные отъ анекдотовъ, деталей и всего того балласта, который считается почему-то неизбѣжной принадлежностью элементарныхъ историческихъ книгъ. Авторъ вездѣ стремится дать изложеніе строго прагматическое, пользуясь тѣми выводами и обобщеніями, которые сдѣланы современной русской исторической наукой. Стоитъ взять любую главу очерка г-жи Щепкиной и сравнить ее съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ общепринятыхъ учебниковъ, чтобы убѣдиться, насколько содержательнѣе и научнѣе очеркъ г-жи Щепкиной всѣхъ курсовъ гг. Иловайскихъ, Рождественскихъ, и прочихъ монополистовъ нашего школьно-учебнаго міра.

Возьмите, напримѣръ, главы XI и XII очерка, трактующія о внутреннемъ состояніи московскаго государства при Иванѣ IV. Вы здѣсь находите краткое изложеніе податной реформы и изъясненіе связи ея съ военной организаціей московскаго государства и образованіемъ

военно-служилаго и городского сословій. Прикрѣпленіе крестьянъ освѣщено путемъ анализа особенностей экономическаго и политическаго уклада тогдашней Руси. И здѣсь, какъ и во многихъ другихъ главахъ, видно, что изложеніе автора основано на результатахъ современныхъ научныхъ работъ, и что тотъ или иной принятый въ очеркѣ взглядъ, съ которымъ можно, конечно, иногда и не соглашаться, всегда имѣетъ свое научное оправданіе и опору. Послѣднія главы, посвященныя царствованію Николая I и эпохѣ великихъ реформъ, написаны весьма интересно. Удачно охарактеризована николаевская эпоха и доктрина оффиціальной народности. „Народность представляли себѣ,—пишетъ авторъ,—въ видѣ полной обособленности страны отъ остального міра. Россію считали особеннымъ явленіемъ среди государствъ, къ которому неприложимы требованія и стремленія прочихъ націй; оберегать ее отъ европейскихъ вѣяній того времени сдѣлалось главной заботой власти. Центральное правительство почиталось рѣшителемъ всѣхъ дѣлъ большихъ и малыхъ, творившихся въ странѣ; мѣстнымъ силамъ, частной иниціативѣ не придавали значенія"... „Явилась увѣренность, что Россія по своему монархическому складу и патріархальности быта гораздо счастливѣе западной Европы и служитъ оплотомъ противъ ея безпорядочно-мятущихся обитателей. Возникло даже какое-то самообольщеніе, что все въ Россіи прекрасно, что военныя силы ея непобѣдимы"... Въ этой же главѣ авторъ даетъ вполнѣ ясное для неподготовленнаго читателя представленіе о западникахъ и славянофилахъ. Только совсѣмъ напраснымъ кажется намъ утвержденіе очерка, что „къ числу западниковъ принадлежали бо̀льшей частью бѣдняки писатели и ученые, жившіе своимъ трудомъ; они много работали и писали... Славянофилы же бо̀льшей частью выходили изъ среды обезпеченнаго столбового дворянства; они занимались, чѣмъ хотѣли и сколько хотѣли, писали немного"... Экономически-классовая группировка славянофиловъ и западниковъ—обобщеніе во всякомъ случаѣ рискованное.

Земскія преобразованія шестидесятыхъ годовъ, въ особенности ходъ крестьянской реформы, изложены съ возможной полнотой въ очеркѣ г-жи Щепкиной и освѣщены вполнѣ правильнымъ пониманіемъ великой эпохи. Авторъ въ общихъ чертахъ выясняетъ значеніе реформъ земской, городской, судебной, цензурной, посвящаетъ отдѣльную главу народному образованію, школьному классицизму, пытается популярно выяснить значеніе интеллигенціи въ общественномъ движеніи Россіи. Заканчивается очеркъ 1881 годомъ, и внимательный читатель не поставитъ въ упрекъ автору, что онъ не довелъ своего изложенія до болѣе поздняго времени.

Въ общемъ количество научнаго матеріала, переработаннаго авто-

ромъ, весьма значительно, и очеркъ г-жи Щепкиной, несмотря на полное отсутствіе цитатъ и ссылокъ, представляетъ, повидимому, результатъ тщательнаго и весьма продолжительнаго труда.

Вся книга проникнута серьезнымъ и глубокимъ отношеніемъ къ исторической правдѣ, не исключающимъ оцѣнки историческихъ явленій съ точки зрѣнія прогрессивныхъ идеаловъ.

Однимъ изъ немногихъ недостатковъ книги мы считаемъ невыдержанность языка: въ однихъ мѣстахъ авторъ весьма популяренъ, въ другихъ изложеніе разсчитано на болѣе подготовленнаго и развитого читателя. Но эта пестрота стиля не умаляетъ крупныхъ достоинствъ труда г-жи Щепкиной; очеркъ несомнѣнно удовлетворяетъ назрѣвшей потребности обширныхъ круговъ публики, ищущихъ знанія и просвѣщенія. Это тѣ новые читатели изъ народа, которые жадно стучатся въ воскресныя школы, наполняютъ народныя аудиторіи, расхватываютъ популярныя руководства по всѣмъ отраслямъ знанія и, увы, часто, вмѣсто настоящаго знанія, находятъ или свѣдѣнія, предназначенныя для дѣтей младшаго возраста, или же суррогаты настоящей науки. Эта публика, а также и всѣ работающіе для ея просвѣщенія— навѣрное обратятъ вниманіе и оцѣнятъ трудъ г-жи Щепкиной.

IX.

— П. Коганъ. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Москва, 1903 г.

Знакомство съ классической западно-европейской литературой, которымъ когда-то гордилось и славилось русское образованное общество, какъ-то все больше отходитъ въ область преданій. По выходѣ изъ школы, даже весьма любознательный и живой юноша, если только онъ не посвящаетъ себя спеціально изученію литературы, не имѣетъ часто и досуга, и охоты знакомиться съ произведеніями Данте, Шекспира, Шиллера, Байрона. Отвлекаемый животрепещущими вопросами жизни и своими спеціальными занятіями, онъ бросается на другія области знанія и мысли. А въ самой школѣ и по части отечественной литературы обстоитъ весьма неблагополучно; многіе преуспѣвающіе питомцы нашихъ школъ, увѣнчанные медалями, ограничиваютъ свой литературный багажъ тѣми изложеніями русскихъ классиковъ, которыя содержатся въ курсахъ Незеленова и т. п. Знакомство съ иностранной литературой вообще по программамъ необязательно, и единственнымъ школьнымъ источникомъ свѣдѣній можетъ явиться та странная смѣсь риторики и обрывковъ литературной критики, которая подъ названіемъ теоріи словесности преподается въ средней школѣ и гдѣ встрѣчаются иногда упоминанія о произведеніяхъ Шекс-

пира и другихъ классиковъ. Можетъ быть, отчасти вслѣдствіе такой постановки преподаванія у насъ отсутствуютъ совершенно элементарныя руководства по западно-европейской литературѣ. Имѣются переводы не малаго числа монографій, существуютъ кое-какія и самостоятельныя изслѣдованія, но общаго обзора западно-европейской литературы, который облегчилъ бы начинающему изученіе и ознакомленіе съ предметомъ, не существуетъ. Въ этомъ отношеніи книга г. Когана заполняетъ существенный пробѣлъ нашей учебной литературы. Авторъ задался цѣлью представить въ сжатой формѣ ходъ развитія западно-европейской литературы въ популярномъ изложеніи, начиная съ среднихъ вѣковъ и кончая литературнымъ движеніемъ, связаннымъ съ именемъ Байрона. При обозрѣніи каждой эпохи авторъ останавливается на наиболѣе крупныхъ литературныхъ фигурахъ и произведеніяхъ, характерныхъ для того или иного періода. Такъ, для среднихъ вѣковъ такой центральной фигурой избранъ Данте, для эпохи возрожденія — Сервантесъ и Шекспиръ, для другихъ періодовъ — Мильтонъ, Расинъ, Корнель, Мольеръ, Вольтеръ, Руссо, Лессингъ, Гёте, Шиллеръ, Байронъ.

Авторъ вездѣ старается по возможности подробнѣе ознакомить съ содержаніемъ произведеній разсматриваемыхъ авторовъ и уяснить ихъ значеніе, что̀ для той публики, которую имѣютъ въ виду очерки, представляется и важнымъ, и полезнымъ. Но и другая сторона задачи не оставлена безъ вниманія: авторъ вездѣ старается прослѣдить процессъ преемственности литературныхъ фактовъ въ связи съ исторіей общественнаго развитія Запада.

Книга состоитъ изъ шести отдѣловъ. Въ первомъ изъ нихъ авторъ въ общихъ чертахъ характеризуетъ средневѣковую поэзію въ зависимости отъ соціальныхъ и культурныхъ институтовъ и особенно подробно останавливается на Данте: даетъ его біографію, анализируетъ его политическія и эстетическія воззрѣнія, излагаетъ содержаніе и выясняетъ значеніе „Божественной комедіи". Второй очеркъ посвященъ эпохѣ Возрожденія; авторъ касается науки, искусства, педагогическихъ, нравственныхъ и политическихъ воззрѣній въ этотъ періодъ, знакомитъ съ гуманизмомъ и гуманистами нѣмецкими, итальянскими, французскими и англійскими, большую часть своего очерка отводитъ разсмотрѣнію произведеній Сервантеса и Шекспира, причемъ мы имѣемъ здѣсь весьма удовлетворительный разборъ главнѣйшихъ драмъ Шекспира. Въ третьемъ и четвертомъ очеркахъ рѣчь идетъ о ложно-классическомъ, просвѣтительномъ и сентиментальномъ направленіяхъ; болѣе всего вниманія удѣлено здѣсь Мольеру, Вольтеру, Руссо. Пятый очеркъ трактуетъ почти цѣликомъ о нѣмецкой литературѣ эпохи такъ называемаго Sturm и Drang—о Лессингѣ, Гёте, Шиллерѣ,—централь-

ныхъ фигурахъ этого періода. Послѣдній отдѣлъ посвященъ романтизму, поэзіи „міровой скорби"; болѣе всего мѣста удѣлено здѣсь личности и произведеніямъ Байрона.

Какъ въ своихъ взглядахъ, такъ и въ методѣ авторъ не оригиналенъ; онъ въ большинствѣ случаевъ популяризируетъ авторитетные труды изслѣдователей исторіи литуратуры, что̀, впрочемъ, въ виду учебныхъ цѣлей его книги, не можетъ быть сочтено недостаткомъ. Изложеніе вездѣ научное и вмѣстѣ съ тѣмъ популярное, ясное; нѣсколько блѣдное и однообразное впечатлѣніе объясняется тѣмъ, что языкъ автора лишенъ колоритности, и попытки художественныхъ характеристикъ ему мало удаются.

Къ книгѣ приложенъ небольшой списокъ пособій для болѣе детальнаго изученія литературы эпохъ, разсматриваемыхъ въ очеркахъ.

Въ очеркахъ г. Когана мы имѣемъ несомнѣнно очень полезную книгу и для молодежи, и для всѣхъ, приступающихъ къ изученію западно-европейской литературы, и она заслуживаетъ распространенія и въ школѣ, и среди большой публики.

X.

— Сенатскій Архивъ, X т. Спб., 1903 г.

Выпущенный на дняхъ томъ „Сенатскаго Архива" заключаетъ въ себѣ протоколы правительствующаго сената за 1757 и 1758 годы. По обыкновенію и этотъ томъ представляетъ немалый интересъ и для историка вообще, и для исторіи сената въ частности. Какъ извѣстно, въ царствованіе Елизаветы Петровны въ Россіи въ сущности было только одно мѣсто управленія — сенатъ, который сосредоточивалъ въ себѣ власть не только административную и судебную, но въ значительной степени и законодательную.

Протоколы сената поэтому отражаютъ съ чрезвычайной точностью основные интересы государственной и отчасти общественной жизни того времени. Годы 1757 и 1758 были временемъ, когда центръ тяжести управленія лежалъ въ сферѣ военныхъ мѣропріятій, вызванныхъ участіемъ Россіи въ семилѣтней войнѣ. Поэтому большинство распоряженій сената относится къ области военной администраціи. Сенатъ заботится и о комплектованіи арміи, и о провіантѣ, объ обмундированіи войскъ, о доставленіи въ армію лошадей, о постройкѣ крѣпостей и т. д. Сенатъ считалъ даже возможнымъ выслушивать и вознаграждать человѣка, выдавшаго Россіи планъ турецкой крѣпости. Для характеристики значенія сената того времени, любопытно то,

что сотникъ Степановъ, представившій этотъ планъ, заявилъ, что свѣдѣній своихъ никому, кромѣ сената, не скажетъ.

Протоколы свидѣтельствуютъ и о томъ, что управленіе финансами и монетнымъ дѣломъ сосредоточивалось исключительно въ вѣдѣніи сената. Всякій расходъ военной коллегіи, даже во время военныхъ дѣйствій, контролируется сенатомъ, который требуетъ настойчиво отчетовъ отъ кригсъ-коммиссаріата и другихъ военныхъ властей. Много матеріала найдется въ этомъ томѣ и по исторіи отношеній Россіи къ инородцамъ, и по исторіи колонизаціи южной Россіи иностранными выходцами. Масса драгоцѣнныхъ бытовыхъ подробностей разсыпана въ большомъ числѣ во всѣхъ вновь опубликованныхъ документахъ. Вотъ одна изъ многихъ: прикащикъ сельца Лѣскова имѣлъ неосторожность объявить объ опасной болѣзни, появившейся въ управляемыхъ имъ деревняхъ. Для слѣдствія по этому заявленію былъ посланъ полковникъ Арсеньевъ, при докторѣ и лекарѣ; донесеніе, по мнѣнію этой коммиссіи, не подтвердилось, „почему отъ сенатской конторы было опредѣлено: помянутому прикащику, за то ложное его объявленіе, учинить наказаніе плетьми". Сенатъ, впрочемъ, не одобрилъ распоряженія конторы и предписалъ въ подобныхъ случаяхъ „наказанія не чинить, не описався въ сенатъ".

Какъ извѣстно, Елизавета Петровна была весьма недовольна разными толками, получившими широкое распространеніе вслѣдствіе приступа болѣзни, случившагося съ нею. Слухи эти касались и вопросовъ престолонаслѣдія, и отношенія ея къ будущей императрицѣ, Екатеринѣ Алексѣевнѣ; кажется, по этому поводу и былъ изданъ указъ, сохранившійся въ протоколахъ сената и оказавшій вліяніе и на нынѣ имѣющуюся въ „Уставѣ о пресѣченіи и предупрежденіи" статью о превратныхъ толкованіяхъ.

„Мы съ крайнимъ неудовольствіемъ увѣдомились",—читаемъ мы въ этомъ указѣ,—„что многіе какъ изъ нашихъ подданныхъ, такъ и живущихъ здѣсь въ нашей службѣ и въ нашей протекціи иностранцевъ, разглашая многія лживыя вѣдомости о нынѣшнихъ штатскихъ политическихъ и воинскихъ дѣлахъ, присовокупляютъ къ тому развратныя толкованія и совсѣмъ не складныя разсужденія, съ столь большею продерзостью, сколь меньшее объ оныхъ имѣютъ они свѣдѣніе и понятіе, и для того за потребно разсудили Мы чрезъ сіе для извѣстія каждаго объявить, что ежели кто отнынѣ, разглашая какія либо извѣстія, или еще и вымышляя оныя, о непринадлежащихъ до него особливо политическихъ и воинскихъ дѣлахъ превратныя толкованія и разсужденія дѣлать станетъ, а Намъ о томъ донесется, такой неминуемо всю тягость нашего гнѣва почувствуетъ, такъ какъ напротиву того каждый, кто единственно своей должности, званію или ремеслу

прилежитъ, о монаршемъ Нашемъ благоволеніи обнадеженъ быть можетъ".

Для исторіи сената разсматриваемый томъ интересенъ въ смыслѣ выясненія отношеній къ сенату „Конференціи при Высочайшемъ Дворѣ учрежденной".

Нѣкоторые изслѣдователи хотѣли видѣть въ этой конференціи органъ власти, который имѣлъ, будто бы, цѣлью ограничить власть сената на подобіе Кабинета или даже Верховнаго Тайнаго Совѣта. Уже Градовскій въ своемъ изслѣдованіи о генералъ-прокурорахъ доказалъ ошибочность этого мнѣнія; новые документы подтверждаютъ правильность взглядовъ Градовскаго. Несмотря на то, что эпоха, къ которой относится изданный томъ „Сенатскаго Архива" представляетъ собою повидимому моментъ наиболѣе энергичной и активной дѣятельности Конференціи, мы ни въ формѣ сношеній сената съ этимъ органомъ власти, ни въ предметахъ вѣдѣнія не встрѣчаемъ доказательствъ въ пользу того взгляда, что Конференція стремилась съузить компетенцію сената.

Въ томъ же томѣ помѣщены документы по дѣлу чрезвычайно характерному для другой эпохи русской жизни, именно для первыхъ лѣтъ царствованія Александра I.

Мы имѣемъ въ виду дѣло о калужскомъ губернаторѣ, Лопухинѣ, обвинявшемся въ злоупотребленіяхъ по должности. Лопухинъ имѣлъ связи при дворѣ, находился въ родствѣ съ крупными сановниками и позволялъ себѣ дѣла, которыя и по масштабу того времени признавались возмутительными. До государя дошло нѣсколько доносовъ на него отъ мѣстныхъ дворянъ, и по Высочайшему повелѣнію было снаряжено чрезвычайное слѣдствіе, производство котораго государь поручилъ Державину. Послѣднему были даны обширныя полномочія по ревизіи всѣхъ губернскихъ учрежденій, и Державинъ сразу же открылъ цѣлый рядъ злоупотребленій. Открылось, что Лопухинъ вымогалъ угрозами крупныя суммы у фабрикантовъ; за взятку освободилъ одного помѣщика (Хитрово), уличеннаго въ убійствѣ родного брата. Были обнаружены другія многочисленныя, хотя и менѣе важныя губернаторскія дѣянія. Такъ, напр., губернаторъ въ пьяномъ видѣ разбивалъ по улицамъ окна, а въ губернскомъ правленіи „ѣздилъ верхомъ на раздьяконѣ". Соотвѣтственный докладъ былъ представленъ государю, губернаторъ былъ устраненъ, и Державинъ получилъ благодарственный рескриптъ. Лопухинъ въ это время занялся своимъ оправданіемъ и черезъ своихъ покровителей довелъ до свѣдѣнія государя, что Державинъ при допросахъ пользовался пыткой для полученія тѣхъ показаній, которыя ему были нужны. Былъ назначенъ даже особый комитетъ для провѣрки слѣдствія Державина, которое вполнѣ и подтвер-

дилось. Лопухина рѣшено было привлечь къ суду, и докладъ сената разсматривался въ государственномъ совѣтѣ въ 1806 году, но никакого наказанія сильный своими связями губернаторъ не понесъ. Дѣло это, повидимому, интересовало государя и послѣ этого, потому что всѣ относящіяся бумаги по этому дѣлу были найдены въ кабинетѣ государя, послѣ смерти его. И доклады сената по этому дѣлу, и рапортъ Державина опубликованы впервые теперь и бросаютъ яркій свѣтъ на административные и судебные порядки нашей провинціи въ началѣ XIX столѣтія.—Г—анъ.

Въ теченіе іюля мѣсяца поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Воскресенскій, А. Е. — Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье. Спб. 903. Стр. 207. Ц. 1 р. 25 к.

Гальперинъ, С. И. — Современная соціологія. Екатеринославъ. 903. Стр. 375+VI. Ц. 2 р.

Гриневская, Изабелла. — Бабъ. Драматическая поэма изъ исторіи Персіи, въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ. Спб. 903. Стр. 148. Ц. 2 р.

Давидъ, Л. — Руководство фотографіи. Переводъ съ 20-го нѣм. изд. Ѳ. Ф. Александрова. Съ 101 рисункомъ въ текстѣ. Спб. 903. Стр. 250. Ц. 1 р. 20 к.

Джорджъ, Генри. — Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли. Изслѣдованіе тарифнаго вопроса. Переводъ съ англійскаго С. Д. Николаева. М. 903. Изд. „Посредника". Стр. 326. Ц. 2 р.

Загоровскій, А. И., ордин. проф.—О внѣ-брачныхъ дѣтяхъ по новому закону 3 іюня 1902 г., въ связи съ постановленіями о нихъ западно-европейскихъ гражданскихъ кодексовъ. Од. 903. Стр. 85. Ц. 1 р.

Кологривова, Л.—Стихотворенія. М. 903. Стр. 109. Ц. 1 р.

Кроттэ, А. Е. — Правда о нашей промышленности. Спб. 903. Стр. 56. Ц. 40 к.

Левитовъ, И.—Желтый Босфоръ. Спб. 903. Стр. 86.

Лемеховъ, Сергѣй (С. А. Жевайкинъ). — Вездѣ жизнь. Разсказы. М. 903. Ц. 60 к.

Льдовъ, К. Н.—Пустыня внемлетъ. Романъ. Спб. 903. Стр. 130. Ц. 1 р.

Македоновъ, Л. В. — Хозяйственное положеніе и промыслы населеній нагорныхъ станицъ Кубанской области. В. I. Изслѣдованіе 1902 г. Спб. 903. Стр. 87.

Муравьевъ, М. В.—Что нужно деревнѣ. Докладъ въ новгородскій уѣздный комитетъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. М. 903. Стр. 51.

Радцигъ, А. А.—Финансовая политика Россіи съ 1887 г. Сборникъ статей по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ. Спб. 903. Стр. 193. Ц. 2 р.

Столповская, Анна. — Выдающіяся стороны національной жизни и національнаго характера китайцевъ. Съ приложеніемъ двухъ рецензій. М. 903. Стр. 111. Ц. 50 к.

Сыченковъ, Я.—Двѣ статьи изъ алгебры въ новомъ изложеніи. Стр. 38+6. Орелъ. 900.

Тезяковъ, Н. И., врачъ. — Отхожіе промыслы и рынки найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Саратовской губерніи. Съ картограммою и 3 діаграммами. Изд. Саратовскаго губернскаго земства. Саратовъ. 903. Стр. 39+79.

Тъебо, В. И. — Замѣтки деревенскаго практика о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности Кутаисской губ. Кутаисъ. 903. Стр. 63. Ц. 50 к.

Чешихинъ, Всев.—Человѣкъ безъ тѣни. Драма. Рига. 903. Стр. 120. Ц. 1 р.

Чинскій, Чеславъ. — Графологія. Краткое руководство для опредѣленія по почерку духовнаго міра человѣка, нравственныхъ его качествъ, наклонностей и умственнаго склада. Стр. 32. Съ таблицею. Обработалъ и дополнилъ примѣнительно къ русскому изданію Н. Д—Г. Спб. 903. Ц. 50 к.

Шумахеръ, Ал.—Императоръ Александръ II. Историч. очеркъ его жизни и царствованія. 3-е изд. Спб. 903. Съ портретомъ. Стр. 206. Ц. 1 р.

Щепкина, Е.—Краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до 1881 года. Изд. В. Яковенко. Спб. 903. Стр. 314. Ц. 1 р.

Larive et Fleury. Dictionnaire français encyclopédique. Paris. 903. Georges Chamerot, éditeur. Стр. 1456. Ц. 5 фр.

Royaume de Belgique. Ministère de l'industrie et du travail, office du travail. Statistique des grèves en Belgique 1896—1900. Bruxelles. 903. Стр. 209.

— Вѣстникъ Таврическаго земства. Годъ первый. № I. Изд. Таврической губернской земской управы. Симферополь. 903. Стр.

— Годовые Отчеты Э. Мерка. XVI годъ изданія. 1902. Дармштадтъ. 903. Стр. 243.

— Грузовое движеніе по шоссейнымъ и грунтовымъ дорогамъ Балахнинскаго и зап. части Семеновскаго уѣздовъ, по даннымъ, собраннымъ въ 1901 г. Изд. Ниж. губ. земства. Н.-Новгородъ. 903. Стр. 126+127.

— Ежегодникъ Ферганской области. Т. II. Вып. 1903 г. Изд. Ферганскаго областного статистическ. комитета. Новый Маргеланъ. 903. Стр. 230.

— Зъ-надъ хмаръ и зъ долынъ. Украиньскый Альманахъ. Року 1903. Впорядкувавъ и уложывъ Мыкола Вороный. Одесса. 903. Стр. 251. Ц. 1 р. 50 коп.

— Общій Отчетъ Елисаветградской уѣздной земской управы за 1902 г. Стр. 35+495. Елисаветградъ. 903.

— Отчетъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ Яранскаго уѣзда Вятской губерніи, за 1901—1902 учебный годъ, инспектора народныхъ училищъ С. Колосова. Вятка. 903. Стр. 119.

— Отчетъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Имп. Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства за 1902 г. Спб. 903. (Прилож. къ № 6 „Журнала мин. юстиціи). Стр. 171+47.

— Отчетъ Харьковскаго Комитета по перевозкѣ минеральнаго топлива, руды, флюсовъ и соли изъ горнозаводскаго района юга Россіи за 1902 годъ. Харьковъ. 903. Стр. 59+5+27+15+43+3+41+13+19+47+3+5. Съ таблицами.

— Помощь. 2-е изданіе. Сборникъ въ пользу Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи, на нужды начальныхъ школъ. Спб. 903. Стр. 562. In 4°. Ц. 3 р. 50 к.

— Предварительное слѣдствіе по дѣлу о насильственномъ лишеніи жизни

румынской подданной Татьяны Золотовой. Спб. 903. Приложеніе къ № 6 „Журнала мин. юстиціи". Стр. 653+134+XX.

— Проекты общихъ основаній оцѣнки недвижимыхъ имуществъ Вытегорскаго уѣзда Олонецкой губ. Изд. Олонецкаго губ. земск. управы. Петрозаводскъ. 903. Стр. 114+76.

— Сборникъ текущей статистики Вологодской губерніи. Т. I. Обзоръ состоянія сельскаго хозяйства въ 1901—1902 с.-хоз. году. Вып. I. Зима и весна. Изд. Вологодской губ. земской управы. М. 903. Стр. VII+147+136. Ц. 1 р.

— Сельско-хозяйственная хроника Херсонской губерніи за зимній періодъ 1902—1903 гг. Изд. Херсонской губ. земской управы. Стр. 60.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губ. за 1901 г. Изд. Нижегор. губ. земства. Н.-Новгородъ. 903. Стр. 265.

— Сенатскій Архивъ. X. Протоколы Правит. Сената 1757—58 гг. Всеподданнѣйшіе рапорты Правит. Сената о калужскомъ губернаторѣ Лопухинѣ и доклады Державина о томъ же. Спб. 903. Стр. 612+23.

— 1901 г. Отчетъ Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Вып. I. Спб. 903. Стр. 55+104+36.

— Харьковскій университетскій сборникъ въ память В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. Харьковъ. 903. Стр. 185. Ц. 1 р.

— Часы досуга. Литературный сборникъ. Пошехонье. 903. Стр. V+120.

— Экспортъ ситца. Справочный матеріалъ. Т-во мануфактуры „Эмиль Циндель" въ Москвѣ. М. 903. Стр. 119.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I

W. B. Yeats. Ideas of Good and Evil. Стр. 341. London, 1903 (A. H. Bullen).

В. Б. Іэтсъ—молодой англійскій писатель ирландскаго происхожденія. Лѣтъ десять тому назадъ онъ обратилъ на себя вниманіе литературнымъ трудомъ—изданіемъ почти неизвѣстныхъ до того произведеній поэта и живописца Вильяма Блэка, жившаго въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Іэтсъ разобрался въ манускриптахъ Блэка, воспроизвелъ въ своемъ великолѣпномъ съ внѣшней стороны изданіи своеобразный видъ рукописей Блэка, съ ихъ оригинальными раскрашенными рисунками, и выяснилъ въ обширномъ предисловіи и въ примѣчаніяхъ къ тексту значеніе этого предшественника новѣйшаго идеалистическаго искусства. Съ тѣхъ поръ Іэтсъ занялъ видное мѣсто въ „молодой“ англійской литературѣ своими стихами и лирическими драмами, своими попытками воскресить забытые мотивы ирландской народной поэзіи и множествомъ критическихъ статей, въ которыхъ онъ борется противъ условности и рутинности въ литературѣ. Въ настоящее время онъ издалъ сборникъ критическихъ очерковъ подъ заглавіемъ: „Ideas of Good and Evil“ (Мысли о добрѣ и злѣ). Заглавіе это заимствовано имъ у его излюбленнаго поэта, Вильяма Блэка, который такъ назвалъ одинъ сборникъ своихъ лирическихъ стихотвореній. Къ очеркамъ Іэтса названіе это очень подходитъ, потому что онъ разбирается въ современныхъ литературныхъ принципахъ и идеалахъ, доказывая условность существующихъ представленій „о добрѣ и злѣ“, какъ въ морали, такъ и въ литературѣ и искусствѣ.

Книга Іэтса производитъ очень отрадное впечатлѣніе свѣжестью и оригинальностью взглядовъ автора на нѣкоторые литературные вопросы. Онъ чуждъ всякой условности, выдѣляясь этимъ среди общей массы рутинныхъ англійскихъ критиковъ. Англія—страна наибольшихъ контрастовъ во всѣхъ областяхъ духовной и практической дѣятельности, страна наибольшей свободы для своихъ гражданъ и наибольшаго произвола и насилія надъ подвластными ей завоеванными народностями, страна, гдѣ глубокое религіозное чувство отдѣльныхъ мыслителей и проповѣдниковъ уживается съ унылымъ ханжествомъ самодовольной массы. Оттуда раздался кличъ свободы личности въ дерзно-

венной поэзіи Байрона—и тамъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, гнететъ человѣка власть общественныхъ предразсудковъ. Въ Англіи, среди легендарнаго безвкусія въ одеждѣ и жизненномъ обиходѣ, возникло прерафаэлитское движеніе, провозгласившее эстетику закономъ жизни и создавшее возрожденіе декоративнаго искусства во всей Европѣ. Въ литературѣ и въ искусствѣ тамъ до сихъ поръ уживаются самые несовмѣстимые контрасты: успѣхъ сентиментальныхъ романовъ, сенсаціонныхъ, грубыхъ мелодрамъ, чувствительной жанровой живописи и т. д. свидѣтельствуетъ о неизмѣнившихся вкусахъ толпы; а съ другой стороны—отдѣльные писатели и художники стремятся возвести искусство на степень священнодѣйствія и облагородить жизнь неустаннымъ исканіемъ истины и красоты, находя признаніе и откликъ лишь въ ограниченномъ кругу единомышленниковъ и цѣнителей.

Въ критикѣ, какъ и въ другихъ областяхъ литературнаго творчества, на ряду съ проповѣдью традиціонныхъ принциповъ морали и задачъ искусства, въ современной Англіи есть свободные умы, „переоцѣнивающіе всѣ цѣнности". Борьбу противъ условности и окаменѣлости, противъ „академичности" въ искусствѣ, началъ Рёскинъ, провозгласившій связь красоты съ идейнымъ и нравственнымъ содержаніемъ жизни, доказывавшій, что прекрасно только то, что отражаетъ стремленіе къ идеалу добра. Задача искусства поэтому—не только созиданіе прекрасныхъ формъ, удовлетворяющихъ внѣшнимъ чувствамъ, а служеніе высшимъ духовнымъ цѣлямъ жизни, ибо красота, не одухотворенная жаждой нравственнаго совершенствованія, т.-е. красота какъ цѣль, а не какъ путь къ духовному просвѣтленію, мертва и лишена всякаго внутренняго смысла. Іэтсъ доказываетъ, что провозглашенная Рёскинымъ новая эстетика уже предугадана была Блэкомъ, но она была выражена слишкомъ туманно этимъ одинокимъ мыслителемъ, не понятымъ своими современниками. Во всякомъ случаѣ, культъ красоты, какъ средство облагородить жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, начинается въ Англіи со времени прерафаэлитовъ, и первый теоретикъ ихъ стремленій—Рёскинъ. Другой критикъ, выступившій послѣ Рёскина и продолжавшій выяснять „идейность всего прекраснаго"—Вальтеръ Пэтеръ, авторъ замѣчательной книги о Возрожденіи.

В. Б. Іэтсъ идетъ по слѣдамъ Рёскина и Пэтера. Въ молодомъ писателѣ еще нѣтъ всесторонней продуманности и убѣждающей ясности сужденій его учителей; онъ очень задоренъ въ своихъ полемическихъ пріемахъ, слишкомъ далеко заходитъ въ нѣкоторыхъ своихъ увлеченіяхъ и возводитъ иногда въ теорію слишкомъ субъективныя впечатлѣнія. Такъ, напр., нѣкоторые его очерки объ оккультизмѣ не представляютъ серьезнаго интереса и любопытны только какъ отраженіе

чуткаго поэтическаго темперамента и тревожныхъ исканій истины. Но въ литературно-философскихъ статьяхъ, составляющихъ главное содержаніе его книги, Іэтсъ излагаетъ оригинальныя, вполнѣ обоснованныя мысли, и его сужденія тѣмъ болѣе интересны, что они идутъ въ разрѣзъ со многими установившимися взглядами; они выражаютъ отношеніе „молодой Англіи" къ писателямъ, слава которыхъ установилась, но значеніе которыхъ иначе понималось прежде, чѣмъ теперь. Іэтсъ удѣляетъ въ своей книгѣ сравнительно мало мѣста начинаніямъ молодыхъ литературныхъ силъ,—его вниманіе сосредоточено на великихъ поэтахъ прошлаго, и цѣль его заключается въ томъ, чтобы выяснить ихъ связь съ идеалами нашего времени и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить значеніе художественнаго творчества, какъ проявленія идеальныхъ стремленій человѣческаго духа.

Центральный очеркъ въ книгѣ Іэтса посвященъ Вильяму Блэку, его философской поэзіи и его живописи. Критикъ не останавливается на подробномъ разборѣ произведеній Блэка и на исторіи его странной жизни, проведенной почти внѣ общенія съ людьми, внѣ всякаго интереса къ окружавшей его дѣйствительности;—все это изучено и изложено Іэтсомъ въ его изданіи сочиненій Блэка. Въ „Ideas of Good and Evil" Іэтсъ выясняетъ только философскія положенія Блэка; въ нихъ онъ видитъ обоснованіе современнаго возведенія искусства въ служеніе религіознымъ и этическимъ идеаламъ человѣчества. Для Блэка воображеніе—высшая эманація божественнаго начала; оно порождаетъ сочувствіе ко всему живому, сближаетъ людей въ общемъ стремленіи къ безкорыстному служенію добру; разсудокъ же, подъ которымъ онъ понималъ выводы изъ наблюденій внѣшнихъ чувствъ, раздѣляетъ людей, обособляя ихъ интересы, привязывая ихъ къ матеріальнымъ осязательнымъ благамъ. Повинуясь воображенію, люди проникаются полной любовью къ людямъ, видятъ въ нихъ то, что вложено въ нихъ самаго сокровеннаго, т.-е. природное влеченіе къ добру. Слѣдуя голосу разсудка, т.-е. руководствуясь только данными внѣшнихъ чувствъ, люди становятся слѣпыми къ сущности жизни, видятъ только то, что отражено на „растительномъ зеркалѣ" (the vegetable glass); тогда они судятъ своихъ ближнихъ, руководствуясь узкимъ житейскимъ представленіемъ о добрѣ и злѣ. Этимъ пониманіемъ воображенія и разсудка опредѣляется взглядъ Блэка на связь искусства съ сущностью религіи и этики. Искусство создается воображеніемъ, и оно имѣетъ характеръ откровенія, воплощаетъ истины, недоступныя разсудку, учитъ любви и единенію. Заповѣдь о любви къ ближнимъ постигается во всей своей полнотѣ только въ воображеніи, и только силой художественнаго творчества, исходящаго изъ воображенія, можно преподать ее людямъ. Искусство же, порожденное раз-

судкомъ, замѣняетъ воображеніе фантазіей, которую Блэкъ называетъ „дочерью памяти", и которая повторяетъ образы, воспринятые внѣшними чувствами; такое искусство лишено откровеній и не вноситъ въ жизнь облагораживающей истины, не объединяетъ людей. Блэкъ со свойственной ему рѣзкостью вооружается противъ „разсудочнаго искусства", называя его языческимъ, въ виду того, что языческое искусство основано было на преклоненіи передъ внѣшними формами; онъ противопоставляетъ ему христіанское искусство, основанное на любви и всепрощеніи, чуждое мірскихъ сужденій о добрѣ и злѣ, объятое любовью ко всему живому, ко всѣмъ проявленіямъ живыхъ чувствъ и страстей. Блэкъ доходитъ въ своемъ осужденіи нетерпимости въ искусствѣ и поэзіи до обвиненія Данте въ язычествѣ за его католическое представленіе объ адѣ, о мукахъ, уготованныхъ для грѣшниковъ. Въ своей широкой любви онъ не признаетъ суда и приговора людей надъ людьми, а видитъ во всемъ тяготѣніе къ добру, уклоняющееся иногда отъ истиннаго пути только потому, что въ жизни не царятъ любовь и единеніе. Искусство должно быть обращено только въ сторону добра и любви; тогда оно открываетъ міру священный смыслъ жизни и ведетъ людей къ совершенствованію.

Идеализмъ Блэка, какъ его излагаетъ Іэтсъ, дѣйствительно возвѣщаетъ то сочетаніе искусства съ этикой и религіей, которое составляетъ основу прерафаэлитизма и его дальнѣйшаго развитія въ современной англійской литературѣ и живописи. Іэтсъ совершенно раздѣляетъ философію превозносимаго имъ поэта, и въ другихъ своихъ очеркахъ доказываетъ, что такое же отношеніе къ искусству, такая же безграничная любовь ко всему живущему и вѣра въ добро, какъ въ вѣчную сущность мірозданія, существуютъ у всѣхъ истинныхъ поэтовъ. Очень интересна его характеристика Шекспира, котораго онъ считаетъ величайшимъ идеалистомъ. Шекспиръ—одинъ изъ тѣхъ всемірныхъ геніевъ, которые наиболѣе разно понимаются въ различныя эпохи. Творчество его настолько богато разнообразными мотивами, что каждое новое поколѣніе видитъ въ немъ воплощеніе своихъ идеаловъ: романтики восторгались его проникновеннымъ пониманіемъ свободы и силы страстей; реалисты видятъ сущность его генія въ жизненной правдѣ его характеровъ и типовъ,—а представитель современнаго англійскаго идеализма, Іэтсъ, усматриваетъ въ трагедіяхъ Шекспира откровенія духовной сущности человѣка, добра и истины, сказывающихся не въ активныхъ, а въ созерцательныхъ натурахъ.

Статья Іэтса о Шекспирѣ написана по поводу состоявшихся на родинѣ Шекспира, въ Стратфордѣ-на-Авонѣ, образцовыхъ представленій такъ называемыхъ „хроникъ" Шекспира, т.-е. историческихъ драмъ изъ эпохи войнъ Алой и Бѣлой Розы. Вдумываясь въ эти драмы и срав-

нивая свои впечатлѣнія съ сужденіями многочисленныхъ авторитетныхъ шекспирологовъ, труды которыхъ собраны въ специальной шекспировской библіотекѣ въ Стратфордѣ, Іэтсъ возстаетъ противъ установившихся—въ особенности у нѣмецкихъ критиковъ—взглядовъ на Шекспира. Вся великая литература, по глубокому убѣжденію Іэтса, построена на прощеніи грѣха, т.-е. виновности людскихъ дѣйствій;—и когда начинается судъ и осужденіе, это служитъ признакомъ паденія литературы, уклоненія отъ ея истинныхъ, священныхъ задачъ. Великіе писатели всегда помнили, что за внѣшними поступками людей, доступными людскому суду, есть то, что̀ не можетъ быть судимо ни однимъ земнымъ судьей, хотя бы таковымъ былъ самый проникновенный поэтъ или философъ. Шекспиръ всегда былъ вѣренъ этому принципу, и ошибка его критиковъ заключается въ томъ, что они не видѣли его широкаго идеалистическаго взгляда на жизнь, а старались опредѣлить критеріи, которыми онъ судитъ поступки людей. Для выясненія этическихъ идеаловъ Шекспира большинство критиковъ руководствуется его отношеніемъ къ двумъ противоположнымъ типамъ, представленнымъ въ его хроникахъ Ричардомъ II и Генрихомъ V. По общераспространенному мнѣнію единственный герой, отвѣчающій нравственному идеалу Шекспира — Генрихъ V, типичный активный представитель англо-саксонской расы со всѣми обыденными пороками и увлеченіями въ юности и со всѣми качествами героя толпы въ зрѣломъ возрастѣ, смѣлый, предпріимчивый, преисполненный житейской мудрости. Такимъ людямъ легко дается успѣхъ въ жизни—въ противоположность нѣжному, вдумчивому, склонному къ созерцанію болѣе чѣмъ къ дѣйствію Ричарду II; онъ обреченъ на роль жертвы въ борьбѣ противъ житейски-сильныхъ, неразборчивыхъ въ выборѣ средствъ натуръ. Предполагая, что симпатіи Шекспира—на сторонѣ позитивныхъ и практичныхъ людей въ родѣ Генриха V, критики дѣлаютъ автора „Гамлета“ поборникомъ буржуазныхъ идеаловъ. Іэтсъ горячо протестуетъ противъ такого умаленія Шекспира—и приписываетъ узость критиковъ ихъ крайнему утилитаризму, неспособности видѣть въ человѣкѣ что-либо важное, кромѣ его непосредственной пользы для общества, и привычкѣ считать мѣриломъ этой пользы только дѣйствія, ясныя во всемъ своемъ объемѣ для разсудка. Все, идущее въ разрѣзъ съ очевидной, непосредственной пользой, они осуждаютъ —и потому увѣрены, что и Шекспиръ, въ виду „безполезности“ съ утилитарной точки зрѣнія поступковъ Коріолана, Гамлета, Тимона Аѳинскаго, Ричарда II, относится къ нимъ съ осужденіемъ и какъ бы предостерегаетъ разумныхъ людей отъ ихъ заблужденій; образцомъ же добродѣтелей, увѣнчиваемыхъ успѣхомъ и достойныхъ подражанія, онъ, будто бы, считаетъ Генриха V. „Этимъ критикамъ, — говоритъ

Іэтсъ,—не приходитъ въ голову, что нельзя судить о человѣкѣ по его дѣйствіямъ, потому что нельзя знать, каковъ онъ въ различныхъ обстоятельствахъ жизни: — люди бываютъ безполезны для внѣшняго блага общества столько же по избытку духовныхъ силъ, какъ и по безсилію". Назначеніе человѣка иногда не въ служеніи тому, что̀ есть, а въ откровеніяхъ новаго, неосуществимаго строя жизни. Фортинбрасъ вѣроятно былъ лучшимъ королемъ, чѣмъ могъ бы быть Гамлетъ, Ауфидій болѣе разуменъ, чѣмъ Коріоланъ, Генрихъ V былъ лучшимъ воиномъ, чѣмъ Ричардъ II;—однако всѣ эти болѣе полезные люди не измѣнили въ мірѣ ничего къ лучшему, и духовное обогащеніе жизни скорѣе—дѣло бездѣйствующихъ, якобы безполезныхъ мечтателей о царствѣ справедливости и любви.

Опровергая взгляды критиковъ, объясняющихъ Шекспира принципами утилитарной философіи (онъ особенно ополчается противъ одного изъ наиболѣе авторитетныхъ шекспирологовъ, профессора Доудена), Іэтсъ доказываетъ, что напротивъ того, Шекспиръ чуждъ осужденія Ричарда II и другихъ созерцательныхъ типовъ своихъ трагедій, что онъ слишкомъ глубоко заглянулъ въ тайну человѣческой души, чтобы судить людей по ихъ дѣйствіямъ—или осуждать за бездѣйствіе. Онъ не произноситъ приговоровъ, не опредѣляетъ добра и зла сообразно съ относительными данными жизненныхъ интересовъ—а полонъ любви, всепрощенія и благоговѣнія передъ неизъяснимыми влеченіями человѣческаго сердца ко всему, что̀ идетъ въ разрѣзъ съ кажущимися интересами жизни. Души такихъ мечтателей, какъ Ричардъ II, полны для него глубокаго значенія, и онъ смотритъ на міръ съ безграничнымъ сочувствіемъ къ людямъ, каковы они по существу, а не какими они кажутся въ своихъ дѣйствіяхъ.

Іэтсъ приближаетъ Шекспира къ современному идеализму своимъ толкованіемъ, съ которымъ по существу нельзя не согласиться, такъ какъ, не отрицая чисто реалистическихъ сторонъ въ творчествѣ великаго драматурга, онъ указываетъ на глубокіе источники его любви къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, любви дѣйствительно одинаковой ко всему, что̀ кажется и прекраснымъ, и уродливымъ, и добродѣтельнымъ, и порочнымъ съ обычной точки зрѣнія. Тотъ же идеализмъ, внушающій любовь ко всему живому, Іэтсъ видитъ и въ Шелли, доказывая, что этотъ „пѣвецъ свободы" понималъ свободу не въ спеціально гражданскомъ смыслѣ, а какъ воцареніе „духа красоты", т.-е. любви, которая объединитъ всѣхъ людей и уничтожитъ различіе между добромъ и зломъ въ утилитарномъ смыслѣ этихъ понятій.

Всѣ литературныя сужденія Іэтса сводятся къ анализу этой основной для него проблемы добра и зла въ художественномъ творчествѣ. Красота, какъ цѣль искусства, заключается для него въ синтезѣ этихъ

понятій, совершающемся въ проповѣди любви и единенія. Этимъ онъ соединяетъ искусство съ этикой и религіей, отрицая самодовлѣющій эстетизмъ, ставшій на время девизомъ нѣкоторыхъ современныхъ поэтовъ и художниковъ. Другими словами, Іэтсъ проводитъ рѣзкую границу между такъ называемымъ декадентствомъ—преходящей литературной модой—и символизмомъ, составляющимъ основу великаго искусства всѣхъ временъ.

II.

René Bazin. Donatienne. Paris, 1903 (Calm. Lévy, éditeurs).

Романистъ Ренè Базенъ недавно избранъ въ члены Французской академіи. Выборъ его обусловленъ не первоклассными художественными качествами его произведеній:—среди современныхъ французскихъ романистовъ, не ставшихъ еще академиками, есть болѣе выдающіеся по таланту. Но достоинство Базена, оцѣненное теперь академіей, заключается въ выборѣ его сюжетовъ и въ его подкупающемъ оптимизмѣ. Оригинальность его состоитъ въ томъ, что онъ противопоставилъ изображенію „парижскихъ нравовъ“, т.-е. адюльтерныхъ драмъ на фонѣ свѣтской праздности, изученіе провинціальной и деревенской жизни. Онъ ввелъ въ современный французскій романъ простыхъ людей, даже „народъ“, крестьянъ и крестьянокъ разныхъ областей Франціи. Его эльзасцы или бретонцы, мужчины въ пестрыхъ національныхъ курткахъ, женщины въ бѣлоснѣжныхъ широкихъ „coiffes“, люди съ непосредственными чувствами, съ живыми человѣческими радостями и страданіями, кажутся особенно привлекательными и правдивыми въ сравненіи съ обычными героями и героинями новѣйшихъ французскихъ романистовъ, съ дамами, проводящими полжизни за примѣркой туалетовъ у Дусэ или другого моднаго портного, и ихъ поклонниками, убивающими время въ клубахъ, на пріемахъ въ ambassade'ахъ и въ свѣтскихъ гостиныхъ. Базенъ описываетъ въ своихъ романахъ почти мистическую привязанность крестьянъ къ землѣ, съ которой связано ихъ благосостояніе и ихъ простыя радости. Въ его описаніяхъ много романтизма и идеализаціи, но его вѣра въ силу искреннихъ и простыхъ чувствъ, такъ же какъ и поэтичныя художественныя картины природы въ его романахъ придаютъ имъ большую свѣжесть и привлекательность. Выбору въ академію особенно способствовалъ предпослѣдній романъ Ренé Базена, „Les Oberlé“, представляющій спеціальный интересъ для французскихъ читателей: въ немъ описывается неизмѣнная любовь къ Франціи теперешней эльзасской молодежи—внуковъ поколѣнія, принимавшаго участіе въ войнѣ.

Новый романъ Базена, „Donatienne“,—тоже повѣсть изъ народнаго быта. Это печальная исторія бѣдной бретонской семьи, загубленной вліяніемъ Парижа. „Народничество“ Базена заключается въ томъ, что онъ противопоставляетъ чистыя чувства и неиспорченные нравы крестьянъ въ отдаленныхъ уголкахъ Франціи развращенности и безсердечію Парижа. Въ романахъ изъ провинціальнаго быта онъ тоже проводитъ эту антитезу, идеализируя искренность и нетронутость людей, живущихъ вдали отъ соблазновъ и нервности столичной жизни. Относительно „чистоты и красоты чувствъ“ французскихъ крестьянъ Зола и его послѣдователи держатся гораздо болѣе пессимистическихъ взглядовъ,—но среда, описываемая Базеномъ, совершенно иная, чѣмъ въ „Terre“. Зола изображаетъ жадныхъ собственниковъ, крестьянъ богатой, плодородной мѣстности, отличающихся отъ буржуазіи только большей грубостью аппетитовъ, а Базенъ рисуетъ населеніе тихаго уголка въ Бретани, простыхъ до наивности людей, любящихъ землю не потому, что она ихъ обогащаетъ,—она ихъ, напротивъ того, едва питаетъ,—а потому, что родная земля и семейный очагъ для нихъ святыня, и они всей душой слились и съ природой своего уголка, и съ интимной простотой своей жизни. Такою рисуется въ „Donatienne“ семья Жана Луарна, бѣднаго земледѣльца, живущаго на маленькомъ клочкѣ земли въ Бретани; земля эта даже не принадлежитъ ему,—онъ арендуетъ ее у землевладѣлицы, съ большимъ трудомъ выплачивая арендныя деньги, такъ какъ скудная почва плохо вознаграждаетъ его тяжелый трудъ. Но онъ такъ привязанъ къ родному углу, что терпѣливо переноситъ всѣ невзгоды; ему даже не приходитъ въ голову мысль, что онъ могъ бы уйти, наняться работникомъ и болѣе обезпечить себя и свою семью работой въ чужихъ мѣстахъ. Его жена, красивая молодая бретонка Донатьена—дочь моряка, и неусидчива по природѣ; ей улыбаются всякія перемѣны въ жизни, ее тянетъ вдаль;—потомъ только, когда судьба переноситъ ее въ чужіе края, въ ней просыпается тоска по родинѣ. Въ этомъ тоже сказывается наслѣдственность: бретонскіе моряки предпріимчивы, и съ радостью отплываютъ на дальніе рыбные промыслы; но на чужбинѣ они сильнѣе другихъ тоскуютъ и спѣшатъ домой, въ свои бѣдныя деревушки. У Луарновъ трое дѣтей, изъ которыхъ младшему сыну нѣсколько мѣсяцевъ. Жизнь становится невыносимо тяжелой, несмотря на нѣжную любовь, соединяющую мужа и жену, и на ихъ готовность работать безъ устали. Нищета сильнѣе гнететъ Донатьену, чѣмъ ея мужа, и передъ рожденіемъ маленькаго Жоэля она рѣшается на тяжелый шагъ: съ согласія мужа она ѣдетъ къ окружному врачу и проситъ его рекомендовать ее на мѣсто кормилицы въ Парижъ. Она знаетъ, что „des bourgeois de Paris“—подъ этимъ словомъ она

понимаетъ богатыхъ людей вообще—охотно берутъ бретонокъ въ кормилицы, и слыхала отъ знакомыхъ женщинъ о выгодности этого занятія: пробывъ годъ въ Парижѣ, она скопитъ достаточно денегъ, чтобы надолго обезпечить свою семью. Кромѣ того, ее безотчетно влечетъ къ роскошной жизни въ далекомъ волшебномъ Парижѣ. Но нѣсколько мѣсяцевъ проходитъ безъ всякихъ вѣстей отъ доктора; у Донатьены уже родился ребенокъ, она его кормитъ, смотритъ за домомъ и помогаетъ мужу въ полѣ. Они даже забыли о визитѣ къ доктору, и только разъ, во время спѣшной работы, Луарнъ говоритъ женѣ о томъ, какъ онъ счастливъ, что докторъ не исполнилъ ея просьбы; какъ бы онъ управился безъ ея помощи? Но его радость не долго длится. Когда маленькому Жоэлю исполнилось два мѣсяца, приходитъ письмо отъ доктора съ требованіемъ, чтобы Донатьена на слѣдующее же утро ѣхала въ Парижъ по указанному адресу: — она принята въ кормилицы въ богатый домъ. Въ первую минуту Донатьена чувствуетъ безотчетную радость передъ открывающейся ей новой жизнью, но ей стыдно этого эгоистическаго чувства, особенно когда она видитъ нѣмое отчаяніе мужа. Она всячески его утѣшаетъ надеждами на крупный заработокъ, необходимый особенно въ виду предстоящей уплаты за аренду, и говоритъ, что мѣсяцы ея отсутствія быстро пройдутъ и радость возвращенія вознаградитъ ихъ за тяжесть разлуки. Но среди приготовленій къ отъѣзду ее охватываетъ тоска: она чувствуетъ, какъ сильно она привязана къ мужу и дѣтямъ, къ своему почти нищенскому очагу—и даже къ тяжкому труду въ родномъ углу. Она уѣзжаетъ съ тяжелымъ сердцемъ, поручивъ мужу заботы о дѣтяхъ, доставъ ему служанку, приведя весь домъ въ порядокъ и объяснивъ, какъ все должно вестись въ ея отсутствіе. Мужъ провожаетъ ее въ городъ, на вокзалъ,—и такъ охваченъ горемъ и какимъ-то смутнымъ предчувствіемъ несчастія, что почти ничего не можетъ сказать женѣ на прощанье. Въ поѣздѣ Донатьена полна сначала мыслей объ оставленной семьѣ, потомъ ее начинаетъ развлекать все окружающее; она разговариваетъ съ ѣдущей въ одномъ съ ней вагонѣ женщиной, говоритъ о своихъ дѣтяхъ, и ей становится легче на душѣ. Къ Парижу она приближается уже въ очень бодромъ повышенномъ настроеніи, думая только о томъ, что̀ ее ожидаетъ въ новой жизни. По дорогѣ съ вокзала, куда за ней пріѣзжаетъ горничная ея новыхъ господъ, Донатьена съ любопытствомъ и интересомъ разспрашиваетъ о всемъ, что̀ видитъ вокругъ себя. Когда за ней захлопывается массивная дверь роскошнаго дома, въ который ее привозятъ, видъ у нея такой сіяющій, что горничная, сопровождающая ее, говоритъ привратницѣ: „вотъ эта ужъ навѣрное привыкнетъ къ нашей жизни".

Отъѣздъ Донатьены въ пагубный Парижъ круто измѣняетъ мирную

и счастливую, несмотря на бѣдность и заботы, судьбу ея мужа. Луарнъ любитъ свою красивую, веселую и добрую жену глубокой привязанностью молчаливыхъ, созерцательныхъ людей. Бретонцы извѣстны своей поэтичностью и замкнутостью. Бретонскія народныя пѣсни ясно свидѣтельствуютъ объ особой страстной нѣжности этой расы моряковъ, привыкшихъ безмолвствовать на морѣ и жить въ вѣчномъ ожиданіи трагическихъ случайностей. Рене́ Базенъ изображаетъ своего героя типичнымъ представителемъ своей расы: романтизмъ чувствъ Луарна могъ бы казаться фальшивымъ въ крестьянинѣ другой части Франціи, гдѣ практическія заботы и цѣли заглушаютъ голосъ сердца, но бретонецъ можетъ быть именно такимъ, какимъ изображенъ Жанъ Луарнъ, съ его сосредоточенной душевной жизнью, съ его тоской по любимой женѣ, съ его поэтической привязанностью къ природѣ родины—и съ его полнымъ неумѣньемъ устроиться въ жизни, найти выгодный заработокъ.

Луарнъ старается заглушить свою тоску неустанной работой, которая стала вдвое болѣе тяжелой съ отъѣздомъ бодрой и расторопной Донатьены; она хотя далеко не всегда помогала ему въ полѣ, занятая домомъ и дѣтьми, но ея присутствіе придавало ему силу и бодрость. Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ послѣ отъѣзда жены, Луарнъ терпѣливо ждетъ, работая и думая обрадовать Донатьену, когда она вернется, блестящимъ результатомъ своей работы. Чтобы увеличить доходность своей земли, онъ рѣшилъ вспахать и засѣять полосу вырубленнаго лѣса, и не останавливается передъ безконечной трудностью этой работы. Но, несмотря на всѣ старанія, дѣла его очень плохи: ему нечѣмъ заплатить арендныя деньги, задержанныя имъ уже три года. Часть денегъ ему выслала Донатьена,—но проходитъ еще полгода, и за неуплату остальной суммы Луарну грозитъ опись и изгнаніе изъ насиженнаго угла. Жатва—очень плохая, особенно въ виду того, что Луарну приходится одному справляться со всей работой и присматривать за домомъ. Главное горе Луарна—въ томъ, что отъ Донатьены нѣтъ никакихъ извѣстій. Онъ долго не хочетъ вѣрить въ то, что она покинула семью, и все ждетъ отвѣта на свои письма. Когда наступаетъ послѣдній срокъ платежа за землю, Луарнъ проситъ еще отсрочки на недѣлю—и телеграфируетъ женѣ, умоляя прислать деньги и вѣсти. Отвѣта нѣтъ, а отъ дерзкой служанки Луарнъ узнаетъ то, что̀ извѣстно всей деревнѣ: Донатьена не вернется къ мужу; она осталась навсегда въ Парижѣ, гдѣ у нея есть возлюбленный и гдѣ ей весело живется. Луарнъ сначала не вѣритъ, потомъ ему приходится убѣдиться въ измѣнѣ жены,—и тогда ему все становится безразлично. Все его имущество описано; земля, надъ которой онъ трудился безъ отдыха, отнята у него. Онъ беретъ своихъ дѣтей,

двухъ дѣвочекъ, изъ которыхъ старшей восемь лѣтъ, и годовалаго мальчика, и отправляется въ путь, уложивъ въ ручную повозку всѣ свои пожитки. Онъ не знаетъ въ сущности, куда ему направиться;—ему посовѣтовали идти въ Вандею, въ самую плодородную провинцію Бретани, и онъ идетъ, таща за собой повозку, не зная пути, отдаваясь на волю судьбы. Странствованіе человѣка, насильственно оторваннаго отъ родной почвы и чувствующаго съ каждымъ шагомъ все бо̀льшую чуждость новыхъ мѣстъ и людей, населяющихъ ихъ, очень художественно описано въ „Donatienne“. Это самыя интересныя главы и въ психологическомъ отношеніи: переходъ отъ любви и смиренія къ внутреннему возмущенію, къ злобѣ къ виновницѣ несчастій, изображенъ очень правдиво, просто и съ большимъ внутреннимъ трагизмомъ. Луарнъ идетъ съ фермы на ферму, работаетъ безъ интереса къ случайному труду и идетъ дальше все съ бо̀льшимъ отчаяніемъ въ душѣ. Въ иныхъ дворахъ его малютокъ встрѣчаютъ ласка и радушный уходъ, въ другихъ — на нихъ косо смотрятъ, стараясь спровадить семью нищихъ-бродягъ. Луарну приходится проводить въ пути ночи подъ дождемъ и бурей; младшій ребенокъ заболѣваетъ, и отецъ съ трудомъ находитъ добрую женщину, которая согласна оставить больного Жоэля у себя; съ остальными двумя дѣтьми Луарнъ продолжаетъ путь въ „обѣтованную землю“, въ Вандею, но уже приближается туда не тѣмъ довѣрчивымъ, кроткимъ, любящимъ человѣкомъ, какимъ вышелъ изъ дому. Несправедливость судьбы, отнявшей у него все, что̀ ему было дорого,—его жену и его родную землю,—озлобила его; онъ мысленно осыпаетъ упреками Донатьену и винитъ ее во всемъ; ко встрѣчнымъ людямъ онъ уже относится почти съ ненавистью, заранѣе видя въ нихъ враговъ, и угрюмо шествуетъ съ дѣтьми окольными путями и лѣсными дорожками, чтобы видѣть какъ можно меньше людей по дорогѣ. Но однажды, въ сырой, дождливый вечеръ, когда Луарнъ и его старшая дѣвочка Ноэми тщетно пытаются разжечь костеръ на опушкѣ лѣса, чтобы сварить свой скудный ужинъ, къ нимъ подходитъ высокая женщина и съ притворной ласковостью предлагаетъ заняться приготовленіемъ ужина. Луарнъ не отвѣчаетъ ей согласіемъ, но и не отгоняетъ ее. Она присоединяется къ маленькой семьѣ, и Луарнъ уже не можетъ освободиться отъ властной женщины, которая становится суровой мачихой для дѣтей и вноситъ мракъ и раздоръ въ жизнь Луарна. Парижъ сдѣлалъ свое пагубное дѣло, отнявъ у мирной и счастливой семьи жену и мать; онъ сталъ причиной и разоренія семьи, и нравственнаго паденія отца.

Вторая часть романа смягчаетъ пессимизмъ первой: Парижъ губитъ „работниковъ земли“, но притяженіе „земли“ таково, что сбившихся съ пути „дѣтей земли“ тянетъ назадъ, на родину, гдѣ они

воскресаютъ душой,—такова мысль, лежащая въ основѣ романа Базена. Донатьена дѣйствительно увлеклась суетой Парижа; попавъ въ испорченную среду парижской прислуги богатыхъ домовъ, она поддалась соблазнамъ и перестала думать о семьѣ, но не надолго. Письма мужа отъ нея скрывалъ ея возлюбленный; потомъ, узнавъ о разореніи Луарна, о томъ, что онъ ушелъ съ дѣтьми невѣдомо куда, она заболѣваетъ, уходитъ отъ ставшаго ей ненавистнымъ соблазнителя, но многіе годы не можетъ напасть на слѣдъ своей семьи. Въ концѣ концовъ ей это все-таки удается. Она стала содержательницей маленькаго café для рабочихъ, и одинъ изъ ея посѣтителей говоритъ ей о встрѣченной имъ на родинѣ семьѣ, въ которой Донатьена узнаетъ свою. Проходитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, очень тяжелыхъ для бретонки, которую потянуло домой, и она получаетъ письмо отъ своей дочери Ноэми: она узнаетъ, что съ Луарномъ случилось несчастіе на работѣ, что у него повреждены ноги, что его подруга оставила его и дѣтей, когда увидѣла, что онъ уже неспособенъ прокормить семью работой. Донатьена рада и этимъ грустнымъ вѣстямъ. Оставляя тотчасъ же все, что ее связывало съ Парижемъ, она спѣшитъ на родину. По дорогѣ со станціи въ деревню, гдѣ живетъ ея больной мужъ съ дѣтьми, она вынимаетъ изъ узелка свою прежнюю бретонскую „coiffe“ и надѣваетъ ее. Въ этомъ видѣ она возвращается въ семью, погибавшую отъ ея отсутствія, и, послѣ первыхъ словъ привѣта, берется за работу. На этой мирной картинѣ заканчивается романъ Рене Базена, соединяющій романтизмъ характеровъ съ вѣрными наблюденіями дѣйствительности и съ истинно-художественными описаніями Бретани.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 августа 1903.

Обзоръ „Положенія объ общественномъ управленіи города С.-Петербурга“, 8 іюня, въ главныхъ его чертахъ.—Новыя „общія положенія“ въ законѣ 8 іюня: 1) Особое по дѣламъ г. С.-Петербурга присутствіе и 2) Контрольная коммиссія. — Квартиронаниматели и образовательный цензъ для гласныхъ. — Разряды избирателей и различіе въ ихъ правахъ.—Составъ Думы и ея особый предсѣдатель.—Исполнительныя коммиссіи и выборы въ общественныя должности.—Открытіе дополнительныхъ классовъ при начальныхъ училищахъ г. Москвы. — Post-scriptum. По дѣлу о литературной собственности: г. Аскархановъ и „Русская Библіотека“.

Съ 1-го января 1904 г. вводится въ дѣйствіе новое „Положеніе объ общественномъ управленіи города С.-Петербурга“, Высочайше утвержденное 8 іюня текущаго года. Оно идетъ на смѣну городовому Положенію 11 іюня 1892 г., которое продолжаетъ сохранять свою силу во всѣхъ прочихъ городахъ имперіи.

Одновременно съ утвержденіемъ этого исключительно петербургскаго городового Положенія, отмѣнены взимаемые по г. С.-Петербургу сборы—адресный и за прописку паспортовъ—въ 1904 г., взимаемые съ низшаго разряда и со всѣхъ лицъ женскаго пола; въ теченіе же послѣдующихъ девяти лѣтъ, начиная съ 1905 г., эти сборы подлежатъ постепенно полной отмѣнѣ по постановленіямъ самой Думы, всегда начиная съ низшихъ разрядовъ плательщиковъ. Какъ бы въ возмѣщеніе отчасти убытка для городской кассы отъ отмѣны упомянутыхъ сборовъ, постановлено производить ежегодно, начиная съ 1 января 1904 года, въ доходъ города половину окладовъ государственнаго квартирнаго налога по Петербургу, что̀, какъ можно полагать, составитъ около полумилліона рублей ежегодно. Съ другой стороны, государственное казначейство беретъ на себя расходъ по содержанію вновь открываемаго учрежденія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а именно: „Особаго по дѣламъ города С.-Петербурга присутствія“ въ размѣрѣ 10.000 рублей, съ тѣмъ, чтобы прежде отпускаемая городомъ сумма, въ размѣрѣ 1.200 рублей, на канцелярскіе расходы нынѣ отмѣняемаго „С.-Петербургскаго особаго по городскимъ дѣламъ присутствія“, при градоначальствѣ, была обращена въ доходъ казны.

Въ дополненіе одной изъ статей новаго „Положенія“ (п. 3, ст. 54) постановлено, чтобы упоминаемыя въ ней инструкціи о порядкѣ дѣйствій исполнительныхъ о̀рганов общественнаго управленія были изданы спб. городскою Думою въ теченіе одного, т.-е. 1904 года: для

управы—со дня введенія въ дѣйствіе настоящаго „Положенія", т.-е. съ 1 января 1904 г., а для другихъ исполнительныхъ установленій—со дня ихъ учрежденія, кромѣ новой для города контрольной коммиссіи, относительно которой предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ, не ожидая изданія инструкціи для нея, въ теченіе 1904 г., самою Думою, теперь же составить указанія этой коммиссіи относительно порядка ея первыхъ дѣйствій, съ января 1904 года.

Предварительно постановлено также: 1) чтобы выборы гласныхъ новой спб. городской Думы на первое шестилѣтіе, начинающееся съ 1 января 1904 года, были произведены уже въ текущемъ году, а именно въ ноябрѣ (ст. 28: въ первый присутственный день ноября—по первому разряду), съ тѣмъ, чтобы изъ числа избранныхъ на первое шестилѣтіе гласныхъ, а равно членовъ городской управы, половина (81 гл.) выбыла черезъ три года по вынимаемому, вслѣдъ за окончаніемъ выборовъ, жребію; 2) чтобы министру внутреннихъ дѣлъ было предоставлено, также ранѣе введенія въ дѣйствіе настоящаго „Положенія", т.-е. еще въ текущемъ 1903 году, образовать „Особое по дѣламъ города Спб. присутствіе" (ст. 10 Пол.), съ состоящей при немъ канцеляріей, и съ возложеніемъ на это присутствіе, подъ общимъ руководствомъ и наблюденіемъ министра, „всѣхъ необходимыхъ распоряженій по введенію новаго столичнаго „Положенія" въ дѣйствіе".

Мысль о необходимости „преобразованія" столичнаго городского общественнаго управленія явилась еще года два тому назадъ, въ предшествующее министерство внутреннихъ дѣлъ. По этому поводу въ городскомъ обществѣ уже тогда составилось убѣжденіе, которое отчасти, какъ будто, и оправдывалось, а именно, что дѣло идетъ о такомъ преобразованіи, въ результатѣ котораго должно оказаться если не совсѣмъ полное уничтоженіе всякой самостоятельной дѣятельности городского общественнаго управленія, то, во всякомъ случаѣ, тѣсное ея ограниченіе, съ полнымъ подчиненіемъ администраціи. Назначенная правительственная ревизія городского хозяйства и дѣлопроизводства задалась также главнымъ образомъ указаніемъ въ нихъ недостатковъ, даже и въ тѣхъ крайне рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ приходилось ревизіи свидѣтельствовать о нѣкоторыхъ успѣхахъ той или другой отрасли въ городскомъ общественномъ управленіи,—причемъ присовокуплялось, что и эти самые успѣхи вызываютъ не вполнѣ одобрительныя замѣчанія. Такое отношеніе ревизіи къ городскому общественному управленію еще болѣе укрѣпляло городское общество въ его первоначальномъ убѣжденіи объ истинныхъ цѣляхъ „преобразованія". Наконецъ, годъ тому назадъ, проникли уже и въ печать извѣстія

о содержаніи составленнаго проекта новаго „Положенія“ для г. Петербурга, и о тѣхъ совѣщаніяхъ, подъ предсѣдательствомъ самого г. министра внутреннихъ дѣлъ, гдѣ были заслушаны мнѣнія приглашенныхъ въ совѣщаніе бывшихъ городскихъ головъ и нѣсколькихъ гласныхъ относительно основныхъ пунктовъ проекта, а также и ихъ возраженія противъ чрезмѣрнаго ограниченія всякой самостоятельности городского общественнаго управленія и въ защиту выборнаго начала. Пройдя теперь чрезъ соединенные департаменты Государственнаго Совѣта, въ ихъ засѣданіяхъ 22, 27 и 29 марта и 16, 19 и 26 апрѣля, и Общее его Собраніе 24 мая текущаго года, законоположеніе 8 іюня, какъ мы увидимъ ниже, уже не внушаетъ такихъ опасеній, какія годъ тому назадъ внушалъ законопроектъ о преобразованіи спб. городского общественнаго управленія. Однимъ словомъ, если въ настоящемъ дѣлѣ сравнить его конецъ съ началомъ, то уже по одному этому нельзя не сказать вообще, что общественное управленіе города С.-Петербурга можетъ безъ всякаго сожалѣнія разстаться съ городовымъ „Положеніемъ“ 1892 года: оно само было вызвано нѣкогда болѣе или менѣе временными требованіями общей внутренней политики и имѣло въ виду только одно, а именно—ограничить городское самоуправленіе, дѣйствовавшее до того времени на основаніи городового Положенія 1870 года. Въ настоящемъ же „Положеніи обществ. управленія города Спб.“ можно встрѣтить довольно существенныя и даже желательныя измѣненія въ самомъ городовомъ Положеніи 1870 года.

Между такъ-называемыми „общими“ положеніями новаго закона 8 іюня обращаютъ на себя, прежде всего, вниманіе тѣ, которыми значительно измѣняются отношенія городского общественнаго управленія къ высшей администраціи. До настоящаго времени, и по городовому Положенію 1870 г., а также и 1892-го года, надзоръ за правильностью и законностью дѣйствій общественнаго управленія принадлежитъ градоначальнику; представитель городского общественнаго управленія, городской голова сносился съ градоначальникомъ, какъ то выражалось въ законѣ, „представленіями“, а градоначальникъ относился къ городскому головѣ „предложеніями“. По новому закону, не градоначальникъ, а „министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ высшій надзоръ за правильностью и законностью дѣйствій общественнаго управленія и осуществляетъ его при *содѣйствіи* особаго по дѣламъ г. С.-Петербурга присутствія и чрезъ *посредство* с.-петербургскаго градоначальника“ (ст. 8), а потому „съ градоначальникомъ, столичными и губернскими учрежденіями и подчиненными имъ установленіями голова сносится *отношеніями*; къ министру внутреннихъ дѣлъ голова

входитъ съ *представленіями* и получаетъ отъ него *предложенія*" (ст. 95). Такимъ образомъ, столичное общественное управленіе, въ лицѣ городского головы, ставится новымъ закономъ внѣ тѣсной зависимости отъ градоначальника и входитъ въ непосредственныя сношенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, помимо градоначальника, который если, какъ и прежде, въ теченіе двухнедѣльнаго срока, можетъ останавливать исполненіе постановленій Думы (ст. 74), то онъ обязанъ и теперь, въ установленный срокъ, передать дѣло въ особое по дѣламъ города присутствіе, гдѣ, какъ мы увидимъ ниже, онъ уже состоитъ только членомъ наравнѣ съ городскимъ головой, а не предсѣдательствуетъ, что ненормально практиковалось до сихъ поръ, по городовому Положенію какъ 1870 года, такъ и 1892 года. Во всякомъ случаѣ, въ упомянутомъ преобразованіи отношеній городского общественнаго управленія и его представителя, городского головы, къ высшей администраціи нельзя не усматривать нѣкоторыхъ выгодъ, воспользоваться которыми въ интересахъ городского дѣла, въ той или другой степени, зависитъ, конечно, уже отъ личнаго характера и энергіи лица, представляющаго собою городское общество и умѣющаго внушить къ себѣ уваженіе. Замѣтимъ мимоходомъ—будущему городскому головѣ вообще предстоитъ не легкій трудъ возстановить должное почтеніе къ званію городского головы, которое въ послѣднее четырехлѣтіе совершенно пало и въ глазахъ общества, и особенно на столбцахъ столичной печати.

Не менѣе важно и другое „общее" положеніе новаго закона, которымъ учреждается „Особое по дѣламъ города С.-Петербурга присутствіе", при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, сохранившее то же названіе, какимъ пользовалось такое же присутствіе при градоначальникѣ, но весьма отличное отъ него по составу. Оно „состоитъ 1) подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго Высочайшею властью, изъ 2) градоначальника, 3) губернскаго предводителя дворянства, 4) управляющаго казенною палатою, 5) прокурора окружного суда, 6) члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по назначенію министра, 7) предсѣдателя губернской земской управы, 8) городского головы, 9) предсѣдателя Думы и 10) одного изъ гласныхъ Думы, по выбору послѣдней"—и, какъ видно, безъ утвержденія со стороны администраціи, что и понятно, такъ какъ Дума всего чаще будетъ являться въ „Особомъ Присутствіи", какъ обвиняемая, а потому ей нельзя не предоставить полное право на выборъ защитника, кого изъ гласныхъ она сочтетъ болѣе свѣдущимъ и опытнымъ въ городскихъ дѣлахъ. Независимо отъ того, что градоначальникъ, въ новомъ „Особомъ Присутствіи", является, какъ мы уже замѣтили выше, не предсѣдателемъ присутствія, гдѣ онъ былъ прежде въ то же самое время и стороною,

—составъ „Особаго Присутствія" при министерствѣ весьма выгодно для города отличается отъ состава городского присутствія при градоначальствѣ, гдѣ градоначальникъ имѣлъ *одинъ* въ своемъ полномъ распоряженіи *три* голоса: кромѣ собственнаго, голосъ помощника и непремѣннаго члена присутствія отъ правительства; нынѣ же по назначенію или по должности въ „Особомъ Присутствіи" будетъ пять лицъ, и пять лицъ выборныхъ, причемъ собственно отъ городского общественнаго управленія—три лица. На рѣшенія новаго „Особаго Присутствія", какъ и на рѣшенія прежняго, въ случаѣ отмѣны имъ постановленія Думы, по той или другой причинѣ, Дума можетъ точно такъ же, какъ и прежде, приносить жалобу Сенату (ст. 13).

Въ силу „Главныхъ основаній составленія, разсмотрѣнія и исполненія смѣтъ", новое „Особое Присутствіе", если признаетъ необходимымъ измѣнить смѣтныя исчисленія и раскладки, даже и съ увеличеніемъ предположенныхъ Думою, то оно можетъ исправлять смѣту, которая за симъ предлагается Думѣ къ исполненію; но, при несогласіи Думы исполнить такое требованіе, дѣло рѣшается въ порядкѣ, указанномъ статьею 13, т.-е. подается жалоба на „Особое Присутствіе" въ Сенатъ (ст. 17 Главн. Основ.). „Особое Присутствіе" является дѣйствующею инстанціею еще и въ слѣдующемъ случаѣ: „если общественнымъ управленіемъ не будетъ сдѣлано своевременныхъ распоряженій къ исполненію тѣхъ денежныхъ или натуральныхъ повинностей, отправленіе которыхъ законъ признаетъ обязательнымъ для города, то градоначальникъ напоминаетъ о томъ общественному управленію; при безуспѣшности же сей мѣры градоначальникъ приступаетъ, *въ случаѣ неотложной необходимости, признанной „Особымъ по дѣламъ города С.-Петербурга Присутствіемъ" и съ его разрѣшенія*, къ непосредственнымъ исполнительнымъ распоряженіемъ на счетъ города и доводитъ о семъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ" (ст. 21 Главн. Основ.). Хотя это и подлежитъ исполненію, но отъ Управы зависитъ, на основаніи ст. 94, обратиться къ Думѣ, а Дума можетъ также воспользоваться своимъ правомъ обжаловать рѣшеніе Особаго Присутствія въ Сенатъ. Такимъ образомъ, и въ настоящемъ случаѣ, Особое Присутствіе при министерствѣ, стѣсняя собственно городскую Управу, въ случаѣ ея бездѣйствія, съ другой стороны, благодаря своему составу, представляетъ болѣе гарантій справедливаго рѣшенія дѣла, а Думу не лишаетъ права протеста, въ видѣ установленной закономъ жалобы на Особое Присутствіе (ст. 13).

Кромѣ „Особаго Присутствія по дѣламъ города С.-Петербурга", новое „Положеніе" 8 іюня вводитъ учрежденіе, вовсе неизвѣстное предшествующимъ городовымъ Положеніямъ 1870 и 1892 года—„Контрольную коммиссію", независимо отъ городской ревизіонной

коммиссіи, назначавшейся до сихъ поръ исключительно на время разсмотрѣнія отчетовъ Управы и другихъ исполнительныхъ органовъ Думы. Эта новая и уже постоянная коммиссія состоитъ изъ предсѣдателя, назначаемаго, съ Высочайшаго соизволенія, министромъ внутреннихъ дѣлъ, и четырехъ членовъ: только одинъ изъ нихъ назначается министромъ внутреннихъ дѣлъ, а остальные трое избираются городскою Думою изъ числа лицъ, пользующихся правомъ голоса на выборахъ; ни предсѣдатель этой коммиссіи, ни ея члены, не могутъ занимать никакихъ должностей по городскому общественному управленію, и получаютъ отъ города содержаніе: предсѣдатель—5.500 рублей, а членъ отъ министерства—2.800 р.; остальнымъ же тремъ—назначаетъ жалованье сама Дума. Контрольная коммиссія повѣряетъ, въ отношеніи правильности и соотвѣтствія интересамъ города, всѣ обороты денежныхъ и матеріальныхъ городскихъ капиталовъ, а равно производитъ фактическую ревизію строительныхъ и иныхъ работъ и операцій по городскому хозяйству, повѣряетъ инвентарь движимаго имущества, матеріаловъ и припасовъ, а о послѣдствіяхъ ревизіи представляетъ докладъ городской Думѣ въ установленный ею для того срокъ. Отъ городской же Думы Контрольная коммиссія должна будетъ получить инструкцію, утвержденную министромъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ Государственнымъ Контролемъ. Однимъ словомъ, дѣятельность Контрольной коммиссіи такова, что можно только сожалѣть, что сама Дума давно не открыла подобный необходимый въ ея хозяйствѣ органъ. Думскія же ревизіонныя коммиссіи представляли всегда одинъ весьма существенный недостатокъ: онѣ избирались исключительно для разсмотрѣнія отчетовъ Управы, а потому, подобно жандармамъ въ извѣстной опереткѣ, „всегда опаздывали" для фактической провѣрки, такъ какъ какое-нибудь новое зданіе было уже отстроено за годъ передъ тѣмъ. Контрольная коммиссія, по законопроекту, связывала городское общественное управленіе, какъ говорится, по рукамъ и по ногамъ,—теперь же, въ текстѣ закона, она является только возмѣщеніемъ того, что Думѣ слѣдовало уже давно имѣть по собственной инціативѣ. Впрочемъ, фактическая ревизія строительныхъ операцій со стороны Контрольной коммиссіи обязательна только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ производятся на счетъ ссудъ и пособій отъ правительства или на совмѣстныя казенныя и городскія средства; „установленіе же подобной повѣрки для болѣе значительныхъ строительныхъ и иныхъ операцій, производимыхъ на счетъ однѣхъ городскихъ суммъ, зависитъ отъ городской Думы" (ст. 6 „Главн. Основ. повѣрки" и т. д.).

Отъ „общихъ“ положеній, которыми нѣсколько иначе опредѣляется отношеніе городского общественнаго управленія къ правительственной администраціи, — перейдемъ къ тѣмъ существеннымъ чертамъ, которыя отличаютъ новый законъ отъ его предшественниковъ 1870 и 1892 гг. Фундаментомъ, такъ сказать, городского общественнаго управленія служитъ корпусъ избирателей: чѣмъ шире и глубже фундаментъ зданія, тѣмъ оно само прочнѣе и устойчивѣе; новый законъ именно расширяетъ кругъ избирателей и имѣетъ также въ виду и повышеніе ихъ качества. „Пользующіеся правомъ участія въ выборахъ церкви, духовныя установленія, учрежденія, сословные и общественные союзы, общества, товарищества и компаніи участвуютъ въ нихъ чрезъ представителей... Представителями православныхъ церквей состоятъ церковные старосты, а церквей прочихъ христіанскихъ исповѣданій и духовныхъ установленій—лица, на коихъ возложено по закону управленіе хозяйственными дѣлами сихъ церквей и установленій... Означенные представители могутъ и не имѣть установленнаго имущественнаго ценза, но должны удовлетворять всѣмъ прочимъ, требуемымъ для личнаго участія въ выборахъ условіямъ“ (ст. 23). Эта статья не только увеличитъ нѣсколько корпусъ избирателей въ численномъ отношеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, надобно ожидать, она привлечетъ значительное количество развитыхъ и интеллигентныхъ выборщиковъ. Но въ количественномъ отношеніи долженъ особенно увеличить число избирателей тотъ важный пунктъ статьи 17-й, которымъ допущены нынѣ впервые „состоящія въ русскомъ подданствѣ лица, кои не менѣе одного года уплачиваютъ по городу С.-Петербургу государственный квартирный налогъ въ размѣрѣ не ниже тридцати-трехъ рублей ежегодно“ (при цѣнѣ за квартиру 1080 рублей). Можно, и не безъ основанія, утверждать, что этотъ пунктъ, при такомъ высокомъ цензѣ, весьма слабо увеличитъ корпусъ избирателей, что масса интеллигентныхъ лицъ, которыя могли бы оказать полезное вліяніе на выборы, останутся за флагомъ; но пока всего важнѣе то, что вопросъ объ участіи городскихъ квартирантовъ въ городскихъ выборахъ рѣшенъ наконецъ въ принципѣ, и рѣшенъ утвердительно; затѣмъ, уже безъ всякаго полнаго пересмотра „Положенія“, по указанію опыта норма ценза можетъ быть измѣняема въ благопріятномъ для города смыслѣ.

Постановленіе новаго закона о томъ, что изъ числа избирателей „могутъ быть гласными только лица, окончившія курсъ въ учебномъ заведеніи не ниже городского 4-хъ-класснаго училища по Положенію 31 мая 1872 г. или равнаго ему заведенія, или же выдержавшія соотвѣтственно сему курсу испытаніе“,—это постановленіе, надобно думать, сдѣлано въ надеждѣ подобнымъ требованіемъ повысить если

не нравственный, то образовательный цензъ личнаго состава столичной Думы. Но у насъ было уже, по этому поводу, однажды замѣчено, что еще и теперь, въ 1903 г.,—не говоря уже о томъ, что было тридцать лѣтъ тому назадъ,—въ столицѣ „городскихъ училищъ" (4-хъ-классныхъ) было такъ мало (всего 6 на всю столицу), что едва ли тогда не было легче попасть въ университетъ, нежели въ городское 4-хъ-классное училище. Лица, имѣющія теперь 40—50 лѣтъ отъ роду и болѣе, прожили съ той поры, когда имъ слѣдовало поступить въ городское училище, 30, 40 и болѣе лѣтъ: въ такой періодъ времени, да еще въ столицѣ, всякій могъ самообразоваться не менѣе того, сколько онъ образовался бы въ четыре года въ „городскомъ" училищѣ. Вотъ почему можно думать, что такому вполнѣ справедливому и раціональному закону—о необходимости для городского гласнаго имѣть не одно начальное, а полное „городское" образованіе—должно было бы предшествовать обезпеченіе города такимъ числомъ „городскихъ" училищъ, которое соотвѣтствовало бы населенію столицы и при которомъ не было бы никому отказа для поступленія въ нихъ, какъ то мы видимъ, напримѣръ, въ Германіи и въ другихъ высококультурныхъ странахъ. Пока же, быть можетъ, было бы цѣлесообразнѣе требовать образовательный цензъ, и притомъ высшій, отъ гласныхъ, которые пожелали бы вступить въ исполнительную городскую службу.

Самая процедура городскихъ выборовъ построена и нынѣ на тѣхъ же въ принципѣ основаніяхъ, на какихъ производились выборы по Положенію 1870 года, т.-е. на раздѣленіи корпуса избирателей на разряды, а именно, на два, вмѣсто прежнихъ трехъ. Избиратели, уплачивающіе вмѣстѣ одну треть общей суммы сборовъ, составляютъ первый разрядъ; остальные—второй разрядъ, избирающій двѣ трети гласныхъ. Но избиратели перваго разряда и второго пользуются не одинаковыми правами, какъ будто они принадлежатъ не одному и тому же городу. Первый разрядъ, избирая будущихъ представителей *города*, справедливо имѣетъ право избирать гласныхъ изъ всего *города*; второй же разрядъ дѣлится на участки, соотвѣтствующіе дѣленію города на полицейскія части; въ участкахъ „могутъ быть избираемы въ гласные только лица, имѣющія право участія въ выборахъ—въ томъ именно участкѣ, гдѣ выборы производятся" (ст. 41). Трудно сказать, что послужило мотивомъ къ такому постановленію, но оно могло бы имѣть основаніе только въ томъ случаѣ, если бы можно было предположить, что и избиратели кѣмъ-нибудь размѣщены въ городѣ такъ, что живущіе, напримѣръ, въ казанской части имѣютъ

дѣла, связи, знакомства только съ тѣми, которые живутъ въ одной части съ ними, — но чего въ дѣйствительности, конечно, не бываетъ и не можетъ быть. Съ другой стороны, первый разрядъ можетъ выбрать только 54 гласныхъ (одну треть отъ общаго числа 162), но онъ, конечно, далеко еще не исчерпаетъ всѣхъ достойныхъ быть избранными; они легко могли бы попасть при выборахъ второго разряда, но тамъ они могутъ быть избираемы только въ своемъ участкѣ, гдѣ ихъ меньше знаютъ,—а тамъ, гдѣ ихъ больше знаютъ, они не могутъ быть избираемы, какъ непринадлежащіе къ участку. Такого порядка, если намъ не измѣняетъ память, не было по Городовому Положенію 1870 года: онъ былъ установленъ только по Городовому Положенію 1892 года.

Другая особенность новыхъ выборовъ состоитъ въ томъ, что „выборы производятся записками, лично вручаемыми избирателями предсѣдателямъ избирательныхъ коммиссій въ публичномъ засѣданіи; записки составляются избирателями либо въ присутствіи коммиссіи, либо заранѣе, и подаются закрытыми“ (ст. 37). Избирательныя записки или бюллетени необходимы тамъ, гдѣ избиратели являются не сотнями, какъ у насъ, а десятками тысячъ, но и тамъ онѣ практикуются такъ, чтобы воля избирателей была свободна, а потому бюллетени, въ присутствіи предсѣдателя коммиссіи, опускаются въ запечатанную избирательную урну, а не „вручаются предсѣдателю“, что̀ можетъ нарушить тайну и превратить закрытое избраніе въ открытое.

Есть еще одна особенность новыхъ выборовъ, отличающая ихъ существенно отъ предъидущихъ формъ избранія, и, по нашему мнѣнію, едва-ли къ выгодѣ для дѣла избранія; — она состоитъ въ томъ, что „избранными въ гласные считаются лица, получившія наибольшее въ подлежащемъ разрядѣ или участкахъ число голосовъ, *хотя бы оно и не достигло половины участвовавшихъ въ выборѣ*;... при равенствѣ голосовъ избраніе опредѣляется по жребію. Слѣдующія за избранными въ гласные лица зачисляются, по старшинству числа полученныхъ голосовъ, кандидатами въ количествѣ не свыше половины гласныхъ подлежащаго разряда или участка“ (ст. 42). Конечно, если поставить главною цѣлью городскихъ выборовъ—сразу, въ одно собраніе, избрать не только полное число гласныхъ (162), но и полное число кандидатовъ къ нимъ (81), то нельзя принять лучшей мѣры къ тому; но если имѣть въ виду путемъ выборовъ получить болѣе дѣйствительныхъ представителей города, то относительное большинство можетъ оказаться опаснымъ:—могутъ, особенно въ участкахъ, гдѣ обязательно избирать изъ незнакомыхъ и случайныхъ сожителей по участку, явиться гласные, получившіе хотя и „наибольшее“ число голосовъ,

но это наибольшее число можетъ быть какимъ-нибудь десяткомъ и менѣе того голосовъ, а кандидаты къ гласнымъ могутъ, пожалуй, получить всего 3, 4 голоса, и съ такимъ „наибольшимъ“ числомъ будутъ занесены сначала въ списокъ кандидатовъ, а потомъ, при случаѣ, поступятъ и въ гласные. Мы не говоримъ, что это непремѣнно должно случиться, но нельзя никакъ отрицать, чтобы этого не могло случиться, а между тѣмъ, въ подобномъ дѣлѣ, каковы выборы—слѣдовало бы исключить и самую возможность такой случайности. Впрочемъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, примѣненіе новаго выборнаго закона на дѣлѣ укажетъ слабыя его стороны,—если онѣ имѣются въ немъ.

Что касается самой Думы, то и въ отношеніи ея новый законъ дѣлаетъ значительныя отступленія отъ предъидущихъ положеній. Численный составъ Думы,—несмотря на то, что настоящее населеніе города, сравнительно съ его населеніемъ въ 1870 г., когда по Городовому Положенію того года Дума состояла изъ 262 гласныхъ, почти удвоилось,—остался сокращеннымъ, по Городовому Положенію 1892 года,—до 162. Между тѣмъ практика послѣдняго десятилѣтія съ ясностью показала необходимость увеличенія числа гласныхъ, чтобы изъ него могло легче сложиться постоянное большинство для посѣщенія засѣданій Думы и для выбора въ исполнительныя должности: за недостаткомъ гласныхъ, очень часто случается въ послѣднее время, что одно и то же лицо избиралось въ нѣсколько исполнительныхъ коммиссій—конечно, не безъ вреда для дѣла.

Съ настоящаго времени гласные будутъ избираться на шесть лѣтъ, вмѣсто прежнихъ четырехъ—но съ тою особенностью, что каждые три года половина гласныхъ выбываетъ и замѣщается путемъ новыхъ выборовъ. Выгода такого порядка для устойчивости Думы сама собою очевидна; впрочемъ, и прежде фактически происходило то же самое, но не черезъ три, а черезъ четыре года: по крайней мѣрѣ половина гласныхъ, если не болѣе, послѣдняго состава обыкновенно выбиралась вновь, такъ что въ Думѣ можно было встрѣчать не мало гласныхъ, остававшихся въ Думѣ не только по два, но по три, по четыре и даже по пяти четырехлѣтій. Но нельзя считать удобнымъ сокращеніе срока службы гласныхъ, такъ какъ это дѣлаетъ болѣе частыми выборы, а время выборовъ вездѣ и всегда является помѣхою для дѣлъ.

Въ отношеніи предсѣдательства въ Думѣ, новый законъ постановляетъ такое рѣшеніе, которое будетъ имѣть самое благотворное вліяніе на общій ходъ городскихъ дѣлъ, и котораго тщетно добивался

городъ при обсужденіи Городового Положенія 1870 и 1892 года. „Въ Думѣ,—говоритъ новый законъ 8 іюня,—предсѣдательствуетъ *особое* лицо, ежегодно, въ январѣ мѣсяцѣ, избираемое ею изъ среды гласныхъ. Предсѣдатель Думы не можетъ занимать никакихъ должностей по общественному управленію города С.-Петербурга и исполняетъ свои обязанности по Думѣ безвозмездно. Къ предсѣдателю, на случай его отсутствія или болѣзни, избирается тѣмъ же порядкомъ замѣститель“ (ст. 49). До настоящаго времени, какъ извѣстно, и въ Управѣ, и въ Думѣ, предсѣдательствовало одно и то же лицо—городской голова; какъ предсѣдатель Управы, онъ отвѣчаетъ предъ Думою за всѣ дѣйствія исполнительныхъ органовъ, защищаетъ ихъ доклады и въ то же время, какъ предсѣдатель Думы, вліяетъ на ея рѣшенія, даетъ, при обсужденіи дѣлъ, слово гласнымъ и имѣетъ право лишать ихъ голоса и т. п. Такая ненормальность теперь, наконецъ, устранена окончательно. Но законъ не вдается ни въ какія подробности, объясняющія права и обязанности этого новаго дѣйствующаго лица въ городскомъ общественномъ управленіи и, вѣроятно, только потому, что все это должно составить предметъ особой инструкціи со стороны Думы, въ развитіе статьи 66 новаго закона, гдѣ сдѣлана ссылка на ст. ст. 179—20 Общ. учрежд. губ. Впрочемъ, уже и теперь нельзя не обратить вниманія на то, что законъ не связываетъ Думу въ отношеніи выбора своего предсѣдателя ничѣмъ, такъ какъ избранный ею предсѣдатель вступаетъ въ должность безъ утвержденія; короткій годовой срокъ предсѣдательства даетъ Думѣ только возможность, въ случаѣ надобности, исправить свою ошибку, или наоборотъ, Дума, наканунѣ 1-го января, ежегодно можетъ избирать то же самое лицо нѣсколько разъ подъ-рядъ. Въ законѣ есть, однако, и положительныя указанія на важное для Думы значеніе особаго предсѣдателя: 1) „Предсѣдатель Думы *назначаетъ* дѣла, подлежащія въ каждомъ собраніи разсмотрѣнію оной, если не встрѣтитъ законныхъ къ разсмотрѣнію сихъ дѣлъ препятствій, послѣдовательно по мѣрѣ ихъ поступленія къ нему отъ городского головы, въ порядкѣ, опредѣленномъ инструкціею Думы“ (ст. 56). 2) „Гласные и другія, входящія въ составъ Думы лица, желающія сдѣлать Думѣ предложеніе, обращаются съ письменнымъ о томъ заявленіемъ къ головѣ, который, по собраніи надлежащихъ справокъ, передаетъ это предложеніе *предсѣдателю* Думы для направленія его въ порядкѣ, статьей 56-й указанномъ. Предложенія, требованія и заявленія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, сословныхъ или земскихъ учрежденій, а равно просьбы и жалобы частныхъ лицъ, вносятся въ Думу чрезъ городского голову, въ томъ же предусмотрѣнномъ статьею 56-ою порядкѣ“ (ст. 59), т.-е. чрезъ предсѣдателя Думы. 3) Предсѣдатель Думы, по своей должности, состоитъ, какъ мы уже

видѣли, членомъ „Особаго по дѣламъ города С.-Петербурга присутствія“ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; это послѣднее важно потому, что иногда присутствію приходится рѣшать дѣла по несогласію Думы съ Управою, какъ это не разъ случалось и въ „Особомъ Городскомъ Присутствіи“ при градоначальствѣ, и въ такихъ случаяхъ городской голова,—по крайней мѣрѣ, послѣдній изъ нихъ,—всегда помнилъ болѣе, что онъ предсѣдатель Управы, и при рѣшеніи дѣла подавалъ голосъ противъ Думы. Теперь же, въ новомъ „Особомъ Присутствіи“, Дума будетъ имѣть своего надежнаго защитника ея рѣшеній и постановленій.

Съ введеніемъ особаго лица для предсѣдательствованія въ Думѣ, обсужденіе городскихъ дѣлъ можетъ происходить и въ Думѣ столь же правильно, какъ оно происходитъ въ земскихъ собраніяхъ, гдѣ предсѣдатель земской управы и земскаго собранія—не одно и то же лицо. Теперь сдѣлается невозможнымъ, какъ то было до сихъ поръ, помѣщать на повѣсткѣ дѣла, подлежащія разсмотрѣнію въ Думѣ, съ короткимъ примѣчаніемъ отъ городского головы: „Докладъ будетъ разосланъ“; конечно, предсѣдатель Думы не будетъ уже такъ снисходителенъ къ предсѣдателю Управы, какъ онъ былъ до сихъ поръ снисходителенъ къ самому себѣ; невозможны будутъ повѣстки съ 40—50 и болѣе того докладами, или то, что случилось нынѣшнимъ лѣтомъ: важнѣйшія и труднѣйшія дѣла оказались отложенными на лѣтнее время, съ цѣлью, которая не двусмысленно и во всеуслышаніе комментировалась въ печати—и не къ чести тѣхъ, отъ которыхъ зависѣло и поставить дѣло, и снять его съ очереди. Измѣнится въ выгодную сторону и самый характеръ засѣданій Думы, что, впрочемъ, можно было наблюдать и при прежнихъ городовыхъ Положеніяхъ, по которымъ Дума выбирала особое лицо для предсѣдательства въ ея засѣданіяхъ при разсмотрѣніи отчета Управы и другихъ дѣлъ, опредѣленныхъ закономъ. При составленіи инструкціи Дума, безъ сомнѣнія, обратитъ вниманіе и на то, что канцелярія Думы находилась прежде въ распоряженіи городского головы, какъ предсѣдателя Думы, а потому теперь она должна быть отдана въ распоряженіе лица, предсѣдательствующаго въ Думѣ, а не въ Управѣ. Точно также отъ будущей инструкціи слѣдуетъ ожидать болѣе точнаго опредѣленія отношеній городского секретаря къ предсѣдателю Думы, такъ какъ городской секретарь состоитъ при Думѣ, а не при Управѣ. О близкомъ же отношеніи городского секретаря къ предсѣдателю Думы есть, впрочемъ, указаніе и въ новомъ законѣ: „Рѣшенія Думы облекаются въ письменную форму въ самомъ засѣданіи оной и тутъ же подписываются *предсѣдателемъ* и скрѣпляются *городскимъ секретаремъ*; журналы засѣданій составляются городскимъ секретаремъ въ семиднев-

ный срокъ и должны быть подписаны *предсѣдателемъ* за скрѣпою *секретаря*" (ст. 67). Впрочемъ, внѣшнее положеніе и внутреннія отношенія предсѣдателей Думы должны сложиться сами собою въ зависимости не столько отъ законоположеній и инструкцій, сколько отъ ихъ личнаго такта, безпристрастія—но не безразличія—и твердой рѣшимости быть всегда—primus inter pares, т.-е., первымъ, но—между равными.

Если вопросъ о предсѣдателѣ Думы рѣшенъ вполнѣ удовлетворительно и порядокъ засѣданій въ Думѣ отнынѣ можно считать гораздо болѣе обезпеченнымъ, то другой вопросъ—объ исполнительныхъ коммиссіяхъ—мы считаемъ не менѣе важнымъ, такъ какъ онъ является въ тѣсной связи съ успѣхомъ уже самихъ городскихъ дѣлъ. Существованію этихъ коммиссій, при началѣ дѣла преобразованія городского общественнаго управленія, какъ мы тогда слышали, угрожала наибольшая опасность—совершеннаго уничтоженія,—несмотря на то, что даже и ревизія если нашла гдѣ болѣе успѣховъ, то именно въ исполнительныхъ коммиссіяхъ. Но, какъ оказывается, и теперь, точно такъ же, какъ то было прежде: 1) „для ближайшаго завѣдыванія отдѣльными отраслями хозяйства и управленія, могутъ быть назначаемы Думою, по представленію общаго присутствія Управы и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, изъ среды гласныхъ или вообще лицъ, имѣющихъ право голоса на выборахъ, особыя лица, а въ случаѣ необходимости — и особыя исполнительныя коммиссіи. Тѣ и другія, подчиняясь Управѣ, дѣйствуютъ на основаніи инструкцій городской Думы подъ общимъ надзоромъ городского головы"; 2) „исполнительныя коммиссіи состоятъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ Управы, по назначенію общаго присутствія ея; по предложенію головы, Дума можетъ избрать въ предсѣдатели коммиссіи особое лицо" (ст. 84). Итакъ, порядокъ назначенія исполнительныхъ коммиссій и по новому закону 8 іюня остался по существу тотъ же самый, какой существовалъ и прежде, съ тѣмъ выгоднымъ отличіемъ въ пользу новаго закона, что до сихъ поръ разрѣшеніе для открытія исполнительныхъ коммиссій зависѣло отъ градоначальника, а нынѣ будетъ зависѣть отъ министра внутреннихъ дѣлъ, который, надобно думать, предоставитъ разрѣшеніе подобнаго вопроса не градоначальнику, а „Особому Присутствію по дѣламъ г. Петербурга". Можно сожалѣть развѣ объ одномъ, что и по новому закону, какъ то было и прежде, не установлено разъ навсегда, что служба въ исполнительныхъ коммиссіяхъ должна быть даровая, какъ то практикуется въ Пруссіи, гдѣ она, сверхъ того, и обязательная. Если новый законъ

постановилъ, и вполнѣ справедливо, что должность предсѣдателя въ Думѣ—несравненно болѣе тяжелая и требующая отъ него для исправнаго выполненія имъ своихъ обязанностей не мало времени и труда при приготовленіи къ засѣданію, полученіи справокъ и т. п.,—если и такая должность объявлена безвозмездною, то излишне и говорить о какомъ бы то ни было вознагражденіи предсѣдателей и членовъ исполнительныхъ коммиссій. Если въ такихъ коммиссіяхъ будутъ получаться вознагражденія, то онѣ мало чѣмъ будутъ отличаться отъ отдѣленій Управы. Замѣчаютъ, что даровая служба опасна, такъ какъ она мало отвѣтственна, а потому подходитъ подъ извѣстную поговорку о „даровомъ конѣ"; но законъ весьма существенно отличаетъ „дарового коня" отъ даровыхъ коммиссій: „Предсѣдатели и члены избираемыхъ Думою подготовительныхъ, исполнительныхъ и ревизіонныхъ коммиссій... за противозаконныя дѣйствія по исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей подлежатъ отвѣтственности на одинаковыхъ основаніяхъ съ членами Управы" (ст. 132), а потому могутъ подвергаться отвѣтственности и въ порядкѣ дисциплинарнаго производства, и по приговорамъ уголовнаго суда (ст. 127); вопросъ о томъ, получаетъ ли кто вознагражденіе за трудъ, или нѣтъ, не имѣетъ при этомъ никакого значенія. Конечно, отъ Думы и теперь зависитъ объявить службу въ исполнительныхъ и подготовительныхъ коммиссіяхъ безплатною, но едва ли можно ожидать того отъ Думы уже и потому, что она до сихъ поръ не касалась этого вопроса. Думѣ предоставлено—и весьма основательно—еще одно, ничѣмъ не отъемлемое право — избирать подготовительныя коммиссіи, которыя, будучи постоянными, могутъ также имѣть большое и полезное вліяніе на ходъ дѣла, такъ какъ онѣ не подчинены Управѣ и составляютъ часть самой Думы. Учрежденіе такихъ постоянныхъ подготовительныхъ коммиссій мы имѣемъ въ Москвѣ: тамъ училищнымъ дѣломъ, напримѣръ, вѣдаетъ Управа въ лицѣ одного изъ своихъ членовъ, а сверхъ того существуетъ постоянная училищная подготовительная коммиссія, имѣющая существенное и весьма полезное вліяніе на самый ходъ училищнаго дѣла.

Въ заключеніе, остановимся на порядкѣ замѣщенія общественныхъ должностей; выборное начало, въ главныхъ чертахъ, остается и нынѣ, какъ то было и прежде, основаніемъ этого порядка: съ одной стороны, министръ внутреннихъ дѣлъ представляетъ для назначенія Высочайшею властью кандидата въ городскіе головы и въ его товарищи, а съ другой — и петербургской городской Думѣ предоставлено избирать на каждую изъ этихъ должностей по *одному* кандидату изъ числа гласныхъ или лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ гласные. По прежнимъ законамъ, Думѣ предоставлялось представлять

двухъ кандидатовъ, но это не имѣло особаго значенія и только послужило однажды поводомъ къ тому, что въ послѣднее пятилѣтіе попало въ городскіе головы лицо, котораго въ Думѣ никто не имѣлъ въ виду получить въ качествѣ городского головы. Дума до сихъ поръ избирала въ отдѣльныхъ засѣданіяхъ *перваго* и *второго* кандидата: первый былъ именно тотъ, кого желало собраніе имѣть городскимъ головою, а второй избирался во исполненіе требованій закона; насколько были строги и трудны выборы перваго кандидата, настолько снисходительно относились къ избранію второго, который потому всегда и получалъ гораздо бо̀льшее число голосовъ,—но это въ глазахъ самой Думы не имѣло никакого отношенія къ числу голосовъ, полученныхъ первымъ и настоящимъ кандидатомъ; между тѣмъ, въ послѣдній разъ, въ 1898 г., былъ утвержденъ второй кандидатъ, какъ получившій больше шаровъ. Теперь подобное недоразумѣніе болѣе невозможно, такъ какъ Думѣ не предстоитъ надобности выбирать второго кандидата, а будетъ представленъ тотъ, кто изъ всѣхъ предложенныхъ въ кандидаты получитъ наибольшее число голосовъ.

Выборное начало, — замѣтимъ кстати, — принадлежало также къ числу тѣхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ, въ виду нареканій и нападокъ на него, должно было, по мысли иниціаторовъ преобразованія с.-петербургскаго городского общественнаго управленія, заключиться такими ограниченіями, что отъ него осталась бы одна тѣнь. Если же конецъ дѣла, какъ то видно и изъ приведеннаго нами обзора болѣе существенныхъ его сторонъ, вообще далеко не соотвѣтствуетъ его началу, то надобно думать, что главною причиною этого могло послужить какъ то, что, при дальнѣйшемъ обсужденіи дѣла, высшая государственная точка зрѣнія, очевидно, получила перевѣсъ надъ текущею внутреннею политикою, подъ преходящимъ вліяніемъ которой дѣло началось два года тому назадъ, при прежнемъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ,—а также не менѣе и то обстоятельство, что оно заключилось уже не при его иниціаторахъ, которые, безъ сомнѣнія, настойчиво защищали бы свою точку зрѣнія, что̀ не дозволило бы думать и о такомъ рѣшеніи дѣла, какое оно получило въ настоящее время.

Новое „Положеніе объ общественномъ управленіи г. С.-Петербурга“, установивъ образовательный цензъ для гласныхъ въ Петербургѣ, а именно, прохожденіе курса въ „городскихъ“ 4-хъ-классныхъ училищахъ“,—тѣмъ самымъ, быть можетъ, принесетъ большую пользу дѣлу народнаго образованія въ столицѣ: эти училища отнынѣ получаютъ, такъ сказать, особое гражданское значеніе, такъ какъ они

будутъ давать теперь весьма важное право — быть избранными въ „отцы города“, а потому и городская Дума будетъ считать обязанностью для себя—сдѣлать эти училища какъ можно болѣе доступными для населенія. Впрочемъ, Дума уже и теперь успѣла открыть пять городскихъ училищъ, несмотря на то, что министерство народнаго просвѣщенія только въ 1898 г. разрѣшило, наконецъ, Думѣ воспользоваться тѣмъ правомъ, которое ей было давно предоставлено самимъ „Положеніемъ о городскихъ училищахъ 31 мая 1872 г.“ (ст. 6), а именно—открывать такія училища съ подчиненіемъ ихъ узаконеніямъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ наступающемъ учебномъ 1903—4 году Дума постановила открыть еще такихъ два училища имени Петра Великаго, въ память 200-лѣтія Петербурга; но все это, взятое даже вмѣстѣ съ министерскими городскими училищами (этихъ также немного—не болѣе 12-ти на весь городъ) совершенно ничтожно, если подумать о томъ, что въ послѣднемъ учебномъ 1902 — 3 году, изъ 500 начальныхъ училищъ города С.-Петербурга, въ маѣ мѣсяцѣ, выпущено 5.300 дѣтей обоего пола! Нужны огромныя денежныя средства и готовый педагогическій персоналъ, чтобы въ непродолжительномъ времени открыть въ столицѣ требуемое его населеніемъ число „городскихъ“ (4-хъ-классныхъ) училищъ. Въ ожиданіи такого счастливаго времени, когда бы это осуществилось вполнѣ, необходимо было принять мѣры по крайней мѣрѣ къ тому, чтобы выпущенныя дѣти 11 и 12 лѣтъ отъ роду не оставались на улицѣ до 14-лѣтняго возраста; только тогда законъ разрѣшаетъ вполнѣ основательно опредѣлять дѣтей въ мастерство. И вотъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, почти одновременно, пришли къ той мысли, что необходимо поддержать такихъ дѣтей, или даже вѣрнѣе — спасти ихъ, устроивъ для нихъ, по окончаніи ими курса начальныхъ училищъ, дополнительные классы. Въ Петербургѣ такіе классы были введены, въ видѣ опыта, годъ тому назадъ, при Василеостровскомъ 12-ти-классномъ училищѣ, съ разрѣшенія городского училищнаго Совѣта; теперь остается только доложить о томъ Думѣ. Въ Москвѣ же, 10-го іюня текущаго года, городская Дума успѣла разсмотрѣть докладъ своей училищной коммиссіи объ открытіи дополнительныхъ классовъ при двухъ городскихъ начальныхъ училищахъ для окончившихъ курсъ начальнаго народнаго образованія. Вотъ тѣ мотивы, которые приведены въ докладѣ московской училищной коммиссіи въ городскую Думу, на основаніи которыхъ испрашивается ею кредитъ на содержаніе двухъ дополнительныхъ классовъ:

„Завершивъ дѣло устройства начальной школы приговоромъ объ общедоступности начальнаго обученія, московское городское управленіе выполнило лишь первую и наиболѣе насущную задачу въ

дѣлѣ попеченія о народномъ образованіи. Запросъ со стороны населенія на знаніе, выходящее изъ предѣловъ программы начальной школы и служащее ея продолженіемъ (а такимъ продолженіемъ должны служить собственно четырехклассныя городскія училища, по Положенію 1872 г.), предъявлялся уже давно. Общедоступная начальная школа значительно усилитъ этотъ запросъ уже въ ближайшіе годы. Между тѣмъ, наличныя средства (городской Думы) къ удовлетворенію этой потребности московскаго населенія крайне скудны; со стороны же городского управленія сдѣланы въ этомъ направленіи, можно сказать, лишь первые шаги. Въ московскихъ городскихъ начальныхъ школахъ оканчиваетъ ежегодно курсъ около 3.000 дѣтей; такъ, въ 1899—900 г. окончило 2.919 дѣтей: 1.327 дѣвочекъ и 1.592 мальчика. По свѣдѣніямъ объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ извѣстно, что лишь около 1/4 части дѣвочекъ и нѣсколько болѣе 1/3 мальчиковъ продолжаетъ въ той или иной формѣ дальнѣйшее образованіе... Для подавляющаго большинства, такимъ образомъ, создается между окончаніемъ начальной школы и началомъ практической жизни болѣе или менѣе продолжительное время праздности, когда затериваются усвоенныя въ школѣ знанія и навыки, и развиваются дурныя вліянія и привычки. Заполнить это время ученіемъ, дать средства къ продолженію образованія, отвѣтить на ростущую потребность въ болѣе широкомъ знаніи, нежели дается то начальной школой, — является нынѣ серьезной и неотложной задачей, поставленной предъ городскимъ управленіемъ". Для разрѣшенія этой задачи коммиссія и предлагаетъ „открытіе особыхъ дополнительныхъ классовъ въ помѣщеніяхъ начальныхъ училищъ, въ свободное отъ учебныхъ занятій время. Такіе курсы, не требуя со стороны города особенно высокихъ затратъ, могли бы уже въ ближайшее время получить самое широкое развитіе и временно восполнить недостатокъ въ тѣхъ образовательныхъ средствахъ къ продолженію начальной школы, которыми располагаетъ населеніе Москвы"...

Надобно полагать, что и петербургская Дума отнесется такъ же, какъ и московская, къ докладу своей коммиссіи по народному образованію объ открытіи кредита для учрежденія дополнительныхъ классовъ при начальныхъ училищахъ города Петербурга, и также не обратитъ вниманія на тѣ возраженія, какія тщетно дѣлались въ Москвѣ противъ устройства дополнительныхъ классовъ. „Обыкновенно —такъ говорили возражавшіе противъ предложенія московской училищной коммиссіи—приводится (въ пользу открытія дополнительныхъ классовъ) то соображеніе, что *лучше что-нибудь сдѣлать, чѣмъ ничего.* На эту точку зрѣнія"—по ихъ мнѣнію—„становиться нельзя. Есть случаи, когда серьёзные (?) люди должны сказать общественному учрежденію, обладающему милліонными средствами: „лучше не дѣлайте

ничего, но ужъ и знайте, что вы ничего не дѣлаете, и всѣ это будутъ знать, и назрѣвшая, но неудовлетворенная потребность будетъ стоять во всей своей неприглядности предъ общественнымъ сознаніемъ. Неудовлетворенность есть, по крайней мѣрѣ, залогъ стремленія къ исканію истиннаго пути, а такое исканіе несомнѣнно лучше, чѣмъ побѣдоносное шествіе по ложной дорогѣ". Другими словами,—если у васъ, молъ, нѣтъ средствъ открыть достаточное число 4-хъ-классныхъ училищъ, то тогда лучше не дѣлайте ничего;—но вѣдь такое, болѣе чѣмъ наивное разсужденіе походитъ на то, какъ еслибы въ благотворительной коммиссіи пришли къ подобному же убѣжденію, а именно: ужъ если нельзя вполнѣ облагодѣтельствовать кого-нибудь, то лучше оставить его безъ всякой помощи; лучше не давать и куска чернаго хлѣба съ солью, пока нѣтъ возможности предложить полнаго обѣда. Такъ, конечно, могутъ философствовать сытые люди, но едва ли съ ними согласятся голодные!

Впрочемъ, такихъ оригинальныхъ, но не совсѣмъ зачерствѣлыхъ философовъ, можетъ быть, успокоитъ нѣсколько результатъ того перваго опыта съ дополнительными классами, который былъ уже произведенъ въ Петербургѣ, въ истекшемъ 1902 — 3 году. Вотъ что по этому поводу мы читаемъ въ „Отчетѣ исполнительной коммиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ за учебный 1902—1903 годъ" (стр. 6—8):

„Въ видахъ предоставленія оканчивающимъ курсъ ученія въ начальной школѣ больше способовъ къ полученію дальнѣйшаго образованія, въ минувшемъ (1902—1903 г.) учебномъ году былъ сдѣланъ опытъ учрежденія, при Василеостровскомъ съ 12-ью соединенными классами (на 600 дѣтей) училищѣ, дополнительныхъ классовъ.... Въ концѣ сентября прошедшаго 1902 года было подано въ С.-Петербургскій Городской Училищный Совѣтъ заявленіе о томъ, что Городское Общественное Управленіе имѣетъ право, на основаніи пункта 2-го „Примѣрныхъ программъ предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ", утвержденныхъ министромъ народнаго просвѣщенія въ 1897 году, *дополнять свѣдѣнія учащихся, послѣ трехлѣтняго ихъ обученія,* а также и о томъ, что городу необходимо позаботиться о тѣхъ учившихся въ начальныхъ училищахъ, которые, будучи въ весьма раннемъ возрастѣ (11—12 лѣтъ), не нашли возможности, за крайнею ограниченностью числа высшихъ народныхъ школъ, пристроиться въ одной изъ нихъ, или въ какомъ-нибудь однородномъ учебномъ заведеніи, для продолженія ученія. Городской Училищный Совѣтъ, въ засѣданіи 5 октября 1902 г., согласно изложенному заявленію, постановилъ: просить, установленнымъ порядкомъ, о разрѣшеніи расширить курсъ преподаванія въ Василеостровскомъ училищѣ.

„Въ ноябрѣ 1902 г., было получено отъ Дирекціи народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи „разрѣшеніе расширить курсъ ученія въ Василеостровскомъ съ 12-ю классами училищѣ, согласно указаннымъ въ примѣрныхъ программахъ основаніямъ и во вниманіе къ тому, чтобы предоставить учащимся, которые оканчиваютъ курсъ сего училища и желаютъ продолжать ученіе, осуществить свое желаніе въ самомъ заведеніи, такъ какъ можетъ не случиться свободныхъ вакансій въ высшихъ элементарныхъ училищахъ.... По полученіи этого разрѣшенія, немедленно былъ открытъ опытный годъ преподаванія въ „дополнительномъ классѣ" при 3 урокахъ ежедневно, кромѣ субботы, отъ 4 часовъ до 7 часовъ вечера, а всего при 15 урокахъ въ недѣлю. Въ виду поздняго времени открытія преподаванія, явилось желающихъ всего 12 учениковъ и 15 учениць — всѣ въ возрастѣ отъ 11 до 12 лѣтъ. Обучаясь въ классѣ вмѣстѣ, ученики и ученицы, во время перемѣны, прогуливались въ отдѣльныхъ корридорахъ. Платы за обученіе въ „дополнительномъ классѣ" никакой не взималось.

„Самое обученіе состояло въ чтеніи, объясненіяхъ и упражненіяхъ; въ отличіе отъ начальной школы, весь урокъ посвящался свѣдѣніямъ, относящимся къ одной и той же области знанія...

„Вмѣстѣ съ окончаніемъ ученія въ начальныхъ училищахъ, былъ закрытъ и дополнительный классъ въ первыхъ числахъ сего мая мѣсяца; съ 5 по 10 мая были произведены испытанія въ дополнительномъ классѣ по всѣмъ преподававшимся въ немъ предметамъ. Изъ 27 дѣтей, записавшихся въ половинѣ ноября 1902 года на курсъ, трое выбыли въ теченіе года, четверо не явились на испытаніе, одинъ выразилъ желаніе остаться еще на одинъ годъ, а остальные 19 подверглись испытанію, и 14 изъ нихъ были признаны на совѣщаніи учащихъ окончившими успѣшно свои занятія перваго года.

„Учащіеся, въ теченіе года, *укрѣпивъ пріобрѣтенныя ими свѣдѣнія въ начальныхъ училищахъ, и расширивъ ихъ по программѣ ближайшаго къ начальному курсу третьяго (младшаго) класса городского училища, могутъ держать экзаменъ прямо въ четвертый классъ. Такимъ образомъ, они не только спаслись отъ цѣлаго года праздности, но и не потеряли его для дальнѣйшаго обученія, такъ какъ могутъ поступить уже въ слѣдующій, четвертый классъ.*

„Коммиссія по народному образованію весьма сочувственно отнеслась къ опыту устройства „дополнительнаго класса" при Василеостровскомъ съ 12-ю классами училищѣ, и желая поставить какъ этотъ, такъ и еще проектируемые къ открытію четыре класса, два мужскихъ и два женскихъ, на болѣе прочныхъ основаніяхъ (а не на даровомъ трудѣ обучавшихъ въ опытномъ году), постановила исходатайствовать у Думы на содержаніе въ 1904 г. этихъ классовъ особый

кредитъ по 787 рублей въ годъ на каждый мужской классъ и по 877 рублей на женскій" (содержаніе 4-хъ-класснаго училища стоитъ свыше 8.200 рублей).

Итакъ, уже изъ этого перваго опыта, несмотря на позднее его начало, оказалось, что „дополнительные классы"—это вовсе не „что-нибудь", какъ полагаютъ возражавшіе противъ нихъ, а нѣчто весьма существенное и практическое: помимо высокой нравственной и общеобразовательной услуги, какую они оказали учащимся, дополнительные классы являются до нѣкоторой степени приготовительными учрежденіями, благодаря которымъ учащіеся не только были спасены отъ праздности, всѣми почитаемой „матерью всѣхъ пороковъ", но и получили возможность держать экзаменъ въ слѣдующій классъ „городского" по Положенію о городскихъ училищахъ 1872 года, гдѣ конкурренція уже естественно гораздо слабѣе, чѣмъ въ первомъ (третьемъ) классѣ, да и дѣти, будучи хорошо подготовлены, могутъ и не бояться конкурренціи. Вотъ и практическій результатъ дополнительныхъ классовъ, если кто-нибудь не считаетъ еще достаточнымъ для себя несомнѣнныхъ и очевидныхъ нравственныхъ и общеобразовательныхъ результатовъ учрежденія при начальныхъ училищахъ — дополнительныхъ классовъ.

Post-scriptum. — Въ іюнѣ мѣсяцѣ П. И. Вейнбергъ по должности предсѣдателя „Литературнаго фонда" въ Петербургѣ, обратился въ редакцію „Новаго Времени" съ нижеслѣдующимъ письмомъ, въ защиту матеріальныхъ интересовъ фонда, имѣющаго назначеніемъ помощь нуждающимся литераторамъ и ученымъ (№ 9794):

„Между расплодившимися въ послѣднее время издателями всякаго рода книгъ, обладающими сверхъ другихъ своихъ качествъ весьма безцеремоннымъ воззрѣніемъ на чужую собственность, одно изъ выдающихся мѣстъ занимаетъ г. Аскархановъ, котораго еще на дняхъ петербургскій окружный судъ очень огорчилъ по поводу перепечатки чужого перевода сочиненія Маркса „Капиталъ". Но г. Аскархановъ удостоиваетъ своего просвѣщеннаго вниманія не только частныхъ лицъ, но и такія учрежденія, какъ „Литературный фондъ". Въ одномъ изъ своихъ изданій, озаглавленномъ „Разсказы для дѣтей и народа русскихъ писателей", г. Аскархановъ перепечаталъ цѣликомъ разсказъ Гаршина „Сигналъ". Сочиненія Гаршина составляютъ собственность „Литературнаго фонда", который, какъ извѣстно, есть общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ; слѣдовательно, въ этомъ поступкѣ г. Аскарханова, кромѣ нравственной, или вѣрнѣе безнравственной стороны, есть и матеріальное посягательство на тотъ капиталъ, изъ котораго получаютъ пособія нуждающіеся писатели. Комитетъ Литературнаго фонда дастъ случай г. Аскарханову еще

разъ профигурировать предъ окружнымъ судомъ; правда, этотъ „почтенный" издатель остроумно назвалъ свою книжку „Илюстрированная Хрестоматія", имѣя конечно въ виду законъ о перепечаткахъ въ хрестоматіяхъ; но врядъ ли его остроуміе одержитъ побѣду надъ болѣе чѣмъ яснымъ доказательствомъ полной непригодности въ настоящемъ случаѣ „хрестоматійныхъ" соображеній; для оцѣнки же этой новой операціи г. Аскарханова съ ея нравственной стороны не нужны никакія судебныя разбирательства. Замѣчу кстати, что въ той же книжкѣ перепечатаны три разсказа Д. Н. Мамина-Сибиряка, и тоже безъ всякаго соглашенія съ авторомъ".

Вскорѣ за помѣщеніемъ этого письма въ „Новомъ Времени", явился и отвѣтъ на него со стороны г-на Аскарханова (въ № 9796) слѣдующаго содержанія:

„Въ отвѣтъ на помѣщенное въ вашей уважаемой газетѣ письмо г. Вейнберга, считаю долгомъ обратить его вниманіе, что перепечаткой разсказа Гаршина „Сигналъ", также какъ и перепечаткой разсказовъ г. Мамина-Сибиряка, мною не нарушены ни юридическіе, ни этическіе законы.

„Подобно изданной мною хрестоматіи Д. Истомина существуетъ безчисленное множество совершенно такихъ же изданій, такъ напримѣръ: „Образцовыя сказки, В. Авенаріуса". Тургеневъ и гр. Л. Н. Толстой. Разсказы для дѣтей. Изданіе кн. Оболенскаго, „Хрестоматіи по исторіи" Гуревича и т. д.

„Ст. 14-я дозволяетъ перепечатывать въ хрестоматіяхъ статьи и отрывки размѣрами болѣе одного печатнаго листа. Разсказъ Гаршина „Сигналъ"—одинъ изъ 22-хъ разсказовъ хрестоматіи Д. Истомина—занимаетъ всего 13 страницъ, а потому онъ можетъ быть перепечатанъ и согласно п. 4 ст. 13. Подобно издаваемой мною маленькой хрестоматіи подъ названіемъ „Русскіе писатели" нѣсколько лѣтъ назадъ, подъ тѣмъ же названіемъ, издавались г. Стасюлевичемъ сборники изъ отрывковъ произведеній русскихъ писателей. Ничего незаконнаго тутъ нѣтъ, и г. Вейнбергъ только напрасно льститъ себя надеждой, что ему удастся притянуть меня къ суду.

„Г. Вейнбергу должно быть извѣстно, что кромѣ окружнаго суда существуетъ еще судебная палата и Сенатъ, которые очень возможно будутъ совершенно другого мнѣнія насчетъ моего изданія „Капиталъ. К. Маркса" и не найдутъ въ немъ контрафакціи, а потому не мѣшало бы не спѣшить бросать грязью до окончанія дѣла.

„Наконецъ, почему то, что возможно и не предосудительно дѣлать гг. Авенаріусу, Стасюлевичу, кн. Оболенскому и многимъ другимъ издателямъ подобныхъ сборниковъ и хрестоматій, мнѣ нельзя? На изданіи „Капиталъ" я понесъ убытокъ. Всѣ эти хрестоматіи, цѣною въ 10 к. или 40 к., тоже не обогащаютъ меня".

Такъ какъ комитетъ „Литературнаго фонда", по словамъ его почтеннаго предсѣдателя П. И. Вейнберга, привлечетъ г-на Аскарханова къ

суду за самовольную перепечатку чужихъ произведеній, то г. Аскархановъ уже теперь, какъ бы въ свое оправданіе, ссылается, между прочимъ, на то, что будто бы и г. Стасюлевичъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, издалъ какую-то хрестоматію, подобную его „маленькой хрестоматіи“ подъ названіемъ „Русскіе писатели“, и притомъ подъ тѣмъ же названіемъ, и слѣдовательно совершилъ такой же поступокъ, т.-е. позволилъ себѣ самовольную перепечатку чужой собственности, въ чемъ теперь обвиняется г. Аскархановъ. Но все это требуетъ весьма сильной фактической поправки, которая можетъ быть необходима впослѣдствіи и при судебномъ разбирательствѣ самого дѣла г-на Аскарханова. Начать съ того, что г. Стасюлевичъ никогда не издавалъ никакой хрестоматіи, да еще подъ тѣмъ же названіемъ, подъ какимъ издалъ свою г. Аскархановъ. А было нѣчто совершенно иное, что можетъ послужить скорѣе къ обвиненію, чѣмъ къ оправданію издателя этой маленькой хрестоматіи. До г-на Аскарханова дошли, вѣроятно, одни слухи о томъ, что произошло не нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а ровно тридцать лѣтъ, и притомъ въ средѣ членовъ „Литературнаго фонда“, задумавшихъ совершенно новое предпріятіе, не имѣвшее ничего общаго съ такъ-называемыми хрестоматіями. Но вотъ самое предисловіе къ первому тому этого изданія, явившагося въ началѣ 1874 года, подъ заглавіемъ „Русская Библіотека“:

„Въ началѣ нынѣшняго (1874) года, нѣсколько литераторовъ (это были бо̀льшей частью члены Комитета „Литературнаго фонда“) собрались для обсужденія мысли о такомъ изданіи русскихъ писателей новѣйшаго періода, которое по цѣнѣ (томъ—75 коп.) и содержанію было бы доступно наибольшему кругу читателей. Полныя изданія сочиненій могутъ быть пріобрѣтаемы весьма немногими; затѣмъ отъ полныхъ изданій приходится сдѣлать *рѣзкій переходъ* прямо къ христоматіямъ, болѣе или менѣе удовлетворительнымъ для однѣхъ учебныхъ цѣлей. Посредствующимъ звеномъ между полными изданіями и чисто учебными христоматіями могли бы служить общедоступныя изданія, которыя ограничивались бы *выборомъ* (курсивъ подлинн.) лучшихъ произведеній каждаго писателя изъ полныхъ собраній. При такомъ только условіи, именно, при условіи выбора, является возможность дешевизны, а слѣдовательно и общедоступности... „Русская Библіотека“ издается именно для той значительной части нашего общества, которая, за отсутствіемъ у насъ подобныхъ общедоступныхъ изданій, осуждена довольствоваться одною текущею литературою и потому прерываетъ, сойдя со школьной скамьи, всякую связь съ образцами отечественной литературы... Безъ сомнѣнія, всѣ согласно признаютъ, что во главѣ такого изданія слѣдовало поставить Пушкина. За нимъ послѣдуютъ: Лермонтовъ, Гоголь и т. д.“

Въ дѣйствительности, между 1874 и 1879 г.г., вышло всего девять томовъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: I. Пушкинъ; II. Лермонтовъ; III. Гоголь; IV. Жуковскій; V. Грибоѣдовъ; VI. Тургеневъ; VII. Некрасовъ; VIII. Салтыковъ; IX. Левъ Толстой; каждый изъ нихъ имѣлъ для себя особый томъ, съ портретомъ автора и съ біографическимъ очеркомъ.

Какъ же дѣйствовала эта группа литераторовъ, составившая планъ изданія, въ отношеніи къ литературнымъ собственникамъ? Все это объяснено въ томъ же предисловіи.

„Первый,—говоритъ предисловіе,—вышедшій нынѣ томъ (Пушкинъ) послужитъ нормою для всего изданія, какъ во внѣшнемъ отношеніи, такъ и по методу его составленія. „Русская Библіотека“ должна была прежде всего руководиться при выборѣ произведеній Пушкина тѣмъ количествомъ матеріала, который *былъ весьма обязательно уступленъ ей Я. А. Исаковымъ изъ его права литературной собственности*. Въ виду благотворительнаго назначенія (чистая выручка отъ продажи перваго тома „Р. Б.“ предназначалась въ помощь сельскому населенію самарской губерніи, пострадавшему тогда отъ голода) [1]), какое придано первому тому, „Русская Библіотека“ получила безденежно отъ Я. А. Исакова въ свое распоряженіе, сверхъ прозы, десять листовъ стихотвореній изъ его же 2-го изданія „Полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина“, гдѣ стихи занимаютъ въ цѣломъ 85 листовъ... Корректура этого тома была выполнена (изъ уваженія къ памяти А. С. Пушкина) совмѣстно нѣсколькими лицами: этотъ трудъ приняли на себя Н. А. Некрасовъ, П. А. Ефремовъ, В. П. Гаевскій и М. М. Стасюлевичъ; сверхъ того, по отпечатаніи, чистый экземпляръ былъ вновь просмотрѣнъ А. Н. Пыпинымъ; найденныя имъ погрѣшности указаны въ концѣ книги“...

Въ VIII-мъ томѣ „Русск. Библіот.“, посвященномъ М. Е. Салтыкову, въ концѣ біографическаго очерка (стр. VIII) сказано: „Для „Русской Библіотеки“, *по принятой ею системѣ въ прежнихъ* (семи) *томахъ*, сдѣланъ выборъ изъ вышеупомянутыхъ изданій *подъ руководствомъ* самого автора, который вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ и точныя свѣдѣнія о фактахъ и хронологическихъ данныхъ, вошедшихъ въ текстъ этого біографическаго очерка, съ краткимъ разсказомъ нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ самой жизни автора, преимущественно школьной эпохи“. Итакъ, если самый выборъ матеріала былъ сдѣланъ въ „Русской Би-

---

[1]) Благодаря тому обстоятельству, что въ изданіи перваго тома расходы были ничтожны: типографія М. Стасюлевича отпечатала его безплатно; бумажная фабрика А. И. Варгунина уступила 5% съ бумаги, многіе газеты и журналы дѣлали даровыя объявленія,—въ день выхода книги было отправлено въ Самару 4.800 руб. впередъ, какъ чистая прибыль отъ ожидаемой отдѣльной продажи.

бліотекѣ“ *подъ руководствомъ авторовъ*, здравствовавшихъ, или литературныхъ собственниковъ, то, конечно, „Русская Библіотека“ издавалась не иначе, какъ съ полнаго ихъ согласія...

Но не довольно ли для того, чтобы и самъ г. Аскархановъ, можетъ быть, призналъ, что имя г. Стасюлевича было упомянуто имъ совершенно напрасно; все вышесказанное служитъ только доказательствомъ того, что при изданіи „Русской Библіотеки“ литературная собственность пользовалась безусловнымъ уваженіемъ какимъ она должна пользоваться и понынѣ, хотя и прошло съ того времени—magnum aevi spatium.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Совѣта Имп. Женскаго Патріотическаго Общества.

Съ соизволенія Августѣйшей Предсѣдательницы Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества предпринято изданіе открытыхъ писемъ съ художественнымъ воспроизведеніемъ:

1) *въ геліогравюрахъ (на мѣди)*: картинъ изъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа и Русскаго Музея Императора Александра III, по цѣнѣ 2 рубля за каждую серію въ 20 разныхъ открытыхъ писемъ. 1-я, 2-я, 3-я и 4-я серія по 20 писемъ вышли;

2) *въ двойной фототипіи*: съ художеств. воспр. картинъ: Московской Городской Третьяковской Галлереи, по цѣнѣ 1 рубль за каждую серію въ 20 разныхъ открытыхъ писемъ. 1-я, 2-я и 3-я серія по 20 писемъ вышли.

Адресная сторона всѣхъ открытыхъ писемъ снабжена штемпелемъ: „Въ пользу школъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества“.

Означенное изданіе, кромѣ цѣлей благотворительныхъ, стремится возможно широко распространить среди публики знакомство съ хранящимися въ вышеуказанныхъ хранилищахъ произведеніями искусства, недоступныхъ для большинства. Это изданіе, будучи предназначено для открытыхъ писемъ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду его особенно художественнаго исполненія, большой интересъ для знатоковъ художественныхъ воспроизведеній и для любителей искусства. Подъ каждою геліогравюрою и двойной фототипіею помѣщено имя художника, названіе картины и наименованіе галлереи, а подъ воспроизведеніями картинъ Императорскаго Эрмитажа сверхъ сего—школа, къ которой принадлежалъ художникъ.

Открытыя письма продаются въ наиболѣе извѣстныхъ магазинахъ, или можно подписываться у Почетнаго Старшины Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества, Фридриха Борисовича Бернштейна, С.-Петербургъ, Фонтанка 134; за пересылку взимается по 15 к. за 1 серію, а за 2 серіи 20 коп. и т. д.

Каталоги высылаются безплатно.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Іюль. — Августъ. 1903.

Книга седьмая. — Іюль.

Книга восьмая. — Августъ.

